

**МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Кафедра уголовного процесса и криминалистики

СУМСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ (УКРАІНА)

**ГРОДЗЕНСКИ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСИТЭТ ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ
(БЕЛАРУСЬ)**

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ

в рамках молодежного проекта студенческих объединений ЮЗГУ «ИНДИГО»

при информационной поддержке

ИНФО-КОМПЛЕКС КОНСУЛЬТАНТПЛЮС

**ПРОБЛЕМЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ПО
УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Материалы V-ой Международной научно-практической конференции

11 – 13 апреля 2013 года

Курск 2013

УДК 343.1
ББК Х629.3
П781

Рецензент

Председатель Курского областного суда, Заслуженный юрист
Российской Федерации *В.Г. Золоторев*

Редакционная коллегия:

Т.К. Рябинина, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (отв. редактор);

А.А. Козявин, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ, кандидат юридических наук, доцент;

И.В. Ревина, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ, кандидат юридических наук, доцент;

И.Н. Чеботарева, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ, кандидат юридических наук, доцент;

Д.В. Алымов, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ;

Е.А. Грохотова, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮЗГУ

П781 Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: матер. V-ой Междунар. науч.-практ. конф. 11-13 апреля 2013 г. / редкол.: Т.К. Рябинина (отв. ред.), [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. 504 с.

ISBN 978-5-6810870-0

В сборнике материалов V-ой Международной научно-практической конференции «Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика», организованной кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, (Курск), совместно с Сумским государственным университетом (Украина) и Гродненским государственным университетом (Республика Беларусь) под эгидой Международной ассоциации содействия правосудию и Курского регионального отделения Ассоциации юристов России при информационной поддержке Инфо-Комплекс КонсультантПлюс, а также в рамках молодежного проекта студенческих объединений ЮЗГУ «ИНДИГО», нашли отражение ключевые проблемы реформы уголовного судопроизводства России, Украины и Республики Беларусь, практики применения уголовно-процессуального законодательства, направления его оптимизации и повышения эффективности уголовно-процессуальной системы упомянутых стран, а также актуальные вопросы современной криминалистики, судебной экспертизы и оперативно-розыскной деятельности.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов, студентов юридических факультетов, правоприменителей, а также всем тем, для кого система уголовной юстиции представляет интерес. Текст печатается в авторской редакции.

**УДК 343.1
ББК Х629.3**

ISBN 978-5-6810870-0

П781

© Юго-Западный государственный
университет, 2013

Содержание

Предисловие.....	10
Раздел I. Уголовное судопроизводство современной России как социальная система, оценка ее эффективности и пути модернизации	13
Антюфеева О.С. Ювенальная юстиция в России – перспективы развития.	13
Астафьев А.Ю. Проблемы оценки эффективности уголовного судопроизводства.....	19
Баландюк О.В. О предмете уголовно-процессуального залога.....	24
Бозров В.М. Судебная деятельность как форма реализации судебной власти.....	30
Босяков А.В., Босякова Е.С. Проблемные вопросы использования видеоконференцсвязи на стадии судебного следствия.....	33
Бравилова Е.А. Значение решений Европейского Суда по правам человека в совершенствовании российского уголовного судопроизводства.....	37
Вершинина С.И. Обязательность уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия по уголовным делам.....	42
Воробьев В.А. Преюдиция в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь: сравнительный правовой анализ.....	49
Гришина Е.П. Применение профессиональных компетенций переводчика в российском уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики.....	52
Грохотова Е.А. Допустимые пределы действия принципа публичности при рассмотрении уголовных дел частного обвинения.....	59
Гудовских Т.С. Следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан: проблемы и пути их решения.....	62
Загурский А.Б. Институт подсудности в уголовном судопроизводстве современной Украины и Российской Федерации (сравнительный анализ).	67
Зайцева Е.А. Арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ.....	73

Заровнева Г.С. Гарантии принципа независимости судей.....	79
Иванова Т.В. Взгляд на объективную истину через призму исторических типов уголовного процесса.....	84
Исакова Т.В. О некоторых аспектах восстановительного правосудия и практике его применения.....	90
Калужная О.М. Новации правового регулирования предъявления для опознания за новым УПК Украины: достижения, просчеты, сравнение с УПК России.....	94
Кирсанов О.Н. Проблемы совершенствования дознания в российском уголовном процессе.....	101
Козявин А.А. Правовые позиции Конституционного суда России и их влияния на развитие науки уголовно-процессуального права.....	103
Комаров И.М. О системе процесса доказывания в уголовном судопроизводстве.....	112
Коцюмбас С.М. К вопросу о начальной стадии возбуждения уголовных дел.....	119
Логвиненко Н.И. Различия в инстанционном рассмотрении уголовных дел в Украине и Российской Федерации (сравнительный аспект)...	123
Луцик В.В. Негласные следственные действия по УПК Украины: теоретические и прикладные проблемы.....	127
Лясковец А.В. Проблемы оценки доказательств, полученных в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства....	133
Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как элемент уголовно-процессуальной форм.....	136
Марковичева Е.В. Принцип разумности сроков в Российском уголовном судопроизводстве.....	142
Мартышкин В.Н. Актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства.....	146
Мартышкин В.Н. Реабилитирован посмертно... (к 116-летию Васильева Тимофея Васильевича-правоведа, патриота, просветителя).....	153
Митькова Ю.С. Процессуальное руководство дознанием как функция прокурора в уголовном судопроизводстве России и Украины.....	167
Мусяенко Т.В. Отвод судьи как процессуальная гарантия обеспечения беспристрастного суда при производстве по уголовному делу.....	172
Насонова И.А. Некоторые проблемы, возникающие в связи с применением уголовно-процессуального принуждения к несовершеннолет-	

ним подозреваемым и обвиняемым.....	177
Ревина И.В. Пути преодоления профессиональных нравственной деформации личности адвоката при оказании юридической помощи по уголовным делам.....	183
Реховский А.Ф. О доктрине компромисса в уголовном процессе.....	186
Решняк М.Г. О некоторых проблемных аспектах действия уголовного закона в пространстве.....	191
Рябинина Т.К. Влияние нравственных ценностей на укрепление правового положения личности в уголовном судопроизводстве.....	195
Сизов А.А. Уголовно-процессуальное законодательство Сербии.....	201
Синица И.М. Уголовно-процессуальные аспекты осуждения без назначения наказания.....	205
Струкова В.В., Масликова Н.В. Особенности взаимодействия субъектов уголовного процесса со стороны обвинения, наделенных властными полномочиями.....	209
Фадеев П.В. Проблемы соотношения основных видов международной правовой помощи и международного сотрудничества по уголовным делам.....	215
Цыкунова И.Н. Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела при осуществлении правосудия по уголовным делам.....	220
Чеботарева И.Н. Спорные вопросы допустимости доказательств.....	226
Ширяева Т.И. Определение уголовно-процессуального статуса потерпевшего в свете принятия Федерального закона от 04.03.2013 г. N 23-ФЗ.....	231
Шлипкина А.Б. Институт законного представительства в уголовном судопроизводстве РФ.....	236
Эсмантович И.И. Суд присяжных как гарантия реализации принципа участия граждан в осуществлении правосудия.....	240
 Раздел II. Криминалистика, судебная экспертиза и оперативно-розыскная деятельность на современном этапе развития науки и практики.....	246
Александренко Е.В. Основные направления использования современных возможностей криминалистики и судебной экспертизы	

при расследовании серийных сексуальных убийств.....	246
Алымов Д.В. О некоторых научных подходах к исследованию криминалистической характеристики личности террористов-смертников.....	250
Алымов Д.В., Максимова А.М. Анализ научных подходов к определению понятия «место происхождения».....	255
Антимонов А.С. Особенности тактики допроса несовершеннолетних женского пола на предварительном следствии.....	259
Бабенко О.А. Проведение экспертиз при работе временных следственных комиссий Верховного Совета Украины на этапе парламентского расследования.....	265
Баранова А.В., Таратун А.И. Особенности назначения баллистической экспертизы в Украине.....	269
Бордюгов Л.Г. Проблемы использования специальных знаний в уголовном процессе Украины.....	273
Бурбыка М.М., Копаница Е.Н. Особенности расследования коррупционных преступлений в РФ и Украине.....	277
Васнецова А.С. Оперативно-розыскное обеспечение расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности.....	282
Дергачева Л.В. Особенности экспертизы документов по законодательству Украины.....	288
Зорин Г.А. Совершенствование следственной деятельности в напряженных ситуациях.....	292
Зорин Г.А. Преступная инсценировка – это отражение деятельности исполнителя.....	297
Калуцких А.М. Правовая регламентация специальных знаний в уголовном процессе: российский и зарубежный опыт.....	304
Касьянов А.В. К вопросу о реформировании полиции Российской империи в годы Первой мировой войны.....	308
Клочко А.Н. Некоторые аспекты расследования преступлений против собственности.....	312
Кулиш А.Н., Бойко В.И. Особенности административной и гражданско-правовой ответственности в сфере медицинской деятельности.....	318
Овчухова О.Ю. Перспективы совершенствования криминалистического исследования холодного оружия.....	323
Орлов Ю.К. О правомерности судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа.....	326

Подтуркин И.Ю. Организация расследования злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности.....	330
Рудько А.А. Восстановление нечитаемых записей и поврежденных документов.....	335
Савгурова Б.Б. Реформа полиции: теоретические аспекты.....	338
Сараев П.Н. Сведения о личности преступника, как средство повышения эффективности расследования экономических преступлений в сфере строительства.....	343
Северилов А.В. Тактико-криминалистические рекомендации по предупреждению освобождения виновных лиц от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности уголовного преследования при производстве по уголовным делам о ятрогенных преступлениях.....	348
Седнев В.В. Принципы теории судебной экспертизы.....	351
Сотников Д.А. К вопросу личности потерпевшего от преступлений совершенных на почве расовой и национальной ненависти.....	358
Трушкин М.А. Механизм совершения экономических преступлений в сфере аграрного производства.....	361
Фигурский В.М. Начало досудебного расследования невыплаты заработной платы, стипендии, пенсии или других установленных законом выплат за УПК Украины 1960 и 2012 г.г.....	366
Хазиев Ш.Н. Судебно-трасологические методы установления левшества неизвестного преступника по его следам.....	372
Цуканова О.В. Особенности совершения и расследования преступлений на объектах железнодорожного транспорта.....	377
Шайкова М.В. Судебный эксперт и его компетенция.....	383
Шамонова Т.Н. Возможности биологической экспертизы следов человека в уголовном судопроизводстве.....	386
Шаповалова В.В. Проведение экспертиз при работе временных следственных комиссий Верховного Совета Украины на этапе парламентского расследования.....	394
Шутемова Т.В. О методике поддержания государственного обвинения по уголовным делам о бандитизме.....	399

Раздел III. Защита гражданских прав и свобод личности в уголовном процессе через призму молодежных инициатив: задачи, проекты, акции, движение (в рамках осуществления молодежного проекта студенческих объединений ЮЗГУ «ИНДИГО»)	406
Алымов А.А., Морозова Н.В., Грицинина Т.Г. Может ли адвокат выступать в качестве обвинителя? Этические и практические аспекты обвинительной деятельности адвоката.....	406
Воронковская Е.С. Научно-правовые аспекты криминалистической характеристики мошенничества в сети Интернет.....	410
Залюбовская А.С., Карагодина К.В. Дерматоглифические исследования в криминалистике: теоретические и практические аспекты.....	414
Зеленина М.В., Махова Е.А. Становление и развитие международного уголовного процесса.....	417
Карагодина К.В. Создание единого следственного комитета: решение проблемы процессуальной независимости и самостоятельности следователя.....	421
Киреева А.И., Овчинникова А.П. Профессиональная этика адвокатов в России через призму международного и зарубежного опыта.....	423
Клейменова Н.И. Роль адвоката-защитника в процессе доказывания при производстве по уголовному делу.....	428
Крупенникова К.Ю., Подкопаева Ю.А. Проблема реального обеспечения безопасности свидетелей и иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству.....	433
Маслова И.С., Вялых Ю.Ю. Нравственные и этические проблемы адвокатской деятельности.....	437
Махова Е.А. Организационные и процессуальные вопросы изменения прокурором обвинения и отказа от обвинения в суде 1 инстанции.....	440
Мельничук В.М. Введение ювенального суда в России: теория и практика.....	445
Мерзликин С.В. «Асимметрия» правил оценки допустимости доказательств.....	452
Миленина А.В. К вопросу об ответственности адвоката за нарушение адвокатской тайны.....	457
Непочатых А.А. Некоторые особенности осмотра места происшествия по делам об убийствах, замаскированных инсценировкой само-	

убийства.....	460
Никифорова Д.Е. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства.....	464
Островская А.В. Нравственный аспект уголовно-процессуальной деятельности адвоката-защитника.....	469
Подтуркина Д.Ю. Презумпция невиновности: законодательные и правоприменительные вариации.....	471
Самсонов В.А. Гражданский ответчик как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты.....	474
Секарева Л.А., Клецова Н.А. Меры безопасности в отношении свидетелей и потерпевших.....	478
Струкова Е.А. Официальное предупреждение – как альтернативный способ разрешения уголовных дел в зарубежных странах.....	482
Тарасюк Я.Ю. Правовая регламентация профессиональной деятельности адвоката по назначению судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве.....	485
Толмачева С.М. Актуальные проблемы технико-криминалистического исследования микрообъектов.....	491
Труфанова А.Л. Субъективные ошибки, допускаемые при производстве психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа.....	493
Чистилина Д.О. Независимость суда на современном этапе развития уголовного судопроизводства.....	497
Щелкунов С.В. Эволюция судебного процесса в России.....	500

Введение

В российской и зарубежной юридической науке уже накоплен колоссальный опыт в изучении проблем одной из сложнейших сфер юридического труда – сферы борьбы с преступностью, определены концептуальные подходы к анализу сущности уголовно-процессуального права, криминалистического, судебно-экспертного и оперативно-розыскного обеспечения процесса расследования и рассмотрения уголовных дел. Однако направленность и содержание современной жизни ставят новые задачи перед уже развитыми институтами правоохранительной и правозащитной систем, а также вызывают необходимость подвести некоторые итоги функционирования правовых институтов в данной социальной сфере, дав оценку последним законодательным и тактическим новациям в России и ближнем зарубежье, наконец, ответить на вопрос, насколько претворена в жизнь и согласована с ее потребностями назревшая в период судебно-правовой реформы переориентация общественной практики на приоритет защиты прав человека, на воплощение идеалов демократии и правовой государственности.

Совокупность вышеизложенных обстоятельств послужила основанием для проведения в апреле 2013 г. в Юго-Западном государственном университете, в г. Курске, уже V-ой Международной научно-практической конференции «Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика». Конференция стала результатом плодотворного международного межвузовского научного сотрудничества кафедры уголовного процесса и криминалистики и всего Юго-Западного государственного университета с Сумским государственным университетом (Украина) и Гродненским государственным университетом (Республика Беларусь).

Отразившее широкую научную географию мероприятие прошло под эгидой Международной ассоциации содействия правосудию и Курского регионального отделения Ассоциации юристов России при информационной поддержке Инфо-Комплекс КонсультантПлюс, а также в рамках молодежного проекта студенческих объединений ЮЗГУ «ИНДИГО».

Его целью явилось обсуждение широкого круга научно-практических проблем, связанных с совершенствованием системы отправления правосудия по уголовным делам, а также путей преобразования процесса нормотворчества и правоприменения в сфере борьбы с преступностью.

Для участия в конференции и публикации в сборнике свои доклады направили представители ведущих научных и учебных учреждений России, Украины и Республики Беларусь: Национальной академии внутренних дел Украины, г. Киев, Сумского государственного университета, Донецкого нацио-

нального университета, Львовского национального университета им. Ивана Франко, Прикарпатского национального университета им. Василия Стефаника, г. Ивано-Франковск, Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург, Института государства и права РАН, г. Москва, НИИ Академии Генеральной прокуратуры России, г. Москва, Дальневосточного Федерального университета, г. Владивосток, Национального исследовательского Белгородского государственного университета, Воронежского, Курского, Мордовского, Орловского, Тольяттинского, Тульского и Ульяновского государственных университетов, Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, Академии управления МВД России, г. Москва, Московского университета МВД России, Волгоградской и Омской академий МВД России, Воронежского института МВД России, Воскресенского филиала Российского нового университета, Международного юридического института, г. Москва, а также судьи и сотрудники аппаратов судов общей юрисдикции Курской области, Москвы, Республики Мордовия, сотрудники региональных подразделений Прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, Следственного Комитета МВД России, адвокаты разных регионов России и более чем 30 студентов, представлявших Юго-Западный, Сумский, Саратовский, Ульяновский и Петрозаводский государственные университеты.

Высокую заинтересованность в обсуждении проблем продемонстрировали молодые ученые: студенты Юго-Западного государственного университета, занятые в реализации кафедрой в 2013 году грантовых программ, что позволило сформировать для докладов по результатам их правозащитных акций отдельную секцию конференции и, соответственно, опубликовать материалы их докладов отдельным разделом.

В рамках конференции была организована работа 3-х секций, давших материал для трех разделов сборника материалов конференции:

- 1) Уголовное судопроизводство современной России как социальная система, оценка ее эффективности и пути модернизации;
- 2) Криминалистика, судебная экспертиза и оперативно-розыскная деятельность на современном этапе развития науки и практики;
- 3) Защита гражданских прав и свобод личности в уголовном процессе через призму молодежных инициатив: задачи, проекты, акции, движение.

Первый раздел сборника отражает различные взгляды авторов на общие социально-правовые проблемы организации системы отправления правосудия

по уголовным делам, ее институциональное построение и эффективность; на совершенствование правовых гарантий прав личности в уголовном процессе, а также правообеспечительных механизмов; реализацию отдельных принципов уголовного процесса; на укрепление процессуального статуса профессиональных и непрофессиональных участников уголовно-процессуальных отношений; на доказательства и доказывание в уголовном процессе, модернизацию отдельных процессуальных порядков и процедуры отдельных стадий.

Второй раздел раскрывает последние теоретические достижения авторов в сферах криминалистики и судебной экспертизы, их предложения по решению ключевых проблем криминалистического, оперативно-розыскного и экспертного обеспечения уголовного судопроизводства.

В рамках третьего раздела опубликованы доклады студентов Юго-Западного государственного университета по результатам их правозащитных акций, проведенных в рамках реализации кафедрой в 2013 году проекта 10.1.1 (5.4) «Организация молодежного движения «Защита гражданских прав и свобод личности»» мероприятия 10.1 «Развитие духовного здоровья молодежи и общества и формирование социальных ценностей» направления 10 «Развитие гражданственности и патриотизма» программы студенческих объединений ЮЗГУ (проекта ИНДИГО).

В представленном сборнике статей, анализируя концептуальное многообразие взглядов ведущих юристов, авторы излагают и аргументируют свои позиции, ориентируясь на идею о том, что процесс социально-правовых реформ с необходимостью предполагает большее обращение к использованию научного потенциала в законодательной и правоприменительной деятельности, отчего и зависит его судьба.

Научные статьи, представленные в сборнике и характеризующие самые принципиальные и актуальные проблемы российского и зарубежного уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы не могут не вызвать заинтересованность, обсуждение и дискуссии, а потому их содержание полезно для научно-исследовательской и учебно-методической работы.

Ответственный редактор,

**зав. кафедрой уголовного процесса
и криминалистики ЮЗГУ,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации**

Т.К. Рябина

Раздел I. Уголовное судопроизводство современной России как социальная система, оценка ее эффективности и пути модернизации

УДК 343.01

О.С. Антюфеева, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Воскресенский филиал Российского Нового университета

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РОССИИ – ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются основные принципы ювенальной юстиции. Обосновывается необходимость перехода российского правосудия по делам несовершеннолетних к механизмам ювенальной юстиции.

Современное состояние уголовного процесса в России свидетельствует о существовании большого количества проблемных вопросов при разбирательстве уголовных дел. Это связано с серьезной загруженностью судебных органов, определяющей ролью судебского усмотрения при вынесении приговоров, непрекращающимся реформированием материальной отрасли, модернизацией общего правового поля, гуманизацией уголовной репрессии. К правосудию по делам несовершеннолетних это относится в первую очередь. Несмотря на то, что действующий УПК РФ предусматривает особый порядок расследования и рассмотрения уголовных дел по делам о преступлениях несовершеннолетних, этот порядок уже долгое время остается одним из дискуссионных вопросов современного уголовного процесса. Во многом это определяется возможностью возвращения России к ювенальной юстиции как особой системе правосудия по делам несовершеннолетних, при которой, центральным звеном является специализированный суд, тесно взаимодействующий с социальными службами [1]. В узком же смысле под ювенальной юстицией понимается суд по делам несовершеннолетних. Главная задача ювенальной юстиции это – обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних, поэтому некоторые ученые предлагают и другое название ювенальной юстиции: «юстиция, обеспечивающая защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних»[2; с. 83]. Мы не согласны с мнением ряда авторов о том, что ювенальная юстиция – это явление чужеродное для культурной ситуации Российской Федерации [3]. Первый суд по делам несовершеннолетних в нашем государстве был создан в Санкт-Петербурге в 1910 г. – еще в царской России, а прекратил свое существование в России советской в 1918 г. Поэтому, наше государство имеет свои

традиции в области ювенального правосудия, и вопрос его восстановления в России, думается, может расцениваться как возвращение к историческим истокам. Тогда это была система, ориентированная на особую систему судебного разбирательства уголовных дел с участием несовершеннолетних и предупреждение совершения ими новых преступлений путем привлечения таких подростков к труду. Сегодня есть тенденция смешивать ювенальную юстицию как правосудие по делам несовершеннолетних с понятием «ювенальная система» - система органов и служб государства, направленная на защиту прав и свобод несовершеннолетнего в семейных правоотношениях от злоупотреблений взрослых. Именно поэтому большая часть российского общества негативно настроена к введению ювенальной юстиции. В этой статье ювенальная юстиция рассматривается только как один из механизмов, позволяющих лучше разобраться в акте поведения того или иного подростка-правонарушителя, выявить все его личностные характеристики, понять, он ли один виноват в совершении преступления, или кто-то негативно повлиял на него, нарушил его законные права и интересы и именно этим подтолкнул его на преступный путь. Только это позволит справедливо и правильно реагировать на преступные действия подростков, кого-то действительно сурово наказывать; а к кому-то применять механизмы реабилитации, и что самое важное, зная все указанные особенности можно предупредить и преступления других лиц, которые находятся в ситуации, похожей на ту, в которой находился несовершеннолетний преступник, попавший на скамью подсудимых.

Главные принципы концепции ювенальной юстиции как правосудия по делам несовершеннолетних таковы:

1. Социозащитная направленность и социальная насыщенность правосудия. Этот принцип означает широкое использование знаний неюридического характера в уголовном преследовании в отношении несовершеннолетних, использование данных, получаемых от вспомогательных социальных служб, присутствие в процессе соответствующих специалистов, психологов, педагогов, инспекторов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. В некоторых странах, например, во Франции, законодательство требует ведения специального, так называемого «второго досье» несовершеннолетнего, где должны быть отражены все социально-психологические характеристики личности несовершеннолетнего, а также совершенного им деяния и окружающей его микросреды. К сожалению, современные российские суды, в которых рассматриваются дела о преступлениях несовершеннолетних, таких возможностей не имеют [4]. Однако, на наш взгляд, они могли бы положительно повлиять на деятельность любого (специализированного или неспециализированного) суда, где рассматриваются такие дела.

2. Преимущественно охранительная ориентация правосудия. Исторические особенности ювенальной юстиции свидетельствуют о том, что суд по де-

лам несовершеннолетних создавался как суд, решающий двуединую задачу – защиты прав детей и подростков и уголовного преследования несовершеннолетних преступников [5; с.15]. Традиционно уголовное правосудие ассоциируется именно с уголовным наказанием, но никак не с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних преступников. Однако, в настоящее время, в связи с ориентацией государственной политики на обеспечение интересов детей и подростков, сохранение нормального генофонда нации, защита прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе и правонарушителей, выходит едва ли не на первый план. Именно этот подход Правительством РФ в качестве одного из направлений социально-экономической политики России до 2020 года: «формирование системы социальной реабилитации несовершеннолетних и граждан, освобожденных из мест лишения свободы и осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, развитие механизмов ювенальной юстиции; формирование и развитие механизмов восстановительного правосудия, создание службы пробации, обеспечивающей социально-психологическое сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и реабилитационное насыщение приговоров судов, в части реализации принудительных мер воспитательного воздействия, реализация технологий восстановительного правосудия и проведения примирительных процедур»[6]. Механизмы ювенальной юстиции позволяют в наилучшей степени достичь правозащитных и одновременно, если это необходимо, карательных результатов в отношении определенных категорий несовершеннолетних преступников.

3. Максимальная индивидуализация судебного процесса. В рамках ювенальной юстиции индивидуализация возведена в принцип судебного процесса в связи с тем, что в центре процесса всегда находится личность несовершеннолетнего. Концепция суда для несовершеннолетних предусматривает, что судопроизводство в таком суде носит неформальный характер, правда, через 100 лет после введения первых таких судов в некоторых странах это процедура стала более регламентированной процессуальными правилами. Считается, что именно так судье проще дойти «до души» несовершеннолетнего. Во всех странах, где существует ювенальная юстиция, такая модель взаимоотношений в процессе является наиболее эффективной для достижения целей ювенальной юстиции [7;с.39-40]. Эти принципы характерны только для ювенальной юстиции, но не для существующей сегодня модели российского правосудия. Общие принятые принципы законности, справедливости, равенства всех перед законом и судом, презумпция невиновности – все они тоже действуют, но преломляются через призму социальной направленности ювенальной юстиции. Особую роль здесь играет принцип обязательного присутствия защитника в таком суде. Важным моментом в разработке концепций ювенальной юстиции в современной России является ориентация не только на предупреждение преступлений подростков, не только защита их прав и законных интересов, но и пре-

дотворачивание попадания несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой тяжести, в исправительные учреждения уголовной юстиции.

Дискуссии, которые ведутся в науке по поводу введения ювенальной юстиции, позволяют говорить о наличии точки зрения о том, что если сегодня суд рассматривает несовершеннолетнего как особого субъекта преступления, к которому следует относиться, в силу его возраста, более гуманно, то в случае введения ювенальной юстиции, этого уже не будет. Суды по делам несовершеннолетних будут более жестко относиться к подсудимым, нежели современные суды. Но здесь следует учесть то, что формализм современных российских судов в рассматриваемой категории дел, иногда сводит на нет всю работу существующей сегодня системы профилактики преступности и безнадзорности несовершеннолетних. Да и можно ли упрекать суды в формализме при том уровне нагрузки, которая в настоящее время возложена на судью. Так, председатель Верховного суда России В. Лебедев на восьмом Всероссийском съезде судей в своем выступлении указал, что на сегодняшний день на одного судью общей юрисдикции приходится 76 дел и материалов в месяц [8]. При таких условиях судье очень сложно, а иногда практически невозможно качественно выполнить все требования УПК РФ при рассмотрении уголовных дел по преступлениям, совершенным несовершеннолетними. Именно поэтому специализация судей по делам несовершеннолетних – это необходимость. В современной России преступность несовершеннолетних, несмотря на общее количественное снижение (в 2012 году несовершеннолетними совершено 64270 преступлений, это на 10,6% меньше, чем в 2011 году) [9; с.39], стала более агрессивной, жестокой; это требует от суда и следственных органов более скрупулезного подхода к рассмотрению уголовных дел, по преступлениям, совершенным несовершеннолетними. Именно механизмы ювенальной юстиции позволяют учитывать особенности личности несовершеннолетнего преступника в уголовном процессе и при исполнении наказания. Система ювенальной юстиции с ее специализированными органами и системами позволяют более широко привлекать в процесс узких специалистов – экспертов, что позволит суду более детально разбирать каждое уголовное дело с участием подростка. На наш взгляд, формирование системы ювенальной юстиции в России на сегодняшний момент просто необходимо. На эту необходимость обратил внимание и Пленум Верховного суда, в Постановлении от 01.02.2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», указав на необходимость перехода к ювенальным технологиям при рассмотрении данной категории дел, правда, не конкретизируя их понятия. На наш взгляд, это должно быть не только специализированное правосудие (то есть только судебное разбирательство), но и специализированная система адвокатуры и следствия по делам несовершеннолетних. В систему ювенальной юстиции должны быть

включены комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, органы опеки и попечительства, органы социальной защиты детей и т. д., то есть все субъекты, имеющие отношение к профилактической работе с несовершеннолетними, причем отдающие приоритет индивидуальной профилактической работе. Такая система должна объединить в себе сеть разнообразных социальных, правоохранительных служб для несовершеннолетних, специальных правоприменительных и нормотворческих служб юстиции, как уже функционирующих учреждений для несовершеннолетних, так и некоторых новых. Эта система должна быть построена на более гуманистических нормах, чем есть сегодня, ее основополагающим принципом должно стать положение ст. 3 Конвенции о правах ребенка ООН, что во всех действиях каких бы то ни было органов первоочередное внимание должно уделяться правам и интересам ребенка. Ювенальная юстиция для России не может быть заимствована из права и правоприменительной практики ни одной из зарубежных стран. Дело в том, что специфика личности, ее отношение к праву, государственные органы, процедура правосудия – это во многом, визитные карточки государства, построенные на менталитете того или иного народа, особенностях государства и правового поля. Безусловно, система российской ювенальной юстиции должна быть построена на тех же принципах: неукоснительной защиты прав, свобод, законных интересов несовершеннолетнего; индивидуализации наказания, судебной процедуры; социальной направленности превентивных мер и всей системы правосудия. Положительным моментом является принцип ориентации на предупредительное воздействие на несовершеннолетнего правонарушителя и его семью. Это означает, что подсудность суда по делам несовершеннолетних должна включать в себя и дела о преступлениях и административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних, нарушениях их трудовых, жилищных, гражданских и иных прав. Именно в этом может выражаться превентивная деятельность суда по предупреждению преступлений несовершеннолетних. Не следует забывать, что многие несовершеннолетние правонарушители стали жертвами преступлений своих родителей или сверстников, или нарушений их прав другими субъектами. Значит, вовремя наказав виновников этих нарушений, государство, возможно, сможет предотвратить преступление такого ребенка, или хотя бы снизить степень общественной опасности этого преступления. Привлечение субъектов нарушений прав ребенка, к ответственности будет являться стадией ранней профилактики подростковой преступности. Проще это сделать именно в системе ювенальной юстиции, направленной на защиту прав детей и подростков, в том числе, и их защиту, от криминализации. Специализированный суд должен не только стать ядром системы ювенальной юстиции, он должен быть обязательно включен в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. С другой стороны не следует допускать тех перекосов ювенальной системы, за которые она

справедливо подвергается критике, – необоснованных изъятий детей из семей. Кроме того, не следует отводить определяющую роль органам опеки и попечительства. При формировании системы ювенальной юстиции нельзя упускать из вида два важных момента: прежде всего, система ювенальной юстиции должна относиться только к подросткам, совершившим преступление или административное правонарушение; либо к тем семьям, где речь идет о преступлении в отношении ребенка. Имеются ввиду случаи, когда имеется обвинительный приговор суда в отношении лиц, осуществляющих воспитание ребенка за совершение преступления в его отношении. И, во-вторых, нельзя смешивать сам акт уголовного правосудия, то есть разбирательство уголовного дела по преступлению, совершенному несовершеннолетним или в отношении него, то есть, ювенальную юстицию в узком смысле и систему регулирования семейных отношений (ювенальную систему) – ту самую, в отношении которой сегодня идут наиболее ожесточенные дискуссии в обществе. Действительно, когда речь идет о грубом вмешательстве государственных органов во внутренние семейные дела, при отсутствии четкого правового поля, иногда страдают нормальные среднестатистические семьи. Более того, при сохранении положений законодательства об образовании о подушевом финансировании образовательных учреждений, включая детские интернатные учреждения, создается прямая заинтересованность соответствующих учреждений в наполнении их здоровыми благополучными детьми. Однако, это уже вопросы семейного права, и к правосудию по делам несовершеннолетних они не относятся.

Следующий аспект, на котором хотелось бы остановиться, – это урегулированность системы ювенальной юстиции процессуальными правилами. Что касается взрослых, в отношении которых специализированный суд рассматривает дело о нарушении прав несовершеннолетних, здесь вопросов не возникает – правила должны быть, только более строгие, нежели при судопроизводстве по другим преступлениям. Помимо соблюдения обычной процедуры, в ювенальном суде такие лица должны обязательно выслушать комментарий своего поведения не только из уст судьи или сотрудника комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, но и социального педагога и психолога, с целью разъяснения последствий для ребенка и предотвращения таких действий впредь. Что касается дел о преступлениях несовершеннолетних, здесь процедурные нормы должны быть несколько смягчены, но они должны обязательно присутствовать. В ювенальном суде должны быть закрытые заседания. Свободная и неформальная обстановка заседания, на наш взгляд, может негативно повлиять на несовершеннолетнего преступника, поскольку сразу снизит воспитательную роль судебного заседания как факта, что приведет к снижению его профилактической роли в деле предупреждения рецидивной преступности.

Ювенальная юстиция в России должна функционировать на прочной правовой базе. Она должна обеспечивать справедливость любого решения в отно-

шении детей, защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних при разрешении гражданских, административных и уголовных дел, связанных как с воспитанием детей, так и с совершенными ими правонарушениями, обеспечение социализации личности детей в максимально благоприятных условиях.

Список литературы

1. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.04.2013.
2. Ермаков, В.Д., Панкратов, Р.И., Тарло, Е.Г. Дети, лишённые свободы [Текст] / М.: Юрлитинформ, 2003.
3. Материалы международной конференции «Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации» [Текст] / Новосибирск, 2010.
4. Мельникова, Э. Будет ли в России ювенальная юстиция? [Текст] / Э. Мельникова // Российская юстиция. - 1998. - № 11.
5. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии [Текст] / Э.Б. Мельникова. - М.: Дело, 2001.
6. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662 (в ред. от 08.08.2009) «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.04.2013.
7. Мельникова, Э. Будет ли в России ювенальная юстиция? [Текст] / Э. Мельникова // Российская юстиция. - 1998. - № 11.
8. Куликов, В. На первый раз прощаем [Текст] / В. Куликов // Российская газета. - 2012. – 18 дек.
9. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2012 год [Текст] / М.: ГИАЦ МВД РФ, 2012.

УДК 343.1

А.Ю. Астафьев, преподаватель кафедры уголовного процесса юридического факультета Воронежского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье затрагиваются теоретические и методологические проблемы оценки эффективности правосудия. Автор полагает, что справедливость и целесообразность судопроизводства должны рассматриваться в качестве его существенных критериев. Утверждается необходимость комплексной оценки правосудия, опирающейся на различные информационные источники, включая социологические исследования, дополняющие судебную статистику.

Несмотря на то, что различные аспекты эффективности правосудия и его совершенствовании являются темами многочисленных дискуссий, вопрос об оценке эффективности, как правило, остается в стороне. Между тем, оценка является начальным этапом планирования и прогнозирования, оптимизации работы любой системы.

Методологические основы оценки эффективности судебной деятельности в уголовном процессе были заложены в 60-70-е годы в рамках теории эффективности правосудия. Характерно, что теория эффективности правосудия разрабатывалась, в первую очередь, специалистами уголовно-процессуального профиля: И.Л. Петрухиным, А.Д. Бойковым, В.Б. Алексеевым, Т.Г. Морщаковой и др.

Постулировалось, что эффективность правосудия характеризуется степенью достижения целей правосудия, установленных в процессуальных кодексах. «Идеальные» (конечные) и «промежуточные» (планируемые на ближайшее время) цели, представленные набором количественных характеристик, выступают в качестве критериев эффективности правосудия. Степень достижения целей правосудия может быть определена через количество ошибочных судебных решений, с обязательным учетом характера допущенных ошибок. **Критерии** эффективности правосудия указывают, **что** должно быть достигнуто, тогда как его **показатели** (расходы на правосудие, нагрузка судей, процессуальные сроки) дают ответ на вопрос **как, какой ценой это достигается** [2, 264–267; 7, 32–44]. Таким образом были четко разграничены критерии и показатели эффективности, что способствовало определенности оценок различных аспектов судопроизводства.

Оценку судебной деятельности было предложено проводить по двум самостоятельным критериям: уровню качества отправления правосудия и уровню социальных издержек (временных, материальных и иных затрат), понесенных для достижения целей правосудия. Критерии организации судебной работы, определяемые через такие показатели как служебная нагрузка судей, время, затрачиваемое на рассмотрение одного дела в соотношении с объективно необходимым, подбор и расстановка судебных кадров, стимулирование труда судей, техническая оснащенность судов и пр. не тождественны критериям эффективности правосудия. В то же время показатели эффективности правосудия одновременно характеризуют эффективность организационного руководства, т.е. эффективность судебного управления [3, 61–64; 183–185; 7, 39–44; 1, 62].

Теория эффективности правосудия при всей ее несомненной важности в свое время оказалась невостребованной и не нашла практического применения. Двухтомная монография «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок» вышла под грифом «для служебного пользования», что ограничило широкий доступ к ней юридической общественности. Аналогичные

по масштабам комплексные исследования в данной области в дальнейшем не проводились. Вместе с тем, трудно переоценить значимость теории эффективности правосудия как концептуальной основы для создания моделей оценки качества правосудия. Подобные модели с конца 1980-х гг. используются за рубежом.

В России первая попытка разработки системы критериев и показателей эффективности судопроизводства была предпринята в 2009 г. в рамках государственного федерального проекта «Поддержка судебной реформы» научно-исследовательским отделом группы компаний «Консалтум». Были учтены показатели, на регулярной основе рассчитываемые в судах общей юрисдикции и арбитражных судах; показатели, рассчитываемые Росстатом; показатели, рассчитываемые в международной практике и т.п. Авторы использовали как западный опыт, так и достижения отечественных ученых, заложивших основы теории эффективности правосудия.

В целом разработанная оценочная система показателей эффективности работы судебной системы состоит из 12 критериев:

1. Доступность судебного решения.
2. Независимость судей.
3. Открытость и подотчетность судов населению.
4. Качество судебного процесса.
5. Разрешение общественных противоречий, достижение социального компромисса в государстве на основе права.
6. Эффективность судебного разбирательства.
7. Кадровое обеспечение.
8. Финансовое, материально-техническое обеспечение судов.
9. Информационно-коммуникационное обеспечение судов.
10. Организация процесса судопроизводства.
11. Доверие.
12. Эффективность исполнения судебных актов.

Критериям оценки эффективности соответствуют определенные показатели, каждый из которых имеет свои индикаторы. К примеру, первый критерий («доступность судебного решения») раскрывается в таких показателях как: 1) физическая доступность; 2) финансовая доступность; 3) организационная доступность; 4) количество судей на 100 000 жителей. Индикатором финансовой доступности является размер судебных издержек; индикатором организационной доступности – удобный режим работы судов и т.д. На основании экспертного опроса в «Системе критериев...» определен вес индикаторов, представленный величиной, отражающая степень влияния индикатора на итоговую величину показателей эффективности работы судебной системы.

Предложенная система расчета индикаторов с использованием статистических данных и опросных методик, по утверждению ее авторов, позволяет

проводить регулярный мониторинг изменений показателей эффективности функционирования судебной системы Российской Федерации в ходе реализации реформ и представлять результаты мониторинга в удобном для восприятия формате [6].

Фактически это первая комплексная модель оценки эффективности правосудия в нашей стране, практика применения которой, думается, будет положительной для российской судебной системы. Внедрение оценочных процедур требует, однако, предварительной апробации данной методики. Первичная апробация была осуществлена Центром правовых программ Л. Никитинского при поддержке Волгоградского областного суда. Был выявлен ряд недостатков «Системы критериев...» и сформулированы предложения по ее совершенствованию [4]. Представляется очевидным, что включение в процедуру апробации «Системы критериев...» других судов ускорит процесс ее доработки. В настоящий момент инициативы со стороны судейского сообщества явно недостаточно. Можно предположить, что традиционная закрытость судебной системы, ее дистанцированность от общества, стереотипы мышления правоприменителей не позволяют пока в должной мере понять значение использования оценочных механизмов. Заметим, что в США, Финляндии, некоторых других странах предложения о создании и применении моделей качества правосудия исходили именно от органов судебной власти.

Всесторонняя оценка эффективности судебной деятельности предполагает использование всех доступных информационных источников. В большинстве существующих за рубежом систем оценки качества правосудия предусмотрена именно совокупная оценка, интегрирующая данные, полученные от различных субъектов, путем использования различных методов измерений.

Формальный подход к определению эффективности правосудия недопустим. Одни лишь статистические данные, например, не позволяют судить о том, как оперативность рассмотрения дел сказывается на ходе судебного разбирательства, законности и обоснованности выносимых решений, поэтому незначительный процент нарушений процессуальных сроков не свидетельствует об эффективности правосудия. Государственная судебная статистика, содержащая количественные показатели работы судебной системы, должна дополняться качественным (содержательным) анализом, основанном в том числе, на данных социологических исследований, а его результаты доводиться до сведения представителей судейского корпуса, органов исполнительной и законодательной власти, ответственных за проведение судебной политики.

Судебная система, как любая организация, для своего успешного функционирования должна поддерживать информационные связи с внешней средой, обладать свойством респонсивности (от англ. *response* – ответ, отклик), т.е. способности воспринимать воздействия и отзываться на них оптимальным образом. Включение в систему оценок правосудия результатов опросов обще-

ственного мнения и экспертных оценок способствует выявлению положительных и отрицательных сторон осуществления правосудия в государстве. Учет потребностей и ожиданий «судебных пользователей» («court users») позволяет планировать систему ответного воздействия. Оценка эффективности правосудия таким образом необходима как для внутреннего управления судебной системой (самоуправления), так и внешнего (законодательного регулирования). Не менее важны индивидуальные оценки, которые для ответственных правоприменителей являются стимулом к корректировке своего поведения, профессиональному совершенствованию.

Указанные оценки носят, по преимуществу, этико-юридический характер и этим принципиально отличаются от формально-правовых оценок, фиксируемых в судебной статистике. Так или иначе, изучение эффективности судебной деятельности не должно опираться только на юридические средства оценки (соотношение количества отмененных и измененных судебных решений с оставшимися в силе). Нельзя обойтись без аксиологического, ценностно-ориентированного подхода, при котором учитываются такие критерии как **справедливость** и **целесообразность** судопроизводства. При этом акцент в значительной степени смещается с оценки судебного решения на оценку процессуальной деятельности, предшествующую его принятию, процедуру взаимодействия судьи с участниками судопроизводства в ходе разбирательства уголовного дела. Приговор суда неотделим от правоприменительной деятельности, результатом которой он является.

В Рекомендации № R (95) 12 Комитета министров Совета Европы от 11 сентября 1995 года относительно управления системой уголовного правосудия содержится предложение о введении в действие процедуры периодического и непрерывного контроля, направленного на анализ функционирования учреждений системы уголовного правосудия, оценку их эффективности и действенности и содействие совершенствованию их деятельности. Отмечается, что прогресса в этих областях можно достичь с помощью либо создания *внутренних консультационных органов*, либо *использования услуг внешних консультантов* [5]. Полагаем, что для изучения различных аспектов эффективности правосудия требуется взаимодействие и согласование усилий общественных организаций, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, представителей научного сообщества, с тем чтобы исследования носили полномасштабный и комплексный характер. Не исключена возможность создания единого координационного центра по изучению эффективности правосудия, в состав которого войдут научные и практические работники.

В заключении отметим, что понятие «эффективность» постепенно начинает использоваться законодателем. В ст. 6.1. УПК («Разумный срок уголовного судопроизводства») указывается, что при определении разумного срока уголовного судопроизводства учитываются такие обстоятельства, как правовая и

фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда и лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Список литературы

1. Морщакова, Т.Г. Критерии эффективности организации и деятельности судебной системы [Текст] / Т.Г. Морщакова // В кн.: Организация судебной деятельности / Под ред. Г.П. Батунова. М., 1977. - С. 62 и след.
2. Петрухин, И.Л., Морщакова, Т.Г. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия [Текст] / И.Л. Петрухин, Т.Г. Морщакова // В кн.: Право и социология / Под ред. Ю.А Тихомирова и В.П. Казимирчука. М., 1973.- С. 264–267.
3. Петрухин, И.Л., Батунов, Г.П., Морщакова, Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия [Текст] / Отв. ред. И.Л. Петрухин. - М., 1979. - С. 61–64; С. 183–185.
4. Подробнее см.: Проект «Дискуссионный клуб» [Электронный ресурс] / URL: http://clp.qd.ru/projects/discussion_club/ (дата обращения 05.03.2013).
5. Рекомендация № R (95) 12 Комитета министров Совета Европы от 11 сентября 1995 года относительно управления системой уголовного правосудия [Электронный ресурс] / URL: [http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/RRec\(95\)12.html](http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/RRec(95)12.html) (дата обращения 05.03.2013).
6. Система показателей оценки функционирования судебной системы Российской Федерации в целом и отдельных ветвей судебной власти. Описание, структура, порядок расчетов [Электронный ресурс] / URL: http://www.beafnd.org/common/img/uploaded/files/Otchet_A1_2_etap.pdf. (дата обращения 05.03.2013).
7. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок [Текст] / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. - Т. I. - М., 1975. - С. 32–44, 263 и след.

УДК 343.1

О.В. Баландюк, майор полиции, адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Омской академии МВД России

О ПРЕДМЕТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАЛОГА

Статья посвящена вопросам определения предмета залога в уголовном судопроизводстве, а также проблемам, возникающим в связи с его передачей.

Процедура применения залога в качестве меры пресечения представляет собой сложный механизм. Неотъемлемым его элементом является внесение (передача) предмета, обеспечивающего реализацию рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения. Однако ещё до вынесения решения судом об избрании залога в качестве меры пресечения необходимо удостове-

ряться в наличии у залогодателя имущества, которым будет обеспечиваться залог. Представление таких сведений определяет не только возможность избрания данной меры пресечения, но и её исполнение.

Это говорит о том, что возможность применения залога определяется ещё до принятия судом соответствующего решения. Считаем, что наличие предмета залога является одним из условий обращения в суд с ходатайством об избрании рассматриваемой меры пресечения. В последующем, от внесения (передачи) предмета залога будет зависеть исполнение данной меры пресечения.

Согласно редакции Федерального закона № 58-ФЗ от 29.05.2002 г. ч. 1 ст. 106 УПК РФ к видам имущества, обеспечивающим реализацию уголовно-процессуального залога, относились деньги, ценные бумаги и ценности. С принятием изменений, внесенных Федеральным законом № 60-ФЗ от 07.04.2010 г., к предметам, вносимым в обеспечение рассматриваемой меры пресечения, отнесено недвижимое имущество и движимое имущество в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций.

На протяжении многих лет возможность обеспечения залога недвижимым имуществом обсуждалась в юридической литературе. Одни ученые выступали за обеспечение рассматриваемой меры пресечения указанным видом имущества [1]. По мнению других предмет залога должен представлять собой только деньги и ценные бумаги [2]. Третьи настаивали на закреплении положения о денежной форме уголовно-процессуального залога [3, с. 156].

Такое неоднозначное отношение ученых-процессуалистов к вопросу использования недвижимого имущества в качестве предмета залога связано, главным образом, со сложной процедурой исполнения. Важно уточнить, что такая оценка давалась учёными до вынесения Постановления Правительства РФ № 569 от 13.07.2011 г., которое должно было разрешить многочисленные затруднения, возникающие в правоприменительной деятельности.

При этом без внимания законодателя остались другие не менее важные аспекты, связанные с исполнением уголовно-процессуального залога. Так, не регламентирована возможность передачи недвижимого имущества, находящегося в собственности двух или нескольких лиц и принадлежащего им на праве долевой собственности. Сама процедура отчуждения данного вида имущества регламентируется нормами гражданского права, в соответствии с которыми предоставление залогодателем подлинных документов, подтверждающих право собственности и отсутствие ограничений (обременений) на вносимое имущество, будет недостаточным для принятия делимого недвижимого имущества в качестве залога.

В таких случаях следует учитывать специфические характеристики недвижимого имущества, которые влияют на реализацию рассматриваемой меры

пресечения и зачастую ограничивают возможность её применения.

В связи с этим считаем целесообразным, в рамках ведомственного регулирования закрепить возможность обеспечения уголовно-процессуального залога недвижимым имуществом, находящимся в долевой или совместной собственности. В законодательстве Республики Казахстан принятие такого вида имущества регламентировано Инструкцией о применении залога в качестве меры пресечения [4]. Согласно её положениям имущество, находящееся в совместной собственности, может быть принято в качестве предмета залога только при получении письменного согласия совладельцев имущества или письменного отказа от своей доли имущества в пользу залогодателя. Считаем возможным, использовать зарубежный опыт в отечественном законодательстве.

Помимо этого, представляется необходимым, на уровне ведомственного регулирования предусмотреть возможность внесения неделимого имущества, принадлежащего двум или нескольким лицам, а также разрешить вопрос о привлечении в качестве залогодателей двух и более лиц, являющихся сособственниками.

Передача других видов имущества, перечисленного в ч. 1 ст. 106 УПК РФ, вызывает не меньшие сложности в правоприменительной деятельности. Законодателем не может быть приведен исчерпывающий перечень предметов, которые могут быть приняты в качестве залога. Об этом свидетельствует и постановление Правительства РФ № 569 от 13.07.2011 г. Вместе с тем, для правоприменителя необходимо определить требования, которые предъявляются к указанным предметам. Во-первых, имущество, обеспечивающее уголовно-процессуальный залог, должно быть «надлежащим». Под ним предлагаем понимать те предметы, которые разрешено передавать (вносить) для обеспечения рассматриваемой меры уголовно-процессуального принуждения, за исключением имущества, не подлежащего изъятию. В гражданском праве объекты, которые могут свободно переходить от одного владельца к другому в результате гражданско-правовых сделок, называют «полностью оборотоспособными». Представляется возможным заимствование указанного свойства при определении предмета уголовно-процессуального залога. Отметим, что исключения в виде принятия объектов, изъятых из оборота, а также ограниченно оборотоспособных объектов при применении рассматриваемой меры пресечения не допускается.

Во-вторых, необходимо исключить передачу предметов, имеющих преступное происхождение или используемое незаконно. Залогодатель обязан подтвердить законность предмета залога, о чём справедливо указывают в юридической литературе [5, с. 72].

В-третьих, залогодатель должен являться собственником имущества. При этом важным условием является наличие у него права распоряжения и владения имуществом. Это позволит определить субъект, который будет выступать в

качестве залогодателя и нести обязательства по исполнению рассматриваемой меры пресечения, а также обеспечит реальное внесение (передачу) имущества, являющееся предметом залога.

В-четвертых, должно быть исключено принятие в залог имущества, которое не обладает устойчивым стоимостным выражением. На данную проблему в своё время указывал П.И. Люблинский. По его мнению «в связи с постоянным изменением курса рубля, приходится признавать за следователем права требования дополнительных взносов в случае обесценения залога (что, впрочем, представляет большие неудобства как для следователя, так и для залогодателя), или предоставить залогодателю вносить денежную сумму в билетах государственного банка (банкнотах) или других ценных бумагах, обладающих большей устойчивостью» [6, с. 38].

Действительно, применение залога в этом случае будет неэффективным, поскольку материальные ограничения, принятые в отношении залогодателя, будут незначительными.

В юридической литературе предлагается разрешить обозначенную проблему по-разному. Пути её решения предлагали ещё дореволюционные юристы. Так, например, П.В. Макалинский предлагал: «бумаги кредитных установлений принимать по курсу, с обязательством со стороны залогодателя, дополнить сумму в случае понижения курса» [7, с. 316]. В.В. Миклашевский видел решение данной проблемы в необходимости определения органа, призванного следить за изменениями курса ценных бумаг [8, с. 262-263].

Действительно, в ходе исполнения данной меры пресечения стоимость заложенного имущества может меняться. В большей степени это характерно для движимого имущества в виде ценностей, акций, облигаций. Полагаем, что следить за изменением стоимости такого имущества может орган, осуществляющий хранение предмета залога (так, например, хранение ценностей вправе осуществлять банк, иная кредитная организация, имеющая соответствующую лицензию, финансовое подразделение органа, принявшего залог).

В связи с этим, считаем целесообразным, при значительном изменении стоимости заложенного имущества оценивать эффективность дальнейшего применения залога. В необходимых случаях принимать решение об изменении меры пресечения в порядке, предусмотренном статьей 110 УПК РФ.

В ходе применения рассматриваемой меры принуждения следует учитывать не только требования уголовно-процессуального закона, но и положения иных отраслей права. В частности, для установления предмета залога законодателем заимствованы нормы гражданского права (например, при определении видов недвижимого имущества, порядка распоряжения им) [9, с. 37]. Это указывает на неоднородную правовую природу применения уголовно-процессуального залога и его близость к одноименному гражданско-правовому институту.

Однако представляется не всегда возможным, восполнять механизм реализации указанной меры принуждения нормами другой отрасли права. Речь идет о применении статьи 446 ГПК РФ при определении предмета залога.

Не все виды имущества могут обеспечить уголовно-процессуальный залог. Так, большая часть имущества, перечисленного в ст. 446 ГПК РФ, даже при отсутствии запрета на его взыскание, не может быть принята в качестве предмета указанной меры пресечения, поскольку оно не относится к видам, указанным в ч. 1 ст. 106 УПК РФ. Это, например, предметы обычной домашней обстановки и обихода, продукты питания, топливо, государственные награды, почетные знаки.

Полагаем, что заимствование норм смежного гражданско-правового института возможно, но эти нормы должны быть адаптированы к механизму применения уголовно-процессуального залога. В связи с этим, считаем необходимым перечислить предметы, которыми не может быть обеспечена рассматриваемая мера пресечения, в рамках одного из нормативных правовых актов (например, постановление Правительства РФ, постановление Пленума Верховного Суда РФ, межведомственный приказ).

К такому имуществу следует отнести предметы, перечисленные в ч. 1 ст. 106 УПК РФ, но которые в силу определённых характеристик, не могут обеспечить уголовно-процессуальный залог. Так, например, не могут являться предметом залога следующие предметы: жилое помещение, если оно является единственным пригодным для постоянного проживания; объекты незавершённого строительства на момент выполнения строительных работ; недвижимое имущество, подлежащее сносу или реконструкции; принадлежащее на праве долевой собственности двум или нескольким лицам недвижимое имущество при получении отказа одного из собственников передать всё недвижимое имущество в качестве предмета залога.

Считаем возможным, применить аналогичный подход и при определении характеристик движимого имущества.

Проведенный анализ показывает, что законодателем разрешена лишь часть общих проблем, связанных с передачей (внесением) предмета уголовно-процессуального залога. Помимо этого считаем целесообразным, на уровне ведомственного регулирования определить, каким именно имуществом может быть обеспечена указанная мера пресечения. В детальном нормативном регулировании нуждается и сама процедура принятия различных видов имущества, определение компетенции органов расследования и суда, а также возможность привлечения к данной виду деятельности судебных приставов-исполнителей.

Список литературы

1. Буряков, А.Д. Залог как мера пресечения в советском уголовном процессе. Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству [Текст] / А.Д. Буряков. - Ир-

- кутск, 1969. - С. 277-286; Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе. Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия [Текст] / П.И. Люблинский. - СПб., 1906. 701 с.; Медведева, О.В. Залог и поручительство в системе мер уголовно-процессуального принуждения по законодательству Российской Федерации [Текст] / О.В. Медведева // Дисс. ...канд. юрид. наук. - Волгоград, 1998. - 219 с.; Михайлов, В.А. Применение залога в российском уголовном процессе [Текст] / В.А. Михайлов. - Омск, 1993. - 146 с.; Петрухин, И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе [Текст] / И.Л. Петрухин. - М., 1989. - 256 с.; Трунова, Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе [Текст] / Л.К. Трунова // Дисс. ...д-ра. юрид. наук. - М., 2002. - 419 с.
2. Вершинина, С.И. Залог в системе мер пресечения [Текст] / С.И. Вершинина // Дисс. ...канд. юрид. наук. Самара, 1998. 177 с.; Величко, А.В. Правовое регулирование применения залога как меры пресечения в уголовном процессе [Текст] / А.В. Величко // Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2001. 181 с.
 3. Фокин, А.С. Проблемы и тенденции совершенствования института залога в российском уголовном судопроизводстве [Текст] / А.С. Фокин // Дисс. ...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 185 с.
 4. Приказ МВД Республики Казахстан от 06.10.2005 г. № 590, совместно с Генеральной прокуратурой от 18.10.2005 г. № 56, КНБ от 22.10.2005 г. № 187, Финансовой полицией от 07.10.2005 г. № 214 «Об утверждении Инструкции о применении залога и домашнего ареста в качестве меры пресечения» [Электронный ресурс] // http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsd/dok_iernqo.htm (дата обращения: 10.03.2013).
 5. Шаповалова, Т.И. Залог как мера пресечения в уголовном процессе и вопросы его применения [Текст] / Т.И. Шаповалова. - Красноярск. 2009. - 124 с.
 6. Люблинский, П.И. Меры пресечения [Текст] / П.И. Люблинский. - М., 1924. - 56 с.
 7. Макалинский, П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах [Текст] / П.В. Макалинский. - Т.2. СПб., 1871.- 474 с.
 8. Миклашевский, В.В. О средствах представления обвиняемого в суд и пресечения ему способов уклониться от следствия и суда [Текст] / В.В. Миклашевский. - Т.1. Варшава, 1872. - 302 с.
 9. На комплексное правовое регулирование предмета залога обращалось внимание Б.Б. Булатовым, О.Г. Ершовым. См.: Булатов, Б.Б., Ершов, О.Г. О правовом регулировании и применении залога в уголовном судопроизводстве [Текст] / Б.Б. Булатов, О.Г. Ершов // Российская юстиция. 2012. № 7. С. 36-40.

УДК 343.162

В.М. Бозров, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой судебной деятельности Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, СТАТУС СУДЬИ И КОМПЕТЕНЦИЯ В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются особенности осуществления судебной деятельности в Российской Федерации.

Название статьи может синициировать реплику: очередная заявка на роль первопроходца по заезженной вдоль и поперек дороге. Чтобы исключить такой упрек полагаю уместным сделать некоторое отступление от традиционности изложения подобного рода публикаций и заявить, что «перемалывания» известных истин не будет, упражняться в научной риторике по поводу перечисленных понятий не намерен. В научной литературе по этому поводу изобилие определений на любой цвет и вкус [1, 3, 4, 5, 7, 8 и др].

Настоящая краткая публикация имеет целью обратить внимание специалистов на некоторые очевидные вещи, которые в теории правосудия почему-то остаются незамеченными. Имею в виду правовые явления властного характера, являющиеся для судебной деятельности приводным ремнем. В этой связи нахожу уместным начать экспресс-анализ с понятия и сущности судебной деятельности, ее структуры. При изучении научной литературы по данному поводу обнаружилось, что структуру судебной деятельности ученые почему-то обошли вниманием. А в тех работах, в которых без термина «судебная деятельность» авторы не могли обойтись, он употребляется как-то похотя, без теоретического обоснования в облике неопределенно-обыденного явления, «живущего» по каким-то виртуально-обобщенным правилам. В ряде работ содержание судебной деятельности подвергнуто такой аранжировке, что разобраться в этой терминологической мешанине смогут разве что их авторы [напр., 6]. Между тем, рассуждая о судебной деятельности, для начала было бы неплохо определиться в особенностях правоотношений, которым она обязана своим существованием, т.е. содержанию, объекте, субъектах, принципах регулирования и т.д. И уже на этом фундаменте строить свои выводы по данному поводу. При таком подходе непременно обнаружилось бы, что анализируемое понятие включает в себя два самостоятельных вида деятельности: процессуальную, именуемую правосудием [см. подр. 2], и административно-распорядительную. Правовой основой процессуальной деятельности являются прежде всего конституционные нормы (не буду перечислять, они известны даже студентам), а также иное отраслевое законодательство, регулирующее пра-

воотношения в сфере правосудия и через которые реализуется судебная власть посредством конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Главное, на чем здесь следует делать акцент, так это то, что судебная власть «одушевляется» только и только (!) посредством судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ), т.е. через правосудие, в процессуальной форме. Отсюда, субъектом правоотношений в сфере непосредственного отправления правосудия могут быть исключительно лица, обладающие статусом судьи. Именно они посредством своей процессуальной деятельности по рассмотрению и разрешению споров о праве применяют судебные полномочия. Особенность правового регулирования правосудной деятельности заключается в том, что она осуществляется в строго определенной законом форме с обязательным соблюдением конституционных принципов. К тому же, если верить ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, то судебная власть кроме отправления правосудия ни для чего другого не предназначена. Из сказанного следует, что судебная власть в форме правосудия может реализоваться только через статус судьи, что является основным правовым фактором, определяющим сущностные особенности правосудия как составной части судебной деятельности. Никто другой кроме судьи не является носителем судебной власти. Что же касается административно-распорядительной (или, как ее еще можно назвать организационно-обеспечительной) деятельности, то правовая природа ее обусловлена нормами, не связанными непосредственно с реализацией судебной власти и статусом судьи. Круг субъектов правоотношений здесь гораздо шире, поскольку в данном случае определяющим является обеспечительно-распорядительная компетенция должностного лица, в том числе и не входящего в аппарат суда. Например, судебных приставов, сотрудников того или иного судебного департамента и т.д. В этом виде судебной деятельности полномочия определяются не судебной властью, а компетенцией должностного лица, объемом и границы которой в отличие от статуса судьи, в большинстве своем устанавливаются локальными правовыми актами: приказами, инструкциями, положениями и т.д. Административно-распорядительная деятельность хотя и является судебной, однако носит не властный, а обеспечительный характер и является субсидиарной по отношению к правосудию. Важно подчеркнуть и то, что если в силу единства статуса судей правосудная деятельность осуществляется в строго определенной процессуальной форме, то конструкция обеспечительной деятельности производна от компетенции должностного лица. Например, председатель суда организует работу аппарата суда через издаваемые им приказы, распоряжения, инструкции и т.д. При этом он не связан статусом судьи, а только нормативными предписаниями, относящимися к его компетенции, куда входят права и обязанности, необходимые для осуществления управленческих функций, не требующих обязательной правовой формализации. Обеспечительная деятельность как правоотношение «живет» по своим, отлич-

ным от правосудия принципам. Ее содержание и метод правового регулирования несовместимы с содержанием и методом регулирования правосудной деятельности.

Вышеизложенное важно не только для чистоты теории, оно прежде всего необходимо для совершенствования и упорядочения правовой базы, регулирующей обе составляющие судебной деятельности с учетом особенностей составов правоотношений как в сфере правосудия, так и его обеспечения. Смешение методов, форм и средств регулирования анализируемых разнородных правоотношений ведет к подмене судебно-властных полномочий административно-распорядительными, что отрицательно сказывается на святой святых - независимости суда¹.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером из судебной деятельности. Мало найдется среди юристов сомневающихся в том, что президиум краевого или областного суда ни что иное как орган правосудия. Если это так, то логично утверждать, что у него единственная функция - реализация судебной власти, т.е. осуществление правосудия в строго процессуальной форме и с соблюдением конституционных принципов. Правовой основой для такого вывода является Закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». Судя по его наименованию, этот Закон должен был бы регулировать отношения только в области судопроизводства и судоустройства. Разумеется, с учетом особенностей предмета и метода регулирования. Между тем, содержание ст. 3 Закона убеждает в обратном. А именно: в смешении и предмета, и метода правового регулирования отношений, обусловленных судебной властью и административно-распорядительными полномочиями. В результате соединения воедино правосудной и обеспечительной функций президиум помимо отправления правосудия уполномочен заниматься еще и кадровым обеспечением, и хозяйственной деятельностью, и обобщением судебной практики и иной управленческой деятельностью. Проще говоря, президиум по Козьме Пруткову, превращен в универсальный судебный орган, могущий объять необъятное. Все это дает возможность, вопреки конституционным нормам применять судебную власть в административно-распорядительной деятельности. Вольно или невольно, но подобные метаморфозы способствуют перераспределению соотношения: судебная власть – административно-распорядительные полномочия, в пользу последней, а, следовательно, нарушается и соотношение статуса судьи и компетенции администратора. Хорошо это или плохо – судить Вам.

¹ Говоря о независимости суда нужно учитывать два вида факторов: а) внешние факторы, т.е. находящиеся вне пределов судебной деятельности; б) внутренние факторы, т.е. находящиеся внутри судебной деятельности. Например, возможность влияния руководителя суда на принимаемое судьей решение.

Список литературы

1. Анишина, В.И. Основа судебной власти и правосудия в Российской Федерации [Текст] / В.И. Анишина. - М, 2008.
2. Бозров, В.М. Основы теории процессуальных функций. Общая часть [Текст] / В.М. Бозров. - Екатеринбург. 2012; Правоохранительные органы Российской Федерации [Текст] / Под ред. В. М. Бозрова. М. 2013. с. 25-41.
3. Клеандров, М.И., Статус судьи. Правовой и смежные компоненты [Текст] / М.И. Клеандров. – М, 2008.
4. Колоколов, Н.А. О праве, суде и правосудии [Текст] / Н.А. Колоколов. - М. 2006;
5. Мурадян, Э.М. Судебное право. [Текст] / Э.М. Мурадян. - М, 2007;
6. Рябцева, Е.В. Судебная деятельность в уголовном процессе России [Текст] / Е.В. Рябцева. - М, 2006. - С. 30-97.
7. Стецовский, Ю.И. Судебная власть [Текст] / Ю.И. Стецовский. – М, 1999;
8. Фурсов, Д.А., Харламова, И.В. Теория правосудия. Том первый [Текст] / Д.А. Фурсов, И.В. Харламова. - М, 2009.

УДК 343.1

Е.С. Босякова, А.В. Босяков, аспиранты кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

Статья посвящена актуальным вопросам, возникающим в ходе использования средств видеоконференцсвязи на стадии судебного следствия при допросе свидетеля, потерпевшего, осмотре доказательств.

Видеоконференцсвязь - одно из самых прогрессивных нововведений в уголовном процессе Российской Федерации. Возможности ее применения поистине огромны и не ограничиваются допросом участников процесса и осмотром доказательств. В перспективе широкое использование информационных технологий в судопроизводстве позволит повысить результативность и качество производства по уголовным делам, обеспечить соблюдение процессуальных сроков, апробировать новые методы сбора и закрепления доказательств по делу, обеспечить безопасность участников уголовного процесса.

На настоящем этапе развития уголовного судопроизводства возможности средств видеоконференцсвязи используются далеко не в полном объеме, чему способствует ряд причин.

Во-первых, механизм использования средств видеоконференцсвязи не прописан в УПК. Часть 4 ст. 240 УПК РФ указывает на возможность проведе-

ния допроса свидетеля, потерпевшего путем использования систем видеоконференц-связи, но не дает ответа на вопрос: при соблюдении каких условий данный допрос возможен. Часть 1 статьи 278.1 УПК РФ указывает на наличие «необходимости». Что же понимается под «необходимостью»?

По мнению Краснопевцева С.А., необходимость обусловлена, во-первых, потребностью в изложении лицами своих показаний именно в ходе судебного заседания, а также возможностью других участников процесса принять участие в их исследовании; во-вторых, наличием определенных объективных препятствий в непосредственном присутствии свидетеля (потерпевшего) в зале судебного заседания (отдаленность проживания или нахождения, содержание под стражей, отбывание наказания в местах лишения свободы и т.п.), а, в-третьих, проведение допроса свидетеля (потерпевшего) таким образом возможно при необходимости обеспечения их безопасности, их близких родственников, родственников и близких лиц, для организации проведения допроса свидетеля (потерпевшего) в условиях, исключающих их визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, в соответствии с ч. 5 ст. 278 УПК РФ [3]. В любом случае УПК РФ ставит возможность проведения допроса в режиме он-лайн на усмотрение суда. В связи с чем возникает процессуальная коллизия: согласно ч. 4 ст. 271 УПК РФ, суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон, однако в законе не сказано, обязан ли суд удовлетворить ходатайство одной из сторон процесса о допросе свидетеля в режиме видеоконференцсвязи, если он явился в суд по месту своего нахождения и готов дать показания в режиме он-лайн. Представляется необходимым внести соответствующие поправки в УПК РФ.

Во-вторых, применение средств ВКС расширяет границы принципов устности, гласности и непосредственности исследования доказательств, что, несомненно вызывает споры в научных кругах. На наш взгляд, по данному вопросу наиболее полно и точно высказалась Артамонова Е.А., считающая, что предусмотренный порядок допроса путем использования систем видеоконференцсвязи не умаляет принципа непосредственности и устности судебного разбирательства. Суд, рассматривающий уголовное дело, сам допрашивает свидетеля (потерпевшего), значит, сохранена непосредственность. Не подверглась изменению и устная форма вопросов и ответов при допросе свидетеля (потерпевшего). Введением ч. 4 ст. 240 УПК РФ законодатель скорректировал один из основных принципов судебного разбирательства, но не нарушил его [1].

В-третьих, в законе не предусмотрена возможность допроса в суде первой инстанции по системе ВКС иных, кроме свидетеля и потерпевшего, лиц, участвующих в процессе. Однако, специалист, эксперт, гражданский истец и гражданский ответчик также могут быть допрошены посредством видеоконференцсвязи без ущерба для правосудия.

В-четвертых, вызывает споры возможность допроса несовершеннолетнего свидетеля (потерпевшего) посредством ВКС. Так, по мнению Артамоновой Е.А., в порядке видеодопроса может быть допрошен свидетель (потерпевший), достигший 16 лет. Это вытекает из требования ч. 4 ст. 278.1 УПК РФ, предписывающего получать в суде по месту нахождения допрашиваемого подписку о разьяснении ему прав, обязанностей и ответственности за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний в соответствии со ст. ст. 307 и 308 УК РФ. Альтернативы разьяснить значение для уголовного дела полных и правдивых показаний в ней не содержится. Следовательно, от допроса с помощью систем видеоконференцсвязи иных категорий несовершеннолетних свидетелей (потерпевших) до внесения соответствующих законодательных указаний необходимо отказаться. Кроме того, требуется дополнительная регламентация порядка привлечения педагога и законного представителя (ч. 1 и ч. 4 ст. 280 УПК РФ) [1]. Напротив, Рыжаков А.П. считает, что по системе ВКС возможен допрос лиц любой возрастной категории. Так, не достигший 16 лет свидетель (потерпевший) не может быть предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Поэтому председательствующим суда, рассматривающего уголовное дело, обращается его внимание на необходимость говорить правду. Вслед за тем судьей по месту нахождения свидетеля (потерпевшего) у последнего берется подписка о разьяснении ему вышеуказанных прав, обязанностей и ответственности (указании на необходимость говорить правду) [1]. Позиция Рыжакова А.П. представляется нам более обоснованной, поскольку ч.3 ст. 278 УПК РФ прямо указывает на то, что допрос свидетеля проводится по общим правилам, установленным ст. 278 УПК. Положения же ст. 280 УПК РФ распространяются на всех, без исключения несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, что позволяет сделать вывод о том, что их допрос с использованием ВКС может быть произведен при условии соблюдения предписаний данной статьи. Представляется, что при проведении сеанса ВКС участие педагога и законных представителей несовершеннолетнего должен обеспечивать суд-исполнитель, дабы обеспечить допрашиваемому лицу комфортную психологическую обстановку.

В-пятых, нерешенным остается вопрос, связанный с участием в суде потерпевшего: вправе ли он участвовать в судебном заседании с использованием видеоконференцсвязи по окончании его допроса и принимать, таким образом, участие в исследовании иных доказательств, заявлять ходатайства, выступать в прениях? На наш взгляд, такая возможность потерпевшему должна быть предоставлена по его ходатайству, поскольку это не противоречит закону и сложившейся судебной практике.

В-шестых, исходя из положений закона не ясен процессуальный статус суда-исполнителя. В частности, не решен вопрос о возможности заявления сторонами отвода судье, исполняющему запрос о проведении сеанса ВКС.

Иванов В.В. высказался на этот счет положительно: «сторонам должен объявляться весь состав суда, в т.ч. и судья, находящийся вне зала судебного заседания, но, поскольку он может появиться не в подготовительной части заседания, а в ходе судебного следствия, право на его отвод должно быть разъяснено дополнительно» [2]. Поддерживают его позицию Смирнов А.В. и Калиновский К.Б.: «Использование видеоконференц-связи не отменяет процессуальных гарантий, в связи с чем, участники процесса имеют право заявлять отвод судьбе суда по месту нахождения свидетеля» [6]. На наш взгляд, предоставление сторонам права заявлять отвод судьбе-исполнителю не целесообразно, поскольку данный судья процессуально значимых решений не принимает и на ход процесса не влияет, его роль в процессе фактически ограничивается исполнением функций секретаря судебного заседания.

В-седьмых, не урегулирован вопрос применения средств ВКС в отношении свидетелей (потерпевших), находящихся за границей Российской Федерации. Поскольку одним из принципов проведения ВКС является безопасность информации, аппаратура для проведения видеосеансов устанавливается непосредственно в судах с выделением обособленного защищенного канала связи. На территории иностранных государств безопасность канала связи не может быть гарантирована, в связи с чем, допрос по системе ВКС не может быть произведен. Козубенко Ю.В. [5] предлагает следующий выход из данной ситуации: наделить глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, расположенных в стране нахождения потерпевшего (свидетеля) полномочиями, аналогичными полномочиям судов-исполнителей в части вызова потерпевшего (свидетеля) в указанное учреждение и обеспечения проведения сеанса ВКС. На наш взгляд, данная позиция представляется весьма обоснованной.

Таким образом, система видеоконференцсвязи, являющаяся, несомненно, инновационным прорывом в системе отечественного правосудия, пока еще не нашла должного применения в практике из-за ряда сложностей и законодательных пробелов. Однако более полное законодательное урегулирование применения систем ВКС и разъяснения Верховного Суда РФ способны исправить данную ситуацию.

Список литературы

1. Артамонова, Е.А. Отдельные проблемы производства допроса свидетеля и потерпевшего путем использования систем видеоконференцсвязи в современном уголовном процессе [Текст] / Е.А. Артамонова // Администратор суда. - 2012. - № 1. - С. 14-17.
2. Иванов, В.В. Использование систем видеоконференцсвязи в современном уголовном процессе [Текст] / В.В. Иванов // Уголовное судопроизводство. - 2011. - № 3.- С. 25 - 27.
3. Краснопевцев, С.А. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном процессе [Текст] / С.А. Краснопевцев // Администратор суда.- 2012. - № 1. - С. 17-20.
4. Рыжаков А.П. Допрос свидетеля (потерпевшего) с помощью систем видеоконференцс-

- взяи: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 20 марта 2011 года № 39-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.02.2013.
5. Козубенко, Ю.В. О возможности допроса в режиме видеоконференцсвязи потерпевших-граждан иностранных государств, находящихся за рубежом [Текст] / Ю.В. Козубенко // Российский юридический журнал. - 2011. - № 4. - С. 222-225.
 6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Смирнов А.В., Калиновский К.Б. [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.02.2013.

УДК 343.116

Е.А. Бравилова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург

ЗНАЧЕНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Исследуются вопросы влияния решений Европейского Суда по правам человека, принятых по жалобам российских граждан, на судебную практику Верховного Суда РФ и совершенствование российского уголовно-процессуального законодательства.

Решения Европейского Суда по правам человека с каждым годом приобретают все большее значение в российской правовой системе. Они принимаются в различных областях права, затрагивая как отдельные отрасли права, так и конституционные основы в целом. Вопросы, разрешаемые Европейским судом по правам человека, настолько значимы для российского общества, что на XIII Международном форуме по конституционному правосудию «Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в XXI веке: проблемы и перспективы», даже обсуждался вопрос о степени обязательности решений Европейского Суда для национального конституционного правосудия и возможности их реализации [9.с.2-6]. Однако, что касается отдельных отраслей права, в том числе и уголовного судопроизводства, то решения Европейского Суда по правам человека не только обязательны по конкретным уголовным делам, но и являются основой для принятия решений по другим уголовным делам. Кроме того, российские суды все чаще и внимательнее стали прислушиваться к позиции защитника и государственного обвинителя, в которой стороны указывают на прецедентные решения Европейского Суда по правам человека исходя из специфики рассматриваемого уголовного дела. Хотя в своих решениях суды все же предпочитают ссылаться не на постановления Европейского Суда по

правам человека, а на опубликованную судебную практику Верховного Суда РФ, которая, к сожалению, иногда, исправляя ошибки, указанные Европейским Судом, предлагает весьма сомнительные с точки зрения законности решения.

Предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека в сфере уголовного судопроизводства являются требования о соблюдении общих прав каждого человека на свободу и личную неприкосновенность, на защиту, на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом в разумный срок и другие права и свободы, закрепленные в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенции). Они позволяют по иному, исходя их общеевропейских стандартов, взглянуть на многие нормы уголовно-процессуального законодательства России и практику их применения. Так, благодаря решениям Европейского Суда, не только правоприменителю, но и законодателю пришлось пересмотреть некоторые вопросы, связанные с обязательным участием осужденного, содержащегося под стражей и желающего присутствовать в кассационном и надзорном производстве, сроками расследования и рассмотрения уголовных дел, основаниями избрания меры пресечения и сроками содержания под стражей, гласности уголовного судопроизводства. Пленум Верховного Суда РФ принял ряд важных постановлений, разъясняющих требования европейских стандартов об обоснованности и исключительности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а также длительного содержания данных лиц под стражей, сущности понятий «гласность и открытость судебного разбирательства» и «разумный срок уголовного судопроизводства» [3,4,5]. Некоторые дополнения, касающиеся, например, обязательного участия осужденного, разумного срока уголовного судопроизводства были внесены в Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Вместе с тем изменение Европейским судом по правам человека наших представлений о праве на справедливое судебное разбирательство, на защиту обвиняемого напрямую отражается на фактически уже устоявшихся и ранее не вызывавших сомнения, частных случаях правоприменительной практики.

Так, по делу «Мельников против России» Европейский Суд по правам человека признал нарушением ст.6 Конвенции, а именно права на справедливое судебное разбирательство, поскольку в судебное заседание не явился и не был допрошен обвиняемый С., который являлся главным свидетелем против М. Несмотря на возражения М. и его защитника показания С. были оглашены в судебном заседании. Несмотря на то что в досудебном производстве между ними проводилась очная ставка, она, по мнению Европейского Суда, не может восполнить право М. на опрос «свидетеля», поскольку проводилась в отсутствие адвоката и без юридической помощи, а также проводилась следователем, который не отвечал требованиям независимости и беспристрастности, и обладал значительными дискреционными полномочиями для воспрепятствования

постановке вопросов в ходе очной ставки [6]. Данное решение Европейского Суда по правам человека, по сути, указало на то, что показания свидетеля, данные им непосредственно в открытом, гласном судебном разбирательстве против подсудимого, не могут заменить никакие досудебные действия, проводимые следователем, если показания этого свидетеля являются единственным прямым доказательством в уголовном деле, а сам свидетель - соучастником преступления.

Ряд решений Европейского Суда по правам человека, касающихся проверочной закупки, показал, насколько «хрупким» является механизм проведения этого оперативно-розыскного мероприятия, установленный Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [7,8]. Учитывая, что в проверочной закупке участвуют лишь двое (без посторонних и присутствующих лиц), а именно, с одной стороны выступает закупщик, являющийся либо оперативным сотрудником либо тем же наркоманом, а с другой стороны – сбытчик наркотических средств, не допустимо, по мнению Европейского Суда, считать показания одного (закупщика) истинно верными и не доверять показаниям другого (сбытчика). А именно суд обязан проверить, насколько законным являлось проведение проверочной закупки, и не имела ли место провокация преступления. Европейский Суд в очередной раз указал на основное требования презумпции невиновности о том, что в случае возникновения сомнения в наличии провокации в отношении обвиняемого, эти сомнения будут истолкованы в пользу обвиняемого. Кроме того, в своем решении Европейский Суд выразил сомнение о том, могут ли быть обеспечены в полной мере права человека при проведении проверочной закупки, если решение о ее проведения принимает не суд, независимый и беспристрастный, а руководитель оперативного подразделения. Он же проверяет законность и обоснованность проведения данного мероприятия, хотя в большинстве европейских стран эти мероприятия проводятся под контролем суда [7].

И, наконец, еще одно решение Европейского Суда РФ, о котором нельзя не упомянуть и которое вскрыло серьезные пробелы в законодательстве, касается пределов судебного разбирательства. Тот факт, что нарушение пределов судебного разбирательства являются практически ежемесячно предметом рассмотрения Верховного Суда РФ, свидетельствует о существовании серьезных проблем в данном институте. Так, например, еще недавно Верховный Суд РФ считал допустимым изменение обвинения в суде со ст. 290 УК РФ (получение взятки) на ст. 159 УК РФ (мошенничество), и в своих решениях признавал такое изменение обвинения судом в приговоре не нарушающим право на защиту [2]. После того как Европейский Суд по правам человека по делу «Селиверстов против России» посчитал такое изменение обвинения нарушением п. «b» ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Верховный Суд РФ вынужден был разъяснить о недопустимости подобного изменения об-

винения судом [1]. При этом альтернативы непосредственному изменению обвинения в суде с одной статьи на другую, если при этом нарушается право на защиту, уголовно-процессуальным кодексом РФ не предусмотрено. В уголовно-процессуальных законах многих государств, в том числе и бывших союзных республик, УПК Беларуси, УПК Украины предусмотрена возможность непосредственно в судебном заседании изменить обвинения как на ухудшающее, так и нарушающее его право на защиту. В соответствии с Конвенцией обвиняемому лишь должно быть предоставлено достаточно времени для подготовки к защите от нового обвинения. В УПК РФ не закреплен ни порядок изменения обвинения в суде, ни возможность предоставления достаточно времени подсудимому для подготовки к защите по измененному обвинению, даже в тех случаях, когда прокурор посчитает необходимым изменить обвинение в судебном заседании. Именно поэтому в последующем своем решении Верховный Суд РФ фактически установил и легализовал такой порядок. Так, по уголовному делу в отношении Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного пп. «в», «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ государственный обвинитель в судебном разбирательстве изменил обвинение, предложив квалифицировать его действия по ч.4 ст.159 УК РФ. Формулировку измененного обвинения, изложенную в письменном виде, прокурор огласил в суде, и заявил ходатайство о приобщении ее к материалам дела. Копии заявления были переданы сторонам для вручения, о чем была сделана отметка в протоколе. Полный текст измененного обвинения был приобщен к протоколу судебного заседания, и по одному экземпляру вручен сторонам. Затем в судебном заседании был объявлен двухдневный перерыв «для подготовки и защиты в связи с изменением подсудимому квалификации обвинения». После перерыва председательствующий спросил Н., понятно ли ему измененное обвинение, на что тот ответил утвердительно, и согласился по нему дать показания. При этом он не воспользовался предложением председательствующего судьи о предоставлении дополнительного времени для подготовки к защите. На вопрос адвоката Н. заявил, что обвинение, связанное с мошенничеством ему понятно и свою вину он не признает. По данному обвинению он был допрошен в судебном заседании, и постановлен приговор. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор по жалобе адвоката осужденного. Президиум Верховного Суда РФ пришел к выводу, что подсудимому при изменении обвинения в суде было обеспечено право на защиту прокурором, который действовал в соответствии с п. 3 ч. 8 ст. 246 УПК РФ.

Поскольку УПК РФ не предоставляет другого способа изменения обвинения в суде, то в данном случае это был единственно возможный выход из положения, но законный ли? Можно задаться вопросом о том, почему суд предоставил подсудимому трое суток, а, к примеру, не семь. В соответствии с ч. 2 ст. 265 УПК РФ судебное разбирательство должно быть начато не раньше чем

через 7 суток после вручения копии обвинительного заключения или постановления об изменении обвинения для того, чтобы обвиняемый мог подготовиться к защите в суде. Также, по-прежнему, неразрешенным является вопрос о том, может ли сам суд, посчитав необходимым изменить обвинения, с одной статьи УК РФ на другую, которая не ухудшает (может даже улучшает) положение подсудимого, но при этом нарушает его право на защиту, предоставив время подсудимому для подготовки к защите, изменить это обвинение. И, наконец, при переквалификации с какой и на какую норму УК РФ нарушается право на защиту, а в каких случаях такое нарушение отсутствует. Неужели по каждому такому случаю Европейский Суд по правам человека должен принимать отдельное решение? Видимо давно назрела необходимость последовать примеру Украины и разрешить эти вопросы.

В последние годы решений Европейского Суда по правам человека, которые вскрывают пробелы в российском законодательстве и изменяют устоявшиеся традиции в судебной практике, становится все больше. Необходимо лишь своевременно реагировать на такие решения и при необходимости внести соответствующие изменения в УПК РФ.

Список литературы

1. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 43-о09-14 г. Москва от 15.09.2009. [Электронный ресурс] / URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=273362 (дата обращения 16.03.2013).
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.12.2002 № 48-о03-18 [Электронный ресурс] / URL: http://www.supcourt.ru/moving_case.php?findByNember=48-%CE03-18 (дата обращения 16.03.2013).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [Электронный ресурс] / URL: http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=1177 (дата обращения: 11.04.2013).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] / URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=7713 (дата обращения: 11.04.2013).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [Электронный ресурс] / URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=8331 (дата обращения: 11.04.2013).
6. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 257п10 от 10 ноября 2010 г. [Электронный ресурс] / URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=384238 (дата обращения: 11.04.2013).
7. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Веселов и другие против России» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) [Электронный ресурс] / URL: <http://european-court.ru/tag/veselov-i-drugie-protiv-rossii/> (дата обращения: 11.04.2013).

8. Постановление Европейского Суда по правам человека «Банникова против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06) [Электронный ресурс] / URL: <http://minjust.ru/ru/node/1799> (дата обращения: 11.04.2013)
9. Фокин, А.П. Международные и национальные права в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: история, современность и проблемы взаимоотношений с Европейским Судом по правам человека [Текст] /А.П. Фокин // Российский судья. - 2011. - №1.

УДК 343.1

С.В. Вершинина, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Тольяттинского государственного университета

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ПОРЯДКА СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ГАРАНТИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье исследуются пределы обязательности установленного порядка судопроизводства для различных участников процесса. Выявляются общие закономерности в соотношении обязательности судопроизводства, процессуальных полномочий должностных лиц, прав и обязанностей иных участников. Конструируется правовая модель организации судопроизводства.

В большинстве научных исследований, представленных в процессуальной науке, уголовное судопроизводство исследуется с позиции его эффективности и достаточности для обеспечения прав и интересов участников процесса. Между тем, учитывая публично-правовой характер уголовно-процессуальной деятельности не менее важен и другой его аспект – обязательность установленного порядка судопроизводства; гарантированность исполнения законных требований и указаний должностных лиц, осуществляющих производство по делу; обеспечение необходимого, должного поведения участников. Правовую основу такого понимания составляют положения, закрепленные в ч.2 ст.1 УПК РФ, об обязательности установленного порядка судопроизводства, в ч.1 и 2 ст.21 УПК об обязательности (обязанности) осуществления уголовного преследования, а также в ч.4 ст.21 УПК РФ об обязательности требований, поручений и запросов органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Учитывая, что во всех обозначенных случаях речь идет об обязательности уголовного судопроизводства, считаем необходимым обратиться к данной проблематике и установить предмет и пределы обязательности для различных участников судопроизводства.

В науке уголовного процесса, как правило, порядок уголовного судопроизводства связывают с процессуальной формой, отождествляя эти категории [1], либо рассматривая их как часть и целое [2]. Не вдаваясь в полемику относительно соотношения данных категорий, возьмем за основу следующее определение процессуального порядка – это урегулированная уголовно-процессуальным законодательством совокупность процессуальных действий (решений), совершаемых в определенной последовательности должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу, в рамках процессуальных правоотношений с иными участниками судопроизводства, вступающими в уголовный процесс для реализации процессуальных прав, либо исполнения процессуальных обязанностей. Для определения предмета и пределов обязательности порядка судопроизводства необходимо иметь в виду, что: 1) порядок судопроизводства определяет последовательность совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, а его соблюдение связано с реализацией участниками своих процессуальных полномочий, использования прав и исполнения обязанностей; 2) в содержательном аспекте порядок судопроизводства предстает как совокупность последовательно сменяющихся процессуальных отношений, возникающих в связи с реализацией процессуальных полномочий, прав и обязанностей в строгом соответствии с нормами права.

Следовательно, порядок судопроизводства можно представить как установленную законом последовательность (очередность) реализации участниками процессуальных полномочий, прав и обязанностей. В связи с этим возникает вопрос: насколько обязательно использование участниками своих полномочий в части реализации процессуальных прав (правомочий)? Очевидно, что в этом случае обязательность не приемлема: каждый участник, в том числе и должностные лица, действующие в рамках правомочий, используют предоставленные им возможности по своему усмотрению. Следовательно, обязательность установленного порядка уголовного судопроизводства не может пониматься широко и охватывать правовой статус участников в целом. Как средство обеспечения надлежащего поведения участников и гарантия осуществления судопроизводства, обязательность порядка может быть связана только с их процессуальными обязанностями. Однако характер процессуальных обязанностей участников не одинаков и различается с учетом их правовой природы: должностные лица и органы, действующие в публичных интересах, исполняют свои обязанности в рамках государственно-властных полномочий на основе принципа презумпции заинтересованности чиновника в делах государства; участники, преследующие личные интересы – посредством осуществления правовых действий, идущих, как правило, вразрез с собственными интересами. Соответственно не одинакова и степень процессуального обеспечения обязанностей: полномочия должностных лиц, действующих от имени государства, не нуждаются в механизме принудительного обеспечения; обязанности же иных

участников должны быть обеспечены всеми видами процессуального принуждения (превентивного, пресекательного и наказательного).

Кроме того, определяя порядок производства по уголовному делу, как нам представляется, законодатель должен исходить из общего назначения уголовного судопроизводства, и ориентироваться на закрепленные в Конституции РФ обязанности государства, направленные с одной стороны на осуществление уголовного преследования виновных лиц и защиту публичных интересов; а с другой – на защиту конституционных прав и свобод участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство. В основе такого подхода лежит публично-правовой характер судопроизводства, опосредованный назначением государства обеспечивать законность, правопорядок и общественную безопасность (ст.72 Конституции РФ) и непосредственно связанный с государственной обязанностью по осуществлению уголовного преследования лиц, совершивших преступления. Специфичность и уникальность государства в качестве субъекта права предопределила создание специальных органов, действующих от его имени и в его интересах в сфере осуществления «уголовного преследования и назначения виновным справедливого наказания» (ч.2 ст.6 УПК РФ). Возлагая на эти органы обязанность по осуществлению уголовного судопроизводства, государство наделило их соответствующими полномочиями по расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел, и определило цели и назначение этой деятельности. Соответственно, органы и должностные лица, представляющие в процессуальных отношениях государство, и действующие от его имени наделяются не столько процессуальными обязанностями следовать установленному порядку, сколько государственно-властными полномочиями на осуществление этого порядка. Что в свою очередь предполагает наличие у данных субъектов правовых знаний и профессиональных навыков в сфере уголовного судопроизводства. Все остальные участники находятся по отношению к должностному лицу в подчиненном положении и, следовательно, вынуждены исполнять обращенные к ним требования. В связи с этим очевидно наличие в законодательстве правовых положений, закрепляющих: обязанности должностных лиц исполнять правовые нормы; обязательность решений и указаний должностных лиц для остальных участников; и возложение процессуальных обязанностей на участников, вступающих в правоотношения с должностными лицами. Указанный вид отношений можно выразить формулой: *полномочие (правомочие) должностного лица ↔ процессуальная обязанность участника*.

С другой стороны, в современной России, ориентированной на построение правового государства, публичная природа уголовного судопроизводства корректируется конституционной обязанностью государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст.2 Конституции РФ). В связи с этим возникает еще одна цель в правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений – защита конституционных прав и сво-

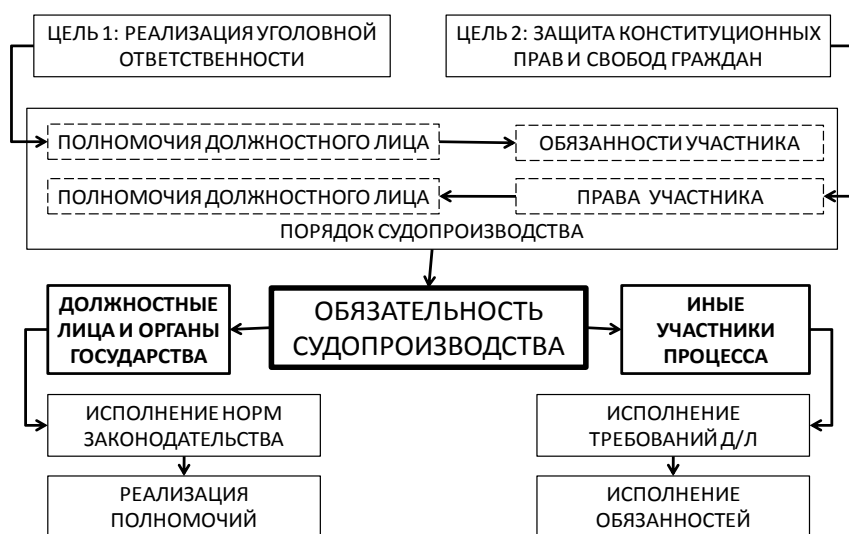
бод человека, и формируется комплекс прав участников судопроизводства и полномочий должностных лиц, обеспечивающий достижение обозначенной цели. Как следствие в системе публичных процессуальных отношений, устанавливается баланс между процессуальными обязанностями участников судопроизводства, используемыми для обеспечения защиты интересов общества, с одной стороны, и процессуальными правами участников, направленными на защиту собственных общегражданских интересов, с другой. Вместе с тем предоставление участникам процессуальных прав предполагает возложение на должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, обязанностей по созданию условий для реализации участниками прав, гарантированных Конституцией РФ. В связи с этим возникает второй вид процессуальных отношений, который можно выразить формулой: *полномочие (обязанность) должностного лица ↔ процессуальное право участника*.

Существование обоих видов процессуальных правоотношений непосредственно связано с реализацией государственно-властных полномочий, что на наш взгляд, предопределяет главенствующее, приоритетное положение органов и должностных лиц государства в системе участников уголовного судопроизводства. Указанный фактор, к сожалению, не отразился в российском уголовно-процессуальном законодательстве, ориентированном на классификацию участников судопроизводства по функциональным различиям. Между тем от действий и решений должностных лиц зависит реализация уголовно-процессуальных норм, возникновение или прекращение процессуальных отношений; они обеспечивают «движение» уголовного дела и несут ответственность за законность и обоснованность принятых решений. Все остальные участники «вводятся» в процессуальные отношения постольку, поскольку это необходимо для реализации полномочий государственно-властных субъектов по расследованию и разрешению уголовных дел. В этой связи считаем целесообразным на уровне закона классифицировать субъектов уголовно-процессуальных отношений на две группы, по каждой из которых установить объем и пределы обязательности участия в судопроизводстве. Если для органов и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу обязательность уголовного судопроизводства должна рассматриваться, как их обязанность следовать установленному в законодательстве процессуальному порядку, то для участников, не обладающих государственно-властными полномочиями, обязательность судопроизводства не может быть связана с исполнением норм законодательства. Во-первых, возложение на должностное лицо полномочий по осуществлению процессуального порядка, посредством исполнения норм права, исключает аналогичную функцию у остальных участников. В противном случае возникнет конкуренция и дублирование полномочий, что неизбежно приведет к разрушению всей системы производства. Во-вторых, не имея специальной правовой подготовки, участники, вовлекаемые должностным ли-

цом в уголовный процесс, не знакомы с процессуальным законодательством, и не могут обязываться к его строгому исполнению в порядке установленном УПК РФ. Согласно ч.5 ст.164 УПК РФ, вовлеченные участники получают необходимую информацию о порядке и правилах осуществления следственных действий, и о наличии у них процессуальных прав, обязанностей и ответственности от должностных лиц, осуществляющих производство по делу. При этом ознакомление участников с порядком судопроизводства осуществляется должностными лицами фрагментарно, в части отдельных следственных и процессуальных действий, в которых они участвуют, и лишь в целях создания условий для использования ими своих прав и исполнения процессуальных обязанностей. Исключая обязательность в части реализации процессуальных прав, очевидно, что исполнение процессуальных обязанностей участников в отношениях с должностными лицами, должно быть обеспечено в объеме, необходимом для эффективного исполнения должностными лицами, ведущими производство по делу, своих процессуальных полномочий.

Таким образом, обязательность уголовного судопроизводства, отмеченная в положениях УПК РФ, должна быть направлена на обеспечение, с одной стороны, полномочий государственно-властных субъектов по осуществлению судопроизводства в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, с другой – на обязанности участников, вовлеченных в уголовный процесс, исполнять требования и поручения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу. Соответственно предмет и пределы обязательности в уголовном судопроизводстве можно показать следующим образом (Рисунок 1):

Рисунок 1. Предмет и пределы обязательности уголовного судопроизводства

В результате проведенного исследования выявлен ряд закономерностей, раскрывающих соотношение между обязательностью уголовного судопроизводства, процессуальными полномочиями должностных лиц и процессуальными правами и обязанностями иных участников, а именно:

1) Возложение на должностных лиц полномочий по осуществлению судопроизводства

предполагает одновременное закрепление для других участников обязательности решений и указаний этих должностных лиц.

2) Обязательность решений должностных лиц обеспечивается закреплением процессуальных обязанностей участников судопроизводства.

3) Наличие процессуальной обязанности участника должно быть обеспечено механизмом ее принудительного исполнения.

4) Исполнение процессуальных обязанностей участниками обеспечивает реализацию полномочий должностных лиц.

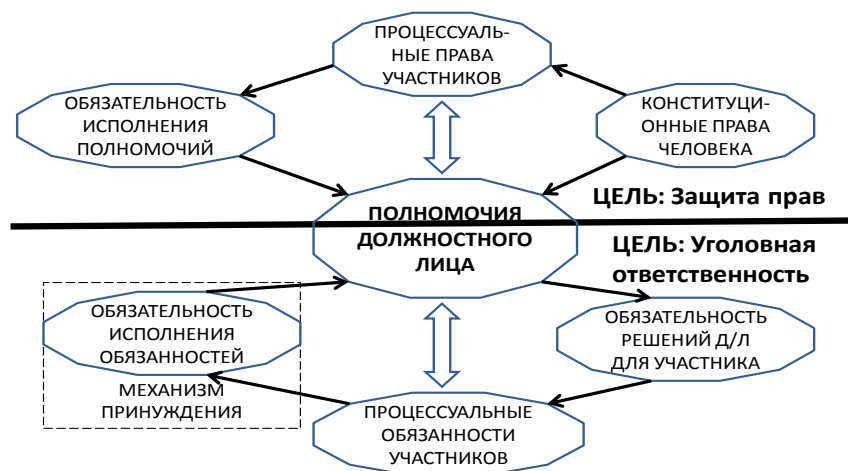
5) Полномочия должностных лиц в уголовном процессе корректируются конституционными правами и свободами человека

6) Порядок судопроизводства, установленный с учетом конституционных положений, предполагает обязательность его исполнения для должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу.

К сожалению, в действующем российском законодательстве отмеченные закономерности не учитываются в полной мере. Закрепляя в ст.21 УПК РФ полномочия органов расследования и прокурора по осуществлению уголовного преследования и закрепляя обязательность их требований для физических и юридических лиц, законодатель не уделяет должного внимания процессуальным обязанностям участников судопроизводства. В связи с чем создается иллюзия отсутствия обязанностей в процессуальных статусах таких участников как обвиняемый (подозреваемый) и формируется искаженное представление об уголовном судопроизводстве как сфере возможного, а не должного. Учитывая, что эффективное достижение целей уголовного судопроизводства предполагает подчинение всех участников единой воле, одному порядку, наличие у участников процессуальных обязанностей в этом случае неизбежно.

На основе указанных закономерностей можно сконструировать правовую модель организации уголовного судопроизводства, ориентированную на качественное и эффективное

Рисунок 2. Правовая модель организации уголовного судопроизводства

осуществление процессуальных полномочий должностными лицами, с учетом целей и назначения российского уголовного процесса (Рисунок 2). Основой, сердцевинной этой модели являются процессуальные полномочия должностных лиц, включающие в себя две части: 1) процессуальные обязанности

должностных лиц, производные от конституционной обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека; 2) процессуальные *правомочия* должностных лиц, производные от конституционной обязанности государства обеспечивать правопорядок и безопасность в обществе. Существовая в рамках единого правового статуса, процессуальные правомочия и обязанности должностных лиц реализуются в указанных выше видах правоотношений, характер и содержание которых опосредованы рядом факторов: целями правового регулирования; правовым статусом второго участника; распределением процессуальных прав (правомочий) и обязанностей между участниками; предметом и пределами обязательности судопроизводства.

Использование в правовом регулировании процессуальных обязанностей участников, определение меры их должного, необходимого для достижения целей судопроизводства поведения, ставит перед законодателем задачу обеспечения надлежащего поведения участников, создания гарантированного механизма исполнения процессуальных обязанностей независимо от воли и желания исполнителей. Для решения этой задачи не достаточно закрепления обязательности указаний должностного лица и включения в статус участников процессуальных обязанностей. Необходимо чтобы исполнение каждой обязанности было обеспечено дополнительно, с помощью адекватных мер принуждения. Отсутствие в законодательстве прочных связей «обязанность – принуждение» нивелирует обязательность государственно-властных предписаний и ставит под угрозу достижение целей уголовного судопроизводства. Очевидно, что исполнение каждой процессуальной обязанности должно гарантироваться мерами уголовно-процессуального принуждения. В свою очередь каждая мера уголовно-процессуального принуждения должна обеспечивать конкретную процессуальную обязанность. Принуждение вне связи с обязанностями нелегитимно и нелогично. В этом смысле наличие в уголовно-процессуальном законодательстве норм, закрепляющих и обеспечивающих обязательность установленного порядка, является значительной гарантией надлежащего осуществления уголовного судопроизводства и правосудия по уголовным делам.

Список литературы

1. См.: Алексеев, Н.С., Даев, В.Г., Кокорев, Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса [Текст] / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж, Изд-во Воронеж.унив-та. 1980, 252 с.; Якуб, М.П. Процессуальная форма [Текст] / М.П. Якуб. – М, 1988.
2. См.: Строгович, М.С., Курс советского уголовного процесса. Т.1[Текст] / М.С. Строгович. - М., Изд-во «Наука». 1968. - с.51; Смирнов, А.В., Калиновский, К.Б. Уголовный процесс. Учебник [Текст] / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008.- 704 с.

УДК: 343.13(470+571)-021.272:343.13(476)

В.А. Воробьёв, ассистент кафедры уголовного права и процесса Гомельского государственного университета им.Ф.Скорины, Республика Беларусь

ПРЕЮДИЦИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В работе автор представляет сравнительный анализ правовых норм, регулирующих применение преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и России. Обобщены результаты сравнительного анализа.

В последнее время в научной литературе все чаще упоминается принцип процессуальной экономии. Одни авторы упоминают его при рассмотрении вопроса о дифференциации судебных процедур[1], другие - при оценке института доказывания [2].

Следует отметить, что уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси и России не такого принципа, хотя это давно наболевший вопрос. Без экономии привлекаемых сил и средств невозможно эффективное достижение целей уголовного процесса. Одним из проявлений процессуальной экономии является преюдиция, которая довольно глубоко изучается в России и пока остается без должного внимания среди белорусских ученых. Так, за последние пять лет на монографическом уровне проблемы преюдиции в уголовном процессе Российской Федерации были рассмотрены Гореликовой А.Г., Фидельским С.В., Чащиной И.В. и другими авторами.

Российское уголовно-процессуальное право закрепляло преюдицию, правда, лишь межотраслевую, еще в советский период. В современном понимании она была предусмотрена в УПК РСФСР 1922 и 1923 годов. Правовая конструкция нормы о преюдиции в уголовном процессе имела ряд недостатков, которые были учтены при разработке и принятии УПК РСФСР в 1960 году. Статья 28 УПК РСФСР 1960 года гласила: «Вступившее в законную силу решение, определение или постановление суда по гражданскому делу обязательно для суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, при производстве по уголовному делу только по вопросу, имело ли место событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого» [3].

В 2001 году был принят новый УПК Российской Федерации, в котором сохранилась и развилась норма о преюдиции. Изначально статья 90 УПК РФ устанавливала, что «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда. При этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не уча-

ствовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле».

В 2009 году текст статьи подвергся редактированию и приобрел следующий вид: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле» [4].

Таким образом, российский законодатель отказался от оспаривания преюдициальных фактов при наличии сомнений у суда и вернул, как это было в УПК РСФСР 1960 года, в текст уголовно-процессуального закона межотраслевую преюдицию, причем разрешил использовать решения принятого не только в рамках гражданского, но и арбитражного или административного судопроизводства.

Несмотря на это, многими авторами поднимаются вопросы несовершенства правового регулирования преюдиции в уголовном процессе Российской Федерации. Так, Фидельский С.В. указывает, что остается неразрешенным вопрос о том, обладают ли свойством преюдициальности решения Конституционного Суда Российской Федерации, а также Европейского Суда по правам человека. [5]

В УПК БССР 1960 года норма, закрепляющая преюдицию в уголовном процессе, отсутствовала. В настоящее время, после принятия нового уголовно-процессуального закона, соответствующая норма предусматривается в статье 106 УПК.

Согласно части 1 статьи 106 УПК вступивший в законную силу приговор по другому уголовному делу обязателен для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу в отношении как установленных обстоятельств, так и их юридической оценки.

Часть 2 статьи 106 УПК гласит: «Вступившее в законную силу решение суда по гражданскому делу обязательно для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу только по вопросу о том, имело ли место само общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, о размере вреда и не может предрешать выводы о виновности или невиновности обвиняемого» [6].

Явный пробел в правовой регламентации преюдиции в белорусском уголовном процессе выражается в том, что при схожести гражданского и хозяйственного судопроизводства преюдициальное значение в уголовном процессе имеют только решения по гражданскому делу. [7]

Стоит отметить, что и со стороны правоприменителя нет точного исполнения предписаний УПК в части применения правила преюдиции в уголовном

процессе.

Примером может служить дело, рассмотренное судом Гомельского района в отношении Б., осужденного по ч. 1 ст. 401 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Б. признан виновным в заведомо ложном показании свидетеля при производстве предварительного следствия. Судом было установлено, что Б., являясь свидетелем дорожно-транспортного происшествия, будучи письменно предупрежденным об уголовной ответственности за дачу ложных показаний и допрошенным в ходе предварительного следствия в качестве свидетеля об обстоятельствах дела, а также в ходе очной ставки, дал заведомо ложные показания в пользу обвиняемого Ж., указав, что за рулем автомобиля находился не Ж., а П., тем самым умышленно исказив обстоятельства, имеющие существенное значение для дела. В приговоре суд указал, что вина Б. подтверждается, наряду с его признанием и показаниями свидетелей, различными письменными материалами дела, в числе которых не фигурировала копия приговора в отношении Ж., признанного виновным в нарушении правил дорожного движения лицом, управляющим транспортным средством, повлекшим по неосторожности причинение тяжкого телесного повреждения. В то же время в описательной части приговора по обвинению Ж., в частности, отмечалось, что показания Б., данные им в качестве свидетеля, являются ложными, так как Б. по просьбе Ж. показал, что управлял машиной П., а не Ж.. [8]

Таким образом, в нарушение ч. 1 ст. 106 УПК, по уголовному делу, возбужденному в отношении Б., факт дачи им ложных показаний был подвергнут органами, ведущими уголовный процесс, полному исследованию (доказыванию), хотя для подтверждения данного факта требовалось лишь приобщение копии приговора по обвинению Ж. (а этого сделано не было) и отсутствовала необходимость в использовании дополнительных средств доказывания (допросов свидетелей и ряда других).

На основании сравнительного правового анализа правового регулирования преюдиции в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь, можно сделать ряд выводов:

- белорусский и российский законодатель закрепили обязательную преюдицию;
- преюдициальное значение в российском уголовном процессе имеют решения всех судов, в белорусском – только решения по гражданским делам.

Список литературы

1. Марковичева, Е.В. Ускорение уголовного судопроизводства как гарантия обеспечения прав лиц, вовлеченных в сферу уголовной юстиции [Текст] / Е.В. Марковичева // Российская юстиция. - 2009. - № 9. - С. 65 – 66.
2. Колоколов, Н.А. Российская наука в поисках оптимального формата учебника уголовного процесса [Текст] / Н.А. Колоколов // Юридический мир. - 2009.- № 6.- С. 56-62.

3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР [Текст] / Под научн. ред. В.Т. Томина. - М.: Вердикт, 1996. - С. 60.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] / Центр документов БДИПЧ. URL:<http://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes/country/7> (дата обращения: 20.03.2013).
5. Фидельский, С.В. Преюдиция в уголовно-процессуальном праве: нормативное закрепление и порядок реализации [Текст] / Автореф. дисс...канд.юрид.наук. - М., 2011.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=НК9900295&p2={NRPA}> (дата обращения: 20.03.2013).
7. Воробьёв, В.А. О придании преюдициального значения решениям хозяйственного суда в уголовном процессе [Текст] / Приоритетные направления развития правовой системы общества: материалы междунауч.-практ. конф. – Гомель.: Изд-во ГГУ, 2012.
8. Дело № 09024080001 [Текст] / Архив суда Гомельского района, Гомельской области, Республики Беларусь.

УДК 342.735

Е.П. Гришина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПЕРЕВОДЧИКА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Статья посвящена актуальным научно-практическим вопросам реализации принципа национального языка судопроизводства, обеспечения прав лиц, не владеющих языком судопроизводства, а также правовому положению переводчика в уголовном процессе России.

Политико-правовые преобразования современной России, ориентированные на формирование принципиально новых основ правоохранительной деятельности, с неизбежностью актуализируют деятельность, направленную на ее радикальное усовершенствование. И, прежде всего, в данном случае речь должна идти об уголовном судопроизводстве.

Особую значимость в реформировании деятельности по раскрытию, расследованию преступлений и судебному рассмотрению уголовных дел в соответствии с общепризнанными мировыми стандартами и нормами российского права приобретает защита прав лиц, не владеющих языком судопроизводства.

«Язык, – по меткому замечанию Л.Л. Васильевой-Кардашевой, – уникальная ценность и неотъемлемый признак этноса. На нем основывается многовековая информация об истории, мировоззрении, морали, духовных качествах народа. Свободное владение национальным языком тесно связывает каждого человека с его нацией, народностью, дает возможность лучше чувствовать и полнее использовать всю палитру веками сложившегося национального восприятия окружающего» [1]. Вместе с тем бессмысленно отрицать, что эта палитра существенно осложняет перевод устной и письменной речи ее обладателей, особенно, если необходимость в таковом возникает в правоохранительной сфере.

Требование создания и функционирования отвечающего современным требованиям правового механизма защиты лиц, не владеющих языком судопроизводства, актуализируется перманентным увеличением показателей преступности при участии иностранных граждан и лиц без гражданства.

Научные исследования последних лет показали, что к 2018 г. доля преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства, постепенно возрастая, достигнет своего пика и может составить 9% от общего числа всех зарегистрированных на территории страны преступлений [2]. Для примера – число преступлений, связанных с незаконным производством наркотиков, совершаемых иностранными гражданами, возросло в 25 раз. В определенной прогрессии (приблизительно 1,2–1,4 тыс. в год) растет количество преступлений, совершаемых в России в отношении иностранных граждан [3].

Реакцией на сложившуюся ситуацию являются научная привлекательность вопросов, касающихся мировых стандартов и принципов, а также радикального преобразования российского законодательства об участии переводчика в уголовном процессе.

Мировой опыт борьбы с преступностью неумолимо свидетельствует о трудностях судебного перевода. Особенности национального, диалектного, этнического содержания языков, востребованных в уголовном судопроизводстве, весьма разнообразны. «Классические» языки (немецкий, английский, французский) постепенно вытесняются китайским, испанским, португальским, а применительно к России – языками многочисленных народов канувшего в лету СССР. Государственная правоохранительная система явно перестает без посторонней помощи справляться с растущей судебной криминальной лингвосферой [4].

Значимость международных норм для правовой системы России верно подмечена А.П. Гуськовой: «... сегодня на этапе развития цивилизации идет всеобщий процесс установления мирового порядка. Правам человека в нем обоснованно уделяется повышенное внимание. Содержанием международно-правового регулирования прав человека становится сотрудничество государств,

основанное на международно-правовых актах, различных по форме и по юридической силе, а это означает, что совместная деятельность государств по выработке единых стандартов прав и свобод человека в нем занимает весомое место.

Важным в этой связи является имплементация данных стандартов в национальных правовых системах, а также создание международных механизмов контроля за соблюдением установленных стандартов и соответственно восстановления нарушенных прав с использованием при этом национальных и международных средств и институтов»[5].

Базовые положения защиты прав лиц, не владеющих языком производства, определяющие необходимость в привлечении переводчика, содержатся, в частности в п. «а» и «f» ч. 3 ст. 3 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Резолюцией 2200 А от 16 декабря 1966 г. (вст. в силу 23 марта 1976 г.)[6], ч. 2 ст. 5, п. «е» ч. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.)[7], согласно которым каждое лицо должно быть в срочном порядке и подробно уведомлено на языке, который оно понимает, о характере и основании предъявленного ему уголовного обвинения, а также о праве пользоваться бесплатной помощью переводчика, если оно не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Принцип 14 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой - бы то ни было форме (принят Резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г.)[8], гласит: «Лицо, которое недостаточно хорошо понимает или говорит на языке, используемом властями, ответственными за его арест, задержание или заключение, имеет право на получение как можно скорее на языке, который он понимает, информации, указанной в принципах 10, 11 (п.2), 12 (п.1) и 13, и на получение помощи переводчика, если необходимо бесплатной, в связи с юридическим разбирательством после его ареста.

Специализированными международными актами, регулирующими профессиональную деятельность переводчиков, в том числе в рамках производства по уголовному делу, являются Хартия переводчика Международной Федерации переводчиков (FIT), принятая Конгрессом в Дубровине в 1963 г. и измененная в Осло 9 июля 1994 г., и Рекомендация ЮНЕСКО «О юридической охране переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков», принятая в Найроби на 19-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 22 ноября 1976 г.

Международные правовые акты, ратифицированные Российской Федерацией, являются составной частью ее правовой системы, обладают высшей юридической силой и прямым действием. Помимо прочего они служат ориентиром, неким стандартом для правотворческой деятельности государства.

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [9], в ч. 2 ст. 26 закрепляет положение, согласно ко-

торому каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Персонифицируя конституционную норму применительно к уголовно-процессуальной деятельности Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) [10] в ч. 2 ст. 18 устанавливает правило, согласно которому участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 189 УПК РФ, если у следователя возникают сомнения, владеет ли допрашиваемое лицо языком, на котором ведется производство по уголовному делу, то он выясняет, на каком языке допрашиваемый будет давать показания. О назначении переводчиком дознаватель, следователь, прокурор или судья выносит постановление, а суд – определение (ч. 2 ст. 59 УПК РФ). Вызов переводчика и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются ст. 169 и 263 УПК РФ.

Сложность осуществления перевода (особенно – синхронного и адаптированного), а именно в таком нуждается уголовное судопроизводство, позволяет некоторым авторам именовать деятельность переводчика как особое искусство[11].

А.М. Ларин рассматривал расследование уголовного дела в качестве «борьбы за информацию»[12]. Итог подобной «борьбы» определяется количеством достоверных, допустимых, относимых сведений, именуемых доказательствами, а также достаточностью их совокупности для принятия процессуального решения. И информация эта должна быть понята адекватно всеми участниками процесса, которых она касается, особенно в том случае, если они не могут общаться друг с другом без лингвистического посредничества. Подобное же положение возможно исключительно при участии в деле в качестве переводчика компетентного лица.

Участники уголовно-процессуальной деятельности, прежде, всего, следователь, дознаватель и суд, должны иметь четко представление о том, в каком качестве ими используется перевод, Игнорирование подобного положения может привести к ошибочным выводам.

Пример из практики. В 2008 г. Верховный Суд республики Карелия рассматривал резонансное уголовное дело в отношении нескольких граждан чеченской национальности о массовой драке в Кондопоге. Перевод процессуальных документов с русского языка на чеченский был поручен бюро судебных переводов. Благодаря стараниям защиты подсудимых в готовом переводе

обвинительного заключения и постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых обнаружился следы процессуальных нарушений.

Дело оказалось на грани развала, а подсудимые – на пороге освобождения, так как защита настаивала на исключении этих переводов из числа допустимых доказательств по делу и о возврате дела в следственные органы [13].

Профессиональная компетенция переводчика может предполагать знание не только иностранного языка как такового, но и знание наличествующих диалектов этого языка. В контексте рассматриваемой проблемы примечателен такой факт, что Россия до настоящего времени не ратифицировала Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств (Европейская хартия о языках), принятую в Страсбурге 5 ноября 1992 г., ограничившись присоединением к странам, подписавшим эту Хартию [14].

Незавершенность правового регулирования вопросов, касающихся процессуального положения переводчика в уголовном судопроизводстве (прежде всего – несогласованность отечественного законодательства и международных норм), существенно осложняет правоприменительную практику.

Трудности в процессе проведения следственных действий, определяемые компетенцией переводчика, возникают не только для самого следователя, но и для других участников, которым должно быть предоставлено право заявить отвод переводчику (в противном случае их права, установленные международными актами и рецептированные российским законодательством, будут нарушены).

Нормы УПК РФ, таким образом, нуждаются в корректировке по двум направлениям – адекватное закрепление дефиниции переводчика и детальная регламентация оснований отвода этого участника процесса.

Прежде всего, нужно отметить, что уголовная ответственность по ст. 307 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)[15] за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод наступает с 18 лет. В свою очередь ч. 5 ст. 59 УПК РФ устанавливает, что за неправильный перевод и разглашение данных предварительного следствия переводчик несет ответственность в соответствии со ст. 307 и 310 УК РФ. Для реализации положений названных норм необходимо одно условие – совершеннолетие переводчика. Переводчик должен быть также компетентным и незаинтересованным в исходе дела и, по логике вещей, не иметь препятствий для участия в деле по причине «конфликта» с законом.

С учетом высказанных положений содержание ч. 1 ст. 59 УПК РФ может быть представлено следующим образом: «Переводчик – совершеннолетнее лицо, не судимое, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, компетентное, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода».

В целях придания отводу переводчика логической завершенности

с юридической и этической позиций целесообразно изложение ч. 2 ст. 69 УПК РФ в следующей редакции: «2. При наличии обстоятельств, предусмотренных статьей 61 настоящего Кодекса, отвод переводчику может быть заявлен сторонами, а в случае обнаружения и удостоверения некомпетентности переводчика – также свидетелем, экспертом или специалистом».

Участие *переводчика* имеет место в любых следственных действиях, направленных на получение вербальной информации. Пользоваться услугами переводчика имеет право любое лицо при наличии обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 18 УПК РФ.

Установление компетентности переводчика – не единственная проблема, возникающая в ходе использования специальных познаний данного участника процесса. На практике часто возникают проблемы необоснованного отказа от переводчика в ходе предварительного расследования с последующим заявлением о том, что на досудебных стадиях было нарушено право пользоваться услугами переводчика. Даже если подобных проблем не возникает, возможны случаи, когда отказавшийся от услуг переводчика участник процесса действительно плохо владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Мнения ученых по рассматриваемому вопросу сводятся к обязательному участию переводчика в подобных случаях. Большинство считает, что заявление лица (главным образом – иностранца) о желании давать показания без переводчика, не являются обязательным для лица, ведущего расследование. Иностранец может явно переоценивать свои знания [16]. Другие думают по-иному: если у следователя или суда возникает сомнение в достаточном знании обвиняемым, потерпевшим, свидетелем языка производства, они обязаны пригласить переводчика по собственной инициативе [17].

Право на пользование родным языком, свободный выбор языка общения в уголовном судопроизводстве является логической формой реализации конституционных положений, которые обладают высшей юридической силой, прерогативой и исключительной важностью. Любые разночтения в данном вопросе не уместны.

В целях создания согласованного режима правового регулирования и более полной реализации положений ч. 2 ст. 26 Конституции РФ и ст. 18 УПК РФ вносится предложение о дополнении ст. 169 УПК РФ п. 1¹ следующего содержания: «1¹) Отказ подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля необязателен для следователя».

Список литературы

1. Васильева – Кардашевская, Л.Л. Конституционный принцип национального языка и его реализация в досудебных стадиях уголовного процесса [Текст] / Л.Л. Васильева – Кардашевская // Автореф. дисс... канд. юрид. наук. - М., 2002. - С. 5.

2. Копылова, О. П., Курсаев, А.В. Принцип языка в Российском уголовном судопроизводстве [Текст] / О.П. Копылова, А.В. Курсаев. - Тамбов, 2007. - С.4.
3. Криминал [Электронный ресурс] / URL: <http://www.New.ru.com> (дата обращения 26.02.2009).
4. Винников, А.В. Перевод в судебном уголовном процессе. Источник информации – сайт экспертно-переводческой организации «Открытый мир» [Электронный ресурс] / URL: [www/http://otkrmir.ru](http://otkrmir.ru) (дата обращения 10.11.2012).
5. См.: Гуськова, А.П. Аспекты научных исследований основ международного уголовно-процессуального права представителями научной школы Оренбуржья [Текст] / А.П. Гуськова // Школы и направления уголовно-процессуальной науки: доклады и сообщения на учредительной конференции Международной ассоциации содействия правосудию. Санкт-Петербург, 5–6 октября 2005 г./ под ред. А.В. Смирнова. СПб, 2005 С. 29–33.
6. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. №12 [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.02.2013.
7. Бюллетень международных договоров. 2001. №3 [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.02.2013.
8. Правовые основы деятельности системы МВД России: сб. нормативных документов. Т. 2. [Текст] . - М.: ИНФРА-М, 1996. С. 147–157.
9. Парламентская газета. №4. 23–29.01.2009 [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.02.2013.
10. Федеральный закон от 18.12.2001. №174-ФЗ [Текст] // Российская газета. №249. 22.12.2001 (с посл. изм.).
11. Любимов, Н. Перевод-искусство // Мастерство перевода [Текст] / Н.Любимов. - М.: Советский писатель, 1964. - С. 233–237.
12. Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу. Организация и планирование [Текст] / А.М. Ларин. - М.: Юрид. лит., 1970. - С. 59.
13. См.: Винников, А.В. Практические аспекты участия переводчика в уголовном процессе [Текст] / А.В. Винников // Уголовный процесс. 2012. №1. С. 60–66.
14. Распоряжение Президента РФ от 22.02.2001 № 90-рп [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.02.2013.
15. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ-ФЗ [Текст] / Собрание законодательства РФ. 17.06. 1996. №25. Ст. 2954.
16. Александрова, О.И. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности возбуждения и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан: [Текст] / О.И. Александров // Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2001.- С. 45; Аналогичная позиция прослеживается в работах С. Шейфера / Шейфер, С.А. Следственные действия: система и процессуальная форма [Текст] / С.А. Шейфер. - М., 2002.С. 138.
17. См.: Саркисянц, Г.П., Агзамходжаев, А.А. Переводчик в советском уголовном процессе [Текст] / Г.П. Саркисянц, А.А. Агзамходжаев. - Ташкент, 1974. С. 43.

УДК 343.123.66

Е.А. Грохотова, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ДОПУСТИМЫЕ ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПА ПУБЛИЧНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье рассмотрена проблема действия принципа публичности при рассмотрении уголовных дел частного обвинения. Анализируются критические точки зрения процессуалистов на данную проблему. По результатам исследования отражается собственная позиция автора.

Институт частного обвинения представляет собой особую категорию уголовных дел. При рассмотрении данной категории уголовных дел волеизъявлением потерпевшего начинается производство по уголовному делу частного обвинения, по его желанию может и прекратиться. Таким образом, гражданин сам устанавливает необходимость вмешательства государства в данный конфликт.

Однако, в юридической литературе все чаще обсуждается проблема чрезмерной публичности института частного обвинения. Связано это с предоставлением должностным органам в исключительных случаях права возбуждения уголовных дел частного обвинения. Так, ч. 4 ст. 20 УПК РФ говорит: «руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей настоящей статьи, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. К иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором не известны».

А.А. Тарасов делает акцент на проявлении принципа публичности именно в уголовных делах частного обвинения. В любом частном интересе всегда присутствует публичный интерес, тогда как публичный интерес не существует сам по себе, вне частных интересов многих людей. Применительно к делам частного обвинения ничуть не менее важно подчеркнуть, что, хотя инициатором возбуждения уголовного дела и выступает *пострадавший* (от авт.), инициатива частного лица сама по себе не породит публично-правовых последствий до тех пор, пока она не будет официально поддержана органом публичной власти. Более того, без этой поддержки невозможна полноценная защита ни частных, ни публичных интересов[1]. В данном случае вспоминается позиция В.С. Джатиева, который утверждал, что обвинение не может быть част-

ным, поскольку обвинение всегда публично [2].

Анализирую данный взгляд авторов на публичный характер уголовных дел частного обвинения хочется частично поддержать их позицию. Ведь действительно одна из особенностей уголовного процесса в целом заключается в публичном виде правоотношений, возникающих между участниками процесса, поскольку всегда одной из сторон таких отношений выступает орган государства, который возбуждает, расследует и рассматривает уголовное дело по существу. Кроме того, никто не отвергает действия принципа публичности при возбуждении уголовных дел частного обвинения в исключительных случаях. Однако, специфика частного обвинения без применения исключительный случаев как раз в том, что обвинение исходит от потерпевшего частного лица. Напомним, что возбуждение уголовных дел частного обвинения должностными лицами осуществляется в определенных случаях зависимого или беспомощного состояния, либо по причине неизвестности лица, совершившего преступление. Наличие данных случаев подразумевает пределы действия принципа публичности при рассмотрении уголовных дел частного обвинения.

В подтверждение наших выводов хотелось бы выделить замечание А.А. Тушева, Е.С. Трясейкиной, что особенности производства по уголовным делам частного обвинения не исключают применение принципа публичности по данной категории дел. Действие принципа публичности посредством наделения полномочных органов и должностных лиц органов государственной власти обязанностью возбуждать уголовное преследование при обнаружении достаточных оснований не прекращается в случае установления некоторых признаков преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

По каждому выявленному правоохранительными органами факту совершения деяния, предположительно пока еще не достоверно подпадающего под признаки преступления, преследуемого в частном порядке, проводится проверка на основании ст. ст. 144 - 145 УПК РФ, в рамках которых опрашиваются лица, причастные к конфликту, очевидцы, в необходимых случаях проводится осмотр места происшествия, освидетельствование. Оценив, в совокупности, полученные в ходе проверки данные, должностное лицо правоохранительного органа направляет материалы проверки мировому судье[3]. Исходя из данных положений можно сделать вывод, что наличие исключительных случаев возбуждения уголовных дел частного обвинения не ущемляет действия принципа публичности при рассмотрении дел частного обвинения.

Кроме того подобные разногласия разрешаются на законодательном уровне. Положение ч. 6 ст. 321 УПК РФ гласит: «Если в ходе судебного разбирательства в действиях лица, в отношении которого подано заявление, будут установлены признаки преступления, не предусмотренные ч. 2 ст. 20, то мировой судья выносит постановление о прекращении уголовного преследования по делу и направлении материалов руководителю следственного органа или на-

чальнику органа дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного или частно-публичного обвинения, о чем уведомляет потерпевшего и его законного представителя».

Реализация данных норм закона подтверждается и практикой их применения. Так, по уголовному делу частного обвинения № 1-72 по обвинению С. по ч. 2 ст. 116 УК РФ мировой судья судебного участка №2 вынес постановление о прекращении уголовного дела, поскольку в действиях С. усмотрен состав преступления, преследование за которое осуществляется в порядке публичного обвинения[4]. По уголовному делу частного обвинения № 1-63 по обвинению А. по ч. 1 ст. 116 УК РФ, в действиях обвиняемой были выявлены признаки и уголовного дела частного и публичного обвинения. Мировой судья отказал в принятии заявления в части, где дело неподсудно ему, в связи с публичностью этой части заявления[5].

Иначе проблему наличия возможности возбуждения уголовных дел частного обвинения должностными лицами видит А.Н. Гончарова. Автор анализирует действие принципа публичности при рассмотрении уголовных дел частного обвинения как несоблюдение прав и свобод граждан. Во-первых, это неосновательное вмешательство в частную жизнь граждан, которое может повлечь разглашение конфиденциальной информации и нанести вред не только самому потерпевшему, но и его окружению. Во-вторых, отрицательное влияние на авторитет правоохранительных органов, поскольку в их действия воспринимается как проявление произвола со стороны власти[6].

На наш взгляд, предложения о необходимости отказа от уголовных дел частного обвинения и случаев возбуждения уголовных дел частного обвинения должностными лицами являются неосновательными. Отказаться от исключительных случаев возбуждения уголовных дел частного обвинения и оставить все на усмотрение потерпевшей стороны, означает лишить ее реального права на защиту от преступного посягательства. Беспомощное состояние или смерть означают невозможность лица самостоятельно осуществлять свою защиту, отсутствие близких родственников, могущих в данном случае заменить потерпевшего, указывает на отсутствие способа защиты вообще. Поэтому наличие исключительных случаев возбуждения уголовных дел частного обвинения публичными органами является обязательным.

Список литературы

1. Тарасов, А.А. О публичном интересе в делах частного обвинения [Текст] / А.А. Тарасов // Мировой судья. - 2012. - № 4. - С. 21, 23.
2. Джатиев, В.С. Обвинение и защита [Текст] / В.С. Джатиев // Российская юстиция. - 1995. - № 3. - С. 18.
3. Тушев, А.А., Трясейкина, Е.С. Действие принципа публичности при производстве по уголовным делам частного обвинения [Текст] / А.А. Тушев, Е.С. Трясейкина // Россий-

ская юстиция. - 2012. - № 1. - С. 33.

4. Архив мирового судьи судебного участка № 2 г. Курска за 2004 год.
5. Архив мирового судьи судебного участка № 2 г. Курска за 2007 год.
6. Гончарова, А.Н. Криминологические основания преступлений частного обвинения [Электронный ресурс] / URL: www.kraslib.ru (дата обращения 10.03.2012).

УДК 343.13

Т.С. Гудовских, студент юридического факультета Ульяновского государственного университета

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В работе анализируются проблемы, возникающие при производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и законные интересы граждан, а также предлагаются рациональные пути их решения

Классификация следственных действий имеет важное значение при установлении пределов вмешательства в права лиц, вовлекаемых в их производство. Н.А. Громов и Ю.С. Лаврухина подразделяют следственные действия по их природе, целевому назначению, по субъектам и объектам, на которые направлено следственное действие, по содержанию и времени производства и др. [1, С. 31]. С.А. Шейфер подразделяет их по степени опосредованности процесса получения доказательственной информации, сложности отображаемых объектов и целям производства следственных действий [2, С. 49]. Однако особое значение имеет классификация, предусматривающая выделение группы следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан и касающихся иных прав вовлеченных в процесс лиц [3, С. 37].

Конституция РФ гарантирует человеку и гражданину свободу осуществления основных прав и законных интересов, предусмотренных общепризнанными нормами и принципами международного права, а также их защиту от необоснованных ограничений. Ограничение указанных прав возможно лишь на основании судебного решения или в установленных федеральным законом случаях (если речь идет о нарушении права на неприкосновенность жилища). К следственным действиям, сопряженным с ограничениями конституционных прав граждан относятся:

1) производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц. Ограничиваются право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ, ст. 12 УПК РФ) и право частной собственности (ст. 35 Конститу-

ции РФ), в случае изъятия в ходе данного следственного действия каких-либо предметов;

2) производство обыска и (или) выемки в жилище. Прежде всего, ограничивается право частной собственности, а кроме того, право на неприкосновенность жилища;

3) производство выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи. Ограничивается право частной собственности;

4) производство личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ влечет ограничение права на личную неприкосновенность, а в некоторых случаях и унижение достоинства личности (ст. 21 и 22 Конституции РФ);

5) производство выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях. Ограничиваются право частной собственности, право на личную тайну, а также нашедшее дальнейшее развитие в гражданском законодательстве право на тайну банковских вкладов и счетов (ст. 857 ГК РФ);

б) контроль и запись телефонных и иных переговоров;

7) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;

8) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, осмотр и выемка корреспонденции в учреждениях связи.

Следственные действия, указанные в п.п. 6-8 влекут ограничение права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ);

Итак, все вышеперечисленные процессуальные действия в той или иной степени ограничивают права и законные интересы участников уголовного процесса, причем указанные права и интересы выходят за рамки уголовно-процессуальных отношений.

В частях 1-4 ст. 165 УПК РФ установлен общий (судебный) порядок получения разрешения следователем (дознавателем) на производство таких следственных действий. Однако в УПК предусмотрен и особый порядок проведения данных действий, и, соответственно, ограничения прав (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). В указанных случаях осуществляется процедура последующего, а не предварительного прокурорского надзора и контроля со стороны суда за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права участников уголовного процесса, в результате чего незаконно полученные доказательства признаются недопустимыми. Лица, чьи права нарушены, могут также пользоваться инструментарием, предусмотренным ст. 123 - 125 УПК РФ.

Тем не менее, применение указанных мер в целях превенции необоснованного ограничения прав и законных интересов граждан недостаточно, так как восстановление нарушенных прав с помощью последующего контроля не всегда возможно в полной мере. Еще в 1999 году Конституционный Суд РФ высказал (а позднее неоднократно подтверждал) позицию о том, что «если соответствующие действия и решения органов расследования не только затрагивают собственно уголовно - процессуальные отношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности, отложение проверки законности и обоснованности таких действий до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, восполнение которого в дальнейшем окажется неосуществимым» [4]. Аналогичная позиция высказана и Верховным Судом РФ [5]. Анализируя указанный подход, следует подчеркнуть, что последующий контроль, даже в рамках отдельно взятой стадии, уступает по степени эффективности предварительному. Поэтому «исключительные» случаи, влекущие замену предварительного контроля на последующий, представляют особый интерес, и порождают ряд проблем:

1. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве не раскрывается понятие «исключительные случаи, не терпящие отлагательств», употребляемое в ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Практика показывает, что такой считается ситуация, если промедление во времени с осуществлением действий может привести к утрате доказательств или к их повреждению в силу различных причин (например, их уничтожения заинтересованными лицами), а следователь (дознаватель) не успевает в силу каких-либо обстоятельств подготовить соответствующее ходатайство в суд и постановление о производстве конкретного действия [6, С. 38]. Такой подход вполне оправдан, однако отсутствие в законе четкого обозначения рамок внесудебного вмешательства в особо охраняемые права, может приводить к недостаточной защищенности лиц, вовлеченных процесс. Так, например, районным судом г. Оренбурга в ходе рассмотрения постановления о произведенном обыске в жилище подозреваемого в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ указанное следственное действие было признано незаконным. В качестве одного из оснований принятия решения суд указал то обстоятельство, что обыск был произведен без судебного разрешения, однако это не было обусловлено исключительностью случая. В пользу этого свидетельствует хронология следственного действия, а именно большой временной промежуток между возникновением оснований для производства обыска (задержанием лица, указавшим, что обнаруженное у него наркотическое средство он приобрел у подозреваемого) и его проведением (13 часов). Таким образом, следователь злоупотребил должностными полномочиями и умышленно ограничил конституционное право подозреваемого на неприкосновенность жилища [7, С. 54].

В то же время не стоит забывать, что действия следователя (дознавателя)

должны соответствовать не только принципам уголовно-процессуального законодательства, но и требованиям законности, нравственности, своевременности и обоснованности. Ввиду этого, разумно дополнить статью 165 УПК РФ примечанием, которое может быть сформулировано следующим образом: «Под исключительными случаями, не терпящими отлагательства для производства следственных действий, требующих получения следователем с согласия руководителя следственного органа, а дознавателем с согласия прокурора судебного разрешения на их производство в ч. 5 настоящей статьи понимаются случаи, когда у следователя (дознавателя) имеются подтверждаемые обстоятельства уголовного дела основания полагать, что доказательства могут быть утрачены или повреждены в течение 24 часов с момента возникновения данных оснований, а равно случаи, когда производство следственных действий необходимо для пресечения преступной деятельности».

2. Другая, не менее важная проблема, заключается в том, что производство следственных действий, сопряженных с ограничением прав участников уголовного процесса, достаточно часто является необоснованным, указанные действия влекут неоправданное ограничение прав граждан, при этом они не всегда имеют ожидаемый результат и не способствуют расследованию по уголовному делу. Порочной является практика, когда органы предварительного расследования в своих ходатайствах о проведении следственных действий ограничиваются безмотивной констатацией обстоятельств, обуславливающих, по их мнению, принятие мер, связанных с существенным ограничением конституционных прав граждан [8, С. 33].

Как правило, решение о производстве конкретного следственного действия принимается на основе определенных фактических данных, которые могут иметь различную правовую природу: доказательства, т.е. сведения, полученные из строго определенных источников, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК и оперативно – розыскная информация, использование которой для доказывания по уголовному делу осуществляется в соответствии со ст. 7 и 89 УПК РФ. Также при принятии решения о производстве следственного действия, влекущего ограничение прав и законных интересов граждан, необходимо учитывать сложившуюся оперативно-следственную ситуацию [9, С. 18]. Н.Г. Яковлева считает, что при принятии решения о проведении следственного действия, сопряженного с ограничением конституционных прав участников уголовного процесса, должностные лица органов следствия (дознания) обязаны удостовериться в том, что иным способом получить необходимое доказательство или информацию невозможно [10, С. 307].

Учитывая все вышеперечисленное, можно сделать вывод о том, что чем значительнее степень ограничения прав и законных интересов граждан, тем выше должен быть уровень обоснованности производимых следственных действий.

Следует согласиться с мнением Е.Ю. Алонцевой, о том, что для поддержания достаточного уровня обоснованности производства таких следственных действий, участие следователя в судебном заседании по рассмотрению ходатайства о производстве следственного действия, заявленного им в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 165 УПК РФ, а также при рассмотрении законности и обоснованности произведенного следственного действия, должно быть обязательным [11, С. 8]. В результате следователь будет обязан дать ответы на все вопросы, которые могут возникнуть у суда в ходе судебного заседания и решение которых необходимо для оценки судом обоснованности производства следственных действий. Принимая во внимание данную точку зрения, можно сформулировать норму ч. 3 ст. 165 УПК РФ следующим образом: «Участие следователя или дознавателя в судебном заседании по рассмотрению ходатайства о производстве следственного действия, заявленного им в порядке, предусмотренном ч. 1 настоящей статьи, а также в судебном заседании по проверке законности и обоснованности произведенного следственного действия в порядке, предусмотренном ч. 5 настоящей статьи, является обязательным. В судебном заседании вправе участвовать прокурор».

В качестве еще одного пути решения проблемы необоснованного ограничения прав и законных интересов граждан на этапе предварительного расследования, некоторые специалисты рассматривают включение в УПК РФ норм, которые бы закрепляли обязанность следователя (дознавателя) уведомлять прокурора и знакомить его с постановлением о производстве следственного действия ввиду его неотложности без получения судебного разрешения в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ до начала производства самого действия, указанного в ч. 1 ст. 165 и п. 4-9, 11 и 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ [2, С. 215]. Это позволило бы прокурору еще до производства следственного действия решить вопрос о его законности и обоснованности и присутствовать при его производстве в целях предупреждения нарушений прав и законных интересов участников уголовного процесса. Однако эта позиция является спорной, так как решение вопроса о производстве следственного действия в этом случае будет сопряжено с определенными временными затратами, что может повлечь за собой утрату смысла производства данного действия.

Список литературы

1. Лаврухина, Ю.С., Громов, Н.А. Понятие следственного действия [Текст] / Ю.С. Лаврухина, Н.А. Громов // Следователь. – 2006. – №5. – С. 29-33.
2. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение [Текст] / С.А. Шейфер. – Изд.: Самарский университет, 2004.
3. Францифоров, Ю.В. Особенности классификации следственных действий [Текст] / Ю.В. Францифоров // Российский следователь. – 2010. – №24. – С. 35-39.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П по делу о проверке конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 УПК РСФСР в связи с

- жалобой граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» [Текст] // СЗ РФ.- 1999. - № 14.- Ст. 1749.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 10 февраля 2009 г. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 23 декабря 2010 г. № 31 и от 9 февраля 2012 г. № 3) [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.02.2013.
 6. Колоколов, Н.А. Граница для следователя [Текст] / Н.А. Колоколов // ЭЖ-Юрист. – 2008. – №44. - С. 37-38.
 7. Измайлов, И.В. Судебный контроль при производстве следственных действий без судебного решения [Текст] / И.В. Измайлов // Уголовный процесс. – 2005. – №5. – С. 52-57.
 8. Колоколов, Н.А. Производство следственных действий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина [Текст] / Н.А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2007. – №12. – С.33
 9. Кальницкий, В. Обоснованность производства следственных действий как предмет судебной оценки [Текст] / В. Кальницкий // Российская юстиция. – 2003. - №2. – С. 17-19.
 10. Яковлева, Н.Г. Охрана права на тайну телефонных переговоров: соотношение частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Гармонизация частных и публичных интересов [Текст] / Н. Г. Яковлева // сборник научных статей. Право России : новые подходы. Выпуск 2. – Саратов: Научная книга. – 2005. – С.307.
 11. Алонцева, Е.Ю. Полномочия следователя по производству следственных действий, выполняемых с разрешения суда [Текст] / Е.Ю. Алонцева // Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. – Москва, 2006.

УДК 343.138

А.Б. Загурский, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовного права Юридического института Прикарпатского национального университета имени Василя Стефаника, г. Ивано-Франковск, Украина

ИНСТИТУТ ПОДСУДНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Статья посвящена исследованию правовой природы института подсудности в уголовном судопроизводстве современной Украины и Российской Федерации. Проведен сравнительный анализ понятия подсудности, определены основные виды подсудности, рассмотрен механизм реализации института подсудности на правоприменительном уровне. Сформулирован вывод о необходимости усовершенствования института подсудности в контексте нового уголовного процессуального законодательства Украины

Закон Украины "О судоустройстве и статусе судей" от 7 июля 2010 г. № 2453-VI закрепляет право каждого человека на полномочный суд, содержание которого сводится к тому, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в суде, к подсудности которого оно отнесено процессуальным законом. Судья рассматривает дела, полученные в порядке распределения судебных дел, установленных в соответствии с законом. На распределение дел между судьями не может влиять желание судьи или любых других лиц [1].

Ю.М. Грошевой считает, что "подсудность уголовного дела – это совокупность юридических признаков дела, на основании которых уголовно-процессуальный закон определяет, в каком именно суде и в каком составе судей должен рассматривать и решать дело по сути" [2, с. 362].

По мнению В.П. Божьева, "под подсудностью уголовного дела понимается его свойство быть рассмотренным определенным судом первой инстанции. В силу ч. 1 ст. 47 Конституции подсудность дел устанавливается только законом и не должна меняться в зависимости от усмотрения того или иного суда или другого органа" [3, с. 294].

1) *территориальная подсудность*. Проблемам подсудности в новом УПК Украины от 13 апреля 2012 г. посвящены ст. 32-34 § 1 УПК Украины "Суд и подсудность": территориальная подсудность; инстанционная подсудность; направление уголовного производства из одного суда в другой. Тем не менее, современная доктрина уголовного процессуального права Украины, в основу территориальной подсудности ставит место совершения уголовного правонарушения или место совершения более тяжкого уголовного правонарушения. Если место совершения уголовного правонарушения установить невозможно, уголовное производство осуществляется судом, в пределах территориальной юрисдикции которого окончено досудебное расследование.

В случае если было совершено несколько уголовных правонарушений, уголовное производство осуществляет суд, в пределах юрисдикции которого совершено более тяжкое правонарушение, а если они были одинаковыми по тяжести, – суд, в пределах территориальной юрисдикции которого совершено последнее по времени уголовное правонарушение [4].

Проблемам подсудности в УПК Российской Федерации посвящены ст. 31-36 (Глава 5 УПК "Суд": подсудность уголовных дел; территориальная подсудность уголовного дела; передача уголовного дела по подсудности; изменение территориальной подсудности уголовного дела; недопустимость споров о подсудности).

В уголовном судопроизводстве Российской Федерации, уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления, если преступление начато в одном месте (юрисдикция одного суда), а окончено в другом (юрисдикция другого суда) – дело подсудно суду по месту окончания преступления; если преступления совершены в разных местах – дело подсудно су-

ду (где совершено большинство преступлений или совершено наиболее тяжкое из них) [5].

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 16 октября 2012 г. № 22-П “По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова”, “впредь до внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации надлежащих изменений уголовные дела частного обвинения о преступлениях, совершенных гражданами Российской Федерации в отношении граждан Российской Федерации вне пределов Российской Федерации, подлежат рассмотрению тем мировым судьей, чья юрисдикция распространяется на территорию, на которой проживают и потерпевший, и обвиняемый, а во всех иных случаях территориальную подсудность соответствующего уголовного дела определяет председатель (заместитель председателя) вышестоящего суда” [6].

Кроме того, в уголовном судопроизводстве Российской Федерации допускается изменение территориальной подсудности уголовного дела:

а) по ходатайству стороны – в случае удовлетворения заявленного ею отвода составу соответствующего суда;

б) по ходатайству стороны либо по инициативе председателя суда, в который поступило уголовное дело:

- если все судьи данного суда ранее принимали участие в производстве по рассматриваемому делу, что является основанием для их отводов;

- если не все участники уголовного судопроизводства по данному уголовному делу проживают на территории, на которую распространяется юрисдикция данного суда, и все обвиняемые согласны на изменение территориальной подсудности данного уголовного (изменения территориальной подсудности допускается лишь до начала судебного разбирательства и этот вопрос разрешается председателем вышестоящего суда или его заместителем) [5].

2) *инстанционная подсудность*. Положение об инстанционной подсудности не является новацией в уголовном процессуальном законодательстве Украины. Так, УПК Украины от 28 декабря 1960 г. регулировал вопросы подсудности уголовных дел суду первой инстанции, определял спорные вопросы подсудности уголовных дел, которые были отнесены к компетенции одноименных или разноименных судов [7].

Новый УПК Украины содержит ст. 33 “Инстанционная подсудность”, которая закрепляет такие правила подсудности: “уголовное производство в суде первой инстанции осуществляют местные (районные, городские, районные в городах, горрайонные) суды; в апелляционной инстанции – Апелляционный Суд Автономной Республики Крым, апелляционные суды областей, городов Киева и Симферополя; в кассационной инстанции – Высший специализированный

суд Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел; пересмотр судебных решений осуществляет Верховный Суд Украины; уголовное производство по вновь открывшимся обстоятельствам – осуществляется судом, принявшим решение, которое пересматривается” [4]. Кроме того, в результате принятия нового Закона Украины “О судоустройстве и статусе судей” от 7 июля 2010 г. и завершения судебно-правовой реформы в Украине, с 1 ноября 2010 г. упразднены военные суды, а с 1 декабря 2012 г. существенно реорганизована военная прокуратура.

УПК Российской Федерации разграничивает подсудность уголовных дел мировому судье, районному суду, Верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального, суду автономного округа, окружному (флотскому) военному суду. Аналогичный подход к регулированию. этого вида подсудности содержал УПК Украины 1960 г. Существенные изменения, в части подсудности уголовных дел, произошли в УПК Российской Федерации в результате принятия 14 февраля 2012 г. Государственной Думой федерального закона № 18-ФЗ Российской Федерации “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” [8]. Вышеуказанные положения о подсудности в Российской Федерации начали применяться с 1 января 2013 г.

Кроме того, в отличии от Украины, в Российской Федерации действуют военные суды, деятельность которых регулируется федеральным конституционным законом “О военных судах” № 1-ФКЗ, принятым Государственной Думой 20 мая 1999 г. Деятельность военных судов была предметом конституционной проверки (постановление Конституционного Суда Российской Федерации “По делу о проверке конституционности отдельных положений федерального конституционного закона “О военных судах”, федеральных законов “О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации”, “О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда от 6 апреля 2006 г. № 3-П)” [9;10].

- *персональная подсудность*. В уголовное производство Украины введен новый институт – “ювенального судьи”, который уполномочен осуществлять уголовное производство по рассмотрению относительно несовершеннолетнего лица обвинительного акта, ходатайств об освобождении от уголовной ответственности, применения принудительных мер медицинского или воспитательного характера, их продолжение, изменение или прекращение, а также уголовное производство в апелляционном или кассационном порядке по пересмотру принятых по указанным вопросам судебных решений.

Уголовное производство в отношении судьи должно осуществляться тем судом, в котором обвиняемый занимает или занимал должность судьи, уголов-

ное производство осуществляет суд, наиболее территориально приближенный к суду, в котором обвиняемый занимает или занимал должность судьи, другой административно-территориальной единицы (Автономной Республики Крым, области, города Киева или Севастополя).

В Российской Федерации персональная подсудность определяется в зависимости от категории лица, привлеченного в качестве обвиняемого:

- уголовные дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, приходящими военные сборы, а также уголовные дела переданные в указанный суд – подсудны гарнизонным военным судам (окружному (флотскому) суду);

- уголовные дела в отношении члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы, судьи федерального суда, мирового судьи по их ходатайству, заявленному до начала судебного разбирательства – подсудны Верховному Суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области, суду автономного округа, окружному (флотскому) военному суду.

- передача уголовного дела по подсудности (передача уголовного производства из одного суда в другой). УПК Украины определяет случаи, в которых уголовное производство передается в другой суд:

1) до начала судебного разбирательства оказалось, что уголовное производство поступило в суд с нарушением правил территориальной подсудности;

2) после удовлетворения отводов (самоотводов) или в других случаях невозможно образовать новый состав суда для судебного разбирательства;

3) обвиняемый или потерпевший работает или работал в суде, к подсудности которого относится осуществление уголовного производства;

4) ликвидирован суд, который осуществлял судопроизводство;

5) исключительные случаи (передача по месту жительства обвиняемого, большинства потерпевших или свидетелей в целях обеспечения оперативности и эффективности уголовного производства)

В Российской Федерации уголовное дело передается по подсудности в таких случаях:

❖ если уголовное дело не подсудно данному суду и этот установил судья при разрешении вопроса о назначении судебного заседания;

❖ если дело подсудно суду того же уровня и есть согласие подсудимого оставить уголовное дело в том же производстве (только в случае, если судья приступил к его рассмотрению в судебном заседании);

❖ если уголовное дело подсудно вышестоящему суду или военному суду (во всех случаях подлежит передаче по подсудности).

- недопустимость споров о подсудности. УПК Украины и УПК Российской Федерации содержат одинаковые нормы, которые не допускают споры о

подсудности. Любое уголовное дело переданное из одного суда в другой, подлежит безусловному принятию к производству тем судом, которому оно передано.

Заключение. Таким образом, сравнительный анализ института подсудности в контексте уголовного судопроизводства современной Украины и Российской Федерации, показывает, что в основном обеспечивается надлежащее правовое регулирование уголовных процессуальных отношений, которые возникают на этапе передачи уголовного дела (уголовного производства) в суд, его рассмотрения с целью подготовки судебного заседания (подготовительное производство). Тем не менее, в новом УПК Украины от 13 апреля 2012 г. недостаточно урегулированы коллизионные вопросы правовой природы подсудности в уголовном судопроизводстве:

1. УПК Украины не содержит уголовных процессуальных норм, которые бы регулировали вопросы подсудности уголовного производства в отношении народного депутата, судьи Конституционного Суда Украины, профессионального судьи, а также присяжного и народного заседателя, кандидата в Президенты Украины, Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека, депутата местного совета, адвоката, Генерального прокурора Украины, его заместителя.

2. УПК Российской Федерации отдельно регулирует механизм изменения территориальной подсудности и отдельно регулирует механизм передачи уголовного дела по подсудности. В тоже время, УПК Украины объединяет вышеуказанные процессуальные институты в контексте механизма направления уголовного производства из одного суда в другой.

2. Высший специализированный суд Украины по рассмотрению гражданских и уголовных должен усовершенствовать институт подсудности в уголовном производстве путем принятия соответствующих постановлений и информационных листов.

Список литературы

1. О судоустройстве и статусе судей : закон Украины от 7 июля 2010 г. № 2453-VI: текст по состоянию на 1 апр. 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: // <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2453-17> (дата обращения: 06.04.2013).
2. Грошевой, Ю.М. Уголовный процесс. Учебник [Текст] / Ю.М. Грошевой, О.П. Каплина; под ред. проф. Ю.М. Грошевого. – Х.: Право, 2010. – 608 с.
3. Божьев, В.П. Уголовный процесс. Учебник [Текст] / под ред. проф. В.П. Божьева. – М.: Высшее образование, 2008. – 524 с.
4. Уголовный процессуальный кодекс Украины: принят Верховной Радой Украины 13 апреля 2012 г.: текст по состоянию на 1 апр. 2013 г. – Киев: Юринком Интер, 2013. – 56 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой Российской Федерации 22 ноябр. 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: // <http://roskodeks.ru> (дата обращения: 06.04.2013).

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Краносперова от 16 октября 2012 г. № 22-П [Электронный ресурс]. URL: // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=136822;dst=100050> (дата обращения: 06.04.2013).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Украины : принят Верховной Радой УССР 28 декабря 1960 г. – Киев: Юринком Интер, 2012. – 54 с.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации № 18-ФЗ, принят Государственной Думой 14 февраля 2012 г., одобрен Советом Федерации 22 февраля 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=126740;dst=100153> (дата обращения: 06.04.2013).
9. О военных судах : федеральный конституционный закон Российской Федерации № 1-ФКЗ, принят Государственной Думой 20 мая 1999 г., одобрен Советом Федерации 9 июня 1999 г. [Электронный ресурс]. URL://<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139851;dst=100030> (дата обращения: 06.04.2013).
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности отдельных положений федерального конституционного закона «О военных судах», федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда от 6 апреля 2006 г. № 3-П) [Электронный ресурс]. URL: // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=59496;dst=100060> (дата обращения: 06.04.2013).

УДК 343.14

Е.А. Зайцева, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России

АРСЕНАЛ СРЕДСТВ ДОКАЗЫВАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В КОНТЕКСТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 4 МАРТА 2013 Г. № 23-ФЗ

В статье критически анализируются некоторые средства доказывания, введенные в стадию возбуждения уголовного дела, показаны противоречия в нормативной регламентации проверочных мероприятий.

В последние годы в науке уголовно-процессуального права уже не вызы-

ваит сомнений непреложный факт, что в стадии возбуждения уголовного дела осуществляется доказывание: данная стадия, являясь начальным этапом уголовного судопроизводства, также представляет собой часть правоприменительного процесса в рамках производства по уголовному делу. А правоприменение всегда предусматривает установление фактической основы принятия предстоящего решения, что предполагает проведение процессуальных действий удостоверительно-познавательного характера.

Законность решения о возбуждении уголовного дела обеспечивается не только наличием указанного в ст. 140 УПК РФ повода и достаточными основаниями для возбуждения уголовного дела. Необходимо четкое соблюдение установленного порядка возбуждения уголовных дел, который выступает своеобразной гарантией неприкосновенности частной жизни граждан в ходе осуществления проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. До возбуждения уголовного дела, когда еще не известно, имело место преступление или иное правонарушение, закон ограничивает возможности применения уголовно-процессуального принуждения при проведении проверочных мероприятий, что вполне разумно и соответствует современной доктрине досудебного производства.

Изначально ч. 1 статьи 144 УПК РФ, закрепляющей порядок рассмотрения сообщения о преступлении, была весьма лаконична: «Дознаватель, орган дознания, следователь и прокурор обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения» [1]. Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ часть 1 ст. 144 УПК РФ была дополнена положениями, закрепляющими арсенал средств доказывания для лиц, осуществляющих последовательную проверку: «При проверке сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию специалистов». Не вдаваясь в дискуссию [2, с. 115-118] о качестве законодательной техники этого законоустановления и находящегося в системной взаимосвязи с ним положения ч. 4 ст. 146 УПК РФ, отметим лишь, что наряду с осмотром места происшествия (а также спорных нюансов проведения освидетельствования и назначения судебной экспертизы) должностным лицам, осуществляющим проверку сообщения о преступлении, была предоставлена возможность собирать информацию о событии и непроцессуальным путем – требовать производства документальных проверок и ревизий.

Третья и четвертая редакции ч. 1 ст. 144 УПК РФ (данные с учетом изменений, внесенных в УПК РФ федеральными законами от 05.06.2007 № 87-ФЗ и от 02.12.2008 № 226-ФЗ) сохранили общий перечень проверочных мероприятий, проводимых с целью установления наличия признаков преступления. При этом из ч. 4 ст. 146 УПК РФ федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ были исключе-

ны упоминания о назначении судебной экспертизы и освидетельствовании. Однако уже 2 декабря 2008 г. федеральным законом № 226-ФЗ в ст.ст. 178 и 179 УПК РФ были введены дополнения о производстве осмотра трупа и освидетельствования до возбуждения уголовного дела – в случаях, не терпящих отлагательства. Такое изменение регламента проверочных мероприятий свидетельствует о стремлении законодателя увеличить возможности доказательственной деятельности лиц, осуществляющих доследственную проверку, и тем самым обеспечить большую достоверность информации о наличии признаков преступления.

Последующие дополнения ч. 1 ст. 144 УПК РФ, внесенные федеральным законом от 09.03.2010 № 19-ФЗ, четко обозначили явную тенденцию на расширение арсенала средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела: наряду с производством документальных проверок, ревизий, лиц, осуществляющие проверку, были наделены полномочием требовать исследований документов, предметов, трупов – в том числе, с привлечением соответствующих сведущих лиц [3, с. 205] (или, как их именует законодатель – специалистов). В дальнейшем, 28 декабря 2010 г., ч. 1 ст. 144 УПК РФ была дополнена положениями о даче органу дознания лицом, осуществляющим проверку, обязательных для исполнения письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий [4].

Расширение законодательно установленного перечня проверочных действий изначально происходило на фоне не утихающих дискуссий относительно целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного судопроизводства [5; 6; 7]. Ряд авторов, рассматривая перспективы этой стадии, обоснованно указывали на дальнейшее стирание различий между этим этапом досудебного производства и стадией предварительного расследования в части способов установления значимых обстоятельств проверяемого (расследуемого) события.

Очередная корректировка ч. 1 ст. 144 УПК РФ была обусловлена, в том числе, необходимостью дальнейшей дифференциации форм предварительного расследования, их, что проявилось в дополнении УПК РФ новой главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме» [8]. В результате «мартовской модернизации досудебного производства» (а масштабность изменений уголовно-процессуального закона позволяет говорить именно о модернизации), коснувшейся как системы форм предварительного расследования, так и способов осуществления проверочных мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела, произошло насыщение ч. 1 ст. 144 УПК РФ дополнительными следственными действиями, а также в текст этой статьи были введены новые части 1.1 и 1.2, закрепившие дополнительные гарантии прав лиц, вовлеченных в проверочную деятельность.

Прежде всего, необходимо проанализировать перечень способов получения и закрепления доказательственной информации в новой редакции ч. 1 ст. 144: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания,

следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий». Перечень следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, значительно расшился: стало возможным получать образцы для сравнительного исследования (хотя ряд авторов [9; 10, с. 89] не считает это действие следственным), проводить судебную экспертизу, осмотр предметов и документов.

Законодатель не стал детально регламентировать случаи, когда в стадии возбуждения уголовного дела требуется проводить судебную экспертизу, хотя, как представляется, объективно необходимость этого существует. Не любые судебные экспертизы следует вводить в стадию возбуждения уголовного дела. Полагаем, безусловно, прав Ю.К. Орлов [11, с. 20], который отмечает, что недопустимо проведение судебно-психиатрической экспертизы, поскольку она сопряжена с множеством весьма существенных ограничений (например, помещение в стационар) и может быть очень продолжительной. Очевидно, что в стадии возбуждения уголовного дела жизненно необходимы экспертизы, которые устанавливают признаки преступления, образующие основание для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ).

Нередко должностные лица, осуществляющие проверку сообщения о преступлении, используют «времязатратные» процедуры (а к таковым относятся и судебные экспертизы, и предварительные исследования, и ревизии, и документальные проверки) для продления сроков проверки до 30 суток, когда в установленные 3, 10 суток они не успевают собрать информацию, достаточную для принятия решения согласно ч. 1 ст. 145 УПК РФ. Так, еще в 2012 г., до принятия анализируемого федерального закона № 23-ФЗ от 4.03.2013 г., из СУ СК РФ по В...ской области в адрес руководства одного из юридических вузов поступило *отношение о назначении правового исследования по материалам проверки, проводимой по факту вынесения судьей А. заведомо неправосудного решения. В отношении не только был сформулирован вопрос, требующий от сведущих лиц правовой оценки действий судьи («Нарушен ли судьей ... районного суда г. ... А. уголовно-процессуальный порядок рассмотрения жалоб П. в порядке ст. 125 УПК РФ?»)*, но и содержалось поручение руководству вуза предупредить *экспертов* об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ. (По сути, следователь «творчески переделал» бланк № 135 постановления о назна-

чении судебной экспертизы в бланк «отношения», не отредактировав его должным образом). Сотрудники, которым было поручено «правовое исследование», зная требования закона и рекомендации Пленума ВС РФ, решили не проводить правовое исследование, а дать письменную консультацию в форме заключения специалиста. Им пришлось не только комментировать положения ст. 125 УПК РФ с «пересказом» рекомендаций Пленума ВС РФ, содержащихся в Постановлении от 10.02.2009 № 1 [12], но и разъяснять следователю запрет на постановку перед экспертами правовых вопросов, а также толковать для следователя позиции Пленума ВС РФ относительно правовой сущности заключений специалиста и непроцессуальных исследований, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела. Этот «тактический прием» (назначение исследования) был применен следователем умышленно – с целью продления сроков проверки сообщения. Для исключения подобных ситуаций в законе необходимо было четко указать случаи назначения судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела.

Относительно получения образцов для сравнительного исследования в рамках проверочных мероприятий определенную настороженность вызывает ч. 1 ст. 202 УПК РФ, предусматривающая право следователя получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ у физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах, - в том числе, и до возбуждения уголовного дела. Во-первых, до возбуждения уголовного вещественных доказательств еще нет – они формируются уже после принятия решения о возбуждении уголовного дела (иначе, к чему их приобщать в качестве вещественных доказательств – к материалам проверки?). Во-вторых, сомнительной с точки зрения положений ст. 21 Конституции РФ, назначения уголовного судопроизводства и принципа уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ) видится новелла о получении любых образцов у любых лиц до возбуждения уголовного дела – без оговорок о мере возможного принуждения и добровольности дачи образцов, без указания вида образцов.

Обращает на себя внимание неоднозначная формулировка законодателя «истребовать документы и предметы, *изымать* их в порядке, установленном настоящим Кодексом». Термин «изъятие» в административном процессе означает соответствующую меру обеспечения производства по делу об административном правонарушении (п. 4 ч. 1 ст. 27.1, ст. 27.10 КоАП РФ). В ходе проверочных мероприятий согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ изъятие может трактоваться исключительно как действие в рамках осмотра места происшествия, направленное на сохранность обнаруженных следов и иной доказательственной информации (ч. 3 ст. 177 УПК РФ). Попытки правоприменителей расширительно толковать данную новеллу, как позволяющую осуществлять выемку

или обыск до возбуждения уголовного дела, должны расцениваться как противоречащие требованиям закона.

Таким образом, даже при первом приближении, можно заметить, что новеллы федерального закона № 23-ФЗ на практике способны породить значительные проблемы правоприменения в виду их непродуманности, противоречивости и поспешности их подготовки.

Чем обернется для российского уголовного процесса расширение арсенала средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела? Полагаем, что созданная модель регулирования доследственной проверки является «пилотным вариантом» для выявления возможности ликвидации стадии возбуждения уголовного дела как протяженного во времени этапа досудебного производства. Эта модель может стать прототипом для «полицейского дознания», предшествующего предварительному следствию. Она также может вдохновить нашего законодателя на идею отказа от проверочных мероприятий и введения порядка незамедлительного возбуждения уголовного дела по любым сообщениям о совершенных или готовящихся преступлениях.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Зайцева, Е. А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве: монография [Текст] / Е.А. Зайцева. - Волгоград: ВА МВД России, 2006.
3. Зайцева, Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: монография. [Текст] / Е.А. Зайцева. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федер. закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства РФ. 03.01.2011. № 1. Ст. 16.
5. Гуськова, А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела российскому уголовному судопроизводству? [Текст] / А.П. Гуськова // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Материалы междунар. научно-практической конференции 16-17 октября 2003г. Часть I.- Уфа: РИО БашГУ, 2003.
6. Кругликов, А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? [Текст] / А.П. Кругликов // Российская юстиция. - 2011.- № 6.
7. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография. 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / отв. ред. И.С. Дикарев. М.: Юрлитинформ, 2012.
8. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства РФ. 04.03.2013. № 9. Ст. 875.
9. Смирнов, А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.02.2013.

10. Глебов, В. Г. Понятие и классификация следственных действий // Уголовный процесс : учебник: в 3 ч. Ч. 2. 3-е изд., перераб. и доп. [Текст] / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. Волгоград: ВА МВД России, 2009.
11. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 23.12.2010) [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.
12. Орлов, Ю.К. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? [Текст] / Ю.К. Орлов // Законность. 2003. № 9.

УДК 343.131

Г.С. Заровнева, кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СУЩНОСТЬ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ И ПОДЧИНЕНИЕ ИХ ТОЛЬКО ЗАКОНУ И ГАРАНТИИ ИХ НЕЗАВИСИМОСТИ

В статье рассматривается сущность принципа независимости, дается классификация гарантии их независимости, рассматриваются судоустройственные, процессуальные, материально-технические и иные правовые гарантии.

Независимость судей – важнейший принцип правосудия. Не случайно поэтому он получил отражение в законах о судах (ст. 6 Закона об арбитражном суде; ст. 5, 13 Закона о Конституционном Суде), в процессуальных кодексах (ст. 7 ГПК РФ, ст. 5 АПК РФ); Закон о статусе судей (ст. 1,9,10). Особо необходимо отметить ст. 120 Конституции РФ, в которой выражена суть принципа независимости судей: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». Корректируя в связи с принятием Конституции РФ Закон о статусе судей, законодатель подчеркнул в ст. 1 п. 4 этого закона: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону. В своей деятельности по осуществлению правосудия они никому не подотчетны».

Независимость судей является важным условием существования в стране авторитетной и самостоятельной судебной власти, способной беспристрастно и объективно осуществлять правосудие, эффективно защищать права и законные интересы граждан и государства.

Независимость судей при осуществлении всей их процессуальной деятельности, в том числе и при рассмотрении и разрешении конкретного уголов-

ного дела, означает:

- во-первых, независимость их от влияния и мнения различных органов государственной власти и управления, общественных организаций, коллективов и отдельных лиц;
- во-вторых, независимость их от вышестоящего суда;
- в-третьих, независимость от выводов и мнений участников судебного заседания;
- в-четвертых, независимость внутри своей судейской коллегии, возможность свободно участвовать в исследовании доказательств, обсуждении и принятии решений по своему внутреннему убеждению.

Значение данного принципа правосудия состоит в создании для судей таких условий осуществления их деятельности, при которых они могли бы рассматривать дела и принимать по ним решения на основе Конституции и других федеральных законов, руководствуясь исключительно своим внутренним убеждением. Такая обстановка может быть обеспеченной, если суд огражден от какого-либо воздействия, давления на него со стороны. Только в этом случае может быть реальной самостоятельностью судебной власти при осуществлении правосудия, о которой со всей определенностью упоминает ст. 10 Конституции РФ.

Независимость судей является неременным условием отправления правосудия. Независимость – это исключение любого воздействия на судей со стороны других лиц и организаций при рассмотрении судом конкретных дел. При рассмотрении дел суд не связан мнением участников процесса. В каждом случае, принимая решение, суд руководствуется законом, правосознанием, своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела в совокупности.

Таким образом, независимость судей – это главный элемент их особого правового статуса, а также основное условие жизнедеятельности самостоятельной и авторитетной судебной власти, беспристрастно осуществляющей правосудие и надежно защищающей права и законные интересы личности.

Когда Европейский Суд по правам человека выносит решение о соблюдении «независимости», он, как правило, останавливается на четырех проблемах:

- процедура назначения. Причем, что интересно, «назначение судей исполнительной властью допустимо. Поставить под сомнение независимость судьи с точки зрения «процедуры назначения» можно в том случае, если практика назначений «в целом является неудовлетворительной» или, «по крайней мере, на формирование состава суда, ведущего дело, оказали влияние недопустимости мотивов». Другими словами, необходимо доказать, что имела место попытка повлиять на исход судебного процесса. «Независимость судей может быть поставлена под сомнение в связи с методами отбора и замещения судей

для данного процесса из судейского корпуса в целом»;

- длительность пребывания судей в своей должности. Эта проблема обычно рассматривалась в отношении дисциплинарных судов, где общепринята практика назначения на короткий срок. Назначение судьи на фиксированный срок с целью предотвратить возможность его необоснованного увольнения является важным фактором[1];

- гарантии, исключающие оказание давления на работу суда извне, Для этого, в первую очередь, требуется защитить судей от увольнения до истечения срока их полномочий, а также от того, чтобы состав суда не получал инструкций со стороны исполнительной власти. Прерогативы, предоставляемые органом исполнительной власти, в том числе объявление амнистии и помилование, не должны использоваться в ущерб судебной системе;

- для того чтобы оценить «независимость позиции», требуется учитывать, как воспринимаются действия суда общественным мнением и представленными на процессе сторонами. «При определении того, насколько обоснованным является сомнение в независимости и беспристрастности данного суда, значение имеет и точка зрения обвиняемого, хотя она не является решающей. Решающим обстоятельством является наличие объективного подтверждения его сомнений»[2].

Говоря о принципе независимости судей, следует выделить институциональный и содержательный аспекты. Независимость судьи в институциональном смысле, или его самостоятельность, так же как и самостоятельность судебной власти, получили сегодня признание в нашем государстве. Судьи составляют самостоятельную часть государственной службы, выделяются в особую категорию носителей власти. Независимость судебной власти в содержательном значении означает беспристрастность ее носителей при отпращивании правосудия и их подчинение только закону[3].

Независимость судей рассматривается и как конституционный принцип деятельности судебной власти, и как составная часть статуса судей. Суть принципа независимости судей состоит в стремлении обеспечить такие условия, в которых суд и работающие в нем судьи могли бы иметь реальную возможность принимать ответственные решения без постороннего вмешательства, без какого бы то ни было давления и иного воздействия, на прочной основе предписаний закона и только закона.

В Российской Федерации существенное внимание уделяется разработке и внедрению гарантий независимости судей. Усилия в этом направлении предпринимаются давно. Весьма заметный шаг был сделан 26 июня 1992 г., когда Верховный Совет РФ принял Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации», в ст. 9 которого установлено, в частности, что независимость судей обеспечивается:

- предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия;

- запретом, под угрозой ответственности, чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия;
- установленным порядком приостановления или прекращения полномочий судьи;
- правом судьи на отставку;
- неприкосновенностью судьи;
- системой органов судейского сообщества;
- предоставлением судье за счет государства материального социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу.

Эти гарантии распространяются на всех судей РФ и не могут быть отменены или снижены нормативными актами России или республик в ее составе.

Данные положения существенным образом развиты и дополнены Федеральным законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», в котором достаточно детально определяются не только круг лиц, пользующихся правом особой государственной защиты, но и подлежащие применению конкретные меры защиты, условия и порядок их реализации. Набор таких мер довольно разнообразен: от обеспечения личной охраны, охраны имущества и жилища, выдачи оружия, специальных средств индивидуальной защиты – до переселения на другое место жительства, замены документов и изменения внешности[4].

Говоря о гарантиях независимости судей, необходимо рассмотреть вопрос о том, существует ли в реальности комплекс и мер, обеспечивающих судье как гражданину возможность осуществлять свои функции носителя государственной власти независимо от любых попыток воздействия на него со стороны, и есть ли механизм защиты от такого воздействия.

В связи с этим представляется обоснованным всю совокупность гарантий независимости судьи разделить на три группы: 1) судоустройственные; 2) процессуальные; 3) иные правовые материально-технические и социальные. Однако, существуют и другие классификации. Например, многие авторы придерживаются теории деления гарантий независимости судей на политические, экономические и правовые[5]. В.В. Ярков выделяет организационно-правовые; социально-правовые; процессуальные[6]. Гарантии независимости судей можно также разделить на: 1) политико-правовые; 2) социально-экономические[7].

Судоустройственные (или организационно-правовые) гарантии независимости судьи как субъекта самостоятельной государственной судебной власти – это установленный законом порядок отбора кандидатов в судьи, продвижения по службе, присвоения квалификационных классов, привлечения к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности, применения оперативно-розыскных мер, ограничения гражданских прав и свобод, приостановления и прекращения полномочий судьи. Основным в реализации организационно-правовых гарантий независимости судей является участие системы органов

судейского сообщества[8].

Материальные и социально-правовые гарантии независимости судьи – это установленный законом особый порядок обеспечения жизнедеятельности гражданина, облеченного судебскими полномочиями, и членов его семьи как в период осуществления им судебных полномочий, так и при уходе в отставку, неприкосновенность судьи, особая защита государством жизни и здоровья судей и членов их семей, предоставление судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его высокому статусу, право судьи на отставку и соответствующее материальное и социальное обеспечение в этот период.

Считаем, что организационно-правовые и иные материально-технические и социально-правовые гарантии независимости судей применительно к уголовному судопроизводству необходимо рассматривать как предпосылку для независимости судьи в уголовном процессе.

Процессуальные гарантии независимости судей интересуют нас в рамках изучения уголовного процесса. Поэтому в целях дальнейшего исследования считаем, что уголовно-процессуальные гарантии независимости судей – это установленные уголовно-процессуальным законом средства, которые позволяют выполнить назначение уголовного судопроизводства, исключают механизмы подчинения судьи в уголовном процессе, обеспечивают свободное и самостоятельное принятие судьей процессуальных решений по уголовному делу на основе закона, совести и внутреннего убеждения.

Список литературы

1. Дубровин, Е.В. Общие гарантии реализации принципа независимости судей и подчинения их только закону [Текст] / Е.В. Дубровин // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе: материалы международной науч.-практ. Конференции. – Минск, 16 окт. 2009 г. / отв. ред. Г.А. Шумак. – Минск: БГУ, 2010. – С. 124.
2. Харрис, Д.Дж., Бойл, М., Варбик, К. Европейская конвенция по правам человека [Текст] / Пер. с англ. П.Р. Симанов, А.Ю. Иванова. – М.: Международный дом «Анна», 2012. – С. 232.
3. Судебная власть [Текст] / под ред. И.Л. Петрухина. – М.: Норма, 2010. – С. 210.
4. Изварина, А.Ф. Судебная власть в Российской Федерации [Текст] / А.Ф. Изварина. – М. – С. 88.
5. Акишева, Ж.Л. Гарантии реализации принципа независимости судей и подчинение их только закону в гражданском судопроизводстве [Текст] / Ж.Л. Акишева // Автореф. дис.... канд. юр. наук. – М.: МГУ, 2002. – С. 12.
6. Гражданский процесс: Учебник [Текст] / Под ред. В.В. Яркова. – М.: Новый юрист, 2011. – С. 172.
7. Баглай, М.В. Конституционное право в РФ [Текст] / М.В. Баглай // учебник для вузов. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА, 2012. – С. 112.
8. Григорьев, В.Н. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Феде-

УДК 343.13

Т.В. Иванова, студент юридического факультета Петрозаводского государственного университета

ВЗГЛЯД НА ОБЪЕКТИВНУЮ ИСТИНУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

На основе исторического подхода к изучению целей доказывания уголовного судопроизводства автором ставится под сомнение традиционная точка зрения, основывающаяся на различии феноменов объективной и формальной истин применительно к типам уголовного процесса, и обосновывается вывод цели доказывания в виде достижения объективной истины в любом типе процесса.

Сегодня в сфере российской уголовно-процессуальной науки с новой силой развернулась дискуссия о судьбе объективной истины: необходимо ли возвести её в принцип, либо вообще стоит отказаться от её достижения [1, 142-157; 2, 10-20; 4, 35-3; 7, 3]. На практике этот процесс выразился в виде подготовленного Следственным комитетом РФ законопроекта, предусматривающего обязанность суда активно участвовать в достижении объективной истины по уголовному делу. Проект воплощает идею о том, что установление объективной истины любым другим путём – в том числе с помощью состязательности – невозможно. Сама же эта идея зародилась на почве устоявшегося мнения относительно существования объективной истины лишь в рамках отдельного типа процесса [3; 5; 6]. Позволим себе с указанной позицией не согласиться, поскольку она не в полной мере учитывает историю зарождения и развития объективной истины как цели судопроизводства. Для того чтобы обосновать это утверждение, мы отойдём от традиционных методов изучения феномена объективной истины и применим исторический подход к разрешению данного вопроса. Реализуем его с помощью исторической типологии уголовного процесса, которая в современном виде предполагает деление его на частно-состязательный, розыскной и публично-состязательный [3].

1. В начале зарождения государственности первобытные способы разрешения споров устаревают, и на смену им приходит институт правосудия, тесно связанный с традициями, религией. Создаётся суд – орган, куда каждый может обратиться за справедливым решением. Конкретный человек играет главную роль. Этим обусловлена и характеристика частно-состязательного процесса: дело возбуждалось обвинителем и велось сторонами, которые признавались

равноправными. Основу доказательств составляли: поединок, присяга, ордалии. Другие доказательства собирались исключительно сторонами. Таким образом, частный интерес в процессе главенствовал. Нельзя не согласиться с тем, что «суд занимает независимое положение не только от сторон (что необходимо для любой состязательности), но и от истины[3, 45]». Публичную власть интересовала лишь «прибыльная» сторона правосудия: судебному чиновнику было безразлично, кто уплатит пошлину или штраф, его задача – следить за соблюдением правил ведения суда.

Конечно, с точки зрения современного человека господствовавшая в обвинительном процессе система доказательств ничего не могла доказать по сути объективной действительности: тот же поединок выявлял плохого бойца, но никак не виновного. Но посмотрим с другой стороны. В то время человек многого не мог объяснить и признавал влияние божественных сил на свою судьбу. Мистическому, потустороннему люди доверяли больше, чем объективным фактам и уж тем более – показаниям свидетелей. «Поле», ордалии, клятвы перед божеством казались куда более достоверными, чем слова человека. Поэтому именно к божеству как к обладателю абсолютной истины, невозможной для познания людьми, обращались при решении спора. В этом выражалось стремление определить истину, не ограниченную возможностями познания человека и не зависимую от пристрастного суда и субъективных показаний свидетелей.

Особенность же «взаимоотношений» истины и обвинительного процесса проявлялась в том, что основными движущими силами в достижении истины являлись, во-первых, сами стороны, а во-вторых, некое божественное провидение, высший разум. В этих условиях чёткая регламентация процесса, за выполнением которой и следил суд, являлась гарантом законности соблюдения процедуры привлечения обвиняемого к ответственности.

2. В процессе исторического развития общества обвинительное начало фактически было вытеснено новой инквизиционной формой суда, означавшей переход к розыскному типу уголовного процесса. Несомненно, данный тип процесса превратил судопроизводство в «мощное орудие централизации власти [9, 57]». Правители осознали всю значимость правосудия как средства укрепления своего господства повсеместно. Общие для всех правила процесса порождали равенство подданных между собой: выше только государь, который в лице органов следствия и суда обладает полномочиями по проведению следствия, рассмотрению и разрешению дела. Кроме того, император, монарх провозглашался помазанником Бога и вершил божественное правосудие на земле. Следовательно, отпала необходимость прибегать к поединкам и ордалиям, чтобы узнать волю божества – она отождествлялась с волей государя, которая доходила до подданных через упорядоченную систему судов. Как видим, «пронёсся» публичный интерес к процессу. Теперь правитель прямо заинтересован в том, чтобы преступники были наказаны: это укрепляет его авторитет и

повышает легитимность правления. Тогда как беззаконие и неразбериха, кровная месть, линчевание порождают брожения в обществе, ослабляют государство изнутри, что в итоге может подорвать власть монарха.

Породила ли смена частного интереса публичным умаление значения объективной истины как цели процесса? На наш взгляд, нет. Все меры были направлены на искоренение субъективизма со стороны следственно-судебных органов. Формальная система доказательств не позволяла судье выносить решение по своему усмотрению. Достижению максимальной беспристрастности способствовал количественный учет доказательств: каждое доказательство имело свой «вес». По сути, появляется презумпция доказанности вины, т.е. если набирается определённое количество обвинительных доказательств, человек считается виновным, даже если существуют сомнения в этом.

Более того, кардинально поменялась суть и значение самих доказательств: теперь они должны были способствовать установлению реальных фактов. Появляются показания свидетелей, вещественные доказательства и даже заключения экспертов. К довершению всего, суд должен был выдвинуть и проверить противоположную версию – защитительный тезис[3, 52]. Как тут не вспомнить о принципе всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела: в советской науке уголовного процесса он считался гарантом достижения объективной истины[8, 133].

Тщательная регламентация процесса также была направлена на ограничение воли чиновников, а значит, их произвола. Государь не мог контролировать всё, поэтому он жёстко ограничил личное усмотрение правоприменителя. Путь к истине чётко регламентирован, свернуть с него нельзя.

По сути своей, формальная оценка доказательств есть не что иное как свидетельство возникновения на данном историческом этапе формальной истины, однако отражающая в той мере, в какой это возможно на данном этапе развития познавательных средств, - объективную истину. Важно отметить, что в розыском процессе формальная истина «работает» исключительно в интересах публичных: государству необходим единообразный и беспристрастный суд, и оно его в том или ином виде получает.

Итак, с приходом розыского процесса публичное начало берёт верх над частным. При этом роль и значение истины еще более усиливается. Она – гарант справедливости «царского» правосудия, а значит, и стабильности государства. Бремя поиска истины берёт на себя монарх в лице судебных органов, а доказательствами становятся сведения, подтверждающие или опровергающие факты объективной действительности. Для обеспечения публичных интересов появляется формальная оценка доказательств, пытающаяся выразить объективную истину.

3. Эволюция уголовного процесса продолжалась, и в итоге в Англии к началу 19 века сформировался публично-состязательный тип процесса. Он во-

брал в себя черты и обвинительного, и розыскного типа процесса, но самое главное – в нём произошло «признание равенства публичного и частного начал, равноправия гражданина и государства[3, 65]».

В общем плане данный исторический тип процесса строится следующим образом. Первый этап – предварительное производство – заключается в собирании доказательств. Этим могут заниматься как частные лица (граждане, корпорации), так и полицейские инспекторы. Возможность физических и юридических лиц выполнять функции уголовного преследования говорит о явном присутствии частного интереса в процессе отправления правосудия. Далее, после сбора доказательств судья проводит их проверку в судебном заседании с обязательным присутствием обеих сторон. Допросы свидетелей и экспертов ведут в перекрёстном порядке обвинитель и обвиняемый (или их представители). Сам судья не допрашивает, не выдвигает версии, не собирает доказательства, но «может требовать от стороны объяснить назначение тех или иных вопросов и устранить те из них, которые не соответствуют выработанным судебной практикой правилам о представлении и использовании доказательств[9, 107]». В итоге, в предварительном следствии задействованы три стороны: обвинитель, обвиняемый и суд. Обвинитель должен предоставить суду достаточное количество доказательств того, что данное дело следует передать в суд для рассмотрения по существу. Обвиняемый имеет равные с обвинителем права и юридически и фактически: он (или его защитник) присутствует при проведении всех следственных действий, причем играет роль не наблюдателя, а активного участника – задаёт вопросы свидетелям и экспертам, самостоятельно собирает доказательства невиновности, выдвигает и поддерживает контрверсии произошедшего. Суд не зависим ни от одной стороны. Он следит за выполнением процедуры и в случае необходимости на основании данных, предоставленных какой-либо из сторон, даёт разрешения на совершение процессуальных действий: арест подозреваемого, проведение обыска, вызов свидетелей.

Таким образом, предварительное расследование производится двумя противоборствующими сторонами – обвиняемым и обвинителем. При этом судья контролирует соблюдение закона при ведении процесса. Это обеспечивает полноценное и равное собирание как обвинительных, так и оправдательных доказательств. Принцип полноты, всесторонности и объективности сбора доказательств – проявляется здесь в полной мере, защищённый гарантиями равенства сторон и независимости суда. Суд посредством спора тяжущихся сторон должен ответить на вопрос: достаточно ли доказательств для определения причастности обвиняемого к совершению преступления. Из версий защиты и обвинения судья выбирает наиболее убедительную, подкреплённую объективными фактами и свидетельствами.

Данная форма проведения предварительного судебного следствия предполагает рассмотрение события преступления с разных точек зрения, не зафик-

ливаясь на «обвинительной» картине произошедшего, и защитнику не приходится переубеждать судью: первоначальное убеждение появляется уже в судебном заседании, когда нет «заочного» мнения арбитра об обстоятельствах дела. На наш взгляд, это обеспечивает возможность поиска объективной истины с «чистого листа»: она не навязывается органами следствия, а рождается в равном споре.

Итогом первого этапа может быть: 1) при недостаточности доказательств – прекращение производства по делу; 2) если состав преступления предполагает возможность разрешения дела единоличным судьёй – вынесение решения по делу; 3) передача дела в суд присяжных, если законом установлена соответствующая подсудность.

В последнем случае дело отправляется на рассмотрение в суд присяжных. По схеме построения второй этап схож с первым. Здесь нужно отметить следующее: если при проведении опроса обвиняемого он «безоговорочно признает себя виновным по выводам обвинительного акта, то устраняются и судебное следствие и обсуждение обстоятельств дела и вопроса о виновности <...> судья вправе немедленно вынести приговор: сознание подсудимого подтверждает требование обвинителя, и, значит, здесь нет правового спора[9,106]». То есть требования обвинителя признаются и удовлетворяются полностью, что влечёт за собой окончание судопроизводства по данному делу. Подобное правило, несомненно, содержит в себе яркие черты обвинительного типа процесса, характеризующегося приоритетом частного, а не публичного интереса.

В случае отказа обвиняемого признать свою вину, назначаются присяжные, и проводится судебный процесс, который строится путём состязания сторон перед независимым арбитром – судьёй. Осуществляется проверка обвинительных и оправдательных доказательств также путём перекрёстного допроса, проводимого сторонами. Этому предшествуют вступительные речи сторон, а завершается разбирательство последним словом подсудимого.

Оценивая вышеперечисленное, мы можем говорить о том, что особенностью публично-состязательного процесса является именно способ проверки и оценки доказательств – спор равноправных сторон и внутреннее убеждение судей. При этом каждая из сторон заинтересована в рассмотрении объективных обстоятельств дела. Выдвигаются различные версии и тщательно подкрепляются доказательствами. Если в обвинительном процессе активную роль играет частный интерес, а в розыском – публичный, то в процессе публично-состязательном к установлению истины стремятся оба начала: и частное и публичное. Правда, идут они к ней разными путями. А какой из них верный – решать присяжным.

В целом, можно говорить о том, что публично-состязательный тип процесса, вобрал в себя более от обвинительного процесса, нежели от розыского.

Поэтому и роль частного интереса очень велика в нем: во-первых, дела по не тяжким преступлениям возбуждаются только по заявлению потерпевшего; во-вторых, в случае признания подозреваемым своей вины судебное следствие прекращается и провозглашается приговор; в-третьих, доказательства невиновности всегда представляет сам подозреваемый (его защитник).

Таким образом, поиск объективной истины зависит от обеих сторон, а не от одной из них, доминирующей. Истина не «навязывается» изначально органами розыска – она рождается у судьи, присяжных во время проведения судебного процесса. Однако и формальная истина продолжает развиваться. Теперь она призвана защитить права человека: они не должны быть принесены в жертву ради идеи истины. Укрепляются позиции презумпции невиновности. Частный интерес не должен быть ущемлён публичным, и формальная истина позволяет поддерживать этот баланс.

Подведя итоги рассмотрения «взаимоотношений» исторических типов процесса и объективной истины, отметим, что достижение справедливости как гаранта спокойствия общества первоначально являлось целью создания системы правосудия, заменившей собой первобытные способы сведения счётов с обидчиком. На протяжении всего существования суда на него возлагалась обязанность прийти к материальной истине при разрешении дела. Формальная же истина появилась позже и всегда была факультативной, играя роль защитника интересов сначала государства, а потом – человека. Менялись лишь «декорации»: правила ведения процесса, методы поиска истины, – при этом содержание оставалось неизменно. Мы убеждены, что любой тип процесса проникнут целью достижения истины объективной – в этом вся суть судопроизводства.

Список литературы

1. Александров, А.С. Состязательность и объективная истина [Текст] / А.С. Александров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2012. - № 3.- С. 142-157.
2. Бубон, К.В. К вопросу о правовой категории «истина» в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей [Текст] / К.В. Бубон // Адвокат. - 2012. - № 5. - С. 10 - 20.
3. Калиновский, К.Б. Основные виды уголовного судопроизводства [Текст] / К.Б. Калиновский. – СПб.: Издательство юридического института, 2002. 63 с.
4. Плетнев, В.В. Сущность, цель и значение доказывания [Текст] / В.В. Плетнев // Российская юстиция. - 2012. - № 1. - С. 35 - 37.
5. Семухина, О.Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса [Текст] / О.Б. Семухина // Дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2002.
6. Смирнов, А.В. Модели уголовного процесса [Текст] / А.В. Смирнов. - СПб., 2000.
7. Смирнов, Г. Установить объективную истину [Текст] / Г. Смирнов // ЭЖ-Юрист. - 2012. - № 25. - С. 3.
8. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. [Текст] / М.С. Строгович; Акад. Наук СССР: Институт гос-ва и права. М.: Наука, 1968. – 450 с.

9. Чельцов, М.Л. Уголовный процесс [Текст] / М.Л. Чельцов; Научный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. М: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. - 624 с.

УДК 343.13

Т.В. Исакова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой международного права и сравнительного правоведения Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ И ПРАКТИКЕ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Настоящая статья посвящена изучению международно-правовых норм, регламентирующих применение восстановительного правосудия, а также определению принципов сравнительно-правовых исследований данной области. В статье формулируются принципы использования восстановительных программ, определяется сфера национального регулирования применения примирительных процедур. Делается вывод, что восстановительное правосудие предполагает широкое развитие принципа диспозитивности в уголовном процессе, а также взаимодействие государства и общества.

С недавнего времени в России стали проводиться, хотя и в весьма ограниченном масштабе, программы восстановительного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Конечно, и здесь восстановительная переориентация уголовного судопроизводства происходит не так уж гладко и быстро, но все же – это область наиболее благоприятного отношения к восстановительным идеям и новой практике. Так что правосудие по делам несовершеннолетних – единственная область в российском уголовном судопроизводстве, где проводятся программы восстановительного правосудия (программы примирения правонарушителя и потерпевшего, или, как сейчас предпочитают их называть, программы по заглаживанию вреда). Происходит это в экспериментальном режиме – поэтому мы пока не вправе говорить о некоей «практике». Но пилотные проекты дали положительные результаты (Москва, Дзержинск Нижегородской области, Тюмень, Урай) и поставили на повестку дня вопросы формирования отечественных моделей.

За последние двадцать лет о «восстановительном правосудии» много говорилось в самых различных контекстах, оно упоминалось под разными именами и во многих странах; его развитие берет свое начало в среде ученых, работников системы правосудия и общественных активистов. В концепции восстановительного правосудия может идти речь об альтернативном процессе разрешения споров, об альтернативных методах наложения санкций или о дей-

ствительно отличной от традиционной, «новой» модели уголовного правосудия, основанной на принципах восстановления жертв, правонарушителей и сообществ, в которых они живут. Концепция может предусматривать действия, не пересекающиеся с формальным судебным процессом, действия, идущие с ним одновременно и встречи между правонарушителями и жертвами на любой стадии уголовного процесса (от ареста и предварительного заключения до освобождения из тюрьмы). Процесс восстановительного правосудия использовался в ювенальной и уголовной юстиции, в делах по защите детей и разрешению семейных проблем. Концепция имеет много названий, среди них «репаративное» правосудие, трансформационное правосудие, неофициальное правосудие. Глобальные связи ученых, работников системы правосудия и общественных активистов привели к созданию мультинациональной системы идей, и как следствие, основные термины претерпели изменения в их использовании и значении[1, с.108].

Хотя концепция восстановительного правосудия является очень емкой и включает много направлений, все же существует общепринятое представление о ее основных чертах. Она ориентирована прежде всего на исправление ущерба и восстановление социальных связей, разорванных в результате преступления; основное внимание она уделяет связям между жертвами, правонарушителями и обществом.

Модель, основанная на поиске консенсуса, а не на привычной конфронтации, распространяется достаточно быстро. Подобное развитие ситуации не ограничивается определенной сферой чьей-либо юрисдикции, как и отдельной отраслью права. Скорее, оно охватывает все правовые сферы и выступает как часть устройства большинства систем права. Необходимость введения восстановительного правосудия в России обусловлена тем, что с 1999 г. действуют Рекомендации Комитета Министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы, посвященные посредничеству в уголовных делах[2]. Россия, как известно, вступив в Совет Европы, взяла на себя обязательства по исполнению соответствующих рекомендаций Совета Европы.

Комитет Министров Совета Европы оценил посредничество как гибкое и всеобъемлющее дополнение или альтернативу традиционному судебному разбирательству и отметил, что посредничество способствует повышению в сознании людей роли человека и сообщества в предотвращении преступлений и разного рода конфликтов. Современная концепция преступления носит легалистический характер: преступление рассматривается как действие или бездействие, ранее объявленное наказуемым государственным органом, обладающим соответствующими полномочиями. Социальные, психологические, физические или религиозные факторы, связанные с этим преступлением, представляют интерес только в связи с предотвращением подобных преступлений в будущем или в качестве возможности предложить обвиняемому средства защиты против

уголовных обвинений. Кроме того, в настоящее время отправление уголовного правосудия находится исключительно в руках государства. За редким исключением уголовное преследование осуществляется от имени правительства одним из государственных органов. Подавляющее большинство уголовных разбирательств инициирует государственное обвинение даже в странах, где существует частное обвинение.

Принципом восстановительного правосудия является удовлетворение интересов потерпевшего от преступления. Жертвы преступлений достаточно редко получают возмещение убытков, формальная процедура привлечения виновного лица к уголовной ответственности и его наказания зачастую не приносит потерпевшему ни морального, ни материального возмещения, не способствует восстановлению социальной справедливости применительно к интересам конкретного потерпевшего.

Теория восстановительного правосудия предлагает концептуальную основу, позволяющую согласовать предположительно несовместимые и непоследовательные нормы и стандарты в области правосудия по уголовным делам. Это видимая непоследовательность в действительности, возможно, лишь отражает смену парадигмы от легалистического понимания преступления к модели, в рамках которой признается также вред, нанесенный жертвам и сообществам [3, с. 272]. Обзор документов, включенных в «Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия», свидетельствует о существующей значительной поддержке теории восстановительного правосудия [4]. Данные документы указывают на то, что:

- 1) государства должны находить соотношение между интересами жертв, правонарушителей и общественности;
- 2) жертвы и правонарушители должны иметь доступ к официальным и неофициальным механизмам урегулирования споров;
- 3) предупреждение преступности требует всесторонних действий государства и общества;
- 4) роль государства в реагировании на конкретные преступления должна заключаться в обеспечении жертв и правонарушителей беспристрастными официальными юридическими механизмами;
- 5) роль общества должна заключаться в содействии реинтеграции жертв и правонарушителей.

Особое отношение к несовершеннолетнему, совершившему преступление, состоит в том, что на первый план при событии преступления выдвигается необходимость восстановления нанесенного морального, психологического и материального ущерба потерпевшему и вовлечения правонарушителя в социально-реабилитационные программы, а не кара со стороны государства [5, с. 23].

В рамках одной статьи не представляется возможным обсудить все вопросы, связанные с формированием восстановительной модели правосудия в отношении несовершеннолетних, поэтому остановимся лишь на тех направлениях, которые сегодня кажутся очевидными:

1. Расширение территориального реабилитационного пространства на базе организаций и учреждений социальной сферы, образования, медицины, психологической помощи, центров по трудоустройству, досуговых и спортивных учреждений.

2. Формирование спектра программ восстановительного правосудия (работа с обвиняемым при отказе потерпевших от участия в программе, введение специалистов по работе с жертвой, налаживание практики семейных конференций).

3. Установление взаимодействия с психологическими службами и специализированными общественными организациями.

4. Процессуальное расширение. В перспективе желательно, чтобы социальный работник начинал взаимодействие с обвиняемым сразу после возбуждения уголовного дела. Соответственно и программы по заглаживанию вреда на более ранней стадии стали бы более эффективными и целесообразными как для правонарушителя и потерпевшего, так и для профессиональных участников уголовного судопроизводства.

От уголовного правосудия часто ожидают слишком многого; кроме того, оно фокусируется главным образом на фигуре преступника. Восстановительное правосудие не только включает в рассмотрение интересы жертвы, но и вовлекает в процесс сообщество, которое, как и преступник, имеет определенные права и обязанности. Здесь получается треугольник «жертва – преступник – сообщество», но с еще одним элементом - обратной связью, которая образуется в результате проведения восстановительного процесса, и данные которые передаются органам, ответственным за выработку стратегии по уменьшению уровня преступности, а также органам формирования социальной политики. Процесс может реализовываться на различных уровнях: через обсуждения на сессиях медиации без применения уголовного кодекса; через применение предупреждений в случае мелких правонарушений; умеренно тяжкие преступления могут сначала проходить через процесс восстановительного правосудия перед передачей в суд для принятия решения, а наиболее тяжкие преступления рассматриваются судом, но и в этом случае есть место для медиации или конференций, которые могут использоваться для определения репарации и плана действий преступника. И, наконец, суды могут играть свою роль в отношении исполнения соглашений, принятия решений по ограничению или лишению свободы, рассматривать дела, в которых подсудимый отказался признать вину, а также контролировать процесс с тем, чтобы обеспечить его максимально восстановительный характер. Важно понимать, что реакция сообщества на пре-

ступление не должна фокусироваться только на преступнике или только на жертве. Сообщество должно думать о том вкладе, которое оно может сделать в восстановление справедливости и компенсации ущерба и как в будущем можно уменьшить вероятность подобных преступлений – даже если такие меры будут означать структурные изменения в самом сообществе.

Список литературы

1. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание [Текст] / Х. Зер. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
2. Рекомендация Комитета министров Совета Европы № R(99)19 от 15 сентября 1999 г. «О медиации в уголовных делах» [Электронный ресурс] / [Режим доступа] : справ.-прав. сист. «Консультант Плюс». Дата обновления 01.01.2010.
3. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия [Текст] // Права человека. – Нью-Йорк, 2007.
4. Карнозова, Л., Максудов, Р., Флямер, М. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России [Текст] / Л.Карнозова, Р. Максудов, М. Флямер // Российская юстиция. – № 11. – 2000.
5. Гуськова, А.П, Емельянов, В.А., Юрченко, Л.В. Уголовно-процессуальные вопросы организации ювенального судопроизводства в современной России [Текст] А.П. Гуськова, В.А. Емельянов, Л.В. Юрченко // монография. Оренбург: Изд-во ОГАУ. 2009.

УДК 343.982.32

О.М. Калужная, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Львовского национального университета имени Ивана Франко, Украина

НОВАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПО НОВОМУ УПК УКРАИНЫ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОСЧЕТЫ, СРАВНЕНИЕ С УПК РОССИИ

В статье произведено сравнение ст. 174 -176 УПК Украины 1960 г., ст. 228-231 УПК Украины от 13.04.2013 г. и ст. 193 действующего УПК РФ касательно правового регулирования процессуального порядка и условий предъявления для опознания. Анализируются отдельные преимущества и недостатки нового УПК Украины за кругом обозначенных вопросов.

Распознавание как форма идентификации по мысленным образам в следственной и судебной практике имеет широкое применение, поэтому закономерно, что ученые и практики в сфере уголовного судопроизводства за все время действия УПК Украины 1960 г. выявляли и демонстрировали проблемы,

связанные с процессуальной и фактической возможностью, несовершенно выписанным процессуальным порядком предъявления для опознания, с целью их учета в законотворческом процессе. Знакомым с этой проблематикой специалистам с первого взгляда видно, что новый УПК Украины от 13 апреля 2013 года действительно учел и устранил многие неувязки в регламентации этого следственного действия старым УПК. Однако отдельные положения ст.ст. 228-231 УПК Украины от 13.04.2013 г. все же требуют уточнения, и, например, по сравнению УПК РФ в определенной мере уступают последнему в точности и удачности формулировок аналогичных положений. Остановимся на некоторых достижениях и упущениях нового УПК Украины в им же заданной последовательности.

Как известно, результат предъявления для опознания зависит от вида и признаков узнаваемого объекта, условий его предъявления, полноты и устойчивости образа объекта, который ранее наблюдался и запомнился. К тому же субъективность процессов восприятия, фиксации и воспроизведения также создают серьезные трудности в использовании результатов опознания как средства доказывания. Поэтому криминалистика на основе обобщения следственной практики разработала ряд тактических правил проведения опознания. Они, как условия предъявления для опознания, легли в уголовно-процессуальный закон, определяют подготовку и само проведение этого следственного действия, и, как следствие, гарантируют достоверность полученного результата и возможность его использования в доказывании. Остановимся сначала на наиболее трудоемких подготовительных моментах: предварительном допросе опознающего и подборе однородных объектов.

1. Ч. 1 ст. 174 УПК Украины 1960 г. обязывала следователя допросить свидетеля (потерпевшего, подозреваемого) сначала о внешнем виде и приметах или признаках объекта, а также об обстоятельствах, при которых он видел этот объект. Здесь налицо были видны «неувязки» психологического, логического и процессуального характера: каждого из возможных опознающих перед допросом о приметах, очевидно, следует сначала спросить: а) о его уверенности в возможности и готовности опознания; б) о желании это сделать, в) об обстоятельствах, при которых происходило первичное восприятие объекта, который предполагается узнать, с целью выяснения объективных и субъективных факторов, которые могли или должны были повлиять на процессы восприятия и запоминания. Поскольку при игнорировании этих трех компонентов само предъявление для опознания, как и последующий допрос опознающего, может вообще потерять смысл. Итак, сначала допрос опознающего должен быть направлен на выяснение: 1) может ли допрашиваемый опознать объект и готов ли он это сделать, 2) обстоятельств, при которых опознающий видел лицо (предмет, животное и т.д.) в связи с преступлением (места наблюдения - точное местонахождение, расположение относительно других объектов, где именно это

происходило: в помещении, на улице, в лесу; расстояния и длительности наблюдения объекта свидетелем, какие были погода, освещение; в каком состоянии находился преступник (стоял, сидел, двигался или находился в состоянии покоя), 3) психологического состояния опознающего (был ли он утомлен, не испытывал ли неприятных ощущений, боли, страха, душевного волнения в момент наблюдения, что могло вызвать искажение им действительности, преувеличение виденного, 4) физиологического и психического состояния (зрение, слух, особенности памяти и т.д.) опознающего. Не имеет ли допрашиваемый (опознающий) дефектов органов чувств и психики, которые могут отразиться на характере и полноте восприятия объекта? Каким было физическое состояние допрашиваемого вообще и на момент восприятия: состояние здоровья, органов чувств, находился ли под действием алкоголя, наркотических или сильнодействующих веществ, медицинских препаратов и т.п.? Каким было восприятие - невольным (случайным) или целенаправленным (запланированным)? Проявлял ли допрашиваемый интерес к объекту восприятия, чем этот интерес был вызван, какие эмоции появились - положительные, отрицательные? Какой тип и особенности памяти опознающего? В случае предъявления для опознания по голосу - какие возможности опознающего различать особенности голоса преступника: тембр, высоту, силу и хриплость, шепелявость, местный говор и т.д.? 5) признаков внешности и примет лица, предмета, животного (статические признаки формы, размера или функциональные, манера поведения, жестикация, голос и речь), который предполагается опознать?

Первые четыре группы обстоятельств нужно выяснить в первую очередь, поскольку может случиться так, что свидетель из-за определенных объективных или субъективных факторов не мог правильно и полностью воспринимать те или иные внешние приметы объекта опознания. Также сразу надо выяснить, наблюдал ли допрашиваемый этот объект ранее (не в связи с событием преступления), если да, то при каких обстоятельствах? Или имела место их случайная встреча или узнавание в других условиях - после совершения преступления и до начала допроса, например в ходе ОРМ с участием опознающего. Выяснение всех этих вопросов поможет принять окончательное решение о целесообразности проведения опознания. Иногда полученные в ходе допроса показания могут быть основанием для отказа от предъявления для опознания с участием этого лица, замены опознания другим следственным действием или привлечения других лиц в качестве опознающего.

Ч. 2 ст. 193 УПК РФ учитывала указанную логику принятия решения о предъявлении для опознания и его подготовке. Учтена она теперь и в ч. 1 ст. 228 нового УПК Украины, в частности в последней зафиксировано: «перед тем, как предъявить лицо для опознания, следователь, прокурор предварительно выясняет у опознающего, может ли он узнать это лицо, опрашивает его о внешнем виде и приметах этого лица, а также об обстоятельствах, при которых

он видел это лицо, о чем составляет протокол».

2. Ч. 1 ст. 174 КПК Украины 1960 г. давала, как и ч.2 ст. 193 УПК РФ дает, основания для распространенного в науке уголовного процесса и криминалистике мнения о том, что когда свидетель или потерпевший не может назвать конкретные признаки подозреваемого, хотя выражает уверенность в том, что сможет узнать его, нет смысла проводить предъявление для опознания. То есть украинский, как и российский законодатель отдавал предпочтение установлению фактов путем опознания посредством сукцессивной (аналитической) формы восприятия. Сукцессивное опознание основывается на сукцессивном восприятии - как реакции детального видения, когда воспринимаются отдельные приметы внешности изолированно друг от друга (цвет глаз, волос, размеры и форма носа, неординарные приметы и т.д.).

В буквальном понимании ч. 1 ст. 174 УПК Украины 1960 г. в случаях, когда лицо никак не может определиться с приметами, опознание не должно проводиться по определению, если такое лицо даже выскажет уверенность в возможности опознания и готовности это сделать. В угоду этому требованию закона иногда на практике имели место злоупотребления с фиксацией в протоколе допроса «подогнанных» примет.

Некоторые отечественные и российские ученые отстаивали иную позицию, смысл которой в том, что сукцессивное восприятие и узнавание объектов в повседневной жизнедеятельности человека не является правилом, а скорее частным случаем - достаточно трудоемким и с невысоким коэффициентом надежности. Использование этой формы может иметь некоторую пользу в оперативно-розыскной работе (описание лица по приметам, создания рисованных портретов, синтез портретов с помощью фоторобота) [1]. А «практика идет правильно, проводя опознание и при симультанном виде узнавания, когда лицо зафиксировало образ воспринятого объекта, но не может выделить отдельные характерные его признаки, поскольку этот метод получения информации базируется на объективных закономерностях восприятия и передачи информации человеком» [2, с. 9-10]. При симультанном узнавании опознающий делает вывод путем общего восприятия объекта, бессознательно минуя стадию анализа признаков, как реакция охвата. Так узнаются преимущественно объекты, которые часто наблюдаются, например, члены семьи, коллеги по работе, предметы домашнего обихода и др. Поэтому выяснять предварительно у опознающего возможность узнавания необходимо в каждой ситуации, но, как справедливо подметили В.С.Бурданова и О.Н.Коршунова, решение о проведении или не проведении предъявления для опознания следователь должен принимать, исходя не только из показаний опознающего о возможности узнавания и описания им признаков опознаваемого объекта, но и учитывая особенности его восприятия, а также все известные по делу обстоятельства [3, с. 624]. Считаю такую точку зрения обоснованной. Сукцессивное узнавание основывается на

рассудочном мышлении и поэтому в смысле биологического сосуществования живых организмов (и, конечно же, человека) ставит под угрозу само существование субъектов распознавания образов, в то время симультанное узнавание обеспечивается мгновенным, инстинктивным, автоматическим отождествлением на подсознательном уровне ранее воспринятых объектов. Как отмечал И.М.Сеченов, «узнавание происходит в тайниках памяти вне сознания» [4, с.355-356]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что опознающий часто не может подробно описать объект, который он наблюдал в связи с событием преступления, но тем не менее уверенно узнает его в процессе следственного действия.

Чтоб развеять любые сомнения относительно достоверности или недостоверности результатов симультанного опознания, В.Г.Гончаренко привел меткое сравнение из теории кибернетики как науки об общих законах получения, хранения, передачи и переработки информации, в основе которой лежит та же закономерность распознавания образов. Так вот, «кибернетические системы, реализованные на базе компьютеров, позволяют решать множество самых разнообразных и порой исключительно сложных задач на уровне ввода операторов (команд) без какого-либо вмешательства пользователя в процессы, происходящие в системе, и, более того, без всякого понимания в большинстве случаев сущности и закономерностей протекания этих процессов. ... Дело в том, что одинаковые сигналы (раздражители) при одинаковых всех прочих условиях в одной и той же системе вызывают одинаковые реакции, причем исследователь не знает точно, какие процессы происходят в системе от входящего сигнала до конечного результата. Тем не менее данные, получаемые таким образом при правильно поставленном эксперименте, не вызывают у исследователя сомнений в их достоверности и надежности и широко используются в технике в аппаратах и агрегатах, требующих обеспечения высочайшего уровня безопасности [1]».

Хотя в ч.1 ст. 228 нового УПК Украины законодатель отдал приоритет сукцессивной форме узнавания, но он и не отверг симультанное узнавание, ведь во втором предложении ч.1 ст. 228 указано: «Если лицо заявляет, что оно не может назвать приметы, по которым узнает человека, однако может узнать его по совокупности признаков, в протоколе отмечается, по совокупности каких именно признаков оно может узнать лицо». Новый УПК Украины не предусматривает иных особенностей проведения симультанного опознания, хотя при случае напомним, что в одном из проектов УПК Украины предлагалось, если опознающий не может назвать конкретные признаки опознаваемого, последний должен предъявляться среди не менее пяти человек.

3. Продолжая речь об условиях принятия следователем решения о проведении предъявления для опознания, новый УПК Украины по сравнению с ст.ст.174, 175 предшественника, в этой же ч.1 ст. 228 зафиксировал тактиче-

ское правило, согласно которому «запрещается предварительно показывать лицу, которое будет узнавать, лицо, предъявляемое для опознания, и предоставлять иные сведения о приметах этого лица». В ч.6 ст. 228 это положение подкреплено следующим уточнением: «проведение опознания по фотоснимкам, материалам видеозаписи исключает возможность в дальнейшем предъявление лица для опознания». Но отдельные сторонники возможности и достоверности повторного опознания все же не видят в этих положениях прямого запрета в любых условиях повторного опознания. В указанном контексте положение ч.3 ст. 193 УПК РФ все же представляется более однозначным, универсальным для всех случаев и более удачным: «не может проводиться повторное опознания лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам».

4. Вряд ли можно утверждать, что новый УПК Украины устранил неоднозначность законодательного предписания ч. 2 ст. 174 КПК Украины 1960 г. о количестве статистов и общем количестве лиц, предъявляемых для опознания, которая, как известно, предусматривала, что «объект, подлежащий опознанию, размещается среди других однородных объектов, в количестве не менее трех». Поэтому одни считали, что предъявляться должны три человека (два статиста и узнаваемый), другие - четыре (три статиста и узнаваемый). Правда, суды принимали как доказательство результаты опознания, в котором принимали участие только три человека. Формально прав В.Г. Гончаренко в том, что «в зависимости от точки зрения того или иного субъекта доказывания, результаты опознания можно было признать сомнительными из-за несоблюдения процедуры. При этом ни одна из сторон не могла иметь абсолютно убедительной аргументации относительно любого варианта толкования [1]». Аналогично в ч. 2 ст. 228 нового УПК воз и ныне там: «лицо, подлежащее опознанию, предъявляется опознающему лицу вместе с другими лицами того же пола, которых должно быть не менее трех и не имеющих резких различий в возрасте, внешности и одежде». Грамматическое толкование этой нормы дает основания утверждать, что предъявляться для опознания должны четыре человека, поскольку в ней говорится о других лицах в количестве не менее трех, а далее о предъявляемых требованиях к этим трем. Тем не менее, украинскому законодателю не лишне было бы присмотреться к более четкой формулировке относительно количества предъявляемых лиц, содержащейся в ч.4 ст. 193 УПК РФ - «Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех».

5. В ст.ст. 228, 229 УПК Украина 2012 г. отсутствует положение, которое было в ч. 2 ст. 174 КПК Украины 1960 г., согласно которому «свидетель и потерпевший, будучи опознающими субъектами, предупреждаются об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, а свидетель, кроме того, и за отказ от дачи показаний». Подобная норма отсутствует и в ст. 193 УПК РФ. Однако, поскольку предъявление для опознания - это следственное действие

смешанного типа, то при его проведении должны быть соблюдены процессуальные правила и вербальных и невербальных следственных действий. Следовательно, если руководствоваться процессуальными правилами допроса, то на предъявление для опознания должна распространяться ч.3 ст. 224: «в случае допроса свидетеля он предупреждается об уголовной ответственности за отказ давать показания и за дачу заведомо ложных показаний, а потерпевший - за дачу заведомо ложных показаний». Следует понимать, что эта норма актуальна для всех трех этапов опознания: для предварительного допроса, во время непосредственного опознания и в ходе объяснений, которые следуют за успешным узнаванием о признаках, послуживших основой для опознания. Таким образом, отсутствие нормы - предупреждения опознающего об уголовной ответственности в новом УПК Украины вряд ли можно считать новацией, это скорее лако-ничность нового закона. Если опознающий является потерпевшим, он предупреждается только об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст. 384 УК). Участие подозреваемого в опознании является добровольным. Если опознающий - свидетель, он перед опознанием предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 384, 385 УК).

Однако, когда опознающий субъект – свидетель, норма о предупреждении его об отказе от дачи показаний вряд ли оправданна с точки зрения достижения ею цели правового регулирования, - а именно побуждения к добросовестности свидетеля. Ведь интересно, каким же образом законодатель собирается обеспечить процедуру и содержание установления следователем преднамеренности отказа свидетеля, если свидетель заявит, что по каким-либо причинам не сможет узнать, хотя на самом деле он смог бы это сделать без проблем? Или свидетель не сможет назвать каких-то конкретных признаков опознаваемого, хотя и способен узнать предъявленное лицо, что может быть интерпретировано как отказ от дачи показаний. Поэтому правы ученые, которые от этого предостережения закона в контексте опознания предлагают отказаться, так же как и относительно следственного эксперимента и проверки показаний на месте.

Список литературы

1. Гончаренко, В. Г. Лекції з судової психології, читані в Академії адвокатури України [Текст] / В.Г. Гончаренко. - К.: Академія адвокатури України, 2008. - 278 с.
2. Лукьянчиков, Е.Д., Кузьмичев, В.С. Тактические основы расследования пре ступлений [Текст] / Е.Д. Лукьянчиков, В.С. Кузьмичев. - К., НИ и РИО КВШ МВД СССР. - 1989.- 126 с.
3. Бурданова, В.С., Коршунова, В.Н. Тактика предъявления для опознания [Текст] / В.С. Бурданова, В.Н. Коршунова // Курс криминалистики: в 3-х томах: Том I. Теоретические и методологические основы криминалистики. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / Под ред. О.Н.Коршуновой и А.А.Степанова. – СПб: «Юридический цент Пресс», 2004. – С. 621-638.

4. Сеченов, И.М. Избранные философские и психологические произведения [Текст] / И.М. Сеченов. – М., 1947. – С. 355-356.

УДК 343

О.Н. Кирсанов, соискатель кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье раскрываются проблемы производства дознания в российском уголовном судопроизводстве. Анализируются эффективность дознания в современном российском уголовном процессе и возможности его совершенствования.

В последние десятилетия в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации все чаще встает вопрос о степени динамичности уголовно-процессуальной формы и наличии у нее таких качеств, как процессуальная гибкость и способность к дифференциации.

Применительно к российскому уголовному процессу, говоря об ускоренных производствах, в первую очередь речь должна идти об организации предварительного расследования в форме дознания.

Российский законодатель наделил органы дознания двоственными полномочиями: с одной стороны, они осуществляют неотложные следственные действия, с другой – как раз осуществляют производство предварительного расследования в форме дознания по уголовным делам, указанным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Хотя следует согласиться с О.В.Мичуриной, отмечающей, что «в связи с тем, что уголовно-процессуальный закон ограничил дознание только уголовно-процессуальной деятельностью по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно, производство органом дознания неотложных следственных действий выпало за пределы дознания, их статус потерял должную определенность» [2, 25].

Анализ категорий уголовных дел, которые расследуются в форме дознания, приводит к закономерному выводу: главным основанием для расследования уголовного дела в форме дознания является небольшая тяжесть совершенного преступления. Логично предположить, что такие преступления должны расследоваться не просто в упрощенной, но именно в ускоренной форме. И вот здесь возникает закономерный вопрос: является ли российское дознание ускоренной формой производства по уголовному делу?

В соответствии с п. 8 ст. 5 УПК РФ дознание – это форма предварительного расследования осуществляемого дознавателем (следователем) по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно. В данном определении нашел свое закрепление все тот же подход, ориентированный на тяжесть совершенного преступления, поэтому категории уголовных дел, по которым проводится дознание, определяются, как прямым указанием закона, так и способом исключения.

Очевидно, первоначально разработчики УПК РФ имели в виду ускоренный характер расследования уголовных дел в форме дознания, но в процессе многочисленных корректировок уголовно-процессуальных норм, в той или иной степени, регулирующих производство дознания идея ускоренного производства дознания претерпела ряд негативных трансформаций.

С одной стороны, в течение десятилетия законодатель предпринял более или менее удачные попытки совершенствования процедуры дознания, закрепленной в первоначальной редакции УПК РФ. С другой, - совершенствование порядка производства дознания сопровождалось значительным увеличением сроков производства дознания и возможностью продления этих сроков. Данные новеллы были направлены на повышение эффективности дознания как формы предварительного расследования. В итоге в настоящее время общий срок дознания по уголовному делу составляет 30 суток и может быть продлен прокурором еще на 30 суток (ч.3 ст. 223 УПК РФ). Стремление повысить качество дознания привело к тому, что УПК РФ допустил продление срока дознания до 6 месяцев в «необходимых случаях», например для производства судебной экспертизы. Более того, в «исключительных случаях» связанных с исполнением запроса о правовой помощи, срок дознания может быть продлен прокурором до 12 месяцев. Таким образом, на основе реализации прокурором предоставленных ему законом дискреционных полномочий, срок дознания становится равным сроку предварительного следствия. Получается парадоксальная ситуация: уголовные дела, расследуемые в форме дознания и предварительного следствия, отличаются по тяжести и чаще всего по сложности, а срок производства по таким уголовным делам может совпадать.

Полагаем, что мы получили ситуацию, когда производство дознания по-прежнему сопряжено с рядом проблем, порождаемых противоречивой процессуальной регламентацией, а допустимый предельный срок дознания ставит под сомнение возможности дознания как ускоренной формы уголовного судопроизводства и соответствие этой формы предварительного расследования принципу разумности срока уголовного судопроизводства. Таким образом, современное российское дознание явно не является целерантным производством.

Эту ситуацию можно было бы объяснить тем, что российский законодатель изначально не мыслил дознание как ускоренное производство или постепенно отошел от идеи ускоренного производства в форме дознания. Однако и

первоначальная редакция УПК РФ и последующие изменения говорят в пользу того, что дознание конструировалось как сокращенное следствие.

Идея ускорения дознания нашла свое отражение в законодательной деятельности. В частности, в результате внесенных в УПК РФ изменений в марте 2013 года в российском уголовном процессе появилось дознание в сокращенной форме [1]. В целом введение в российский уголовный процесс сокращенного дознания можно рассматривать как позитивный момент. Однако предложенная законодателем процедура далека от совершенства. На наш взгляд, данный институт является не очень удачной копией советской протокольной формы и недостаточно проработан, что вызвало к жизни острую научную полемику о его целесообразности еще в период обсуждения соответствующего законопроекта.

Таким образом, в современном российском уголовном судопроизводстве дознание не выполняет тех функций, которые возлагались на него законодателем. В этой связи необходимо пересмотреть концепцию дознания, определив его назначение и процессуальные особенности. При таком подходе сохранится жизнеспособность дознания как формы предварительного расследования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Текст] // *Собрание законодательства РФ*. – 2013. - № 9. - Ст. 875.
2. Мичурина, О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел [Текст] / О.В. Мичурина // *Автореф. дисс. ... д-ра юрид.наук.* – М., 2008. – 60с.

УДК 343.1

А.А. Козьявин, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ НАУКИ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В статье охарактеризованы правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации, которые оказали существенное воздействие на развитие понятийного аппарата науки уголовного процесса России. Отмечается, что именно Конституционный суд России, осуществляя свою деятельность в сфере уголовно-процессуального регулирования,

развивал новые подходы в науке уголовного процесса, делая ее современной и адекватной потребностям практики, а также разрешая наиболее дискуссионные проблемы науки.

Конституционный Суд Российской Федерации – поистине уникальный правовой, конституционный институт отечественной правовой системы, своей знаменательной деятельностью завоевавший безусловный авторитет как среди теоретиков российского уголовно-процессуального права, так и среди практиков. Более того, не отрицаема и высокая политическая и уже сложившаяся историческая роль Конституционного Суда в нашем обществе и государстве: достаточно бросить беглый взгляд на существо его правовых позиций, выраженных в 90-е годы прошлого века, и их значение для уголовно-процессуального законодательства, практики его применения и определения магистральных направлений модернизации уголовно-процессуальных форм, доставшихся нам в качестве наследия от советского прошлого.

В чем же заключена историческая, политическая и правовая уникальность Конституционного Суда России? Во-первых, исторически так сложилось, что это единственный государственный орган, который в октябре далекого 1993 года ценой своего роспуска встал на защиту права в конституционном кризисе российской власти, некрасиво завершившимся расстрелом ее представительного и законодательного органа.

Во-вторых, именно Конституционный Суд – единственный суд России, не упустивший свой шанс на независимость в системе сложнейших общественных отношений пореформенной России – шанс, которым, надо признать, не в полной мере рискнули воспользоваться суды общей юрисдикции. Поэтому, представляется, до сих пор подавляющая часть правовых позиций Конституционного Суда в части оценки конституционности норм уголовно-процессуального законодательства расширяет процессуальные возможности личности в уголовном судопроизводстве независимо от качества ее участия в нем (будь то обвиняемые или потерпевшие), наделяя ее, по сути, новыми правами или констатируя факт отсутствия препятствий для реализации уже известного права ранее неизвестным способом. Здесь Конституционный Суд строго выступает с позиции обеспечения наиболее благоприятного положения для человека в его отношениях с государством.

В-третьих, именно принципиальность, активность и убежденность Конституционного Суда в далеко не бесспорном противостоянии с Судом Верховным дали российской правовой действительности, и в особенности уголовно-процессуальной, столь мощный по юридическому потенциалу механизм выявления и закрепления в сознании ученых и практиков «конституционно-правового смысла норм уголовно-процессуального закона» [47, с. 132-133; 48, с. 187-215].

Наконец, правовые позиции Конституционного Суда – безусловный пра-

новой феномен, еще до конца не познанный учеными. Весьма ожесточенная дискуссия о правовой сущности постановлений и определений Конституционного Суда идет между разными точками зрения и системами аргументации. Какова она у этих актов? То ли это сущность прецедентных источников права [51, с. 53], или актов так называемого «негативного законодателя» [46; 44, с. 57-58], или правоприменительных актов [44, с. 77], а может, актов толкования права [49] или преюдиции [47, с. 130; 50, с. 288-289]? А почему бы ее (сущность) не выразить в особое уникальное и новое для нас правовое явление [45, с. 93]? Полагаем, что практика Конституционного Суда настолько многогранна и способна сочетать признаки разных упомянутых юридических категорий, что уже не может быть уложена в существующую традиционную систему научных представлений об источнике права.

Вместе с тем анализ ряда правовых позиций Конституционного Суда России позволяет выявить еще одну его роль – также по-своему уникальную. Речь идет о формулировании Судом категорий, ранее считавшихся преимущественно теоретическими, например, предмета уголовно-процессуального регулирования, уголовно-процессуальных понятий и их содержания, процессуальных функций, стадий, принципов уголовного процесса и других категорий, о которых достаточно продолжительное время спорят теоретики. Неслучайно, ссылка на правовую позицию Конституционного Суда России уже давно стала важной составляющей научной аргументации в диссертационных исследованиях по уголовному процессу.

Проблема состоит в том, что всеобщая формализация, постигшая все сферы общественной жизни, все более требует правового закрепления когда-то незыблемых теоретических категорий; все труднее в юридическом споре отстаивать мысль, ранее бывшую непререкаемой аксиомой, но выраженной лишь в учебниках. Например, где законодательно закреплено, что норма права состоит из гипотезы, диспозиции и санкции? Есть ли нормативное определение стадии назначения судебного заседания, ее сущности? Где указано, что принцип – это норма, в названии которой есть слово «принцип»? На одном из обсуждений рабочего учебного плана специальности «Правоохранительная деятельность» Совет юридического факультета ЮЗГУ дошел до того, что всерьез начал искать нормативное определение «правоохранительной деятельности», ее отличий от юриспруденции, а в итоге обнаружил, что в законодательстве нет и определения последней!

Вот здесь, полагаем, и представляют интерес правовые позиции Конституционного Суда России, ибо его акты всегда насыщены анализом высоко-теоретическим и напоминают мощное научное рассуждение. А как может быть иначе, если среди его судей почти все – доктора юридических наук?

Не претендуя на системный и заверченный анализ, приведем лишь несколько примеров того, как правовая позиция Конституционного Суда России

формулировала, обогащала или изменяла научные категории в уголовном процессе.

Так случилось, что в 90-е годы прошлого века одной из важнейших его задач явились продвижение в уголовное судопроизводство принципа состязательности, понятия сторон, их функций и, в особенности, освобождение суда как органа правосудия от несвойственной ему функции обвинения. В этом смысле примечательным стало массовое устранение из УПК РСФСР 1960 года норм, противоречивших конституционным параметрам состязательного демократического судопроизводства по уголовным делам. Представляется, что в это время именно правовые позиции, выраженные преимущественно в постановлениях Конституционного Суда, раскрыли ученым категорию состязательности, ее правовую сущность и предопределили в дальнейшем содержание ст. 15 действующего сегодня УПК России и основные современные уголовно-процессуальные формы. Наиболее известными в этом контексте стали постановления Конституционного Суда России о запрете судам возбуждать уголовное дело [6; 24] и возвращать уголовное дело на дополнительное расследование по своей инициативе [5]. Без сомнения, можно сказать, что в этот момент либеральная часть научного сообщества черпала в решениях Конституционного Суда неподдельное вдохновение и осознавала свое теоретическое превосходство над консерваторами. Именно в этот период времени подверглись ревизии основы основ науки уголовного процесса - проблемы истины в уголовном процессе, его целей и задач, соотношения диспозитивности и публичности и другие.

Вступивший в юридическую силу в 2002 году УПК России закрепил и развил состязательные начала уголовного процесса, однако оставил без решения вопрос об активной или пассивной роли суда в доказывании по уголовным делам, вообще о наличии у суда другой, кроме правосудия, процессуальной функции (в частности судебного контроля), о необходимости или ненужности принципов публичности, справедливости, всесторонности, объективности и полноты исследования обстоятельств дела. В науке по этим вопросам не утихает дискуссия. По сути, теория оказалась бессильна признать систему и содержание принципов уголовного процесса завершенной. Только благодаря конкретным правовым позициям Конституционного Суда России можно утверждать, что «принцип состязательности и равноправия сторон распространяется на все стадии уголовного судопроизводства» [7], не исключает предъявления требования о всесторонности, полноте и объективности к результатам обвинительной деятельности и предполагает «необходимость использования прокурором, следователем, дознавателем в процессе уголовного преследования всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» [10], а кроме того, «не умаляет роль суда в осуществлении правосудия и не освобож-

дает от обязанности обеспечить, используя предоставленные законом полномочия, в том числе по собиранию и исследованию доказательств, справедливое и беспристрастное разрешение дела по существу» [18; 22].

Что касается других положений теории, которые ученые выдвигают на роль принципов уголовного процесса, формализация которых проигнорирована законодателем, то Конституционный Суд в ряде своих актов прямо называет справедливость не только правовым, но и конституционным принципом [8; 11; 15], признает публичный характер уголовного судопроизводства [14; 21] и допускает применение диспозитивности [13; 9], однако нигде не именует их принципами уголовного процесса, видимо, считая их иными правовыми категориями. Обращение к этим категориям интересно, если учесть опыт соседней к нам страны – Украины, где новый УПК закрепляет публичность и диспозитивность именно в качестве принципов.

В ряде правовых позиций Конституционный Суд заострил внимание и на содержании процессуальных функций. Так, в Определении от 6 марта 2003 г. обобщено понятие функции обвинения, которая «заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде» [18], избегая характерного для п. 55 ст. 5 и ч. 2 ст. 21 УПК РФ термина «изобличение».

Рассматривая в ряде актов деятельность суда по проверке законности действий и решений следователей, дознавателей и прокуроров, Конституционный Суд весьма противоречиво определяет и именует функции суда: с одной стороны, обуславливает уточнение и расширение перечня обжалуемых действий и решений следователя, дознавателя и прокурора тем, что невозможность их обжалования «исказило бы саму суть правосудия» [27], т.е. признавая деятельность суда по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ именно функцией правосудия. В то же время в других актах он отмечает, что «возложение на суд задачи осуществления правосудия ... не исключает наделение его полномочиями по осуществлению контроля за законностью и обоснованностью действий (бездействия) и решений органов и должностных лиц, уполномоченных на осуществление уголовного преследования» [3; 6; 17], а «при даче заключения о наличии признаков преступления суд осуществляет только контрольную функцию» [25; 34]. Таким образом, функция судебного контроля также признается отдельно существующей от функции правосудия.

Весьма интересно Конституционный Суд раскрывает предмет правового регулирования уголовно-процессуального права – одну из ключевых теоретических категорий. Вопрос этот возник из-за установленной в ст. 7 УПК РФ иерархии источников уголовно-процессуального права, согласно которой запрещено применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ. Конституционный Суд указал, что «приоритет УПК РФ перед другими обычными федеральными законами не является безусловным, а ограничен рамками специаль-

ного предмета регулирования, которым является порядок уголовного судопроизводства» [10]. При этом к предмету регулирования УПК РФ не следует относить дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом [29; 30; 35; 37].

Определенную сенсацию вызвала в свое время позиция Конституционного Суда относительно возможности применения в уголовном процессе аналогии закона [1; 2; 4; 16]. Это был существенный шаг в направлении модернизации традиционных категорий теории уголовно-процессуального права. Впрочем, обогащенная таким образом наука вскоре спокойно восприняла появление в УПК РФ нормы ст. 475 УПК РФ, содержащую прямое указание на применение аналогии закона – возможность составлять процессуальные документы при отсутствии подходящего бланка по аналогии с имеющимися. Позже эта норма утратила юридическую силу во многом потому, что Конституционный Суд неожиданно объявил все статьи с бланками процессуальных документов «рекомендательными» нормами.

Известно, что уголовное судопроизводство имеет строгую постадийную структуру. Тем не менее, понятие, характер (обычные или исключительные) и задачи стадий уголовно-процессуальным законом не определяются, за исключением разделения их на досудебные и судебные. Все эти понятия традиционно относятся к сфере уголовно-процессуальной науки. Однако в ряде ситуаций Конституционный Суд вынужден был давать определение стадий и, что самое главное, раскрывать их характер и предназначение. Так, им были определены как минимум четыре стадии уголовного процесса – стадии возбуждения уголовного дела, предварительного слушания, надзорного производства и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. При этом стадиям возбуждения уголовного дела [24; 26] и возобновления производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств [15; 31] даны развернутые определения и указаны их задачи, а стадия надзора квалифицирована как исключительная [11; 12; 42] или дополнительная [23; 28; 32; 33; 39; 41]. Полагаем, что одну стадию Конституционный Суд выделил, несмотря на раскрытие основных процессуальных задач, ошибочно – стадию предварительного слушания [20], ибо это одна из форм, в которой проходит стадия назначения судебного разбирательства, причем, именно эта стадия не раз меняла в теории свое наименование.

Нельзя не забыть, что правовые позиции Конституционного Суда РФ существенно модернизировали и такую традиционную для науки категорию, как профессиональная тайна и в особенности тайна адвокатская, возможность разглашения которой путем допроса ее обладателя не признавалась наукой ни при каких обстоятельствах. Однако Конституционный Суд, реагируя на практические ситуации, признал возможным допрос адвоката-защитника об обстоя-

тельствах, составляющих адвокатскую тайну, при условии, если это в интересах подзащитного или если инициируют допрос сами защитник или его подзащитный [19; 38]. Кроме того, и в отношении иных профессиональных тайн было определено, что «суд не вправе отказывать в даче свидетельских показаний лицам, перечисленным в ч. 3 ст. 56 УПК РФ, при заявлении ими соответствующего ходатайства» [19].

Наконец, с точки зрения науки уголовного процесса примечательна позиция Конституционного Суда, сформулированная им по поводу структуры доказательственной части обвинительного заключения. Разработанная теорией традиционная структура обвинительного заключения, предполагавшая полное изложение содержательной стороны каждого доказательства, применявшаяся в течение десятилетий в соответствии с УПК РСФСР 1960 года, волей законодателя была редуцирована до обязанности излагать лишь перечень доказательств обвинения и защиты. В этом была своя логика, стремившаяся стимулировать самостоятельность и активность суда при исследовании доказательств в ходе судебного разбирательства, а также исключить «пагубное влияние» столь полного и всестороннего документа на текст будущего приговора по делу. Однако Конституционный Суд посчитал недопустимым в каком-либо официальном процессуальном акте сводить в нарушение ч. 1 ст. 74 УПК РФ понятие доказательства лишь к его источнику в физическом смысле, а доказательственную базу – к перечню таких источников [36; 40], поддержав, таким образом, традиционный научный подход к сущности категории «обвинительное заключение».

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что влияние правовых позиций Конституционного Суда России на категориальный аппарат науки уголовного процесса огромно и обусловлено его безусловным авторитетом в системе уголовного судопроизводства. Конечно, все упомянутые вопросы мог бы решить и Верховный Суд России в актах толкования, кое-какие именно он и разрешал еще до Конституционного Суда. Вне сомнений, привести дискуссии к общему знаменателю могли бы и ученые, а законодатель мог бы к ним прислушиваться, однако реальность такова, что наука слишком сильно поделена на либеральное и консервативное крылья, а законодатель вообще не обращает внимания на советы теоретиков. Поэтому закрепление сегодня определенной научной позиции в правовом акте, столь высоком по юридическому значению, как постановление или определение Конституционного Суда, безусловно, имеет особое значение для развития всей отечественной процессуальной науки.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П [Электронный

- ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 апреля 1998 г. № 13-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 4. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 8. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 9. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 10. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 11. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 12. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 № 2-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 13. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2007 г. № 7-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 14. Определение Конституционного Суда РФ от 23 января 2001 г. № 21-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 15. Определение Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2002 г. № 28-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 16. Определение Конституционного Суда от 24 апреля 2002 г. № 114-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 17. Определение Конституционного Суда от 27 декабря 2002 г. № 300-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 18. Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 104-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 19. Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 г. № 108-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 20. Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2003 г. № 171-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 21. Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 г. № 451-О [Электронный

- ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
22. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 204-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 23. Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2004 г. № 270-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 24. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 384-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 25. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 392-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 26. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 452-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 27. Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 151-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 28. Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 401-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 29. Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 30. Определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 54-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 31. Определение Конституционного Суда РФ от 20 июня 2006 г. № 240-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 32. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 280-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 33. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 282-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 34. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 286-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 35. Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 454-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 36. Определение Конституционного Суда РФ от 20 марта 2007 г. № 266-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 37. Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 371-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 38. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2007 г. № 516-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 39. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2007 № 589-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 40. Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 764-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления:

- 01.03.2013.
41. Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2007 г. № 923-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 42. Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 193-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 43. Абдулаев, М.И. Проблемы теории государства и права [Текст]: Учебник / М.И. Абдулаев, С.А. Комаров. – СПб.: Питер, 2003. – 576 с.
 44. Батуев, Н.В. Решения Конституционного Суда РФ в механизме уголовно-процессуального регулирования [Текст] / Н.В. Батуев. – Ижевск: Детектив-информ, 2003. – 123 с.
 45. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации [Текст] / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р.М. Шагеева, Е.В. Ежова. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 555 с.
 46. Гаджиев, Г.А. Конституционный Суд – это отрицательный законодатель [Текст] / Г.А. Гаджиев, А.Л. Кононов // Юридический мир. – 1998. - № 3. – С. 6-8.
 47. Зорькин, В.Д. Россия и Конституция в XXI веке [Текст] / В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2008. – 591 с.
 48. Лебедев, В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития [Текст] / В.М. Лебедев. - СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, юридический факультет; Издательство «Лань», 2001. – 384 с.
 49. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права [Текст]: Учебник / М.Н. Марченко. – М.: ТК Велби, 2007. – 656 с.
 50. Муратова, Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики [Текст] / Н.Г. Муратова. – Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ленина, 2004. – 326 с.
 51. Смирнов, А.В. Уголовный процесс [Текст]: учебник для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под ред. А.В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2004. – 697 с.

УДК 343

И.М. Комаров, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной экспертизы и криминалистики Национального исследовательского Белгородского государственного университета

О СИСТЕМЕ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье на основе системного подхода раскрывается содержание процесса доказывания по уголовному делу, как на стадии его предварительного расследования, так и судебного разбирательства.

Досудебное производство и судебное разбирательство по уголовному де-

лу непосредственно связано с процессом доказывания, которым называется деятельность органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств о факте совершенного преступления. Установить факт преступления – значит доказать, что преступление действительно было совершено[3].

Доказательствами является фактический материал, которым досудебное производство и судебное разбирательство оперируют в процессе расследования и разрешении уголовных дел и, на основании которых в указанных стадиях следователем (судьей) решаются все вопросы существа этих дел. Доказывание как познание истины по уголовному делу наряду с требованиями текущего законодательства подчиняется определенным логическим правилам и системным законам. Как всякий процесс познания доказывание по делу – это мыслительная деятельность следователя (досудебное производство), государственного обвинителя и судьи (судебное разбирательство) над собранным доказательственным материалом и в то же время «деятельность, совокупность действий, совершаемых следователем и судьей, направленная на собирание и проверку доказательств»[2].

Одним из важных способов и средств обеспечения этой деятельности являются версии. Именно их построение и проверка правомочными субъектами доказывания в процессе досудебного производства и судебного разбирательства обеспечивает принятие единственного в соответствии с процессуальной стадией окончательного процессуального решения, которое может быть выражено в обвинительном заключении и приговоре.

Проверка версий осуществляется следователем (государственным обвинителем, судьей) посредством собирания (проверки) доказательств виновности (невиновности) лица привлеченного к уголовной ответственности на основе разрешенных уголовно-процессуальным законодательством способов и средств.

Фактически на указанных уголовно-процессуальных стадиях осуществляется один и тот же процесс доказывания, но в различных формах. Причем на стадии судебного разбирательства и государственный обвинитель и суд, в большей степени призваны проверить в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями объективность доказательств виновности подсудимого, добытых в процессе предварительного расследования.

В итоге, эта деятельность должна отражать системную связь конечных результатов предварительного расследования и судебного разбирательства. Установление системной связи доказательств виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, служит основанием для вынесения в отношении него судом обвинительного приговора. В случае отсутствия этой связи приговор должен быть оправдательным.

Данный процесс в судебном разбирательстве протекает в соответствии со

сложившимися научными положениями системного подхода.

Одно из популярных определений системы гласит – ею является совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство[4]. Оно принадлежит И.В. Блаубергу и Э.Г. Юдину, которые ввели в оборот и основные принципы системного подхода в познании исследуемых объектов, процессов и явлений – целостность, типы связей, среди них системообразующие структура и организация, цель и целесообразный характер, поведение, самоорганизация, функционирование и развитие[1].

В соответствии со спецификой процессуально-криминалистических аспектов доказывания определения принципов системного подхода и системы процесса доказывания в целом должны быть интерпретированы к предмету статьи.

С учетом этого, первоначально, следует определиться с типами связей, возникающими в системе процесса доказывания по уголовному делу. Их объясненное наличие между доказательствами, добытыми в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства (элементами системы доказывания) и образует важнейший принцип всех систем – целостность.

В криминалистике, с учетом ее особой объектной природы, исследованы различные виды связей, обуславливающих прикладной характер положений этой науки. Среди них можно назвать причинно-следственные, временные, пространственные, логические и организационные связи, косвенные, прямого и обратного направления, дедуктивные, индуктивные, закономерные, случайные связи, связи однозначные (многозначные), непосредственные, многоступенчатые, соответствия и функциональные, связи принадлежности вещей.

Все перечисленные виды связей тем или иным образом встречаются в системе процесса доказывания по уголовному делу. Однако анализ материалов уголовных дел, рассмотренных с обвинительным приговором в районных судах Белгорода свидетельствует о том, что доказательства двух подсистем всей системы процесса доказывания (предварительного расследования и судебного разбирательства) строятся преимущественно на причинно-следственных, пространственно-временных и логических связях, а также связях косвенных, прямого и обратного направления.

На вдаваясь в объяснение и характеристику связей, которыми должны быть обеспечены собственно доказательства виновности обвиняемого и подсудимого на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве кратко попытаемся отобразить содержание связей указанных подсистем и системы процесса доказывания по уголовному делу.

Причинно-следственные, пространственно-временные и логические связи отвечают за сохранение закономерностей обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, оценки и использование следов преступления (преступника) на

основе деятельности следователя по их отображению в результатах проведенных следственных действий. Полученные таким образом доказательства преступления сохраняются в уголовном деле, а затем приводятся в систему в обвинительном заключении, в качестве версии предварительного расследования, объясняющей событие происшедшего преступления. В судебном разбирательстве данные связи реализуются на основе исследования судом доказательств, содержащихся в обвинительном заключении, которые представляет и защищает прокурор, поддерживающий государственное обвинение.

Данная деятельность государственного обвинителя не может быть в полной мере осуществлена без сохранения и учета логических связей доказательств обвинительного заключения, доказательств добытых в ходе судебного разбирательства, а также связей этих групп доказательств между собой. Нарушение логики доказывания судебного разбирательства полностью или частично влечет за собой негативные последствия, которыми могут быть как частичное, так и полное оправдание подсудимого.

Система доказательств предварительного расследования, также как и доказательств судебного разбирательства основана на классификационных подходах к ним, которые определены уголовным процессом и криминалистикой. Наряду с прямыми обвинительными доказательствами, большое значение в системе процесса доказывания по уголовному делу принадлежит косвенным обвинительным доказательствам, а они основываются на соответствующих видах связей. Если эти связи достаточно прочны, то косвенные обвинительные доказательства могут играть решающую роль при вынесении судом первой инстанции обвинительного приговора. Иллюстрационным примером этого может служить практически любое уголовное дело о преступлении, совершенном в условиях неочевидности в ситуациях расследования и судебного разбирательства, когда обвиняемый воспользовался своим правом, предусмотренным ст. 51 Конституции РФ. Косвенные связи в известном смысле то же, что и связи принадлежности вещей.

Связи прямого и обратного направления как в системе процесса доказывания в целом, так и в формирующих ее подсистемах, обусловлены содержанием собранных и зафиксированных в протоколах следственных действий доказательств. Их содержание основано на процедурах последовательного получения доказательств преступления, то есть, нельзя, например, назначить дактилоскопическую экспертизу, прежде чем в распоряжение предварительного расследования не поступят отпечатки пальцев рук человека изъятые в ходе того или иного следственного действия, а также идентифицирующие их образцы отпечатков пальцев рук подозреваемых лиц. Получение этих образцов также должно пройти соответствующие процессуальные процедуры изъятия. Результаты данного дактилоскопического исследования, признаются судебным доказательством в процессе судебного разбирательства на основе проверки судом

обратной связи посредством обозрения в ходе судебного разбирательства материалов уголовного дела и установления, таким образом, законности получения данного доказательства в процессе предварительного расследования. Определение связей прямого и обратного направления в системе процесса доказывания предполагает также наличие логических и организационных связей, за содержание которых отвечает также субъект доказывания.

Однако, несмотря на необходимый характер всех приведенных видов связей главной системаобразующей связью, объединяющей подсистемы предварительного расследования и судебного разбирательства в единую систему процесса доказывания, являются корреляционные связи (связи сосуществования) всех доказательств совершенного преступления. Своим содержанием они обеспечивают целостность данной системы и на этой основе возможность постановления судом обвинительного приговора по делу.

Системаобразующее значение корреляционных связей заключается в том, что они обеспечивают непротиворечивое уголовно-процессуальным нормам и криминалистическим рекомендациям существование всех доказательств добытых в процессе предварительного расследования, проверенных в судебном разбирательстве и принятых судом в качестве судебных доказательств для вынесения обвинительного приговора. Отсутствие данного вида связей между какими-либо элементами системы процесса доказывания по уголовному делу (элементами ее подсистем) требует от следователя и судьи действий по гармонизации указанных подсистем и системы процесса доказывания в целом. Она может быть выражена, например, в отказе суда признать судебным доказательством какие-либо сведения, добытые в процессе предварительного расследования, проведении судебно-процессуальных действий по ходатайству сторон или инициативе суда для установления фактов, которые могут повлиять на принятие законных процессуальных решений и пр.

Дедуктивные и индуктивные связи системы процесса доказывания представляют собой методологический блок логических приемов обеспечивающих построение и проверку версий предварительного расследования и судебного разбирательства. Версия предварительного расследования, выраженная в обвинительном заключении, также в значительной степени основана на связях этого вида, а в случае подтверждения этой версии в судебном разбирательстве они повторяются в обвинительном приговоре суда, чем обеспечивают со своей стороны целостность системы процесса доказывания по уголовному делу.

Закономерные типы связей, обеспечивающие целостность системы процесса доказывания, первоначально представлены в подсистеме предварительного расследования и обеспечивают своим существованием криминалистические процессы собирания, исследования, оценки и использования доказательств. В судебном разбирательстве эти типы связей, находя свое подтверждение, формируют со своей стороны систему процесса доказывания. При

этом в обеих подсистемах значительная часть закономерных связей обеспечена связями непосредственного характера, наличие которых указывает на прямые доказательства виновности привлеченного к уголовной ответственности лица.

Любой сложившейся системе процесса доказывания по уголовному делу должны соответствовать однозначные и многозначные связи между доказательствами. Основанием этому является, на наш взгляд, невозможность осуществления процесса доказывания, как в ходе предварительного расследования, так и судебного разбирательства только на основе применения закономерностей линейных систем. То есть процесс доказывания это не примитивная причинно-следственная связь, когда появление одного доказательства порождает связь и появление другого доказательства, что в конечном итоге обеспечивает принятия окончательного процессуального решения. Представляется, что любое доказательство может быть закономерно связано и порождает как одно последующее, так и множество других доказательств по расследуемому преступлению. Поэтому связи в системе процесса доказывания всегда представлены как однозначными, так и многозначными отношениями.

Наличие функциональных связей обеспечивает системе процесса доказывания целостность за счет объективности принятия как промежуточных, так и окончательных процессуальных решений. Основой этому служит выполнение определенных уголовно-процессуальных функций сторонами защиты и обвинения на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства.

Заканчивая анализ связей, обеспечивающих принцип целостности системе процесса доказывания, хотелось отметить, что, по нашему мнению, данной системе не присущи случайные связи, так как это противоречило бы уголовно-процессуальным и криминалистическим закономерностям, на основе которых собираются, исследуются, оцениваются и используются судебные доказательства.

Можно попытаться продолжить анализ связей, которые обеспечивают осуществление предварительного расследования и судебного разбирательства и формируют наряду с другими факторами целостную систему процесса доказывания по уголовному делу. Однако, на наш взгляд, даже приведенный беглый анализ связей предварительного расследования и судебного разбирательства указывает на целостность их как подсистем системы процесса доказывания, которую с учетом формально-логических правил, теоретически также можно считать целостной.

И.В. Блаубергом и Э.Г. Юдиным принцип целостности в системном подходе к исследованию тех или иных объектов, процессов и явлений раскрывается также на основе «структуры и организации, цели и целесообразного характера, поведения, самоорганизации, функционирования и развития».

Относительно нашего объекта исследования – системы процесса доказы-

вания по уголовному делу, можно сказать, что ее структура и организация определены действующим уголовно-процессуальным законодательством, цели связаны с процессуально-криминалистической природой доказывания, а целесообразный характер в данной системе отсутствует полностью, так как целесообразность ни коим образом не может подменять законность в деятельности следователя на стадии предварительного расследования и судьи на стадии судебного разбирательства. Связи поведения объяснены нами в настоящей статье через функциональные связи с учетом выполнения следователем (судьей) своих уголовно-процессуальных функций.

Функционирование и развитие, как типы связей системного подхода существуют как в подсистемах предварительного расследования и судебного разбирательства, так и в системе процесса доказывания по уголовному делу до пределов решения той или иной уголовно-процессуальной задачи на основе криминалистической деятельности следователя в границах принятой им процессуальной формы.

Раскрыв, таким образом, содержание системного подхода к доказыванию по уголовному делу, можно дать собственно определение системы процесса доказывания по уголовному делу, на наш взгляд она представляет собой целостность, единство совокупностей подсистем: доказательств добытых следователем в ходе производства предварительного расследования и доказательств, установленных судом в процессе судебного разбирательства в первой инстанции, которые находятся в непротиворечивых отношениях и связях, чем обеспечивают принятие процессуально уполномоченными лицами правильных (промежуточных и окончательных) судебнопроцессуальных решений по делу.

Подходы к такому пониманию системы процесса доказывания по уголовному делу в практической деятельности в состоянии обеспечить принятие судом первой инстанции справедливых процессуальных решений.

Список литературы

1. Становление и сущность системного подхода [Текст] . - М., Наука, 1973 – с. 18.
2. Старченко, А.А. Логика судебного исследования [Текст] / А.А. Старченко. – Л.: Госюриздат, 1958 – с. 34.
3. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Т.1[Текст] / М.С. Строгович. - М., 1968 – с. 287.
4. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Редкол.: С.С. Аверинцев, и др. М.,: Сов. Энциклопедия. 1989 – с. 215.

УДК 343.138

С.М. Коцюмбас, судья Белгородского областного суда

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье исследуются проблемы организации расследования преступлений, совершенных региональными депутатами и вопросы необходимости совершенствования стадии возбуждения уголовных дел.

Действующий российский Уголовно-процессуальный кодекс определяет возбуждение уголовного дела начальной и обязательной стадией уголовного процесса. В науке понятие стадии уголовного процесса связано с относительно обособленной частью судостройства, характеризующейся конкретными задачами, особым кругом участников процессуальной деятельности, спецификой процессуальной формы и видом принимаемых решений.

Возникает вопрос, как следует оптимизировать нормы действующего процессуального законодательства в части регулирования процедуры возбуждения уголовного дела и, в первую очередь, относительно главы 52 УПК РФ, с тем, чтобы положения, определенные ст. 6 УПК РФ, были одинаково приемлемы и для следователя в решении задачи уголовного преследования и расследования преступлений, и для лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовному делу, в части их защиты от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения?

Уважая мнения авторов по данной проблеме, мы полагаем, что стадия возбуждения уголовного дела в отечественном законодательстве утрачивает свои позиции, определенные изначально УПК РСФСР 1960 года в качестве гарантии от незаконного и необоснованного уголовного преследования. Это непосредственно относится и к «специальным» субъектам – депутатам законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления.

Напомним, что принципиальной основой спора является тезис авторов Концепции судебной реформы о следующем: если хотя бы в минимальной степени существует вероятность того, что преступление было действительно совершено, необходимо возбуждать уголовное дело и устанавливать истину наиболее надежными средствами, то есть действиями, облеченными в процессуальную форму.

Дополнительными доводами этому тезису является следующая система аргументов.

1. Устав уголовного судопроизводства 1864 года и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года не предусматривали отдельные про-

цедуры, предшествующие возбуждению уголовного дела в качестве стадии уголовного процесса.

2. Процедура возбуждения уголовного дела не предусматривается в зарубежном уголовном процессе. Это означает признание, в первую очередь, странами с развитой демократической общественной структурой и государственностью приоритета непосредственного расследования посредством возбуждения уголовного дела при обнаружении признаков преступления, и его полноценное исследование процессуальными способами и средствами как наиболее прогрессивной формы защиты прав и свобод граждан, безопасности государства.

Приводя доводы в свою пользу, обратимся также к практике процессуального законодательства государств постсоветского пространства, которые придерживаются «западной» модели развития уголовного процесса. Так, Уголовно-процессуальный закон Латвии (2005 г.) отменил стадию возбуждения уголовного дела, также соответствующие изменения к УПК произошли в Украине (2012 г.), готовятся они и в Казахстане.

3. На стадии возбуждения уголовного дела осуществляется доследственная проверка сообщений о преступлении, достижение целей которой осуществляется на практике непроцессуальными способами и средствами. Это обстоятельство означает их низкую эффективность, как в собирании доказательств преступления, так и в установлении признаков преступления, собственно для чего эта стадия уголовного процесса и предназначена.

Проблема совершенствования процессуальных способов и средств данной стадии возникла непосредственно после принятия УПК РФ и не решена до настоящего времени. Все усовершенствования законодателем норм ст. 144 и 146 УПК РФ желаемых результатов практикам не принесли, а анализ правоприменения свидетельствует, что установление обстоятельств события преступления фактически всегда осуществляется посредством процессуальных процедур предварительного расследования (на это указывают 89,2% опрошенных практических работников).

4. На этапе начала уголовного судопроизводства может быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, что препятствует доступу потерпевшего от преступления к правосудию. Этим нарушается его конституционное право, предусмотренное ст. 52 Конституции РФ. Возражая против данного аргумента, О.В. Хитрова приводит существующие процессуальные механизмы, обеспечивающие, на ее взгляд, доступ к правосудию граждан в случае отказа в возбуждении уголовного дела. Среди них обжалование данного решения в соответствии со ст. 124, 125 УПК РФ.

Но не проще ли потерпевшему пройти один путь после возбуждения уголовного дела до принятия законного и обоснованного процессуального решения, чем после доследственной проверки и отказа в возбуждении уголовного дела обжаловать это решение, возможно, неоднократно, а затем, если жалобу

все же удовлетворяют, принимать участие и в процедурах предварительного расследования?

По нашему мнению, ответ на данный вопрос однозначен. Отказ от доследственных проверок и стадии возбуждения уголовного дела не означает отказ от того, чтобы возбуждать уголовное дело лишь при наличии требуемых законом повода и оснований, не означает начала неправомερных расследований или уголовных преследований. И.В. Овсянников, на наш взгляд, правильно отмечает, что это не ликвидация первоначальной стадии уголовного процесса, так как сохраняется процедура принятия сообщения о преступлении и его рассмотрения, в том числе процессуальная проверка (ст. 141 – 145 УПК РФ). Кроме того, по его мнению, «упрощенный» (то есть освобожденный от непроцессуальных и неконтролируемых судом действий) порядок возбуждения уголовного дела вовсе не влечет неизбежно за собой и не предрешает грубые нарушения прав человека – огульные преследования, бесосновательное производство следственных действий, бесосновательные аресты, задержания и т.п. скорее наоборот».

В литературе встречаются и другие доводы относительно отмены стадии возбуждения уголовного дела в УПК РФ. Так, например, обращается внимание на статистические данные, связанные с сокрытием преступлений, в первую очередь, путем незаконного и необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела.

В этой связи показательным является статистический анализ данных за прошедшее десятилетие, связанных с предметом исследования, представленных на Всероссийской научно-практической конференции в Академии управления МВД РФ. Так, при сокращении численности сотрудников органов внутренних дел на 22% ежегодный рост зарегистрированных сообщений о преступлениях в среднем составил 5% (23.9 млн. в 2011 г.). За последние три года в возбуждении уголовных дел по заявлениям и сообщениям о преступлениях было отказано в среднем от 5.6 до 6.0 млн. раз. Каждое третье такое решение отменялось и только в 10% отмененных материалов, после дополнительной проверки, были найдены основания к возбуждению уголовного дела.

В этой связи, а также с учетом мнений сторонников исключения стадии возбуждения уголовного дела из российского уголовного процесса, приведем ряд практических доводов в обоснование такой необходимости.

1. Наличие стадии и доказательственное значение полученных в ней материалов, в частности объяснений, обязывает следователя к многократному вызову свидетелей и потерпевших на допросы после возбуждения уголовного дела, этого же требует и судебное разбирательство. Временные и финансовые затраты граждан и организаций в этой связи, при ежегодном привлечении к участию в допросе по уголовным делам, в среднем 10-12 млн. человек, весьма значительны.

2. Непосредственное возбуждение уголовного дела, как это было предусмотрено ст. 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 года, обеспечивало бы возможность судебно-экспертного исследования всех объектов, связанных с расследуемым событием, и тем самым гарантировало бы их бесспорное качество как доказательств по делу.

3. Изъятие из уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела могло бы обеспечить полноценное использование следователем в расследовании возможностей криминалистической и оперативно-розыскной деятельности с признанием полученных в результате ее реализации материалов доказательствами преступления.

Для нас очевидным является одно: стадия возбуждения уголовного дела в российском уголовно процессуальном законодательстве изживает себя. Но как все это может соотноситься с группой «специальных» субъектов, определенных п. 1 ч. 1 ст. 447 УПК РФ, к которым закон предьявляет особый процессуальный порядок возбуждения уголовного дела?

Данную связь, при изъятии стадии возбуждения уголовного дела из российского уголовного судопроизводства, мы видим в снятии процессуальных ограничений на право следователя возбуждать уголовные дела при наличии признаков преступления в отношении данной группы субъектов.

Это обстоятельство будет соответствовать ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, которая декларирует – все равны перед законом и судом.

В части положений, регламентирующих современные процедуры возбуждения уголовного дела в отношении рассматриваемой категории лиц, определенных ст. 447 УПК РФ, на наш взгляд, в действующем уголовно-процессуальном законе, необходимы изменения части 1 ст. 448 УПК РФ. В данной норме следует отказаться от прямого указания на то, что решение о возбуждении уголовного дела в отношении лица, указанного в части первой статьи 447 настоящего Кодекса, принимается уполномоченными на это лицами. Это будет означать, что данное решение (возбуждение уголовного дела) относительно указанной категории лиц будет приниматься следователем в соответствии с процессуальными правилами, определенными гл. 20 УПК РФ, а значит, в общем порядке.

Относительно вопроса принятия решения о привлечении указанных субъектов в качестве обвиняемых по уголовному делу, на наш взгляд, позиция законодателя достаточно демократична, не противоречит положениям действующей Конституции России.

Вместе с тем, принимая во внимание некоторую консервативность российского уголовно-процессуального законодательства, в качестве переходного этапа к предлагаемому процессуальному порядку возбуждения уголовных дел в отношении региональных депутатов может быть предложена следующая компромиссная процедура. Ее основой является особая норма, посвященная

порядку доследственной проверки как в отношении всех должностных лиц, предусмотренных ст. 447 УПК РФ, так и в отношении депутатов законодательного органа субъекта РФ и депутатов органа местного самоуправления, что также «обеспечит повышенную защиту и иммунитет от необоснованного уголовного преследования».

Кроме того, в главе 52 УПК РФ могут быть предусмотрены и отдельные процессуальные нормы, повышающие гарантии защиты от необоснованного уголовного преследования уже для стадии предварительного расследования. В частности, эти нормы могут предусматривать предварительное уведомление о подозрении в совершении преступления; содержание такого письменного уведомления; допрос лица, в отношении которого такое уведомление составлено, а также возможность изменения и дополнения подозрения в совершении преступления. Такой порядок нивелировал бы разницу в правовом положении за подозреваемого и подозреваемого, а также подозреваемого и обвиняемого.

Выгода от наших предложений для расследования представляется очевидной. При соблюдении равенства депутатов законодательного органа субъекта РФ и депутатов органа местного самоуправления как граждан Российской Федерации перед действующей Конституцией сохраняются процессуальные гарантии и механизмы защиты их прав и законных интересов (ч. 1 ст. 6 УПК РФ) от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

УДК 343.1

Н.И. Логвиненко, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, хозяйственного права, финансово-экономической безопасности, заместитель декана юридического факультета по научной работе Сумского государственного университета, Украина

Е.Н. Олейник, аспирант юридического факультета Сумского государственного университета, Украина

РАЗЛИЧИЯ В ИНСТАНЦИОННОМ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В УКРАИНЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В силу различий в формах государства Украины и Российской Федерации (далее РФ) сложились различия и в судебной системе этих государств. Причиной этого является существенная разница в системе судебной власти и осуществлении правосудия и уголовного судопроизводства в частности. В данной статье рассматриваются основные различия в уголовном судопроизводстве Украины и РФ.

Украина и Россия являются бывшими выходцами СССР, а поэтому существует много общего в правовой системе и законодательстве этих государств. Конституциями обеих стран провозглашено демократическое, социальное, правовое государство, а это значит, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью в государстве и действует принцип верховенства права.

Политика каждого правового, социального, демократического государства направлена на обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина; противодействие преступности; охрану общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности. Так как каждому государству свойственный определенный уровень преступности, с которым ведется активная борьба. То соответственно каждым из них принимаются превентивные меры. Борьба с преступностью выражается в уголовном преследовании и наказании со стороны государства, при этом львиная доля по реализации указанного вида деятельности приходится на судебные органы.

Как в Украине, так и в Российской Федерации правосудие осуществляется исключительно судами. Основными принципами осуществления правосудия, в частности уголовного, являются следующие: законность и верховенство права; самостоятельность судов и независимость судей; обязательность судебных постановлений; равенство всех перед законом и судом; участие граждан в осуществлении правосудия; гласность в деятельности судов; государственный язык судопроизводства и делопроизводства в судах; гарантирование обвиняемому право защиты; диспозитивность в судебном разбирательстве и иные.

Итак, в соответствии со ст.1 федерального конституционного Закона РФ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» систему судов общей юрисдикции составляют: федеральные суды общей юрисдикции и суды общей юрисдикции субъектов Российской Федерации. К федеральным судам общей юрисдикции относятся:

- 1) Верховный Суд Российской Федерации;
- 2) верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области, суды автономных округов;
- 3) районные суды, городские суды, межрайонные суды (далее - районные суды);
- 4) военные суды;
- 5) специализированные суды;

К судам общей юрисдикции субъектов Российской Федерации относятся мировые судьи.

Суды общей юрисдикции вышеуказанным законом уполномочены рассматривать: все гражданские и административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов, за исключе-

нием дел, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации рассматриваются другими судами; все уголовные дела; иные дела, отнесенные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами к их ведению [3].

Систему судов общей юрисдикции Украины составляют следующие: 1) местные суды; 2) апелляционные суды; 3) высшие специализированные суды; 4) Верховный Суд Украины [4]. В отличие от РФ, в системе судов Украины не действуют мировые и военные суды.

Статьей 71 Конституции РФ закреплено, что судоустройство; прокуратура; уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности – является в ведении Российской Федерации [2]. Это свидетельствует о закреплении судебной власти как общегосударственного института, который не может изменяться любыми элементами государства, такими как федерация, край, область, район и т.д.

Криминальное судопроизводство в обеих странах осуществляется исключительно судом. В статье 29 Уголовно-процессуального Кодекса РФ определено, что только суд правомочен: признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание; назначать меры и сроки наказания; назначать меры пресечения и иное [6].

Существует разница в составе суда при рассмотрении уголовных дел в сравниваемых государствах, что в определенной степени объясняется различием системы судов общей юрисдикции.

Итак, в уголовном судопроизводстве РФ состав суда определенный в ст. 30 УПК РФ, в соответствии с которым рассмотрение уголовных дел осуществляется судом коллегиально или судьей единолично [6].

В суде первой инстанции рассмотрение уголовных дел возможно в таких составах (в зависимости от тяжести преступления и меры наказания): судья федерального суда общей юрисдикции (единолично); судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия из двенадцати присяжных заседателей; коллегия из трех судей федерального суда общей юрисдикции; мировой судья.

Рассмотрение уголовных дел в апелляционном порядке осуществляется судьей районного суда единолично, что существенно отличается от апелляционного рассмотрения уголовных дел в Украине.

Рассмотрение уголовных дел в кассационном порядке осуществляется судом в составе трех судей федерального суда общей юрисдикции, а в порядке надзора - в составе не менее трех судей федерального суда общей юрисдикции.

Уголовные дела, подсудные мировому судье, совершенные военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, за исключением уголовных дел, подсудных вышестоящим военным судам, рассматриваются судьями

гарнизонных военных судов единолично. В этих случаях приговор и постановление могут быть обжалованы в кассационном порядке [6].

В Украине уголовное производство в суде первой инстанции осуществляется профессиональным судьей единолично, кроме дел о преступлениях, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более десяти лет, в таком случае - коллегиально судом в составе трех профессиональных судей.

Уголовное производство в суде первой инстанции по преступлениям, за совершение которых предусмотрено пожизненное лишение свободы, осуществляется коллегиально судом в составе трех профессиональных судей, а по ходатайству обвиняемого - судом присяжных в составе двух профессиональных судей и трех присяжных.

Уголовное производство в апелляционном порядке осуществляется коллегиально судом в составе не менее трех профессиональных судей; в кассационном порядке осуществляется коллегиально судом в составе не менее трех профессиональных судей [5].

Предусматривается также уголовное производство в Верховном Суде Украины на основаниях определенных в ст. 445 УПК Украины, которое осуществляется в судебной палате по уголовным делам или на заседании всех судебных палат ВСУ.

Из этого существуют исключения, например, уголовные дела в отношении должностных лиц, занимающих особо ответственное положение. При рассмотрении таких дел состав суда в соответствии с Уголовно-процессуальным Кодексом Украины иной, и определяется ч. 9 ст. 31. этого Кодекса.

Таким образом, система судебной власти Украины и Российской Федерации имеет значительные отличия, в частности и в уголовном судопроизводстве. Это касается и инстанционного порядка рассмотрения уголовных дел, и состава суда при рассмотрении уголовных дел. Также особенностью РФ есть наличие мировых и военных судов.

Список литературы

1. Конституция Украины от 28 июня 1996г.: По состоянию на 01.02.2011[Текст] / Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). - 1996. - № 30. - С. 43.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online. cgi?req=doc;base=LAW;n=2875> (дата обращения 01.03. 2013)
3. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный Закон от 7 февраля 2011г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2011/02/11/sud-dok.html> (дата обращения 01.03. 2013)
4. О судоустройстве и статусе судей: Закон Украины от 07.07.2010 г. по состоянию на 01.12.12 г. [Текст] / Ведомости Верховной Рады (ВВР) № 2453-VI. ст. - 529.
5. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 / Ведомости Верховной

Рады (ВВР) № 4651-VI.

6. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>. (дата обращения 01.03. 2013).

УДК 343.132

В.В. Луцик, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Львовского национального университета имени Ивана Франко, Украина

НЕГЛАСНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО УПК УКРАИНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье исследованы негласные следственные действия по УПК Украины, выявлены некоторые проблемы, возникающие в ходе их проведения, и предложены пути их решения.

Новый УПК Украины с целью внедрения в доказывание результатов оперативно-розыскных мероприятий ввел институт негласных следственных (розыскных) действий (в дальнейшем - негласных следственных действий).

В связи с внедрением этого института как в теории, так и на практике возник ряд проблем: о порядке проведения негласных следственных действий, их разграничении с одноименными оперативно-розыскными мероприятиями, роли прокурора в ходе их проведения. Попытка найти пути решения этих и иных проблем будет сделана в этой статье.

Негласные следственные действия - это разновидность следственных действий, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению[1]. Все негласные следственные действия, которые ограничивают конституционные права граждан, проводятся исключительно на основании решения следственного судьи, которым является председатель или, на основании его определения, иной судья апелляционного суда области. Поскольку следственный судья обязан рассмотреть ходатайство о даче разрешения на проведение негласного следственного действия в течение шести часов с момента его получения, в связи с этим на практике возникает потребность установить круглосуточное дежурство следственных судей. Исключительно по постановлению прокурора проводится такое негласное следственное действие как контроль за совершением преступления, что обусловлено характером такого действия, а также требованиями конспирации относительно его проведения. Хотя законодатель предоставляет следователю возможность проводить негласные следственные действия на основании собст-

венного постановления, однако анализ норм УПК Украины свидетельствует о том, что следователь может вынести только постановление о выполнении специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации, и это постановление следователя должно быть согласовано с руководителем органа досудебного расследования, что свидетельствует о фактической невозможности следователя по собственной инициативе проводить негласные следственные действия.

Законодатель устанавливает исчерпывающую систему негласных следственных действий, которые могут проводиться следователем или оперативным подразделением. В частности к ним относятся:

1. Аудио-, видеоконтроль лица, который заключается в негласной (без согласия лица) фиксации и обработке с использованием технических средств разговоров этого лица или других звуков, движений, действий, связанных с его деятельностью или местом пребывания и т.д.

2. Наложение ареста на корреспонденцию заключается в запрещении учреждениям связи и финансовым учреждениям вручения корреспонденции адресату без соответствующего указания следователя, прокурора.

3. Осмотр и выемка корреспонденции заключается в негласном открытии и осмотре задержанной корреспонденции, на которую наложен арест, ее выемке или снятии копий или получении образцов, нанесении на обнаруженные вещи и документы специальных пометок, оборудовании их техническими средствами контроля, замене вещей и веществ, представляющих угрозу для окружающих или запрещенных к свободному обращению, на их безопасные аналоги.

4. Снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей - в негласном проведении с применением соответствующих технических средств наблюдения, отбора и фиксации содержания информации, которая передается лицом, а также получении, преобразовании и фиксации различных видов сигналов, передаваемых по каналам связи (знаки, сигналы, письменный текст, изображения, звуки, сообщение любого вида).

В свою очередь снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей подразделяется на два вида:

- контроль за телефонными разговорами, заключающийся в негласном проведении с применением соответствующих технических средств, в том числе установленных на транспортных телекоммуникационных сетях, наблюдения, отбора и фиксации содержания телефонных разговоров, другой информации и сигналов (SMS, MMS, факсимильная связь, модемная связь и т.п.), передаваемых телефонным каналом связи, который контролируется;

- снятие информации с каналов связи заключается в негласном получении, преобразовании и фиксации с применением технических средств, в том числе установленных на транспортных телекоммуникационных сетях, в соот-

ветствующей форме различных видов сигналов, передаваемых по каналам связи сети Интернет, других сетей передачи контролируемых данных.

5. Снятие информации с электронных информационных систем без ведома ее собственника, владельца или держателя - это получение информации, в том числе с применением технического оборудования, содержащейся в электронно-вычислительных машинах (компьютерах), автоматических системах, компьютерной сети.

6. Обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица - тайное проникновение следователя или уполномоченного лица без ведома собственника или владельца, скрыто, под псевдонимом или с применением технических средств в помещение и иное владение для установки технических средств аудио-, видеоконтроля лица или непосредственно с целью выявления и фиксации следов преступления, проведения осмотра, выявления документов, вещей, имеющих значение для досудебного расследования, изготовление копий или их образцов, выявления разыскиваемых лиц или с другой целью для достижения целей уголовного производства.

7. Слежение за лицом в публично доступных местах, которое состоит в визуальном наблюдении за лицом следователем или уполномоченным лицом для фиксации его передвижения, контактов, поведения, нахождения в определенном, публично доступном месте и т.д. или применении с этой целью специальных технических средств для наблюдения.

8. Аудио-, видеоконтроль места состоит в применении технического оборудования в публично доступном месте с целью фиксации сведений (разговоров, поведения лиц, других событий), имеющих значение для уголовного дела, без ведома присутствующих в нем лиц.

9. Негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования, заключается в действиях следователя или уполномоченного лица, позволяющих без ведома собственника или владельца получить образцы материалов, сырья, изделий и т.п., в том числе в публично недоступных местах.

10. Наблюдение за вещью или местом в публично доступных местах - это визуальное наблюдение за определенной вещью или определенным местом следователем или уполномоченным лицом для фиксации перемещения вещи, контактов с ней определенных лиц, событий в определенном месте для проверки сведений во время досудебного расследования тяжкого или особо тяжкого преступления или применение с этой целью специальных технических средств для наблюдения.

11. Выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации - организация следователем и оперативным подразделением внедрения уполномоченного ими лица, выполняющего в соответствии с законом специальное задание, в организованную группу или преступную организацию под легендой прикрытия,

для получения вещей и документов, сведений о ее структуре, способах и методах преступной деятельности, имеющих значение для расследования преступления или преступлений, совершаемых этими группами.

12. Установления местонахождения радиоэлектронного средства заключается в применении технического оборудования для локализации местонахождения радиоэлектронного средства, в том числе мобильного терминала, систем связи и других радиоизлучающих устройств, активированных в сетях операторов подвижной (мобильной) связи, без раскрытия содержания передаваемых сообщений, если в результате его проведения можно установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного производства.

13. Контроль за совершением преступления реализуется в следующих формах: контролируемая поставка, контролируемая закупка, оперативная закупка, специальный следственный эксперимент, имитация обстановки преступления.

По решению руководителя органа досудебного расследования, прокурора при проведении негласных следственных (розыскных) действий могут быть использованы заранее идентифицированные (помеченные) или ненастоящие (имитационные) средства. Как верно отмечает Е. Скулиш, к ненастоящим (имитационным) средствам могут принадлежать конспиративные предприятия и организации, а также документы, зашифровывающие лицо или ведомственную принадлежность участников досудебного расследования. К идентифицированным средствам могут относиться те, которые обеспечивают арест корреспонденции, контрольную, оперативную закупку, контролируемую поставку [2, С. 16-17].

Протокол о ходе и результатах проведенного негласного следственного действия (или его этапов) составляется следователем, если действие проводилось при его непосредственном участии, в других случаях - уполномоченным работником оперативного подразделения. Учитывая, что в современных условиях большинство негласных следственных действий проводится оперативными подразделениями, возникает интересная и неоднозначная ситуация по ознакомлению следователя, осуществляющего досудебное расследование, с результатами инициированных им негласных следственных действий. В частности, согласно п. 4.3. Инструкции об организации проведения негласных следственных (розыскных) действий и использовании их результатов в уголовном производстве каждый протокол о результатах проведенного негласного следственного действия с приложениями не позднее 24 часов после его составления передается прокурору [3], который, ознакомившись с ним, передает протокол на хранение в режимно-секретную часть прокуратуры. Следователь самостоятельно ознакомиться с результатами негласного следственного действия права не имеет, а должен ждать решения прокурора, который при необходимости дает указание режимно-секретному органу ознакомить следователя с протоколом

и приложениями о результатах негласного следственного действия, что, конечно, негативно влияет на эффективность досудебного расследования.

Еще одним недостатком, имеющим место в ходе проведения негласных следственных действий, является неоднозначная процедура составления протокола негласного следственного действия. Так, по результатам проведения негласного следственного действия оперативный работник составляет рапорт с указанием результатов выполненного действия, привлеченных при этом сил и средств, а также их результатов. Начальник уполномоченного оперативного подразделения принимает решение путем наложения резолюции на рапорте о возможности направления протокола и приложений к нему прокурору, после чего определяет конкретного исполнителя по составлению протокола о проведении негласного следственного действия, которым может быть совсем иной сотрудник, не проводивший данное действие.

Довольно неоднозначная ситуация сложилась в ходе реализации таких форм контроля за совершением преступления, как специальный следственный эксперимент и имитация обстановки совершения преступления. В частности, целью имитации обстановки преступления выступает привлечение внимания «конкурирующих» организованных групп и преступных организаций; установление контактов с контролируемым лицом; предупреждение наступления неотвратимых последствий совершения преступлений (убийства на заказ, тяжких телесных повреждений, разбоев и т.п.); выявление лиц, осуществляющих поиск путей реализации (приобретения) похищенного имущества, наркотических средств, оружия и т.п. [4, С. 372].

Целью специального следственного эксперимента является получение следователем или сотрудником оперативного подразделения информации путем искусственного создания соответствующих условий в обстановке, максимально приближенной к реальной, для проверки направленности намерений лица, в действиях которого имеются признаки совершения тяжких и особо тяжких преступлений, и наблюдения за его поведением.

На практике возникает проблема, какое из этих негласных следственных действий применять в ходе расследования взяточничества и как избежать сотрудникам оперативного подразделения ответственности за провокацию взятки?

Ключевым в разграничении этих действий должно быть тот факт, что специальный следственный эксперимент должен проводиться исключительно по заявлению потерпевшего, у которого требуют взятку. В результате специального следственного эксперимента преступление, как правило, доводится до конца, лицо, вымогающее взятку, задерживается с поличным. В процессе имитации обстановки совершения преступления у окружающих только создается представление о том, что преступление было совершено, а лицо, например, заказчик убийства, привлекается к уголовной ответственности за оконченное по-

кушение на преступление.

Проведенный краткий анализ института негласных следственных действий в уголовном процессе Украины позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, введение в уголовное судопроизводство оперативно-розыскных мероприятий в форме негласных следственных действий привело к процессуализации их результатов, повысило обеспечения прав граждан в ходе их проведения. Во-вторых, нелогичным является параллельное существование одноименных оперативно-розыскных мероприятий, закрепленных в Законе Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», и негласных следственных действий, предусмотренных УПК. В-третьих, существенному усовершенствованию подлежит процессуальный порядок проведения негласных следственных действий, в том числе путем предоставления возможности прокурору осуществлять контроль за их проведением с целью обеспечения прав участников процесса.

Список литературы

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 № 4651-VI [Текст] / Официальный вестник Украины. - 2012. - № 37. - Ст. 1370.
2. Скулиш, Е.Д. Негласные следственные (розыскные) действия по уголовно-процессуальному законодательству Украины [Текст] / Е.Д. Скулиш // Вестник Национальной академии прокуратуры Украины. - 2012. - № 2. - С. 15-23.
3. Инструкция об организации проведения негласных следственных (розыскных) действий и использование их результатов в уголовном производстве, утвержденная Приказом Генеральной прокуратуры Украины, Министерства внутренних дел Украины, Службы безопасности Украины, Администрации Государственной пограничной службы Украины, Министерства финансов Украины, Министерства юстиции Украины № 114/1042/516/1199/936/1687/5 от 16 ноября 2012 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.minjust.gov.ua/42544> (дата обращения 10. 02. 2013).
4. Чистолинов, О.М., Черков, В.А., Пасека, Д.О. Имитации обстановки преступления как форма контроля за его совершением: понятие, сущность, организационные и процедурные основы проведения [Текст] / О.М. Чистолин, В.А. Черков, Д.О. Пасека // Научный вестник Львовского государственного университета внутренних дел. - 2012. - № 4. - С. 370-379.

УДК 341.45

А.В. Ляковец, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются некоторые важные проблемы, затрагивающие процедуру организации международного сотрудничества в сфере уголовного процесса.

Развитие практически любого государства в современных условиях немыслимо без тесного взаимодействия с другими участниками международного общения. Данная тенденция затрагивает широкий круг различного рода общественных отношений. Право не является исключением в указанном ряду. Важнейшая роль права в качестве основного инструмента регулирования отношений между государством в лице его органов и человеком как представителем общества ставит перед законодателем задачу быстрого и эффективного реагирования на тенденции государственной политики.

Определенная либерализация законодательства в демократических странах, сравнительная прозрачность границ в ряде стран, различия в юридической оценке того или иного деяния со стороны государства вывели такое негативное явление, как преступность на совершенно новый международный уровень. Борьба с преступностью становится одной из наиболее важных проблем, стоящих перед участниками международного сотрудничества. Решение указанной проблемы ложится на правоохранительные органы государств. И эффективное преодоление указанной проблемы невозможно без активного взаимодействия рассматриваемых органов.[2]

Уголовное судопроизводство весьма специфическая правовая область, которая сочетает в себе черты как практического реагирования на совершенное противоправное деяние, так и черты процессуального оформления подобной реакции правоохранительных органов. Подобный дуализм ставит ряд определенных сложностей в вопросе организации международного сотрудничества в указанной сфере.

Российская Федерация как активный участник международного сотрудничества не остается в стороне от рассматриваемых проблем. Реализация взаимодействия процессуальных правоохранительных органов России с иностранными государствами является одной из важнейших задач. Попытка ее решения представлена в действующем УПК РФ. Однако следует признать данную попытку в известной степени неудачной, так как при детальном изучении норм части 5 УПК остается больше вопросов нежели ответов на них. По сути

законодатель декларативно излагает возможность организации международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, поясняет ряд общих положений, но в то же время избегает более подробной регламентации отдельных процессуальных аспектов международного сотрудничества.[1]

Отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство следует признать в определенной степени типичным для любого демократически развитого правового государства. Указанная характеристика не является негативной, а в большей степени указывает на тот факт, что рассматриваемые правовые области в понимании отечественного законодателя в основе своей соответствуют общепризнанным принципам, характерным национальным правовым системам большинства государств.[2]

В то же время нельзя отрицать, что любая национальная правовая система в известной степени уникальна, а следовательно неизбежно возникают определенные различия в юридической трактовке определенных деяний. То есть в отдельном иностранном государстве определенная категория деяний является противоправной, в то время как в России, подобное действие не наказуемо со стороны государства. Вышесказанное в полной мере относится и к обратной ситуации. Соответственно организация международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства сопряжена с еще большими трудностями.

В уголовно-процессуальном законодательстве любого государства одной из центральных категорий, безусловно, выступает понятие доказательства. В наиболее общем виде доказательство представляет собой информационный материал собранный следственными органами в процессе привлечения лица, совершившего правонарушение, к уголовной ответственности. В действующем УПК перечислены виды доказательств, характерные для отечественного права, однако законодатель регламентируя организацию международного уголовно-процессуального сотрудничества довольствуется лишь указанием на то, что доказательственная база полученная на территории иностранного государства равнозначна доказательствам полученным в обычных условиях на территории России. Замечание, безусловно, важное, но следует заметить, что в рассматриваемых нормах напрочь отсутствует процедура процессуального оформления подобного рода материала.

Любое доказательство подлежит оценке на основании ряда критериев, закрепленных в УПК. Доказательство оценивается уполномоченным лицом с позиции его относимости к делу, допустимости и достоверности. Совокупность же доказательств оценивается с точки зрения ее достаточности для вынесения обоснованного справедливого приговора. Именно в оценке доказательств, на наш взгляд, и кроется основная проблема.

В частности определенные вопросы вызывает критерий допустимости доказательств, полученных в рамках международного уголовно-процессуального сотрудничества. Допустимое доказательство это в первую

очередь информационный базис, полученный из надлежащего источника и соответствующем образом оформленный. Однако, как уже отмечалось выше, процедура оформления такого рода материала в УПК не описана. И получается, что в качестве доказательства по уголовному делу может выступить априори недопустимый в рамках процесса материал.

Даже если не уделять столь пристального внимания трактовке данной проблемы, возникает ряд других вопросов. В УПК закреплены все виды доказательств в рамках отечественного уголовного судопроизводства. Для каждого из них регламентирована процедура осуществления и процессуального оформления. И даже если пользуясь принципом аналогии мы признаем материал, полученный в рамках международного сотрудничества тем или иным видом доказательства, кто гарантирует нам, что процедура его получения органами иностранного государства соответствует отечественным законодательным и процедурным требованиям? То есть УПК ставит нас перед фактом, что любой материал, полученный в рамках международного сотрудничества от правоохранительных органов иностранного государства, является априори допустимым и достоверным. То есть оценка указанного доказательственного материала по сути уже проведена органами иностранного государства, а значит указанные критерии оценки (допустимость и достоверность), по сути опускаются. Однако данный тезис противоречит нормам УПК.

Оценка любого доказательства сочетает в себе как волевой, так и процедурный элемент. И если волевой элемент, то есть оценка доказательственного материала на основании внутреннего убеждения, в рассматриваемой ситуации имеет место быть, то процедурный аспект отсутствует в принципе.

Определенные вопросы, как уже было отмечено выше, вызывает также оценка достоверности доказательства. Ведь в процессе международного сотрудничества источник получения доказательства является априори иностранным, а следовательно проверить его правовое «качество» отечественные правоохранительные органы не имеют возможности, а следовательно данная процедура опять-таки ложится на плечи их иностранных коллег, что на наш взгляд является недопустимым.

Резюмируя все вышесказанное отметим, что для эффективного разрешения рассматриваемых проблем требуется кардинальным пересмотр норм действующего УПК, особенно части пятой. Без более подробной регламентации процедуры международного уголовно-процессуального сотрудничества, данный институт так и останется законодательным атавизмом, не имеющим возможности занять свое место в отечественной правовой системе.

Список литературы

1. Волеводз, А. Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса.[Текст] / А. Г. Волеводз. - М.:

Юрлитинформ, 2002. - 528 с.

2. Натура, А. И., Пихов, А. Х.–А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: организационно-правовые основы, процессуальный порядок и формы взаимодействия [Текст] / А. И. Натура, А. Х.-А. Пихов. - М.: Юрлитинформ, 2007. - 136 с.

УДК 343.13

О.А. Максимов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ульяновского государственного университета

ХОДАТАЙСТВА И ЖАЛОБЫ КАК ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Статья посвящена проблемам, возникающим при реализации права лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, на ходатайства и жалобы. Делается попытка смоделировать систему реализации данного права.

«Процессуальная форма является специфической разновидностью правовой формы государственной деятельности, а ее ценность в том, что она создает детально урегулированный, устойчивый, юридически определенный, строго обязательный, стабильный правовой порядок производства по уголовному делу, отвечающий назначению производства и его принципам» [1, С.59.]. Она «призвана обеспечить решение двух, хотя и тесно связанных, но различающихся задач: во-первых, максимально гарантировать достоверность полученных фактических данных, и, во-вторых, оградить законные права и интересы личности» [2, С. 47]. «Политическая, экономическая, историческая, культурная обусловленность уголовно-процессуальной формы отражает и определяет положение личности в государственно организованном обществе, степень индивидуальной свободы... Процессуальная форма ... влияет на различные сферы социальной жизни, в частности, поддерживая или изменяя иерархию ценностей, существующую в обществе» [3, С. 25]. Уголовно-процессуальная форма, процедура «является фактически единственным средством обеспечения хотя бы формального равенства личности и государства» [4, С. 9].

Процессуальная форма находит свое выражение в системе действий уполномоченных органов на досудебных стадиях и суда на судебном производстве, а также лиц, вовлекаемых в процесс. Действия невозможны без принятия решений. П.А. Лупинская подчеркивала особое значение решений в уголовном судопроизводстве, как «правового средства выполнения его социального назначения» [5, С. 13]. Потребности в принятии решений, как движущей си-

лы уголовного процесса, различны, как многообразны интересы его субъектов. К ним относятся как публичный интерес органов, осуществляющих уголовное преследование, так и частный интерес частного обвинителя, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного и др.

Можно выделить два способа реализации права на принятие решения субъектом, не осуществляющим уголовный процесс. Во-первых, лицо может реализовывать реализовать права непосредственно, не прибегая к властным полномочиям процессуальных органов. Такая возможность существует достаточно редко (например, право подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, обладающего иммунитетом, не давать показания, право на подачу жалобы об ограничении доступа к правосудию и т.д.) и предоставляется в тех случаях, когда реализация данного права возможна не иначе, как немедленно, и любое промедление с возможностью реализации данного права приведет к последствиям, выходящим за рамки уголовно-процессуальных отношений. Кроме того, такие решения не затрагивают права иных лиц, вовлеченных в процесс, до такой степени, что их восстановление позже невозможно.

Самостоятельное принятие решений и производство процессуальных действий лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство, чревато излишними ограничениями прав иных лиц и недостоверностью полученных результатов. Поэтому достаточно часто уголовный процесс предполагает наличие «контролирующей» силы, в полномочия которой входит возможность совершения (или разрешения на производство) действий, самостоятельность производства которых субъектами ограничена. Такая «многоступенчатость» и «многосубъектность» при принятии решений является дополнительной гарантией их правильности через призму практики различных правоприменителей, что в некоторой степени «объективизирует» необходимость принятия решений, позволяет добавлять к субъективности «внутреннего усмотрения» объективный момент. По этой причине второй способ реализации рассматриваемых прав заключается в том, что УПК РФ содержит нормы, безусловно обязывающие соответствующих субъектов предоставлять такую возможность лицам, вовлеченным в процесс, вне зависимости от их наличия их просьбы (например, обязательность допроса подозреваемого и обвиняемого, предоставления информации о подозрении и обвинении, услуг защитника и т.д.).

Форма процесса предопределяет важную роль права, принадлежащего лицам, вовлеченным в него и не наделенных возможностью совершения действий и принятия решений, на обращение к органам уголовного преследования и в суд за защитой своих интересов. Реализация указанного права возможна через подачу ходатайства или жалобы заинтересованным лицом, его защитником или представителем. Таким образом, наиболее широкое поле интересов лиц, вовлеченных в уголовный процесс, защищается путем подачи ходатайств и жалоб. Именно ходатайства и жалобы является универсальным способом защиты

прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Право на ходатайство корреспондируется с обязанностью уполномоченного лица на его разрешение и совершение соответствующих действий, и гарантируется правом на обжалование решения в соответствующие инстанции, прежде всего в суд. Ходатайства и жалобы - способ активного участия лица в уголовном процессе, одно из основных средств, которыми стороны могут приводить в движение механизмы состязательного уголовного судопроизводства [6, С. 39, 7, С. 145]. Состязательная же модель уголовного судопроизводства играет «роль эталона, своего рода критерия демократичности, цивилизованности и справедливости судопроизводства» [8, С. 18].

Именно жалобы и ходатайства, как элементы этой формы, уравнивая в какой-то мере возможности сторон [9, С. 15], являются важнейшими инструментами достижения назначения уголовного процесса, составными частями механизма реализации его важнейших принципов. Ходатайство имеет перспективную направленность, а жалоба – ретроспективный характер. Жалоба подается на уже свершившееся нарушение чьих-либо прав и интересов. Ходатайство же предполагает требование о совершении какого-либо положительного действия и позволяет заранее предпринять меры для защиты лица, вовлеченного в процесс. Жалоба является необходимым, но нежелательным способом защиты и роль ходатайства в этой деятельности должна возрастать в ущерб жалобам.

Закон содержит различные способы реализации права на ходатайство и жалобу в уголовном процессе.

Жалоба - несогласие с принятым решением. В свою очередь, субъект, ранее его выносивший, предполагал его обоснованным и мотивированным. Поэтому при разрешении жалобы должны исследоваться позиции двух сторон по существу ранее вынесенного решения. Она разрешается лицом, не осуществляющим непосредственно производства по делу. Такой подход дает возможность говорить о некоей объективизации принятого по жалобе решения.

Ходатайства, в отличие от жалоб, могут рассматриваться двумя различными способами. Часть таких обращений удовлетворяется в «явочном» порядке. В этом случае субъект, разрешающий ходатайство, исследует только законность его подачи, а именно, правомочия (наличие процессуального статуса или оснований для его приобретения) обращающегося и наличие условий, необходимых для заявления ходатайства (например, момент заявления ходатайства о порядке судебного разбирательства, явка в суд свидетеля, о допросе которого ходатайствует лицо). То есть, его подача является формальным основанием для принятия решения, и при разрешении рассматривается лишь соответствие формы поданного обращения требованиям УПК РФ. Роль таких ходатайств состоит в безоговорочном предоставлении лицам, вовлеченным в процесс, возможности реализации своего правового интереса посредством привлечения

властных полномочий лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Именно такие ходатайства в большей степени способствуют развитию состязательности уголовного процесса и их роль все более и более возрастает.

Второй способ состоит в рассмотрении по существу обращений, направленных на убеждение лица, полномочного на разрешение ходатайств, принять решение в интересах ходатая (жалобщика). Такие ходатайства и жалобы рассматриваются как на предмет законности их подачи, так и на предмет обоснованности заявленного требования. Они предоставляют субъекту, их разрешающему, возможность проявить свою позицию по делу. Так как она чаще всего не совпадает с позицией лица, заявляющего ходатайство, большинство таких обращений на практике отклоняется. Такой способ разрешения обращений является признаком розыскной формы процесса и не позволяют в полной мере реализовывать право частных лиц на участие в уголовном судопроизводстве наравне с государственными органами и должностными лицами. Исходя из изложенного, следует классифицировать ходатайства по правовым последствиям на:

- обязательные для удовлетворения (явочные);
- необязательные для удовлетворения (усмотрительные).

Соотношения явочных и усмотрительных ходатайств, наряду с другими элементами, формирует господство того или иного типа процесса в российской уголовно-процессуальной форме. Значение этого института четко проявляется при рассмотрении его роли в доказывании.

На досудебном производстве возможность участия в доказывании лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, ограничена усмотрением лица, в производстве которого находится дело. Инструмент, позволяющий реализовать право на участие в доказывании – ст. 159 УПК РФ. Исходя из нее, именно следователь и дознаватель определяют «значение» обстоятельств, установление которых необходимо. Рассматривая ходатайства, следователь (дознаватель) совершенно свободен в оценке доводов о «значении» обстоятельств для уголовного дела. Исключение из этого правила появилось совсем недавно. П. 1.2 ст. 144 УПК РФ предполагает обязательное удовлетворение ходатайств о производство повторной или дополнительной экспертизы. При этом не предполагается обязательное удовлетворение ходатайств о производстве основной экспертизы. Т.о. несмотря на прогрессивный характер указанной нормы, ее нельзя назвать последовательной. Данное ходатайство ограничено ранее проявившимся усмотрением следователя (дознавателя и т.д.) на производство экспертизы (см. ст. 207 УПК РФ).

Исходя из всего этого, доказательственная деятельность лиц, не облаченных властными уголовно-процессуальными полномочиями, ограничивается попытками «разрушить» доказательства следствия и дознания (конечно при наличии интереса в этом), а уголовно- процессуальная форма досудебного

производства в большей степени характеризуется как розыскная. Кроме того, однозначно обвинительная направленность досудебного доказывания заставляет лиц, вовлеченных в процесс, «прятать» свои доказательства до судебных стадий. Как следствие – малая эффективность указанного инструмента и разочарование в нем на досудебных стадиях.

На судебном производстве указанный инструмент действует по-другому. Ст. 271 УПК РФ предполагает меньшее, нежели следователя, усмотрение суда по отношению к заявленным ходатайствам. Обязательность удовлетворения даже части ходатайств приближает судебное производство к равенству сторон и состязательной модели судебного разбирательства, и способствует их эффективности.

Однако, и судебные стадии не позволяют лицам, вовлеченным в судопроизводство, в полной мере реализовать свои интересы. Ст. 271 УПК РФ позволяет лицам, вовлеченным в процесс полноценно оперировать только показаниями свидетелей и специалистов. Остальные же способы собирания доказательств (производство экспертизы, иных следственных действий, приобщение вещественных доказательств, иных документов) не принадлежат лицам, вовлеченным в уголовный процесс и на судебных стадиях.

Казалось бы, предметы материального мира, научные методы должны быть общедоступны, но как показывает практика, даже самое невероятное заключение эксперта, представленное стороной обвинения, не может быть оспорено заинтересованными лицами, в том числе и с помощью специалиста. У суда, при грамотном оформлении заключения, не возникает оснований для назначения дополнительной или повторной экспертизы по ходатайству лица, вовлеченного в процесс. Этому в немалой степени способствует Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», которое подчеркивает разницу между заключениями эксперта и специалиста, делая однозначный перевес в пользу первого и тем самым усугубляя неравенство сторон в сфере доказывания.

Таким образом, и в судебном заседании паритет существует лишь в отношении части средств доказывания, что и приводит к неизбежному ограничению права на состязательное производство.

Входом из этой ситуации может быть реформирование института ходатайств до такого состояния, чтобы они стали действенным средством участия сторон в доказывании. Конечно, в уголовном процессе должны существовать действия и решения, принятие которых в явочном порядке невозможно. Прежде всего, это те, которые значительным образом нарушают права иных (кроме ходатая) лиц. Однако, столь широкий перечень таких решений, какой существует сейчас, никоим образом не способствует развитию состязательности уголовного судопроизводства. Исходя из конструкции УПК РФ, все «явочные»

ходатайства определены там исчерпывающим образом, в то время как огромный массив неназванных решений принимается по усмотрению лица, осуществляющего производство по делу.

Выход из этой ситуации возможен различными путями. Наиболее очевидный – последовательное расширение списка «явочных» ходатайств. Второй выход – установление исчерпывающего списка «усмотрительных» ходатайств. В качестве препятствия для злоупотребления правом на подачу «явочных» ходатайств необходимо предусмотреть возможность обжалования заявленного требования лицу или органу, не заинтересованному в производимом расследовании.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник [Текст] / Отв. ред. П.А.Лупинская. – М.:Норма, 2009.
2. Орлов, Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе [Текст] / Ю.К.Орлов – М.: «Проспект», 2000.
3. Михайловская, И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) [Текст] / И.Б. Михайловская. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003.
4. Михайловская, И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе [Текст] / И.Б. Михайловская. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
5. Лупинская, П.А. / Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика [Текст] / П.А.Лупинская.- 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010.
6. См.: Смирнов, А.В. Состязательный процесс[Текст] / А.В. Смирнов. – СПб.: Издательство «Альфа», 2001.
7. Шестакова, С.Д. Состязательность уголовного процесса [Текст] / С.Д. Шестакова. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
8. Смирнов, А.В. Модели уголовного процесса [Текст] / А.В.Смирнов– СПб.: «Наука», 2000.
9. Героев, А. Заявление ходатайств и принесение жалоб как форма участия адвоката – защитника в уголовно-процессуальном доказывании [Текст] / А. Героев // Адвокатские вести. – 2004. – № 9 (47), С. 15–18.

Е.В. Марковичева, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета

ПРИНЦИП РАЗУМНОСТИ СРОКОВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются отдельные вопросы имплементации в российский уголовный процесс принципа разумности сроков судопроизводства. Анализируется ряд норм уголовно-процессуального законодательства на их соответствие принципу разумности сроков уголовного судопроизводства.

Ориентация России на международные стандарты прав человека привела к определенным законодательным новеллам, нашедшим отражение, в том числе, и в уголовно-процессуальном законодательстве.

В частности, вместе с ратификацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Россия взяла на себя дополнительные обязательства. П.3 ст. 5 и п.1 ст. 6 Конвенции закрепляют право на судебное разбирательство в течение разумного срока [1]. Аналогичная норма закреплена и в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах [2]. На необходимость учета данных норм в российской судебной практике отмечалось и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» [5]. Значительное число обращений российских граждан в Европейский суд по правам человека в связи с затягиванием сроков судопроизводства явилось предпосылкой для появления Федерального закона РФ от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [3]. Целью данного закона и было существенное снижение числа заявлений в ЕСПЧ в связи с нарушением права на судопроизводство в разумный срок.

Практически одновременно российский законодатель дополнил главу 2 УПК РФ статьей 6.1. «Разумный срок уголовного судопроизводства», закрепив тем самым новый уголовно-процессуальный принцип. Возникает закономерный вопрос: какие задачи должно решать нормативное закрепление указанного принципа?

Безусловно, выработка новых правовых принципов – это естественный и закономерный процесс развития правовой науки. Однако законодательному закреплению принципов уголовного судопроизводства должен предшествовать процесс их теоретической разработки и определения в качестве одного из ориен-

тиров уголовно-процессуальной политики государства. К сожалению, в российской действительности нередкой является ситуация, при которой законодательное закрепление того или иного положения, в качестве уголовно-процессуального принципа вызовет к жизни вторичное теоретическое осмысление этого принципа и потребует «использования всех возможностей юриспруденции» [6, 8]. Полагаем, это справедливо и для принципа разумности сроков судопроизводства.

С точки зрения юридической техники российский законодатель пошел по пути экстраполяции понятия, содержание которого может быть осмысленно через систему решений ЕСПЧ, выработавшего ряд критериев нарушения права на судебное разбирательство в течение разумного срока. В целом, подход, при котором в уголовно-процессуальное законодательство фактически без изменений переносятся нормы-принципы из Конституции России и международно-правовых актов, получил в отечественной законодательной практике существенное распространение. Однако значение имеет не только закрепление принципа в уголовно-процессуальной норме, но и конкретизация нормы-принципа в других нормах уголовно-процессуального законодательства с целью оптимизации процесса правоприменения.

Поскольку категория «разумности» относится к числу оценочных, определение сущности и значения соответствующего ей понятия составляет известную трудность. Очевидно, именно поэтому содержание разумности сроков уголовного судопроизводства достаточно сложно вывести как из текста действующего уголовно-процессуального законодательства, так и из текста специального закона. Такая законодательная аморфность в отношении данного понятия потребовала принятия совместного Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [4]. К сожалению, данный документ не улучшил ситуацию, а лишь позволил более отчетливо увидеть проблемы, порождаемые введением в уголовно-процессуальное законодательство нормы о разумности срока уголовного судопроизводства. В частности, в п.4 указанного Постановления буквально сказано следующее: «По смыслу статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), статьи 3 Закона о компенсации, действие данного Закона не распространяется, в частности, на требования о присуждении компенсации за нарушение сроков рассмотрения жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ, вопросов, связанных с исполнением приговора (например, ходатайств об условно-досрочном освобождении)». Такой вывод действительно напрашивается в результате уяснения смысла ч.3 ст. 6.1 УПК РФ. В связи с этим возникают закономерные вопросы следующего плана. Если ст. 6.1 помещена в главу 2 УПК РФ, значит разумный срок уголовного судопроизводства правоприменитель должен (следуя логике законодателя) отнести к принципам уго-

ловного судопроизводства в Российской Федерации. В тоже время, как справедливо подчеркивает А.А.Давлетов, «принципом уголовного судопроизводства можно считать только те положения, которые действуют в масштабе всей этой деятельности, т.е. во всех ее стадиях и производствах. Если то или иное требование распространяется лишь на часть уголовного процесса, то следует говорить о принципе именно этой части, а не о принципе уголовного судопроизводства в целом» [7 56,]. Таким образом, если мы признаем принцип разумности сроков уголовного судопроизводства принципом российского уголовного процесса, то его действие должно распространяться на все его стадии. Если же разумность сроков судопроизводства не является уголовно-процессуальным принципом, то не понятно, почему законодатель поместил данную норму в главу 2 УПК РФ. И это тем более странно, что нарушения, которые могут быть связаны с нарушением принципа разумности срока судопроизводства, не исключены ни при обращении приговора к исполнению, ни в ходе производства по рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Еще один момент, на котором хотелось бы остановиться. Категория разумности имеет явный оценочный характер. Именно их такого понимания разумности сроков судопроизводства исходит Европейский Суд по правам человека, ориентируясь на несколько обстоятельств: сложность дела, поведение заявителей, наличие исключительных обстоятельств и поведение властей. Прецедентный характер деятельности ЕСПЧ позволяет ориентироваться на эти индикаторы разумности при рассмотрении отдельных жалоб. Не смотря на возрастающую роль судебной практики в современной России, российский правоприменитель, в первую очередь, ориентируется на нормы законодательства. К сожалению, введя в Уголовно-процессуальный кодекс РФ статью 6.1, наш законодатель не закрепил никаких ориентиров для оценки разумности сроков уголовного судопроизводства. Таким образом, решение данного вопроса полностью оказалось отданным на откуп судейскому усмотрению. Вышеупомянутое Постановление Пленумов содержит п. 26, в котором говорится, что «превышение установленных законом сроков рассмотрения дела, исполнения судебного акта, осуществления досудебного производства по уголовному делу может с очевидностью свидетельствовать об отсутствии нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, если оно явно незначительно». Ни из текста данного Постановления, ни из текста УПК или Федерального закона о компенсации не ясно, по каким критериям следует определять значительность или незначительность нарушений сроков уголовного судопроизводства. Не понятно также, как при таком подходе будет обеспечиваться единообразие судебной практики, поскольку вполне возможно, что там, где один судья усмотрит значительность нарушений срока, другой узрит как раз незначительность нарушения таких же сроков.

Введение с 1 января 2013 года нового апелляционного порядка рассмотрения уголовных дел возможно и способно решить ряд проблем, связанных с качеством отправления правосудия по уголовным делам, однако, несомненно, что предлагаемый порядок плохо соотносится с принципом разумности сроков уголовного судопроизводства. Как свидетельствует недавняя история, если при кассационном порядке обжалования к моменту вступления приговора в законную силу осужденный нередко успева­л отбыть весь срок своего наказания, то вряд ли с усложнением процедуры производства в суде второй инстанции ситуация улучшится в лучшую сторону. В результате через несколько лет число жалоб на нарушение разумного срока уголовного судопроизводства может существенно увеличиться.

Нет уверенности и в том, что принципу разумности сроков уголовного судопроизводства отвечает введение в российский уголовный процесс сокращенного дознания. Данная форма сконструирована таким образом, что, во-первых, существенно ограничивает круг субъектов, в отношении которых такое производство возможно, а, во-вторых, сокращенное дознание излишне легко трансформируется в обычное дознание.

Получается парадоксальная ситуация, когда над судьей висит дамоклов меч в виде процессуальных сроков, а российское уголовно-процессуальное законодательство не увязывает принцип разумности сроков с необходимостью ускорения уголовного судопроизводства. Между тем, сокращение длительности уголовного судопроизводства в целом ряде случаев способствует охране как интересов обвиняемого или подсудимого, так и потерпевшего. За счет ускорения судопроизводства сокращается тот период, в течение которого лицо подвергается уголовному преследованию, и в течение которого к нему применяются меры процессуального принуждения. К тому же при медленном правосудии плохо работает так называемый механизм вторичной превенции, то есть снижается предупредительная и воспитательная направленность уголовного судопроизводства. Длительное производство по делу отрицательно сказывается и на потерпевшем, которому нередко отводится роль стороннего наблюдателя за разрешением уголовно-правового конфликта. Таким образом, вопрос о разумности сроков российского уголовного судопроизводства, не смотря, на законодательную закреплённость, остается открытым.

В целом имплементацию принципа разумности сроков разумного судопроизводства в российское законодательство следует оценивать позитивно, однако уже сейчас очевидно, что за первым шагом должны последовать и другие, не только в направлении разработки более четких критериев разумности в российском уголовно-процессуальном законодательстве и практике его применения, но и в направлении ускорения уголовного судопроизводства в современной России.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [Текст] // Собрание законодательства РФ. – 2001. - № 2. - Ст. 163.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1976. - № 17 (1831). - Ст. 291.
3. Федеральный закон РФ от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Текст] // Собрание законодательства РФ. -2010. - № 18. - Ст. 2144
4. Постановление Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. - № 3.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008 - № 2.
6. Александров, А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы [Текст] / А.И. Александров // Под ред. В.З.Лукашевича. - СПб.: Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. – 562с.
7. Давлетов, А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: Общая часть [Текст] / А.А. Давлетов. – Екатеринбург, 2010. – 240 с.

УДК 343.13

В.Н. Мартышкин, заместитель председателя Верховного Суда Республики Мордовия, почетный работник судебной системы России, Заслуженный юрист Республики Мордовия

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена исследованию проблем исполнения наказания с учетом правовых стандартов Европейского Суда по правам человека, норм, касающихся обеспечения судом безопасности "скрытых" участников судопроизводства.

В послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ обращено внимание на необходимость наладить планомерную работу по упорядочению законодательства, исправить недоработки в практике применения законов.[1]

Например, сегодня очевидна непродуманность и непрактичность редакции ст. 50 УК РФ (в редакции ФЗ-162 от 8.12.2003г.), предусматривающая назначение исправительных работ только осужденным не имеющим основного

места работы.

Органы местного самоуправления в Мордовии даже были вынуждены включить следственные изоляторы в перечень организаций для трудоустройства осужденных к обязательным и исправительным работам. На что соответствующим образом обязан был прореагировать Генеральный прокурор РФ. [2]

Здравый смысл победил. Законодатель статью 50 УК РФ изложил в новой редакции (ФЗ-420 от 7.12.2011 года), согласно которой в настоящее время исправительные работы назначаются осужденному, как имеющему основное место работы, так и не имеющему.

Приведенный правовой казус - подтверждение прозорливости русского философа права Ивана Александровича Ильина (1882-1954), считавшего, что формален только закон, но ни правосознание законодателя, ни правосознание чиновника и судьи применяющих право. Напротив, между общей формулой закона и единичным человеком должно встать живое правосознание, которое и будет заботиться о том, чтобы формальное и строгое, неумолимое применение закона не породило в жизни сущую несправедливость (по римской формуле: «Summum jus summa injuria», т.е. высшее право-высшая несправедливость)[3].

Квалифицированному правосудию в немалой степени мешают процессуальные коллизии. Они нередко восполняются судебским усмотрением, а при разрешении вопросов в порядке ст. 397 УПК РФ –усмотрением прокурора и администрации исправительных учреждений. Это нередко приводит к «двойным» стандартам при оценке степени исправления осужденного и возможности его ресоциализации при разрешении вопросов условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и пересмотре приговора (ст. 10, ст. 79 УК РФ), что питает коррупцию или порождает слухи о ней, а в итоге ведет к нарушениям стандартов в области прав человека.

Наряду с профессиональной деформацией и проблемами судебского усмотрения существуют пробелы в праве. Они заключаются в следующем. Правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и гарантирует эффективное восстановление в правах не только осужденного, но и потерпевшего. В этом нравственное назначение уголовного судопроизводства (п.1 ч.1 ст. 6 УПК РФ) и соблюдение признанных Российской Федерацией стандартов в области прав человека. Действующим законодательством участие потерпевшего при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора и право обжалования им в кассационном (апелляционном) порядке принятого судом решения, например, об условно-досрочном освобождении от наказания, не предусмотрено. К такому выводу пришел Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении №330-0-0 от 3.04.2007 г. [4].

В связи с этим вспоминается ироническое выражение Л.Н. Толстого: «Гладко вписано в бумаги, да забыли про овраги, а по ним ходить» [5]. По «ов-

рагам» уголовного судопроизводства ежегодно в России проходят в качестве потерпевших 40 млн. человек. Поэтому полагаем возможным обсудить некоторые неразрешенные аспекты и стандарты в области прав потерпевшего.

Международно-правовые акты[6] предусматривают, что жертвам преступлений должна обеспечиваться возможность изложения и рассмотрения мнений на соответствующих этапах судебного разбирательства в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, потерпевший должен иметь право на получение информации об окончательном решении по уголовному делу, по которому вынесен приговор. В силу ст. 15 Конституции России и ч.3 ст.1 УПК РФ эти нормы являются составной частью законодательства Российской Федерации и в большей степени предлагают учитывать запросы потерпевшего на всех стадиях уголовного процесса[7]. Данные требования помогут точнее определить алгоритм судебного усмотрения, способны снизить коррупционные риски, а сторонам разумно использовать свои права при обосновании стандартов в области прав человека, в том числе и в стадии исполнения приговора.

Это сегодня подчеркнуто и актуализировано Указом Президента РФ №657 от 20 мая 2011г. «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». В частности, в нём предписано федеральным и региональным органам власти «принимать в пределах своих полномочий меры по устранению выявленных в ходе мониторинга недостатков в нормотворческой и (или) правоприменительной деятельности» [8].

В связи с изложенным и с учётом приведенного прецедента из судебной практики, необходимо законодательно восполнить правовой пробел относительно прав потерпевшего в главе 47 УПК РФ. По крайней мере, предусмотреть извещение потерпевших о дате, времени и месте рассмотрения материала, разъяснении им права довести до сведения суда свою позицию по вопросам, касающихся их интересов, права на обжалование постановления.

Кроме того, следует упорядочить стадию назначения судебного заседания по вопросам, предусмотренным ст. 397 УПК РФ. Нередко, как свидетельствует судебная практика, судья на одно и то же время назначает к рассмотрению материалы в отношении неограниченного количества осужденных, отбывающих наказание по разным приговорам, объединяя в своем постановлении разные правовые вопросы (об условно-досрочном освобождении от наказания, пересмотре приговора, снятие судимости и т.д.). Вследствие этого возможно нарушение права осужденного на юридическую помощь, на справедливое и всестороннее рассмотрение[9]. По вопросам, предусмотренным в ст. 397 УПК РФ, назначение судебного заседания должно быть отдельно по каждому материалу по правилам, указанным в п.п.1-5 ч.2 ст. 231 УПК РФ.

Исходя из принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), если при рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора участвует прокурор, а осужденный не направил в суд письменного заявления об отказе от за-

щитника (ч.1 ст. 52 УПК РФ), то суд, исходя из положений п. 1 ч.1 ст. 51 УПК РФ (обязательное участие защитника) обеспечивает участие адвоката в судебном заседании по назначению и в отсутствие просьбы осужденного[10].

При проведении судебных заседаний по вопросам, предусмотренным ст.ст. 10, 79 УК РФ (пересмотр приговоров, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания), об установлении административных ограничений (ФЗ от 06.04.2011 №64-ФЗ) у администрации ФСИН РФ по РМ возник вопрос о трактовке места проведения судебного заседания применительно к требованиям ч.3 ст. 396 УПК РФ.

В данной норме предусмотрено разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора судом по месту отбывания осужденным наказания. ФСИН РФ по Республике Мордовия полагала, что судебные заседания по указанным вопросам должны проводиться непосредственно в исправительных учреждениях. Дополнительно обосновывали свои требования в защиту осужденных трудностями материального и организационного характера по доставке осужденных в зал судебных заседаний. Верховный Суд Российской Федерации на это обращение ФСИН России ответил письмом от 24.01.2013 №9611\12-4-ВС[11]. В нем, в частности, обращено внимание на то, что в соответствии со ст. 42 ФКЗ от 07.02.2011 №1-ФКЗ (в редакции от 2.12.2012) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» местом постоянного пребывания районного суда общей юрисдикции является районный центр. Судебное разбирательство по жалобам и заявлениям осужденных, отбывающих наказание в учреждениях, расположенных на территории данного районного центра, а также представителей исправительного учреждения или ОВД и прокурора, производится по общему правилу - в зале судебного заседания районного суда, которому подсудно дело.

Проведение судебного заседания в надлежаще оборудованном помещении суда является дополнительной гарантией соблюдения требований, предъявляемых федеральным законодательством и нормами международного права к условиям осуществления правосудия, наиболее полно обеспечивает открытость, гласность судопроизводства, а также доступ граждан, организаций, общественных объединений и представителей средств массовой информации к деятельности судов.

Выездные заседания, в том числе на территории исправительных учреждений, могут проводиться только при создании надлежащих условий для отправления правосудия, с обеспечением предусмотренных законом требований безопасности суда и иных участников процесса, соблюдения требований гласности правосудия и иных принципов уголовного судопроизводства.

Действующим законодательством предусмотрена обязанность суда, рассматривающего вопрос о личном участии осужденного к лишению свободы в судебном заседании, проводимом по его жалобе или по его иску по граждан-

скому делу, учитывать все обстоятельства дела, в том числе характер затрагиваемых конституционных прав, необходимость дачи показаний в судебном заседании, и принятие обоснованного и мотивированного решения о форме участия осужденного в судебном разбирательстве.

В силу ст. 392 УПК РФ вступившее в законную силу приговор, постановление суда, в том числе и о назначении судебного заседания в части места его проведения, обязательны для всех органов государственной власти, должностных лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории РФ.

Что касается способа доставки осужденных в судебное заседание (непосредственно из исправительного учреждения или через следственный изолятор), то он избирается по усмотрению органов, на которые возложены обязанности по исполнению подобного рода судебных решений, с учетом требований законодательства.

Согласно ч.5 ст. 76 УИК РФ перемещение осужденных к лишению свободы осуществляется за счет государства. Трудности материального и организационного характера по доставке осужденных в судебное заседание, не могут повлечь нарушение прав участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время судебным департаментом при Верховном Суде РФ в рамках исполнения Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» принимаются меры к оснащению всех федеральных судов общей юрисдикции и учреждений ФСИН РФ комплектами видеоконференцсвязи.

В приоритетном порядке ими оснащаются суды и учреждения ФСИН, расположенные на территории Республики Мордовия и других аналогичных территориях со значительным количеством ИУ в виде лишения свободы, что позволит шире использовать возможность проведения судебных заседаний без доставки осужденных по месту отбывания наказания.

Не отвечает правовым стандартам редакция части 5 статьи 173 УИК РФ (в ред. ФЗ №294 от 06.11.2011) о реальных сроках досрочного освобождения от наказания, так как в норме отсутствует указание о немедленном освобождении осужденного, что делает досрочное освобождение (ст. 10, 79 УК РФ) иллюзорным. В некоторых случаях, как свидетельствует судебная практика, он не сможет реально воспользоваться таким правом: может истечь срок наказания, от которого был досрочно освобожден, пока кассационная (апелляционная) инстанция рассмотрит, к примеру, представление прокурора и подтвердит законность досрочного освобождения. Такое положение способно ущемить права осужденного, так как понижает уровень правовых гарантий и европейских стандартов в области прав человека в стадии исполнения приговора [12].

«Ахиллесовой» пятой в УПК РФ является коллизия уголовно-процессуальных норм, касающихся обеспечения судом безопасности допроса

«скрытых» участников судопроизводства при рассмотрении уголовных дел коррупционной направленности и в отношении членов организованных преступных формирований.

В части 5 статьи 278 УПК РФ предусмотрен допрос свидетеля, потерпевшего в условиях, исключающих визуальное наблюдение. В законе нет требования об изменении их голоса, без чего нельзя гарантировать безопасность допрашиваемого по указанной категории дел.

Правовой конкретизации в законе требует указание места нахождения скрытого свидетеля, потерпевшего, способа трансляции в зал судебного заседания показаний «скрытого» участника судопроизводства. Гласный процессуальный контроль в зале суда должен быть в режиме реального времени. Необходимо предусмотреть в УПК РФ право председательствующего (судьи) наблюдать в зале посредством видеоконференцсвязи за процессом дачи показаний «скрытого» свидетеля и исключить его визуальное наблюдение другими участниками судопроизводства. Следует предусмотреть в норме, кто конкретно в зале судебного заседания и в месте нахождения «скрытого» свидетеля обеспечит по распоряжению судьи через мобильные комплексы начало аудио-видео трансляции.

Надлежит регламентировать соблюдение общего порядка подготовки к судебному заседанию, механизм вызова «скрытых» свидетелей, их извещение; предусмотреть порядок отключения трансляции, в случае нарушения порядка в судебном заседании «скрытым» свидетелем.

В статье 5 УПК РФ следует закрепить понятие явки в суд «скрытых» участников судопроизводства.

Следует предусмотреть основные правила аудио-видео трансляции (в главе 35 УПК РФ). Закрепить понятие института отдельного судебного поручения и стадии персонификации «скрытого» свидетеля, потерпевшего, находящегося вне зала судебного заседания.

Необходимо обеспечение реализации процессуальных прав «скрытого» несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего, лиц физически и психически лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Статья 380 УПК РФ не раскрывает где конкретно: в зале судебного заседания или месте допроса «скрытого» участника судопроизводства должен находиться законный представитель, педагог, адвокат несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля.

Следует предусмотреть, как стороны реально смогут реализовать свои процессуальные права при этом: заявить отводы, ходатайства и т.п. Где при этом должен находиться переводчик? Каково будет качество синхронного перевода слов допрашиваемого, физиогномических реакций которого переводчик, находящийся в зале судебного заседания во время допроса, не видит.

Необходим комплекс организационно-правовых мероприятий направ-

ленных на обеспечение всех судов общей юрисдикции техническими средствами (мобильные, стационарные комплексы) для трансляции с учетом требований статей 74, 75 УПК РФ о критериях допустимости доказательств и признанных стандартов в области прав человека.

Показательно в связи с этим решение из практики Европейского Суда по делу «Кастовски против Нидерландов». В нем было признано, что приговор не может быть основан на показаниях анонимных свидетелей, данных в ходе предварительного расследования и оглашенных в суде без непосредственного допроса таких свидетелей, чем были нарушены требования ст. 6 ч.4 п.д Конвенции о защите прав человека и основных свобод. [13]

Основная цель законодателя - эффективное совершенствование правовой системы Российской Федерации, поэтому и устранять правовые пробелы необходимо с учетом стандартов Европейского Суда, правовых позиций изложенных в постановлениях Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации.

Список литературы

1. Послание Президента России Федеральному Собранию от 12 декабря 2012г. [Текст] // Российская газета. - 2012г. - 13 дек. - №287.
2. Приказ Генерального прокурора РФ №11-н от 26.08.2011г. «О существенных недостатках в организации работы прокуратуры Республики Мордовия» [Текст] / Российская газета. – 2011г. – 26 авг. - № 121.
3. Ильин, И.А. Почему мы верим в Россию. [Текст] / И.А. Ильин. – М, 2007. - С.315.
4. Определение от 3 апреля 2007г. №330-0-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федотова А.Ю. на нарушение его конституционных прав положениями ст. 399 УПК РФ [Электронный ресурс]: Режим доступа. Доступ из справ.-прав. сист. «Консультант Плюс». Дата обновления 01.03.2013.
5. Толстой, Л.Н. Про сражение на реке Чёрной [Текст] / Л.Н. Толстой // Полярная звезда. 1858.(Изд. Герцена А.И.).
6. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40\30 от 29.11.1985г. [Электронный ресурс]: справ.-прав. сист. «Консультант Плюс»; Рекомендация Комитета Министров Совета Европы (КМСЕ) от 28.06.1985 №R(85)11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса[Электронный ресурс]: справ.-прав. сист. «Консультант Плюс»; основополагающее решение Совета Европейского союза «О месте жертв преступлений в уголовном судопроизводстве» (2001/220/JHA) от 15.03.2001г.; Рекомендация №R (2006) 8 КМСЕ «Относительно помощи жертвам преступлений» от 14.06.2006) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-прав. сист. «Консультант Плюс». Дата обновления: 01.02.2013.
7. Мартышкин, В.Н. Судейское усмотрение в вопросах исполнения приговора [Текст] / В.Н. Мартышкин. - Саранск. - 2004. - с. 110-118; Мартышкин, В.Н. Судебное усмотрение при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания [Текст] / В.Н. Мартышкин // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика. Сб. в 2 т.-т.1. Курск, 2007. - С.127-130.

8. Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. №657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: справ.-прав. сист. «Гарант».
9. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РМ от 5.10.2011 №22-2479/2011 [Текст] // Архив Верховного суда Республики Мордовия.
10. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РМ от 5.10.2011г. №22-2475[Текст] // Архив Верховного Суда Республики Мордовия.
11. Письмо председателя 5-го судебного состава судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.01.2013 №9611//12-4-ВС [Текст] // Архив Верховного Суда Республики Мордовия. 2013 г.
12. Мартышкин, В.Н. Пределы судебного усмотрения [Текст] / В.Н. Мартышкин // Уголовный процесс. - 2007. - №7. - С. 3-7.
13. Мартышкин, В.Н., Мартышкин, В.В. Коллизии уголовно-процессуальных норм, обеспечивающих безопасность допроса «скрытых» участников судопроизводства [Текст] / В.Н. Мартышкин, В.В. Мартышкин // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства противодействия преступности. – Казань, 2010. - С. 60-70.

УДК 340.132.1:343.291

В.Н. Мартышкин, заместитель председателя Верховного Суда Республики Мордовия, почетный работник судебной системы России, Заслуженный юрист Республики Мордовия

РЕАБИЛИТИРОВАН ПОСМЕРТНО...

(к 116-летию Васильева Тимофея Васильевича-правоведа, патриота, просветителя)

В статье автором анализируется жизненный путь и профессиональная деятельность видного отечественного юриста Т.В. Васильева

Тимофей Васильев сделал неоценимый вклад в создание мордовской государственности, по праву считается основоположником судебной системы республики. Впоследствии стал первым советским юристом-международником в Англии, а затем был незаконно репрессирован за подготовку покушения на Сталина...

Начало пути

«Поэтический мордвин, талантливый малоросс»... [1]

Васильев Т.В. родился в сибирском селе Тавлы Мариинского уезда (ныне Зырянский район Томской области) 19 февраля 1897 году в многодетной семье мордвина-эрзи.

Его прадед Иван Васильев был родом из мордовского села Подлесная Тавла, (ныне это Кочкуровский район Мордовии). Жители этого села упоми-

наются в «Саранской Таможенной книге» (1692 г.). В актовом документе 1706 г. упоминается Подлесная Тавла с 57 дворами [2].

После отмены крепостного права в 1861 г. односельчане Васильевы и Петровы, «получив свободу», в поисках лучшей доли на подводах в 1863 г. прибыли в Сибирь. Здесь, в глухомани, у реки Кубидад (Перепел), впадающей в Кия, Чулым и Обь (в 130 км. от г. Томска) в память о малой родине, переселенцы основали эрзянское село Тавлы – крохотный островок мордовской культуры. Об этом автору статьи поведали дочь Васильева Т.В. – писательница Кузнецова Э.Т., его внучка – ст. научный сотрудник РАН Головина Л.А., историк, профессор Петров В.М. – правнук Еремея Петрова – одного из основателей села Тавлы в Сибири.

Примечательный факт – у прадедов из Подлесной Тавлы Ивана Васильева и Еремея Петрова в сибирском селе родились правнуки, которые в 20-летнем возрасте стали самыми молодыми народными судьями в РСФСР: Васильев Тимофей Васильевич в г. Омске (1917-1918), а Петров Михаил Ильич в г. Томске (1938-1940).

В Тимофее с детства проявлялась тяга к знаниям. Первым его учителем был мордвин Ефим Сивилькаев. Впоследствии Васильев писал, что наставник, несмотря на жестокое обращение с учениками, был несравненно лучшим учителем, чем всякий другой, не понимающий мордовского языка. Родители сами требовали «учить хорошенько своих детей». Однажды мальчик что-то писал трехкопеечной монетой на заледеневшем окне и нечаянно продавил стекло, за что подвергся варварским мерам «воспитания»: его колотили поленом... Работать Тимофей начал в 12-летнем возрасте на шахте. Тяжелый труд длился с

6.00 до 18.00. Тем не менее подросток находил время заниматься грамотой у старого забойщика Клима Балды. Когда не было мела, Васильев писал вилами на снегу, палкой на земле, углем на заборе, гвоздем на дверях. Были исписаны все стены, где мальчику приходилось бывать.

Смышленного паренька взял письмоводителем Колыонский мировой судья. Первая встреча произвела на Тимофея неизгладимое впечатление. «Со страхом и трепетом я входил к судье, — вспоминал Васильев. — «Здравствуйте, садитесь!» — вежливо сказал он. Здесь я впервые увидел человеческое к себе отношение. Я был удивлен, что, обращаясь ко мне, судья говорит: «Вы». Мне было тогда 18 лет...»[3]. Год работы в конторе мирового

судьи оказался решающей вехой его жизни. При установлении советской власти в Омске Васильев стал первым советским народным судьей. Его избирали председателем губернского совета народных судей. Когда Омск в 1918 году заняли колчаковцы, Васильев ушел в партизанский отряд, стал начальником штаба. От преследования белогвардейцев скрывался в камере мирового судьи, которая стала ему прибежищем. В 1919—1920 годах Васильев работал в Енисейском губотделе юстиции. Его можно считать основоположником становления пенитенциарной системы в Красноярске. 28 января 1920 года в газете «Красноярский рабочий» было опубликовано следующее его заявление: «Всем карательным учреждениям Енисейской губернии. Согласно постановлению Заведывающего отделом юстиции Енисейского Губревкома от 21 сего января, я временно вступил в заведывание карательным подотделом отдела юстиции. Все дела бывшей Енисейской губернской тюремной инспекции переходят в заведываемый мною карательный подотдел. В качестве сотрудников приглашаю товарищей Бельшева, Угрюмова и Коверского, распределив между ними работу таким образом: 1) т. Бельшеву заведывание местами заключения по губернии; 2) т. Угрюмову – организация принудительных общественных работ и 3) т. Коверскому – организация комиссии для несовершеннолетних преступников. Зав. Карательным подотделом т. Васильев» [4].

6 февраля 1920 года в этой же газете печатается целая статья под заголовком «В отделе юстиции»: «Карательный подотдел»:

«22 января при местном Отделе Юстиции открыл свои действия карательный подотдел, в ведении коего находятся все места заключения в пределах Енисейской губернии и организация принудительных работ для заключенных. В силу этого к подотделу переходят все дела бывшей тюремной инспекции.

В настоящее время в подотделе, во главе которого стоит тов. Васильев, идет интенсивная работа. Параллельно с введением единого Народного Суда, Советская власть тот же принцип единства положила в основание системы наказаний, налагаемых по судебным приговорам, и организации карательных учреждений, предназначенных для отбытия этих наказаний. Отныне в качестве наказания будет применяться только лишение свободы, соединенное обязательно с принудительными работами, причем пенитенциарные заведения будут делиться на разряды не по тяжести наказаний, как было раньше, а в зависимости от своего назначения» [4].

В последующем (1921-1923) Васильев командовал батальоном в Главной военно-политической школе Дальневосточной республики. Он был от природы наделен организаторскими способностями, даром красноречия и литературными способностями, тем не менее остро чувствовал свои пробелы в образовании. В 1924 году Тимофей поступил на хозяйственно-правовое вечернее отделение факультета советского права Московского государственного университета. Преподавателем уголовного права был Андрей Вышинский, впоследствии

ставший Генеральным прокурором СССР (1935-1939). Настаивая на профессиональной порядочности, профессор часто повторял студентам, что юрист должен быть чище снега альпийских вершин. Однако, заняв высокую должность, Вышинский предал забвению это кредо. Вместо того чтобы направить усилия органов прокуратуры на обеспечение законности, он, по существу, возглавил эскалацию насилия, произвола и беззакония. В жернова репрессий попал и его выпускник Васильев, которому профессор собственноручно вручил диплом об окончании вуза (1930 г.). Во время учебы Тимофей активно участвовал в студенческих кружках мордовской молодежи. Редактировал газету «Якстере теште» («Красная звезда»), которая была органом мордовской секции ЦК РКП (б). Там встретился с Елизаветой Павловной Рябовой, уроженкой с. Лобаски Ичалковского района Мордовии - своей будущей женой. Примечательно, что её отец работал волостным писарем у племянника поэта А.С. Пушкина в с. Большое Болдино Нижегородской губернии.

Марьяна Роцца

Будучи инструктором отдела национальностей ВЦИК Васильев активно участвовал в организации работы Мордовского клуба с целью приобщения к культуре и просвещение мордовской диаспоры, компактно проживающей в неблагополучном районе Москвы-Марьиной Рощи [5]. Здесь действовали кружки по ликвидации неграмотности, хор, театр, коллектив, ставивший оригинальные (Т.В. Васильева, Ф.М. Чеснокова, А. Белякова) и переводные (А.С. Неверова) пьесы. На интернациональных вечерах выступали евреи, чуваша, татары... Литературные вечера в Марьиной Роще, посещали С.А. Есенин, М. Горький, В.Э. Мейерхольд, включивший в свой нашумевший спектакль «Лес» мордовские народные песни.

Во время посещения Мордовского клуба А.В. Луначарским, Васильев народному комиссару просвещения СССР представил талантливых участников, в числе которых были представители «серебряного века»: мордвина-скульптор С.Д. Эрзя (Нефедов) и певец И.М. Яушев. Эрзю после выставки работ на международных конкурсах в Венеции, Милане, Париже величали не иначе как «русским Роденом».

В адрес хора под руководством Яушева, который часто выступал на все-союзном радио с хоровыми и сольными номерами национальных произведений, со всех концов страны приходили благодарственные письма.

Т. Васильев в содружестве с драматургом Ф. Чесноковым, чьи пьесы были наиболее популярны в 20-е годы, написал и поставил в клубе пьесу «А мон кедензэ палсинь» («А я его руки целовал»), которая успешно шла в Марьиной Рощи [5].

Частыми гостями этого клуба, пользовавшегося огромной популярностью у москвичей, были писатели из Мордовии. Васильев обращал внимание зрителей на то, что мордва оставила заметный след в истории страны. Один

только род Мордвиновых дал государству и министров, и сенаторов, и послов, и адмиралов, и выдающихся деятелей науки и искусства. В качестве примера приводил Николая Семеновича Мордвинова, проживавшего в Инсарском уезде (ныне Мордовия). С 1802г. он первый в истории России морской министр. В 1826 единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам [6.]

Тимофей Васильев особо подчеркивал, что выдающимися деятелями становились не только представители феодальных родов, но и выходцы мордовских крестьян. Например, «Патриарх Всея Руси», знаменитый церковный реформатор Никон, скульптор С.Д. Эрзя, М. Горький, мать которого была эрзянкой. Мордовского происхождения были первый профессиональный историк России, профессор Харьковского университета М.Н. Петров, крупнейший историк страны, академик В.О. Ключевский, ректор Томского университета И.А. Базанов, народная певица Л.А. Русланова (Лейкина).

Все они внесли немалый вклад в развитие Российского государства и его культуры. В.Н. Татищев, писавший свою историю на основании летописей, подчеркивал, что во время похода Всеволода Большое Гнездо на столицу Великой Булгарии с мордовскими князьями был заключен мир: «Мордва же мир со Всеволодом учинили и привозили в войско всякие припасы продавать» [7].

Этот факт, по мнению Васильева Т.В., свидетельствовал не просто о независимости Мордовской земли от Болгарского царства, но и о её политическом единстве и значительной военной мощи, которая принималась Всеволодом, объединившим тогда силы Руси для войны с одним из самых крупных государств Восточной Европы.

Мордовская идея

С той поры раздумья о судьбах мордовского народа и создании его государственности в рамках РСФСР приобретают у Тимофея Васильева осознанный характер. В докладной записке в Правительство страны Васильев указал: «Необходимо обратить особое внимание на мордовский народ, ибо благодаря вековому угнетению он является в несколько раз более отсталым во всех отношениях по сравнению с великорусским крестьянством. В Советском Союзе одна только мордва до сих пор не имеет своего автономного объединения...»[3]. Но у этой идеи были и противники. Бюро Пензенского губкома 7 августа 1925 года осудило такое настроение ответственных мордовских работников, «полагая неправильным и идущим вразрез с линией партии» [8]. На заседании оргбюро ЦК РКП (б), где слушался вопрос о Мордовской автономии, присутствовал Иосиф Сталин. Он заявил, что при таком территориальном расселении этого народа (Самарской, Пензенской, Симбирской, Нижегородской, Тамбовской губерниях) «придется ограничиться выделением мордвинов в самостоятельные административные единицы (районы, уезды) в тех губерниях, где они живут компактной массой» [9].

В январе 1926 года Васильев получил назначение на должность помощника прокурора Башкирии. В 1927-м вернулся в столицу, работал в Московской губернской коллегии защитников. Но все это время он не забывал о своей главной идее — постоянно доказывал необходимость мордовской государственности, участвовал в подготовке соответствующих документов. ЦК ВКП (б) оценил самоотверженный труд Васильева и его единомышленников: 6 августа 1928 года он избран первым председателем Мордовского окружного суда. Соответствующее решение принял пленум окружного исполкома Мордовского округа Средне-Волжской области. Тогда в этом территориальном образовании была организована двухуровневая судебная система, включавшая народные и окружные суды. В 23 районах были избраны 44 народных служителя Фемиды. Мордовский окружной суд состоял из председателя, его заместителя и пяти членов. Действовали президиум и кассационные коллегии по уголовным и гражданским делам. Орган избирался окружным исполкомом на один год... Васильев рассматривал наиболее сложные дела, проводил заседания судебных пленумов. 19 октября 1928 года под его председательством на Пленуме было вынесено следующее решение: «Предложить народным судьям районов с преобладающим мордовским населением... при рассмотрении дел, в которых участвуют представители мордовского населения, производить судоговорение на мордовском языке» [10]. Трудолюбие Тимофея Васильевича не осталось без внимания. Руководство Средне-Волжской области предложило Васильеву новый ответственный участок работы в областном суде г. Самара; с декабря 1929 года зачислен в орготдел ВЦИК, работал в Москве в Институте Советского Строительства и Права (ныне Институт Государства и Права РАН). В 1931 году Центриздат выпустил ставшую итогом многолетних размышлений Васильева книгу «Мордовия» (переиздана в 2007г.), которая не потеряла актуальности до сегодняшних дней. При прочтении этого фундаментального монографического исследования в очередной раз убеждаешься, что стержнем российского воспитания всегда являлся патриотизм. Он относится к числу идеалов, утрата которых делает общество нежизнеспособным. По мнению русского философа Николая Бердяева, «патриотизм есть прежде всего обнаружение любви к своей родине, своей земле, своему народу. Полное отсутствие патриотизма — ненормальное, дефектное состояние» [11].

Великобритания

В 1931 году Тимофея Васильева назначили первым руководителем юридической службы Торгового представительства СССР в Великобритании. Работа юриста-международника была сродни службе дипломата — нужно быть предельно взвешенным в своих суждениях. Ради этого Васильев овладел в совершенстве английским языком. Русский дипломат и разведчик Николай Леонов сказал: «Главным профессиональным качеством для дипломата и разведчика является именно любовь к Родине. Все остальное часто бывает делом на-

живным, все трудности можно преодолеть, а вот патриотизм — необходимое качество. Если его нет, вы будете или серой мышью, мало кому нужной, которая жуёт свое собственное зернышко, или еще хуже, потенциальным предателем» [12]. На юридическую службу, возглавляемую Тимофеем Васильевичем, легла огромная ответственность по подготовке торгового соглашения. Необходимо было знать все тонкости морского и торгового права. Советский посол в Великобритании Иван Майский, сменивший в 1932 г. первого полпреда Сокольского (Бриллианта), вспоминал, что переговоры были очень трудными и продолжались 15 месяцев [13].

Налицо была явная дискриминация в отношении СССР. Положение еще более ухудшилось, когда 12 марта 1933 года ОГПУ арестовало 25 служащих английского концерна «Метрополитен-Виккерс». Тем не менее, 16 февраля 1934 года торговое соглашение между СССР и Великобританией было подписано. В этом есть огромная заслуга юриста-международника Тимофея Васильева. В английских судах ему приходилось быть тонким дипломатом, чтобы защищать интересы своей державы. Однажды представитель местной фирмы заявил, что нельзя признавать серьезными и обоснованными доводы советских юристов, ведь в этой стране все судьи вышли из сапожников. «Да,

верно, — заявил в ответ Васильев. — Я один из таких сапожников. Я бывший кузнец, получивший затем образование в Московском государственном университете. А сейчас я стал студентом Лондонского университета, чтобы лучше изучить язык и право той страны, где мне доверено работать» [8]. Председатель строго заметил представителю фирмы: «У суда нет оснований сомневаться в компетентности доктора Васильева, он достойно защищает интересы своей страны». Эти слова стали широко известны в коммерческих и дипломатических кругах...

В 1934 году Тимофея Васильевича заочно избрали членом ЦИК Мордовской АССР. В 1935-м он приехал в Саранск. Сделал сообщения об Англии на сессии ЦИК, на собраниях народных судей и студенчества. В том же году написал в английском журнале «Monthly Review», что мордва получила счастье благодаря пролетарской революции, руководимой Лениным и Сталиным [14].

НКВД

В Великобританию с официальной делегацией на похороны короля Георга IV в 1936 г. прибыл маршал Тухачевский. Васильев встретился с ним в Лондоне. Они вспомнили как в составе 5-ой армии Тухачевского в годы граждан-

ской войны освобождали Омск, а Васильев создавал там и в г. Таре Военные Трибуналы. Делегацию СССР в Англии возглавлял военный атташе, латыш Путна. По возвращению на Родину Путна, Тухачевский и первый полпред в Англии Сокольский – финансовый гений, разработавший НЭП (новая экономическая политика) и знавший 8 иностранных языков, вскоре были расстреляны как «враги народа».

В Лондоне юрист-международник Васильев в течение 6 лет находился под неусыпным контролем НКВД. Об этом свидетельствовали донесения из Англии: «Васильев поддерживает связи с местными адвокатами. По Лондонскому университету знаком с профессором. До лета 1937 года очень дружил с бывшим зав. отделом метимпорта торгового представительства, который подзревался в заключении вредительской сделки на покупку заведомо недоброкачественной жести для консервных банок... Васильев в связи с длительным пребыванием за границей совершенно оторвался от Союза и потерял лицо советского гражданина» [14] Между тем Васильев достойно защищал интересы своей державы на судебных процессах. Подготовленное им торговое соглашение между Великобританией и СССР оставалось в силе вплоть до окончания Второй мировой войны. Достаточно указать лишь на один факт. Английские власти требовали 1,5 миллиона фунтов в качестве налога с торговой прибыли советских организаций в период с 1930-го по 1937 год. Васильеву удалось уладить вопрос за 32 тысячи фунтов. За безупречную работу его представили к специальной награде. Тем временем из донесения сотрудника НКВД следовало другое: «Васильев Т. В., как один из руководителей антисоветского национального блока, вел активную подготовительную работу, направленную к свержению советской власти в Мордовии путем вооруженного восстания. Прошу санкционировать арест» [14].

Жернова

В 1936 году НКВД СССР возглавил Ежов, который издал оперативный приказ о массовых репрессиях [15]. Вместо того, чтобы опротестовать эту чудовищную директиву, Вышинский дал шифрограмму прокурорам субъектов: «Ознакомьтесь в НКВД с оперативным приказом Ежова от 30 июля 1937 года за номером 00447. Соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются. Требую активного содействия успешному проведению операции и сохранении секретности в аппарате прокуратуры о проводимой операции» [16]. О масштабах репрессий в отношении так называемых «антисоветских элементов» свидетельствует докладная записка в ЦК КПСС: «только за контрреволюционные преступления по стране осуждены 3 млн. 777тыс. 380 человек»... [17]. Причем в отношении 2 млн. 900 тысяч человек были вынесены приговоры внесудебными органами (коллегиями ОГПУ, тройками НКВД или особого совещания), в том числе к расстрелу приговорено 642 тыс. 980 человек. Ежов подверг аппарат НКВД той же кровавой чистке: было

репрессировано 20 тыс. сотрудников [17]. Новому руководителю требовались послушные исполнители, а не принципиальные, воспитанные на революционных традициях чекисты. Не избежал репрессий и первый нарком НКВД Мордовии В.М. Ванд, арестованный в 1937-м. На его должность назначили С. М. Вейзагера, который тут же предъявил бывшему руководителю обвинение в «либерализме и близорукости», в том, что не смог своевременно вскрыть и обезвредить буржуазную националистическую организацию, куда входил проживающий за границей мордвин Васильев.

Однако усилия Вейзагера по выявлению «врагов народа» тоже были признаны недостаточными. Его арестовали 21 ноября 1937 года во время командировки в Москве, обвинили в шпионаже и расстреляли. На следующий день новым руководителем НКВД МАССР назначили полковника Николая Красовского [18]. При нем репрессии достигли своего пика. Внутреннюю тюрьму НКВД арестанты стали называть «домом пыток Красовского». По его указанию бывшего наркома Ванда подвергли изощренным издевательствам, хотели вырвать у старого чекиста признания, что он шпион и один из руководителей подготовки покушения на Сталина, Калинина, Ворошилова, Буденного. Впоследствии Ванда расстреляли в тюрьме... Тем временем НКВД СССР требует: «Срочно пришлите протоколы допроса арестованных, избличающих Васильева Т.В. в участии в контрнационалистической организации. Без этих материалов мы не можем дать санкцию на арест и не имеем возможности ставить вопрос об отзыве его из-за границы»... [14].

Красовский отдает приказ о массовых арестах. В скорбной жатве 1937—1938 годов был уничтожен цвет партийно-хозяйственных кадров и творческой интеллигенции республики. Только по делу «Мордовского блока правых троцкистов и националистов» арестовали 179 человек. В том числе 5 секретарей обкома партии, 27 руководителей ЦИК, СНК и обкома ВКП (б), 12 наркомов и их заместителей, 34 секретаря райкомов партии и 10 председателей райисполкомов. Репрессии коснулись прокурора республики, председателя Верховного суда МАССР, зам. командующего Приволжским военным округом, ректора пединститута и других должностных лиц и общественных деятелей [18]. Кампания по выявлению «врагов народа» коснулась и мордовских писателей: С. Ф. Атянин был расстрелян, Я. П. Григошин умер в тюрьме, И. А. Макушкин осужден на 15 лет тюремного заключения. Литератора В. И. Виарда арестовали только за то, что посмел прийти в НКВД и справиться о судьбе товарища. После пыток его заставили выпить стакан собственной крови [19]. Автор поэмы «Эрмезь» Я. Я. Кулдыркаев в общей сложности провел в лагерях 20 лет. Директора НИИ мордовской культуры П. В. Галаева расстреляли за пропаганду творчества мордовского скульптора Эрзи, жившего за границей [20]. Его преемником стал Илларион Сергеевич Сибиряк — бывший красноармеец и сотрудник Пензенской губчека. Но работники НКВД не проявили снисхождения

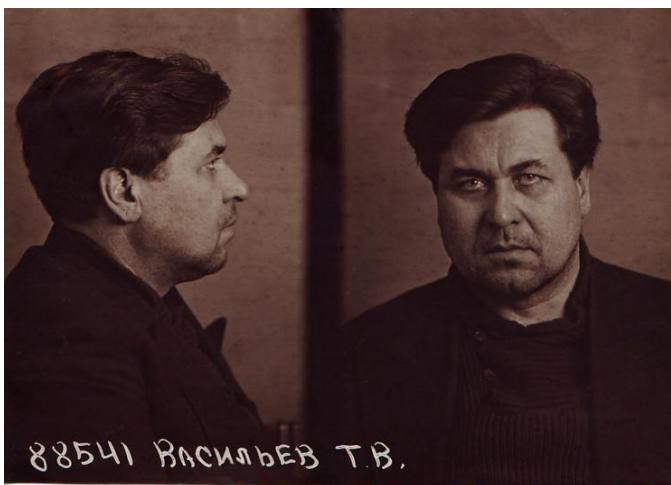
к бывшему коллеге, на допросах ему почти оторвали челюсть, совали иголки под ногти, выдавили глаза, отбили внутренние органы... Сибиряк двое суток не приходил в сознание и затем несколько недель мочился кровью. Все это требовалось для того, чтобы арестованный признался в связи с польской разведкой и оговорил сослуживцев [21]. Некоторые арестованные готовы были признать даже абсурдные обвинения: подготовка туннеля из Мордовии до Хельсинки с целью выхода Мордовии под протекторат буржуазной Финляндии...

Под пытками у ученых Рябовых (братьев жены Васильева) были получены признания, что они готовили убийство Сталина — сначала во время отдыха вождя в Сочи, затем на съезде Советов в Доме Союзов. Гостевой билет на мероприятие им якобы вручил первый секретарь Дубенского райкома партии К. А. Нуянзин (в последствии расстрелян), а пистолет для совершения теракта передал... Тимофей Васильев!

Согласно текста обвинительного заключения (дело №2073 и 2673), «террористическими группами руководил и готовил для теракта против тов. Сталина, других руководителей ВКП(б) и совправительства Прусаков М.Д.—1-й секретарь Мордовского обкома ВКП(б) и Сурдин Н.Г.—председатель ЦИК МАССР, связанные с германским шпионом Вандом (нач. Мордовского НКВД), а также с польской и финской разведками через ученых Рябовых и других...» [22].

Арест

Судьба юриста-международника была предрешена. Начальник 7 отдела ГУГБ НКВД Шпигельглаз сообщал в Москву о готовящемся отъезде семьи Васильевых из Англии: «17 ноября 1937 года советским пароходом через Ленинград» [14]. Васильева арестовали в Москве 8 февраля 1938 года. Прощаясь, он сказал дочери на английском языке: «Я приеду вечером, произошло недоразумение, Ламзурь, жди меня». Спецконвоем доставили в Саранск и в ужасных условиях содержали в одиночной камере 8 месяцев. Истязания не сломили

твердую волю патриота. Он неизменно настаивал на своей невинности. Но для узника «дома пыток Красовского» особенно мучительно было слышать душераздирающие вопли родственников, арестованных по делу. Чтобы уберечь от этого жену, 6-летнюю дочь и 13-летнего сына, он был вынужден подписать заранее заготовленный сотрудником НКВД протокол допроса...

В соседней камере тем време-

нем сидел уроженец кочкуровского села Старые Турдаки Илларион Сибиряк, которому чудом удалось переправить на волю письмо Сталину: «Я никогда не видел столько врагов народа, сколько видел в Саранской тюрьме. Троцкисты, националисты, террористы, правые, левые, меньшевики, кулаки, подкулачники, белогвардейцы, вредители, диверсанты, шпионы различных государств. Откуда столько набралось врагов в нашей маленькой Мордовии, счет которых шел на многие тысячи? Это все честные советские люди, которые благодаря произволу и беззаконию оказались за решеткой» [21]. Например, арестовали прокурора Республики Абмаева П.И. и его заместителя Осипова М.Д. «за создание вредительской группы в системе прокуратуры Мордовии и суда». Били их до беспомыслия на допросах, которые длились сутками. Из тюрьмы Абмаев вышел без единого зуба, выглядел дряхлым стариком, а ему было всего 43 года [23].

Далее автор описывает судебный процесс: «Выездная сессия 23 мая 1938 года заседала в кабинете наркома внутренних дел Мордовии Красовского. Здесь были его заместители, начальники отделов, следователи наркомата, то есть все наши вчерашние мучители. Я успел только сказать суду, что ни по одному пункту обвинения виноватым себя не признаю. Что касается моих показаний в уголовном деле, то все они добыты у меня под пытками. В ответ на это председательствующий сказал, что суд разберется, а я должен выйти в соседнюю комнату. Через 3—4 минуты меня вызвали и объявили приговор: 10 лет лагеря и 5 лет ссылки с полной конфискацией имущества. Так я оказался врагом народа».

Заканчивалось письмо словами: «Прошу вас как великого вождя и учителя советского народа обратить внимание на произвол, чинимый в Саранской внутренней тюрьме НКВД и строго наказать виновных. Я ни в чем не виновен: ни перед народом, ни перед партией, ни перед вами, дорогой учитель и вождь. И. Сибиряк» [21].

23—24 мая 1938 года выездная военная коллегия, рассматривавшая уголовное дело без участия прокурора, защитников, допроса свидетелей, приговорила 70 членов «вредительского блока» к расстрелу, остальных 25 — к длительным срокам лишения свободы. «Расстрельный» приговор без права обжалования приводили в исполнение немедленно. Жен «врагов народа» в количестве 51 человека приговорили к отбыванию наказания в ИТЛ и ссылке [18]. Жены расстрелянных «националистов» учёных Рябовых и руководителя МАССР Сурдина, наказание (по 5 лет лагерей каждой) отбывали в Карлаге (Казахстане) и на Колыме. На следующий день после освобождения Анны Рябовой началась война. Вере Сурдиной не повезло: до отбытия наказания оставалось три дня. Но после 22 июня 1941, ей как жене «врага народа» срок увеличили. НКВД СССР потребовал этапировать Васильева («шпиона в пользу финской, английской и германской разведок») в Москву — в распоряжение 2-го отдела НКВД

СССР. Содержать предписано «как особо опасного преступника» в отдельной камере Бутырской тюрьмы [14]. Во время дальнейших допросов и на судебном заседании Васильев заявил, что его объяснения в Саранской тюрьме — это вымысел. Никакой он не шпион, а тот самый «признательный» протокол подписал вынужденно... К его словам не прислушались: Военный трибунал Московского военного округа приговорил Васильева к расстрелу по статьям «Измена Родине» и «Контрреволюционная деятельность». Подсудимому всего было 42 года. Приговор привели в исполнение 31 июля...[24].

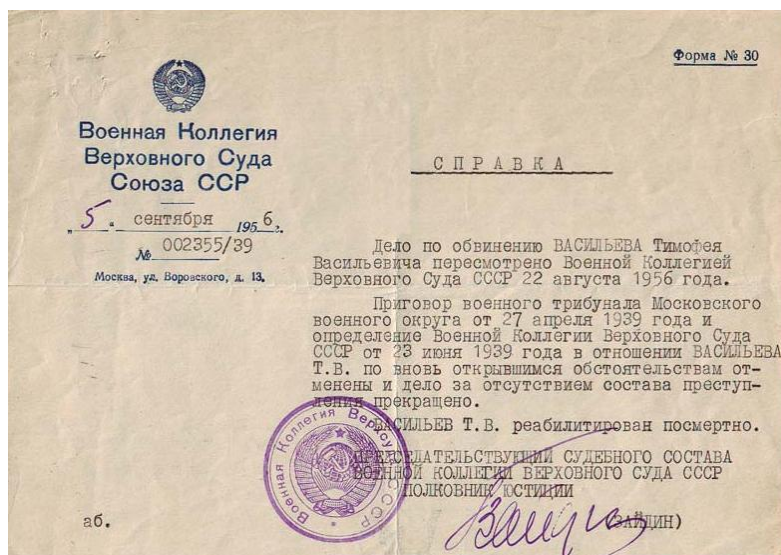
Возмездие

А почти через месяц Военный трибунал войск НКВД Московского округа вынес приговор в отношении 17 сотрудников НКВД МАССР. Цитируем: «С конца 1937 года и до второй половины 1938 года под руководством бывшего наркома НКВД МАССР Красовского Н. В. и его ближайшего помощника Пронина Д. И. (в дальнейшем оба арестованы) и при прямом участии группы бывших работников аппарата НКВД МАССР создавались провокационные дела, проводились массовые незаконные аресты, применялись противозаконные извращенные методы следствия и фальсифицировалось следствие по делам, находившимся в производстве наркомата. В своих вражеских и преступных целях Красовский и Пронин организовали так называемый «штаб» из оперативных сотрудников, на который была возложена задача составления заведомо ложных протоколов в отсутствие арестованных, в них вписывались тяжкие анитигосударственные преступления, которые на самом деле арестованные не совершали... искусственно в показания обвиняемых записывались террористические, вредительские и диверсионные акты, факты которых в извращенном виде брались из составленного так называемого «справочника» происшествий по МАССР за несколько лет. Затем с помощью вымогательства и пыток сотрудники НКВД заставляли арестованных подписывать фальсифицированные протоколы допроса»...[25]. Письмо Сибиряка дошло до адресата и возмездие свершилось: за незаконные методы ведения следствия из 17 сотрудников НКВД МАССР троих приговорили к расстрелу, 14 человек — к лишению свободы на длительные сроки. Эти лица реабилитации не подлежат.

Но и в годы репрессий немало российских судей твердо отстаивали права и законные интересы граждан. По воспоминаниям односельчанина Т.В. Васильева М.И. Петрова, 1917 года рождения, во время прохождения судебной практики при Западно – Сибирском краевом суде ему на изучение дали кассационную жалобу заведующего Мариинским Домом культуры. Суд назначил ему наказание в виде 10 лет лишения свободы за совершение деяния, относящегося к государственным преступлениям. Состав вмененного ему преступления был таков: накануне выборов в Верховный Совет в Мариинске баллотировались: в Совет Союза-Караваева (звеньевая колхоза) и в Совет национальностей –член Военсовета СибВО- Антонюк. Художник, нарисовавший портреты

указанных кандидатов в Верховный Совет, спросил заведующего домом культуры, куда девать эти портреты. Тот ответил: «Вот эту (показал на портрет Караваевой) – повесить, а этого (портрет Антонюка) – поставить к стенке».

В проекте определения по жалобе директора Дома культуры практикант Петров написал, что в худшем случае со стороны осужденного это был неудачный каламбур слов и предложил переквалифицировать действия осужденного со статьи 58 на статью 74 УК РСФСР, предусматривающую ответственность за совершение хулиганства, определив меру наказания в виде одного года принудительных работ, а так как он уже 4 месяца отбыл тюремного заключения, то он засчитал один день тюремного заключения за три дня принудительных работ, и предложил освободить его из мест лишения свободы. В дальнейшем краевым судом было принято решение об освобождении данного лица из мест лишения свободы. А заведующий Домом культуры так и не узнал, что же спасло его от десяти лет неволи... [26]

22 августа 1956 года Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила судебные решения в отношении Васильева по вновь открывшимся обстоятельствам и дело за отсутствием состава преступления прекратили [27]. Выдающегося юриста реабилитировали посмертно. То же самое было сделано в отношении остальных граждан, незаконно репрессированных по делу «Мордовского блока».

Лишь в 1997 году, в годовщину 100-летия Тимофея Васильева, его дочь Элеонора Кузнецова получила письмо, в котором сообщалось, что отец кремирован в крематории Донского кладбища и захоронен в общей могиле №1. Дети и внуки смогли поклониться праху Васильева и установить табличку с датами жизни и смерти...

За свою короткую жизнь он прошел путь от неграмотного деревенского подростка до блестящего лондонского юриста. Но Тимофей Васильев никогда не забывал, что является мордвином, он всегда ощущал связь со своими корнями. Старался поведать миру об истории, обычаях и самобытности своего народа. Как говорила его вдова Елизавета Павловна: «Здание Мордовии построено, а в нем и Тимофея кирпич есть!» [8].

Список литературы

1. Маркс, К. Письмо Ф. Энгельсу 12 февраля 1870г. [Текст] / К. Маркс // Сочинения. 2-е издание. Т. 32.-с.363-364.
2. Инжеватов, И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР [Текст] / И.К. Инжеватов. - Саранск, 1987. - С. 177-178.
3. Васильев, Т.В. Мордовия [Текст] / Т.В. Васильев // НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики. - Саранск, 2007. - С.186.
4. История пенитенциарной системы Красноярского края [Электронный ресурс] / URL: <http://www.24.fsin.su/history/4.php> (дата обращения 10.02.2013).
5. Брыжинский, В.С. Зарождение письменной драматургии и самодеятельного театра [Текст] / В.С. Брыжинский // Мордва (мокша и эрзя). Составитель Маркова С.С. Саранск, 2004. - С. 654-667.
6. Архив графов Мордвиновых в 10 т. - Спб., 1901-1903; Абрамов, В.К. Мордвиновы [Текст] / В.К. Абрамов // Мордовия. Энциклопедия в 2 томах. Саранск, 2004. – Т. 2. - С. 21.
7. Татищев, В.Н. История Российская [Текст] / В.Н. Татищев. – М, 1962. - Т.3. - С.129.
8. Головина, Л.А., Страницы семейного архива [Текст] / Л.А. Головина // Васильев Т.В. Мордовия. Саранск, 2007. - С. 8-28.
9. Абрамов, В.К. Мордовское национальное движение [Текст] / В.К. Абрамов. – Саранск, 2010. - С. 99.
10. Васильев, Т.В. Указ. соч. - С. 139.
11. Бердяев, Н.А. Русская идея. Судьба России [Текст] / Н.А. Бердяев. - М, 1997.
12. Смолев, В.И. Актуальность патриотического воспитания [Текст] / В.И. Смолев // Право и Безопасность. - 2012.- №1. - С. 93.
13. Майский И.М. Из воспоминаний советского посла. 1962 год [Электронный ресурс] / URL: Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru. (дата обращения 10.02.2013).
14. Наблюдательное производство по следственному делу №2973 (4327) от 22 февраля 1938г. [Текст] // Архив ФСБ РФ по Республике Мордовия.
15. Оперативный приказ НКВД СССР №00447 от 30 июля 1937г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» [Текст] // Составители Арсентьев Н.М., Юрченков В.А., Яровой А.В. От ВЧК до ФСБ. История и современность управления ФСБ РФ по Республике Мордовия. Саранск, 2003. - С.144-148.
16. Газета «Правда» [Текст] / 1989г. - 1 сент.
17. Антонов, Н.И. Финно-угорский мартиролог жертв политических репрессий в СССР [Текст] / Н.И. Антонов // Вып. 2. Саранск, 2006.-с.-5.
18. Тязин, Е.Н. Создание органов госбезопасности на территории Мордовской АССР и их развитие в 1934-1941 [Текст] / Е.Н. Тязин // материалы Международной научно-практической конференции. Саранск. 7-8 декабря 2006. с. 408-410; Букин, М.С. Становление Мордовской Советской национальной государственности. [Текст] / М.С. Букин. - Саранск, 1990. - С.184.
19. Ивашкин, В.С. Знать и помнить [Текст] / В.С. Ивашкин // На перекрестке мнений. Саранск, 1990. – С. 203-204.
20. Абрамов, В.К. Мордовский народ (1897-1939) [Текст] / В.К. Абрамов. - Саранск, 1996. - С. 350; Материалы республиканской конференции 27.05. 1998г. [Текст] / Саранск, 2004.

- С. 118-120.

21. Сибиряк, И.С. Я ни в чем не виновен [Текст] / И.С. Сибиряк // Советская Мордовия. 1991, 4 декабря.
22. Арсентьев, Н.М., Юрченков, В.А., Яровой, А.В. Указ. Соч. - С.154-156.
23. Плеханова, В.Б., Преснякова, Л.И. Прокуратура Республики Мордовия на страже закона. [Текст] / В.Б. Плеханова, Л.И. Преснякова. - Саранск, 2011. - С.29.
24. Рябова – Васильева, Л. «Лемсна и тевсна-Седисонк» («Имена и дела в сердце») [Текст] / Л. Рябова – Васильева // Мокшень правда. - 1999. - 5 окт.
25. Приговор №77 от 8-11 сентября 1939г. Военного трибунала войск НКВД Московского военного округа. Дело №120 [Текст] // Память: жертвы политических репрессий. Саранск. 2000. - С.797-804.
26. Петров, В.М. Неопубликованные рукописи «Ровесника Октября» [Текст] / В.М. Петров. – Саранск, 1997. – С. 57.
27. Курышев, Г.А., Мартышкин, В.Н., Литюшкин, В.И., Баргова, Т.С. Верховный Суд Республики Мордовия: вехи становления [Текст] / Г.А. Курышев, В.Н. Мартышкин, В.И. Литюшкин, Т.С. Баргова. - Саранск, 2008. – С.39.

УДК 343.13

Ю.С. Митькова, адъюнкт адъюнктуры (докторантуры) Волгоградской академии МВД России

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО ДОЗНАНИЕМ КАК ФУНКЦИЯ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И УКРАИНЫ

В статье проводится сравнительный анализ процессуального статуса прокурора в досудебном производстве по уголовным делам в законодательствах России и Украины. Автором выявлены некоторые интересные аспекты, позволяющие глубже уяснить проблемы нормативного регулирования в данной области.

Прокурорский надзор выступает в качестве одной из эффективных гарантий обеспечения законности в досудебном производстве по уголовным делам в деятельности органов предварительного следствия и дознания. Анализ полномочий прокурора, осуществляемых в этой отрасли надзора, позволяет говорить о дифференцированном подходе российского законодателя к их содержанию в зависимости от формы предварительного расследования. Дознание как сфера реализации надзорных полномочий прокурора представляет особый интерес с точки зрения их достаточности для эффективности воплощения назначения уголовного судопроизводства.

Для более продуктивного исследования проблем осуществления прокурорского надзора при производстве предварительного расследования в форме

дознания в российском уголовном судопроизводстве и выработки различных подходов к их разрешению, представляется целесообразным провести сравнительный анализ закрепления правового статуса прокурора в досудебном производстве по уголовным делам в законодательстве Российской Федерации и Украины, где уголовное судопроизводство подверглось радикальному реформированию. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Украины[1], вступивший в законную силу 20 ноября 2012 г., коренным образом изменил правовой статус прокурора в досудебном производстве данного государства. Указанное обстоятельство предопределило наш интерес к обозначенным выше проблемам в контексте сравнительно-правового исследования нормативного регулирования статуса прокурора.

Российский закон[2] в качестве одной из основных функций прокуратуры наряду с прокурорским надзором за исполнением законов называет уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством. Ч. 1 ст. 37 УПК РФ закрепляет две функции прокурора: 1) уголовное преследование от имени государства, 2) надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Уголовное преследование УПК РФ определяет как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Иными словами это проводимые в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства участниками стороны обвинения действия, направленные на выявление, формирование и проверку доказательств с целью изобличения лица, совершившего преступление.

Легального определения понятия прокурорского надзора в российском законодательстве не существует. Если обратиться к этимологии слова «надзор», можно заметить, что под надзором понимается наблюдение с целью присмотра, проверки [3, с. 262] В научной литературе традиционно принято считать, что прокурорский надзор в уголовном процессе представляет собой постоянно осуществляемую строго в соответствии с законом деятельность прокурора по обеспечению соблюдения законности государственными органами, их должностными лицами, осуществляющими досудебное производство.

В силу ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор при производстве дознания по уголовному делу уполномочен: требовать от органов дознания устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания; давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий; давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного правоограничительного действия; отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя; разрешать отводы, заявлен-

ные дознавателю, а также его самоотводы; отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ и др. При этом законодатель не разграничивает указанные полномочия с точки зрения реализации конкретных функций надзора.

Вместе с тем, анализ некоторых полномочий прокурора в ходе дознания позволяет говорить о непосредственном участии прокурора в предварительном расследовании - в строго установленных законом формах, например: дача дознавателю обязательных для исполнения письменных указаний о направлении расследования, производстве процессуальных действий; дача согласия на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (что исключает дальнейшее движение заявленного ходатайства), а также участие в судебных заседаниях при разрешении данных ходатайств; отмена незаконных и необоснованных постановлений дознавателя; возбуждение перед судом ходатайства о продлении срока мер пресечения, связанных с ограничением свободы при поступлении к нему уголовного дела обвинительным актом.

По нашему мнению, именно в упомянутых полномочиях прокурора реализуется функция уголовного преследования. К примеру, дознаватель не вправе не выполнить указание прокурора о производстве процессуальных действий, результаты которых впоследствии приобретут статус доказательств со стороны обвинения, даже если не согласен с ним и намерен обжаловать его в установленном порядке. Таким образом, прокурор посредством реализации предоставленных ему полномочий участвует в собирании доказательств, направленных на изобличение виновного в совершении преступлений, тем самым осуществляя уголовное преследование.

Не является новым утверждение о наличии в уголовном судопроизводстве России такой функции прокурора как процессуальное руководство предварительным расследованием. Большинство авторов как советского, так и современного периода в своих работах выделяли данное направление деятельности прокурора в системе его процессуальных полномочий (в качестве самостоятельной функции, либо вытекающей из функции надзора или уголовного преследования) [4]. Анализируя статус прокурора в дознании, нельзя отрицать фактического наличия указанной функции в современном российском уголовном судопроизводстве.

Рассматривая правовое положение прокурора в УПК Украины, прежде всего, следует отметить, что украинский законодатель выделяет две формы досудебного производства: дознание и досудебное следствие в зависимости от категории расследуемого уголовного правонарушения (преступление либо проступок). При этом компетенция прокурора на данной стадии уголовного производства реализуется в едином правовом режиме независимо от формы

досудебного производства (в отличие от УПК РФ). Поэтому в контексте данной статьи мы будем рассматривать полномочия прокурора в украинском законодательстве относительно досудебного производства в целом, не подразделяя его на следствие и дознание.

В отличие от УПК РФ правовой статус прокурора в уголовном процессе Украины детально не регламентирован, более того, не раскрывается в уголовно-процессуальном законодательстве и само содержание понятия «прокурор». Например, в п. 15 ст. 3 УПК Украины термин «прокурор» определяется лишь должностным положением в иерархии всей системы органов прокуратуры данного государства, отличительные признаки, указание на его компетенцию в данной норме отсутствуют. Определенный, но далеко не категоричный вывод о характере и объеме его полномочий можно сделать, проанализировав положения ст. 36 УПК Украины, согласно которой выделяются следующие направления деятельности прокурора в уголовном процессе: надзор за соблюдением законов при проведении досудебного расследования и, как форму надзора - функция процессуального руководства досудебным расследованием.

Круг полномочий прокурора в уголовном процессе Украины в рамках процессуального руководства досудебным расследованием довольно широк как в сравнении с ранее действующим УПК Украины, так и с уголовно-процессуальным законодательством России. Так, например украинский прокурор правомочен начинать досудебное расследование при наличии законных оснований, поручать органу досудебного расследования проведение в установленный прокурором срок процессуальных действий, давать указания об их проведении или участвовать в них, а в необходимых случаях - *лично проводить следственные (розыскные) и иные процессуальные действия*, иметь полный доступ к материалам досудебного расследования; назначать ревизии и проверки, уведомлять о подозрении в совершении преступления и др. Указанные полномочия прокурора направлены на реализацию функции уголовного преследования. Полагаем, что прокурор таким образом не только вмешивается в деятельность органа досудебного расследования, но и вправе подменять его, будучи правомочным в любой момент вступить в производство по уголовному делу, лично проводить следственные (розыскные) действия, уведомлять о подозрении в совершении преступления, продлять сроки расследования, принимать ряд процессуальных решений.

По нашему мнению, функция процессуального руководства досудебным производством в УПК Украины и аналогичная функция прокурора при производстве дознания в российском уголовном судопроизводстве имеют различное содержание. Можно говорить о фактическом наделении прокурора в уголовном процессе Украины правомочием осуществлять уголовное преследование, несмотря на отсутствие соответствующего нормативного закрепления. Более того, система его полномочий свидетельствует не о процессуальном руково-

дстве, а о неограниченной подмене прокурором органа досудебного расследования, что смешивает несовместимые в деятельности субъектов уголовно-процессуальные функции.

Вместе с тем, российский законодатель, наделив прокурора достаточным для осуществления процессуального руководства дознанием объемом полномочий, напрямую не закрепляет данное направление деятельности ни в механизме осуществления прокурором уголовного преследования, ни в рамках надзора за соблюдением законности в деятельности органа дознания, в чем проявляется определенная пробельность нормативной регламентации.

Итак, сравнительный анализ законодательства указанных стран в части процессуального статуса прокурора в досудебном производстве, выявил ряд интересных аспектов, которые позволяют глубже уяснить проблемы нормативного регулирования в данной области, что, безусловно, имеет положительное значение для дальнейшего исследования процессуальных функций и отдельных полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Украины (Закон Украины № 4651-VI от 13 апреля 2012 года) [Электронный ресурс] / URL: www.Kalinovsky-k.narod.ru/zakon/upk_ukr.rar. (дата обращения 01.04.2013).
1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.12.2012, с изм. от 30.12.2012) «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 10.03.2013.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. - М.: ОНИКС, Мир и Образование. 2007. – С. 262.
3. Рахунов, Р.Д. Эффективность прокурорского надзора за предварительным расследованием уголовных дел [Текст] / Р.Д. Рахунов // Проблемы прокурорского надзора: Научная конференция, посвященная 50-летию советской прокуратуры. - М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1972. - С. 187, 188; Готлиб, Р.М. Прокурорский надзор за расследованием преступлений // Вопросы применения нового законодательства о прокуратуре [Текст] / Р.М. Готлиб // Межвузовский сборник научных трудов. - Свердловск: СЮИ, 1983. - С. 90; Крюков, В.Ф. Уголовное преследование и прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании уголовных дел в условиях реформирования системы прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] / В.Ф. Крюков // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 10.03.2013; Михайлов, В.А. Руководящая роль прокурора в досудебном уголовном процессе Российской Федерации [Текст] / В.А. Михайлов // Публичное и частное право. Вып. II(VI). - М.: Изд-во Моск. психол.-социального ин-та, 2010. - С. 57, 63; Кругликов, А.П. О некоторых тенденциях в современном уголовно-процессуальном законодательстве [Электронный ресурс] / А.П. Кругликов // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 10.03.2013; Лазарева, В.А. Долгожданное изменение в статусе прокурора (Закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ) [Текст] / В.А. Лазарева // Уголовное судопроизводство. 2011. № 3. С. 41; Шабунин, В.А. Порядок привлечения в качестве обвиняемого требует изменений [Электронный ресурс]

УДК 343.1

Т.В. Мусиенко, аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

ОТВОД СУДЬИ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕСПРИСТРАСТНОГО СУДА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматриваются проблемные вопросы обеспечения беспристрастности суда на основе анализа предусмотренных в законодательстве обстоятельств, исключающие участие судьи в уголовном судопроизводстве.

Основой качества правосудия по уголовным делам является законный, компетентный, независимый и беспристрастный суд, что подтверждается положениями ряда международно-правовых актов, посвященным правам человека. Для обеспечения перечисленных свойств суда существует значительное количество установленных законом средств. В связи с этим в рамках данной статьи остановимся лишь на исследовании такого свойства суда как беспристрастность, дав анализ имеющимся в законодательстве процессуальным гарантиям обеспечения беспристрастного суда при производстве по уголовному делу.

Прежде чем переходить к изучению поставленного вопроса, следует остановиться на рассмотрении дефиниции «беспристрастность», которая учеными-процессуалистами определяется по-разному.

По мнению И.Б. Михайловской, беспристрастность характеризует процесс принятия решений и отношение судьи к доводам сторон [9, с. 10-13]. У В.Е. Федорина термин «беспристрастность» обозначает отсутствие у профессионального участника уголовного судопроизводства личного интереса (пристрастий) при осуществлении им своей профессиональной деятельности [13, с. 9]. В.Г. Задерако определяет беспристрастность как качество, суть которого составляет требование непредвзятого и справедливого отношения к каждому субъекту уголовного судопроизводства [7, с. 8].

Но как бы ни определялась беспристрастность различными авторами, при рассмотрении конкретного уголовного дела необходимо стремиться к тому, чтобы судья был свободен от личных предубеждений и пристрастий в отношении участников процесса. Реализации указанной цели во многом способ-

ствует закрепление в законодательстве процессуальных гарантий, обеспечивающих беспристрастность суда.

В науке уголовного процесса под процессуальными гарантиями понимаются установленные законом средства и способы, содействующие успешному осуществлению правосудия, защите прав и законных интересов личности [5, с. 60; 11, с. 56].

В.Е.Федорин, проведя исследование процессуальных гарантий объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства, классифицировал их по содержательной стороне на несколько видов. «Ядром» всей системы процессуальных гарантий, по его мнению, являются процессуальные гарантии, устанавливающие основания и процессуальный режим исключения из уголовного судопроизводства субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

В юридической литературе и многих статьях Уголовно-процессуального кодекса РФ гарантии, обеспечивающие отстранение участников уголовного судопроизводства от выполнения ими своих процессуальных функций, называются также отводами [12, с. 181-183].

Данные гарантии прямо направлены на обеспечение непредвзятости, беспристрастности и компетентности участников уголовного судопроизводства. Следует согласиться с мнением Х.А.к. Мамедовой, согласно которому заявление отводов – это своеобразный метод защиты прав и законных интересов участников процесса, который способствует объективному расследованию и разрешению уголовных дел и тем самым осуществлению задач уголовного судопроизводства [8, с. 12].

Гарантии, о которых идет речь, закреплены законодателем в главе 9 Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающей перечень обстоятельств, исключающих участие в уголовном судопроизводстве судьи, прокурора, следователя, дознавателя, защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и секретаря судебного заседания, а также порядок заявления и разрешения отводов и самоотводов, порядок отстранения указанных лиц от участия в деле.

В виду главенствующей и контролирующей роли суда при производстве по уголовному делу остановимся на отдельном и подробном рассмотрении некоторых гарантий, обеспечивающих его беспристрастность.

В части 1 статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса указаны обстоятельства, устранившие судью от участия в рассмотрении уголовного дела в связи с недопустимостью совмещения в одном лице функций судьи и какого-либо иного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, а также обстоятельства, устранившие судью от участия в рассмотрении дела, в связи с наличием родственных отношений с участниками процесса.

В частности, судья не может участвовать в производстве по уголовному

делу, если он: 1) является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу; 2) участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, дознавателя, следователя, прокурора в производстве по данному уголовному делу; 3) является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу.

По мнению В.Е. Федорина, обстоятельства, указанные в пунктах 1, 3 рассматриваемой нормы, отражают такой признак необъективности лица как его пристрастность (наличие личного интереса), а в пункте 2 – предвзятость. Предполагается, что судья, который ранее участвовал в деле в качестве субъектов, имеющих «служебный» интерес, будет «связан» своими предыдущими выводами и решениями [13, с. 82-83].

Несмотря на очевидную простоту формулировки законодательных положений части 1 статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса, в теории и на практике возникает ряд вопросов.

В частности, вопрос первый, имеется ли основание для отвода судьи в случае, если с момента его участия в уголовных делах в «другом качестве» прошло длительное время, однако с участниками процесса по «старым» делам ему пришлось встретиться в ходе судебного разбирательства.

В.Е. Федорин, считает, что ответ на этот вопрос должен быть положительным, поскольку на судью закон возлагает обязанность оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью [13, с. 88-91].

Кроме этого, возможна и более широкая постановка данного вопроса: не следует ли рассматривать как обстоятельство, отстраняющее судью от рассмотрения и разрешения уголовного дела, факт его предыдущего участия в уголовном деле, если в новом деле ему предстоит встретиться с подсудимым, в отношении которого ранее он выносил приговор. Однако поскольку в Российской Федерации существует немало районных односоставных судов, создание такой оптимальной ситуации в настоящее время, по нашему мнению, не представляется возможным [4].

В то же время, В.Е. Федорин, предлагает рассматривать в качестве основания исключения из участия в производстве по уголовному делу судьи, если он ранее по «старым» делам принимал незаконные либо необоснованные решения, определяющие судьбу дела, в отношении лиц, которые являются подсудимыми или потерпевшими по новому делу. При этом факт принятия судьей незаконных решений должен быть официально констатирован [13, с. 91-92].

Второй вопрос, возникает при применении п. 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ и со-

стоит в том, кого относить к категориям «близкий родственник» и «родственник», отношения с которыми исключает участие в производстве по уголовному делу судьи.

С точки зрения законодательной техники сама формулировка данного пункта является несовершенной, поскольку имеется ненужное дублирование терминов «родственник» и «близкий родственник», которые соотносятся между собой как целое и часть. Кроме того законодатель, давая лишь определение близких родственников, то есть, не указывая, кто относится к «родственникам», отождествляет родственные и супружеские (семейные) отношения.

В связи с этим, представляет интерес вопрос о степени родства, исключающей участие в деле судьи. Например, А.С. Дежнев отмечает, что закон не содержит ответа на вопрос о том, какой должна быть степень родства или свойства для появлений оснований для отвода [6, с. 131-135].

Но с ним не соглашается В.Е. Федорин, утверждая, что закон не делает никаких исключений. Судья не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он является близким родственником или родственником (т.е. независимо от степени родства) любого из участников производства по уголовному делу. По его мнению, разумным и достаточным будет ограничение родства, необходимого в качестве безусловного основания для исключения из дела судьи третьей степенью включительно. С учетом положений статьи 1145 Гражданского кодекса, определяющей степень родства числом рождений, отделяющих родственников одного от другого, к родственникам, попадающим в данные группы и не относящимся к категории близких родственников, будут относиться: племянники и племянницы, дяди и тети, прадедушки и прабабушки, двоюродные братья и сестры [13, с. 94-95].

Также исследуя вопрос о родственных отношениях участников уголовного судопроизводства, Т.В. Моисеева указывает, что на беспристрастность судей при разрешении уголовного дела может повлиять и участие в составе одного и того же суда лиц, состоящих в родстве между собой [10]. Данная позиция заслуживает внимания, при этом следует подчеркнуть, что для судей, входящих в состав суда, ограничений в степени родства быть не должно. Любая степень родства судей, входящих в состав одного и того же суда, по утверждению В.Е. Федорина, должна являться безусловным основанием для исключения судьи из участия в уголовном судопроизводстве [13, с. 137-138].

Согласно части 2 статьи 61 Уголовно-процессуального кодекса судья не может участвовать в производстве по уголовному делу также в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела.

Характеризуя понятие «заинтересованность», стоит отметить, что в указанной норме закона она подразделяется на прямую личную и косвенную личную. Под прямой личной заинтересованностью следует понимать такую заин-

тересованность в данном конкретном деле, когда судья имеет материальный или иной интерес, который будет или может быть затронут в процессе судебного разбирательства. При косвенной личной заинтересованности судья, хотя непосредственно не заинтересован в исходе судебного разбирательства, но заинтересованы иные лица, интересы которых не безразличны судье в силу родственных связей, близких отношений и тому подобных причин [10]. В этих случаях не исключена возможность противоречия между долгом судьи и его личными интересами.

Одним из упущений законодателя, по мнению В.Е. Федорина, представляется выделение в качестве основания, исключающего участие в производстве по уголовному делу лишь пристрастности участника процесса. Он указывает, что при рассмотрении уголовного дела, помимо наличия прямой или косвенной личной заинтересованности, у судьи может сложиться предвзятое отношение к участникам судопроизводства, что приведет к одностороннему исследованию обстоятельств дела, установлению оправдательного или обвинительного уклона. Поэтому В.Е. Федорин предлагает изменить формулировку ч. 2 ст. 61 УПК РФ, закрепив положение о том, что судья не может участвовать в производстве по уголовному делу в случаях, если имеются иные обстоятельства, дающие основания полагать, что он может быть пристрастен или предвзят при исследовании обстоятельств уголовного дела [13, с. 98-99].

При этом многие теоретики и практики сходятся во мнении, что к числу «иных обстоятельств», дающих основание считать о наличии личной, прямой или косвенной заинтересованности судьи в исходе дела, относят такие обстоятельства, которые сами по себе или в совокупности с другими обстоятельствами указывают на наличие у судьи личного интереса в исходе данного дела, вызывают сомнения в его беспристрастности [14, с. 160]. Эти обстоятельства могут быть обусловлены дружескими или неприязненными отношениями, существовавшей ранее служебной зависимостью между лицами, участвующими в деле, либо вызваны враждой, завистью, местью и иными мотивами.

Таким образом, из анализа лишь некоторых положений, касающихся процессуальных гарантий обеспечения беспристрастного суда при производстве по уголовному делу, следует вывод о необходимости внесения в уголовно-процессуальное законодательство ряда изменений и дополнений, способствующих повышению качества правосудия.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: принята 4 ноября 1950 г. (Рим) [Текст] // Европейский Суд по правам человека: избр. постановления, 1999-2001 гг. и комментарии. - М., 2002.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1976. - № 17.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: с изм. от 05.04.2013 г. [Текст] // Российская газета. – 2001. – 22 дек.
4. Отчет Судебного департамента VIII Всероссийскому съезду судей о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2009-2012 годы [Электронный ресурс] / URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=49&item=1574> (дата обращения: 07.04.2013)
5. Алексеев, Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса [Текст] / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж: Изд-во Ворон. Ун-та, 1980. – 251 с.
6. Дежнев, А.С. Отношения родства и свойства в уголовно-процессуальном институте отводов [Текст] / А.С. Дежнев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Материалы научно-практической конференции (3 - 4 февраля 2000 г.). - Красноярск: Изд-во Сиб. юрид. ин-та МВД России, 2000. - Ч. 2.
7. Задерако, В.Г. Институт отводов в советском уголовном процессе [Текст] / В.Г. Задерако // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1978. – 17 с.
8. Мамедова, Х.А. Институт отводов в советском уголовном судопроизводстве [Текст] / Х.А. Мамедова // Дисс. ... канд. юрид. наук. – М, 1984. – 190 с.
9. Михайловская, И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость [Текст] / И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2010. – 78 с.
1. Моисеева, Т.В. Обеспечение беспристрастности и объективности судей при рассмотрении уголовных дел [Текст] / Т.В. Моисеева // Журнал российского права. - 2003. - № 6.
10. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1 / М.С. Строгович. - М.: Наука, 1968. – 470 с.
11. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов [Текст] / под ред. проф. К.Ф. Гуценко. - М.: Издательство «Зерцало», 2007. – 736 с.
12. Федорин, В.Е. Процессуальные гарантии объективности и беспристрастности профессиональных участников уголовного судопроизводства [Текст] / В.Е. Федорин // Дисс... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2007. – 234 с.
13. Химичева, Г.П. Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве [Текст] / Г.П. Химичева // Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. / Под общ. ред. В.И. Радченко. - М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2003.

УДК 343.121-027.21

И.А. Насонова, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СВЯЗИ С ПРИМЕНЕНИЕМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ И ОБВИНЯЕМЫМ

В статье рассматриваются наиболее актуальные вопросы, связанные с применением пристрастия за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми; анализируется

Проблемы, связанные с применением уголовно-процессуального принуждения к несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, по-прежнему не потеряли своей актуальности. Связано это прежде всего с тем, что несовершеннолетние продолжают фигурировать среди лиц, совершающих преступления. Более того, статистика в этой части на сегодняшний день весьма тревожна. Так, каждое двадцать первое преступление (4,8%), расследованное в период с января по июль 2012 года, совершено несовершеннолетними или при их соучастии [1]. В этой обстановке государственным органам и должностным лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, не обойтись без применения мер пресечения к указанным лицам.

Присмотр за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми является единственной мерой уголовно-процессуального принуждения, рассчитанной на субъекта уголовно-процессуальных отношений, имеющего определенные возрастные особенности, а именно не достигшего совершеннолетия. В этом смысле несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого по праву можно считать специальным субъектом таких правоотношений. Поскольку возрастной критерий в этом случае является определяющим, необходимо определить его границы. Нижняя возрастная граница указанного специального субъекта напрямую связано с возрастом наступления уголовной ответственности (по общему правилу – с 16 лет, а за отдельные преступления – с 14 лет). Презюмируется, что таким несовершеннолетним доступно понимание деяний, за которое они могут быть привлечены к уголовной ответственности. Верхняя граница определяется совершеннолетием лица, которое наступает в 18 лет.

Учет возрастной специфики специального субъекта, необходимость решения не только общих задач уголовного судопроизводства, но и ювенальных задач, был положен в основу такой уголовно-процессуальной формы как производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Данное обстоятельство было учтено и при правовой регламентации мер пресечения, предоставившей возможность дознавателю, следователю и суду применить к несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым присмотр со стороны родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, а также со стороны должностных лиц специализированного детского учреждения, в котором они находятся.

Следует отметить, что присмотр за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми в качестве меры пресечения предусматривался уголовно-процессуальным законодательством и на более ранних этапах его развития. Так, в дореволюционный период Устав уголовного судопроизводства 1864 г. разрешал практиковать отдачу несовершеннолетних под ответственный присмотр родителям, попечителям, другим благонадежным людям, изъяв-

вившим на то согласие, в воспитательно-исправительные заведения или в иные заведения для призрения детей, в монастыри вероисповедания несовершеннолетних с обязательством представить их к следствию или суду [2].

Об отдаче несовершеннолетнего под присмотр говорилось и в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 394). Также как и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., она находилась вне общей системы мер пресечения. Последняя закреплялась в ст. 89 УПК РСФСР, а отдача несовершеннолетнего под присмотр упоминалась лишь в главе 32 УПК РСФСР «Производство по делам несовершеннолетних». Объяснение здесь можно найти одно: подчеркивалась специфика данной меры пресечения по сравнению с другими, выражающаяся в ориентированности ее на определенный круг субъектов – несовершеннолетних.

Кроме того, в тексте закона (ст. 394) не уточнялось, к каким именно участникам уголовного судопроизводства, не достигшим совершеннолетия (обвиняемому или подозреваемому), могла применяться данная мера пресечения. Примечательно, что остальные меры пресечения, перечисленные в ст. 89, были рассчитаны на обвиняемого, а также в исключительных случаях на подозреваемого (ст. 89, 90 УПК РСФСР). В комментарии к ст. 394 УПК РСФСР «Отдача несовершеннолетнего под присмотр» лицо, к которому применяется данная мера пресечения, названо лишь однажды: применительно к рассмотрению вопроса о нарушении обязательств о присмотре. Им назван обвиняемый [3], хотя применяемый в тексте закона термин «несовершеннолетние» – очевидно шире, чем понятие «несовершеннолетний обвиняемый».

Современное законодательство также характеризуется недочетами в правовой регламентации аналогичной меры пресечения. Так, в норме, содержащей перечень мер пресечения, говорится о присмотре за несовершеннолетним обвиняемым (п. 4 ст. 98 УПК РФ). А статья 105 УПК РФ, регламентирующая правила применения данной меры пресечения, рассчитана на подозреваемого и обвиняемого, что прослеживается даже в ее названии «Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым». Примечательно, что на момент принятия УПК РФ (18.12.2001 г.) редакция пункта 4 ст. 98 УПК РФ была иной. В нем речь шла о присмотре за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. Изменения в указанный пункт были внесены Федеральным законом от 29 мая 2002 г. №58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», то есть до вступления УПК РФ (от 18.12.2002 г.) в силу. По непонятным причинам соответствующие изменения не были внесены в 105 УПК РФ, которая до настоящего времени ориентирована на применение данной меры пресечения в отношении, как несовершеннолетнего обвиняемого, так и несовершеннолетнего подозреваемого.

В условиях обозначенного противоречия затруднительно дать ответ на вопрос о том, к кому же должна применяться указанная мера пресечения?

Обращаясь к актам толкования, можно увидеть следующую картину объяснения применения данных норм.

В Комментариях к ст. 105 УПК РФ [4], в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» однозначно говорится о присмотре за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (п. 7) [5].

Нельзя также не упомянуть предпринимаемые авторами попытки объяснить современную редакцию пункта 4 ст. 98 УПК РФ. Так, обращается внимание на то, что присмотр за несовершеннолетним трудно применим в неотложных ситуациях, в силу необходимости установления многих дополнительных факторов [6]. Но и они, несмотря на указанные оговорки, признают возможность его применения в отношении не только обвиняемого, но и подозреваемого [6 – С. 286-287].

Учитывая все указанные обстоятельства, полагаем необходимым вернуться к первоначальной редакции пункта 4 ст. ст. 98 УПК РФ, предусмотрев в системе мер пресечения присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. Что же касается некоторых трудностей избрания данной меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, то они не могут служить основанием для исключения присмотра в отношении данного участника уголовного судопроизводства из системы мер пресечения. В противном случае, следуя этой логике из числа мер пресечения нужно будет исключать и присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, так как он применяется к нему крайне редко. И это, несмотря на требование закона обсуждать в каждом случае возможность отдачи несовершеннолетнего под присмотр при решении вопроса об избрании к нему меры пресечения (ч. 2 ст. 423 УПК РФ).

Следует отметить, что на указанное обстоятельство обращается внимание почти в каждой работе, посвященной проблемам присмотра за несовершеннолетними. Так, по мнению одних авторов, отдача несовершеннолетних под присмотр в массе применяемых к ним мер пресечения составляет от 1 до 5 % [7]. В других исследованиях говорится о том, что случаи применения присмотра за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми наряду с личным поручительством и залогом составляют менее 1 % [8]. Кстати, похожая ситуация складывалась и раньше. Так, в Москве, Московской, Тверской, Владимирской, Волгоградской, Белгородской областях отдача несовершеннолетних под присмотр в числе всех других мер пресечения, избираемых в отношении несовершеннолетних, не превышала 1-1,5% (1987-1990 гг., 1992-1996 гг.) [9].

Е.А. Потехина справедливо выделяет среди причин такого положения дел следующие обстоятельства: «отсутствие по многим уголовным делам лиц,

которым можно было бы отдать несовершеннолетнего под присмотр; необходимость затрачивать на избрание указанной меры пресечения большего количества времени; слабое знание следователями законодательства о производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и о мерах пресечения; недостаточное проявление инициативы со стороны защитника и законного представителя несовершеннолетнего; отсутствие специальных бланков процессуальных документов, необходимых для избрания меры пресечения; убежденность многих следователей в неэффективности присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как меры пресечения; отсутствие практики применения этой меры пресечения» [10].

Как видно, каждая из перечисленных причин так или иначе связана с проблемой эффективности рассматриваемой меры пресечения. Трудность ее решения, на наш взгляд, обуславливается тем, что присмотр за несовершеннолетним поручается лицам, которые не смогли в свое время обеспечить его правомерное поведение, в результате чего им было совершено преступление. Налицо отсутствие для такого несовершеннолетнего авторитета со стороны взрослых, которые отвечали за его воспитание. В связи с этим возникает вопрос: как родители, опекуны, попечители, должностные лица специализированного детского учреждения, в котором находился несовершеннолетний могут гарантировать его надлежащее поведение, не обеспечив это однажды?

Предоставленная законом возможность указанным лицам отказаться от возложения на них соответствующих обязанностей, в том числе, и по причине их бессилия в обеспечении надлежащего поведения несовершеннолетнего, не всегда ими может быть адекватно использована. Любящие родители, не способные трезво оценить свой воспитательный потенциал, используемый в отношении несовершеннолетнего, вопреки всяким обстоятельствам будут настаивать на применении следователем, дознавателем или судом именно присмотра. Очевидно, что эффективность избрания указанной меры пресечения в этом случае будет страдать, кроме одного случая. Речь идет о ситуации, когда несовершеннолетний сам осознал аморальность и неправомочность своего поведения, раскаялся в этом и желает исправиться. Полагаем, что при таких обстоятельствах поручитель сможет обеспечить должный присмотр, соблюдая следующие условия: не оказывать со своей стороны негативного влияния на детей; осуществлять активные положительные предупредительные действия. Правда, здесь возникает другая проблема: как безошибочно убедиться в том, что такие обстоятельства и условия наступили?

В остальных случаях, полагаем, целесообразным возлагать обязанность по обеспечению надлежащего поведения несовершеннолетнего на других заслуживающих доверие лиц, которые не только не успели себя скомпрометировать ненадлежащим выполнением своих обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и контролю за ним, но и которые способны благотворно вли-

ять на подростка. К ним очевидно относятся: пользующиеся у несовершеннолетнего авторитетом педагоги по месту учебы, работы, занятий спортом, родственники, соседи, друзья родителей и т.д. [11]. Ведь не секрет, что подростки легко поддаются чужому влиянию, авторитету. Главное, чтобы это влияние для них было позитивным, способное в определенной мере компенсировать им неудовлетворительные условия воспитания в семье.

Как видно, анализ проблемы эффективности присмотра за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, еще раз свидетельствует об определенной сложности для правоприменителя в выборе его в качестве меры пресечения. А это значит, что в современных условиях не приходится надеяться на широкое распространение присмотра по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Однако это не снимает со следователя, дознавателя и суда обязанности учитывать в своей деятельности особенности личности несовершеннолетнего как важного аспекта решения задачи, стоящей перед мерами пресечения – обеспечение надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого.

Список литературы

1. Статистика [Электронный ресурс] / URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_111375/ (дата обращения 12.08.2012).
2. Цит. по кн.: Попов, К.В. Проблемы участия суда в применении мер пресечения [Текст] / К.В. Попов // Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. - С. 131.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР [Текст] / Под общ. ред. В.М. Лебедева, науч. ред. В.П. Божьев. - М.: Издательство «СПАРК», 1996. - С. 510.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2011. - С. 351-353; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / под общ. ред. В.М. Лебедева, науч. ред. В.П. Божьев. 4-е изд. перераб. и доп. - М.: Юрайт-Издат, 2008. - С. 353-355 и др.
5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. N 1 п.7 [Текст] // Российская газета. - 2011. - 11 февр.
6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. А.В. Смирнова. - СПб.: Питер, 2003. - С. 276, 286.
7. Уголовный процесс: учебник для юридических высших учебных заведений [Текст] / Под общ. ред. В.И Радченко. - М. 2003. - С. 227.
8. Глизнуца, С. И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних [Текст] / С.И. Глизнуца // Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. - С. 3.
9. Михайлов, В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе [Текст] / В.А. Михайлов. - М. Право и Закон, 1996. - С. 192.
10. Потехина, Е.А. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как

мера пресечения и ее применение следователями Органов Внутренних Дел [Электронный ресурс] / URL: // <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/206870.html> (дата обращения 16.08.2012).

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. В.И. Радченко; научн. ред. В.Г. Тomin, М.П. Поляков. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт-Издат, 2006. - С. 351.

УДК 343.13

И.В. Ревина, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ АДВОКАТА И ПРОФИЛАКТИКА ЕЕ ПОЯВЛЕНИЯ

В статье рассмотрены основные вопросы, связанные с проявлением признаков профессиональной деформации адвоката при оказании юридической помощи, обозначены основные способы ее предупреждения и устранения.

Проблема профессионально-нравственной деформации личности с каждым годом привлекает все большее внимание исследователей. Это обусловлено в первую очередь тем, что многолетнее выполнение одной и той же профессиональной деятельности зачастую приводит к появлению профессиональной усталости, возникновению психологических барьеров, обеднению репертуара способов выполнения деятельности, утрате профессиональных умений и навыков, снижению работоспособности [1]. Можно констатировать, что на стадии профессионализации по многим видам профессий происходит развитие профессиональных деструкции [1].

Анализируя, в частности, проблему профессионального становления адвоката, следует подчеркнуть, что специфика выполняемой им деятельности зачастую накладывает «деформирующий отпечаток» на его личность.

Профессиональная деформация адвоката представляет собой сложное социально-правовое явление, характеризующееся наличием определенных негативных изменений, отрицательно воздействующих как на личность в целом, так и на осуществляемую им деятельность. Оказывая существенное негативное воздействие на правовые взгляды и представления, идеи, знания подобное деструктивное поведение связано в первую очередь с деформацией ценностных ориентаций.

Деформационные проявления в последние годы приобретают самые разнообразные формы под влиянием ряда конкретных факторов и, прежде всего,

нравственно-правовых и психологических.

Основываясь на анализе научной литературы и проведенных исследованиях, в целях предупреждения и устранения признаков деформации личности в адвокатской практике полагаем необходимо акцентировать внимание на следующих основных направлениях:

- во-первых, совершенствование нормативных предписаний, обеспечивающих реализацию требования о соблюдении нравственных норм в профессиональной деятельности адвоката. Прежде всего, речь идет о содержании Кодекса профессиональной этики адвоката. Так, на основе анализа и в развитие положений указанного документа нами предлагается ряд практических рекомендаций следующего характера:

1 - Адвокат всегда должен стремиться к нравственному совершенствованию с тем, чтобы достичь единства и гармонии знания моральных требований и их воплощения в поступках, т.е. способности принимать решения в соответствии с существующей в обществе системой моральных норм и ценностей и умения выработать адекватную такому решению линию поведения.

2 - Адвокатам следует осуществлять профессиональную деятельность таким образом, чтобы заслужить право на уважение со стороны общества. Своим поведением адвокат не вправе подрывать авторитет адвокатуры в целом; обязан действовать сообразно с её назначением и избегать поступков, способных уронить достоинство адвокатской профессии.

3 - Для оказания качественной юридической помощи важное значение имеют не только профессиональные знания и навыки, но и те нравственные качества, которые определяют моральный облик адвоката и, соответственно, составляют основу его профессиональной деятельности.

Подобные предложения позволяют сделать вывод о том, что в предупреждении профессиональной деформации немаловажное значение играет способность личности к самоконтролю и преодолению проявившихся симптомов, а также осознание необходимости постоянного совершенствования своего профессионального мастерства.

При этом следует учитывать, что сознательное стремление личности к самосовершенствованию дает положительный эффект в данном направлении при повышении в первую очередь нравственного уровня. Следовательно, применительно к адвокату весьма существенна выработка определенных морально-психологических качеств, обусловленных спецификой профессии и прежде всего чувства ответственности.

Одним из важнейших условий проявления профессионально-нравственной ответственности является чувство долга и совести, под влиянием которых адвокат добросовестно выполняет свои профессиональные обязанности вопреки личным соображениям, которые противоречат интересам оказываемой им функции в процессе.

Другим немаловажным качеством личности, от которого зависит профессиональное мастерство является дисциплинированность, которая предполагает сознательное и добровольное подчинение адвоката требованиям профессионального долга и его способность самостоятельно и добросовестно выполнять свои обязанности.

В аспекте сказанного заслуживает особого внимания качественный профессиональный отбор кандидатов на приобретение статуса адвоката как одно из основных направлений по предупреждению профессионально-нравственной деформации. Представляется целесообразным в данном направлении разработать методику тестирования, позволяющую определять морально-этический уровень лица, претендующего на приобретение статуса адвоката, после успешного прохождения которого претендент допускается к сдаче квалификационного экзамена.

Полагаем, возможностью проведения психологического тестирования следует наделить также Совет адвокатской палаты при совершении адвокатом неоднократно дисциплинарных проступков. Это в свою очередь позволит выявить признаки профессиональной деформации на ранних этапах и принять определенные меры с тем, чтобы приостановить их дальнейшее развитие. В качестве таковых могут выступать профессиональная переподготовка адвокатов или повышение квалификации.

Л.А. Скабелина, к примеру, предлагает проведение тренингов профессионального и личностного роста адвокатов. Занятия в группах, - убеждена психолог, - помогают участникам не только справиться с временными трудностями, осознать внутренние ресурсы для решения своих проблем, но и повышают общую психологическую компетентность участников [2].

Во-вторых, с нашей точки зрения, необходимо усовершенствовать процедурные основы дисциплинарного производства. В частности, следовало бы расширить полномочия квалификационных комиссий, наделив их правом принимать решение по существу жалобы. Это в свою очередь будет способствовать более быстрому разрешению дисциплинарных производств, поскольку, как свидетельствует обобщение адвокатской практики, Советы адвокатских палат, в основном, соглашаются с заключениями квалификационных комиссий.

Подобное нововведение будет способствовать объективности дисциплинарного производства, в силу того, что состав квалификационных комиссий разнородный по своему статусу, в отличие от Совета адвокатской палаты, состоящего исключительно из представителей профессии, что не исключает отставание корпоративного интереса в первую очередь.

Вполне обоснованным представляется также предложение конкретизировать основания дисциплинарной ответственности, влекущие за собой определенные унифицированные меры ответственности. При этом вопросы дисциплинарного порядка должны быть урегулированы не в Кодексе профессио-

нальной этики адвоката, поскольку это, прежде всего, этический документ, а в отдельном акте, например, Положении о порядке рассмотрения жалоб и представлений в отношении адвокатов.

В предупреждении деформационных проявлений в адвокатской практике немаловажное значение играет в том числе:

- создание благоприятной социально-психологической и нравственной обстановки в коллективе преимущественно, когда речь идет о таких формах адвокатских образований как коллегии и адвокатские бюро;

- адекватное распределение нагрузки при заключении соглашения на оказание юридической помощи сообразно физическим возможностям адвоката, а не материальным соображениям.

Таким образом, исследование вышеобозначенной проблематики позволяет с уверенностью утверждать, что пригодность личности к адвокатской профессии зависит в первую очередь от наличия определенных черт характера, на основе которых в процессе получения специальных знаний и навыков будут сформированы такие профессионально-деловые качества, которые необходимы для успешного выполнения указанного вида деятельности и будут выступать неким барьером на пути профессионально-нравственного деструктивного изменения личности.

Список литературы

1. Зеер, Э.Ф. Психология профессий [Текст] / Э.Ф. Зеер. – М., 2005.
2. Скабелина, Л.А. Проблемы профессиональной деформации личности адвоката [Текст] / Л.А. Скабелина // Адвокат. - 2009. - №2.

УДК 343.13

А.Ф. Реховский, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

О ДОКТРИНЕ КОМПРОМИССА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена постановке проблемы о доктрине компромисса в уголовном процессе. Отмечены тенденции расширения компромиссных процедур в осуществлении правосудия по уголовным делам.

Изменения в российском обществе в конце XX – начале XXI вв. неизбежно повлекли за собой изменения во взглядах на мир и место человека в нем, на отношения людей к окружающей их действительности и к самим себе. Дан-

ные тенденции нашли свое отражение и в сфере уголовного процесса, вызвав необходимость осмысления новой концепции уголовного судопроизводства, взаимоотношений личности и государственной власти, правовых возможностей защиты интересов личности, государства, общества в сфере уголовного судопроизводства.

Благодаря качественному изменению взгляда на сущность уголовного процесса стало возможным усиление в отечественных процессуальных процедурах консенсуального начала [1, с.2].

Как нельзя лучше, актуальность исследования доктрины компромисса в уголовном процессе выражают следующие слова русского ученого П. И. Люблинского: «Выяснение принципов, на которых построен этот порядок, образующий собой уголовный процесс, установление границ для применения легального и диспозитивного начала по отношению к каждому действию, изучение их формы и юридической силы - вот основная цель процессуалиста. Как всякий публицист, процессуалист стоит на страже этого «публичного порядка», который создан веками правового развития против произвола власти, а в истолковании и усовершенствовании его он должен видеть свое научное призвание» [2, с.44].

По общему правилу любая доктрина делится на *официальную*, создаваемую на национальном уровне или наднациональном и *научную*, создаваемую в университетах и иных научных объединениях.

Применительно к компромиссу в уголовном судопроизводстве России пока не существует ни официальной, ни научной доктрины. Как справедливо отмечал Х.Д.Аликперов «...по сей день теоретические вопросы допустимости компромисса в борьбе с преступностью еще не стали предметом дальнейшего комплексного исследования в юридической литературе. Между тем и на концептуальном уровне, и в законодательстве, и в правоприменительной практике эта проблема реально существует и необходимость ее дальнейшей разработки давно стала очевидной и настойчиво «стучится в дверь» ученых и законодателя» [3, с.10].

Компромисс (от лат. *compromissum* - соглашение, достигнутое путем взаимных уступок или соглашение путем взаимной уступки при столкновении каких-нибудь интересов, стремлений) [4].

В юридической науке отдельные вопросы компромисса стали предметом исследований в уголовном праве [5], в уголовно-процессуальной науке [6] и отчасти в криминалистике [7]. Но в целом доктрина компромисса как идея или концепция только начинает формироваться.

В уголовном праве идею компромисса впервые выдвинул Х.Д.Аликперов. В начале 90-х годов прошлого века его идея носила революционный характер, поскольку борьба с преступностью в советский период носила исключительно бескомпромиссный характер. В своих исследованиях

Х.Д.Аликперов пришел к выводу о том, что среди многообразия понятий и форм компромисса в различных сферах общественной жизни (политической, социальной, межличностной и др.) в борьбе с преступностью допустим только разумный компромисс. Характеризуя разумный компромисс, Х.Д.Аликперов писал: «Социальная ценность этого вида компромисса заключается в том, что не противоречит морально-нравственным устоям общества, достигается без применения насилия на основе взаимно приемлемых уступок конфликтующих сторон и направлен на исчерпывающее разрешение конфликта» [8, с.20].

Представляется, что термин «разумный компромисс» для юридической науки не совсем точен, поскольку он предполагает возможность существования противоположного компромисса с приставкой «не». По нашему мнению, более правильным будет использование термина «правовой компромисс» или просто «компромисс».

В дальнейшем в юридической литературе термин «компромисс» стал рассматриваться как способ разрешения уголовно-правового конфликта, возникший в результате преступления.

Как справедливо отмечает Ю.В.Кувалдина «Обращение к уголовно-процессуальным системам различных стран показало, что разрешение конфликтов в сфере уголовной юстиции происходит двумя способами – путем использования традиционных уголовно-процессуальных средств - уголовного преследования и наказания, или путем достижения компромисса между сторонами» [9, с.13].

Компромиссное разрешение уголовно-правового конфликта присуще составительному уголовному процессу, который характеризуется широким действием диспозитивности.

Представляется, что для обоснования доктрины компромисса в уголовном процессе необходимо использовать положения концепции публичного и диспозитивного начал в уголовном судопроизводстве, разработанную Л.Н.Масленниковой в 2000 году [10].

Согласно этой концепции в уголовном судопроизводстве категория «интерес» выступает как побудительная сила, приводящая в движение всю систему уголовного судопроизводства. Интересы в уголовном судопроизводстве детерминированы потребностями охраны (ст. 2 УК РФ) и защиты личности (ст.6 УПК РФ). Правовой компромисс между интересами личности, и государства может рассматриваться как выражение сущности публично-правовой природы уголовного судопроизводства, а само уголовно-процессуальное право как средство *правового компромисса* (выделение наше – А.Р.) интересов в уголовном судопроизводстве [10, с.29].

Особый порядок судебного разбирательства по уголовным делам в России отражает процесс взаимопроникновения двух правовых систем – англосаксонской и континентальной. Две главы УПК РФ (40 и 40.1) посвящены двум

формам компромисса, известным в США как «сделка о признании» (plea bargaining) и сделка о сотрудничестве. Хотя в национальном законодательстве данные формы компромисса не воспринимаются и не применяются так же как в США.

В настоящее время в судебной практике наблюдается общая тенденция, когда число уголовных дел рассмотренных в особом порядке превышает количество дел, рассмотренных в общем порядке. 19.02.2013 г. Председатель Верховного Суда РФ В.Лебедев в своем докладе на семинаре-совещании судей отметил, что «Один миллион лиц был привлечен к уголовной ответственности. При этом в общем порядке было рассмотрено 40% дел, и из них оправданы 5% или 19 тысяч человек» [11]. Таким образом, 60% уголовных дел рассматривалось судами в особом порядке. Можно предположить, что число уголовных дел, рассматриваемых судами по упрощенной процедуре, будет расти. К такому выводу мы приходим из анализа законопроекта Министерства юстиции РФ, внесенного в Государственную Думу Правительством РФ 07.12.2012 года «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». В нем предлагается изменить формулировку части первой статьи 314 УПК РФ, согласно которой расширяется перечень преступлений, дела о которых могут быть рассмотрены в особом порядке, наказание за которые не превышает 15 лет свободы [12]. Очевидно, что законодатель последовательно работает над тем, чтобы особый порядок судебного разбирательства стал основным, приближаясь к американским стандартам правосудия по уголовным делам, где более 90% уголовных дел рассматривается по упрощенной процедуре.

Такая тенденция вызывает определенную настороженность по следующим причинам.

Во-первых, по итогам рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке вынесение оправдательного приговора полностью исключается.

Во-вторых, назначение наказания подсудимому, как в общем, так и в особом порядке, проводится по единым правилам. Из текста ч. 7 ст. 316 УПК следует, что наказание, которое выносится в особом порядке, должно быть примерно на треть меньше назначаемого за аналогичное преступление при рассмотрении в общем порядке. Но, согласно результатам проведенного исследования практики назначения наказания при использовании особого порядка за 10 прошедших лет, такой зависимости нет. *По абсолютным цифрам наказание, назначенное в особом порядке, либо идентично наказанию, назначенному в общем порядке, либо отличается незначительно, а иногда даже превышает его.* Установлена следующая закономерность: чем больше верхний предел санкции по статье, тем меньше различий между ними.

Можно констатировать, что применение особого порядка судебного разбирательства в большинстве случаев не приводит к реальному смягчению наказания для подсудимого. Более того, при назначении наказания в особом по-

рядке используются более жёсткие правила назначения наказания, нежели при рассмотрении дела в общем порядке [13].

В-третьих, при рассмотрении дела в особом порядке всегда существует риск осуждения невиновного.

Подсудимый может принять на себя чужую вину. Наиболее опасен самоговор, вызванный уговорами, ложными обещаниями, угрозами и другими незаконными действиями следователя. Мы солидарны с мнением И.Л. Петрухина, который считает, что «... желательно в какой-то мере восстановить судебное следствие, в частности, ввести обязательный допрос подсудимого, а при необходимости – исследование и некоторых других доказательств. Наиболее радикальный вариант – право суда перейти к рассмотрению дела в общем порядке по ходатайству стороны или по своей инициативе» [14, с.105].

Подводя итог, полагаем, что дальнейшее развитие компромиссных процедур является общей тенденцией в отправлении правосудия по уголовным делам. Вместе с тем, упрощенный порядок судебного разбирательства требует безусловного соблюдения прав обвиняемого и других заинтересованных участников процесса с тем, чтобы задачи раскрытия и расследования преступлений не стали главенствовать над общей целью правосудия.

Процедуры особого порядка судебного разбирательства требуют совершенствования. Для этого необходимо разработать доктрину компромисса на основе фундаментальных исследований в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и других наук и предложить ее законодателю.

Список литературы

1. Михайловская, И. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Текст] / И. Михайловская // Российская юстиция. - №7.
2. Люблинский, П. И. Новая теория уголовного процесса [Текст] / П.И. Люблинский // Журнал Министерства юстиции. - №1. - Петроград, 1916.
3. Аликперов, Х.Д. Актуальные проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью [Текст] / Х.Д. Аликперов // Актуальные проблемы прокурорского надзора. Выпуск №4. Компромисс как эффективное средство борьбы с преступностью. Проблемы совершенствования системы повышения квалификации прокурорско-следственных работников. Сборник статей. – М., 2000. – 116 с.
4. Большой словарь иностранных слов [Текст] / Издательство «ИДДК», 2007.
5. Аликперов, Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью [Текст] / Х.Д. Аликперов // Дисс. ...д-ра юрид. наук. – М., 1991.
6. Абшилава, Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации [Текст] / Г.В. Абшилава // Автореф. ...д-ра. юрид. наук. М., 2012. 55 с. и др.
7. Попова, И.А., Полстовалов, О.В. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве [Текст] / И.А. Попова, О.В. Полстовалова. - М. Юрлитинформ, 2013г. 168 с.
8. Аликперов, Х.Д., Зейналов, М.А. Компромисс в борьбе с преступностью [Текст] / Х.Д. Аликперов, М.А. Зейналов. - М., 1999. – 84 с.

9. Кувалдина, Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. [Текст] / Ю.В. Кувалдина // Дисс. ... канд. юрид. наук. - Самара, 2011. - 272 с.
10. Масленникова, Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: [Текст] / Л.Н. Масленникова // Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2000. - 46 с. - Библиогр. : с. 43 - 46.42 ссылок.
11. Доклад Председателя Верховного суда РФ В. Лебедева [Электронный ресурс] // URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20130219/266451615.html (дата обращения: 27.02.2013).
12. Законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.minjust.ru/node/2694> (дата обращения: 11.12.2012).
13. Титаев К.Д., Поздняков М.Л. Порядок особый – приговор обычный: практика применения особого порядка судебного разбирательства (гл.40 УПК РФ) в российских судах [Электронный ресурс] // URL: http://www.enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/pm_gl_40_UPK_fin.pdf (PDF 599.94 KB) / (дата обращения: 12.01.2013).
14. Петрухин, И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть II [Текст] / И.Л. Петрухин. – М.: ТК Велби, 2005. – 192 с.

УДК 343.1

М.Г. Решняк, кандидат юридических наук, доцент, профессор Международного юридического института, г. Москва

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ

В статье выделяются и анализируются некоторые проблемы применения принципов действия уголовного законодательства в пространстве, предлагаются пути совершенствования соответствующих уголовно-правовых норм.

Действие норм уголовного права любого государства осуществляется в присущих ему сферах - во времени и в пространстве. При этом пространственные пределы действия национальных уголовно-правовых норм имеют значение не только для российского, но и для зарубежного и международного уголовного права. Это объясняется тем, что действие национальных уголовно-правовых норм может распространяться как на территорию государства, принявшего данные нормы, так и вне его территории, то есть в данном случае речь идет об экстерриториальном действии таких норм [4. С.3].

В юридической литературе экстерриториальное действие закона достаточно часто характеризуется как свойство частного права, способного регулировать отношения, включающие иностранный элемент. Это связано с тем, что за пределы государственной территории чаще выходят именно нормы частного

права, тогда как распространение за государственную границу публичных норм можно рассматривать как исключение из общего правила.

Отметим, что установление пределов действия национальных уголовно-правовых норм может осуществляться посредством не только внутригосударственного, но еще и международного права. При этом для «внутригосударственного права характерна тенденция к экспансии национального правового порядка и, соответственно, к максимальному ограничению иных правовых порядков. Для международного же права наиболее характерно воздействие, ориентированное на установление ограничений для национальных правовых порядков» [4. С.4].

Принятый в 1996 г. УК РФ впервые на законодательном уровне определил понятие пространства, в пределах которого действует уголовное законодательство, причем соответствующие нормы не отличаются стабильностью, поскольку зависят от международного права, а именно от имплементации в российскую правовую систему положений об экстерриториальном действии соответствующего законодательства.

Так, УК РФ 1996г. вновь закрепил реальный принцип действия уголовного закона в пространстве, а также содержит и некоторые новеллы, в целом соответствующие международным стандартам и не противоречащие историко-правовым традициям нашей страны. Наиболее существенные изменения и дополнения, коснувшиеся действия уголовного закона в пространстве, были внесены Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ [1. Ст.3452], причем, на наш взгляд, и в настоящее время нельзя говорить об отсутствии проблем законодательной регламентации пространственных пределов уголовно-правовых норм.

В теории уголовного права принято выделять следующие основные принципы действия уголовного закона в пространстве:

- 1) территориальный принцип;
- 2) принцип гражданства (персональный принцип);
- 3) реальный принцип;
- 4) универсальный принцип;
- 5) международный принцип выдачи преступников.

На указанных принципах основываются положения статей 11, 12 и 13 УК РФ, а международно-правовой принцип выдачи преступников, кроме того, получил закрепление в ст. 63 Конституции Российской Федерации. В данной статье рассмотрим отдельные проблемы реализации одного из принципов действия уголовного закона в пространстве – принципа гражданства.

Поскольку территориальный принцип не охватывает все возможные варианты ответственности российских граждан и лиц без гражданства, а также в отдельных случаях и иностранных граждан за уголовно наказуемые деяния по УК РФ, он дополняется принципом гражданства, а также реальным и универ-

сальным принципами действия уголовного закона в пространстве. Положения, раскрывающие указанные принципы, изложены в ст. 12 УК РФ. Необходимо учитывать изменения в редакции данной статьи, внесенные нормами Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ [1. Ст.3452].

Принцип гражданства заключается в том, что граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в ней лица без гражданства, совершившие вне пределов нашей страны преступление против интересов, охраняемых УК РФ, подлежат уголовной ответственности в соответствии с данным Кодексом, если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства (ч. 1 ст. 12 УК РФ).

Отметим, что при буквальном прочтении ч. 1 ст. 12 УК РФ в действующей редакции может сложиться мнение, что в соответствии с принципом гражданства для привлечения к уголовной ответственности необходимо, чтобы совершенное лицом общественно опасное деяние признавалось преступлением по УК РФ независимо от того, является ли это деяние преступным по уголовному законодательству государства места совершения соответствующего деяния. Вместе с тем представители теории уголовного права пытаются увидеть в тексте ч. 1 ст. 12 УК РФ так называемую волю законодателя, направленную, по их мнению, на недопущение привлечения к уголовной ответственности по УК РФ за деяние, не признаваемое преступлением в стране его совершения [3. С.34]. Полагаем, что однозначное устранение сомнений по поводу единообразного толкования ч. 1 ст. 12 УК РФ возможно только за счет законодательного совершенствования редакции последней. Поэтому в настоящее время следует исходить из положений принципа презумпции невиновности, и понимать ч. 1 ст. 12 УК РФ следующим образом: лицо привлекается к ответственности по уголовному законодательству Российской Федерации, если деяние, совершенное им в другой стране, одновременно признается преступлением по уголовному закону последней и направлено против интересов, охраняемых УК РФ.

Полагаем, что первоначальная редакция ч. 1 ст. 12 УК РФ была более правильной с позиции принципов законности, вины и справедливости, поскольку однозначно не позволяла привлекать к ответственности российских граждан и постоянно проживающих в России лиц без гражданства по статьям УК РФ, если совершенное ими в другой стране деяние не рассматривалось по законодательству последней в качестве преступления. Кроме того, при привлечении к уголовной ответственности по УК РФ учитывались санкции статей уголовного законодательства той страны, где было совершено преступление, дабы не превысить существовавший там высший предел того или иного вида наказания. По нашему мнению, именно такую редакцию ч. 1 ст. 12 УК РФ следовало взять за общее правило, а в качестве исключения из него указать те виды преступлений, которые наказываются в соответствии с принципом граж-

данства независимо от их уголовной противоправности либо отсутствия таковой в государстве совершения соответствующих деяний. Учитывая наименование Федерального закона, внесшего указанные изменения, к таким преступлениям следовало отнести деяния, относящиеся в соответствии с примечанием 1 к ст. 205.1 УК РФ к террористической деятельности.

Важно иметь в виду, что наличие приговора (обвинительного либо оправдательного), а равно иного решения суда иностранного государства в отношении российского гражданина или лица без гражданства, постоянно проживающего в Российской Федерации, вынесенного (принятого) в связи с деянием, совершенным на территории иностранного государства, исключает возможность привлечения данных лиц к уголовной ответственности по УК РФ за это же деяние, несмотря на их возвращение в Россию.

В качестве еще одного недостатка ч. 1 ст. 12 УК РФ в действующей редакции отметим, что используемое в ней словосочетание «решение суда иностранного государства» может трактоваться двояко: во-первых, узко, а именно только как приговор соответствующего суда; во-вторых, широко, то есть как любое решение суда иностранного государства, принятое в рамках не только уголовного, но и, например, административного либо гражданского законодательства.

Принцип гражданства распространяется и на военнослужащих воинских частей Российской Федерации, совершивших преступление за пределами России, например, в Таджикистане, Молдавии, Республике Армения, в которых на основе двухсторонних договоров расквартированы российские воинские подразделения. В ч. 2 ст. 12 УК РФ устанавливается, что указанные лица в подобных ситуациях несут ответственность по российскому уголовному законодательству, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

Последнее положение, касающееся уголовной ответственности военнослужащих российских воинских частей, дислоцирующихся за рубежом, в теории уголовного права еще именуют принципом специальной миссии [2. С. 13].

Данный принцип действует при вводе войск на территорию иностранного государства по согласованию с этим государством. При этом согласно условиям договоренностей государств по делам о преступлениях, совершенных указанными лицами, а также членами их семей, применяется уголовное законодательство страны пребывания, то есть используется территориальный принцип. Таким образом, положение, закрепленное в ч. 2 ст. 12 УК РФ, следует рассматривать как исключение из общего правила, позволяющее привлекать таких военнослужащих к ответственности по УК РФ за преступления, совершенные в стране пребывания. Полагаем, что указанные преступления должны быть направлены против интересов Российской Федерации (в том числе преступления против военной службы) либо ее граждан, а равно постоянно про-

живающих в России лиц без гражданства.

Отметим, что в договорах о юрисдикции и правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Российской Федерации за границей, в понятие «лица, входящие в состав воинских формирований Российской Федерации» могут включаться не только военнослужащие, но, зачастую, еще и гражданский персонал таких воинских формирований, члены семей военнослужащих и гражданского персонала (не являющиеся гражданами государства пребывания) и лица, откомандированные российской стороной в данные воинские формирования.

Представляется неверным и противоречащим уголовному закону распространение действия ч. 2 ст. 12 УК РФ еще и на военнослужащих, находящихся в иностранном государстве на официальном основании, но не в составе воинской части (например, в качестве военных специалистов), если, конечно, иное не предусмотрено международным договором.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (часть I).
2. Князев, А. Г. Действие уголовного закона в пространстве [Текст] / А.Г. Князев // Дисс. ... канд. юрид. наук. - Ульяновск, 2006.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / Под ред. А.В. Бриллиантова. - М.: Проспект, 2010.
4. Хаснутдинов, Р.Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона [Текст] / Р.Р. Хаснутдинов // Дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007.

УДК 343.13

Т.К. Рябинина, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ВЛИЯНИЕ ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА УКРЕПЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассмотрены вопросы взаимодействия права и морали в сфере уголовного судопроизводства, продемонстрировано все большее наполнение правовых предписаний, ка-

В уголовном процессе, как и в других сферах общественной жизни, регулятором поведения людей, средством организации взаимоотношений между ними служат не только правовые нормы, но и нормы морали. При этом взаимосвязь права и морали в уголовном судопроизводстве характеризуется двумя основными тенденциями: это взаимное сближение права и морали и расширение сферы действия морального фактора в правовых отношениях и нормах.

Успешное применение процессуальных норм невозможно без уяснения нравственных принципов, которыми руководствовался законодатель, возводя правила поведения в ранг правовых. Большинство норм права, определяющих задачи, сущность, исходные положения уголовного процесса и отношения его участников, отражают нравственные начала, соответствуют принципам морали. Прежде всего, это касается норм, в которых закреплены принципы уголовного процесса. Каждый принцип уголовного процесса (законности, состязательности сторон, презумпции невиновности, обеспечения права обвиняемого на защиту и пр.) наполнен глубоким нравственным содержанием. Посредством принципов в уголовном судопроизводстве провозглашаются общечеловеческие ценности, формируется представление о нравственно должном в поведении людей, об отношениях государства и личности, об условиях выживания в современном обществе [2, с.35-40].

Многие правовые предписания возникли на основе соответствующих моральных представлений, суждений и правил, например, правила об отводе следователя, прокурора, судьи; обязанности органов расследования, прокуратуры и суда принять меры попечения о детях и охраны имущества заключенного под стражу; запрете разглашать обстоятельства интимной жизни, выявленные при обыске или выемке; производстве допроса, личного обыска, освидетельствования, следственного эксперимента; обязанности председательствующего при совещании судей подавать свой голос последним и т.д. [3, с.43-53].

В последние годы в связи с реализацией задач по осуществлению судебной реформы в процессуальном законодательстве увеличивается число норм, имеющих характер нравственных требований, расширяется применение нравственного воздействия как средства, обеспечивающего исполнение правовых норм. Это нормы о расширении права на защиту, свидетельском иммунитете, введении суда присяжных, института реабилитации, расширении судебных полномочий на досудебных стадиях, лишении судебной деятельности обвинительных начал, укреплении процессуального положения личности в уголовном процессе.

Развитие нравственных начал уголовного судопроизводства напрямую связано с совершенствованием процессуального положения личности как учас-

тника уголовно-процессуальных отношений, с дальнейшим расширением прав обвиняемого, потерпевшего и других лиц с целью повышения эффективности их участия в уголовном судопроизводстве [6, с.25].

Особое проявление нравственные начала находят в принципах уважения чести и достоинства личности; охраны тайны частной жизни граждан; охраны их прав, свобод и законных интересов. От того, насколько верно понимается содержание данных категорий дознавателем, следователем, прокурором, судьей, во многом зависит законность и обоснованность производства процессуальных действий, установление благоприятного морального климата во время производства по уголовному делу, что в свою очередь ведет к успешным результатам в достижении целей уголовного судопроизводства, ограждает участников процесса от необоснованного причинения им морального ущерба [4, с.125; 2, с.184].

Никто и ни при каких обстоятельствах не вправе посягать на честь и достоинство человека. Данный вывод имеет прочную опору в международно-правовых актах, таких как Всеобщая декларация прав человека (ст. 5), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 7), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 3), Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (ст. 1), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (ст. 1), а также в Конституции РФ (ст. 21). В противном случае гражданину причиняется моральный вред. В чем это проявляется?

Честь страдает оттого, что сведения, порочащие человека, дискредитирующие его в глазах окружающих, становятся достоянием окружающих. В подобных случаях говорят, что человек опорочен или опозорен, что его постигло бесчестье. Соответственно, сведения, о которых идет речь, именуется порочащими, позорящими. Типичным посягательством на честь является клевета, которая в уголовном законе определяется как распространение заведомо ложных, позорящих потерпевшего измышлений. Ущерб достоинству выражается в понятии «унижение». Типичным примером посягательства на данную моральную ценность является оскорбление, проявлениями которого являются пытка, жестокое и бесчеловечное отношение к человеку.

Само по себе производство по уголовному делу с унижением достоинства человека и его бесчестьем не связано. Однако в ходе расследования уголовного дела и его рассмотрения в суде правоприменителями допускаются действия оскорбительного характера, которые могут выражаться в открытом пренебрежении, грубом, нетактичном обращении следователя (прокурора, судьи) к допрашиваемому; в производстве личного обыска или освидетельствования какого-либо участника процесса, если это связано с его обнажением, в присутствии лиц другого пола; в проведении допроса, обыска, ареста в ночное время,

если нет на то крайней необходимости; в применении к обвиняемому без острой надобности наручников; в глумлении и даже пытке.

Иное дело, когда речь идет о нанесении ущерба чести (престижу, репутации, доброму имени) в результате проведения правомерных процессуальных действий. Так, сам факт уголовного преследования лица, доведение до сведения общественности того факта, что оно подозревается либо обвиняется в совершении преступления либо осуждено за преступление, наносит ощутимый урон репутации человека. А каждое действие, предпринимаемое следователем, прокурором, судом с целью отыскания доказательств, в отношении конкретного лица, умаляет его авторитет, тем более, что многие из них: задержание подозреваемого или арест, принудительный привод, отстранение от должности, обыск, выемка, письменные требования о предоставлении характеристик, справок, назначении ревизии, и тем более вынесение обвинительного приговора, не могут оставаться незамеченными для окружающих и влекут чаще всего отрицательную моральную оценку личности. Безусловно, изоляция общества от данной информации не допустима, однако не менее важно обеспечить действенность новых норм УПК о реабилитации, предусматривающих принесение прокурором официального извинения от имени государства и опубликование в средствах массовой информации опровержений. Важно, чтобы «восстанавливающая» репутация информация с той же легкостью доходила до общества, что и криминальная хроника.

В Конституции РФ в одном ряду с правом на защиту чести и достоинства стоит право граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. При этом установлено, что ограничение данного права допускается только на основе судебного решения. Уголовно-процессуальное законодательство дополняет конституционные положения о неприкосновенности личной жизни, личной и семейной тайны своими специфическими гарантиями, в частности в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц в исключение принципа гласности допускается проведение закрытого судебного разбирательства (ст. 241 УПК); закон обязывает следователя принять меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске и выемке обстоятельства интимной жизни лица, занимающего обыскиваемое помещение, или других лиц (ч. 7 ст. 182 УПК); запрещает участникам уголовного процесса разглашать данные предварительного следствия без разрешения следователя или прокурора (ст. 161 УПК).

Участники уголовного процесса для защиты своих прав и законных интересов при производстве по уголовному делу наделяются необходимыми процессуальными правами. Однако для того, чтобы человек мог реально ими воспользоваться, он должен быть осведомленным об их сущности, а потому на

правоприменителе лежит юридическая и нравственная обязанность ознакомить лицо с процессуальными правами, помочь понять их смысл, разъяснить содержание и правовые последствия, которые могут наступить в случае их реализации, и, наконец, оказать ему содействие в их непосредственном воплощении в жизнь. В УПК РФ эта обязанность нашла отражение в специальной норме (ч.1 ст. 11), ставшей одним из положений принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

И хотя в этой сфере пока существуют отдельные не решенные проблемы (в законе не предусмотрена конкретная форма разъяснения прав участников процесса; не всегда регламентирована процедура их обеспечения), тем не менее, новый УПК создал эффективную систему гарантий прав, свобод и законных интересов граждан, среди которых особо следует выделить впервые введенный в отечественное право институт реабилитации лиц, незаконно подвергнутых уголовному преследованию, применению мер процессуального принуждения или осуждению, которому законодатель посвятил специальную главу [5].

Право на реабилитацию предусмотрено целым рядом международных нормативных актов: Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ч. 5 ст. 5), Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. (ч. 5 ст. 9 и ч. 6 ст. 14), Конвенцией против пыток и других жестоких и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. (ч. 1 ст. 14), Декларацией основных принципов для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г. и др. Статьи 52 и 53 Конституции РФ развивают международные нормы в части возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Не только правовое, но и нравственное значение настоящего института вытекает из положения закона о том, что уголовное преследование и назначение виновному справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК). Тем самым законодатель подтвердил действительное переосмысление в нашем обществе целевой установки уголовного судопроизводства с защиты абстрактных интересов государства на защиту конкретной личности как от преступлений, так и от посягательств со стороны государства в лице его следственно-оперативных органов, и возвел в ранг принципа уголовного процесса положение о том, что вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, установленном законом (ч. 4 ст. 11 УПК).

Нельзя не отметить и важность введения в УПК РФ нового принципа – разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6-1), явившегося, конечно же, в первую очередь, реакцией на негативную оценку Европейским Судом по правам человека российской правоприменительной практики по уголовным делам, отличающейся длительными сроками судопроизводства и содержания невиновных лиц под стражей. С одной стороны, использование оценочного понятия «разумность» может осложнить правоприменительную практику. Но с другой стороны, заинтересованные лица теперь могут повлиять на ускорение рассмотрения дела судом и самое главное, получить материальную компенсацию за нарушение разумного срока судопроизводства.

Таким образом, мораль в уголовном судопроизводстве «выполняет роль дополнительной гарантии четкого, точного и неуклонного выполнения правовых норм. В этом проявляется ее гарантирующая роль, или иначе – функция моральной гарантии, дополняющей гарантии правовые» [1, с.187]. Соединение требований морали и права должно помочь решительно покончить с проявлениями предвзятости, тенденциозного подхода при проведении дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства, волокиты, черствости, безразличия к судьбам людей.

Список литературы

1. Бойков, А.Д. Уголовное судопроизводство и судебная этика. Курс советского уголовного процесса. Общая часть [Текст] / А.Д. Бойков. - М., 1989.
2. Дворянкина, Т.С. Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства [Текст] / Т.С. Дворянкина // Дисс. ...канд. юрид. наук. - М., 2006.
3. Кобликов, А.С. Юридическая этика [Текст] / А.С. Кобликов. - М., 2005.
4. Москалькова, Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания [Текст] / Т.Н. Москалькова. - М.: Изд-во «Спарк», 1996.
5. Подробно об институте реабилитации см.: Москалькова, Т. Новые подходы к содержанию института реабилитации в УПК РФ 2001 года [Текст] / Т. Москалькова // Уголовное право. - 2002. - № 2; Химичева, О. Реабилитация в уголовном судопроизводстве [Текст] / О. Химичева // Законность. - 2003. - № 9; Трунов, И.Л. Проблемы законодательного регулирования реабилитации в уголовном процессе [Текст] / И.Л. Трунов // Адвокатская практика. - 2004. - № 2; Рохлин, В., Миронов, М. Институт реабилитации [Текст] / В. Рохлин, М. Миронов // Законность. - 2007. - № 5; Амирбекова, Г.Г. Процессуальная форма и проблемы реабилитации в уголовном судопроизводстве [Текст] / Г.Г. Амирбекова // Российский судья. - 2008. - № 7; Супрун, С.В. О реабилитации невиновных в Российской Федерации [Текст] / С.В. Супрун // Российский судья. - 2010. - № 10 и др.
6. Уголовный процесс: Учебник [Текст] / Под ред. Г.Ф. Гуценко. - М.: Зерцало, 1997.

УДК 343.1 (497.11)

А.А. Сизов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СЕРБИИ

Автор рассматривает функции по уголовно-процессуальному законодательству Сербии.

Согласно УПК Сербии функцию обвинения в уголовном процесс выполняют несколько лиц.

Во-первых, Государственный прокурор. Согласно ст. 46 УПК основное полномочие и главная функция Государственного прокурора заключается в предъявлении обвинении лицам, совершившим уголовные преступления. Государственный прокурор, в отношении уголовных преступлений, подлежащих, общественному обвинению, имеет право:

- а) вести предварительное судебное рассмотрение дела;
- б) требовать проведения расследования и руководить предварительным судебным рассмотрением дела;
- в) предъявлять и требовать вынесения обвинительного акта или ходатайства об обвинении по обвинительному акту до того, как у суда будет такая юрисдикция;
- г) подавать апелляцию на решение суда до того, как оно станет окончательным и применять чрезвычайные средства судебной защиты на окончательные решения суда;
- д) осуществлять иные действия в соответствии с законом.

Все должностные лица, принимающие участие в предварительном судебном рассмотрении дела, обязаны информировать правомочного Государственного прокурора обо всех предпринятых действиях. Офицеры полиции и другие государственные должностные лица, правомочные раскрывать совершенные уголовные преступления, обязаны осуществлять процессуальные действия по любому запросу правомочного Государственного прокурора.

Территориальная подведомственность Государственного прокурора определяется в соответствии с положениями, в которых описывается юрисдикция суда в пределах территории, к которой предписан Государственный прокурор (ст. 48 УПК).

В соответствии со ст. 50 УПК Государственный прокурор осуществляет процессуальные действия, на которые его уполномочивает закон, он сам или лицо, представляющее его в уголовном судопроизводстве, в соответствии с законом.

На основании ст. 51 УПК споры по подсудности между Государственными прокурорами должны незамедлительно решаться вышестоящим Государственным прокурором.

Во-вторых, потерпевший и частный обвинитель.

В отношении уголовных преступлений, против которых выдвинуто обвинение по ходатайству или по частному обвинению, ходатайство или частное обвинение представляется в течение трёх месяцев со дня, когда уполномоченное лицо узнало об уголовном преступлении и о преступнике (ст. 53). Если частное обвинение выдвигается по делу, включающему оскорбление, обвиняемый может до завершения судебного разбирательства выдвинуть встречное обвинение против истца, который ответил на оскорбление оскорблением. В данном случае суд выносит единое решение.

На основании ч. 1 ст. 54 УПК ходатайство по обвинению подается на рассмотрение правомочному Государственному прокурору, а частное обвинение - суду, обладающему юрисдикцией по делу. Если потерпевший сообщает об уголовном преступлении или заявляет ходатайство о возмещении вреда, считается, что он заявляет ходатайство об обвинении (ч. 2). Согласно ч. 3 ст. 54 когда потерпевший сообщает об уголовном преступлении или заявляет ходатайство о возмещении вреда и в ходе судебного разбирательства становится известно, что предмет уголовного преступления относится к частному обвинению, то сообщение о преступлении или ходатайство будет считаться своевременным частным обвинением, если представлено в срок, установленный для представления частного обвинения. Частное обвинение, предъявленное в установленный срок, считается своевременным ходатайством потерпевшего, если в ходе судебного разбирательства выяснилось, что против уголовного преступления выдвинуто обвинение по ходатайству.

В отношении несовершеннолетних или лиц, признанных недееспособными, ходатайство или предъявляет частное обвинение подает опекун. Вместе с тем, несовершеннолетний, достигший возраста 16 лет и старше, также может сам подать ходатайство или предъявить частное обвинение (ст. 55).

На основании ст. 57 УПК, если от одного уголовного преступления пострадали несколько человек, судебное преследование будет основано или продолжено по ходатайству или частному обвинению любого из пострадавших.

Интересно отметить, что потерпевший и частный обвинитель могут в ходе судебного разбирательства подать в суд заявление об отзыве ходатайства об обвинении или частного обвинения до окончания судебного процесса. В этом случае они лишаются права вновь подать ходатайство или предъявить обвинение (ст. 58).

В случае, если частный обвинитель не явился в процесс несмотря на то, что он был извещен должным образом, или судебная повестка не была вручена ему, поскольку он известил суд об изменении адреса или места жительства,

считается, что частное обвинение отозвано, если иное не установлено ст. 445 УПК. Председатель состава предоставляет частному обвинителю восстановление прежнего правового положения, который по уважительной причине не смог явиться на слушание дела или сообщить суду об изменении адреса или места жительства, при условии, что он подал ходатайство о восстановлении правового положения в течение восьми дней после устранения препятствия неявки (ст. 59). По истечении трех месяцев со дня неявки, восстановление прежнего правового положения не может быть заявлено. Решение о предоставлении восстановления прежнего правового положения не может быть предметом апелляции. Решение о прекращении производства вступает в силу после окончания срока на обжалование.

На основании ч. 1 ст. 60 в ходе расследования потерпевший и частный обвинитель имеют право обратить внимание на все факты и представить

важные доказательства для уголовного дела и для своих требований по возмещению вреда. Они вправе представлять доказательства, допрашивать подсудимого, свидетелей и свидетелей-экспертов, пояснять их показания, а также давать другие показания и заявлять другие ходатайства (ч. 2), Пострадавший, дополнительный обвинитель и частный обвинитель имеют право проверять документы и предметы, представленные в качестве доказательств. Согласно ч. 4, судья, ведущий судебное следствие, и председатель состава присяжных должны сообщить пострадавшему частному обвинителю о его правах.

В случае если Государственный прокурор определяет, что отсутствуют основания для возбуждения преследования по делу о публичному обвинению, или когда он определяет, что нет оснований для возбуждения судебного преследования против одного из соучастников Государственный прокурор обязан в течение восьми дней сообщить об этом потерпевшему и уведомить его о возможности взять на себя, обязательства по судебному преследованию (ч. 1 ст. 61 УПК). Потерпевший имеет право возбудить или продолжить судебное преследование в течение восьми дней после получения указанного уведомления. Если Государственный прокурор отзывает обвинительный акт, потерпевший, осуществляя судебное преследование, может добавить обвинение или предъявить новое обвинение. Потерпевший, которому не сообщили, что Государственный прокурор отказался от возбуждения судебного преследования или воздержался от судебного преследования, может в течение трех месяцев со дня, когда Государственный прокурор отклонил сообщение о преступлении, или со дня вынесения решения о прекращении производства, сообщить правомочному суду о том, что он возбуждает или продолжает дело.

Когда Государственный прокурор или суд уведомляет потерпевшего что он может взять на себя обязательство по судебному преследованию, они должны сообщить ему о процессуальных действиях, которые он может предпринять для реализации своего права (ч. 5 ст. 61). Если дополнительный обвинитель

умирает в ходе судебного преследования или во время судебного разбирательства, его супруг, сожитель или лицо, проживавшее с ним в каком-либо другом виде постоянного жизненного союза, дети, родители, приемные дети, приемный родитель или его единокровные братья, сестры могут в течение трех месяцев после его смерти взять на себя обязательства по судебному преследованию или заявить о продолжении судебного производства. Решение о прекращении производства, вынесенное из-за того, что Государственный прокурор воздержался от судебного преследования, вступает в силу после истечения срока на обжалование.

Если Государственный прокурор заявляет во время слушания об отказе от дальнейшего судебного преследования, потерпевший должен заявить немедленно или в течение восьми дней о своем намерении проводить судебного преследование (ст. 62). Если извещенный потерпевший не явился в суд или судебная повестка не была вручена потерпевшему, так как он не сообщил суду об изменении адреса или места жительства, считается, что он не намерен проводить судебное преследование. Председатель совета присяжных суда первой инстанции предоставляет восстановление прежнего правового положения потерпевшему, который не был извещен должным образом, но по законной причине не смог явиться на заседание, в ходе которого было вынесено решение об отказе от обвинения на основании того, что Государственный прокурор отозвал обвинительный акт. При этом должно быть соблюдено условие, что потерпевший подал ходатайство о восстановлении в течение восьми дней после вынесения решения, и если в этом ходатайстве он заявляет о своем намерении продолжить судебное преследование. В этом случае слушание дела должно быть перенесено, а предыдущее судебное решение заменено новым в соответствии с повторным слушанием. Если извещенный надлежащим образом потерпевший не явился на новое слушание, предыдущее судебное решение остается в силе. Решение об отказе от обвинения, вынесенное в этом случае, становится окончательным после истечения срока для подачи ходатайства о восстановлении правового положения.

Если потерпевший не начинает судебного преследования в течение срока, установленного законом, или если дополнительный обвинитель, не является на слушание дела, или судебная повестка не была вручена ему, поскольку он не сообщил суду об изменении адреса или места жительства, считается, что он отказывается от обвинения (ст. 63).

Согласно ст. 64 УПК дополнительный обвинитель в процессе обладает теми же правами, что и прокурор, за исключением тех прав, которые наделяют Государственного прокурора государственной властью. В судебном разбирательстве, проводимом, по запросу дополнительного обвинителя, Государственный прокурор наделен правом принимать на себя обязательства и представлять обвинение до завершения судебного процесса.

В случаях, когда потерпевший является несовершеннолетним или лицом, объявленным полностью недееспособным к осуществлению законных действий, его законный опекун уполномочен делать все заявления и осуществлять все действия, на которые, в соответствии с настоящим Законом, имеет право потерпевший. Потерпевший в возрасте 16 лет и старше может сам делать заявления и осуществлять процессуальные действия.

На основании ст. 66 частный обвинитель, потерпевший и дополнительный обвинитель, так же как и их законные опекуны могут, осуществлять свои процессуальные права через законных представителей. Когда судебное разбирательство проводится по запросу дополнительного, обвинителя по уголовному делу, предусматривающему наказание в виде тюремного заключения сроком на пять и более лет, суд может по заявлению дополнительного обвинителя назначить для него законного представителя. Это возможно, «если это поможет судебному разбирательству и если дополнительный обвинитель в силу своего финансового положения не в состоянии оплатить законного представителя». Судья, ведущий судебное следствие, и председатель состава присяжных принимает по этому поводу решение, а председатель суда назначает законного представителя из числа адвокатуры.

Частный обвинитель, дополнительный обвинитель и потерпевший, также как и их законные опекуны и представители обязаны сообщать суду о любых изменениях адреса и места жительства.

УДК 343.242.4

И.М. Сеница, кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и процесса Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, Республика Беларусь

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЖДЕНИЯ БЕЗ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

В данной статье исследуются проблемы уголовной ответственности лица, осужденного без назначения наказания, в случае установления его виновности в совершении до вынесения приговора другого преступления.

Осуждение без назначения наказания (ст. 79 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Беларуси)) имеет четко приданный статус минимально возможной и допустимой меры уголовной ответственности. Оно занимает особое место в системе мер и форм реализации уголовной ответственности. Наличие подобной меры обусловлено требованиями современной право-

вой доктрины, социально ориентированным состоянием и уровнем развития государства и общества, а также нравственными основаниями и принципами социальной индивидуализации уголовной ответственности. Подобная форма реализации уголовной ответственности не имеет аналога на постсоветском пространстве, является исключительным достоянием отечественного уголовного законодательства и белорусской школы уголовного права.

Осуждая преступника без назначения наказания, суд не освобождает осужденного от системы воздействия и уголовно-правового контроля в течение срока судимости.

В статье 79 УК Беларуси основания и условия применения к преступнику осуждения без назначения наказания формулируется следующим образом: «если в процессе судебного рассмотрения уголовного дела в отношении лица, совершившего впервые преступление, не являющееся тяжким или особо тяжким, будет признано, что вследствие длительного безупречного поведения после совершения преступления это лицо доказало свое стремление к законопослушному поведению и с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного его дальнейшее исправление возможно без применения наказания, но в условиях осуществления за ним профилактического наблюдения, суд может вынести такому лицу обвинительный приговор без назначения наказания».

Условия и собственно основание (совокупное основание) для избрания судом указанной формы уголовной ответственности лицу, совершившему преступление, описаны в законе в формально-правовом и материальном контексте и выражаются в установлении судом соответствующих юридических и фактических обстоятельств. Однако для приведения в соответствие терминологии УК Беларуси Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее по тексту – УПК Беларуси) в статье 79 УК Беларуси следует говорить не «в процессе судебного рассмотрения», а «в процессе судебного разбирательства уголовного дела».

Специфика осуждения без назначения наказания как формы реализации уголовной ответственности определяется ее особым положением в системе мер уголовной ответственности как наиболее мягкой меры в сравнении с иными, предусмотренными уголовным законом. Осужденный без назначения наказания испытывает наименее строгие ограничения своих прав, круг его обязанностей в рамках осуществляемого профилактического наблюдения достаточно узок. Таким образом, применение осуждения без назначения наказания как своеобразной «льготы» для осужденного должно быть в полной мере оправданно с позиции обоснованности и достаточности воздействия данной меры ответственности на преступника.

Все обстоятельства, установленные в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, должны свидетельствовать об отсутствии необходимости в при-

менении к обвиняемому наказания, а равно иных более строгих мер уголовно-правового воздействия для достижения целей уголовной ответственности. Суд должен прийти к такому убеждению на основе прогноза, что ресоциализация осужденного возможна не возмездным (карательным) воздействием, а посредством исправительного и профилактического обязывания осужденного в условиях сохранения свободы и контролируруемости его поведения.

Одним из формализованных условий (обстоятельств) применения к преступнику статьи 79 УК Беларуси является факт совершения лицом преступления впервые.

Указанная формулировка дает основание констатировать, что лицо считается совершившим преступление впервые, если оно ранее фактически не совершало предусмотренного УК Беларуси общественно опасного деяния и соответственно юридически не привлекалось к уголовной ответственности или привлекалось к уголовной ответственности, но совершило преступление после того, как судимость за предшествующее преступление была погашена или снята.

Наличие у виновного судимости говорит о том, что ранее применявшиеся к нему меры уголовной ответственности не достигли поставленных целей, не смогли обеспечить его ресоциализацию и предупредить совершение новых преступлений. При таких обстоятельствах у суда всегда есть серьезные опасения, что лицо в дальнейшем совершит новое преступление. А.Б. Сахаров указывает, что поскольку общественная опасность прежде всего проявляется в факте совершения преступления, то под утратой общественной опасности виновного лица следует понимать такие «изменения в личности, которые позволяют сделать вывод, что оно не будет совершать новых преступлений» [1, с. 188]. В данной ситуации виновный будет представлять общественную опасность, поскольку такие изменения не происходят, что подтверждается фактом совершения преступления при наличии судимости за предыдущее преступление.

Исключает возможность осуждения без назначения наказания и повторность совершения преступления.

То, что виновный впервые совершил преступление, подтверждает отсутствие у него «стойкой антиобщественной мотивации совершения преступлений в будущем» [2, с. 230]. Законодатель исходит из того, что совершенное впервые преступление еще не является прямым свидетельством того, что виновное в нем лицо окончательно и бесповоротно заняло антисоциальную жизненную позицию и имеет стойкие преступные наклонности. В рассматриваемой ситуации есть большая вероятность, что преступление стало своего рода случайностью в его жизни.

В свете иных предусмотренных законом обстоятельств отсутствие у виновного предшествующего преступного опыта может стать достаточно веским

основанием для признания судом возможности достижения целей уголовной ответственности в отношении осужденного без применения карательных санкций. Данное условие во многом обуславливает благоприятный прогноз дальнейшего исправления осужденного без назначения наказания.

Как показало исследование Ю.В. Голика, случайные преступники (прежде всего о них идет речь, когда мы говорим о возможности применения осуждения без назначения наказания), как правило, не совершают в будущем преступлений, хотя исключения бывают [3, с. 136].

Формулировка статьи 79 УК Беларуси позволяет сделать вывод о том, что закон не делает различий между тем, было ли преступление совершено впервые фактически или юридически.

Судам надлежит внимательно исследовать вопрос об отсутствии судимости у лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности.

Факт погашения или снятия судимости к моменту совершения нового преступления должен быть указан в протоколе судебного заседания при выяснении данных о личности обвиняемого. К сожалению, имеют место случаи, когда суды не прослеживают эту ситуацию. Так, по приговору суда Жабинковского района от 30 января 2004 года М. осужден по части 1 статьи 174 УК Беларуси без назначения наказания. Из материалов дела усматривается, что М. был судим ранее (7 октября 1999 года) по части 3 статьи 87 УК Беларуси 1960 года с применением статьи 42 УК Беларуси к штрафу в доход государства в размере 29 млн. рублей. Сведения об уплате штрафа в материалах дела отсутствуют, в связи с чем невозможно проверить, имеется ли у М. судимость или она погашена [4, с. 16].

В судебной практике возможны ситуации, когда после вынесения приговора с осуждением лица без назначения наказания устанавливается, что осужденный виновен и в другом преступлении, совершенном до вынесения приговора. Решение такого рода ситуаций предусмотрено в части 5 статьи 72 УК Беларуси, но только в отношении осужденных с применением назначенного наказания: в срок окончательно назначенного наказания засчитывается наказание, отбытое полностью или частично по первому приговору.

В отношении осужденных без назначения наказания такая ситуация уголовным законом не разрешена. В соответствии со статьей 79 УК Беларуси осуждение без назначения наказания может быть применено только к лицу, впервые совершившему преступление. Факт совершения виновным нескольких преступлений, что не было известно суду на момент рассмотрения дела, ставит под сомнение возможность его исправления при осуждении без назначения наказания и противоречит сути данной меры ответственности. Поэтому, на наш взгляд, суд в обязательном порядке должен отменить первоначальный приговор. Это требование касается всех случаев, когда к лицу была применена одна из мер уголовной ответственности, предусмотренная пунктами 2 – 5 статьи 46

УК Беларуси.

В этой связи часть пятую статьи 72 УК Беларуси необходимо дополнить абзацем вторым следующего содержания:

«Если после осуждения лица в порядке, предусмотренном пунктами 2 – 5 статьи 46 настоящего Кодекса, будет установлено, что осужденный виновен и в другом преступлении, совершенном до вынесения приговора, то такой приговор подлежит отмене в связи с несоответствием назначенного наказания (меры уголовной ответственности) тяжести преступления и личности обвиняемого» (пункт 5 части 1 статьи 388 УПК Беларуси).

Судебная практика показывает, что осуждение без назначения наказания является той нормой уголовного закона, которой уделяется незаслуженно мало внимания. Преодолеть это наряду с собственно модернизацией данной меры (формы) уголовной ответственности, помогло бы уточнение действующего уголовно-процессуального законодательства в отношении ее применения.

Список литературы

1. Сахаров, А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР [Текст] / А.Б. Сахаров. – М.: Госюриздат, 1961. – 279 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь [Текст] / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск: Тесей, 2003. – 1200 с.
3. Голик, Ю.В. Случайный преступник [Текст] / Ю.В. Голик. – Томск: ТГУ, 1984. – 165 с.
4. Григорович, Н. Осуждение без назначения наказания: практика применения ст. 79 УК [Текст] / Н. Григорович // Судовы веснік. – 2005. – № 3. – С. 15 – 16.

УДК 343.12

В.В. Струкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Н.В. Масликова, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ, НАДЕЛЕННЫХ ВЛАСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ²

В настоящей статье авторы рассматривают участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения в зависимости от направления их деятельности - уголовно-

² Статья подготовлена в рамках программы ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009-2013 гг.

процессуальной функции обвинения. Более подробно в настоящей статье исследуется взаимодействие участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, выполняющих функцию обвинения и осуществляющие уголовное преследование в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, а именно прокурора, следователя и руководителя следственного органа.

Уголовное судопроизводство как один из видов юрисдикционной правоохранительной деятельности всегда проистекает в рамках урегулированных нормами уголовно-процессуального права общественных отношений. Содержанием таких отношений являются взаимообусловленные права и обязанности их участников, которые вытекают из назначения уголовно-процессуальной деятельности в целом, а также из задач конкретной стадии, действия или решения в частности.

Участники уголовного судопроизводства могут быть классифицированы по различным основаниям: по отношению к государству (публичные и частные), по составу (единоличные и коллегиальные), по формам участия в процессуальных отношениях и т. д. Однако в настоящее время наиболее предпочтительной является классификация участников уголовного судопроизводства в зависимости от направлений их деятельности – *уголовно-процессуальных функций*, каковыми являются:

- обвинение;
- защита;
- разрешение уголовного дела.

Более подробно в настоящей статье хотелось бы рассмотреть взаимодействие участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, выполняющих функцию обвинения и осуществляющих уголовное преследование в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, а именно прокурора, следователя и руководителя следственного органа. Это должностные лица, ответственные за ведение уголовных дел и обладающие властными полномочиями.

В уголовном процессе прокурор - это должностное лицо, уполномоченное в пределах уголовно-процессуального законодательства осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, а еще и такой «дополнительной» функции, как руководство расследованием [1, С. 115, 59, 87, 125]. При этом процессуалисты, в том числе Т.К. Рябинина, отмечают тот факт, что хоть новый уголовно-процессуальный закон однозначно установил, что прокурор в ходе уголовного судопроизводства осуществляет две самостоятельные функции: уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (ч. 1 ст. 37), тем не менее эти нормы не нашли отражения в Конституции РФ и не совсем согласуются с Законом о прокуратуре РФ

[2, С. 109].

В связи с изменениями, внесенными Федеральным законом от 5 июня 2007 года в УПК РФ и Закон «О прокуратуре РФ» вопрос о том, какую функцию осуществляет прокурор в уголовном процессе - обвинения (уголовного преследования) или надзора за соблюдением законов, стал дискуссионным.

Новации в действующем уголовно-процессуальном законодательстве значительно изменили полномочия прокурора на всех стадиях уголовного судопроизводства, характер его правоотношений с судом и другими участниками процесса, обусловили определенные особенности в его правовом статусе и деятельности. Все это вызвало настоятельную необходимость переосмыслить роль прокурора на всех стадиях уголовного процесса России.

По этому поводу Н.А. Колоколов отмечает, что указанными изменениями в УПК и Закон «О прокуратуре» процессуальный статус прокурора пересмотрен настолько кардинально, что имеются все основания утверждать: в УПК РФ под прежним названием появилось абсолютно новое лицо. Если ранее власть прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса была практически беспредельна, то теперь он утратил свое самое главное качество – право на дискреционное вмешательство в деятельность следователя. Впрочем, природа пустоты не терпит. Законодатель, изъяв у прокурора комплекс прерогатив по процессуальному руководству предварительными следствием, тут же одарил данными правами вновь назначенных руководителей следственных органов [3, С. 2-14].

Теперь прокурор не руководит предварительным следствием и сам его не производит, а только осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов следствия. Отныне доминирующей оказывается функция ведомственного процессуального контроля, а ключевое значение приобретает фигура руководителя следственного органа. Столь радикальные процессуальные изменения в уголовно-процессуальном законе одновременно связаны с организационным реформированием следственного аппарата, отраженным внесением поправок и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Сделан первый и важный шаг, направленный на обособление следственного аппарата прокуратуры от самих прокуроров и создание единого вневедомственного следственного органа, в равной мере независимого и от органов прокуратуры, и от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и от дознания [4].

В ходе уголовного судопроизводства прокурор продолжает выполнять функцию уголовного преследования путем поддержания государственного обвинения. Он поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность. Как считает С.Н. Алексеев, наряду с тем, что прокурор является органом надзора за законностью в Российской Федерации, нелепо оспаривать и обвинительную направленность уголовно-процессуальной

деятельности прокурора. Все полномочия прокурора в уголовном процессе направлены на достижение единственной цели - обеспечить законность предварительного расследования, т.е. законность раскрытия преступления, собирания доказательств виновности подозреваемого, обвиняемого [5, С. 99]. Обеспечивая соблюдение законов в стадии предварительного расследования, прокурор создает условия, необходимые для рассмотрения уголовного дела судом, для постановления судом законного и обоснованного обвинительного приговора. Помимо этого прокурор участвует в рассмотрении дел судами, вносит представления на противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов [6, С. 79].

Что касается руководителя следственного органа, то с появлением Федерального закона № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» родилась принципиально новая система контроля за процессуальной деятельностью рядовых следователей со стороны их начальников - руководителей следственных органов. Теперь эти руководители оказались наделенными многими полномочиями, которые раньше были прерогативой только прокурора, что имеет своей целью разграничить на предварительном следствии процессуальную деятельность по расследованию уголовных дел и по надзору за соблюдением законов.

Реформирование уголовного судопроизводства предполагало оказать существенное влияние на процессуальный статус начальника следственного подразделения и, как следствие, на процессуальную самостоятельность следователя. Именуясь теперь руководителем следственного органа, данный субъект приобрёл ряд полномочий, принадлежавших ранее исключительно прокурору. Мы считаем, что такое положение дел всё же ухудшило состояние процессуальной независимости следователя, так как теперь все возникающие у следователя возражения решались в основном только на ведомственном уровне, что, в принципе, полной самостоятельности обеспечить не может ввиду наличия ведомственных интересов.

Многие процессуалисты придерживаются мнения, что, несмотря на внесенные изменения в УПК РФ в 2007 году, самостоятельность следователя носит лишь декларативный характер. Для того, чтобы ответить на этот вопрос нужно рассмотреть процессуальное взаимодействие следователя и руководителя следственного органа в его различных аспектах и проявлениях.

Как отмечает С. А. Табаков: «Теоретическая модель УПК РСФСР 1990 года, концепция судебной реформы в РФ отрицали наличие каких - либо процессуальных полномочий у начальника следственного отдела. Несмотря на это, процессуальный статус должностного лица, осуществляющего контроль за деятельностью следователя, постоянно развивался, «впитывая» в себя новые полномочия, необходимые для обеспечения законности и обоснованности

предварительного расследования. Сегодня мы столкнулись с ситуацией, при которой властно - распорядительный характер процессуальной деятельности руководителя следственного подразделения усилился до такой степени, что, фактически используя свои правовые средства, рассматриваемое должностное лицо способно повлиять на любую правовую ситуацию, возникающую в ходе досудебного производства. Такое существенное увеличение процессуальных полномочий руководителя следственного органа таит в себе отрицательные моменты. Так, отсутствие у следователя возможности обжалования указаний прокурору, как это было до внесения изменений в современный УПК РФ, «закрывает» процессуальную деятельность по расследованию уголовного дела в рамках одного ведомства, а это может создавать опасность зарождения субъективизма, реализации ведомственных интересов». Правовое регулирование отношений, возникающих между начальником следственного подразделения и следователем, имевшее место до настоящего времени, по мнению С. А. Табакова, не уделяло особого влияния ведомственному процессуальному контролю на стадии возбуждения уголовного дела. В частности, УПК РСФСР вообще не регулировал правоотношения, возникающие между начальником следственного отдела и следователем в рамках данного этапа досудебного производства [7, С. 84].

Сейчас же мы наблюдаем совсем другую ситуацию. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа «уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, ...», а также согласно ч. 3 ст. 39 УПК РФ «указания руководителя следственного органа по уголовному делу даются в письменном виде и обязательны для исполнения следователем. Обжалование указаний не приостанавливает их исполнения...». Что же касается рассмотрения письменного указания начальника следственного подразделения и возражения следователя относительно указаний начальника следственного органа, то здесь можно наблюдать следующую ситуацию: если руководитель вышестоящего следственного органа поддержит позицию следователя, то последний вполне реализует свою процессуальную самостоятельность и независимость, а если же позиция следователя не будет поддержана, то, как таковой, самостоятельности у следователя как бы и нет. И в следующий раз прежде, чем обжаловать указания своего начальника, следователь не раз подумает, а стоит ли это вообще делать. В таком случае о процессуальной самостоятельности следователя и об объективном исследовании всех обстоятельств дела не может идти и речи.

В юридической науке неоднократно обращалось внимание на наличие обвинительного уклона в деятельности следователя.

В.П. Нажимов, указывая на опасность обвинительного уклона следователя, высказал следующее предположение: «Чтобы отодвинуть момент окончательного выбора следователем позиции по делу и тем самым избежать его пси-

хологической приверженности к обвинению, было бы правильно установить, что, вынося постановление о привлечении в качестве обвиняемого, следователь не предпринимает вопроса о виновности, а высказывает лишь предположение, основанное на имеющихся материалах дела» [8, С. 23].

Рассматривая соотношение обвинительной деятельности и обвинения в материально-правовом смысле, Ф.Н. Фаткуллин правильно, на наш взгляд, показывает их соотношение в том, что обвинение в материально-правовом смысле служит предметом обвинительной функции, эти категории не могут существовать в отрыве друг от друга, обвинительная функция без формулы обвинения беспредметна, а формула обвинения без обвинительной деятельности мертва.

Таким образом, отнесение следователя к стороне обвинения нецелесообразно и ведет далеко не к состязательному типу уголовного процесса. Следователь должен быть как судья: не относится ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты, а всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства дела, как следует из ст. 20 УПК РФ, в которой говорится, что «... следователь ... обязан принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства ...» [9]. Что касается норм действующего уголовно-процессуального закона, то для обеспечения самостоятельности следователя, первоначально законодатель должен убрать его из стороны обвинения (п. 47 ст. 5).

Список литературы

1. Алексеев, Н.С., Даев, В.Г., Кокорев, Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса [Текст] / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. - Воронеж, 1980. - С. 115; Колоколов, Н.А. Судебный контроль на стадии предварительного расследования [Текст] / Н.А. Колоколов. - Курск, 2000. С. 59; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации [Текст] / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 1998. С. 87; Соловьев, А.Б. О функциях прокуратуры в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Проблемы совершенствования прокурорского надзора [Текст] / А.Б. Соловьев. - М., 1997. - С. 125.
2. Рябинина, Т.К. О соотношении функций прокурора в уголовном судопроизводстве // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика [Текст] / Т.К. Рябинина // сборник научных статей: в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Т.К. Рябинина, А.А. Козьявин; Курск. гос. техн. ун-т. Курск, 2007. - С. 109.
3. Колоколов, Н.А. Не ограничится ли реформа предварительного следствия очередной сменой руководства? [Текст] / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. - 2007. - № 4. - С. 2-14.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 04.03.2013 г.) [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.04.2013.
5. Алексеев, С. Н. Функции прокурора по новому УПК РФ [Текст] / С.Н. Алексеев // Государство и право. - 2007. - № 5. - С. 99.

6. Рыжаков, А.П. Уголовный процесс [Текст] / А.П. Рыжаков. - М.: Норма, 2003. - С. 79.
7. Табаков, С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел [Текст] / С.А. Табаков // Дисс. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2009. - С. 84
8. Нажимов, В.П. Об уголовно-процессуальных функциях [Текст] / В.П. Нажимов // Правоведение. - 1973. - № 5. - С. 23.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.04.2013.

УДК 341.343

П.В. Фадеев, кандидат юридических наук, доцент, докторант Московского университета МВД России

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ОСНОВНЫХ ВИДОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье на основе анализа характера совершаемых действий и видов международной правовой помощи и международного сотрудничества по уголовным делам исследуются проблемы их соотношения, определяются тенденции развития.

В настоящее время вопросы оказания международной правовой помощи, объединения усилий отдельных государств и мирового сообщества, их эффективного взаимодействия в правовой сфере, центральным элементом которого, безусловно, является международное сотрудничество в борьбе с преступностью, занимают пристальное внимание ученых и практиков.

Однако среди юристов по вопросам соотношения понятий международного сотрудничества и международной правовой помощи нет единого мнения. Одни полагают, что международная правовая помощь является одним из отдельных видов международного сотрудничества, не тождественна с ним по своей форме и сути [9, с. 271; 15; 17, с. 133]. Другие считают, что между ними нет принципиальных различий, они являются одной и той же деятельностью разного уровня, так как правовая помощь - более узкое понятие [2, с. 25; 8, с. 58; 13, с. 5-8]. Различия во взглядах ученых влекут за собой расхождения в определении характера действий, количества и содержания основных видов международной правовой помощи и международного сотрудничества по уголовным делам и их соотношения друг с другом.

В литературе отмечается, что международная правовая помощь и международное сотрудничество отличаются друг от друга по характеру тех действий, которые предпринимаются в случае оказания помощи или осуществления со-

трудничества по уголовным делам [2, с. 25]. Более того эти различия, как полагает Л.А. Лазутин, определяют суть разногласий в отечественных исследованиях по рассматриваемым вопросам и сводятся к следующему: «производство каких процессуальных (следственных), оперативно-розыскных действий охватывается этим понятием ...» [8, с. 48].

Так, А.И. Бастрыкин содержание правовой помощи сводит к проведению только отдельных процессуальных действий [2, с. 28-50]. Эту точку зрения поддерживают и другие ученые. По мнению А.П. Юркова, правовая помощь включает в себя только процессуальные действия, осуществляемые на основании просьб правоохранительных органов иностранных государств. Сотрудничество охватывает оперативно-розыскные действия, а также те процессуальные действия, которые осуществляются без запроса, в связи с обнаружением лиц или признаков преступления, затрагивающих интересы другого государства [17, с. 133].

В современный период раскрытие и расследование преступлений не ограничивается только процессуальными действиями. Практика показывает, что просьба о розыске скрывшихся подозреваемых, обвиняемых и похищенного имущества, получении доказательств по уголовному делу, может быть успешно выполнена при сочетании процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий [13, с. 8-9; 11, с. 20]. В свою очередь транснациональный характер совершаемых преступлений обязывает правоохранительные органы различных государств не только совершенствовать сложившиеся традиционные и наиболее востребованные процессуальные и оперативно-розыскные действия, но и создавать и развивать новые, объединяя их в отдельные виды и направления деятельности. По нашему мнению, целесообразно выделить два основных подхода к развитию этого процесса.

Первый подход характеризуется появлением новых действий, связанных с расследованием, рассмотрением и разрешением уголовного дела и исполнением судебных решений. Так, международные соглашения о правовой помощи стали предусматривать уголовное преследование; выдачу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения в исполнение приговора; использование видеосвязи, видеозаписи и иных технических средств; розыск и арест (изъятие) денежных средств и имущества, полученных преступным путем, а также доходов от преступной деятельности; вызов за границу свидетеля или эксперта; освобождение иностранцев от судебных расходов; предоставление информации о судимости, результатах уголовного преследования, приговорах [6; 5].

В научной литературе в качестве отдельных видов международной правовой помощи по уголовным делам называют производство процессуально-следственных действий (выполнение и направление отдельных поручений, вручение документов, обмен информацией, в том числе законодательной, и

др.); выдачу преступников; уголовное преследование; передачу предметов; передачу осужденных иностранными судами в страну своего гражданства [4, с. 128]. Е.Е. Феоктисова, наряду с указанными видами, отмечает использование технологий видеоконференцсвязи при расследовании и рассмотрении уголовных дел; проведение трансграничных обысков и изъятие информации, передаваемой по телекоммуникационным сетям; принятие мер по установлению местонахождения, идентификации, наложению ареста, изъятию и конфискации средств, предназначенных для целей терроризма и др. [15].

Второй подход характеризуется появлением новых видов международной правовой помощи, до недавнего времени присущих только международному сотрудничеству. Как нам представляется, отсутствие законодательного определения понятий и разграничения содержания международной правовой помощи и международного сотрудничества, а также единства во взглядах ученых на соотношение их понятий, содержание конкретных совершаемых действий и их видов позволяет относить почти любое совершаемое действие и к правовой помощи и сотрудничеству.

Как полагает Ю.В. Трунцевский, взаимная правовая помощь по уголовным делам в области противодействия терроризму, наряду с традиционными видами, может включать в себя также и осуществление надзорных функций, связанных с расследованием преступлений; обмен информацией о преступниках и лицах, причастных к преступлениям; сотрудничество по иным вопросам правовой деятельности (сотрудничество органов юстиции (судов, нотариата, прокуратуры) в области правовой защиты юридических лиц, процессуальных прав иностранцев и т.д.), например, предоставление информации о действующем праве и судебной практике; оказание материально-технической помощи [14].

Для повышения эффективности международной правовой помощи представляется целесообразным предусматривать длительные и неограниченные сроки действия соглашений о правовой помощи; необходимость оперативного сопровождения в целях обеспечения эффективности взаимодействия; особые способы связи и технические средства; особые не процессуальные формы совместной деятельности (например, присутствие на допросе без права самостоятельно задавать вопросы, международные следственные и следственно-оперативные группы и др.); ряд новых форм обеспечения взаимодействия правоохранительных органов, обусловленных спецификой совершения и расследования высокотехнологических преступлений [12, с. 66-67]; обсуждение проблем предупреждения преступлений и обращения с правонарушителями; научно-информационный обмен опытом и знаниями в борьбе с преступностью; координацию в договорно-правовом порядке борьбы с преступлениями, затрагивающими интересы нескольких государств; и другие [3, с. 16-21].

На наш взгляд, появление новых организационно-правовых действий и

видов международной правовой помощи связано, не только с совершенствованием этой деятельности, но и с отсутствием среди юристов единства мнений по вопросам количества и содержания основных видов международного сотрудничества. Так, по мнению В.В. Щербакова, в международном сотрудничестве по уголовным делам выделяются такие самостоятельные направления деятельности как: правовая помощь, осуществление уголовного преследования и выдача (экстрадиция) лиц [16, с. 54]. В.В. Альхименко и Ю.Н. Жданов, классифицируя основные виды международного сотрудничества в области борьбы с преступностью, наряду с указанными направлениями, выделяет заключение и реализацию договоров о борьбе с преступлениями, представляющими международную опасность; признание и исполнение решений иностранных органов по уголовным делам; международное полицейское сотрудничество; международно-правовое регулирование вопросов национальной и международной уголовной и уголовно-процессуальной юрисдикции; разработку международных норм и механизмов, обеспечивающих защиту прав человека в сфере уголовного правосудия [1, с. 5-6].

По нашему мнению, определение различных видов международной правовой помощи и международного сотрудничества по уголовным делам в целом заслуживает внимания, так как позволяет, не вдаваясь в лексическое соответствие отдельных терминов международного права, во-первых, группировать их по отдельным признакам и исследовать многочисленные формы и виды взаимодействия государств в борьбе с преступностью; во-вторых, формировать однопорядковые нормы, регламентирующие, например, отдельные направления борьбы с преступностью [7]; в-третьих, унифицировать национальные законодательства государств-участников конвенций (договоров, соглашений) о сотрудничестве и правовой помощи. Что, безусловно, играет важную роль в становлении и развитии международных отношений.

В свою очередь неоднозначность в понимании критериев, определяющих основания, количество и содержание видов международного сотрудничества по уголовным делам, приводит, во-первых, к различному толкованию сущности международного сотрудничества и международной правовой помощи и, соответственно, к умалению роли международной правовой помощи, сведению ее содержания к выполнению только отдельных действий по расследованию преступлений. Вместе с тем международная правовая помощь служит сближению правовых систем и является шагом на пути создания единого правового пространства [10, с. 2]. Во-вторых, способствует увеличению количества различных видов, форм, направлений сотрудничества государств в борьбе с преступностью и, как правило, к неоднозначности в трактовке их характера, содержания и перспектив их изучения. На взгляд некоторых ученых, существенные различия государств в отношении к решению одних и тех же материальных и процессуальных вопросов, специфика национальных законодательств и

правовых систем, не позволят, по крайней мере, в ближайшем будущем сделать одинаковыми внутренние стандарты всех участников мирового сообщества по вопросам содержания, формы и пределов сотрудничества [11, с. 8].

В связи с этим, представляется обоснованным и своевременным явлением расширение видов международной правовой помощи и включение в нее направлений и отдельных действий, ранее присущих только международному сотрудничеству по уголовным делам.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует, во-первых, о выходе международной правовой помощи за рамки отдельных процессуальных действий; во-вторых, о сближении содержания основных видов международной правовой помощи и международного сотрудничества; в-третьих, о целесообразности понимания международной правовой помощи и международного сотрудничества как родственных и тождественных понятий, которые могут не только дополнять друг друга, но применяться как синонимы для обозначения правовой деятельности различных государств по содействию друг другу в реализации взаимных интересов по уголовным делам на территории иностранного государства; в-четвертых, о целесообразности признания международного сотрудничества более высокой ступенью межгосударственных отношений по отношению к международной правовой помощи.

Список литературы

1. Альхименко, В.В., Жданов, Ю.Н. Организационно-правовые основы международного сотрудничества в борьбе с преступностью [Текст] / В.В. Альхименко, Ю.Н. Жданов // учебное пособие. - М.: МЮИ МВД России, 1998. - 59 с.
2. Бастрыкин, А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права [Текст] / А.И. Бастрыкин. - Л., 1986. - 136 с.
3. Бородин, С.В., Ляхов, Е.Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью [Текст] / С.В. Бородин, Е.Г. Ляхов. - М., 1983. - 200 с.
4. Волженкина, В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе [Текст] / В.М. Волженкина. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс»; Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2001. - 359 с.
5. Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 10.02.2013.
6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 2002 г.) [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 10.02.2013.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Вена, 20.12.1988 г.) [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 10.02.2013.
8. Лазутин, Л. А. Правовая помощь по уголовным делам как комплексное формирование в международном уголовном и уголовно-процессуальном праве: [Текст] / Л.А. Лазутин // Дисс. д-ра юрид. наук. - Казань, 2008. - 434 с.
9. Ларин, А. М., Мельникова, Э. Б., Савицкий, В. М. Уголовный процесс России: лекции-

- очерки [Текст] / А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий. - М., 1997. - 314 с.
10. Марышева, Н. И. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам [Текст] / Н.И. Марышева // Материалы по иностранному законодательству и международному частному праву: Труды 44. ВНИИ сов. гос. строительства и законодательства. - М., 1989.
 11. Милинчук, В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития [Текст] / В.В. Милинчук. - М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. – 352 с.
 12. Нурбеков, И.М. Организация и тактика взаимодействия с иностранными компетентными органами при расследовании преступлений международного характера [Текст] / И.М. Нурбеков // монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. А.Г. Волеводза. - М.: Юрлитинформ, 2012. – 248 с.
 13. Строгонова, А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации [Текст] / А.К. Строгонова. – М.: Издательство «Щит-М», 2005. – 141 с.
 14. Трунцевский, Ю.В. Правовые основы международного сотрудничества Российской Федерации в области противодействия терроризму [Электронный ресурс] / Ю.В. Трунцевский // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 10.02.2013.
 15. Феоктистова, Е.Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследования по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты [Электронный ресурс] / К.Е. Феоктистова // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 10.02.2013.
 16. Щербаков, В.В. Реализация норм международного права в деятельности органов предварительного расследования [Текст] / В.В. Щербаков // Дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2004. - 210 с.
 17. Юрков, А.П. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы [Текст] / А.П. Юрков // Дисс. ... д-ра. юрид. наук. - Казань, 2001. – 377с.

УДК 343.139

И.Н. Цыкунова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, Республика Беларусь

ПРИНЦИП ВСЕСТОРОННЕГО, ПОЛНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье исследован принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Рассмотрен вопрос о соотношении принципа с требованием установления истины в следственном и состязательном типе судопроизводства.

Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела в науке уголовного процесса имеет теоретическое и

прикладное значение и неотделим от требования установления истины по делу, от следственного и состязательного типов судопроизводства.

Традиционно отечественная уголовно-процессуальная теория на протяжении ряда десятилетий связывала свое развитие с материалистическим, диалектическим направлением в его марксистско-ленинском понимании. В основе развития уголовно-процессуальной теории лежал тезис философии о познаваемости действительности (объективная истина). В советский период развития уголовно-процессуальная наука утверждала, что в процессе ретроспективной, познавательной деятельности возможно и необходимо обеспечить установление объективной картины совершенного общественно опасного деяния, объективной истины, которая и является основанием принятия законного и справедливого решения по делу. М.С. Строгович при этом писал, что если «истина по уголовному делу не найдена, если преступление не раскрыто и преступник не изобличен..., это значит, что следствие и суд не справились со своей задачей, допустили серьезное нарушение законности». Он же считал, что установление истины есть и цель уголовного процесса, и его принцип [1].

Достижение истины отождествлялось с требованием всестороннего, полного и объективного исследования дела, закрепленного в ст.15 Уголовно-процессуального кодекса БССР 1960 г. (далее – УПК БССР 1960 г.). Поскольку всестороннее, полное и объективное исследование дела всегда признавалось принципом уголовного процесса, то и отождествляемое с ним достижение объективной истины также считалось таковым.

Уголовно-процессуальный закон, действовавший в то время, в ряде случаев содержал указания по поводу всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств и даже установления истины. Так, ст.244 УПК БССР 1960 г. обязывала судью, председательствующего в судебном заседании, принимать все предусмотренные кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины [2].

Для такого типа уголовного судопроизводства (его принято называть следственным, розыскным, инквизиционным [3]) характерны активная процессуальная роль суда, как в оценке, так и в поиске информации по уголовному делу. Суд по своему непосредственному усмотрению и собирает, и проверяет, и оценивает доказательства, не будучи при этом связан волей иных участников уголовного процесса. Последние обязаны подчиняться требованиям суда, что впрочем, не исключает их права на обжалование судебных актов.

Познавательная деятельность органа, ведущего уголовный процесс, в следственном уголовном процессе традиционно направлена на построение системы знаний о преступлении, соответствующей тому, что произошло в действительности. Судья (следователь, лицо, производящее дознание) выступает как исследователь, активно собирающий информацию о наличии преступления, виновности обвиняемого в его совершении, обстоятельств, смягчающих либо

отягчающих ответственность обвиняемого, характеризующих его личность, и т.д., т.е. обо всех обстоятельствах, которые будут положены в основу приговора или иного процессуального решения. Его внутреннее убеждение о соответствии картины преступления объективной действительности формируется независимо от профессиональных и личностных качеств, чему способствует детальное регулирование уголовно-процессуальной деятельности уголовно-процессуальным законодательством. Отступление от предписанной законом процессуальной формы означает нарушение принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела и препятствует установлению объективной истины по уголовному делу.

Для юристов тех стран, где состязательный тип уголовного процесса получил наибольшее распространение, было и остается традиционным отрицание доступности объективной истины по уголовному делу. В частности, в зарубежной юридической литературе высказывались мнения о том, что «цели юриста состоят в выигрыше борьбы, а не в оказании помощи суду в установлении фактов», «о невозможности установления истины с какой-либо достоверностью», «о возможности принятия судебного решения на основе «грубого приближения» [4]. Некоторые немецкие процессуалисты утверждали, что «достижение истины невозможно в самой природе человеческого сознания, которое несовершенно и недостаточно для познания истины» [4].

Состязательная форма уголовного процесса не приемлет как основную цель производства по уголовному делу установление истины. Вместо нее главной задачей уголовного судопроизводства является разрешение судебного спора. В судопроизводстве, движущей силой которого является спор, совершение процессуальных действий судом, в том числе по сбору доказательств, в значительной степени связано с волей сторон обвинения и защиты. Возможности судьи в получении информации о преступлении по своей инициативе ограничены. Он восстанавливает картину преступления, используя ту информацию, которая стала ему известна благодаря государственному обвинителю, обвиняемому и защитнику. Иными словами, познавательная деятельность судьи ориентирована не столько на результат – объективную истину об обстоятельствах преступления, сколько на процесс его достижения в таких условиях, когда сторонам были предоставлены все необходимые возможности для осуществления и защиты своих прав и свобод.

В состязательном уголовном процессе познавательная деятельность судьи должна заключаться в переосмыслении самих исходных представлений сторон, освобождении их содержания от повторяющихся элементов, в получении дополнительной информации, необходимой для систематизации знаний о преступлении. В силу того, что бремя движения уголовного дела несут стороны, в компетенции суда остается бремя его ведения и разбирательства. Вместо проведения полного, всестороннего и объективного исследования обстоя-

тельств дела для судьи на первый план выходит координация познавательных усилий государственного обвинителя, обвиняемого и защитника по установлению наличия либо отсутствия события преступления, виновности или невиновности обвиняемого, иных обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу.

Важнейшая задача суда – создать сторонам условия для равного проявления ими активности в состязании, обеспечить равные возможности, и, тем самым, максимально обеспечить, защитить права граждан, правомерно обратившихся в суд за восстановлением своих нарушенных прав и ожидающих законного и справедливого разрешения дела.

В отличие от уголовно-процессуального законодательства советского периода развития, ориентированного на достижение объективной истины, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) закрепил «по существу новый тип уголовного процесса, построенный на началах состязательности, незыблемости конституционных прав и свобод граждан, уважения чести и достоинства личности и особой роли суда в защите таких прав и свобод» [5]. В соответствии с ч.1 ст.7 УПК на первом месте в системе задач отечественного уголовного процесса стоит защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства [6].

В УПК отсутствует понятие установление истины. Более того, термин «истина» не используется вообще. Напротив, требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела получило законодательное закрепление в системе принципов уголовного процесса.

При этом в соответствии с ч.1 ст.18 УПК исследуемый принцип в прежнем объеме относится только к деятельности органов уголовного преследования. Они обязаны принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, собрать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц. Суд не является органом уголовного преследования (в разделе II УПК «Государственные органы и другие участники уголовного процесса» суд выделен в отдельную главу 4), не выступает на стороне обвинения или на стороне защиты.

Суд, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивает сторонам обвинения и защиты необходимые условия для реализации их прав. Решение о виновности либо невиновности обвиняемого суд выносит лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке (ч.2 ст.18 УПК).

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь разъяснил, что суд обязан создать сторонам необходимые условия для осуществления предостав-

ленных им прав и выполнения процессуальных обязанностей, оказать по их ходатайству содействие в представлении доказательств, обеспечить справедливое и беспристрастное разрешение дела на основе неукоснительного соблюдения требований закона об отделении функции осуществления правосудия от функций обвинения и защиты. Доказательства, представленные как стороной обвинения, так и стороной защиты, не имеют для суда заранее установленной силы и должны быть подвергнуты тщательному исследованию в судебном заседании и объективной оценке [7, п. 3].

В ст.290 УПК, определяющей обязанности председательствующего в судебном заседании, исключена присущая ему ранее обязанность принимать меры к установлению истины, а закрепляется необходимость принимать меры по обеспечению равенства прав сторон, сохраняя объективность и беспристрастность, создавать необходимые условия для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела. Председательствующий также обеспечивает соблюдение распорядка судебного заседания, разъясняет участникам их права и обязанности.

Тем не менее, анализ некоторых норм белорусского уголовно-процессуального закона косвенно свидетельствует о том, что обязанность использовать все предусмотренные законом средства для полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела по-прежнему возлагается на суд.

Например, по смыслу ч.1 ст.19 УПК внутреннее убеждение судьи должно основываться на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности. Ходатайства участников судопроизводства, заявленные органу, ведущему уголовный процесс, в том числе – суду, подлежат удовлетворению, прежде всего, если они способствуют всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, а уже потом – обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса или других лиц (ч.2 ст.137 УПК). Ч.1 ст.274 УПК предусматривает возможность в отдельных случаях в целях наиболее быстрого, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела с согласия сторон передать его в другой одноименный или вышестоящий суд до начала рассмотрения дела в судебном заседании.

Судебное разбирательство по УПК, провозглашенное и сконструированное по принципу состязательности, не оставило суд в позиции наблюдателя спора между сторонами, ответственного только за вынесение приговора на основе доказательств, собранных и представленных исключительно сторонами.

В соответствии с ч.2 ст.103 УПК суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе вправе вызывать любое лицо для проведения следственных и других процессуальных действий или дачи заключения в качестве экс-

перта; производить осмотры, обыски и другие следственные действия; требовать от учреждений, организаций, должностных лиц и граждан, а также органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, представления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела; требовать производства ревизий и проверок от соответствующих органов и должностных лиц.

Хотя и установлен порядок участия суда в допросе обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, соответствующий началу состязательности (судья задает вопросы этим участникам судебного разбирательства после их допроса сторонами (ч.2 ст.327, ч.3 ст.330 УПК)), суд не лишился права по своей инициативе назначать экспертизу (ст.334 УПК), по своему усмотрению оглашать показания обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, данные при досудебном производстве, осуществлять воспроизведение звукозаписи их показаний, видеозаписи или киносъемки допроса.

Следовательно, уголовное судопроизводство не исключает самостоятельность и активность суда в собирании доказательств и их исследовании.

Активность исследования доказательств судом находит логическое объяснение в его стремлении установить все обстоятельства дела и обязанности вынести по делу законный, обоснованный и справедливый приговор.

Вместе с тем, необходимо стремиться к построению такой модели уголовного судопроизводства, при которой мера активности суда в процессе доказывания могла бы быть определена законодателем на основании последовательной реализации принципа состязательности.

Оптимальным видится такое законодательное определение активности суда в доказывании, когда суд с целью проверки доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты, вправе собирать предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами доказательства, проверять их, и полученные в результате проверки сведения использовать при оценке доказательств. В связи с этим ч.2 ст.103 УПК целесообразно уточнить указанием на то, что суд вправе собирать доказательства в целях проверки доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты.

Список литературы

1. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 469 с.
2. Республика Беларусь. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс [Текст]: принят Верховным Советом БССР 29 декабря 1960 г. // СЗ БССР. – 1961. – № 1. – Ст.5.
3. Нажимов, В.П. Типы, формы и виды уголовного процесса [Текст] : учебное пособие / В.П. Нажимов. – Калининград: Калинингр. ун-т, 1977. – 92 с.
4. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс западных государств [Текст] : учебное пособие / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. – 2-е изд. – М.: «Зерцало», 2002. – 528 с.
5. Зайцева, Л.Л. Уголовно процессуальное законодательство Республики Беларусь:

- Взгляд в прошлое и будущее [Текст] / Л.Л. Зайцева // Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. – Мн: Тесей, 2001. – С. 3-30.
6. Республика Беларусь. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Текст] : принят Палатой Представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: с изм. и доп. по сост. на 13 июля 2012 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 18.03.2013).
 7. О некоторых вопросах применения уголовно-процессуального закона в суде первой инстанции [Текст] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2002 г., № 6: с изм. и доп. по сост. на 2 июня 2011 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 22.03.2013).

УДК 343.14

И.Н. Чеботарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается асимметрия правил о допустимости доказательств, как различие в требованиях, предъявляемых к порядку получения и закрепления доказательств стороной обвинения и стороной защиты.

Допустимость доказательств в уголовном процессе традиционно понимается как важнейшая гарантия законности производства процессуальных действий и соблюдения прав участников уголовного судопроизводства.

В соответствии со статьей 50 Конституции РФ, при осуществлении правосудия недопустимо использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Согласно ст.75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, они не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Критерии допустимости доказательств современное уголовно-процессуальное законодательство не содержит. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судом Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» разъяснено, что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией РФ права человека и гражданина или

установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами [1].

Таким образом, допустимость традиционно определяется как свойство доказательства, характеризующее его с точки зрения следующих критериев [2, с229]:

1. доказательство должно быть получено надлежащим субъектом, правомочным по данному делу проводить то процессуальное действие, в ходе которого получено доказательство;

2. фактические данные (сведения) должны быть получены только из источников, перечисленных в ч.2 ст.74 УПК РФ;

3. доказательство должно быть получено с соблюдением правил проведения процессуального действия, в ходе которого получено доказательство;

4. при получении доказательства должны быть соблюдены все требования закона о фиксировании хода и результата следственного действия.

Понятие «асимметрия правил о допустимости доказательств» было введено в категориальный аппарат уголовного процесса А.М.Лариным и Ю.В.Стецовским [3, с.303]. Авторы выдвинули идею о том, что правила о допустимости доказательств применимы только к обвинительным доказательствам. Если же при получении оправдательного доказательства были допущены нарушения закона, то защита не лишается возможности использовать его для отстаивания своей позиции.

Высказанная позиция нашла как своих сторонников, так и противников. Основной довод сторонников данной точки зрения заключается в том, что сторона защиты, будучи лишенной права формировать доказательства, не должна страдать из-за ошибок стороны обвинения, наделенной этим правом. Так, Н.М.Кипнис полагает, что исключение недопустимого доказательства – это процессуальная санкция за процессуальное нарушение. Защита не собирает доказательства в процессуальном смысле, и если сторона обвинения, которой предоставлено эксклюзивное право собирать доказательства, не соблюдает закон, то неправомерно возлагать ответственность на сторону защиты [4, с.173-195]. Противники же указанной точки зрения полагают, что при производстве по уголовному делу недопустимо использование доказательств, полученных с нарушением закона, на что прямо указывает Конституция РФ в ч.2 ст.50, независимо от того обвинительные они или оправдательные.

На современном этапе асимметрию правил о допустимости доказательств исследователи понимают более широко, как различие в требованиях, предъявляемых к сведениям, представляемым суду, с одной стороны, обвинением, а с другой – защитой [5, с.145].

Представляется, законодательное закрепление принципа состязательно-

сти уголовного судопроизводства (ст.15 УПК РФ), а также закрепление права защитника собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи (п.2 ч.1 ст.53 УПК РФ), предделение способов собирания доказательств защитником (ч.3 ст.86 УПК РФ) позволяет задуматься о критериях, определяющих допустимость полученной защитником информации в результате определенной УПК РФ деятельности по собиранию доказательств.

Следует заметить, что закрепление в УПК РФ права собирать и представлять доказательства, и определение способов их собирания защитником сразу стало предметом многочисленных дискуссий. При этом самым распространенным аргументом против придания статуса доказательства информации, полученной защитником в результате указанной в УПК РФ деятельности, стал довод о том, что данные сведения не соответствуют критерию допустимости. Так, профессор П.А.Лупинская отмечает, что документы, предметы, сведения, полученные в результате опроса защитником лиц, не отвечают такому обязательному свойству доказательства, как допустимость, так как они не получены и не закреплены в процессуальном порядке и в процессуальной форме [2, с.359].

Однако ряд авторов небезосновательно указывают на то, что полученная защитником информация соответствует критериям допустимости, поскольку, во-первых, защитник является надлежащим субъектом доказывания (его право на собирание доказательств закреплено в УПК РФ), во-вторых, он имеет определенные законом полномочия по сбору доказательств (в ч.3 ст.86 УПК РФ определены пути собирания доказательств защитником), в-третьих, полученные защитником сведения облечены в форму, предусмотренную ч.2 ст.74 УПК РФ (иные документы, заключение специалиста) [6, с.133-139; 7, с.4-11]. Вместе с этим, ни формы получения сведений защитником в порядке, определенном ч.3 ст.86 УПК РФ, ни порядка фиксации их результатов УПК РФ не содержит.

Критикуя идею асимметрии правил о допустимости доказательств в пользу стороны защиты, профессор В.Балакшин приходит к следующему выводу: если порядок собирания, закрепления и проверки доказательств для защитника не определен, значит, он может использовать любые способы, любой порядок это делать; и если требований, регулирующих способы и порядок собирания, закрепления и проверки доказательств защитником нет, следовательно, его невозможно нарушить [8, с.2-3].

К такому же выводу приходит и сторонник наделения защитника правом собирания доказательств профессор В.А.Лазарева, которая утверждает, что поскольку деятельность стороны защиты, а равно других неофициальных участников процесса по собиранию доказательств не подчинена правовой регламентации, то на них не распространяется требование соблюдения каких-либо процессуальных норм и правил. Представляемые ими в соответствии со ст. 86 УПК предметы и документы получены в свободной от процессуальных предписаний форме, они заведомо не соответствуют и не могут соответствовать

требованиям, предъявляемым к процедуре следственных действий требованиям. Вводя такое регулирование отношений, связанных с предъявлением доказательств, допуская соби́рание и представление доказательств стороной защиты, законодатель, мог руководствоваться одним из двух соображений. Либо все представляемые стороной защиты предметы и документы заранее признаются допустимыми (допускаемыми) доказательствами, либо требование допустимости к доказательствам защиты не предъявляется вовсе [6, с.135].

Е.Доля указывает, что наличие двойных стандартов допустимости доказательств, при которых один – детально урегулированный относительно доказательств, собираемых властными субъектами уголовного судопроизводства, другой – совершенно упрощенный относительно доказательств, собираемых защитником, - подрывает единое понятие доказательства, разрушает всю систему правовых гарантий его доброкачественности, ведет к нарушению принципа состязательности и равноправия сторон, существенно ослабляет сторону обвинения и неоправданно усиливает сторону защиты [9, с.82].

Не все в этом утверждении бесспорно. К защитнику не могут предъявляться такие же требования в получении доказательств, как к должностным лицам, ведущим производство по уголовному делу, потому что, во-первых, в силу презумпции невиновности на него не может быть возложена обязанность доказывания. Бремя доказывания лежит на стороне обвинения, которая должна опровергнуть невиновность подозреваемого, обвиняемого. Во-вторых, защитник не обладает (и не должен обладать) властными полномочиями по применению принуждения, которыми обладают должностные лица органов государства, представляющие публичный интерес. Тем не менее, именно в силу действия принципа состязательности и усиления в этой связи активности стороны защиты по участию в доказывании возникает вопрос о доказательственном значении тех сведений, которыми защитник может располагать. Наличие проблемы введения в процесс доказательств защиты, обвинительного уклона в условиях, когда в досудебном производстве доказательственная база формируется стороной обвинения, отмечается многими исследователями, в особенности адвокатами [10, с.97-107].

Здесь хотелось бы обратить внимание на существование судебной практики признания допустимым доказательством явки с повинной. Прослеживается определенная аналогия: ст. 142 УПК РФ раскрывает понятие явки с повинной как повода для возбуждения уголовного дела, ст. 61, 62 УК РФ рассматривают ее как обстоятельство, смягчающее наказание. Явки с повинной нет среди доказательств, перечисленных в ч.2 ст.74 УПК РФ, нет в УПК РФ порядка получения и фиксации явки с повинной. Возникает вопрос о ее доказательственном значении, в том числе о ее допустимости. Тем не менее, Конституционный Суд РФ указал, что ст.142 УПК РФ, раскрывающая понятие явки с повинной как повода для возбуждения уголовного дела, не содержит положений, которые

противоречили бы нормам уголовно-процессуального закона, устанавливающим порядок доказывания по уголовным делам, в том числе ст. 75 УПК РФ [11]. Верховный Суд также считает явку с повинной допустимым доказательством [12;13]. Суды субъектов и районные суды в приговорах указывают явку с повинной как обвинительное доказательство [14,с. 15] и зачастую даже упускают из вида ее смягчающее наказание значение [15;16]. Не проглядывает ли в данном факте определенное лукавство правоприменителя, не видящего нарушений требований допустимости доказательств в явке с повинной?

Кроме того, как справедливо замечает профессор В. Балакшин, в теории уголовного процесса и в правоприменительной практике к числу недопустимых относят не только доказательства, полученные с нарушением норм УПК РФ, но нередко и такие, при получении которых никаких нарушений допущено не было, но не соответствующие требованиям относимости и (или) достоверности. Иначе говоря, допустимость трактуется как аккумулирующая характеристика отдельно взятого доказательства, которой последнее должно отвечать не только с точки зрения соответствия требованиям закона, регламентирующим способы и порядок собирания, закрепления и проверки фактических данных и их источников, но и с точки зрения достоверности и (или) относимости. Следует согласиться с выводом, к которому он приходит: правила оценки доказательств с точки зрения допустимости не могут быть распространены на оценку доказательств с точки зрения их относимости и достоверности, поскольку критерии оценки доказательств с указанных позиций иные [8, с.2-3].

Представляется, сведения, полученные защитником, вполне могут иметь отличные от доказательств обвинения критерии допустимости, если рассматривать ее (допустимость доказательств) как соблюдение закона при получении, закреплении этого доказательства и не отождествлять ее с относимостью и достоверностью. Оптимальным вариантом было бы нормативное урегулирование порядка получения и фиксации сведений защитником при производстве по уголовному делу.

Список литературы

1. О некоторых вопросах применения судом Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Электронный ресурс]: [постановление Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8] [с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 6 февраля 2007 г. № 5] / URL //www.vsrfr.ru (дата обращения: 07.04.2013)
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации [Текст]: учебник / отв. ред. П.А.Лупинская. – М., 2005.
3. Стецовский, Ю.И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту [Текст] / Ю.И.Стецовский, А.М. Ларин. – М., 1988.
4. Кипнис, Н.М. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность [Текст] / под ред. В.А.Власихина. – М., 2000.
5. Михайловская, И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе

- [Текст] / И.Б. Михайловская. – М., 2006.
6. Лазарева, В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России [Текст] / В.А. Лазарева. – Самара, 2007.
 7. Мартынич, Е.Г. Правовые основы адвокатского расследования: состояние и перспективы (к разработке концепции и модели) [Текст] / Е.Г. Мартынич // Адвокатская практика. - 2004. - № 3.
 8. Балакшин, В. «Асимметрия» правил оценки допустимости доказательств [Текст] / В. Балакшин // Законность. - 2007. - № 3.
 9. Доля, Е. К вопросу о праве стороны защиты собирать и представлять доказательства [Текст] / Е. Доля // Уголовное право. - 2007. - № 4.
 10. Гаспарян, Н.С. Недопустимые доказательства (теория и систематизированная судебная практика) [Текст] / Н.С. Гаспарян. – М., 2010.
 11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Подгузова Василия Романовича на нарушение его конституционных прав статьями 63, 142 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: [определение Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 года №326-О] / URL // www.ksrf.ru (дата обращения: 07.04.2013)
 12. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ [Электронный ресурс]: [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 13. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ [Электронный ресурс]: [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
 14. Смирнов, А.В. Решение вопроса о допустимости в качестве доказательств сведений, полученных с нарушением закона [Текст] / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. - 2009. - № 1.
 15. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от [Электронный ресурс]: [от 16 ноября 2005 г. N 635-П05ПР] / URL // www.vsrif.ru (дата обращения: 07.04.2013)
 16. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]: [от 18 октября 2010 г. N 1-Д10-13] / URL // www.vsrif.ru (дата обращения: 07.04.2013)

УДК 343.13

Т.И. Ширяева, кандидат юридических наук, докторант Волгоградской академии МВД России

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО В СВЕТЕ ПРИНЯТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 04.03.2013 г. № 23-ФЗ

В связи с расширением перечня процессуальных действий, производство которых допустимо при проверке сообщения о преступлении, анализируется порядок обеспечения прав лиц, потерпевших от преступлений.

Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] (далее – закон № 23-ФЗ) внесены существенные изменения в порядок производства процессуальных действий, направленных на проверку сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела.

Так, модификации подверглась статья 144 УПК РФ. В результате этого дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа приобрели возможность не только давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, в том числе, с привлечением к участию в них специалистов, производить осмотр места происшествия, осмотр трупа и освидетельствование (полномочия, которыми названные должностные лица были наделены до вступления в силу закона № 23-ФЗ), но и проводить целый ряд иных следственных и процессуальных действий – получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать и изымать документы и предметы в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр документов, предметов.

Таким образом, законодатель существенно расширил перечень средств проверки сообщений о преступлении, поддержав неоднократно высказываемую в научной литературе идею о необходимости их закрепления в УПК РФ [2, 141]. Однако, данная идея так и не нашла окончательного разрешения в части закрепления в уголовно-процессуальном законе процедуры производства соответствующих процессуальных действий [3, 6].

Проявилось это в том, что, предусмотрев в законе последующую возможность использования сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, в качестве доказательств, законодатель прямо не урегулировал процесс производства отдельных процессуальных действий, направленных на получение сведений, свидетельствующих о наличии основания для возбуждения уголовного дела. Он ограничился только ссылкой на статьи 75 «Недопустимые доказательства» и 89 «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» УПК РФ. Положения данных статей носят общий характер, указывая лишь на необходимость соблюдения требований уголовно-процессуального закона при получении любых доказательств в уголовном судопроизводстве и определяя основания признания уже полученных доказательств недопустимыми. Таким образом, сложилась ситуация, в которой процессуальные правила осуществления следственных действий, производство которых допустимо не только до возбуждения уголовного дела, хоть и не в

полной мере, но определены законом в соответствующих статьях – посвященных общим условиям производства следственных действий, порядку проведения отдельных следственных действий; а деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа по получению объяснений, истребованию и изъятию документов и предметов так и осталась неурегулированной.

При этом законодательному закреплению подверглась обязанность указанных должностных лиц разъяснить лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, проводимых в ходе проверки сообщения о преступлении, их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, а также обеспечить возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ). Данное решение законодателя, несомненно, должно быть оценено положительно, поскольку направлено на максимально полное обеспечение прав и интересов лиц, вовлекаемых в процесс уголовного судопроизводства. Но завершенным и оно не является, поскольку перечень прав и обязанностей, подлежащих разъяснению и обеспечению, так и остался не определенным. Законодатель, почему-то, ограничился перечислением ряда конституционных прав – права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 УПК; пользоваться услугами адвоката; приносить жалобы в установленном законом порядке на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа – как обязательных к разъяснению. При этом использован союз «в том числе», который, по правилам русского языка, употребляется для присоединения члена предложения, который является частью целого (о котором говорится в первой части предложения), и соответствует по значению словосочетаниям: «включая кого-либо или что-либо», «в том числе и» [4]. То есть, разъяснение и обеспечение перечисленных во второй части первого предложения части 1.2 статьи 144 УПК РФ прав должно осуществляться наряду с иными, предусмотренными УПК РФ, в том объеме, в котором производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают интересы участников проверочных действий. Однако возникает вопрос о порядке разъяснения прав и обязанностей участникам процессуальных действий, затрагивающих их интересы.

Так, не понятно, какими правами и обязанностями могут быть наделены лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Традиционно их объем определяется процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства, под которым принято понимать закрепленное в уголовно-процессуальном законодательстве положение соответствующих участников уголовного процесса в ходе производства по

уголовному делу [5, 8]. Процессуальный статус лица включает в себя множество составляющих [6, 15-16; 7, 109], однако, при всем их многообразии необходимо согласиться с тем, что сердцевину (основу) процессуального статуса лица и составляют его процессуальные права и обязанности [8, 101-102].

Представляется, что, рассматривая вопрос о перечне прав и обязанностей лица, участвующего в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении, следует исходить из определения процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, который должен быть ему присвоен, исходя из фактического положения данного лица. Подобный подход к решению обозначенной проблемы находит подтверждение в решениях высших судебных органов Российской Федерации – Конституционного Суда РФ [9] и Верховного Суда РФ [10]. Так, привлекая к участию в процессуальных действиях, направленных на проверку сообщения о преступлении, лицо, которому в результате исследуемого события был причинен предусмотренный законом вред, уполномоченное должностное лицо, обязано разъяснить ему и обеспечить реализацию прав, присущих потерпевшему, то есть, обозначенных в ч. 2 ст. 42 УПК РФ, а также прав, предусмотренных в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ.

Следует отметить, что, исходя из смысла ст. 144 УПК РФ, как вариант решения проблемы определения правового положения лица, вовлекаемого в производство процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела, может быть рассмотрено присвоение единого процессуального статуса – например, «участник процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении». Представляется, что подобное решение не может быть признано оптимальным, поскольку: 1) оно противоречит обозначенным выше позициям Конституционного и Верховного судов РФ в части определения процессуального статуса лица в уголовном судопроизводстве его фактическим положением; 2) присвоение лицам, вовлекаемым в процесс уголовного судопроизводства до возбуждения уголовного дела, процессуального статуса, имеющего промежуточный (временный) характер, может усложнить (затянуть) процесс производства по сообщению о преступлении, затруднив лицу, пострадавшему от преступления, доступ к правосудию.

Таким образом, исходя из необходимости оптимизации уголовного судопроизводства, автору настоящей статьи ближе первый вариант решения рассматриваемого вопроса. То есть, лицо, пострадавшее от преступления, сообщение о котором проверяется, должно признаваться потерпевшим в любой момент уголовного судопроизводства, в том числе и до возбуждения уголовного дела.

Не противоречит это и общепринятому процессуальному определению потерпевшего, которое закреплено в ст. 42 УПК РФ. Им является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, моральный или имущественный вред, а также юридическое лицо, имуществу или деловой репутации

которого преступлением причинен вред. При этом лицо может приобрести статус потерпевшего, и, соответственно, стать участником производства по уголовному делу (в случае, если оно не является заявителем), только после вынесения уполномоченным должностным лицом постановления о признании его таковым. То есть лицо, которому преступлением причинен предусмотренный законом вред, до момента вынесения постановления о признании его потерпевшим, таковым не является. При этом нигде в законе не определен момент, с которого допускается вынесение уполномоченным лицом подобного постановления.

В свете изложенного требует рассмотрения вопрос о перечне лиц, наделенных полномочиями по осуществлению процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

Решение о наделении лица процессуальным статусом потерпевшего могут принимать не все перечисленные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ должностные лица, уполномоченные на проведение процессуальных действий, связанных с проверкой сообщения о преступлении, а только уполномоченные на это статьей 42 – то есть следователь или дознаватель. Помимо этого, исходя из буквального толкования положений главы 11 УПК РФ, можно прийти к выводу, что доказывание в досудебном производстве осуществляется исключительно следователем, дознавателем. Поэтому, в целях соблюдения требования о допустимости доказательств, в случаях возникновения необходимости производства следственных действий при проверке сообщения о преступлении, ее проведение целесообразно возлагать не на любое указанное в ч. 1 ст. 144 УПК РФ должностное лицо. Подобными полномочиями должны быть наделены только следователь или дознаватель, а в отдельных случаях – руководитель следственного органа (в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 39 УПК РФ), начальник подразделения дознания (в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ), поскольку только они уполномочены осуществлять собирание доказательств в досудебном производстве по уголовным делам. Соответствующие положения, видится необходимым закрепить в УПК РФ.

В завершении хотелось бы отметить, что придание лицу, пострадавшему от преступления, процессуального статуса потерпевшего (с соответствующим содержанием прав и обязанностей) на максимально раннем этапе (в настоящее время это производство по проверке сообщения о преступлении) позволит добиться наибольшей эффективности уголовного судопроизводства, в том числе и в реализации его назначения в части обеспечения защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Список литературы

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 04.03.2013 г.

- № 23-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления: 07.03.2013.
2. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. И. С. Дикарев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 408 с.
 3. Балакшин В. «Мелочи», препятствующие борьбе с коррупцией / В. Балакшин // Законность. 2008. № 11. С. 2-8.
 4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] // http://efremova.slovaronline.com/B/7420-V_TOM_CHISLE (дата обращения 10.04.2013 г.).
 5. Мартыничик Е. Г. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве / Е. Г. Мартыничик. – Кишинев: Штиинца, 1982. – 188 с.
 6. Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 179 с.
 7. Мисник И. В. Потерпевший в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Мисник. – Иркутск, 2005. – 210 с.
 8. Ширяева Т. И. Юридическое лицо как потерпевший: теоретические и практические проблемы участия в уголовном судопроизводстве: монография / Т. И. Ширяева. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – 144 с.
 9. По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 131-О [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления: 07.03.2013.
 10. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 09.02.2012) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Дата обновления: 07.03.2013.

УДК 343

А.Б. Шлипкина, аспирантка Тульского государственного университета

ИСТИТУТ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

В статье рассматриваются права законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых по законодательству РФ, а также способы повышения эффективности защиты, осуществляемой законными представителями.

Законным представительством в соответствии с российским законодательством признается представительство несовершеннолетних граждан или граждан, признанных недееспособными или ограниченными в дееспособности, родителями, усыновителями, опекунами, попечителями, другими лицами на основании предоставленного им законодательного права.

В рамках института законного представительства особое значение имеет правовая защищенность несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, поскольку указанные лица в большей степени нуждаются в правовой защите со стороны общества и государства.

Нельзя не согласиться с высказыванием председателя Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности Озерова В.А. о том, что «перспективы развития государства непосредственно зависят от физического здоровья, нравственного воспитания и образования подрастающего поколения» [1].

Борьба с преступностью несовершеннолетних, реабилитация несовершеннолетних, оказавшихся вовлеченными в преступную деятельность, должны быть одними из наиболее приоритетных направлений деятельности любого государства, что не может быть обеспечено без неукоснительного соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних.

Так, согласно официальным статистическим данным, уровень преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, за последние пять лет медленно снижается. Краткая характеристика преступности в РФ, составленная ГИАЦ МВД РФ, показывает, что в 2009 – каждое 17 преступление совершалось несовершеннолетними или при их участии, что составило 5,7% от общего числа выявленных лиц, совершивших преступление, в 2010 – каждое 18 преступление (5,5%), в 2011 года – каждое 18 преступление (5,5%), 2012 – каждое 20 преступление (5,1%), январь-март 2013 года – каждое 22 преступление (4,5 %) [2].

Однако указанные данные нельзя считать абсолютными. При анализе показателей воспроизводства населения усматривается, что многие регионы оказываются в числе вымирающих территорий, то есть наблюдается естественная убыль населения [3, с.14], в связи с чем, ежегодное снижение уровня преступности отчасти связано с естественной убылью населения, а также с достаточно высоким уровнем подростковой смертности.

Таким образом, принимая во внимание, что уровень детской преступности продолжает оставаться достаточно высоким, остро встает вопрос о соблюдении прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых.

В силу положений ч.12 ст.5 УПК РФ законными представителями являются родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства. Данный перечень является исчерпывающим, что также отражено в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 01 февраля 2011 г. №1 [4].

Однако с годами появляется все больше сторонников необходимости

расширения списка лиц, которые могут быть законными представителями несовершеннолетнего. Необходимость включения в число законных представителей иных близких родственников обусловлена, прежде всего, интересами самого ребенка, поскольку родные брат или сестра, бабушка или дедушка в отдельных случаях могут оказаться более эффективными защитниками для несовершеннолетнего, чем его родители или органы опеки и попечительства.

Права законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в ходе досудебного разбирательства закреплены в ч.2 ст.426 УПК РФ, в соответствии с которой законный представитель вправе: знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний; присутствовать при предъявлении обвинения; участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также с разрешения следователя - в иных следственных действиях, производимых с его участием и участием защитника; знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он принимал участие, и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в них записей; заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора; представлять доказательства; по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми материалами уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме.

Права законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в судебном заседании закреплены в ч.1 ст.428 УПК РФ, согласно которой, он имеет право заявлять ходатайства и отводы; давать показания; представлять доказательства; участвовать в прениях сторон; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения суда; участвовать в заседании судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Вместе с тем, в УПК РФ отсутствует норма, регламентирующая обязанности законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, что порождает безответственное поведение законного представителя.

Думается, что введение в УПК РФ конкретных обязанностей законного представителя, а также ответственности за неисполнение данных обязанностей приведет к повышению эффективности защиты несовершеннолетних и будет соответствовать интересам ребенка.

В настоящее время единственной формой ответственности, применяемой по отношению к недобросовестному законному представителю, является его отстранение от участия в деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ч.4 ст.426 УПК РФ).

Однако данная мера не может в полной мере обеспечить эффективное участие законного представителя в ходе предварительного следствия и судебного процесса. Наличие гражданско-правовой, а также уголовной ответствен-

ности за ненадлежащее исполнение законным представителем его прав, повысит уровень ответственности законного представителя при осуществлении им защиты несовершеннолетнего.

Уголовно-процессуальное законодательство РФ не содержит прямого запрета на участие в предварительном следствии и судебном заседании одновременно двух законных представителей несовершеннолетнего. Однако на практике ситуации, когда оба родителя заявляют желание участвовать в предварительном следствии в качестве законного представителя несовершеннолетнего, возникают крайне редко, что подтверждается проведенным интервью 120 следователей и дознавателей, случаи участия в деле двух законных представителей нами выявлены не были.

Выбор законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого происходит следователем или дознавателем с момента первого допроса. При этом, в УПК РФ отсутствует норма, обязывающая следователя и дознавателя тщательно подходить к выбору законного представителя, прорабатывать все возможные варианты и отдавать предпочтение законному представителю, наиболее соответствующему интересам ребенка. Также законодательством не предусмотрено выяснение мнения несовершеннолетнего относительно выбора законного представителя, что ущемляет его права на защиту, поскольку отношения с одним родителей, опекунов или попечителей могут быть негативными.

Вместе с тем, в интересах несовершеннолетнего и в целях повышения эффективности его защиты, следовало бы ввести обязанность следователей и дознавателей при выборе законного представителя составлять отдельный документ, в котором отражать все возможные варианты законного представительства несовершеннолетнего, с указанием причин выбора одного и отказа от другого. В документе также должно быть отражено мотивированное мнение самого несовершеннолетнего относительно каждого возможного законного представителя.

В соответствии с ч.3 ст.428 УПК РФ неявка своевременно извещенного законного представителя несовершеннолетнего подсудимого не приостанавливает рассмотрения уголовного дела, если суд не найдет его участие необходимым.

Считаем, что наличие данного положения в УПК РФ нарушает права несовершеннолетнего на полную и всестороннюю защиту, поскольку в данном случае несовершеннолетний подсудимый лишается одного из защитников.

Анализ уголовно-процессуального законодательства РФ наглядно демонстрирует, что в рамках проводимой в РФ либерализации правосудия в отношении несовершеннолетних, необходимо расширение прав и обязанностей законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и подсудимых с целью повышения качества защиты несовершеннолетних.

Список литературы

1. Озеров, В.А. Детская безнадзорность и беспризорность как один из факторов угрозы национальной безопасности России [Текст] / В.А. Озеров // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. Серия № 46 «Основные проблемы социального развития России», 2002. № 20 (176). – с. 6.
2. Официальный Интернет-портал Министерства внутренних дел РФ [Электронный ресурс] / URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports> (дата обращения 08.04.2013 г.).
3. Центр социально-консервативной политики в ЦФО «Центр» и НО «Фонд поддержки инновационных программ в социальной сфере «Социальная инноватика» «Качество жизни населения регионов ЦФО: динамика и социальная эффективность управления» [Текст] / Аналитический сборник. Москва – 2012.
4. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс] / Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.04.2013.

УДК 343.195

И.И. Эсмантович, кандидат исторических наук, доцент, декан юридического факультета Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины, Республика Беларусь

СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

В статье проводится анализ исторических и политических предпосылок создания и функционирования на постсоветском пространстве судов присяжных. Оцениваются перспективы расширения участия граждан в отправлении правосудия в Беларуси, отстаивается позиция о необходимости такового в разных процессуальных формах, в том числе и в форме суда с участием присяжных заседателей.

Прообраз суда присяжных появился на белорусских землях еще в XVI в. в Великом княжестве Литовском в виде войтовско-лавницких судов. До 1917 года суд общественной совести, как было принято называть суд присяжных, действовал в Западном крае почти 40 лет. Причем спустя 30 лет после его введения опытные юристы (председатели и прокуроры судебных палат) оценили суд присяжных «как лучшую форму суда, какую только можно себе представить для разрешения большей части серьезных уголовных дел» [1, с.24].

Частое упоминание суда присяжных при рассмотрении вопроса о расширении участия народа в отправлении правосудия не случайно, ибо эта форма судопроизводства — форма реального участия граждан в судебном рассмотрении дел, форма народовластия.

Идея возврата к суду присяжных с целью освобождения судей от их зависимости от местных властей была включена в Основы судостроительства СССР, принятые в 1989 г. В 1992 г. в советскую Конституцию были внесены поправки, предусматривающие право на разбирательство дела судом присяжных, а 16 июня 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации принял закон, предусматривающий разбирательство судом присяжных сложных уголовных дел, подсудных судам второго уровня общей юрисдикции, однако этот закон распространялся только на девять из восьмидесяти девяти субъектов Российской Федерации.

Ельцинская конституция 1993 г. укрепила право на судебное разбирательство судом присяжных, предусмотрев, что любой обвиняемый в преступлении, за которое может быть назначена смертная казнь, имеет право на суд присяжных. Новый российский УПК 2001 г. предусмотрел постепенное распространение суда присяжных на все 89 субъектов Российской Федерации начиная с 1 января 2003 г.

Как и все страны на постсоветском пространстве Республика Беларусь после провозглашения суверенитета в начале 1990-х годов стала перед сложным выбором собственной модели национального правосудия. Концепция судебно-правовой реформы Республики Беларусь была одобрена в апреле 1992 года и положила начало преобразованиям в судебной и правоохранительной системах нашей страны. Однако уже первые попытки претворить в жизнь эту концепцию столкнулись с суровой реальностью и невозможностью осуществления ряда положений, непринятием их практическими работниками, недостаточностью кадрового и материально-технического обеспечения [2, с.7].

Концепция судебно-правовой реформы 1992 г. в основу организационной структуры судебной власти предложила положить следующие начала:

- максимальное приближение суда к населению,
- сочетание единоличного и коллегиального порядка рассмотрения дел;
- участие народа в отпращивании правосудия в качестве присяжных заседателей.

Предложенные в Концепции судебно-правовой реформы принципы новой модели организации судебной власти законодателем были восприняты частично. Идеи о создании суда присяжных заседателей остались нереализованными. Первый судостроительный законодательный акт суверенной Беларуси — Закон от 13 января 1995 г. «О судостроительстве и статусе судей в Республике Беларусь» — сохранил прежнюю систему общих судов.

По сравнению с действующим Законом «О судостроительстве и статусе судей» в Кодексе о судостроительстве значительно расширяется, уточняется и конкретизируется система основных положений и принципов организации и функционирования органов судебной власти. В число концептуальных положений Кодекса был положен принцип участия граждан в осуществлении пра-

восудия. Данный принцип впервые нашел законодательное закрепление в постсоветской Беларуси.

Однако в действующем Уголовно-процессуальном кодексе участие народа в отпращивании правосудия в качестве народных заседателей предусмотрено в весьма узких пределах. Согласно ст. 32 УПК народные заседатели участвуют в рассмотрении уголовных дел о преступлениях, за которые определено наказание свыше 10 лет лишения свободы и по делам о преступлениях несовершеннолетних.

Результатом Совещания по вопросам совершенствования деятельности судов 3 июня 2011 года явилось Послание Президента Республики Беларусь о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь, в котором предложено рассмотреть вопрос о возможности введения института присяжных заседателей как одного из направлений совершенствования процедуры судопроизводства [3].

Мировая тенденция в настоящее время предполагает расширение участия представителей гражданского общества в судопроизводстве. В ногу с этой тенденцией идут Российская Федерация и Украина, предполагается введение расширенной коллегии заседателей в Республике Казахстан по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

В Российской Федерации суд присяжных, который, как известно, имеет в своем составе 12 присяжных заседателей, с января 2003 г. введен на всей территории страны, хотя нападки на этот суд продолжаются до сих пор, время от времени разгораясь с новой силой.

Анализируя подобное явление, великий юрист, ученый, государственный и общественный деятель А.Ф. Кони в свое время по этому поводу писал: «Суд присяжных слишком глубоко затрагивает многие стороны общественной жизни и устройства. Поэтому он всегда и почти повсюду вызывал в первые годы своего существования нападения на свою деятельность и переживал период сначала глухого недовольства со стороны отдельных лиц и целых общественных групп, а потом и открытой, резкой критики и сомнений в его целесообразности и даже разумности. Для живого учреждения борьба неизбежна. Ею покупается настоящая прочность» [1, с. 23].

На наш взгляд, целесообразно расширять участие народных представителей в судебной деятельности, что будет содействовать росту правосознания и законопослушания граждан, их социальной активности и гражданственности, явится существенной гарантией права обвиняемого на защиту, особенно по делам большой общественной опасности, когда законом предусматриваются суровые меры наказания за содеянное, вплоть до пожизненного заключения и смертной казни. Можно будет утверждать и об усилении общественного контроля за отпращиванием правосудия.

Проведенные социологические исследования в Республике Беларусь,

свидетельствуют о предпочтении белорусскими судьями такой формы участия граждан в осуществлении правосудия, как институт народных заседателей (37% опрошенных судей высказались за народных заседателей, 27% — за присяжных) [4].

Противники суда присяжных подчеркивают такие социальные факторы, как занятость абсолютного большинства граждан на производстве и другой работе, необходимость соответствующих помещений, возмещение расходов по явке в суд и исполнению судебных обязанностей. Сторонники суда присяжных предлагают распространить суд присяжных на хозяйственное судопроизводство, привлекать в хозяйственное судопроизводство заседателей, обладающих опытом хозяйственной деятельности, имеющих соответствующее образование.

Конечно, экономичнее профессиональный суд, тем более — суд единоличного судьи. Профессиональные суды функционируют в Японии, Нидерландах, ряде мусульманских и арабских государств. Однако, подавляющее большинство европейских стран обеспечивают участие народа в уголовном процессе в форме суда присяжных либо смешанных судов.

Несмотря на то, что ни один международный договор по правам человека не предусматривает участие народа в отправлении правосудия как обязательный компонент демократического и справедливого уголовного процесса, участие народа в отправлении уголовного правосудия, в особенности в форме суда присяжных, явилось ключевым элементом проведенных в Европе и в других странах реформ. В конце XVII — начале XVIII вв. в Англии право на суд присяжных явилось основой для американского Билля о правах 1791 г. Франция ввела суд присяжных в 1789 г., большинство германских государств ввели суд присяжных после неудавшейся революции 1848 г. Суд присяжных также был включен в Уголовно-процессуальный кодекс объединенной Германии в 1871 г. Россия ввела суд присяжных в ходе великих судебных реформ, проведенных царем Александром II в 1864 г. За ней последовали Испания, Австрия, Дания, Норвегия и другие государства [5, с.61-62].

Можно выделить исторические и политические причины, которые требуют участия народа в судопроизводстве. Суд присяжных способен защитить судейский корпус от возможной зависимости судей от органов исполнительной власти или от политических партий; чрезмерной зависимости судей от общественного мнения; чрезмерной формализованности при отправлении правосудия или профессиональной деформации судей; бюрократизации судебной власти, например, принятия судебных решений под влиянием желания подняться по служебной судебной лестнице.

Практика показывает, что даже сильная и политически независимая судебная власть может быть излишне политизирована и зависеть от общественного мнения. К примеру, при вынесении судьей «непопулярного» решения, в результате которого выходит на свободу обвиняемый, судья может быть не пе-

реизбран на должность. Судебная власть может чрезмерно концентрироваться на защите своих корпоративных интересов за счет других интересов, заслуживающих защиты.

Участие народа в отпращивании правосудия традиционно представлялось как право и обязанность граждан в демократическом обществе. В современном обществе оно должно служить узакониванию назначения уголовных наказаний в глазах людей, воспитывать законопослушных граждан. Народное участие в отпращивании уголовного правосудия «очеловечит» суды и заставит судей, прокуроров и адвокатов больше работать, критично относиться к доказательствам.

Главное отличие института присяжных заседателей от ранее существовавшего института народных заседателей в том, что институт народных заседателей представляет собой в большинстве случаев безмолвных представителей народа, полностью зависимых от мнения профессионального судьи, в то время как институт присяжных заседателей не зависит от мнения профессионального судьи, председательствующего в процессе, выносит свои решения, руководствуясь своим правосознанием и своей совестью [4].

Нельзя не отметить и воспитательное значение суда с участием присяжных заседателей, которые признают подсудимого виновным в совершении преступления от имени общества, членами которого они являются, осуждают преступление, как противоправное поведение, не принимаемое обществом. Лицо, чья виновность в совершении преступления признана доказанной на основании вердикта присяжных заседателей, также понимает, что его осудил не профессиональный суд, а общество, членом которого он является, и которому, совершая преступление, он себя противопоставил.

Суд присяжных исключает возможность воздействия на профессионального судью, так как не он решает вопрос о виновности подсудимого в совершении преступления. Таким образом, участие присяжных заседателей содействует качеству предварительного следствия, более тщательной подготовке государственных обвинителей к участию в разбирательстве дел. Оправдывая подсудимого, присяжные заседатели от имени общества дают соответствующую оценку деятельности правоохранительных органов по производству предварительного расследования, собиранию и оценке доказательств и предоставлению их суду.

Список литературы

1. Мартинович, И.И. Проблемы модернизации судебной системы Беларуси в постсоветский период [Текст] / И.И. Мартинович // Судебные реформа в странах СНГ : сб. науч. ст. / сост. Л.Л.Зайцева. – Мн.: Тесей, 2005. – С. 15-28.
2. Сукало, В.О. Судебная реформа в Республике Беларусь [Текст] / В.О. Сукало // Судебные реформа в странах СНГ : сб. науч. ст. / сост. Л.Л.Зайцева. – Мн.: Тесей, 2005. – С. 7-14.

3. Послание о перспективах развития системы общих судов Республики Беларусь : Утв. Указом Президента Республики Беларусь № 454 от 10 октября 2011 г. [Текст] // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2011. - № 115, 1/12986.
4. Нужен ли в Беларуси суд присяжных? [Электронный ресурс] / URL : <http://belaruspartisan.org>. (дата обращения 04.04.2013).
5. Тейман, С. Введение народного участия в отправлении правосудия в Республике Казахстан [Текст]/ С. Тейман // Российская юстиция. – 2004. - № 6. – С. 61 – 69.

Раздел II. Криминалистика, судебная экспертиза и оперативно-розыскная деятельность на современном этапе развития науки и практики

УДК 343.96

Е.В. Александренко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуальной деятельности Национальной академии внутренних дел Украины, г. Киев

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ УБИЙСТВ

В статье рассмотрены современные возможности криминалистики и судебной экспертизы и основные направления их использования при раскрытии и расследовании серийных сексуальных убийств: для установления преступника и доказывания его виновности, исследования вещественных доказательств.

От других преступлений, в том числе убийств, серийные сексуальные убийства отличаются не только значительным количеством жертв и наиболее сложным и жестоким способом причинения смерти, но и особенностями следовой картины.

Зачастую о сексуальном убийстве (первом в серии преступлений или о последующих преступных эпизодах) становится известно после обнаружения трупа жертвы. Результаты осмотра, проводимое во время или после указанного следственного (розыскного – по УПК Украины 2012 года. – Е.А.) действия сопоставление ряда признаков, в том числе: обстановки места происшествия, позы трупа, состояние его одежды, информация о манипуляциях с телом жертвы, наличие «автографа» и прочее дает основания предполагать именно сексуальный характер преступления, относимость его к серии совершенных убийств. Это влечет за собой необходимость более тщательного осмотра, выявления и изъятия *всех* объектов, правильная оценка относимости которых, их надлежащее исследование в рамках современных возможностей криминалистики и судебных экспертиз могут указать на правильное направление расследования с целью скорейшего установления преступника.

Исходя из мотива и особенностей совершения указанных преступлений, зачастую отсутствуют традиционные следы (рук, ног, зубов, орудий преступления, транспорта и др.). Поэтому для поиска преступника необходимо искать

и изымать *все* объекты жизнедеятельности его организма, которые он не мог уничтожить, и которые могли остаться на месте обнаружения трупа, его частей, на теле и одежде жертвы, на орудиях преступления и прочих предметах. Например, следы пальцев рук преступника при касании им ногтей на руках жертв потерпевших, особенно – покрытых лаком, касание им элементов одежды потерпевших (пуговицы, застёжки, ремни, обувь, очки и т.д.), обуви. Даже один след, единственный отпечаток пальца может сыграть важную роль в доказывании виновности подозреваемого, особенно когда он выявлен и исследован своевременно, а результаты экспертизы использованы в установлении преступника. По делу Ряховского заключение дактилоскопической экспертизы отпечатка пальца, обнаруженного на стекле очков потерпевшей и ей не принадлежавшего, поступило следователю спустя долгое время после задержания убийцы.

Современные возможности судебных экспертиз позволяют исследовать самые различные объекты, материалы и разрешать многие вопросы расследования. Биологические объекты на телах, одежде потерпевших волосы, чешуйки эпидермиса (в подногтевом содержимом жертвы), слюна, сперма, пот, иногда кровь преступника, оставшиеся в результате совершения сексуальных убийств, несут важную информацию о свойствах человека, извлечь которую можно лишь экспертным путем, в частности с помощью серологических методов (групповые характеристики) и новейших методов ДНК-анализа (индивидуальные свойства). Результаты генотипоскопических исследований при наличии ряда условий позволяют отождествить человека по его следам биологического происхождения. Исследование объектов указанными методами позволяет соотнести следы с конкретным человеком; идентифицировать личность того, кто оставил следы в разное время и в разных местах. Известное в США дело о серии сексуальных убийств («дело Гринривер», 1996 год) долгое время оставалось нераскрытым. Только в 2001 г. фамилия "убийцы с Грин-ривер" была определена посредством использования технологии идентификации ДНК. Обобщение научной информации лет последних дает основания для вывода, что в перспективе за ДНК-профилем возможно установление фенотипических характеристик лица (возраст, цвет глаз, волос и др.) [1].

Сегодня многие предложения ученых-криминалистов и практиков находят свое понимание у законодателей. Ведомственный приказ МВД Украины об организации взаимодействия органов досудебного расследования с другими органами и подразделениями ОВД в предупреждении, выявлении и расследовании уголовных правонарушений (2012 г.) предусматривает, что в состав СОГ, выезжающей на место совершения преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности в обязательном порядке включается следователь территориального органа, специализирующийся на расследовании дел указанной категории. Также при наличии на месте проис-

шествия трупа (его частей) человека к осмотру места происшествия **обязательно** привлекается судмедэксперт и эксперты научно-исследовательского экспертно-криминалистического центра (НИЭКЦ) соответствующей специализации (криминалисты, **биологи**, баллисты (выделено мной – Е.А.). Участие таких специалистов с самого начала расследования помогает эффективному выявлению, фиксации и изъятию необходимых объектов и образцов, их дальнейшему исследованию при проведении экспертиз.

Осмотр трупа жертвы серийного сексуального убийцы имеет свои особенности, к нему должна применяться отличная от осмотра трупов других видов убийств методика. Поэтому он не станет предметом рассмотрения в настоящей работе. Этому будут посвящены наши последующие публикации.

Если даже при ОМП и трупа ничего не выявлено и не изъято (а это зависит от уровня подготовленности и квалификации следователя, его знаний об обстановке, особенностях совершения и следовой картине серийных сексуальных убийств и от желания искать таковые следы), нельзя говорить о «безрезультативности» данного следственного (розыскного) действия. Важным является подтверждение версии о сексуальном характере убийства, что влечет использование других, т.н. «нетрадиционных» средств и методов установления преступника.

Одним из них является метод использования «психологического профиля» («психологического портрета», «психолого-криминалистического портрета (далее – «ПКП». – Е.А.). Этот метод основан на утверждении, что личность преступника проявляется в его поведении. Некоторые часто повторяющиеся способы поведения, что характерно для личности серийных убийц, со временем, с каждым новым убийством доводятся до автоматизма, неподвластному контролю сознания. Отсюда, оставленные на месте совершения преступления, на месте сокрытия трупа или его частей, следы выступают своеобразными «психологическими маркерами», которые позволяют судить о привычных способах поведения преступника, а через них – позволяют составить представление о его личности (создать „портрет”) [2, с. 4-5]. На основании представленных следствием данных (результатах осмотров мест происшествий, трупа, его одежды, исследования оставленных следов, микрообъектов, установления механизма причинения телесных повреждений, причины и времени наступления смерти, и т.д.) может быть составлено описание преступника (портрет) с указанием: его расы, пола, возраста, семейного положения, социального и служебного статуса, возможных сексуальных проблем (болезнь, парафилия и пр.), возможное уголовное прошлое, вероятности совершения преступления в прошлом, возможности совершения нового преступления и др.

По меткому замечанию Джона Дугласа, одного из признанных в мире специалистов - „профайлеров”, на основании построенного профиля личности могут быть даны предложения по следственной стратегии при расследовании и

судебном рассмотрении уголовных дел серийных убийц.

Следующим методом, который может успешно использоваться при решении отдельных задач расследования серийных сексуальных убийств, является использование полиграфа. Его эффективность подтверждает следующий пример из следственной практики. При расследовании умышленного убийства Б-й, совершенного на сексуальной почве в марте 1996 года в г. Ковеле, Волынской области, и девять лет остававшегося нераскрытым, после задержания подозреваемого Д. его показания были проверены на полиграфе. По результатам проверки установили, что:

1) Д. скрывает информацию об обстоятельствах убийства: что подмешивал потерпевшей кофеиносодержащие таблетки, вступал с ней в половую связь в день убийства;

2) Вероятнее всего, что Д. нанес первые удары потерпевшей Б-й сразу после окончания полового акта;

3) Кроме эпизода с Б-й, Д. причастен еще к нескольким эпизодам изнасилований;

4) В процессе тестирования Д. проявлял вербальные и невербальные признаки лжи и стремился противодействовать процедуре опроса. Также в межтестовых и послетестовых беседах со специалистом полиграфа Д. пытался создать впечатление потери памяти, хотя про другие события того же периода, не связанные с преступлением, помнил хорошо. Проведенное психофизиологическое интервью было процессуально оформлено в материалах уголовного дела допросом специалиста и дополнением к протоколу допроса в виде справки [3].

Применение всех возможностей, средств и методов, имеющихся в распоряжении криминалистов в настоящее время, в комплексе, правильные выводы из заключений экспертов, их надлежащее использование в ходе расследования, может существенно помочь установлению всех обстоятельств совершенных преступлений и доказыванию виновности подозреваемых в совершении серийных убийств.

Список литературы

1. Дяченко Н.М. Основні етапи розвитку молекулярно-генетичної експертизи в Державному науково-дослідному експертно-криміналістичному центрі МВС України [Текст] // Криміналістичний вісник: наук.-практ. збірник ДНДЕКЦ МВС України. – К., 2011. - № 1. - С. 165-169.
2. Психолого-криміналістичний портрет невстановленого злочинця: [Текст] // М-во внутр. справ України ; Експертна служба ; [авт.-уклад. : С.О. Шевцов, А.І. Тимошенко, С.М. Лозова]. – Х. , 2011. – 66 с.
3. Бистрицький Ю.І. Досвід розслідування злочинів минулих років [Текст] // Слідча практика: зб. / уклад. О.О. Крюков. – К.: УВПД ГШ МВС України, 2009. С. 133-134.

Д.В. Алымов, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

О НЕКОТОРЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТОВ-СМЕРТНИКОВ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, возникающие при расследовании террористических актов, совершаемых террористами-смертниками. При этом принципиальное значение имеют те признаки и свойства личности потенциальных террористов-смертников, которые непосредственно связаны с причинами и условиями совершения актов самоподрыва.

На сегодняшний день борьба с терроризмом является одной из наиболее острых проблем, решаемых как внутри нашего государства, так и на международном уровне. Этот социально опасный феномен проявляется в различных формах, включая в себя этнические, религиозные, политические, идеологические и другие компоненты.

А.В. Змеевский, В.Е. Тарабин совершенно справедливо высказали мнение о том, что терроризм является весьма сложным и многоплановым явлением, которое помимо правовых затрагивает целый ряд проблем – психологических, исторических, технологических и т.д. [1, с. 14]. При таком многообразии проблемных вопросов мировому сообществу на сегодняшний день сложно выработать единое определение терроризма, хотя сущностные черты этого социально опасного явления, безусловно, понятны для всех.

По мнению М.П. Требина, насильственные акции приобретают характер террористических, когда они направлены на нагнетание атмосферы страха и безысходности. В этом случае в систему террористических средств входят не только действия, непосредственно угрожающие жизни и безопасности людей, но и бескровные операции превентивного, запугивающего типа, вроде поджогов или взрывов в безлюдных помещениях – магазинах, офисах, штаб-квартирах политических партий, на промышленных предприятиях и т.д. [2, с. 19].

Мировое сообщество в целом, а также отдельные государства должны выработать наиболее приемлемую стратегию по борьбе с любыми формами террористической деятельности.

Однако среди множества форм террористической деятельности наибольшую опасность представляют те из них, которые связаны с использованием террористов-смертников.

В последнее время проявление суицидального терроризма стало довольно распространенным в Российской Федерации.

При этом в криминалистической литературе редко встречаются научные исследования, направленные на изучение личностных особенностей террористов-смертников, а также способов противодействия этой форме проявления терроризма.

Тем не менее, получение криминалистически значимой информации о личности террориста-смертника открывает прямой путь к установлению организаторов и пособников теракта.

Использование террористов-смертников охватывает несколько форм терроризма, включающих в себя организацию и подготовку террористического акта, а также непосредственную его реализацию.

С другой стороны, использование террористов-смертников, является одним из способов совершения террористического акта, где исполнитель вполне осознанно идет на собственное самопожертвование в целях успешного проведения акции.

Однако для большинства террористов-смертников и их единомышленников самоуничтожение толкуется как героический поступок во имя высших целей.

Использование террористов-смертников обусловлено несколькими причинами:

- ростом числа подходящих кандидатов в террористы–смертники (ухудшение уровня жизни, возрастание количества вдов, сирот, одиноких, отверженных, обиженных, озлобленных, агрессивных людей, оказавшихся в трудных, на их взгляд, безвыходных ситуациях, потерявших чувство привлекательности жизни и готовых при определенных условиях, как позитивных (идея, вера, любовь), так и негативных (шантаж, дискредитация, страх), расстаться с жизнью);

- наименьшим риском и наибольшей скрытностью при доставке взрывчатых веществ к месту скопления большого количества людей (возможность проноса под видом личных вещей, в том числе с размещением на теле под одеждой);

- относительной дешевизной подготовки террористов-смертников;

- возможностью уйти от ответственности организаторам террористических акций. Деятельность террористов-смертников осуществляется в рамках идеологических течений и общественно-политических движений, стремящихся повлиять на процесс общественного развития, исходя из собственных, агрессивных представлений о нормах жизни. [3]

По нашему мнению, изучение личностных особенностей террористов-смертников должно осуществляться на основе комплексного подхода с использованием различных отраслей научного знания.

Во-первых, при изучении личностных особенностей потенциальных террористов-смертников следует использовать социологический подход, который направлен на исследование тех институциональных форм лица, которые выражены в системе его отношений с социальной средой.

В данном случае речь идет о лицах, мало образованных в интеллектуальном либо нравственном плане, столкнувшихся с социальными или личными проблемами, утратившими необходимые жизненные ориентиры, а также не нашедшие для себя достойного применения. При этом часть этих лиц проявляют интерес к различным радикальным, экстремистским или религиозным организациям, которые предлагают простые способы решения различных проблем, быстро поддаваясь влиянию руководителей, идейных и духовных вдохновителей.

Во-вторых, в целях изучения личности террористов-смертников, необходимо использовать психологический и психофизиологический подходы, которые позволяют изучить особенности их состояний, детерминирующих совершение террористического акта, а также выяснить мотивы и цели, которыми они руководствуются при совершении самоподрыва.

Использование данного подхода позволяет выделить несколько групп потенциальных террористов-смертников.

1. Террористы-экзистенциалы. В основе психотехнологии производства самоубийц лежит не только искусство манипулирования психопатологическим сознанием потенциального террориста-смертника, но и феномен экзистенции, присущий всем людям — скрытой способности людей жертвовать своей жизнью ради Великой Цели или Ценности (детей, отечества, Бога, Святого и т. п.) и на этой основе ощущать свою уникальную сущность и ценность. Человек всегда душой открыт к тому, чтобы почувствовать свою экзистенцию, ощущение которой, согласно экзистенциальной философии, возможно только в пограничной ситуации между жизнью и смертью.

2. Террористы-психопаты. Этот тип основывается на низшем уровне инстинкта собственной смерти. Он проявляется в виде садомазохизма, психопатологической агрессии, маниакального синдрома и мании величия. Такой тип требует наименьшей обработки и манипуляции. Им достаточно указать на мишень воздействия и обосновать ценности, которые смертник «получит» после своей смерти.

3. Террористы-суицидники. Они страдают сильными депрессиями, благодаря которым у них отсутствуют ценности и смысл жизни (позитивные переживания и т.п.), которые привязывали бы их к жизни. Этот тип желает избавиться от этих страданий, выключив собственную жизнь. Организаторы актов терроризма просят их о том, чтобы это выключение произошло с «пользой» не только для них (суицидников), но и для других, т.е. в нужной для террористического акта ситуации, создают такие условия, чтобы усугубить суицидные

желания своей жертвы и воспользоваться ими.

4. Террористы-инфантилы. Это часто безграмотные, инфантильные (не способные к учёбе и познанию) и неимущие фанаты (в частности религиозные). Психотехнология манипулирования в данном случае основывается на когнитивных структурах (незнании и безграмотности жертвы).

5. Террористы-зомби. Это одна из самых распространённых технологий манипулирования, основанная на воздействии на психофизиологические структуры. В этом случае искусственно создаётся психологическая и физическая зависимость от психоактивных веществ. Чрезмерное периодическое употребление наркотика постепенно приводит к деградации сознания и потере психического контроля, что способствует более эффективному проведению внешних установок на проведение конкретных террористических действий.

6. Террористки-вдовы. Социально-психологические исследования показывают, что многие вдовы после смерти супругов очень долго, вплоть до собственной смерти, страдают депрессией. Именно этот феномен используют организаторы актов терроризма.

7. Террористы-гибриды. Необходимо отметить, что вышеприведённая типология условна и в действительности имеют место смешанные типы потенциальных террористов-смертников [4].

В-третьих, с точки зрения криминалистического подхода к изучению личности террориста-смертника основной акцент сделан на исследование признаков и свойств, которые указывают на его закономерные связи с совершенным актом самоподрыва, проявляющегося в многообразных следах (материальных, идеальных). Из всего множества свойств и качеств личности террориста-смертника интерес криминалистов вызывают лишь те из них, которые участвуют в процессе детерминации механизма преступления и обуславливают особенности процесса следообразования.

Таким образом, в криминалистическую характеристику террориста-смертника должны входить не только социальные, профессиональные, криминальные свойства, но и те качества, без которых невозможно совершение объективной стороны преступления, поскольку личность в криминалистике исследуется во взаимной связи со способом совершения преступления. В данном случае проявляются общие признаки и свойства человека, имеющие важное розыскное ориентирующее значение.

При этом следует учитывать, что уровень общей подготовки террористов-смертников не имеет принципиального значения. Вся специальная подготовка сводится к достижению беспрекословного подчинения наставникам и готовности к самопожертвованию [3].

Наличие уровня подготовки отличают террористов-смертников от «убийц-взрывников», которые, во-первых, являются специалистами во взрывотехнике, во-вторых, имеют определенную специфическую особенность, кото-

рая влияет на выбор орудия совершения преступления, в-третьих, тщательно планируют и готовят криминальный взрыв [5, с. 226].

Таким образом, криминалистическое изучение личности террориста-смертника сводится к тому, что – это, прежде всего конкретный индивид, обладающий определённым набором свойств и качеств: социальных, психологических, психофизиологических и т.д. Исследование личности террористов-смертников должно происходить по комплексу всех вышеуказанных признаков и свойств. Перед следователем стоит задача собрать как можно больше сведений о лице, совершившем самоподрыв, используя при этом широкий спектр технико-тактических средств и приемов, а также методических рекомендаций, используемых при расследовании преступлений террористической направленности.

Также следует подчеркнуть, что для криминалистического изучения личности террористов-смертников необходимо проникнуть в сущность терроризма как социального явления с точки зрения уяснения многообразных форм его проявления и всего спектра причин, его порождающих.

Список литературы

1. Змеевский А.В., Тарабин В.Е. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества [Текст] // Международная жизнь. – 1996. – №4 – С. 12-17.
2. Требин М.П. Терроризм в XXI веке [Текст] / М.П. Тербин. – Мн.: Харвест, 2004. – 816 с.
3. Смирнов В.Н. Примерный психологический портрет террориста-смертника [Текст] // Труды академии управления МВД России. - М. - 2007,. - № 4. - С. 99-101
4. Смертники. Психология шахидов [Электронный ресурс] URL: // <http://www.apn.ru/publications/article22556.htm> (дата обращения: 29.03.2013 г.).
5. Кряжев В.С. Особенности личности «убийцы-взрывника» [Текст] // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: материалы междунар. науч.-практ. интернет конф., Иркутск, 16-30 апр. 2012 г. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. - С. 224-227.

УДК 343.132.1

Д.В. Алымов, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

А.М. Максимова, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета

АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «МЕСТО ПРОИСШЕСТВИЯ»

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с определением понятия «место происшествия» с позиции различных авторов. Особое внимание уделено проблеме процессуальной регламентации порядка производства осмотра места происшествия – жилого помещения. В статье также сформулированы предложения относительно устранения пробелов в действующем законодательстве, связанных с возможностью производства осмотра места происшествия – жилого помещения на стадии доследственной проверки.

Осмотр места происшествия является одним из наиболее распространенных следственных действий, которое направлено на обнаружение и закрепление следов преступления и вещественных доказательств, выяснение механизма и мотивов преступления, а также использования этих данных для решения общих и частных задач расследования.

На сегодняшний день в уголовно-процессуальной и криминалистической науке и практике проблема определения понятия «место происшествия» является весьма актуальной и требует детального исследования.

Некоторые ученые подходят к определению данного понятия слишком широко, указывая, что местом происшествия является место совершения преступления и место обнаружения его следов.

Так, например, Т.С. Седова и А.А. Эксархопуло полагают, что «местом происшествия могут быть не только то место, где обнаружены различные следы, указывающие на его связь с преступлением» [2, с. 11].

Е.Е. Центров, определил место происшествия как участок местности, в пределах которых обнаружены следы и объекты, относящиеся к расследуемому событию, т.к. преступный результат может быть обнаружен не только там где совершено преступление, но и в другом месте [2, с. 13].

На наш взгляд, такой подход к определению понятия «место происшествия» является не совсем верным. Если следовать логике авторов, то по одному делу может быть несколько мест происшествий: место, где осуществлялась подготовка к совершению преступления, место совершения преступления, место сокрытия следов преступления и т.д. Во-первых, это приведет к подмене

осмотра места происшествия иными видами следственного осмотра или иными следственными действиями (обыском, проверкой показаний на месте, следственным экспериментом), во-вторых, могут утратить свое значение иные виды осмотра, например, осмотр жилища, участков местности и т.д., в-третьих, некоторые доказательства, собранные на стадии доследственной проверки, могут быть признаны недопустимыми в силу того, что их сбор, фактически, может быть осуществлен в рамках процессуальных действий, производство которых уголовно-процессуальный закон допускает только после возбуждения уголовного дела.

Сторонники узкой трактовки места происшествия полагают, что местом происшествия следует признавать только место, в пределах которого было совершено преступление либо иное событие, некриминальный характер которого на момент осмотра неизвестен.

Так, например, Д.П. Рассейкин под местом происшествия понимает территорию, где непосредственно произошло подлежащее осмотру событие [2, с. 16].

Сторонники данной точки зрения считают, что одному преступному событию соответствует одно место происшествия – место, где было совершено преступление [3, с. 14].

В данном случае возникает необходимость в разграничении понятий «место преступления» и «место происшествия».

Дело в том, что в большинстве случаев место преступления и место происшествия совпадают. Исключение составляют случаи обнаружения трупа, перемещенного с места убийства, похищенного имущества, орудий преступления, следов и иных вещественных доказательств, в том числе транспортных средств.

Таким образом, понятие «место происшествия» представляется шире понятия «место преступления».

Кроме того, в данном случае необходимо исходить из характера следственной ситуации и той информации, с которой следователь столкнулся изначально.

Приступая к осмотру, следователь, как правило, еще не знает, является ли событие, подлежащее расследованию, следы которого обнаружены в данном месте, преступлением или не является, а если это преступление, то совершено ли оно здесь или в ином месте. В данном случае следователь использует правило, в соответствии с которым обнаружение следов события, требующего расследования, всегда является происшествием, место обнаружения этих следов является местом происшествия, а его осмотр – осмотром места происшествия.

При этом, сторонники узкой трактовки понятия «место происшествия» четко разграничивают осмотр места происшествия от иных видов следственно-

го осмотра и иных следственных действий.

Проблема заключается в том, что если, к примеру, совершено преступление в жилом помещении, где проживает подозреваемый, то возникает два существенных вопроса: можно ли считать данное жилое помещение местом происшествия и протоколом какого следственного действия оформлять результаты осмотра?

В уголовно-процессуальной криминалистической науке неоднократно высказывалось мнение о том, что ход, содержание и результаты осмотра места происшествия, которым является жилище, необходимо фиксировать в протоколе осмотра жилища на основании постановления следователя, а при отсутствии согласия проживающих в жилище лиц добиваться судебного разрешения [1, с. 26].

При этом некоторые авторы утверждают, что если в момент осмотра места происшествия – жилища следователю станет известно, что данное жилое помещение местом происшествия не является, то он должен немедленно завершить осмотр места происшествия и перейти к производству осмотра жилища, зафиксировав его результаты в соответствующем протоколе.

Следует отметить, что такое положение дел в практике встречается крайне редко. В подавляющем большинстве случаев следователи оформляют результаты данного вида осмотра протоколом осмотра места происшествия.

И в тех, и в других случаях протоколы осмотра жилища или места происшествия недопустимыми доказательствами не признавались и были положены в основу приговора.

Однако, исходя из норм уголовно-процессуального закона, осмотр следов преступления в жилище должен быть проведен соответствии с ч. 5 ст. 177 и оформляться протоколом осмотра жилища. При этом следует обязательно учитывать тот факт, что производство осмотра жилища допустимо только после возбуждения уголовного дела, даже если на то есть согласие проживающих в нем лиц.

Но как же следователю поступить в случае, когда жилище является местом происшествия?

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский предлагают исходить из того, что если ч. 2 ст. 176, допускает производство осмотра места происшествия в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела, то и осмотр жилища, если оно является местом происшествия, также может быть проведен до возбуждения уголовного дела (с соблюдением правил, установленных ч. 5 ст. 165 УПК РФ) [4, с. 456].

Однако остается проблемный вопрос, связанный с отсутствием в законе регламентации порядка проведения осмотра места происшествия – жилища без согласия проживающих в нем лиц или в их отсутствие. Тем самым может быть нарушен конституционный принцип неприкосновенности жилища.

В целях устранения существующего пробела, на наш взгляд, наиболее подходящим следует считать точку зрения А.М. Феоктистова, который предлагает включить в ст. 5 УПК РФ понятие места происшествия как участка местности, жилого либо нежилого помещения, транспортного средства, воздушного, морского или речного судна, в пределах или на территории которого произошло расследуемое деяние. Это позволит более четко оперировать нормами уголовно-процессуального закона при осмотре места происшествия, включить в категорию «место происшествия» жилище, осмотр которого закон в рамках доследственной проверки не регламентирует [5].

Также указанный автор предлагает включить в ч. 2 ст. 176 УПК РФ положения об обязательном уведомлении судьи в течение 24 часов после проведения осмотра места происшествия в жилище до возбуждения уголовного дела при отсутствии согласия проживающих в нем лиц. Такое дополнение, с одной стороны, по сути «узаконит» сложившуюся практику осмотра жилища до возбуждения уголовного дела, а с другой — распространит порядок судебного контроля на этот массив следственных действий, защитив конституционные права и свободы граждан [5].

Таким образом, в целях недопущения подмены осмотра места происшествия иными видами следственного осмотра, а, тем более, иными следственными действиями, необходимо на законодательном уровне решить проблему четкого определения понятия «место происшествия». При этом, данное понятие должно быть гибким и актуальным для различных следственных ситуаций.

По нашему мнению, проблема определения понятия «место происшествия» во многом связана с характером сложившейся следственной ситуацией, а также информацией, с которой сталкивается следователь изначально. В целом мы придерживаемся позиции авторов – сторонников узкого толкования понятия «место происшествия», которые под местом происшествия понимают место совершения преступления.

Однако следователь изначально не может ответить на вопрос, совершено ли преступление в том или ином месте. Если в ходе осмотра выяснится, что место совершения преступления и место происшествия не совпадают, то не следует переоформлять результаты уже начавшегося к этому времени осмотра места происшествия протоколом иного следственного действия. Вполне возможно, что место обнаружения последствий преступного события за пределами места совершения преступления могут быть реализованы при производстве иных видов следственного осмотра или иных следственных действий, регламентированных нормами УПК РФ. Производство указанных следственных действий оформляется при этом соответствующим протоколом.

Исключением является ситуация, когда, например, следы преступления обнаружены в жилище и неподалеку за его пределами.

По логике вещей, в данном случае необходимо составление, как мини-

мум, двух протоколов – протокола осмотра жилища и протокола осмотра места происшествия.

На наш взгляд, в том случае, когда следы преступного события обнаружены в жилом помещении и за его пределами, но в непосредственной близости от него, то не следует оформлять результаты этих осмотров разными протоколами (протоколом осмотра места происшествия и осмотра жилища). В данной ситуации целесообразно оформить результаты проведенных осмотров протоколом осмотра места происшествия. Это позволит, прежде всего, избежать необоснованного увеличения количества процессуальных документов и путаницы в процессе исследования и оценки, собранных по делу доказательств.

Список литературы

1. Власенко Н., Иванов А. Осмотр жилища [Текст] // Законность. - 2004. № - 11. - С. 24—27.
2. Мамонов В.С. Степанов В.В. Осмотр места происшествия: правовые, научные, основы и практика применения [Текст]. –М.: Юрлитинформ, 2010. С 11-13.
3. Мамонов В.С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты осмотра места происшествия в современных условиях. [Текст] / Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Краснодар. 2008. -с. 27.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ [Текст] / Под ред. А. В. Смирнова, К. Б. Калиновского. СПб.: Питер, 2004. -с. 848.
5. Феоктистов А.М. Осмотр места происшествия — жилища подозреваемого/ http://www.ugpr.ru/arhiv/14_fev_2006/topic141_osmotr_mesta_proisshestiya__jilisca_podozrevaemogo.html

УДК 343.985

А.С. Антимонов, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Рассматриваются вопросы тактики допроса несовершеннолетних девушек в процессе расследования преступлений.

Допрос является наиболее распространенным следственным действием, основная цель которого, это получение новых и конкретизация уже установленных обстоятельств расследуемого преступления.

Допрос – это следственное действие, относящееся к числу вербальных, т.е. устных, словесных, осуществляемых в форме беседы (общения), порядок,

условия проведения и оформление результатов которого определяются процессуальным законом [7, с. 8].

Для несовершеннолетних женского пола характерны: повышенная эмоциональность, застенчивость, обидчивость, что создает определенные трудности при получении от них криминалистически значимой информации [2, с. 45].

Т.В. Лутошкина в своем исследовании отмечает, что допрос несовершеннолетнего является сложным в тактическом отношении следственным действием, требующим от следователя высокого профессионализма: глубоких юридических знаний, высокой культуры, владение приемами криминалистической тактики, положениями психологии, логики, педагогики. Квалифицированное производство допроса требует не только знания закона и творческого его применения, но и житейского опыта, умения интерпретировать и варьировать различные допустимые меры воздействия на личность с учетом ее индивидуально-возрастных особенностей. Допрос – это искусство, требующее высокого мастерства и способностей [6, с. 115].

Соответственно, получение следователем в ходе допроса несовершеннолетней девушки, причем вне зависимости, является ли она подозреваемой, обвиняемой, потерпевшей или свидетелем, полноценной и соответствующей действительности информации по расследуемому уголовному делу, практически невозможно при отсутствии у лица, проводящего допрос, знаний о психологических особенностях несовершеннолетних лиц женского пола и способности находить с несовершеннолетними девушками психологический контакт, главной целью которого является появление у допрашиваемой желания давать правдивые показания. По этому поводу нельзя не согласиться с мнением Е.Н. Клециной о том, что следователь, не способный устанавливать эмоциональный контакт с несовершеннолетней допрашиваемой, профессионально непригоден [3, с. 36].

Таким образом, профессиональное общение следователя при проведении допроса, помимо процессуальных должно включать в себя и не процессуальные формы, основанные на знании психологических закономерностей межличностного взаимодействия с несовершеннолетними женского пола и умения использовать их в процессе расследования преступления.

В этой связи, понимание допроса как системы, включающей в себя уголовно-процессуальные нормы, приемы криминалистической тактики и психологические приемы воздействия при реализации указанных подсистем параллельно друг с другом, существенно повышает эффективность проведения данного следственного действия [1, с. 12].

Установление наиболее оптимального набора тактических приемов допроса, безусловно, должно строиться на основе тщательного анализа индивидуальных особенностей допрашиваемой, ее психологического и физиологиче-

ского состояния, категории уголовного дела и сложившейся следственной ситуации.

В любом случае следователь при допросе несовершеннолетней девушки должен больше акцентировать внимание на приемах эмоционального воздействия, а не логического убеждения, ввиду как свойственного несовершеннолетним девушкам упрямства и повторения явно бессмысленной лжи, так и частото непонимания ими разоблачения самого факта дачи ложных показаний. Соответственно вся концепция проведения допроса несовершеннолетней подозреваемой (обвиняемой), не может ограничиваться установленным, формализованным «сценарием», а должна включать в себя своего рода, театральные, творческие элементы, которые позволят следователю использовать, заведомо усложняющие допрос, качества несовершеннолетней девушки в свою пользу.

При проведении допроса действенное воздействие на несовершеннолетнюю подозреваемую (обвиняемую) оказывает фактор внезапности при постановке вопросов и предъявлении доказательств, поскольку если между данным и предыдущим вопросом или доказательством нет логической связи, несовершеннолетняя допрашиваемая может не суметь сориентироваться и случайно сообщит сведения, которые она пыталась скрыть.

При появлении подозрений о том, что несовершеннолетняя допрашиваемая дает информацию, не соответствующую действительности (скрывает правду, фантазирует), следователю наиболее целесообразно будет начать задавать ей контрольные детализирующие вопросы, которые хоть и не будут иметь информационного значения о расследуемом преступлении, но заставят несовершеннолетнюю допрашиваемую «раскрыть себя». К примеру, следователю можно акцентировать внимание на месте и времени ее нахождения в момент совершения преступления, чем именно она занималась в этот период, и кто мог ее там видеть. Эффективность указанного тактического приема обусловлена тем, что при даче ложных показаний несовершеннолетние девушки очень часто допускают наличие несоответствий, противоречий, вызванных изначальной непродуманностью деталей придуманной ими «легенды». Поэтому дальнейшее сопоставление ее показаний с другими материалами уголовного дела позволит следователю распознать ложные сведения.

При проведении допроса несовершеннолетней женского пола следователю категорически недопустимо задавать наводящие вопросы. Значимость указанного требования вызвана тем, что несовершеннолетние девушки наиболее подвержены воздействию внушения со стороны взрослых, соответственно постановка наводящих вопросов может стать преградой к установлению истины по делу, тем более их применение имеет и аморальный оттенок.

Если в результате детализации и конкретизации показаний несовершеннолетней подозреваемой (обвиняемой) появляются противоречия как между ее показаниями и другими материалами уголовного дела, так и в самих показани-

ях несовершеннолетней девушки, следователь должен сосредоточить внимание на выяснении возможных причин, мешающих ей сказать правду.

Для установления наличия ложных сведений в показаниях допрашиваемой и определения природы их происхождения следователю, помимо грамотной постановки вопросов, необходимо внимательно отслеживать и давать правильную оценку состоянию допрашиваемой, чтобы суметь отличить застенчивость от страха, обиду от робости и т.п.

Перед допросом, несовершеннолетней подозреваемой (обвиняемой) следователю необходимо подробно разъяснить девушке ее права и обязанности, объяснить в связи с чем она была задержана и в совершении, какого преступления подозревается или обвиняется.

Начинать допрос несовершеннолетней девушки следователю целесообразно с нейтральных тем и вопросов, чтобы:

- 1) устранить излишнее психологическое напряжение;
- 2) установить предварительный психологический контакт;
- 3) попытаться определить отношение несовершеннолетней девушки к предстоящему допросу;
- 4) выявить особенности речи девушки и ее манеру отвечать на вопросы;
- 5) определить особенности ее темперамента и характера.

Наиболее полезным будет проведение беседы об условиях ее жизни и воспитании, а также увлечениях и интересах (музыка, спорт и т.п.) и только после этого предложить несовершеннолетней допрашиваемой в свободной форме рассказать о событии преступления.

Прерывать свободный рассказ допрашиваемой не рекомендуется, поэтому следователю наиболее рационально делать пометки и только по окончании ее рассказа переходить к вопросам об обстоятельствах совершенного преступления.

Тон общения при допросе должен быть ровным, доброжелательным, но вместе с тем допрашиваемая девушка должна понимать, что она участвует в допросе, а не в беседе. Вопросы, задаваемые следователем, как правило, должны быть короткими и так сформулированными, чтобы ответы на них были обстоятельными и подробными. Характер самих вопросов - ясный и недвусмысленный, чтобы допрашиваемая девушка могла, в свою очередь, дать на них четкий и недвусмысленный ответ. Однако когда несовершеннолетняя подозреваемая (обвиняемая) уходит от ответа на поставленный вопрос или уклоняется от неприятных для нее формулировок, следователь не должен относиться к этому безразлично и последующими уточняющими вопросами добиваться четкого ответа.

В процессе допроса стремление к самоутверждению у несовершеннолетней девушки проявляется в приверженности к поведению, соответствующему особым подростковым стереотипам. Это нередко осложняет установление с

девушкой психологического контакта и лежит в основе дачи ею ложных показаний. Но понимание следователем такой мотивации, ее своевременная диагностика позволяют разоблачить ложные показания. В целях преодоления такого поведения допрос несовершеннолетней подозреваемой (обвиняемой) целесообразно проводить в кабинете следователя, в официальной обстановке, подчеркивающей значимость процессуального действия.

Обстановка допроса должна быть спокойной, бесконфликтной, однако грубое или иное недопустимое поведение несовершеннолетней допрашиваемой должно немедленно пресекаться. В таких случаях эффективное воздействие на несовершеннолетнюю подозреваемую (обвиняемую) имеет спокойное замечание. Ответная грубость следователя препятствует установлению психологического контакта, а в случае, если он был установлен, - разрушает его [5, с. 30-31].

При допросе несовершеннолетней подозреваемой (обвиняемой), признающей себя виновной, основные задачи следователя заключаются в детальном выяснении всех обстоятельств дела, известных ей, и получении максимального объема информации обо всех ее действиях, связанных с совершением преступления (о приготовлении, совершении и сокрытии преступления) и в установлении наличия возможного самоговора. Если в показаниях допрашиваемой есть даже незначительные противоречия, следователь с помощью конкретизирующих, детализирующих и контрольных вопросов должен их устранить.

Следователю важно также уделять особое внимание наблюдению за внешностью девушки, учитывать ее невербальные движения. Это дает возможность увидеть «истинную» личность несовершеннолетней допрашиваемой. Например, очень важны в информационном плане эксперименты девушек со своей внешностью (макияж, пирсинг, татуировки, копируемые с кумиров манеры поведения, специфическая жестикация и т.д.). Несовершеннолетние девушки более ярко выражают свою личность в элементах одежды и манере поведения, нежели юноши. Внимательное наблюдение за спецификой телодвижений и манерой одеваться, зачастую, позволяет получить много полезной информации о несовершеннолетней девушке. Данные элементы, помимо характеристики личности, могут также свидетельствовать о нахождении подозреваемой (обвиняемой) в составе определенной преступной группировки или неформальной группы. По этой причине следователь, проводящий допрос несовершеннолетней девушки, должен хорошо разбираться в молодежном имидже, а если его познания в этой области не столь велики, то рекомендуется прибегнуть к помощи специалиста.

Помимо всего прочего следователь должен хорошо разбираться в молодежном сленговом жаргоне. Это даст возможность более точно осознавать доносимую допрашиваемой информацию, не вызовет изначального конфликта ввиду непонимания.

Существенное значение имеет и правильное протоколирование показаний несовершеннолетних девушек. Показания должны записываться от первого лица и по возможности дословно, чтобы как можно полнее сохранить обороты речи и своеобразие лексикона несовершеннолетней допрашиваемой, которые могут дать характеристику уровня ее развития, специфичности окружения и определенных привычек.

Следователь не должен изменять свойственные несовершеннолетней девушке выражения и термины, поскольку это снижает значение ее показаний, вызывая сомнение в объективности проведенного допроса.

Если девушка в ходе допроса употребляет выражения и конструкции предложений, не свойственные речи подростков данной возрастной группы, то это может свидетельствовать о состоявшемся до допроса воздействии на допрашиваемую взрослых лиц, или о том, что несовершеннолетняя девушка заранее заучила нужные кому-то показания. Поэтому дословная фиксация особенно важна в отношении показаний несовершеннолетних девушек, так как «сам язык может ориентировать следователя при решении вопроса об ложности или правдивости показаний» [4, с. 624].

Список литературы

1. Васькэ, Е.В. Методологические принципы психологического взаимодействия работников следственных органов с несовершеннолетними при допросе [Текст] / Е.В. Васькэ, Ф.С. Сафуанов // Юридическая психология. - 2011. - № 2. - С. 10-13.
2. Дымов, Г.А. Психологические методы активизации памяти несовершеннолетних в предупреждении и раскрытии грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними [Текст] / Г.А. Дымов // Российский следователь. - 2005. - № 5. - С. 43-47.
3. Клещина, Е.Н. Психологический контакт между следователем и обвиняемым как форма профилактического воздействия [Текст] / Е.Н. Клещина // Следователь. - 2004. - № 10. - С. 36-38.
4. Криминалистика [Текст]: Учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская / Под ред. проф. Р.С. Белкина. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2004. - 992 с.
5. Лифанова, М.В. Особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) [Текст] / М.В. Лифанова // Вопросы ювенальной юстиции. - 2009. - № 3. - С. 30-31.
6. Лутошкина, Т.В. Методика расследования преступлений несовершеннолетних в условиях большого города (По материалам Санкт-Петербурга) [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук / Лутошкина Татьяна Витальевна. - СПб., С-Петербург. ун-т МВД России, 2000. - 190 с.
7. Питерцев, С.К. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде [Текст] / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. - СПб: Питер, 2001. - 160 с.

УДК 343.983

О.А. Бабенко, студент юридического факультета Сумского государственного университета, Украина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассмотрены особенности проведения почерковедческой экспертизы документов согласно действующему украинскому законодательству, рассмотрены основные проблемы проведения экспертизы.

Последнее время криминалистические экспертизы приобретают все большее значение как на стадии раскрытия и предупреждения преступлений, так и при судебном рассмотрении уголовных и гражданских дел. Среди различных видов судебных экспертиз одно из главных мест занимает криминалистическая экспертиза почерка, поскольку значительное количество преступлений так или иначе связана с использованием документов, содержащих рукописные записи.

Почерковедческая экспертиза – это вид экспертизы, при котором исследуется рукописный текст (надпись) вследствие чего устанавливается фальсификация, подделка или же достоверность записи, подписи, документа в целом [1, с. 177].

Основной задачей почерковедческой экспертизы является идентификация исполнителя рукописного текста, ограниченных по объему рукописных записей (буквенных и цифровых) и подписи. Этой экспертизой решаются и некоторые не идентификационные задачи (установление факта выполнения рукописи под воздействием которых (естественных, искусственных) сбивающих факторов; в необычных условиях или в необычном состоянии исполнителя, намеренно измененным почерком, с подражанием почерку другого человека, определение пола исполнителя, а также принадлежности его к определенной группе по возрасту и т.п.) [2].

Одной из главных проблем проведения почерковедческой экспертизы, являются ошибки, допускаемые следователями (судьями) при подготовке сравнительных материалов для проведения почерковедческого исследования.

Практика проведения почерковедческих исследований показывает, что у экспертов возникают определенные трудности, обусловленные недостаточной осведомленностью следователей (судей) в вопросах методики проведения данного вида экспертизы.

Ученые Т. В. Сохранич, В. Г. Абросимова, О. М. Смолина провели исследование проанализировав экспертную практику Харьковского и Донецкого научно-исследовательских институтов судебных экспертиз. За 2009 г. к ним поступило более 1000 материалов для проведения почерковедческих исследо-

ваний. Материалы, по которым уточнялись задачи, заявлялись ходатайства о предоставлении объектов исследования, сравнительных материалов и др., составили 79% общего количества материалов, поступавших для проведения почерковедческих исследований. Материалы, возвращались без выполнения, относительно общего количества предоставленных составили более 35%. Приведенные показатели свидетельствуют о том, что значительное количество предоставленных на исследование материалов было подготовлено и оформлено ненадлежащим образом [3, с. 271].

Для проведения исследований орган, который назначил экспертизу, должен предоставить эксперту свободные, условно-свободные и экспериментальные образцы почерка (цифровых записей, подписи) человека, подлежащего идентификации.

Свободными образцами являются рукописные тексты, рукописные записи (буквенные и цифровые), подписи, достоверно выполнены определенным лицом к открытию уголовного производства, производства по делам об административных правонарушениях, гражданских, административных или хозяйственных делах и не связаны с их обстоятельствами; условно свободными есть образцы почерка, выполненные определенным лицом к открытию производства по делу, но связанные с обстоятельствами этого дела, или выполнены после открытия производства по делу, но не в связи с ее обстоятельствами; экспериментальные образцы почерка - это такие, которые выполнены с задачей органа, который назначил экспертизу (привлек эксперта), в связи с назначением данной экспертизы [2].

Для проведения качественной почерковедческой экспертизы и ответа на все вопросы интересующие орган, который подал прошение о проведении такой экспертизы, необходимо подать (желательно) свободные образцы, которые по возможности должны соответствовать объекту, который исследуется, по времени выполнения, по виду материалов письма (бумага, карандаш, шариковая ручка и т.п.), по форме документа (накладные, ведомости и т.д.), по его содержанию и целевому назначению.

Если свободных или условно свободных образцов письма не имеется, необходимо отобрать экспериментальные образцы. Отбирать экспериментальные образцы почерка необходимо в два этапа. На первом этапе человек, почерк которого подлежит идентификации, выполняет текст по тематике, близкой к исследуемому объекту, в обычных условиях (сидя за столом, с привычными принадлежностями письма, при дневном освещении). На втором этапе образцы отбираются под диктовку текста, аналогичного по смыслу тому, что исследуется, или специально составленного текста, который содержит фразы, слова и цифры, взятые из рукописного текста, который исследуется. На этом этапе образцы отбираются в условиях, максимально приближающихся к тем, в которых выполнялся рукописный текст который исследуется, т.е. в той же позе (лежа, стоя

и т.д.), таким же принадлежностями письма и на бумаге того же вида (по размеру, линированию, характеру поверхности и т.п.), и документ, который исследуется. Если будет замечено, что тот, кто пишет, пытается изменить свой почерк, темп диктовки следует ускорить [1, с. 179].

Следовательно, из выше изложенного следует, что от качества поданных образцов письма для проведения почерковедческой экспертизы зависит, будет ли она вообще проведена, также качество проведенной экспертизы и точность результатов зависит от поданных образцов для сравнения. Конечно, это касается экспертизы, которая направлена на решения идентификационных задач почерковедческой экспертизы, а не на определение каких-то психологических, психических или личностных качеств исполнителя текста.

Также, актуальным вопросом является устаревание некоторых методик определения личностных качеств по почерку. Например, М. В. Жижина с соавторами, в своей статье пишет о том, что методика определения пола лица, которое написало определенный текст по почерку, созданная П. Г. Кулагиним и А. И. Колонутовой, ещё в советское время, немного устарела, ведь человек, живущий на протяжении длительного времени в определенный период, свои психо-физические особенности, которые изменяются при переменах условий общественной жизни, особенно если эти перемены имеют революционный характер. «Однако времена меняются – пишет Е. П. Ильин, – а вместе с ними нравы и ценности» [4, с. 119.].

Те политические и экономические изменения, которые произошли в нашей стране в последние 20 лет, могли повлиять на формирование свойств личности у молодых людей, а значит – и на признаки почерка, дифференцирующие пол. Не исключено, что отдельные «мужские» свойства, например, склонность к организаторской работе, лидерству, стали больше, чем прежде, проявляться у женщин и, возможно, меньше у мужчин [5, с.244].

Одной из важных проблем на современном этапе развития судебного почерковедения является отсутствие единого подхода к классификации и понимания общих и частных признаков «печатного» почерка, тогда как классификации идентификационных признаков скорописного письма в криминалистической литературе уделено значительно больше внимания.

При проведении судебно-почерковедческих исследований рукописей, выполненных печатными буквами, у экспертов, специалистов возникают трудности с некоторыми определениями. Общепринятым в теории почерковедческой экспертизы для печатных букв является применение терминов «искажения» и «маскировки признаков собственного почерка». По нашему мнению, эти определения не всегда верно применяются для такого вида рукописей, поскольку не всегда имеет место именно попытка замаскировать собственные признаки почерка исполнителя [6].

У каждого человека есть свой сложившийся с детства «печатный» по-

черк, поскольку навыки письма печатными буквами формируются раньше, чем скорописного. Человек может писать печатным почерком «вообще» (при низкой степени выработанности почерка лицо часто выбирает «печатный» вариант как основной, собственный, с целью четкого и разборчивого выполнения букв; или при выполнении печатных букв согласно требованиям бланков документов, заполняемых (декларации, справки, карты и т.д.).

Часто, при исследовании документов с «печатным» видом почерка применяют общие и частные признаки скорописного почерка, а признаки, разработанные для почерков, выполненных с подражанием определенному шрифту, являются неполными, учитывая потребности следственной и оперативной практики. Но это неправильно, ведь это совершенно разные виды почерка, которые по отдельным признакам скорописного почерка иногда совсем не совпадают (округлость букв, наклон при письме и другие) [6].

В заключение можно сказать, что почерковедческая экспертиза выполняет несколько задач. Первая задача – идентификационная, эксперты определяют – кто написал тот или иной текст, сравнивая определенный текст, подлинность которого нужно установить, с образцом почерка конкретного человека. Вторая – диагностическая, по почерку эксперты определяют особенности характера человека, его психологические и психические особенности. Но при проведении такой экспертизы возникают некоторые сложности, такие как: 1) ошибки, допускаемые следователями (судьями) при подготовке сравнительных материалов для проведения почерковедческого исследования; 2) устаревание некоторых методик определения личностных качеств по почерку; 3) отсутствие единого подхода к классификации и пониманию общих и частных признаков «печатного» почерка и др. Таким образом, возникает необходимость усовершенствование техники проведения почерковедческой экспертизы и проведение обучения и тренингов для работников внутренних дел по правильному проведению изъятия образцов для проведения такой экспертизы.

Список литературы

1. Балашов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика [Текст]: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 503 с.
2. Научно-методические рекомендации по вопросам подготовки и назначения судебных экспертиз и экспертных исследований: утвержденная приказом Министерства юстиции № 53/5 от 08.10.1998 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z070598>
3. Сохранич Т.В., Абросимова В. Г., Смолина О. М., Бочарова Н.Г., Сухорукова Л.Г. Некоторые актуальные вопросы подготовки сравнительных материалов для проведения почерковедческой экспертизы [Текст] // Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики – 2010. - № 10. - С. 270-276.
4. Ильин Е.П. Дифференциальная психология мужчины и женщины [Текст] / Е.П. Ильин. — СПб. : Питер, 2003. — С. 119.

5. Жижина М.В., Орлова В.Ф., Смирнов А.В. Проблема диагностики пола по почерку в современных условиях и возможности их решения [Текст] // Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики – 2010. - № 10. - С. 243-251.
6. Кузнецова Т.В. Система признаков «печатного» почерка: перспективы и возможности усовершенствования / Т. В. Кузнецова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.nbuu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Trsek/2009_9/Kuznecova.pdf

УДК 343.13

А.В. Баранова, преподаватель кафедры права Сумского государственного университета, Украина

А.И. Таратун, студент юридического факультета Сумского государственного университета, Украина

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УКРАИНЕ

В статье рассматриваются характерные особенности проведения судебно-баллистической экспертизы в Украине, проанализированы основные методы, которые используются для идентификации оружия и боеприпасов, а также использования полученных данных в ходе расследования преступлений.

При расследовании преступлений с использованием оружия возникает необходимость в назначении соответствующей экспертизы для решения круга вопросов идентификационного и не идентификационного характера, связанных с изучением огнестрельного оружия и боеприпасов, следов стрельбы у самого оружия, на задетом препятствии и на стреляющем [4].

Раздел науки криминалистики, который изучает огнестрельное оружие и следы его действия – для получения доказывающей информации называется судебной баллистикой. На основании военно-технических данных военной баллистики и механизма выстрела она разрабатывает: методы и технические способы нахождения, фиксации и исследования материальных следов, которые образуются в последствии использования огнестрельного оружия при совершении преступления.

Судебная баллистика взаимосвязанная с другими разделами криминалистики, а именно с трасологией, теорией идентификации и установления групповой принадлежности – за следами на пулях та гильзах.

Судебная баллистика – это отрасль криминалистической техники, которая изучает особенности огнестрельного оружия и боеприпасов, закономерности возникновения следов их использование, разрабатывает способы и методы собирания и изучения таких следов для выявления некоторых обстоятельств

расследуемых преступлений, а также рекомендации для предотвращения преступлений, связанных с огнестрельным оружием [1, с.141].

Судебная баллистика является интеграционной системой знаний, которая одновременно является составляющей криминалистики (криминалистической техники) и судебной экспертологии (теории судебно-баллистической экспертизы).

К заданиям судебной баллистики относится:

- выявление особенностей огнестрельного оружия и боеприпасов (например, является ли изъятый у задержанного предмет огнестрельным оружием; пригодно ли оружие для стрельбы; возможен ли произвольный выстрел с указанного оружия);

- выявление групповой принадлежности оружия и боеприпасов или их частиц (например, к какому виду или образцу принадлежит патрон, гильза; с оружия какой модели (системы) выстрелянная данная гильза и другое);

- идентификация оружия и боеприпасов (например, с данного ли оружия выстрелянная гильза, пуля; с одного или разных экземпляров оружия выстрелянные две гильзы или пули, которые выявлены в разных местах; были ли пуля и гильза до выстрела частицами одного патрона);

- выявление отдельных обстоятельств использования огнестрельного оружия (например, расстояние с которого стреляли; направление выстрела; взаимное размещение оружия и преграды; количество выстрелов и другое) [1, с.142].

У процессе расследования криминальных дел этой категории возникают обстоятельства, установление которых связано с использованием специальных знаний. За действующим криминальным законодательством, сам факт противоправного приобретения и сохранения огнестрельного оружия, а также набоев, в соответствии статьи 263 Уголовного кодекса Украины, является криминально наказуемым. В связи с этим выявление принадлежности найденных предметов к разряду огнестрельного оружия или набоев должно быть подтверждено судебно-баллистической экспертизой [4].

Объектами судебно-баллистического исследования является: огнестрельное оружие; боеприпасы и их отдельные частицы (патроны, гильзы, пули, дробь, картечь, пыжи, прокладки), а также предметы со следами выстрела [5].

Свершение преступления представляет собой деятельность субъектов в материальной среде, в результате которой возникают следы преступления – источники доказывающей информации. В случае использования огнестрельного оружия во время нападения за общими законами диалектики возникают соответствующие следы-отображения, которые имеют необходимый и повторяемый, то есть закономерный характер.

Использование огнестрельного оружия при совершении преступления приводит к появлению многочисленных следов на месте действий. Следы ору-

жия являются разнообразными и зависят от многих факторов: модели оружия; используемых боеприпасов; условий совершения преступления; действий, которые субъект использует для прикрытия следов преступления.

Вещественными доказательствами при использовании огнестрельного оружия может быть оружие и его частицы, патроны, гильзы, дробь, картеч, пробой, незгорелые порошинки, приспособления, предметы и материалы, которые использовались при кустарном изготовлении оружия и боеприпасов [1, с.141].

Изучение профиля разных следов совершается с помощью профилографических методов: шуповое профилирование, эпический, фотоэлектрический. Широко используется и микрофотография с помощью универсальных камер или специальных фото-наконечников для микрофотографирования.

Судебно-баллистическая экспертиза исследует огнестрельное оружие, боеприпасы и следы выстрела для: идентификации оружия за следами на гильзах и набоях; выявления обстоятельств использования огнестрельного оружия, то есть решения не идентификационных заданий [3].

В целом идентификационные судебно-баллистические исследования – сложный и трудоемкий процесс, который предвидит отдельное и сравнивающее исследование объектов использованием разных оптических систем, а также иллюстрацию результатов исследования с помощью фотографических методов. Для проведения идентификации огнестрельного оружия судебный эксперт-баллист должен получить экспериментальные образцы пуль и гильз путем отстрела патронов с исследованием образца оружия. Это техническая операция относительно несложная и не вызывает трудностей, если исследуемое оружие пригодно для стрельбы и в наличии соответствующих патронов [6, с.156].

Для проведения судебно-баллистической экспертизы используются разнообразные методы исследования, выбор которых характеризуется видом и характером исследованных объектов и решенных экспертом вопросов.

Идентификационные баллистические исследования по этим делам совершаются при помощи разных методов и технических способов. При микроскопических исследованиях используются стереоскопические, биологические микроскопы; для измерения разных параметров баллистических объектов, кроме инструментов контактирующего действия, используются инструментальные микроскопы [2].

Решение некоторых не идентификационных заданий является предметом комплексной экспертизы, так как иногда знаний баллиста-криминалиста является не достаточным. Среди относительно новых идентификационных заданий, решаемых баллистической экспертизой, является сравнение гладкоствольного оружия по следам канала ствола на дробовом снаряде [3].

Исследование следов выстрела, а также компонентов снаряжения боеприпасов проводится с использованием микроскопических, химических и фи-

зических методов (эмиссионный спектральный анализ, лазерный масс-спектральный анализ, инфракрасная спектрометрия, рентгеноструктурный анализ) [5].

Приравнивающий анализ судебно-баллистических объектов производится в разных формах. При решении заданий по выявлению групповой принадлежности для сравнения используются такие источники информации, как классификация, научные справочники, натурные коллекции. Иная форма сравнения – это сравнение с экспериментальными примерами, получивших с использованием предметов одной групповой принадлежности с исследованным объектом.

Результаты не идентификационных исследований, как правило, помогают открыть объективную, а в отдельных случаях и субъективную сторону состава преступления. Круг решаемых при этом вопросов очень велик. Однако, существует ряд проблемных областей, например, сегодня не разработаны надежные универсальные методы выявления абсолютной давности выстрела, этот вопрос судебно-баллистическая экспертиза, как правило, позитивно не решает, что может быть предметом дальнейших исследований.

Список литературы

1. Кофанов А. В., Кобилянський О. Л., Кузьмичев Я. В. и др. Криминалістика: питання і відповіді. Учебн. Посібник [Текст]. – К.: Центр учебної літератури, 2011. – 280 с.
2. Пашинский В.В. Объекты судебной экспертизы [Текст] // Закон и право. – 2007. – № 4.
3. Куркин Виктор. Классификация судебных экспертиз // Юридический журнал. – 2008. – №5 // [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.justinian.com.ua/article.php?id=2938>
4. Вашук О.П. Предназначение судебно-баллистической экспертизы при расследовании нападений на инкассаторы. Научно-практическая Интернет-конференция. – Секция №5 // [электронный ресурс] режим доступа: http://legalactivity.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=104%3A2011-10-05-15-04-26&catid=17%3A-5&Itemid=13&lang=ru
5. Ивасишин Г.В. Совершенствование экспертных исследований благодаря внедрению новейших лабораторий по исследованию оружия // Криминалистический вестник. – 2012. – № 2 (18) // [электронный ресурс] режим доступа: http://archive.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/krvis/2012_2/190-193.pdf.
6. Назаров В.В. Использование специальных знаний при решении идентификационных судебно-баллистических вопросов у нестандартных ситуациях. // Криминалистический вестник. – 2009. – № 2 (12) // [электронный ресурс] режим доступа: http://archive.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/krvis/2009_2/156-159.pdf

УДК 343.1

Л.Г. Бордюгов, кандидат юридических наук, заместитель директора Донецкого НИИ судебных экспертиз Министерства юстиции Украины

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

На протяжении ряда лет ученые дискутируют об определении, объеме, использовании специальных знаний в судопроизводстве. Эти вопросы не решаются и на уровне законодателя. Новый УПК Украины также оставил ряд вопросов нерешенными.

Анализ статей в периодических изданиях, научных изданиях, на сайтах Internet показывает, что принятие 13 апреля 2012 года Верховной Радой Украины нового Уголовного процессуального кодекса Украины (далее УПК Украины) юридической общественностью было воспринято, если не с опасением, то с острасткой. И это неудивительно, поскольку большинство новаций, появившихся в данном кодексе, породили ряд проблем не только теоретического, а и практического характера. Новации УПК Украины не могли не коснуться и такого важного института, как институт судебной экспертизы.

Судебная экспертиза, как сфера практической деятельности, представляет собой реализацию специальных знаний в судопроизводстве. Закон Украины «О судебной экспертизе» определяет судебную экспертизу как исследование экспертом на основе специальных знаний материальных объектов, явлений и процессов, содержащих информацию об обстоятельствах дела, находящегося в производстве органов досудебного расследования или суда [1]. В соответствии со ст. 69 УПК Украины экспертом в уголовном производстве является лицо, которое владеет научными, техническими или другими специальными знаниями, имеет право согласно Закону Украины «О судебной экспертизе» на проведение экспертизы и которому поручено провести исследование объектов, явлений и процессов, содержащих сведения об обстоятельствах совершения уголовного правонарушения, и дать заключение по вопросам, возникающим во время уголовного производства и касающимся сферы ее знаний. В соответствии со ст. 71 УПК Украины специалистом в уголовном производстве является лицо, владеющее специальными знаниями и навыками использования технических или иных средств [2]. Как видно из указанного, УПК Украины больше детализирует специальные знания, относя к ним научные, технические и прочие.

Однако, несмотря на это, следует отметить, что в уголовном процессуальном законодательстве Украины нет исчерпывающего ответа на вопрос, какие же знания можно отнести к специальным знаниям, поскольку под «другими» можно подразумевать самые различные знания. Это можно сказать и о других видах судопроизводства. В частности в ст. 81 Кодекса административ-

ного судопроизводства Украины указано, что «для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела и требующих специальных знаний в области науки, искусства, техники, ремесла и т.п., суд может назначить экспертизу» [3].

Однако следователю и судье в процессе своей деятельности могут потребоваться сведения и умения, относящиеся не только к науке, технике, искусству и ремеслу, но и ко многим другим ненаучным отраслям знаний, например, к коллекционированию, физической культуре и т.д.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство Украины, допуская возможность применения специальных знаний, не раскрывает сущности этого понятия, не определяет их характер и объем, т.е. нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие деятельность, связанную с использованием специальных знаний в судопроизводстве, не раскрывают сути понятия «специальные знания». Такая тенденция наблюдается не только в уголовном, а и в гражданском, административном и хозяйственном судопроизводстве.

Неоднозначно этот вопрос решается и в юридической литературе. Дискуссии среди ученых относительно определения понятия «специальных знаний» длятся на протяжении многих лет.

Не вдаваясь в подробности данных дискуссий, следует сказать, что большинство ученых признает, что основными носителями специальных знаний в судопроизводстве являются эксперт и специалист. Об этом же говорится и в УПК Украины, в частности, ст. 69 и ст.71 детально регламентируется деятельность эксперта и специалиста, соответственно, т.е. регламентируется использование специальных знаний в двух процессуальных формах:

- использование специальных знаний лица, которое привлекается, как эксперт, для проведения экспертизы по обращению стороны уголовного производства или по поручению следственного судьи или суда (ст. 69, ст. 242 УПК Украины);

- использование специальных знаний лица, которое привлекается для дачи консультаций и предоставления непосредственной технической помощи, как специалист, сторонами уголовного производства во время досудебного расследования и судом во время судебного разбирательства (ст. 71 УПК Украины) [2].

По этому поводу уместно вспомнить слова Р.С. Белкина, который отмечал, что термин «специальные знания» приобрел такое обыденное звучание, что и в теории и в практике стал употребляться автоматически, аксиоматично, как нечто само собой разумеющееся. Между тем далеко не все бесспорно и ясно и в содержании этого понятия, и в практике его применения как критерия при решении вопроса о привлечении к участию в фиксации доказательств специалиста или о необходимости назначения судебной экспертизы. [4, с.128].

Следует отметить, что новое уголовно-процессуальное законодательство

Украины дает более четкое определение таких понятий, как «эксперт» и «специалист», а также четкое размежевание их функций. Анализ этих понятий показывает, что существуют как сходные черты процессуального статуса эксперта и специалиста, так и различные, касающиеся в основном процессуального закрепления результатов их работы.

Следует отметить, что, несмотря на детальную регламентацию деятельности эксперта и специалиста, много вопросов остается нерешенными.

Так, в частности, в ст. 242 УПК Украины указано, что экспертиза проводится экспертом по поручению стороны уголовного производства или по поручению следственного судьи или суда, если для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного производства, необходимы специальные знания [2].

Очевидно, что документом, который составляется следственным судьей или судом, а также представителем стороны обвинения (прокурором, следователем), является постановление о назначении судебной экспертизы.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 243 УПК Украины сторона защиты (к которой в соответствии со ст. 42 и 44 УПК Украины относятся подозреваемый, обвиняемый и их представители, соответственно, в соответствии со ст. 43 УПК Украины – оправданный, осужденный, в соответствии со ст. 45 УПК Украины – защитник) имеет право самостоятельно привлекать экспертов на договорных условиях для проведения экспертизы, в том числе обязательной [2]. Однако какой документ, является основанием для проведения экспертизы при назначении ее стороной защиты, УПК Украины не указывает.

Думается, что на этот вопрос ответ должна дать практика. Хотя уже сейчас существуют авторитетные мнения о том, что это может быть заявление, ходатайство или поручение, в первую очередь поручение эксперту от стороны защиты о проведении экспертизы [5, с.23].

Таким образом, главной общей чертой эксперта и специалиста в уголовном производстве является наличие специальных знаний, однако, как указывалось выше, процессуальное законодательство не дает определения понятия «специальные знания».

Хоть следует отметить, что законодатель, говоря о научных, технических и других специальных знаниях, которые используются в уголовном производстве, на наш взгляд, отмежевывает их от правовых знаний, носителями которых являются субъекты доказывания в уголовном производстве, а также отмечает специальный способ получения доказательств.

С учетом указанного, представляется важным дать не только общее понятие «специальные знания», но и определить его функциональную, процессуальную значимость в судопроизводстве через определение конкретных его носителей.

В этой связи с учетом новейших теоретических разработок судебной экс-

пертологии и новаций УПК Украины, дается следующее определение: специальные знания в уголовном судопроизводстве – это общеизвестные для судопроизводства научные и практические знания, которые применяются сведущими лицами – экспертом или специалистом (согласно их компетенции) для дачи, на основании исследования объектов, явлений и процессов, содержащих сведения об обстоятельствах совершения криминального правонарушения, заключения по вопросам, возникающим во время уголовного производства, а также для дачи консультаций и оказания непосредственной технической помощи во время досудебного расследования и судебного разбирательства в уголовном производстве.

Таким образом, факторами, определяющими сущность специальных знаний в уголовном производстве должны быть признаны:

- а) их общеизвестность для судопроизводства;
- б) наличие у их носителя процессуального статуса «эксперта» или «специалиста»;
- в) целевое предназначение применения специальных знаний [6, с.23], т.е. согласно компетенции их носителей для дачи заключения по вопросам, возникающим во время уголовного производства, а также для дачи консультаций и оказания непосредственной технической помощи во время досудебного расследования и судебного разбирательства.

Хочется верить, что все вопросы, касающиеся проблем использования специальных знаний в судопроизводстве Украины, в том числе и в уголовном судопроизводстве, будут учтены в процессе подготовки и принятия Закона Украины «О судебно-экспертной деятельности», который станет базовым законом, регулирующим судебно-экспертную деятельность, а в дальнейшем также и процессуальными кодексами Украины, что обеспечит надлежащий уровень нормативно-правовой регламентации института судебной экспертизы в Украине.

Список литературы

1. Закон України “Про судову експертизу” від 25 лютого 1994 р. № 4038-XII, //Відомості Верховної Ради (ВВР), 1994, № 28, ст.232. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4038-12>.
2. Кримінальний процесуальний кодекс України [Текст]. – К.: Закон і бізнес, 2012. – 320 с.
3. Кодекс адміністративного судопроизводства України [Текст] . – Х.: ООО «Одиссей». – 2005. – 168 с.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории [Текст] / Р.С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997. – 521 с.
5. Головченко Л. Незалежний аудитор завжди може стати незалежним експертом [Текст] / Л. Головченко // Незалежний аудитор. № 2 (13) лютий 2013. – С.20-25.
6. Шакиров К.Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты:

УДК 343.985

М.М. Бурбыка, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой права Сумского государственного университета, Украина

Е.Н. Копаница, студент юридического факультета Сумского государственного университета, Украина

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЕ

Статья посвящена изучению особенностей расследования коррупционных преступлений, а также путей преодоления препятствий, связанных с расследованием. В данной статье раскрываются основные методики и тактики раскрытия и расследования преступлений в данной сфере.

В настоящее время, в России и Украине, во время построения цивилизованной экономики и становления демократического правового государства важная роль принадлежит органам государственной власти, и даже органам местного самоуправления. В связи с чем, особенно опасные и недопустимые преступные проявления среди самых работников органов власти и управления. На протяжении последнего десятилетия при характеристике складывающейся общественно-политической и экономической ситуации в России с неизменным постоянством констатируется негативный факт активного распространения коррупции и усиления ее внедрения во все сферы жизнедеятельности государства и общества. Коррупция приобрела размах, реально угрожающий безопасности государства, нормальному функционированию публичной власти, верховенству закона, демократии, правам человека и социальной справедливости. Статьей 3 Основного Закона Украины установлено, что права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека есть главной обязанностью государства [1].

Деятельность направлена на выявление правонарушений с признаками коррупции должна отвечать определенным принципами, которые выражают ее природу, сущность и направленность, на достижение определенной цели. Принципы – это выходные, руководящие идеи о наиболее существенных закономерностях, которые имеют первоочередное значение [2, с. 42-43]. Все меро-

приятия направлены на выявление правонарушений и преступлений с признаками коррупции должны осуществляться тайно, без ведома других лиц. Информация об организации и тактике осуществления мероприятий выявления правонарушений и преступлений с признаками коррупции не подлежат разглашению [2, с. 45].

Как отмечает Л.И. Аркуша, формы выявления в действиях должностного лица признаков коррупции являют собой комплекс теоретических знаний, направленных на практическое приложение способов выявления противоправных деяний. Одним из элементов выявления правонарушений с признаками коррупции есть оперативно-разыскные мероприятия, которые имеют определенную тактику проведения таких действий, которые в свою очередь имеют специфические особенности. Специфика особенностей заключается в первичной информации и оценке результатов оперативного и аналитического поиска, сочетания разных сфер знаний. Кроме юридических, в этой работе необходимо иметь знание из экономики, психологии, налогового права [3, с. 99].

В Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции отмечено, что каждая государство-участница рассматривает возможность употребления таких законодательных и других мероприятий, которые могут быть необходимыми для признания преступлением преднамеренно незаконное обогащение, преднамеренного злоупотребления служебными полномочиями или служебным положением. С целью эффективной борьбы с коррупцией каждая государство-участница, той мерой, которой это допускается основными принципами ее правовой системы, и при условиях, установленных ее внутренним правом, употребляет, в пределах своей компетенции, специальные методы расследования [4].

Взятничество один из элементов коррупции, которая получила значительного распространения в Российской Федерации. Это преступление особенное, которое может быть совершенное одним лицом, а требует взаимодействия по крайней мере двух – взяткодателя и получателя. Один субъект может осуществить лишь покушение на преступление [5, с. 72].

Взятничество – один из наиболее тяжелых для раскрытия и расследования преступлений. Это объясняется присущими ему особенностями механизма следообразования. Во-первых, взятка передается всегда в отсутствие очевидцев; во-вторых, оба участника – взяткополучатель и взяткодатель – заинтересованы в укрывательстве своих действий; в-третьих, поскольку все участники взятки несут криминальную ответственность, постольку они не дают правдивые показания, вступают в заговор. Вместе с тем при взятничестве и коррумпированных действиях остаются определенные следы преступлений.

Субъект правонарушения с признаками коррупции является служебными и должностными лицами. К должностному лицу государственной службы относят государственного служащего, который с целью управления государст-

венным органом или его подразделом, а также представительства его интересов, во внешних отношениях наделенный государственно властными полномочиями и правомочный совершать служебные юридически значимые действия [6, с. 287].

После возбуждения уголовного дела взяточничества и сроки принятия его к производству, следователь составляет план проведения начальных и всех следующих следственных действий. В процессе сбора информации следователь должен быть объективным и приобщать к материалам уголовного дела в первую очередь позитивную информацию, а не только такую, которая характеризует лицо с негативной стороны [7, с. 299].

На начальном этапе расследования взяточничества и коррупции обычно возникают три типичных ситуации.

Первая ситуация – благоприятна. Есть заявление взяточдателя, и он готов способствовать в разоблачении взяточполучателя, которому об этом неизвестно. Такая ситуация возникает при явке с повинной, когда взяточдатель на допросах рассказывает о механизме дачи взятки и объясняет раскаяние и явку с повинной. Он сообщает все известно ему о взяточполучателе, его образе жизни, как и когда он требовал взятки, в какой способ осуществлялась дача взятки к этому случаю.

Вторая ситуация – неблагоприятна. Взяткодатель и взяточполучатель вступают в заговор и действуют согласованно, сдерживаясь одной версией. Информация о получении взятки получена оперативным путем, органом дознания, но о ее содержании взяточдателю и взяточполучателю неизвестно. В такой ситуации обычно задерживают обоих подозреваемых. Задержания готовят так, чтобы провести его в момент передачи взятки или сразу же после этого. Задержанных обыскивают, осматривают их одежду, сопутствующие предметы, где хранился предмет взятки, для выявления следов микрочастиц одежды (карманы) на деньгах, а на последних следов пальцев. После задержания приглашают понятых и осматривают место передачи взятки (кабинет, открытая местность, автомашина), где можно обнаружить следы пребывания взяточников. После задержания немедленно возбуждается уголовное дело и проводятся допрос, очные ставки, обзор и исследование предмета взятки, предъявления для опознания, обыски по месту жительства и на рабочем месте.

Третья ситуация складывается при поступлении информации о взятке из официальных источников, взяточникам известно, что их действия контролируются правоохранительными органами. Такая ситуация является сложной для расследования. В этих случаях проводят: допитие свидетелей, выемку и обзор документов, а при наличии оснований – обыск по месту жительства, после нагромождения достаточной информации проводят задержания подозреваемого, допрос и другие следственные действия. Таким

образом, для решения трех ситуаций проводятся те же следственные действия: допрос, обыск, задержание, обзор предмета взятки и места его передачи, выемка документов, наложения ареста, на имущество.

Я.Е. Мишков классифицирует следы взяточничества, которые могут быть доказательством по делу, которые имеют общие признаки с доказательствами фактов коррупции. Подобные доказательства могут быть в двух качествах – материальные и вербальные. К материальным принадлежат такие, которые являются собой документы, которые отображают факты незаконных распоряжений. Вербальные следы – это словесная информация, которая имеет место относительно фактов коррупционных деяний или обстоятельств, что их сопровождают [8, с. 86].

К начальному этапу расследования следователь, как правило, имеет достаточно информации для выдвижения версий и планирование следствия. Расследование начинается с допроса заявителя. Допрос заявителя имеет исключительное значение для расследования дела, он дает первичную информацию для выдвижения версий и планирования. Допрос заявителя направлен на уточнение первичных данных, изложенных, в заявлении.

Допрос подозреваемого в начальной стадии расследования самый эффективный через его неожиданность. Внезапный допрос оставляет его возможности придумать ту или другую ошибочную версию. К следующим следственным действиям относятся допросы свидетелей, обвиняемых, очные ставки, следственный эксперимент, и предъявления для опознания предмета взятки. [9, с. 140]

Иногда целесообразно начать расследование с обыска, если факт взятки имело место. Если о преступлении знаем из заявления взяткодателя, то расследование следует начать из допроса данного лица. Задержание взяточников на горячем, во время взятки или же после этого одно из действенных средств для разоблачения, поскольку дает возможность изъять предмет взятки. Сам факт задержания предоставляет определенное психологическое влияние на взяточников, которые, обычно, бывают вынужденные сознаться в преступлении [10].

К основным заданиям, которые решаются следователям на последующем этапе расследования коррупционных преступлений, следует отнести:

- 1) установление всех соучастников и причастных к совершению преступления;
- 2) формирование системы доказательств из обвинения лица (лиц) в совершении преступления (установление преступной деятельности лица в полном объеме);
- 3) установление причин и условий, которые способствовали совершению преступления, и принятия мероприятий, по их устранению;
- 4) обеспечение возмещения убытков, нанесенных преступлением;
- 5) сбор информации о лице обвиняемого [7, с. 296].

К числу следующих следственных действий при расследовании взяточ-

ничества и коррупции принадлежат: повторные допросы, очные ставки, опознания, проверка показаний, судебные экспертизы. Очная ставка обычно проводится между взятодателем и взятополучателем, однако она редко дает результаты, поскольку взятополучатель все отрицает. Лучше проводить ее по рознь с посредником и свидетелями. Опознание чаще проводится тогда, когда взятодатель заявляет, что может узнать взятополучателя. Для установления предмета взятки взятодателю иногда предъявляют вещи и предметы, обнаруженные у взятополучателя.

При расследовании взяточничества используется ограниченный объем традиционных источников доказательств – материальных и вербальных. Поэтому роль доказательной информации, полученной из запаховых и звуковых источников, микрообъектов и микрочастиц, является особенной. К сожалению, эти источники очень редко используются на практике. Запаховые следы места события, предмета взятки, почти не изымаются, хотя они могли бы помочь идентифицировать взяточника.

Коррупционные деяния всегда совершаются тайно и деликатно, в этом их специфика. Для объективной их фиксации необходимо предоставление правоохранительным органам соответствующих процессуальных прав сбора, закрепления и исследования информации, криминалистическими и специальными средствами, перечисленными у ст.8 Закона «Об оперативно розыскной деятельности». Фотографирование, видео-, звукозапись – объективные средства фиксации информации, которые констатируют факты незаконных соглашений, заговоров сторон, которые договариваются, фактической передачи, перевода денег, предоставления услуг [11].

Л.И. Аркуша отмечает, что выявление коррупционных связей в подавляющем большинстве случаев осуществляется с помощью оперативно-розыскных мероприятий. Поэтому всестороннее раскрытие форм и методов выявления коррупционных связей вызвано необходимостью анализа криминалистических общих направлений и тактики деятельности оперативно-розыскных подразделов [3, с. 77].

Способы укрывательства правонарушений с признаками коррупции, равно как и взяточничество, совершенствуются, тогда как законодательство имеет множество пробелов, которое дает возможность отдельными личностями использовать это в личных целях [8, с. 28].

Основным элементом типовой методики расследования коррупционных преступлений, является криминалистическая характеристика, которая включает в себя информацию, предопределяющую деятельность органов предварительного расследования и дознания по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, которые необходимы для правильного принятия решения по уголовному делу.

Список литературы

1. Конституция Украины / принятая на пятой сессии Верховной Рады Украины 28 июня в 1996 г. [Текст] // Сведения Верховной Рады Украины. – 2011. – №10. – С. 68.
2. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия: Общин положения [Текст] / Ассоциация Юридический центр. – СПб.: 2004. – 257 с.
3. Аркуша Л.И. Выявление и расследование организованной преступной деятельности при наличии коррупционных связей [Текст] / . – Одесса: Одесская нац. юр. академия, 2003. – 207 с.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Текст] // Сведения Верховной Рады Украины, 2007. – № 49.
5. Аснис А.Я. Проблемы совершенствования действующего криминального законодательства об ответственности за служебных преступлении [Текст] / А.Я. Аснис // Русский судья, 2005. – № 5.
6. Аверьянова В.Б. Государственное управление: проблемы административно-правовой теории и практики [Текст]. - К.: Факт, 2003. – 384 с.
7. Данилюк М.І. Последующий этап расследование коррупционных преступлений [Текст] / М.І. Данилюк // Научный Вестник Львовского государственного университета внутренних дел №1(2), 2011. – С. 293-299
8. Мишков Я. Є. Методика расследования взяточничества [Текст]: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Нац. юр. академия України ім. Ярослава Мудрого. – Х., 2005. – 179 с.
9. Кудрявцев В.М. Общая теория квалификации пре ступлений / Кудрявцев В.М. – М.: «Юридическая литература», 2001. – 352 с.
10. Рарог А. И. Уголовное право: Общая часть в вопросах и ответах [Текст] / Под ред. А. И. Рарога; В. П. Степалина – М.: Юристъ, 1999. – 228 с.
11. Организационные и правовые проблемы борьбы с коррупцией [Текст] / Материалы «Круглого стола» 05.06.1998 р., г. Харків – Харків, 1998 – С. 76.

УДК 343.9

А.С. Васнецова, научный сотрудник НИИ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Москва

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются проблемы оперативно-розыскного сопровождения расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, предлагаются соответствующие изменения в законодательство.

Современный этап развития Российской Федерации характеризуется глубокими политическими, социальными, экономическими, демографическими, правовыми и прочими изменениями. Несмотря на несомненные успехи: по достижению макроэкономической стабильности в стране, преодолению тен-

денций острой социальной конфронтации в обществе (наблюдавшихся в 90-е годы), в развитии институтов гражданского общества, в международном признании успехов России и др.[1], общественные отношения в ряде сфер жизнедеятельности (и прежде всего, в национальной, этнической, религиозной и др.) развиваются с определенными кризисами, наиболее асоциальным проявлением которых является совершение преступлений экстремистской направленности (их динамика на табл. 1).

Табл. 1

Динамика числа зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и выявленных лиц, их совершивших в 2008 – 2012 г.

2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
Всего	+(-)	Всего	+(-)	Всего	+(-)	Всего	+(-)	Всего	+(-)
Зарегистрировано преступлений									
460	29,2	548	19,1	656	19,7	622	-5,2	696	11,9
Выявлено лиц									
379	68,4	428	12,9	532	24,3	480	-9,8	527	9,8

Знаковыми чертами экстремизма в России являются:

-его продуцирование сложными социальными процессами, криминогенный потенциал которых (например, миграционных, в сфере взаимоотношений между лицами разных национальностей, религий) со всей полнотой при современном уровне и состоянии развития научных знаний (в т.ч., криминологических, оперативно-разыскных, разведывательных и др.) прогнозировать практически невозможно;

-детерминация (в некоторых случаях) совершения преступлений экстремистской направленности действиями (либо бездействием) представителей государственных органов, причем эти сложные схемы детерминации органами следствия и субъектами ОРД, а также судами не вскрываются и не анализируются;

-высокая степень организованности ряда экстремистских и террористических организаций и сообществ, их функционирование в виде так называемых террористических и экстремистских сетей. При этом, несмотря на то, что общая стратегия и тактика экстремистской деятельности может планироваться в масштабах регионов, муниципальных образований, то совершаются конкретные преступления на местах и вполне конкретными лицами, на которых и должна быть ориентирована соответствующая правоохранительная деятельность. Другое дело, что крупномасштабная экстремистская деятельность должна анализироваться в целом по РФ, аналогичным образом должна быть построена и работа по уголовным делам и ДОУ. Исследование автора показало,

что в настоящее время работа в отношении тех же запрещенных террористических организаций (Кавказский Имарат, ХТИ и др.) ведется несистемно, уголовные дела и ДОУ в субъектах Северо-Кавказского, Приволжского, Центрального федеральных округов рассматриваются разрозненно, в одно производство не соединяются и т.д.

-пособничество, идеологическая и материальная помощь экстремистам из иностранных государств и трудности привлечения иностранцев за такие действия к установленной законом ответственности, Так, в 2011 г. за совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства (глава 29 УК РФ) было выявлено 278 гражданина РФ и 4 гражданина иностранных государств (либо лиц без гражданства) (из статистической формы ГИАЦ МВД РФ № 492).

-информированность, теоретическая и правовая подготовленность некоторых экстремистов (и без сомнения всех идеологов экстремизма), активное использование ими фактора псевдоморального оправдания и обоснования своей криминальной деятельности;

-вооруженность (в т.ч. самодельным, переделанным оружием, самодельными взрывными устройствами, предметами, используемыми в качестве оружия);

-использование сети Интернет и иных технических возможностей. Как показало исследование, на первый план стали выходить факты пропаганды экстремистских и террористических идей посредством использования Интернета. Выявление и привлечение к ответственности экстремистов сложно в техническом плане (в т.ч. в связи с отсутствием подразделений электронной разведки, действующей в ряде стран зарубежом (Китай и др.)); обусловлено анонимностью интернет-пользователей, размещением экстремистских и террористических сайтов, как правило, за пределами России и т.д.

-совершение преступлений с использованием СМИ, различных литературных источников и др. (определенный контент уже признан экстремистской литературой и размещен на сайте Минюста РФ). Это требует специальных гуманитарных познаний в литературоведении, философии, истории, знания социальных процессов и их закономерностей и т.д., причем прежде всего у лиц, выявляющих и раскрывающих такие преступления, т.е. у представителей оперативных аппаратов.

Таким образом, анализ современного состояния противодействия экстремизму свидетельствует о сложности расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности, о необходимости активной помощи оперативников органам следствия. В связи с этим, автором выдвигается концепция оперативно-разыскного сопровождения расследования уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности. Ранее разработанная профессором Зникиным В.К. концепция оперативно-разыскного обеспечения

раскрытия и расследования уголовных дел [2], а также работы других авторов в этом направлении, обосновывавших теории «взаимодействия следователя и оперативных работников по расследуемому уголовному делу», «об оперативно-розыскном сопровождении расследования, призванном выполнять функции защиты от противодействия следствию»[3], служат фундаментом для развития авторской позиции, с небольшими замечаниями по ним:

1) Так, раскрытие преступлений – не является главной задачей органов следствия (ч. 3 «Основные задачи» ст.1 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»), а представляет один из структурных компонентов самой ОРД (следовательно, словосочетание «оперативно-розыскное обеспечение раскрытия» звучит как «оперативно-розыскное обеспечение ОРД»), т.е. такой словесный конструкт противоречит, по мнению автора теории ОРД. Более того, применение такого речевого оборота, по сути, возлагает функцию раскрытия преступления полностью на органы следствия (либо в большей степени на них), что им несвойственно по самой их природе деятельности.

2) Использование же термина «взаимодействие» ставит органы следствия и оперативно-розыскные органы (далее – ОРО) в равноправную позицию. По мнению автора, ОРО обладают значительно большим объемом информации, в т.ч. доверенной им в соответствии с законодательством о государственной тайне, чем органы следствия. Поэтому априори равноправие указанных органов невозможно. Существующая же модель, не то что равноправия, а даже примата органов следствия над ОРО – не более чем видимость, объективно обусловленная способностями и возможностями следователей «переводить» оперативно-значимую информацию в сферу ее официальной интерпретации, уголовного процесса. Как показывают исследования, это обусловлено как лучшей юридической подготовкой следователей, так и тем, что оперативники обладают слишком большим объемом информации, которую физически невозможно всю зафиксировать – следователь же сталкивается с ее ограниченным объемом, предварительно выделенным оперативниками из всего массива оперативно-значимой информации.

3) Термин «оперативно-розыскное обеспечение расследования» в правоприменительной практике, к сожалению, не прижился. Связано это может быть с тем, что: 1) сам термин недостаточно конкретизирован и разработан в научных работах; 2) термин чересчур общий, в словарях под обеспечением в целом понимают – совокупность принимаемых мер и используемых средств, создание условий, способствующих нормальному протеканию процессов, реализации намеченных планов, программ, проектов, поддержанию стабильного функционирования системы и ее объектов, предотвращению сбоев, нарушений законов, нормативных установок, контрактов (т.е. чтобы качественно организовать такое обеспечение оперативник должен очень хорошо знать все аспекты

следственной работы и уголовного процесса либо же органы следствия должны быть подразделениями оперативного аппарата); 3) использование же термина «обеспечение» в качестве исключительно снабжения следователя необходимой информацией чрезмерно формализует и обедняет процесс совместной работы следователя и оперативника. В России исторически и культурно взаимоотношения следователя и оперативника выстраиваются как партнерские, социально-психологические обусловленные, а не как бездушно-технический обмен поручениями и информацией.

Поэтому автором предлагается теоретическое обоснование применения термина «оперативно-разыскное сопровождение расследования», уже прошедшего проверку практикой и повсеместно используемого и следователями, и оперативниками, включающего в себя следующие элементы:

1) оперативно-разыскное обеспечение следователя затребуемой им информацией в целях успешного расследования уголовного дела и привлечения к ответственности виновных лиц;

2) исполнение иных поручений следователя (доставление свидетелей, помощь в организации экспертиз и др.);

3) оперативно-разыскное «направление» расследования по делу, снабжение следователей необходимой дозированной информацией (т.к. подавляющее большинство следователей не имеют допуска к государственной тайне и не владеют закрытыми методиками ОРД и т.д.);

4) оперативно-разыскной контроль следственной работы. Особенно результативным в этом плане представляется законодательное установление: а) необходимости приобщения заверенных копий протоколов допросов подозреваемого, обвиняемого, важных свидетелей к материалам ДОУ; б) обязательность присутствия оперативников на значимых следственных действиях (так, современное состояние типовой ситуации допроса – следователь (сторона обвинения) и подозреваемый с защитником (сторона защиты) продуцируют крен в сторону усиления последней. Присутствие же оперативника на том же допросе позволит внести необходимое равенство сторон. Разумеется, здесь необходимо строгое соблюдение закона и недопущение перегибов. Например, из изученного автором приговора: когда при допросе террориста присутствовали 6 оперативников (и это было отражено в протоколе допроса), что позволило адвокату в суде доказать психологическое воздействие на своего подзащитного.

В связи с ограниченностью объема статьи, автор тезисно излагает свое видение оптимизации научно-теоретического и законодательного обеспечения концепции оперативно-разыскного сопровождения расследования преступлений экстремистской направленности:

1) Необходимость разработки концепции оперативно-разыскного сопровождения расследования преступлений, выступающей элементом более крупной комплексной теоретической системы, основанной на взаимосвязи разведы-

вательного процесса (внутренней и внешней разведки, контрразведки, а также их концентрированного выражения, направленного на противодействие преступности – ОРД) и уголовного процесса, при ведущей роли разведывательного процесса (и соответственно ОРД). Главенствующая роль последнего обуславливается первичностью разведывательной информации (в т.ч. ее подсистемы – оперативной информации) над иными видами информации (в т.ч. полученной в ходе уголовного процесса[4; 6-31]).

2) Необходимо отличать оперативно-розыскное сопровождение расследования преступлений от иных структурных элементов ОРД (предупреждение преступлений; их пресечение; выявление; раскрытие; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу безопасности Российской Федерации; оказание содействия государственным органам, гражданам и их объединениям в реализации мер, осуществляемых в интересах обеспечения безопасности и развития государства, общества, личности; осуществление розыска категорий лиц, указанных в ФЗ «Об ОРД»; установление имущества, подлежащего конфискации; административная оперативно-проверочная работа; оперативное сопровождение иных стадий уголовного судопроизводства и уголовно-исполнительного производства; анализ оперативной информации и принятие на его основе управленческих, организационных, стратегических и тактических решений; оперативно-розыскное преодоление неправомерного противодействия[5; 3-56] со стороны подозреваемых и обвиняемых органам следствия, суду и др.), при этом в ходе осуществления сопровождения могут быть реализованы все задачи ОРД, обозначенные в ФЗ «Об ОРД», что является взаимообусловленным диалектическим процессом. Целесообразна разработка комплексного федерального закона «Об оперативном сопровождении расследования преступлений».

3) Качественное противодействие экстремистской деятельности возможно только в результате использования помимо средств ОРД всего арсенала разведывательной деятельности (т.е. деятельности, осуществляемой гласно и негласно разведывательными подразделениями государственных органов, государственными органами, научными организациями, гражданами Российской Федерации и их объединениями в целях обеспечения безопасности и развития государства, общества, личности). Структурно разведывательная деятельность включает в себя внешеразведывательную [6], внутриразведывательную, контрразведывательную, оперативно-розыскную[7], обобщающую информационно-аналитическую и обеспечительную виды деятельности. В связи с этим предлагается принятие соответствующих федеральных законов, начиная с базового ФЗ «О разведывательной деятельности в Российской Федерации» и заканчивая специальными ФЗ «О внутренней разведке» и др.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537. [Электронный ресурс]СПС Консультант-Плюс.
2. Зникин В.К. Теоретические и прикладные основы взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса в вопросах доказывания. [Текст]: Автореферат дисс. ... д.ю.н. Красноярск, 2004.
3. Александров А.И. Оперативно-розыскное сопровождение уголовного преследования организованных преступных групп [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. Гаврилин П.В. Организация взаимодействия подразделений, осуществляющих ОРД, с органами предварительного следствия при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел [Текст]: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. Васенин О.Н. Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных органов при раскрытии и расследовании некоторых видов контрабанды [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003.
4. Шарихин А.Е. Научные основы обеспечения экономической безопасности России посредством оперативно-розыскной деятельности [Текст]: Дис. ... д.ю.н. М., 2007.
5. Александров А.И. Оперативно-розыскное сопровождение уголовного преследования организованных преступных групп [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
6. Федеральный закон от 10.01.1996 № 5-ФЗ «О внешней разведке».
7. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об ОРД».

УДК 343.983

Л.В. Дергачева, студент юридического факультета Сумского государственного университета, Украина

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОКУМЕНТОВ СОГЛАСНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

В статье рассмотрены особенности проведения судебно-технической экспертизы документов согласно действующему украинскому законодательству, рассмотрены приоритетные направления развития судебно-технической экспертизы.

Судебно-техническая экспертиза документов является важной гарантией защиты прав и свобод человека, исходя из частых случаев их подделки с целью завладения материальными благами или же получением определенных льгот и привилегий. Следствием глобального технологического скачка стало появление новых способов подделки / внесения корректировок в документы, исходя из чего необходимой является разработка методологической базы, способной

выявлять подобные манипуляции.

Как отмечает ученый О.В.Батюк, с начала 70-х годов для изготовления документов стали использоваться такие технические средства, как клавиатуры для кодирования текста, электронные вычислительные машины, оптические считывающие устройства, видео-терминалы, уже тогда возник вопрос о возможности их исследования.

В.М.Палий, на основе изучения конструктивно-технологической базы знако-печатающих, знако-синтезирующих устройств предложила их классификацию, систему общих и особенных признаков, методику исследования.

Исследованием документов, выполненных с помощью компьютерных технологий, занимались Донецкий, Днепропетровский, Крымский, Львовский НИИ при МЮ Украины, другие экспертные учреждения Украины, России, Беларуси, других государств. Проводятся многочисленные конференции и семинары, посвященные данной теме [2, с.160].

В Харьковском НИИ на сегодняшний день значительное внимание уделено исследованию цифровой печати, которая применяется в современных полиграфических средствах - печатных машинах и устройствах, работающих по электро-фотографическому принципу.

Как отмечает М.Л.Цимбал, на сегодняшний день уже выявлены специфические признаки новых технологий цифровой офсетной и трафаретной печати, которые отображаются в полиграфической продукции; завершено выполнение научной темы по экспертизе документов, выполненных с помощью струйных принтеров [1, с.214].

При исследовании документов, выполненных с помощью компьютерной техники, применяются методы исследования машинописных текстов (микроскопическое исследование, съемка в токах высокой частоты), профилирование, съемка дифракционных спектров букв в когерентном свете лазеров с последующей обработкой полученных данных на компьютере.

Приоритетными же направлениями исследований является экспертиза современных кассовых чеков, документов, выполненных на цифровой полиграфической технике, исследования красителя, который используется в принтерах, в частности струйных, а одной из актуальных проблем - разработка эффективной методики установления абсолютной давности изготовления документов.

Из вышесказанного следует, что разработка экспертных методик по исследованию документов, изготовленных с помощью компьютерных технологий вообще, и принтеров различных моделей - в частности, на сегодня является актуальной задачей судебной экспертизы [1, с.216].

Харьковским НИИ течение 2006-2007гг. разработаны методические рекомендации по вопросам назначения и проведения комплексных экспертиз по уголовным, гражданским, хозяйственным и административным делам. Эти ме-

Юридические рекомендации апробированы в системе специализированных государственных экспертных учреждений Министерства юстиции Украины и рекомендованы к внедрению в экспертную практику. На основании этой работы создана общая методика, которую после аттестации внесены в государственный реестр методик проведения судебных экспертиз. Методика состоит из общей и особенной частей.

В общей части рассматриваются основные положения, порядок назначения и проведения комплексных экспертиз, в которых применяются специальные знания из различных областей науки, техники для решения одного общего задания.

В особенной части методики разработаны предмет, объекты, задачи, ориентировочные перечни вопросов, методы и общие методические положения исследований (алгоритмы решения задач) по 44 категориям комплексных судебных экспертиз, среди которых - техническая экспертиза документов и компьютерно-техническая экспертиза документов.

Руководствуясь данной методикой, можно определить предмет комплексной судебно-технической экспертизы документов как фактические данные и обстоятельства дела, устанавливаемые на базе интеграции специальных знаний в области технического исследования документов об исполнителе / выполнения определенных записей.

Указанные данные отечественный ученый Е.Б.Симакова-Ефремян дифференцирует на:

1) данные об исполнителе определенных записей по копиям документов, изготовленных с помощью копировальных аппаратов электрофотографического и струйного способов образования изображений;

2) данные об исполнении (в отдельных случаях исполнителе) записей с применением предварительной технической подготовки (на просвет, путем влажного копирования, передавливания с оригинала и дальнейшего наведения красителем неокрашенных вдавленных штрихов, дорисовывания отдельных штрихов и т.п.); относительно исполнителя записей, выполненных с применением пишущего прибора с дефектом, образующего двойные штрихи, т.е. когда наряду с окрашенным образуется неокрашенный вдавленный штрих («фаска»), или с другим дефектом;

3) данные о дописывании отдельных рукописных записей, цифр, букв (в случае, когда только техническим исследованием документа это установить невозможно);

4) данные о невозможности установления факта выполнения определенным лицом изображения записи, образованной с помощью факсимиле-клише [3, с.190].

Так, объектами комплексной судебно-технической экспертизы документов являются копии документов, документы, записи в которых выполнены с

применением предварительной технической подготовки, или образованные с помощью факсимиле-клише; рукописные записи и др.

Задачами комплексной судебно-технической экспертизы документов в соответствии с ее предметом являются, во-первых, определение исполнителей записей по копиям документов, во-вторых, установление факта выполнения (в отдельных случаях исполнителей) записей с применением предварительной технической подготовки (на просвет, путем влажного копирования, передавливания с оригинала и дальнейшего наведения красителем неокрашенных вдавленных штрихов, дорисовывания отдельных штрихов и т.п.); определение исполнителя записей с применением пишущего прибора с дефектом, образующего двойные штрихи (когда рядом с окрашенным образуется неокрашенный вдавленный штрих - «фаска», или с другим дефектом), в-третьих, установление дописок отдельных рукописных записей, цифр, букв (в случаях, когда только техническим исследованием документа это установить невозможно); в-четвертых, установление невозможности факта выполнения определенным лицом изображения записи, образованного с помощью факсимиле-клише.

Согласно поставленных перед экспертизой задач, можно сформулировать примерный перечень решаемых вопросов.

При проведении комплексной экспертизы записей, выполненных с применением пишущего прибора с дефектом, действие которого отображается в виде двойных штрихов («фаски») или иным образом, эксперт-документалист устанавливает факт образования двойных штрихов (или других отображений) для использования пишущего прибора с дефектом.

Комплексно вопрос о наличии дописок решается в случае, когда эксперт-документалист после изучения объекта на предмет наличия технических признаков дописывания (признаки материалов письма, пишущего прибора, топографические признаки) не может решить его (установлено совпадение по цвету материала письма, признакам пишущего прибора, топографией и т.п.) [3, с. 185-195].

В заключение отметим, что на сегодняшний день на Украине широко применяется разработанная методика проведения судебно-технической экспертизы документов, в то же время учеными особенно отмечается необходимость исследования экспертизы документов, выполненных на цифровой полиграфической технике, а также разработка эффективной методики установления абсолютной давности изготовления документов.

Список литературы

1. Батюк О.В. Розвиток судово-технічної експертизи документів: історичний аспект / О.В. Батюк [Текст] // Часопис Київського університету права. – 2010. – № 1. – С. 211-217.
2. Клименко Н., Прадід Ю. Міжнародна науково-практична конференція з актуальних проблем сучасної криміналістики [Текст] // Право України. – К.: Міністерство юстиції

України. – 2002. – № 12. – С. 159-161.

3. Сімакова-Єфремян Е.Б. Науково-методичні проблеми комплексних судово-експертних досліджень / Е. Б. Сімакова-Єфремян [Текст] // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики : зб. наук. праць. – Х. : Право, 2009. – Вип. 9. – С. 185–195.

УДК 343.9

Г.А. Зорин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Республика Беларусь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАПРЯЖЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Среди сложных и многоплановых процессов обучения следователей деловые игры занимают одно из главных мест. Именно в деловых играх синтезируются позитивные возможности почти всех активных методов обучения. Именно в деловых играх ведущую роль играют обученные, которые приобретают высокую психологическую и профессиональную культуру, получают всестороннее и гармоничное развитие интересов, потребностей и способностей.

Следствие всегда находилось в эпицентре социальных проблем, нерешенность которых нередко вызывает криминальные следствия. В настоящей ситуации следственный корпус становится своеобразным щитом от процессов криминализации.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРЕСТУПНЫХ СТРУКТУР идет одновременно в различных направлениях, интенсивно, изобретательно, интеллектуально, изощренно, дерзко пренебрегая присутствием на пути правоохранительных органов.

Состояние следственных служб и эффективность их работы не соответствует требованиям ситуации. Об этом свидетельствуют:

- ненадлежащая техническая и материальная обеспеченность следственных подразделений;
- высокая текучесть кадров в связи с тяжелыми и опасными условиями труда;
- недостаточно высокий образовательный уровень следователей, которые иногда имеют средне специальное, военное, педагогическое и иное не юридическое образование;
- рассогласование работы различных служб прокуратуры, МВД, что одновременно сопровождается разрушением межтерриториальных связей;
- низкая раскрываемость и низкое качество следствия по делам, завер-

шившимся обвинительным заключением.

Избыточность поставленных социальной ситуацией требований и их сегодняшняя нерешаемость вызывает крайне негативную реакцию в следственном корпусе и в социальной среде, которая все больше становится «заложником» экстремальных проблем.

Возникает редкий и своеобразный эффект аффективной реверберации, состоящий в том, что поставленные ситуацией проблемы требуют немедленно и эффективного выхода и решения, но их нет... Это обстоятельство, как внутреннее эхо отраженных невозможностей, порождает еще более глубокий комплекс аффективных переживаний.

Обычный человек в кризисной ситуации, защищаясь от среды, может игнорировать свой, личный неуспех, но следственные органы не могут не замечать неадекватность, собственной деятельности требованиям ситуации...

Сегодняшний следователь находится в сложном состоянии внутреннего конфликта с самим собой, с ощущением безнадежной беспомощности... Это вызывает иррациональность в деятельности, разрушение даже привычных и несложных процессов, отчего число и тяжесть следственных ошибок резко возрастает.

Анализ ситуации показал явное запаздывание методов борьбы с преступностью по сравнению с методами, используемыми преступниками. Система специальных методов должна носить гибкий, мобильный, упреждающий преактивный характер. Методы следователя должны встречать сложные следственные ситуации, опережая профессиональную и организованную преступность в пространстве, времени и качестве исполнения.

Программу совершенствования подготовки следственных кадров можно было бы представить комплексом мероприятий учебного, научного, методического характера.

В учебном отношении целесообразно произвести следующее:

1. Сместить преподавание дисциплин криминалистического цикла на начальные курсы обучения, чтобы акцентировать эффект новизны криминалистических дисциплин для студентов, а не давать эти дисциплины на последних курсах, когда интерес к процессу обучения значительно падает.

2. Изменить методику преподавания, перейдя от пассивной репродуктивной формы преподавания к активной развивающей, проблемной формам. Хотя это требует значительных усилий при переходе от пассивных форм к интенсивно-активным.

3. Максимализировать внедрение в учебный процесс игровых форм обучения, позволяющих погружать студентов в имитационные формы профессиональной деятельности.

4. Интеллектуализировать учебные пособия и учебники. В настоящее время наблюдается процесс упрощения учебной литературы, которая не вызы-

вает потребности к интеллектуальному росту и активизации интеллектуальных потенциалов.

Научный аспект проблемы:

1. Представляется уместным образовать научно-координационный центр, обеспечивающий прогнозируемое развитие криминалистической науки. Отсутствие такого координационного центра может породить забвение актуальных горячих направлений, неравномерность развития различных аспектов криминалистики применительно к особенностям геополитического характера различных областей Беларуси.

2. Целесообразно объединить в единый криминолого-криминалистический комплекс имеющиеся в наличии (но «не работающие»)) разработки и предложить их для внедрения в практические органы.

3. Разработать криминалистическую экспертно-креативную систему (ЭКС), позволяющую инструментально и радикально изменить качество следствия как ядра в механизме деятельности правоохранительных органов.

Насущной проблемой на фоне широкой компьютеризации общества (в том числе и компьютеризации организованной преступности) является использование компьютера в роли интеллектуального партнера человека при расследовании преступлений.

Как ее решение предлагается «инструментарий» экспертно-креативной системы (ЭКС), которая не только хранит и систематизирует поступающую в компьютер информацию, но и может интерпретировать ее настолько, чтобы следователь-пользователь имел постоянный приток индуктивных и дедуктивных умозаключений об обстоятельствах, скрытых в глубине исследуемых явлений и объектов.

ЭКС может полифункционально истолковывать формы, содержание, структуру, связи анализируемой информации до тех пор, пока латентные объемы ее не станут доступными для восприятия.

Методический аспект проблемы повышения качества подготовки и переподготовки следователей:

1. На фоне интеллектуальных процессов обучения следователей создать методический комплекс типовых программ производства отдельных следственных действий по различным категориям преступлений, особенно по наиболее распространенным категориям.

2. Целесообразно вернуться к практике издания Бюллетеня Следственного Комитета, где бы описывались удачные следственные приемы, операции.

3. Уместно образование региональных аналитических лабораторий для оперативного определения тенденций и прогнозов динамики развития преступности.

Наиболее простым и рациональным на данном этапе представляется путь

использования типовых криминалистических программ с индивидуализацией на следователя, его партнера и ситуацию в целом. Это дает выравнивание и стабилизацию качества допросов, проверок показаний, очных ставок, полностью оправдывают применение типовых программ и не вызывают значительных расходов на внедрение данной методики.

Учитывая различный квалификационный диапазон состава следственного корпуса РБ, представляется уместным унифицировать на переходном этапе комплекс типовых криминалистических программ, одновременно выровняв, до определенного уровня качество таких распространенных действий, как допрос, проверка показаний, очные ставки, осмотры, эксперименты.

Для этого целесообразно разработать типовые программы допросов по всем видам преступлений, что позволит значительно сократить время подготовки трудоемких допросов, одновременно резко повысить качество допросов и вышеперечисленных действий до уровня требований УПК об объективности, полноте и всесторонности. Типовые модели допросов при определенной организации могут быть составлены в короткие сроки и на высоком уровне в виде справочника, подобного экспертному.

Дальнейшее развитие этого направления может быть реализовано составлением программ и информационно-справочных систем на ЭВМ с элементами самообучения, саморазвития и взаимного обмена разрабатываемых программ. Известно, что каждое уголовное дело, каждый следователь, и каждый обвиняемый обладают индивидуальностью, в которой отражается соответствующая закономерность. Сколько дел, столько и индивидуальных закономерностей, отражающих палитру преступной и следственной действительности.

Постоянно растущий в объеме информации и качестве материал может стать основанием для интенсивного обучения в высших школах.

Типовые программы строятся на основе аналогового диагностирования реальной ситуации и аналогового переноса типовой программы на реальную ситуацию с индивидуализацией. Типовые программы следственных действий могут выстраиваться следователем в аналоговые цепочки с элементами индивидуальной вариативности.

Типовые программы обеспечивают реальный противовес, типовым ошибкам следователя. Типовые программы могут строиться на системах высоковероятных связей. В этих условиях уместно четко определить границы аналогии и границы применения программы.

Применение типовых программ может строиться на системе правил:

1. Выявление закономерностей в механизме совершения преступления и формализация суммы вопросов и приемов, для выявления этих преступных закономерностей в ходе предстоящих следственных действий - допросов, очных ставок, проверки показаний.

2. Установление аналоговых подобий установленных исход-

ных данных и типовых моделей преступлений, в которых концентрируются закономерности преступных действий.

3. Диагностирование ситуации расследуемого преступления:

- установление симптомокомплексов, позволяющих отнести диагностируемое явление к определенной группе преступлений;

- установление информационных «пустот», которые следует заполнить с аналоговых подобий, т. е. если чего-то не хватает в системе следов, то это можно вероятностно (с ограничениями) заполнить с типовой модели преступления;

- использование обогащенных подобий для построения рабочих версий и предсказания неизвестных фактов, подлежащих установлению.

4. Адаптация для расследуемого дела серий типовых аналоговых программ и составление аналоговых цепочек.

5. «ВЖИВЛЕНИЕ» типовой аналоговой программы в реальное следственное действие.

6. Преобразование полученной информации для выявления информационных пустот и систем связей между известными фактами и неустановленными, но «вероятностными» фактами.

Если преступление совершается в парадоксальном режиме, вопреки здравому смыслу и логике, то и расследование строится с использованием парадоксальных аналогий, что также может привести к использованию «веера» методов эвристического характера.

Главное - найти смысл преступления, ядро его выраженных в следах закономерностей.

Смысл преступления детонирует модель его раскрытия, смысл прямых и обратных реакций преступника рефлексировается следователем через системы связей: необходимых-случайных; доказуемых-недоказуемых; статических динамических; позитивных-негативных; допустимых-недопустимых; вероятных-менее вероятных-невероятных; ретроспективных-перспективных реверсивных; генетических и субстанциональных; кумулятивных (накапливающихся) - дискретных (разрывающих последовательность развития) и т.д.

Чем больше и глубже преобразуется исходный и полученный материал, тем значительнее результат. Самое главное в использовании типовых программ - не цепляться за стереотипы и выходить на порождение новой формы типовой программы. «Для новой истины нет ничего вреднее старого заблуждения» (Гете).

Поэтому типовую программу можно улучшить системой эвристического преобразования:

– критика и селекция идей;

– переворачивание, перестановка, рекомбинация элементов программы;

- экспериментальное разрушение, дифференциация и «агрегатирование» сложносвязанных элементов типовой программы и ее вариаций;
- исключение негативных факторов, насыщение программы позитивными, «терапевтическими узлами»;
- внесение в программу эффекта оригинальности и восприятие ее «свежим взглядом»;
- интерпретация исходных данных, их экспериментальное генерирование и ослабление (по влияниям);
- «семикратный поиск» в системе контрольных вопросов, с умножением одного вопроса на другой: что-где, что-когда, что-как, что-чем и т. д.;
- преобразование программы по форме, содержанию, сумме и постановке вопросов и методов, прямых и обратных связей, силы и направлений тактических воздействий и взаимодействий;
- специфическое преобразование программы через интуитивные процессы (игры с подсознанием);
- прямые и обратные мозговые атаки на адаптируемую программу;
- системотехника всего программного информационного месаива в рациональное системно-структурное образование.

УДК 343.9

Г.А. Зорин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, Республика Беларусь

ПРЕСТУПНАЯ ИНСЦЕНИРОВКА – ЭТО ОТРАЖЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЯ

*Иногда мы можем лучше узнать человека по его недостаткам, чем по его добродетелям.
Лонгфелло.*

Работа посвящена инсценировкам как форме сокрытия реальной ситуации сопряженной с искажением следовой программы и смысла совершенного действия.

Преступная инсценировка - это застывшее в следах действие с ложным фасадом, но реальным фундаментом. Преступление - это реальность, скрытая инсценировщиком от следователя ложными декорациями.

Инсценировка - это арена манипуляций видимого, но ложного, а также невидимого, но истинного.

Инсценировщик на этой арене в видимом пространстве ЛЖЕТ следователю комплексом материальных объектов:

- описывает в лживой интерпретации механизм совершенного преступления;
- описывает чувства инсценированного преступника (аффект, жестокость, жадность);
- вынужденно оставляет собственные следы, представляя самого себя и ту лживую концепцию, которую он хочет навязать следователю.

ИНСЦЕНИРОВКА отражает внутреннюю модель мира инсценировщика, технику его мышления, его ценности и приоритеты, альтернативы реакции и системы защиты.

КАТАРСИС В ИНСЦЕНИРОВКЕ. «Тот, кто ошибается в первой пуговице, не застегнет камзола. Прослеживая ход доказательства, надо стараться не упустить ни одного его шага. Запутавшись, нужно еще настойчивее пытаться продвинуться вперед, памятуя андерсеновское: «Дойдя до конца истории, мы будем знать больше, чем сейчас» (И.Гете).

Аристотель определял катарсис как внутреннее очищение. Освобождение себя от груза накопившихся эмоций сопровождается действием, некоторой театризацией. Иногда это происходит в обыденной жизни перед зеркалом. Накопивший переживания человек обращается к незримому оппоненту и «выплескивает» накопившееся содержание с аргументацией, мимикой, жестами, плачем или смехом, сарказмом или оскорблениями. Многие, если не все, пережили это на себе и в себе. Катарсис может выразиться не только в текстах, но и в инсценировках, действиях с декорациями, следами, сюжетным центром, внутренними и внешними связями, но самое главное, что в ПРОЦЕССЕ КРИМИНАЛЬНОЙ ИНСЦЕНИРОВКИ исполнитель всегда чувствует партнера, того, кто это очищение и самовыражение будет осматривать (т.е., следователя).

Инсценировщик, завершив процесс материализации своего замысла, должен испытать сначала внутреннее очищение, избавление себя от груза переживаний, а затем он же должен пережить потрясение от того, что он сделал.

Надо пройти до конца путь его рациональных размышлений и эмоциональных переживаний до и после инсценировки.

Наша мысль редко останавливается на самой себе. Поскольку размышления о собственном мышлении не совсем обычное дело, особенно важно помнить принцип: удваивай усилия, достигнув определенного успеха.

Цели инсценировки

В процессе формирования инсценировки автор преследует следующие ЦЕЛИ:

1. Исказать реальную исходную ситуацию, которую воспринимает следователь в процессе осмотра. Цель - запутать следователя.

2. Реализовать идею рефлексивного управления в отношении следователя, т.е., внушить следователю желаемый СМЫСЛ расследуемого происшествия (например, вместо убийства - самоубийство), деформировав объективную сторону события.

3. Направить тень подозрений на иное лицо, подбросив личные вещи «подставляемого» человека (деформируется информация о субъекте преступления).

4. Подменить мотив действия-бездействия (в материальной среде изымаются доказательства мотива мести, а вводятся доказательства мотива ревности, деформируется содержание субъективной стороны события).

5. Изменяется информация об объекте преступления. Например, одежда без вести пропавшего одевается на обезображенный труп другого человека.

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ (дополнительные) цели инсценировки:

1. Повысить информационную неопределенность для следователя.
2. Выиграть время и оценить качества следователя.
3. Снять собственное напряжение, снизить уровень опасности ситуации.
4. Сохранить собственное лицо и ощутить результативность собственной деятельности.
5. Снизить уровень риска криминальной деятельности.
6. Сформировать психологическую защиту.

Криминальные сценарии

КРИМИНАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ - инсценировка, материализованная в СЛЕДАХ сюжетная схема, предназначенная для восприятия следователем, направленная на искаженную оценку действительности на месте происшествия или в ином следственном действии.

Криминальный сценарий складывается из следующих элементов:

- системы следов, отражающей искаженное инсценировщиком состояние криминальной ситуации (последующий период преступления);
- сюжетной схемы, представленной «декорациями», т.е., элементами окружающей среды;
- отдельного эпизода, запечатленного в ложных текстах отдельных участников;
- системы латентных показаний.

СЦЕНАРИЙ ИНСЦЕНИРОВКИ - это искусственная система, ограничивающая активность исполнителя строго заданными целями.

КРИМИНАЛЬНЫЕ СЦЕНАРИИ МОГУТ ИМЕТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ВИДЫ:

ВЫСОКИЕ СЦЕНАРИИ - это проявление творчества (до мелочей) с рефлексивным проигрыванием интеллектуальных процессов следователя, его эмоциональных и волевых реакций. Высокие сценарии готовятся обычно задолго до преступления, с определенной графической, макетной или натурной прора-

боткой во времени и в пространстве, с включением психологических ловушек для следователя, с тонким блефом. Следует заметить, что нередко криминальные инсценировки заимствуются из детективных романов, где инсценировка является частью литературного украшения. Если в романе все очевидно и понятно, то нет завязки, нет интриги.

ИНТРИГА - скрытое действие, направленное на достижение **ЗАПУТЫВАНИЯ** партнеров, а также для создания «видимости», для формирования скрытой цели.

«Двойное дно», скрытый рефлексивный контекст - неизбежный элемент криминального сценария.

На поверхности явления - на месте происшествия - находится совсем не то, что должно находиться. Предлагаемая следователю композиция следов своими корнями уходит в психологию инсценировщика. Поэтому итоговый результат осмотра может оказаться совсем иным, чем первоначально думалось, с диапазоном до наоборот.

НИЗКИЕ СЦЕНАРИИ - это проявление чрезвычайной необходимости, вызывающей потребность действовать в условиях и времени, исключающих подготовку и деформирующих процессы рационального мышления.

В условиях ограниченного времени преступник должен исказить собственные следы, изменить мотивационные оттенки, направить внимание следователя от себя и на иное лицо (неопределенное). Низкий сценарий нередко примитивен по форме и беден по содержанию. Низкий сценарий закономерно типичен по манере использования, сохраняет в себе массу следов исполнителей. Эта категория сценариев раскрывается легче первой, так как негативные обстоятельства **ВЫСВЕЧЕНЫ**, их видно при наличии минимальных усилий, хотя бывают и исключения.

Обратная связь как элемент криминальной инсценировки

Инсценировка - это тактическая операция со стороны инсценировщика. Она рассчитана на **ОБРАТНУЮ СВЯЗЬ**, следователь должен, по мнению инсценировщика, «проглотить» его продукт или раскрыть инсценировку, осознавая ее смысл.

Обратная связь может оказывать на инсценировщика двойной эффект:

- обратная связь начинает давить на психику инсценировщика еще до создания инсценировки. Она как бы становится доминирующим элементом строящегося сценария. Инсценировщик **ДОПУСКАЕТ**, что инсценировка не пройдет испытание на прочность и будет раскрыта. Инсценировщик **ПЕРЕЖИВАЕТ** будущую ситуацию инсценировки как ситуацию с элементами тактического риска. Инсценировщик допускает проигрыш и расшифровку инсценировки. Все это вызывает цепочку размышлений в негативной перспективе;

- обратная связь начинает особенно интенсивно действовать на инсценировщика после совершения инсценировки. Становится страшно от сознания

возможности раскрытия. Инсценировщик нервничает, иногда этим привлекает к себе внимание.

Например, после инсценировки человек старается УЗНАТЬ о состоянии следствия по делу, о полученных результатах, о версиях следователя, об убежденности следователя по различным поисковым и стратегическим направлениям. ИНСЦЕНИРОВЩИК начинает мучить себя сомнениями, сжигает себя угрызениями совести, борется сам с собой, используя аргументы и мотивации.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ притягивает инсценировщика к совершенному действию и носит характер изживания тайны, свидетельствующий о степени УГАСАНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ скрываемого преступления.

Переживание инсценировки

Нередко инсценировщик переживает ОСТАТОЧНЫЙ ЭФФЕКТ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПЕРЕРАБОТКИ инсценированной информации.

После совершенного действия ИНСЦЕНИРОВЩИКА торпедируют собственные мысли о перспективе раскрытия и необходимости СКРЫТЬ все, что связано с инсценировкой.

Это мучает инсценировщика иногда еще сильнее, чем в момент выполнения инсценированных действий. ПОЛУЧАЕТСЯ

СУММИРОВАНИЕ старых переживаний и новых, вызванных обратной связью. Если инсценировщик владеет системой приемов психологической защиты, то он может преодолеть прессинг воспоминаний и сопровождающих их сегодняшних мыслей, в противном случае обратная связь РАЗРУШАЕТ ПСИХИКУ, а ее носитель рано или поздно ЗАЯВИТ О СЕБЕ ошибочными действиями или информацией.

Цели следователя при анализе инсценировки.

ЦЕЛЬ систематизирует весь комплекс элементов, которые составляют интеллектуальный механизм анализа ИНСЦЕНИРОВКИ.

ЦЕЛЬ - это вероятностный образ истины, неведомый, но желанный, это ядро в информационной модели раскрытия как системы.

Цель в сознании следователя может существовать идеально, в отрыве от элементов внешнего и внутреннего мира, что можно сравнить с ощущением счастья, состояния, которое нельзя описать словами.

Чтобы цель формализовать в реальность формы, необходимо ее упростить, убирая ее второстепенные элементы. Упрощенная, но обретенная структура может под воздействием мышления следователя ОБЪЯСНИТЬ:

- свои «целевые» потребности;
- свои интересы;
- свои правила функционирования, развития и разрушения;
- свои преднамерения и системы манипуляций с фактами и процессами внутри себя.

ЦЕЛЬ можно сравнить с живым организмом, который после появления

на свет начинает приобретать самостоятельность в передвижении, развитии, деструкции, при погружении в среду обитания. Цель начинает служить своему «хозяину», а иногда побуждает его на поступки, которые противоречат основным концепциям родителя цели.

Породившему цель становится жалко ее бросить, он интуитивно хочет ее РЕАЛИЗОВАТЬ, донести до определенного материализованного результата.

Цель может одеваться ее носителем в различные ОДЕЖДЫ, цель может иметь собственный язык, понятный только ее создателю, цель может иметь свой аппарат принуждения создателя, свои волевые связи, которые окружают сознание, будят его, подталкивают в необходимом направлении.

Создатель цели под напором ее потребностей создает систему КОНСТРУИРОВАНИЯ ВЕРСИЙ ВЫПОЛНЕНИЯ.

ЦЕЛЬ МОЖЕТ ИМЕТЬ механизм мотивации, эмоционально подстегивать процессы реализации, а также блокировать или тормозить их развитие.

Цель как осознанный образ желаемого может АДАПТИРОВАТЬСЯ к динамическим изменениям ее носителя и ситуации. ЦЕЛЬ имеет ЭТАПЫ развития:

- предрасположенность;
- постановка цели;
- инкубация цели (вызревание);
- образование преднамерений;
- формирование «дерева» целей выращавшем микро- и макроцелей;
- механизм формирования целеобразований;
- механизм предвосхищения;
- механизм физиологической реализации действий.

Рефлексивный анализ инсценировки

СЛЕДОВАТЕЛЬ ДОЛЖЕН РЕФЛЕКСИРОВАТЬ инсценировщика по всем параметрам (т.е., думать за него по следующим проблемам):

- по механизмам реально совершенного преступного действия;
- по механизму собственно инсценировки;
- по субъективной стороне совершенного преступления;
- по психическому отношению инсценировщика к совершенной инсценировке;
- по реальному объекту преступления и по инсценированному объекту, т.е., заявленному инсценировкой;
- по субъекту преступления и по субъекту инсценировки.

Следователь должен ПРОРВАТЬ пелену инсценировки, ее защиту, т.е., сокрушить ту систему аргументов, которую построил для себя инсценировщик. Разрушение системы защиты инсценировщика может осуществляться напрямую, лицо в лицо, а также косвенно, через систему аргументов, демонстрируемых через третьих лиц, или через средства массовой информации.

Рефлексивное «ПОГРУЖЕНИЕ» внедряет личность в глубины интеллектуальной и коммуникативной культуры инсценировщика, а с другой стороны - позволяет «взлетать» в надрефлексивную позицию, позволяющую в отрыве от партнера внеположенно осматривать суммированные поля рефлексивного анализа, опережать партнера в многоходовых соразмьшлениях.

Приобретение навыков научно-обоснованной методики рефлексии сопровождается РАСШИРЕНИЕМ МНОЖЕСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, что позволяет расширить диапазон рефлексивных прогнозных реакций: диагностического характера, интерпрогнозного направления, рефлексивной интерпретации, рискогенных рефлексивных моторных реализаций и т.д.

Эволюция рефлексивных механизмов пользователя рефлексии порождает МОДИФИКАЦИЮ поведения, потому что рефлексия перестраивает систему прогнозирования. Кроме того, рефлексия ПЕРЕКОДИРУЕТ ПРОЦЕСС ПЕРЕЖИВАНИЙ по поводу рефлексивной информации. Это мышление о мышлении инсценировщика по поводу расследуемого преступления.

Рефлексивный анализ может содержать механизм дисперсии.

Дисперсия - это интеллектуальное рисование элементов криминальной ситуации, которые следователь может наблюдать на месте происшествия.

Следует при этом предложенные следы разделить на относимые и допустимые.

Следующим этапом использования дисперсионного анализа является поиск СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ВСЕМИ обнаруженными следами. ДИССОНАНС В СВЯЗЯХ рождает противоречие - негативное обстоятельство, которое должно многократно оцениваться и являться основанием для версий об ИНСЦЕНИРОВКЕ.

Эмпатическое понимание смысла - инсценировки

Эмпатическое понимание представляет собой умение ПОНЯТЬ ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ УВИДЕННОГО, УЛОВИТЬ ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЛНЫ ЧУВСТВ ИНСЦЕНИРОВЩИКА.

Эмпатия - это постижение эмоциональных переживаний инсценировщика путем рефлексивного сопереживания.

Следователь должен войти в образ инсценировщика, мысленно поставить себя на его место и попытаться прочувствовать его переживания по поводу совершаемой инсценировки.

Используя инструментальные возможности эмпатического понимания, следует:

- спроектировать эмоциональные процессы инсценировщика;
- обнаружить аналоги в процессах инсценировки; - обнаружить ассоциативные связи (сходства, контрасты, смежности);
- спроектировать «Я – концепцию» инсценировщика, а затем спроектировать на себя результаты вышперечисленного.

УДК 340.69

А.М. Калущих, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Интеграция научных знаний в юридическую практику создает предпосылки к активному использованию специальных знаний при расследовании преступлений. В данной статье автор исследует принципиальные различия в правовой регламентации института специалиста на примере процессуального законодательства стран бывшего СССР.

«Истина, помноженная на сомнение». Такое определение профессиональной деятельности человека дает А. А. Эксархопуло [2, С. 18]. Трудно не согласиться с тем, что каждому человеку, считающему себя профессионалом в той или иной области знаний, необходимо привлекать в свою деятельность как можно больше методов, путей, средств познания. Это особенно актуально в настоящее время, когда процесс интеграции научных знаний способствует не только внедрению, но и активному тесному взаимодействию различных областей познания. Уголовное судопроизводство не стало исключением: обращение к «сведущим лицам» – специалистам в той или иной сфере деятельности – давно стало нормой. Более того, в свете современной криминогенной обстановки внедрение в практику новых достижений науки и техники, привлечение в уголовный процесс все больше специалистов становится одним из приоритетных направлений развития, что, несомненно, положительно скажется на качестве обеспечения прав и законных интересов граждан.

Российский законодатель уделил достаточно большое внимание вопросам применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, однако ряд вопросов так и остался нерешенным.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (*далее – УПК РФ*) включил заключение и показания эксперта и специалиста в систему средств доказывания в качестве доказательств по уголовному делу. Данный факт свидетельствует о повышенном внимании к институту специальных знаний. Новеллы уголовно-процессуального законодательства, касаемые применения специальных знаний в рамках уголовного судопроизводства, создают немало трудностей на практике, что вызвано не только неточностями регламентации, но и отсутствием в ряде случаев важнейших с точки зрения правоприменительной практики норм. В частности, данная проблема актуальна в отношении процессуального положения специалиста как участника уголовного судопроизводства.

Разделение процессуального статуса эксперта и специалиста «благодаря положительной практике» произошло с принятием в 1960 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее – УПК РСФСР), тем самым вызвав шквал публикаций и споров в отношении разделения функций этих участников уголовного судопроизводства. Однако в УПК РСФСР специалисту отводилась весьма незначительная роль: он должен был, используя свои специальные знания, лишь содействовать следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств. При этом произошедшие в 1966 году изменения законодательства лишили специалиста ряда полномочий. Так, лицо, участвующее по уголовному делу в качестве специалиста, не могло в последующем выступать в качестве эксперта по тому же преступлению. Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на противоречия и спорность положений УПК РФ 2001 года, он внес много новелл, решив, тем самым, ряд не только процессуальных, но и криминалистических проблем, которые десятки лет служили предметом научных дискуссий.

УПК РФ значительно повысил процессуальный статус специалиста как лица, обладающего специальными знаниями. Ст. 58 УПК определяет специалиста как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств и исследовании материалов уголовного дела, для подстановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. С принятием УПК РФ был снят вышеизложенный запрет на совмещение в одном лице эксперта и специалиста. Такой шаг законодателя признан одним из самых прогрессивных и долгожданных нововведений.

В процессе производства по уголовному делу может быть задействовано большое количество специалистов самого различного профиля. В зависимости от особенностей знаний различают специалистов, обладающих традиционными или редкими (уникальными) знаниями; в зависимости от источника получения знаний и квалификации, навыков в определенной области различают специалистов, обладающих такими знаниями в силу жизненного опыта, избранной профессии или обучения определенному ремеслу ввиду национально-ментальной принадлежности (гончар, винодел); в зависимости от частоты случаев содействия следствию целесообразно выделить постоянно, периодически и разово привлекаемых лиц; в зависимости от того, по инициативе какого участника процесса специалист появляется в деле, можно выделить специалистов, приглашаемых лицом, ведущим процесс, или адвокатом. Условно все специалисты могут быть разделены и в зависимости от целей привлечения для участия в производстве по уголовному делу: приглашаемые для постановки вопросов эксперту, для обнаружения и закрепления доказательств и т.п. [1, С. 9].

В целях дальнейшего совершенствования законодательства в ряде стран

СНГ были приняты законы о внесении изменений и дополнений в действующий уголовно-процессуальный закон. Особое внимание законодателя было обращено к институту специальных знаний. Изменения и дополнения, которые неоднократно вносились законодателем в нормы института сведущих лиц, имели либо уточняющий характер, либо устраняли ранее допущенные коллизии. Однако новеллы законодательства не только разрешают ранее существующие проблемы, но и дают предпосылки для научных дискуссий и дальнейшего доктринального исследования.

УПК Украины, как и УПК РФ, предусматривает две процессуальные формы использования специальных знаний в уголовном процессе: привлечение специалиста и производство экспертизы. При этом под специалистом (ст. 71 УПК Украины) понимается «лицо, которое владеет специальными знаниями и навыками применения технических или других средств и может предоставлять консультации под время досудебного расследования и судебного разбирательства по вопросам, которые нуждаются в соответствующих специальных знаниях и навыках». Исходя из формулировки нормы, специалист может быть привлечен лишь для консультирования, а также применения технических средств и предоставления технической помощи (фотографирование, составление схем, планов, чертежей, отбор образцов для проведения экспертизы и тому подобное) в процессе расследования по уголовным делам. Данный перечень является исчерпывающим, что значительно сужает сферу деятельности специалиста. В законе изъята одна из важнейших функций специалиста – помощь в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, хотя прежний УПК Украины, равно как и ныне действующий УПК Таджикистана, считал данное направление деятельности главной целью участия специалиста в расследовании. Следует отметить, что изъятое полномочие не перешло и к эксперту.

УПК Республики Казахстан определяет специалиста так: «В качестве специалиста для участия в производстве по уголовному делу может быть привлечено не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными знаниями, необходимыми для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, а также применения научно-технических средств. Специалистами являются также педагог, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно врач, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях, за исключением случаев назначения его экспертом» (ч.1 ст. 84 УПК РК). Таким образом, участие специалиста, в отличие от УПК РФ, ограничивается лишь справочно-консультативной и вспомогательно-технической функциями, что значительно ограничивает процессуальные функции специалиста. Принципиальным отличием от УПК РФ становится и включение в ряды специалистов педагога и врача. Целесообразность данного шага законодателя

довольно спорна.

Отметим, что в подавляющем большинстве стран СНГ на законодательном уровне четко не определен конкретный объем полномочий специалиста, а сформулирован лишь в общем виде как оказание необходимого содействия органу, ведущему уголовный процесс. При его участии в следственных и судебных действиях. Такая «нелицеприятная» ситуация сложилась в УПК Армении, Беларуси, Молдовы, Кыргызстана. Отметим, что четкого определения полномочий специалиста не содержится и в модельном УПК для государств – участников СНГ.

Следует подчеркнуть, что законодательное разделение эксперта и специалиста на двух самостоятельных участников уголовного судопроизводства – отличительная черта лишь стран бывшего СССР, что порождает споры о необходимости существования института специалиста. При этом специалист в России привлекается при расследовании подавляющего большинства уголовных дел, что говорит о значимости данной фигуры в уголовном процессе. Более того, практика показала, что полномочия специалиста требуют своего расширения в связи с увеличением областей применения специальных знаний в рамках судопроизводства.

В связи с вышесказанным, считаем, что наиболее эффективное совершенствование законодательства Российской Федерации немыслимо без детального анализа законодательства зарубежного в частности касаемо исследуемого вопроса, так как правоприменительная практика раскрыла фигуру специалиста с принципиально новой стороны. Перспективно и с научной, и с практической точки зрения дальнейшее исследование таких способностей специалиста, как техническое обслуживание полиграфа, разработка психологического портрета преступника и жертвы, применение гипноза, а также иные методы прикладной психологии.

Список литературы

1. Сверчков В. Заведомо ложные показания заключения эксперта или неправильный перевод [Текст] // Законность. – 2002. – № 11.
2. Эксархопуло А.А. Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела [Текст]. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та. – 2005.

УДК 343.9

А.В. Касьянов, адъюнкт Академии управления МВД России, г. Москва

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Министерство внутренних дел занимало особое место в государственном механизме Российской империи в годы Первой мировой войны, так как от его функционирования во многом зависел правопорядок в стране. Под влиянием Первой мировой войны осуществлялись попытки реформирования системы Министерства внутренних дел, однако в связи с нерешительностью руководителей Министерства внутренних дел, отсутствием у них желания оперативно разрешать накопившиеся проблемы серьезных изменений в работе МВД не произошло.

Первая мировая война является одной из самых разрушительных в истории человечества. В ходе войны во внутренней политике Российской империи происходили существенные изменения. Особое внимание при этом заслуживают те из них, которые происходили в полиции Российской империи, так как от качественной реализации данных изменений во многом зависели уровень преступности и социальная напряженность в стране.

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война существенно повлияла на работу МВД Российской империи. Помимо осложнившейся внутривластной обстановки в стране остро стал вопрос о реформировании полиции, так как она не соответствовала требованиям, предъявленным к ней современностью.

Необходимость реформирования системы полиции была наглядно продемонстрирована в ходе первой русской революции, произошедшей в 1905 – 1907 годах, когда противостоять революционно настроенной массе людей смогла только армия.

В период времени с 1906 по 1916 годы вопрос о реформировании полиции постоянно поднимался, в результате чего создавались соответствующие комиссии и подкомиссии. Наиболее подготовленные и разработанные законопроекты по реформированию полиции представили: подкомиссия под председательством директора Департамента полиции М.И. Трусевича, член Совета министра внутренних дел действительный статский советник В.Э. Фриш, Особое совещание под председательством А.А. Игнатьева, межведомственная комиссия под председательством товарища министра внутренних дел А.А. Макарова. Как указывает В.Е. Иваневский, «Главной целью всех проектов, которая так и не была достигнута, было объединение всей полиции под руководством какого-либо органа»[1]. Основным препятствием принятия законопроектов послужили противоречия, устранить которые в ходе их обсуждения не удалось.

Особое внимание следует уделить законопроекту, который разрабатывала Межведомственная комиссия о преобразовании полиции в Империи, образованная в 1906 году под председательством А.А. Макарова. Перспектива принятия данного законопроекта (с последующими изменениями, внесенными в него) была наибольшей, по сравнению с другими законопроектами.

По итогам работы Комиссии был разработан законопроект, который в 1912 году был внесен на рассмотрение в Государственную думу. На рассмотрение Совета министров были представлены три документа: проект «Учреждения полиции»; проект «Устава полицейского» и «Заключение».

Как отмечает В.Н. Кручинин[2], главными итогами предлагаемой реформы должны были быть: упразднение губернских жандармских управлений; создание особой канцелярии при губернаторе, на которую возлагались все дела по полицейской части; введение новой должности помощника губернатора по полицейской части, который должен заведовать особой канцелярией. Принципиальное значение имела оговорка, что помощник губернатора назначался из офицеров Отдельного корпуса жандармов.

Уездные исправники переименовывались в уездных начальников, предполагалось упразднить уездные и городские полицейские управления и заменить их канцеляриями при уездных начальниках и полицмейстерах. Учреждались новые должности старших офицеров полицейской стражи вместо существовавших ранее инспекторов, а также новые должности помощников станových приставов. Околоточные надзиратели переименовывались в полицейских надзирателей с повышением класса должности. Что касается сельской полиции, то волостные старшины, сельские старосты и десятские только формально включались в состав полиции, так как эти должности «будут только» исполнять возложенные на них законом обязанности «полицейского свойства», тем самым сохранялась давно уже изжившая себя полицейская повинность.

Для определения численного состава полиции в каждом городе или уезде предполагалось установить особые нормы соотношения между численностью населения и полицией.

Для лиц, желающих занять полицейские должности, устанавливался образовательный ценз. Для подготовки полицейских чинов учреждались особые курсы и полицейские школы.

Значительно увеличивалось содержание чинов полиции, плата назначалась в зависимости от разряда местности, в которой проходит служба. Столичная полиция находилась вне разряда.

С полиции снимались не свойственные ей обязанности и передавались в другие учреждения.

В 1916 году законопроект еще находился на рассмотрении в Государственной думе, в стране усиливалось революционное движение, и Министерство внутренних дел стало срочно формировать лишь те предложения, которые

могли усилить надежность полиции.

Решающим предложением для принятия решения об усилении полиции и увеличении её денежного содержания была забастовка полицейских в Москве. В связи с этим срочно проводилась частичная реформа, касающаяся только вопросов личного состава полиции, преобразования проводились в упрощенном виде и в ускоренном порядке.

30 октября 1916 года из-за осложнений в работе полиции, роста революционного движения и уголовной преступности в стране, Николай II утвердил постановление Совета Министров «Об усилении полиции в 50 губерниях и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов»[3].

Указанным постановлением устанавливался численный состав полиции в соответствии с численностью населения, повышались оклады, вводился образовательный ценз[4].

В Санкт-Петербурге штат полиции после принятия данного постановления составил 6788 человек[5].

В связи с нехваткой мужчин в подразделениях полиции указанное постановление разрешало принимать на службу женщин, о чем указано в ст. 34 постановления: «В канцеляриях уездных исправников, полицмейстеров и приставов, на должности до VIII класса включительно, за исключением должностей чиновников, заведывающих регистрацией преступников в сыскных отделениях, могут быть определены как по вольному найму, так и с правами государственной службы, наравне с лицами мужского пола, также и лица женского пола, имеющие свидетельства об окончании курса не ниже женских гимназий, институтов, епархиальных училищ и других соответствующих им учебных заведений или получение звания домашней учительницы»[6].

В постановлении содержались также и ограничения для женщин, которые поступали на службу в полицию. Так, женщины не имели права производиться в классные чины и награждаться орденами, хотя и несли все обязанности и выполняли идентичные служебные полномочия с мужчинами, находящимися с ними в одинаковом ранге.

В связи с осложняющейся внутривластной обстановкой в стране, в частности, надвигающейся революцией, данный законопроект так и не был реализован. Как справедливо отмечаю специалисты, реформа полиции так и не состоялась[7].

В целях улучшения работы полиции в годы войны производились попытки изменения работы полицейской стражи. Ю.А. Реент[8] справедливо отмечает, что окончание первой буржуазной революции в России послужило снижению интереса царских властей к укреплению полицейских структур, в том числе и к полицейской страже. Однако новый революционный подъем предвоенного времени заставил вновь обеспокоиться укреплением собственных тылов. Комплектование подразделений развернулось с новой силой. К

марту 1914 года в 50 губерниях насчитывалась 51320 полицейских стражников, хотя численное их распределение по регионам было неравномерным[9].

Начавшаяся война обострила проблемы охраны и обеспечения общественного порядка. В результате этого товарищ министра С.П. Белецкий, командующий Отдельным корпусом жандармов Татищев, исполняющий обязанности руководителя Департамента полиции Кафафов инициировали подготовку целого ряда предложений по преобразованию полицейской стражи. Как указывает В.Е. Иваневский[10], 1 ноября 1916 года 2-е делопроизводство Департамента полиции известило циркуляром всех губернаторов о предстоящем реформировании этой службы. Директор департамента полиции предписывал «ныне же приступить к группировке в отряды не менее двух третей стражи, а остальных стражников распределить в более оживленных и беспокойных пунктах уездов, но не поодиночке, а группами не менее трех-четыре человек[11], что позволило бы этим отрядам быть защищенными перед лицом многочисленных уголовных шаек и бандитов, активизировавшихся и укрепившихся в военные годы.

Как отмечают исследователи, несмотря на наличие нормативно-правовой базы и все усилия МВД, уездная полицейская стража так и не успела к 1917 г. стать целостным работоспособным органом[12].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что руководство МВД Российской империи в целом осознавало необходимость реформирования полиции и предпринимало попытки осуществления реформ, однако недостаточные политическая воля и оценка сложившейся в стране революционной ситуации не позволили привести полицейские учреждения в соответствие с требованиями времени.

Список литературы

1. Иваневский В.Е. МВД России (1880 – март 1917 гг.) структура, функции, место в государственном механизме[Текст]. – М., 2001. С. 106.
2. Кручинин В.Н. Становление и развитие законодательства о полиции в России в XVIII – начале XX вв. [Текст]. – М., 1998. С. 186.
3. Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1916. 1 отд. Ст. 2426.
4. Вестник полиции, 1916. № 41-42.
5. Собрание законов, 1916. № 307. Ст. 3080.
6. СУ. 1916. № 307. Ст. 2426.
7. Мулукаев Р.С. Полиция в России (XI – начало XX в.) [Текст]: Монография. – Н. Новгород, 1993.; Колодкин Л.М., Костылев А.О. Прохождение службы чинами полиции и жандармерии Российской Империи в конце XIX – начале XX вв. [Текст]. – М.: Академия МВД России, 1996. С. 17.
8. Реент Ю.А. Уездная полицейская стража Российской Империи [Текст] // История органов внутренних дел. Выпуск 1. Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 1999. С 67-68.
9. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 957. Л. 15-15 об.
10. Иваневский В.Е. МВД России (1880 – март 1917 гг.) структура, функции, место в госу-

дарственном механизме [Текст]. – М., 2001. С. 135.

11. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 1003. Л. 1,5; Там же, Д. 1015. Л. 10

12. История органов внутренних дел России. Выпуск 1. [Текст] // Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 1999. С. 68.

13. Смирнова А.А. [Текст] // Право. - 2011. - № 3 - С. 132-136.

УДК 343.9

А.Н. Ключко, кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-го, хозяйственного права, финансово-экономической безопасности, заместитель декана юридического факультета по международным вопросам Сумского государственного университета, Украина

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

В данной статье представлена криминалистическая характеристика преступлений против собственности на примере разбойных нападений на банковские учреждения.

Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 8 признает и защищает равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности [1]. Уголовная ответственность за противоправные деяния является одним из инструментов защиты всех видов собственности от противоправных посягательств. В последние годы политическая и социально – экономическая обстановка как в Российской Федерации так и в Украине характеризуется нестабильностью, резким материальным расслоением населения, а также продолжающимся ростом преступности. Аналогичные тенденции роста присущи многим корыстно – насильственным преступлениям, в том числе и разбойные нападения.

Научные принципы исследования разбойных нападений являлись предметом рассмотрения русских ученых-криминалистов, в частности Г.М. Борзенкова, М.А. Гельфера, М.М. Исаева, Г.Л. Кригера, Ю.И. Ляпунова, М.П. Михайлова и многих других. Необходимо констатировать, что большинство научных трудов известных специалистов посвящено вопросам уголовной ответственности за разбой как преступление против собственности согласно уголовному законодательству советского периода [2; 3; 4], что обусловлено приоритетным значением, которое отводилось государственной и коллективной формам собственности – фундаменту социалистического строя.

Уголовное законодательство Украины определяет разбой в статье 187 Уголовного кодекса Украины (далее УК Украины) как нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни

или здоровья лица, подвергшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия. Под нападением как составной частью объективной стороны разбоя рассматривается внезапное, неожиданное, кратковременное, агрессивное, насильственное действие, направленное на противоправное завладение чужим имуществом [5, с.428-429]. Статья 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее РФ) определяет разбой как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия [6]. В составе разбоя в уголовном законодательстве Украины и РФ обязательным дополнительным объектом выступают жизнь и здоровье потерпевших.

Целью данной статьи является рассмотрение некоторых теоретических и практических проблем связанных с криминалистическим расследованием разбойных нападений. Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой «совокупность сведений, знаний об определенном виде или группе преступлений, полученных в результате специальных исследований» [7]. Разбойные нападения отличаются открытым характером хищения, жесткостью, агрессивностью и дерзостью, что выражается в применении преступниками физического насилия, холодного или огнестрельного оружия, веревок для связывания жертвы, это объясняет то, что зачастую данные преступления сопровождаются убийствами, нанесением тяжких телесных повреждений, изнасилованием [8]. Особую опасность представляют разбойные нападения совершенные группой лиц, так как в состав данных групп зачастую входят лица, имеющие высшее образование и являющиеся специалистами в той или иной сфере, ранее проходившие службу во внутренних войсках, спецслужбах, милиции, знания и опыт которых помогают группе сохранять конспирацию, длительное время, оставаясь на свободе, нанося тем самым ущерб охраняемым законам интересам [9].

Криминалистическая характеристика разбойных нападений включает в себя данные: 1) о предмете преступного посягательства; 2) об обстановке совершения разбойных нападений; 3) о мотивах и целях совершения разбойного нападения; 4) о личности преступника и потерпевшего; 5) о механизме следообразования; 6) о способе совершения разбойного нападения.

Под предметами преступления понимаются вещи материального мира или интеллектуальные ценности, воздействуя на которые, преступник нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом [10]. Предметы при разбое очень разнообразны. При совершении разбойных нападений на квартиры, предметами преступного посягательства могут быть, например не только деньги, украшения и ювелирные изделия, но и бытовая техника, видео и аудио аппаратура, и даже мебель [11]. В структуре корыстно-насильственной преступности самыми опасными преступлениями являются разбойные нападения на банковские учреждения. По статистике почти каждый час разбойные

нападения на банки совершаются в США, а по данным Федерации европейских банков в среднем каждые полтора часа они происходят в странах Европейского Союза. В последние годы увеличение количества этих деяний, которые выступают особенным криминальным феноменом и катализатором других преступных посягательств, наблюдается и в Украине. Согласно статистическим данным в течение 1998-2004 гг. количество разбойных нападений на банки в Украине составляло 8-10 случаев в год. Однако, начиная с 2004 г. их количество выросло приблизительно в 5 раз: начиная с 2005 г. ситуация начала стремительно ухудшаться, - было зарегистрировано уже 20 разбойных нападений на банковские учреждения, за период с 2005 по 2006 гг. их количество увеличилось с 20 до 32 разбойных нападений. Наблюдение показало, что тенденция роста количества разбойных нападений на банки продлилась и эти показатели продолжают повышаться. За первое полугодие в 2007г. объектами разбойных посягательств стали 37 банков - почти вчетверо больше, чем за аналогичный период в 2006г. На конец июля в 2007г. количество нападений составило 44, а за 8 месяцев в 2007г. были зарегистрированы 53 случая, за весь 2007 год - 89 случаев. В 2008г. было зафиксировано 88 случаев противоправных посягательств на банковские учреждения. За период 2004-2011 гг. преступники, по данным Государственной службы охраны при МВД Украины, совершили на банки 403 разбойные нападения. По данным Министерства внутренних дел Украины только за первый квартал 2009 года на отделения банков, обменные пункты и банкоматы, преступники нападали 62 раза, тогда как за весь 2008 год - 103 раза. В период экономического кризиса количество этих преступных посягательств существенно увеличилось, что обуславливается, в первую очередь, его негативным влиянием, который находит свое проявление в росте социального расслоения населения, распространении безработицы и тому подобное.

Обстановка совершения преступлений имеет принципиальное значение для расследования. При анализе каждого преступного события необходимо выявлять условия объективной реальности, сложившиеся к моменту его совершения, дающие криминалистическую информацию для выбора наиболее правильных методов расследования. К совершению разбойных нападений на банки, кассиров и инкассаторов преступники тщательно готовятся: уточняют время работы, инкассации, получения денег предприятиями и организациями, маршруты следования кассиров и т.п., обеспечивая себя транспортными средствами, вооружаются, иногда запасаются авиа - или железнодорожными билетами, чтобы сразу покинуть город, изменяют внешность и одежду [12].

Мотив преступления позволяет уяснить причину неправомерных действий лица. Мотив совершения преступления может быть как социально отрицательным, так и социально положительным. Разбойные нападения характеризуются корыстным мотивом, с целью завладения чужим имуществом [13]. Наибольшее информационное значение о мотиве и цели преступления несут лич-

ность виновного, объект и предмет посягательства, способы, а также ситуация во время, до и после совершения преступления. Цель, в свою очередь, обуславливается определенными побудительными мотивами. Так, разбой в соответствии со ст. 162 УК РФ определяется как нападение в целях хищения чужого имущества. Наличие такой цели предполагает желание виновного изъять имущество и противоправно распорядиться им как своим собственным. Данные о мотивах и целях совершенного преступления – неотъемлемые элементы его криминалистической характеристики преступления. Корыстный мотив при совершении разбойных нападений на банковские учреждения состоит в стремлении виновного противоправно обратить чужое имущество, как правило, денежные средства, в свою пользу либо в пользу иных лиц. В результате противоправного изъятия ценностей банка, реже - имущества его посетителей, виновный или иные лица лишают владельца возможности владеть, пользоваться или распоряжаться своим имуществом. Изучение уголовных дел показывает, что в 100 % случаев предметом разбойного нападения были финансовые средства (деньги). Поскольку финансовые операции проводятся в помещениях банковских учреждений, именно данное обстоятельство обуславливает особенность совершения этих деяний, ведь подавляющее их большинство осуществляется: а) с проникновением в помещение банков; б) в период инкассации материальных ценностей; в) во время транспортировки материальных ценностей. Анализ свидетельствует, что 87,9 % разбойных нападений совершались путем открытого проникновения преступников в помещения банков, 3,0 % - нападением на инкассаторов. Правильное определение мотива и цели является одной из важных задач, стоящих перед следствием, т.к. их неверное определение принесет вред предварительному расследованию преступления, и может повлечь неправильную квалификацию деяния [14].

Полная и всесторонняя криминалистическая характеристика разбойного нападения немыслима без сведений раскрывающих личность преступника и его основные черты. Данные о личности содержат следующую информацию: свойства преступника (пол, возраст, нравственный и психологический облик, обладание определенными навыками, преступный опыт); отношения с местом совершения преступления (место жительства, работы, время препровождения). Для преступной группы – взаимоотношения внутри группы. Преступления против собственности совершают в основном мужчины. Удельный вес женщин в разбойных нападениях сравнительно невысоок. Среди указанных преступлений они составляют самый высокий процент в кражах чужого имущества (12,0 %), самый низкий, — в разбойных нападениях (6,5 %). Чаще (особенно это характерно при совершении корыстно насильственных преступлений) всего женщины исполняют роль лишь пособников, находясь с исполнителем в близких отношениях. Согласно данных статистики МВД Украины более половины всех преступлений совершают лица в возрасте 16-29 лет, но наиболее крими-

ногенной группой населения являются лица в возрасте 30-49 лет. Именно они совершают около 36 % особо тяжких и 35 % тяжких преступлений. Из числа привлеченных к уголовной ответственности лиц несовершеннолетние составляют 14-15 %. Наименьший процент среди преступников составляют лица старше 60 лет. Это позволяет сделать выводы, что большинство разбойных нападений на банковские учреждения находятся в корреляционной связи с показателями общеуголовной преступности, в частности большинство разбойных нападений на банки совершается лицами в возрасте от 18 до 30 лет.

Знание характерных для разбойных нападений видов следов преступлений помогает следователю понять механизм совершения деяния. Характер следов, оставленных на месте происшествия, зависит от способов совершения разбойных нападений. Механизм следообразования, в трасологии это – процесс, конечная фаза которого представляет собой образование следа – отображения [15]. Если проникновение в помещение либо хранилище связано со взломом, то на месте происшествия остаются следы обуви, рук, орудий взлома и инструментов, разнообразные микрообъекты и др. О применении оружия (огнестрельного или холодного) может свидетельствовать наличие следов на одежде – в виде надрезов, отверстий, и следов крови; на теле - в виде кровоточащих ран, кровоподтеков, ссадин. Особенностью поиска и обнаружения следов разбойного нападения является то, что потерпевший, как правило, видит преступников, наблюдает их действия, передвижения и может способствовать обнаружению следов. Наличие идеальных следов, запечатленных в памяти потерпевшего, помогает следователю обнаружить доказательства совершенного разбоя, и оптимизировать поисковую работу [17].

В качестве основного критерия классификации лиц совершивших преступления должен выступать способ совершения ими общественно опасного деяния. Конкретный способ избирается этими лицами исходя из совокупности личностных качеств. Повышенную опасность представляют разбойные нападения совершаемые группой лиц, в связи с тем, что это предполагает в большинстве случаев наличие тщательно разработанных планов нападений с четким распределением функции каждого участника группы. Подобные разбойные нападения ориентированы в основном на охраняемые помещения, к которым следует относить помещения банковских учреждений. Способ совершения, а в зависимости от него и механизм следообразования при разбойном нападении является центральным элементом криминалистической характеристики разбойных нападений, важность которого заключается в том, что с его помощью происходит разграничение разбоя со схожими с ним составами преступления, такими как кража и грабеж.

Таким образом, с целью обеспечения успеха в расследовании разбойных нападений, следователь должен извлекать на каждом из его этапов максимальный объем информации имеющей значение для дела. Особое значение имеет

выбор типичной следственной ситуации на первоначальном этапе расследования, поскольку на основании них будут выдвигаться версии по всем обстоятельствам дела. Кроме этого, при расследовании разбойных нападений важным является планирование действий следователя.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 01.04.13).
2. Владимиров В. А. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность [Текст] / В. А. Владимиров, Ю. И. Ляпунов. – М. : Юрид. лит., 1986. – 224 с.
3. Гаухман Л. Д. Ответственность за преступления против собственности [Текст]. – М., 1977. – 320 с.
4. Тишкевич И. С. Уголовно-правовая охрана личной собственности / И. С. Тишкевич. – Минск, 1988. – 112 с.
5. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины. 3-тье изд., перераб. и дополн [Текст] / Под ред. М.И. Мельника, Н.И. Хавронюка. – К.: Атика, 2003. – 1056 с.
6. Уголовный Кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zakonrf.info/uk/162/> (дата обращения 01.04.13).
7. Герасимов, И.Ф. Криминалистическая характеристика преступления : учебник для ВУЗов [Текст]. -М., 1994. С. 333.
8. Дворкин А.И., Сафин Р.М. Расследование убийств, совершенных организованными группами при разбойных нападениях : научн. – метод. пособие. [Текст]. - М., 2003. С. 12.
9. Крылов И.Ф. Избранные труды по криминалистике : научное издание [Текст]. СПб., 2006. С. 511.
10. Российское уголовное право : в 2 т. Т.1 Общая часть [Текст] / под ред. А.И. Рарога. М., 2003. С. 112.
11. Образцов В.А. Криминалистика : учебник. [Текст] / М., 1999. С. 529.
12. Криминалистика : учебник [Текст] / под ред. Т.А. Седовой. СПб, 2001. С. 413.
13. Коробов П.К. Разбой как типичная форма хищения // Уголовное право. 2006. № 1. С. 6.
14. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. [Текст] / Минск, 2001. С.162.
15. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. [Текст]. - М., 2000. С. 285.
16. Васильев В.В., Усманов У.У. Практическое руководство следователя [Текст]. - М., 2001. С. 71.

УДК: 342.951:[614.256+614.253.84]

А.Н. Кулиш, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Сумского государственного университета, Украина

В.И. Бойко, доктор медицинских наук, профессор Медицинского института Сумского государственного университета, Украина

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследовано понятие юридической ответственности лиц в сфере медицинской деятельности; понятие административной ответственности медицинских работников, основные принципы, виды и санкции за совершение административных правонарушений в сфере охраны здоровья; исследовано понятие гражданско-правовой ответственности в сфере медицинской деятельности, рассмотрены основные составляющие противоправного деяния медицинских работников, за которое наступает гражданско-правовая ответственность.

В настоящее время, несмотря на демократические основы функционирования общества, каждый человек имеет естественное неотъемлемое право на охрану здоровья. В Конституции Украины закреплено, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются наивысшей социальной ценностью. Итак, как общество, так и государство ответственны за уровень здоровья перед современными и будущими поколениями, что может быть достигнуто в условиях совершенствования медицинской помощи и внедрение здорового образа жизни. В свою очередь, повышение уровня жизни населения способствует повышению требований к деятельности медицинских работников и увеличению случаев привлечения их к ответственности за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей [1, с. 119]. Проблема юридической ответственности в сфере медицинской деятельности имеет как теоретическую, так и практическую особенности. Во многих случаях вопрос о юридической ответственности возникает тогда, когда юридический конфликт в сфере оказания медицинской помощи возник и уже исчерпаны все средства его решения. Учитывая увеличение количества исковых заявлений граждан о ненадлежащем предоставлении медицинской помощи, проблемы юридической ответственности медиков за профессиональные правонарушения требуют большего внимания.

Целью этой статьи является исследование понятия юридической ответственности медицинских работников, а также раскрытия определенных аспектов, связанных с административной и гражданско-правовой ответственностью указанных лиц.

Согласно поставленной цели задачами исследования являются: рассмот-

рение основных противоправных деяний медицинских работников, за которое наступает гражданско-правовая ответственность; рассмотрение основных принципов, видов административной ответственности медицинских работников и санкций за совершенные правонарушения; исследование понятия административно-правовой ответственности в сфере медицинской деятельности.

Одним из основных вопросов, приобретающих в наше время все большее распространение, является нормативно-правовое обеспечение прав человека в сфере медицинской деятельности. Это связано прежде всего с качеством юридической базы по правам человека в сфере охраны здоровья и возможностью отдельного человека воспользоваться данными правами. Практика украинского государства и многих современных стран свидетельствует о том, что часто наличие достаточно обстоятельного законодательства в области прав человека в сфере здравоохранения никак не отображается на конкретном правовом статусе отдельно взятой личности. Одной из основных причин этого явления есть нерешенные проблемы обеспечения прав человека в сфере медицинской деятельности, ведь наиболее качественные, но не подкрепленные системой обеспечения, правовые нормы в сфере здравоохранения остаются лишь декларациями, т.е. нормами, которые не сопровождаются созданием системы их реализации, охраны и защиты [2, с. 97].

Права человека в сфере медицинской деятельности, предусмотренные международными и внутригосударственными правовыми актами. Они закреплены в виде положений, гарантирующих человеку здравоохранение и оказание медицинской помощи при возникновении заболевания.

В деле юридической регламентации медицинской деятельности большую роль играет обеспечение прав человека в сфере медицинской деятельности, ведь любое право человека в области медицины может быть реализовано только в том случае, когда оно дополнительно обеспечивается механизмом, который должен быть понятным. Обеспечение прав человека в сфере медицинской деятельности является системой организационно-правовых средств, предназначенных для реального воплощения в жизнь прав человека, содержащихся в нормативно-правовых актах, посвященных регулированию медицинской деятельности [2, с. 99].

Реализация гражданином конституционного права на охрану здоровья может происходить как в публичных правоотношениях по безвозмездному предоставлению медицинской помощи, так и в гражданских правоотношениях без возмездного оказания медицинских услуг. Ответственность за причинение вреда при оказании медицинской помощи регулируется нормами гражданского права и является наиболее адекватным средством правового реагирования на правонарушения в медицинской сфере. Даже при уголовно-правовой ответственности за причинение вреда имущественная ответственность за совершение преступления возникает в рамках гражданского иска в уголовном процессе, а

ущерб возмещается по правилам гражданского законодательства.

Ответственность за совершение правонарушения является одним из насущных вопросов, которые рассматриваются в теории права. Юридическая ответственность является применением мер государственного принуждения к лицу, совершившему правонарушение. Такое определение является распространенным и может быть применено в сфере охраны здоровья граждан.

На сегодняшний день основным способом восстановления нарушенных прав и законных интересов лиц в медицинской сфере является судебная защита.

Правовые, организационные, экономические и социальные основы охраны здоровья в Украине определяют Основы законодательства Украины об охране здоровья от 19 ноября 1992 № 2801-ХІІ. В соответствии со ст. 80 Основ законодательства Украины о здравоохранении Лица, виновные в нарушении законодательства об охране здоровья, несут гражданскую, административную или уголовную ответственность согласно законодательству.

Административная ответственность медицинского работника - это разновидность юридической ответственности, которая заключается в применении к медицинским работникам, совершившим административные проступки, особых санкций - административных взысканий. Этот вид ответственности - второй по строгости среди предусмотренных законодательством Украины, и отличается от уголовного своими более мягкими санкциями, а также тем, что наступает за общественно вредное правонарушение (а не общественно опасное, как уголовная ответственность) - административный проступок (а не, соответственно, преступление в случае привлечения к уголовной ответственности) [3, с. 461].

Административная ответственность - это форма реагирования государства на административные правонарушения, которая проявляется в применении полномочными государственными органами, должностными лицами административных санкций в отношении виновного лица в пределах и порядке, установленных законодательством. Хотя рассматриваемый вид ответственности реализуется в обязанности нарушителя понести определенных ограничений или иных неблагоприятных последствий, сводить понятие административной ответственности к понятию административного взыскания считается неверным, ибо административная ответственность включает такие элементы, как: государственное осуждение деяния, лицо, его совершившее, и применения к нарушителю мер [4; с. 18-20].

Для понимания роли и значения такого вида ответственности медицинских работников как административная рассмотрим общие принципы административной ответственности. К ним относятся:

1. Административная ответственность наступает не за любое правонарушение, совершенное в сфере государственного управления. Перечень областей

применения самых проступков приведен в Кодексе Украины об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 года (далее - КУоАП). Для медицинских работников наибольшее значение имеют административные правонарушения в области охраны здоровья населения (Глава 5).

2. Административная ответственность распространяется как на физических, так и на юридических лиц, действующих в данной сфере, регулируется правилами, независимо от формы собственности, подведомственности.

3. Меры административной ответственности применяются специальными субъектами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях.

4. Меры административной ответственности применяются в соответствии с особым процессуальным порядком - производством по делам об административных правонарушениях.

5. Административная ответственность непосредственно выражается в применении к лицам, совершающим правонарушения, административных взысканий.

Описание административных правонарушений, за которые можно привлечь работника в сфере здравоохранения к административной ответственности, содержится преимущественно КУоАП.

Среди административных правонарушений, перечисленных в КУоАП, и имеющих наибольшее значение в контексте медицинской деятельности, необходимо отметить следующие: 1) уклонение от медицинского осмотра или медицинского обследования (ст. 44-1); 2) уклонение от обследования и профилактического лечения лиц, больных венерической болезнью (ст. 45); 3) нарушение установленного порядка взятия, переработки, хранения, реализации и применения донорской крови и (или) ее компонентов и препаратов (ст. 45-1); 4) умышленное сокрытие источника заражения венерической болезнью (ст. 46); 5) нарушение требований режима радиационной безопасности в местностях, подвергшихся радиоактивному загрязнению (ст. 46-1); 6) нарушение установленных законодательством требований относительно занятия народной медициной (ст. 46-2).

Ст. 24 действующего КУоАП определяет следующие виды административных взысканий: 1. предупреждение; 2. штраф; 3. возмездное изъятие предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения; 4. конфискация: предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного правонарушения, денег, полученных в результате совершения административного правонарушения; 5. лишение специального права, предоставленного гражданину; 6. исправительные работы; 7. административный арест.

Также в сфере здравоохранения могут совершаться и другие административные правонарушения, например по качеству производства медицинских

препаратов, невыполнение законных требований должностных лиц, нарушение права на информацию.

Социально-экономические и законодательные изменения, которые произошли за последнее время в Украине, еще больше утвердили положение, согласно которому медицина и деятельность медицинских работников регламентируются правом. По своей сути ответственность врача означает степень влияния государства на человека, по тем или иным причинам совершил поступок, противоречащий принятым в медицине нормам и правилам. Важно отметить, что прежде всего речь идет о нарушении профессиональных обязанностей медика. В остальных случаях врачи несут ответственность по общим правилам.

Структуру и содержание правовых актов в сфере здравоохранения фактически определяют подзаконные нормативно-правовые акты различных государственных и коммунальных органов, стандарты, обычаи по вопросам оказания медицинской помощи (медицинских услуг). Но даже сегодня отношения в сфере медицинской деятельности нередко регулируются нечеткими нормами, или остаются нормативно неурегулированными. Таким образом, несовершенное законодательство препятствует формированию единообразной судебной практики разрешения споров, не способствует качественной защите прав пациентов, медицинских учреждений.

Залогом качественной правотворческой работы, направленной в сторону совершенствования законодательства об охране здоровья граждан, является качественная теоретико-правовая база, которая должна формироваться в результате комплексных исследований с привлечением юристов, организаторов здравоохранения, врачей, практикующих, и представителей других заинтересованных сторон.

Список литературы

1. Заварза Т.В. Специфіка юридичної відповідальності медичних працівників / Т.В. Заварза // м. Львів, Медичне право України: правовий статус пацієнтів в Україні та його законодавче забезпечення (генезис, розвиток, проблеми і перспективи вдосконалення). Матеріали II Всеукраїнської науково-практичної конференції. – 2008. – С. 119-123
2. Стеценко С.Г. Медичне право України: Підручник / С.Г. Стеценко, В.Ю. Стеценко, І.Я. Сенюта. – К.: Всеукраїнська асоціація видавців «Правова єдність», 2008. – 507 с.
3. Адміністративне право України. Академічний курс: Підруч.: у 2 т. / Ред. колегія: В.Б. Авер'янов (голова). – К.:Видавництво «Юридична думка», 2004. – Т.1: Загальна частина. – 584 с.
5. Агапов А.Б. Административная ответственность / А.Б. Агапов. – М.: Статут. – 2004. – 351 с.
6. Гладун З.С. Державна політика охорони здоров'я в Україні (адміністративно-правові проблеми формування і реалізації): Монографія / З.С. Гладун. – Тернопіль, «Економічна думка», 2005 – 460 с.
7. Гревцова Р.Ю. Юридична відповідальність медичних працівників за правопорушення у сфері охорони здоров'я / Р.Ю. Гревцова // Управління закладом охорони здоров'я. –

УДК 343.983.25

О.Ю. Овчухова, студент Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

Актуальность существующих проблем в криминалистическом исследовании холодного оружия обусловила выбор темы данной статьи. Целью исследования является характеристика сущности указанного явления, выделения особенностей и предложение путей решения проблемы.

Наибольшую опасность для жизни и здоровья человека представляют преступления, совершенные с использованием оружия, в частности холодного, в силу легкости его получения. От части, это обусловлено существующими проблемами в отнесении орудия преступления к категории оружия и к категории холодного оружия как такового. Судебная практика уголовного права исходит из того, что при решении вопроса о признании оружием предметов, применяемых в процессе насильственных преступлений, следует руководствоваться положениями Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии», а в необходимых случаях, когда для решения соответствующего вопроса требуются специальные познания, и заключением экспертов[2]. В юридической литературе встречаются попытки ограничить понятие оружия в уголовном праве только теми видами вооружения, оборот которых регулирует ФЗ «Об оружии». Например, по мнению А. Васецова, понятие оружия в уголовном праве ограничивается только такими специально созданными и пригодными для поражения живой или иной цели предметами, на изготовление, ношение и использование которых требуется особое разрешение государственных органов[4]. Однако Д. Корецкий справедливо подчеркивает, что данный ФЗ регламентирует административно-правовой режим оружия, обслуживая главным образом потребности лицензионно-разрешительной системы органов внутренних дел, и вовсе не определяет, какие виды оружия могут выступать в качестве предметов и средств совершения преступлений по УК РФ[5]. По смыслу же Уголовного Закона под оружием, применение которого является квалифицирующим или отягчающим обстоятельством ряда насильственных преступлений, имеется в виду любой вид оружия.

В соответствии со статьей 1 ФЗ «Об оружии» холодное оружие - оружие,

предназначенное для поражения цели при помощи мускульной силы человека при непосредственном контакте с объектом поражения.

Одной из типовых задач, решаемых при производстве экспертиз холодного оружия, является отнесение исследуемых объектов к холодному оружию[1], что на практике вызывает определенные трудности. Существует специальная Методика экспертного решения вопроса об относимости предмета к холодному оружию, где закреплены две группы основных признаков, которые должны присутствовать у холодного оружия[3]:

1. Группа признаков, определяющая предназначенность предмета для лишения жизни или нанесения тяжких телесных повреждений, опасных для жизни и здоровья человека;

2. Группа признаков, определяющая пригодность данного предмета для поражения цели, что обеспечивается его устройством и свойствами.

Однако, практика показывает, что этих критериев не всегда бывает достаточно для отнесения того или иного предмета к холодному оружию. Например, сложившаяся практика исследований клинкового холодного оружия в экспертно-криминалистических подразделениях разных регионов России свидетельствует о том, что многие эксперты ошибочно относят все ножи с твердостью менее 42 HRC (измерение, полученное в результате применения метода Роквелла, который основан на проникновении твёрдого наконечника в материал и измерении глубины проникновения) и похожие на оружие предметы, конструктивно сходным с клинковым холодным оружием, но таковыми не являющимся: ошибкой такого подхода является отождествление понятий «холодное клинковое оружие» и «гражданское холодное клинковое оружие»[6]. К таким ножам зачастую относятся ножи, изготовленные самодельным способом, так как в этом случае редко копируется конкретная промышленная модель, как правило, параметры конструкции выбираются произвольно в соответствии с представлениями и возможностями изготовителя, доступностью материалов. Значительная часть ножей, изготовленных самодельным способом, обладает конструктивными признаками, размерными и поражающими свойствами, предъявляемыми к холодному оружию. При этом твердость рабочей части поверхности клинка ниже минимальной твердости, установленной для гражданского холодного оружия. Вместе с тем характеристики ножа не соответствуют ограничениям, накладываемым на предметы хозяйственно-бытового назначения, конструктивно сходные с холодным оружием. Получается, что такие предметы не относятся ни к гражданскому оружию, ни к хозяйственно-бытовому.

Правоприменитель старается решить проблему идентификации холодного оружия. Так, например, существует Приказ МВД РФ от 20.09.2011 № 1020 «Об утверждении Криминалистических требований Министерства внутренних дел Российской Федерации к техническим характеристикам граждан-

ского и служебного оружия, а также патронов к нему», который регламентирует характеристики некоторых видов холодного оружия. Распоряжение ФТС России от 01.03.2012 № 34-р «О классификации по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза отдельных товаров» обязывает относить мечи и кинжалы, стилизованные под определенные виды западноевропейского средневекового или японского холодного оружия, не обладающие необходимой для холодного оружия прочностью крепления эфесов и рукоятей к клинкам или необходимой твердостью самих клинков, к товарной позиции 9307 00 000 0 ТН ВЭД ТС (мечи, сабли, шпаги, палаши, штыки, пики и аналогичное оружие, части перечисленного оружия, ножны и чехлы к нему), независимо от наличия художественного оформления их деталей и заключения экспертизы о невозможности использования товаров как холодного оружия. Также существуют ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения», ГОСТ Р 51501-99 «Ножи туристические и специальные спортивные. Общие технические условия», ГОСТ Р 51895-2002 «Оружие холодное клинковое для ношения с казачьей формой и национальными костюмами народов Российской Федерации. Общие технические требования. Методы контроля» и многие другие, которые описывают общие критерии соответствия указанным категориям оружия. Осознавая актуальность и важность вопроса, остается надеяться, что ему будет уделяться должное внимание как в научной, так и нормативной среде.

Список литературы

1. Приказ ФСБ РФ от 23.06.2011 № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 24.03.2013.
1. П.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 24.03.2013.
2. П.7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 24.03.2013.
3. П. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 24.03.2013.
4. Методика экспертного решения вопроса об относимости предмета к холодному оружию [Электронный ресурс] URL: <http://www.schaschka.ru/legal-information/koll/> (дата обращения 17.03.2013).
5. Васецов А. Закон РФ "Об оружии" и квалификация преступлений, совершаемых с применением оружия [Текст] // Российская юстиция. - 1995. - № 2. - С. 35 – 37.
6. Корецкий Д. Оружие как элемент уголовно-правовой характеристики преступления

[Текст] // Уголовное право. -2003. - № 3. - С. 34.

7. Красников Ю.А. К вопросу о криминалистическом исследовании холодного клинкового оружия [Текст] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2010. – Т.12. - №3. – С. 109-110.

УДК: 343.983

Ю.К. Орлов, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

О ПРАВОМЕРНОСТИ СУДЕБНОЙ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА

В статье рассматриваются спорные вопросы судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа – ее методологическая основа, условия допустимости выводов эксперта полиграфолога, указываются причины ее неприятия многими учеными и практиками.

Использование полиграфа получает все большее распространение во всех сферах деятельности – в оперативно-розыскной деятельности, спецслужбами для проверки своих работников, частными фирмами и др. Причем этот процесс наблюдается и в других странах.

Существует уже ряд ведомственных нормативных актов (инструкций, рекомендаций и др.), регламентирующих порядок применения полиграфа.

Все более широко начинает использоваться полиграф и в уголовном судопроизводстве (в форме психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа). Однако его применение сталкивается с множеством проблем. Судебная практика крайне противоречива – одни суды признают результаты такой экспертизы в качестве доказательства, другие отвергают. Среди ученых идут острые споры по этому вопросу. Состоялось уже несколько научно-практических конференций (круглых столов), специально посвященных проблеме использования полиграфа в уголовном судопроизводстве. Все они выявили одну и ту же картину – колоссальный разброс мнений от полного отрицания такого метода до его восторженной оценки. К сожалению, во всех этих дискуссиях было много эмоций (особенно в связи с нашумевшим делом Макарова, осужденного за совершение развратных действий в отношении своей малолетней дочери) и мало объективного научного анализа.

Каковы причины резкого неприятия этого метода многими учеными и

практиками? Их несколько. Первая – элементарное непонимание его сущности, восприятие его как антинаучного метода, чуть ли ни как некоего спиритического сеанса. В связи с этим остановимся на его методологической основе.

У человека есть такое свойство, как память. Он может помнить, что делал вчера или год назад. *Следовательно*, эта информация хранится у него где-то в сознании, зафиксирована на каком-то материальном носителе (а информации, как и энергии, не может быть вне какого-то материального носителя – это азбучная научная истина). А отсюда другой логический вывод - *следовательно*, эта информация в принципе (подчеркну – в принципе) может быть извлечена и расшифрована. Таким образом, мы видим, что ничего антинаучного в этом методе нет. Все согласуется, вяжется с материалистическим подходом. Вопрос только в разработанности конкретной методики получения этой информации, в ее надежности и обоснованности.

Другая причина - это то, что данный вид экспертизы еще не сформировался, находится в стадии становления. Очень много неясного, наносного. Вообще такой этап неизбежен, через него проходит любой новый вид экспертизы. Для формирования любого нового вида экспертизы требуется время. В данном же случае дело осложняется еще двумя дополнительными факторами. Во-первых, специфичность объекта экспертизы – сознание человека. С отпечатками пальцев или с почерком все было гораздо проще – там объект материальный, реально осязаемый. И второй осложняющий фактор – издержки нашего времени. Если раньше эксперт был эталоном научной добросовестности, то сейчас на этом поприще подвизается целая армия шарлатанов, на ходу дискредитирующих саму идею.

Но есть и другие причины, связанные уже с качеством применяемой методики, ее недостаточной разработанностью. Какие же это недостатки, вызывающие шквал критики?

Во-первых, связанные с объектом экспертного исследования. Таковым, как указывалось, является сознание человека. И эксперт-полиграфолог в своем исследовании не может выходить за рамки этого объекта. Он может устанавливать лишь, какая информация содержится в этом сознании. Эксперт-полиграфолог *не может давать вывод об объективной действительности*. Это не его компетенция.

К сожалению, эта истина с большим трудом усваивается экспертами-полиграфологами (автор знает это по собственному опыту проведения с ними занятий) и даже многими учеными. Логика их предельно проста. Как же так? Ведь он же знает! Значит, заходил, выходил, приносил, уносил! Совершенно верно. Заходил, выходил, приносил, уносил. Но этот вывод находится за пределами экспертного исследования, т.к. он не требует никаких специальных знаний. Его сделают совсем иные субъекты – следователь, суд и др.

Для наглядности проведем аналогию с криминалистической экспертизой.

Вот эксперт-трасолог установил, что след на месте происшествия оставлен ботинком подозреваемого. Значит, он там был? Совершенно верно, был. Но эксперт-трасолог *никогда* не напишет этого в своем заключении. Он останется строго в пределах своей компетенции. Вот перед ним след, вот перед ним ботинок. Это его объекты. И он устанавливает их тождество. Остальное его не касается. В остальном разберутся другие субъекты.

Точно также должен действовать эксперт-полиграфолог. Его объект - сознание человека. И он устанавливает, какая информация там содержится (ну, может быть, иногда - при каких обстоятельствах она получена). И все. Дальше ни шагу. Что же происходило в действительности, решат следствие и суд (обычно на основе совокупности доказательств). И уж совершенно недопустимы суждения эксперта-полиграфолога о ложности или правдивости чьих-то показаний.

Вот этот хронический порок такой экспертизы и есть основной повод для нападков на нее. Правда, следует отметить, что эта критика не совсем корректна. Точнее, неправильно формулируется. Экспертов-полиграфологов обычно упрекают, что они выходят за пределы своей компетенции (что совершенно верно) потому, что решают правовые вопросы. А вот это уже не верно. Эти вопросы (что же в действительности происходило) вовсе не правовые. Но уж точно не экспертные. Выход экспертов-полиграфологов за пределы своей компетенции выражается не в том, что они решают правовые вопросы, а в том, что решают вопросы, не требующие каких-либо специальных знаний, и поэтому входящих в компетенцию следствия и суда.

Но это еще не все. Другой порок такой экспертизы – в неправильной постановке вопросов перед испытуемым. Проиллюстрирую это на конкретном примере (по упоминавшемуся делу Макарова). Перед испытуемым ставятся нейтральные вопросы: Ваша фамилия М,?: Вы сейчас сидите на стуле?; Вы сейчас живете в Москве? И др. И потом вдруг: Вы когда-либо обнажали перед дочерью свои половые органы? Не нужно быть физиологом, чтобы понимать, что у любого человека при таком вопросе сердце екнуло и реакция будет совсем другой (тем более, что он знает, в чем его подозревают). Вопросы должны быть *равнозначными*, а ответы *сопоставимыми*.

Проиллюстрирую это опять же на конкретном примере. На одном научно-практическом семинаре по судебной экспертизе участникам демонстрировался принцип работы полиграфа (в упрощенном варианте). Полиграфолог должен был угадать имя девушки. Ему давался список женских имен (8-10), среди них и имя этой девушки. На все вопросы она должна была давать отрицательный ответ. И проводился опрос:

- Вас зовут Маша? - Нет.

- Вас зовут Даша? - Нет.

И т.д.

Угадывание было стопроцентным. Почему? Потому, что все вопросы были равнозначными, и на Таню она реагировала совсем иначе, чем на Машу или на Дашу. А если бы ей задавали нейтральные вопросы (Вы студентка? На вас белая кофточка? и т.п.), а потом вдруг: Вас зовут Таня?, то что бы это давало? Ровным счетом ничего. Нет никакой гарантии, что на другое имя у нее была бы другая реакция. Ответ не с чем сравнивать.

Аналогичным образом должна проводиться и судебная экспертиза.

Кстати говоря, на первых порах, когда полиграф применялся только в оперативных целях, примерно так это и делалось. Как это ни покажется странным, но методика тогда была более совершенной. Объясняется это, видимо, тем, что оперативники стремились получить объективную информацию, «для себя», а не для того, чтобы пополнить совокупность доказательств и убедить в чем-то судей или присяжных заседателей. И у них не было соблазна «подгонять» ответы под свою версию.

Вот простой пример, как это делалось раньше и как должно делаться.

Вопросы:

- потерпевший был убит ножом?
- топором?
- кирпичом?
- отверткой?

И т.д.

На нож реакция совсем другая.

Следующая серия вопросов:

- рукоятка ножа была металлическая?
- деревянная?
- пластмассовая?
- костяная?

Реакция на пластмассовую совсем другая.

И т.д.

Вот только при такой методике выводы эксперта будут убедительными и иметь доказательственное значение. Ответы сопоставимы, сравнимы, у организма испытуемого «есть выбор» между ножом и топором и реакция на вопросы будет различной только потому, что он действительно об этом осведомлен (нередко это так называемая преступная осведомленность). А если у него спрашивают, на каком стуле он сидит, и совершал ли он развратные действия, то реакция на эти вопросы будет заведомо различной и ничего ни подтверждать, ни опровергать не будет.

Совершенно бессмысленны вопросы типа: располагает ли испытуемый сведениями (информацией) о деталях (обстоятельствах) совершения преступления? Или: о каких деталях (обстоятельствах) совершения преступления располагает сведениями (информацией) испытуемый? В вопросах должен быть

дан максимально полный набор всех этих обстоятельств, все их возможные варианты. И только тогда возможно сравнение, можно определить, на какой из этих вариантов у него особая реакция.

Подведем итоги. Методика психофизиологической экспертизы с применением полиграфа еще далека от совершенства. Но это не значит, что ее следует немедленно запретить. Здесь, как и во всем другом, плохи обе крайности – и огульное доверие и полное неприятие. Критика недостатков такой экспертизы очень полезна и даже необходима. Но она должна быть конструктивной. Должны высказываться конкретные замечания и делаться конкретные предложения. Задача ученых – максимально способствовать скорейшему становлению и формированию этого вида экспертизы, превращению его в полноценное средство получения доказательств. Тем более, что никаких гносеологических препятствий к этому нет.

Список литературы

1. Комисарова Я. В. Задачи объект и предмет психофизиологической экспертизы с применением полиграфа [Текст] // Библиотека криминалиста. – 2012 - №1
2. Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления [Текст] // Вестник криминалистики – 2008 – вып. 1(25)

УДК 343.98.068

И.Ю. Подтуркин, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Статья посвящена анализу показателей эффективности расследования злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности.

Несмотря на кажущуюся простоту задач, возникающих в ходе производства дознания по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности, доля уголовных дел, направляемых в суды (относительно находившихся в производстве в отчетном периоде) в 2008-2012 гг. составила около 25%, в то время как в целом по ФССП РФ за тот же период данный показатель стабильно превышает 80%.

Учитывая, что значительная масса доказательств злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности собирается до возбуждения уголовного дела, некоторые авторы находят этому объяснение исключительно в недос-

таточной подготовленности дознавателей в вопросах методики расследования и, прежде всего, - всестороннего установления события преступления (времени, места, способа и др. обстоятельств).

При оценке организации дознания в ФССП РФ учитывается также процент уголовных дел, оконченных производством (отношение количества уголовных дел, оконченных производством в отчётном периоде, к общему количеству уголовных дел, находившихся в производстве). Прогнозируемое значение данного показателя с 2008 г. по 2012 г. увеличилось с 40 до 76 процентов. Если в целом по службе за это время производством оканчивалось более 80% дел, то применительно к преступлениям, предусмотренным ст. 177 УК РФ, - около 40%.

Причина видится отчасти в том, что порядка 15% дел исследуемой категории присоединяется к другим делам. Кроме того, слишком часто приостанавливается предварительное расследование, за что справедливо критиковали ещё сотрудников органов внутренних дел. Так в 2006 г. было приостановлено 52% дел от числа выявленных за год. В 2003 г. на 98 возбужденных по ст. 177 УК уголовных дел приходилось всего 48 «выявленных лиц, совершивших преступления», в 2004 г., соответственно, 110 и 37, а в 2005 - 164 и 48 [1].

До 2008 г. лица, злостно уклонявшиеся от погашения кредиторской задолженности, объявлялись в розыск только в тех случаях, когда они одновременно обвинялись в совершении иных, более тяжких преступлений.

Весьма характерными являлись обстоятельства дел, приостановленных в связи с отсутствием реальной возможности участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле (п. 3 ч.1 ст. 208 УПК РФ). В большинстве случаев такие обстоятельства указывали на элементарные недоработки по установлению места нахождения обвиняемого и соответствующих документов. Так, по указанному основанию дела приостанавливались со ссылкой на нахождение лица в командировке (краткосрочной, по территории России), нахождение лица в заграничии (при наличии конкретных данных о его сроках, которые не учитывались для возобновления производства по делу), отсутствие исполнительных листов на новых местах работы должников - физических лиц [2, 152].

После изменения ведомственной подследственности количество приостановленных дел не превышает 20%. Иногда уголовные дела по ст. 177 УК РФ возбуждаются в отношении должников, возможность участия которых в уголовном деле с последующим привлечением к ответственности заведомо маловероятна. Это позволяет выполнить плановые показатели по выявляемости данных преступлений, в то время как перспектива их расследования остаётся крайне туманной. При этом оценка организации дознания ФССП в целом ухудшается незначительно из-за небольшого количества дел о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности.

Отмечается, что основная причина приостановления предварительного

расследования уголовных дел по ст. 177 УК РФ - это розыск должника, в связи с чем, ставится вопрос о создании в ФССП России собственных оперативно-розыскных подразделений, что позволило бы разгрузить органы внутренних дел [3].

В территориальные органы ФССП России поступает значительное количество представлений, связанных с волокитой, допускаемой при расследовании уголовных дел.

Оперативность производства дознания наглядно характеризует процент уголовных дел, расследованных в срок свыше 30 суток (отношение количества уголовных дел, расследованных в срок свыше 30 суток, к общему количеству уголовных дел, направленных прокурору с обвинительным актом и прекращенных производством). В 2008-2012 гг. прогнозируемое значение данного показателя уменьшалось с 30 до 10 процентов. По всем преступлениям, подследственным ФССП РФ, срок дознания продлевался не более чем по 10% дел. При расследовании злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности фактическое значение данного показателя колебалось от 28,7% до 49,5%, достигнув максимальной величины в 2012 г.

Также считаем целесообразным проанализировать возникающие при производстве дознания по ст. 177 УК РФ ошибки, под которыми предлагается понимать случаи недостижения субъектами расследования запланированного результата по уголовному делу вследствие совершения неправильных действий, допущенного бездействия, принятия неверных решений, несоблюдения требований уголовно-процессуального закона и криминалистических рекомендаций [4, 35].

Как правило, выявленные надзирающими прокурорами при проверке уголовных дел нарушения законодательства – неполнота дознания, ошибочная оценка доказательств и квалификация действий правонарушителей, небрежность в оформлении – обусловлены не только недостаточной юридической подготовкой, отсутствием опыта и невнимательностью со стороны дознавателей, но и ненадлежащим контролем за их деятельностью со стороны старших судебных приставов и начальников подразделений дознания, которые не в полной мере реализуют свои полномочия, предусмотренные УПК РФ.

В результате очень высоким остаётся процент уголовных дел, возвращённых прокурором для дополнительного расследования и пересоставления обвинительного акта. В целом по ФССП количество таких дел не превышает 4% и стабильно сокращается, что позволило выполнить в 2008-2012 гг. прогнозируемое значение данного показателя, которое уменьшилось с 9 до 3,3%. В тоже время при расследовании злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности для производства дополнительного расследования и пересоставления обвинительного акта возвращается более 20% уголовных дел, направленных прокурору.

Так, 14.12.2009 г. в Воронежской области возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ, в отношении Жалостникова В.И., которое 13.01.2010 направлено прокурору с обвинительным актом. В ходе изучения материалов уголовного дела установлено, что ряд процессуальных документов составлен с многочисленными нарушениями УПК РФ. Вопреки требованиям ст. 166, 190 УПК РФ показания допрашиваемого записывались не от первого лица, не дословно (например, протокол допроса свидетеля Десятерик Ю. И. идентичен протоколу допроса свидетеля Дрожжиной Т. В.); в нарушение ст. 166 УПК РФ выемка документов и осмотр документов (т.е. следственные действия, предусмотренные ст. 176, 180, 183 УПК РФ) проведены 15.12.2009 в одно и то же время с 10.00 до 11.00; аналогичные нарушения допущены при составлении протоколов выемки и осмотра от 18.12.2009 и 23.12.2009. В связи с этим вынесено постановление о признании указанных доказательств недопустимыми и уголовное дело прекращено по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Управлением организации дознания и административной практики данное уголовное дело было взято на контроль. В ходе изучения установлено, что помимо указанных надзирающим прокурором нарушений УПК РФ, дознавателем не полностью исследована личность обвиняемого, не допрошен судебный пристав-исполнитель. По ходатайству руководителя Управления ФССП России по Воронежской области заместителем прокурора г. Воронежа отменено постановление о прекращении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а дело возвращено для производства дополнительного дознания, в ходе которого нарушения устранены и уголовное дело прекращено по ст. 25 УПК РФ.

Во избежание подобных нарушений по окончании предварительного расследования необходимо изучать материалы дела на предмет соответствия описательно-мотивировочной и резолютивной частей обвинительного акта требованиям УПК РФ, полноты расследования и соблюдения прав участников уголовного процесса, принятия мер, направленных на устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о прекращении уголовных дел по преступлениям исследуемой категории. В 2008-2012 гг. дознавателями ФССП всего прекращалось около 3% уголовных дел, а возбуждённых по ст. 177 УК РФ – 30%.

При этом особенности учета успешного движения уголовных дел таковы, что примирение чаще всего происходит на стадии судебного рассмотрения, а не дознания [5].

Среди показателей деятельности ФССП необходимо отметить результативность расследования уголовных дел (отношение количества уголовных дел, направленных в суд в отчётном периоде, к общему количеству уголовных дел, оконченных производством). Таким образом, прекращение уголовных дел в

ходе дознания не приветствуется даже по нереабилитирующим основаниям. По всем преступлениям, подсудственным ФССП значение данного показателя в 2008-2012 гг. стабильно превышает 95% при положительной динамике (что позволяло выполнять прогнозируемое значение, устанавливаемое на уровне 86-96%).

По итогам же расследования злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности в суды направляется менее 70% дел. По реабилитирующим основаниям прекращается более 10% от общего количества дел, окончанных производством, что существенно хуже прогнозируемого значения данного показателя, который по службе в целом на 2012 г. составил 1,4% и был успешно выполнен (0,4%).

Руководство ФССП видит причину прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям в их необоснованном возбуждении, которое вызвано поверхностным отношением к проведению проверок сообщений о преступлениях и отсутствием процессуального контроля.

Не оправдывая многочисленные явные ошибки дознавателей, полагаем, что необходимо пересмотреть отношение к прекращению уголовных дел по реабилитирующим основаниям, как исключительно негативному явлению. В теории и на практике бытуют представления, согласно которым прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям – это брак, который обесмысливает проделанную в ходе предварительного расследования работу. При этом следователей и дознавателей упрекают в том, что они расследовали преступления, которых не было, вместо действительно совершенных, и приказывают не допускать таких случаев. Тем не менее, прекращение части уголовных дел по реабилитирующим основаниям – это объективное и необходимое явление [6, 151].

Следует согласиться, что сведения о прекращённых в установленном законом порядке делах, не должны являться показателями отрицательной работы органов предварительного расследования, нельзя ставить знак равенства между прекращением уголовных дел по реабилитирующим основаниям и их необоснованным возбуждением.

Список литературы

1. Аксенов И., Шулая М. Проблемы применения ст. 177 УК (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) и пути их решения [Текст] // Уголовное право. – 2007. - № 2.
2. Иванов А.А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ): совершенствование законодательного описания диспозиции статьи и отдельные аспекты его предупреждения (по материалам субъектов ЮФО РФ) [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
3. Волков А.А. Должники – уголовники [Текст] // ЭЖ-Юрист. - 2009. - № 22.
4. Чебуренков А.А. Основы теории расследования [Текст] / Монография. – М.: Юрлитин-

форм, 2010.

5. Жданухин Д.Ю. Уклонение от погашения задолженности (ст. 177 УК РФ): проблемы квалификации [Текст] // Юридическая работа в кредитной организации. – 2008. - № 4.
6. Овсянников И. В. Рассмотрение сообщений о преступлениях. Процессуальные и криминалистические проблемы [Текст]: Научно-практическое и учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2010.

УДК 343.982.4

А.А. Рудько, студент юридического факультета Сумского государственного университета, Украина

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕЧИТАЕМЫХ ЗАПИСЕЙ И ПОВРЕЖДЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

В данной статье рассматриваются способы и методы восстановления нечитаемых записей и поврежденных документов. Рассматривается вопрос о правильном изъятии поврежденных документов и направлении их на экспертизу.

При расследовании преступлений в ряде случаев приходится иметь дело с поврежденными документами, и возникает необходимость восстановить их содержание.

Остатки разорванного документа могут быть найдены отдельно или среди клочков других бумаг и разного сора. Во втором случае необходимо прежде всего выделить клочки, относящиеся к искомому документу; это производится по виду бумаги, материалу штрихов, признакам почерка, шрифту пишущей машины, содержанию записей [3, с. 48].

Собирание разорванного документа удобно начинать с краев, в частности с верхних углов; клочки, относящиеся к углам, обычно имеют две ровных кромки фабричной резки; клочки боковых сторон документа обычно имеют одну кромку фабричной резки. Таким образом, сначала собирают внешнюю рамку документа. Остальные клочки раскладывают по контурам разрывов, смыслу текста и т.п. Собранные куски нельзя наклеивать на бумагу: она лишает возможности осматривать оборотную сторону документа и затрудняет исследование его на просвет; клей может повредить записи. Целесообразно поместить собранный документ между двумя чистыми гладкими стеклами, соединив их по краям полосками коленкора или плотной бумаги на клею. В случае отсутствия подходящих стекол скрепляют клочки по линиям разрыва посредством узких полосок тонкой прозрачной бумаги (например, конденсаторной). При этом кладут клочки лицевой стороной вниз, расправляют при помощи шпателя смятые волокна, тщательно соединяют клочки встык, намазывают

полоски конденсаторной бумаги тонким слоем декстринового клея, накладывают их по линиям разрывов, покрывают листом фильтровальной бумаги и проглаживаю ребром кисти руки. Чтобы избежать морщин в местах подклейки, помещают документ на некоторое время под пресс. Собранные описанным способом документы хранят в конвертах между прокладками из тонкого картона [4, с. 149].

Реставрация документов, пострадавших от огня, имеет криминалистическое значение главным образом для установления содержания сожженных бумаг, обнаруженных при осмотре и обыске. Распространенное мнение о всеуничтожающем действии высокой температуры на документы преувеличено. В ряде случаев на обуглившимся бумагам можно прочесть текст даже невооруженным глазом; в других случаях удается восстановить его при помощи лабораторных методов. Сохранность текста сожженных документов зависит от вещества штрихов, продолжительности и других условий горения. Относительно хорошей устойчивостью обладают штрихи, выполненные графитным карандашом, черной тушью, на пишущей машине через черную ленту и печатные тексты [2].

Изъятие сожженных документов требует специальных приемов. Если к моменту прибытия следователя бумага еще охвачена огнем или тлеет, надо тотчас приостановить горение. Для этого прекращают доступ воздуха к месту нахождения бумаги, прикрыв его, например, опрокинутой посудой. Обуглившуюся бумагу не следует брать пальцами. Для изъятия ее берут в руки кусок картона или фанеры, и, действуя им наподобие веера, создают легкое движение воздуха, способное приподнять обуглившиеся остатки; в другой руке держат лист картона или тонкую металлическую пластинку и в подходящий момент подставляют их, чтобы принять эти остатки. При невозможности применения указанного способа пользуются для изъятия остатков (например, из недавно истопленной печи) широким совком. Особенная осторожность необходима в обращении с бумагами, начавшими переходить от обугливания к испепелению [2].

Для того чтобы укрепить и лучше сохранить обуглившуюся бумагу, ее можно увлажнить паром, размягчить при помощи мягкой кисточки 15-20-процентным раствором глицерина, осторожно расправить и поместить между стеклами. Эти операции поручают специалисту.

Осмотр остатков сожженных документов производится при прямом и косом освещении; если различие в цвете штрихов и фона недостаточно заметно, применяют при осмотре светофильтр. В криминалистических лабораториях восстановление содержания обугленных документов производится фотографированием при косом освещении, фотографированием через светофильтр, съемкой в ультрафиолетовых лучах, отбеливанием с помощью перекиси водорода и др.

Текст документа может оказаться невидимым или слабо видимым в результате умышленного его удаления (травление, смывание, подчистка), а также от естественных причин (выцветание штрихов текста при неблагоприятных условиях хранения, «угасание» штрихов под действием временного фактора) [4, с. 150].

При наличии хотя бы незначительного контраста между штрихами и бумагой документа применяют методы цветоразличения и цветоделения с помощью светофильтров, а также другие приемы усиления контраста, в том числе с использованием электронно-оптических и телевизионных устройств.

Невидимый текст можно выявить путем возбуждения видимой или инфракрасной люминесценции, а также съемкой в отраженных инфракрасных и ультрафиолетовых лучах за счет скрытых оптических свойств штрихов, в частности различия в поглощении и отражении.

С этой же целью применяется диффузно-копировальный метод с использованием светочувствительного эмульсионного слоя фотоматериалов.

Одним из случаев обнаружения слабовидимых и невидимых штрихов является прочтение записей, выполненных тайными (так называемыми «симпатическими») чернилами. В качестве простейших «симпатических чернил» используются некоторые соки растений, растворы таких лекарств, как аспирин, хинин, нашатырный спирт, некоторые кислоты и продукты - молоко, сок овощей и фруктов; выделения человека - слюна и др. Более сложные чернила имеют специальную рецептуру. Невидимые чернила представляют собой по большей части бесцветные или слабоокрашенные жидкости [3, с. 50].

При использовании этих тайнописных средств уже в ходе визуального осмотра можно выявить такие признаки скрытого текста, как неоправданно увеличенные междустрочные интервалы; матовые штрихи в местах воздействия на бумагу «симпатических чернил»; пересылка чистых листов бумаги; отвлеченный текст основных записей.

При осмотре поверхностей, на которых предполагается наличие тайных записей, иногда удается выявить следы штрихов при косом освещении или исследовании на просвет. В ряде случаев тайнопись обнаруживается при легком нагревании бумаги. Ценным способом прочтения является осмотр документа в невидимых лучах, прежде всего ультрафиолетовых. Тайнописные тексты могут быть проявлены окуриванием парами йода, опрыскиванием специальными растворами, опылением порошками. Проявленный текст сразу же фотографируется [1].

Криминалистическое исследование документов является одним из важнейших методов криминалистической техники, которые дают возможность получить информацию как о содержании, так и о способе совершения преступления, поэтому использование новейших достижений смежных с криминалистикой областей науки дает возможность постоянно совершенствовать способы

выявления тайнописных знаков, малоуловимых и нечитаемых текстов. Кроме того, эти способы могут быть применены в исторических и культурологических исследованиях.

Список литературы

1. Безлепкина Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя / Б.Т. Безлепкина. - М.: Проспект. 2009. - 159 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.recoveryfiles.ru/laws.php?ds=2976>
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х томах. Том 2 : учебное пособие / Р.С. Белкин. - М.: Юристъ, 1997. - 464 стр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.juristlib.ru/book_4451.html
3. Дударь И.А., Ермаков Ю.М. Восстановление содержания поврежденных документов. Учебно-практическое пособие /Тарасова И.А. - Брянск: БФ МосУ МВД России, 2004. - 72 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawlibrary.ru/izdanie54503.html>
4. Ищенко Е.П. Топорков А.А Криминалистика: Учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. док-тора юридических наук, профессора Е.П. Ищенко — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2006. — 748 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.google.com.ua/books>
5. Сорокина Л.О. Криминалистика: учебник / под ред. Л.О. Сорокиной.- МИЭМП, 2010. - 150 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.knigka.info/2011/08/29>

УДК: 343.1

Б.Б. Савгурова, аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

РЕФОРМА ПОЛИЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются теоретические основы реформы полиции, автором предлагается усовершенствовать теорию уголовно-полицейской деятельности в целях эффективного проведения реформы полиции.

Любая реформа, перед тем как быть претворенной в жизнь, должна иметь теоретическое обоснование. Достаточная разработанность теоретической базы является залогом эффективности проводимой реформы. Действительно, разработка теоретической основы той или иной реформы представляет собой длительный и скрупулезный процесс, в ходе которого могут быть объективно и всесторонне оценены преимущества и недостатки предстоящей реформы и, соответственно, препятствует принятию скоропалительных решений.

В основание проведенной в 2011 году реформы МВД было положено

теоретическое обоснование отличия милиции от полиции. Понятие полиции не является новым для России, так как полиция как государственная структура возникла еще в 1718 году в Санкт-Петербурге при Петре I и просуществовала до 1917 года. Именно в дореволюционный период формируется российская полицистика, видными представителями которой являлись И.Е. Андреевский, В.М. Гессен, А.И. Елистратов, И.Т. Тарасов, М.А. Шеймин, В.Н. Лешков, и теория уголовно-полицейской деятельности, разрабатываемая И.Я. Фойницким, С.И. Викторским, Н.Н. Розиным и В.К. Случевским. Стоит отметить, что именно И.Е. Андреевским был сформулирован принцип, согласно которому гражданское общество и государственные органы, выполняющие полицейские функции, выступают равноправными субъектами: «Где может отдельное лицо управиться своими собственными средствами, там – это частная его сфера, вторгаться в которую значит нарушать право личности и частной свободы» [1, с. 11-14]. В тех случаях, продолжает И.Е. Андреевский, когда средств и сил отдельного лица оказывается недостаточно, и «должна явиться полицейская деятельность других отдельных лиц, общество и союзов». Если же гражданское общество оказывается не в состоянии в полной мере осуществить полицейские (управленческие и правоохранительные) функции, должна проявиться полицейская деятельность органов государства. Можно проследить отражение указанных положений И.Е. Андреевского в закреплённой Федеральным законом от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции) [2] новой, партнерской (равноправной) модели взаимоотношений полиции и общества, которая предполагает сотрудничество полиции с институтами гражданского общества и гражданами (статьи 5-10 Закона о полиции).

Создание милиции в России связано с событиями 1917 года. После Февральской революции Временное правительство, учитывая непопулярность полиции у населения, 17 апреля 1917 г. вместо наружной полиции учредило «народную милицию с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления» и утвердило Временное положение о ней [3, с. 28].

Октябрьская революция упразднила установления Временного правительства и предложила свой вариант милиции, теоретически обоснованный В.И. Лениным. Развивая идею К. Маркса о сломе бюрократической военной машины как предварительном условии народной революции, считал необходимым «разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их более демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции» [Цит. по 4, с. 97]. В.И. Ленин считал полицию главным орудием угнетения масс: «Будучи отделена от народа, образуя профессиональную касту, составляясь из людей, «натасканных» на насилии против беднейшего населения, из людей, получающих несколько повышенную плату и

привилегии «власти» полиция в каких угодно демократических республиках неизбежно остается, при господстве буржуазии, ее вернейшим орудием, оплотом, защитой» [Цит. по 3, с. 36].

Таким образом, В.И. Ленин противопоставлял профессиональной полиции «народную» милицию, первоочередной задачей которой должно было стать противодействие попыткам восстановить монархический режим и укрепление новой власти. Естественно, что при создании милиции советская власть отказалась от принципов построения дореволюционной «буржуазной» полиции, актов, регулирующих деятельность полиции, в том числе от Устава уголовного судопроизводства, и достижений российской полицейистики и теории уголовно-полицейской деятельности.

Лишенная научной основы милиция в Советском государстве была вынуждена выполнять несвойственные ее назначению функции и являлась универсальным инструментом для решения разнообразных социальных, политических, идеологических и моральных проблем. С обилием стоящих перед ней задач милиция, естественно, не справлялась. Милиция воспринималась населением страны как универсальный орган, отвечающий за все проблемы общества, что привело к снижению доверия к милиции.

Таким образом, можно выделить следующие признаки, характеризующие милицию: 1) акцент сделан на «народный характер»; 2) выполнение ею многочисленных задач, помимо чисто полицейских.

Реформа, направленная на возрождение полиции, призвана перенести акцент с «народного характера» милиции на «профессионализм» полиции, а также закрепить за полицией исключительно присущие ей функции. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 54 Закона о полиции предусмотрена передача соответствующим органам и организациям следующих обязанностей:

- осуществление административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации;
- организация работы медицинских вытрезвителей;
- проведение технического осмотра автотранспортных средств и прицепов к ним;
- конвоирование задержанных лиц и лиц, заключенных под стражу, из следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы;
- розыск должника, его имущества;
- формирование и ведение реестра дисквалифицированных лиц.

Тем не менее, законодатель при проведении реформы милиции – возрождении полиции не учел того, какие существуют теоретические разработки о функциях полиции в уголовном судопроизводстве, а также какими условиями было обусловлено наделение советской милиции полномочиями по проведению дознания и предварительного следствия.

Если обратиться к дореволюционной теории уголовно-полицейской дея-

тельности, утраченной в советское время, то можно заключить, что основной функцией полиции являлось осуществление так называемого полицейского дознания. Целью дознания являлось удостоверение в том, действительно ли имело место происшествие и наличествуют ли в нем признаки преступления, а также собирание сведений для судебных следователей. При производстве дознания полиция была вправе осуществлять розыски, словесные расспросы, негласное наблюдение, кроме обысков и выемок в домах. Эти следственные действия полиция имела право осуществлять только тогда, когда до прибытия судебного следователя следы преступления могли изгладиться. Все материалы дознания полиция передавала судебному следователю и с этого момента обязана была выполнять его отдельные поручения.

Причины, по которым полиция должна была осуществлять лишь дознание, приводил И.Я. Фойницкий, объясняя это «особенностями дознания, требующего быстроты и энергии, т.е. таких качеств, которые присущи органам административным». Предварительное следствие «...как деятельность судебная требует вдумчивости и всесторонних соображений; здесь нежелательна медленность, но и излишняя быстрота скорее может вредить ему, чем приносить пользу; важнейшее качество, обеспечивающее его успех, - спокойствие и сдержанность», в дознании, «...наоборот, все зависит от находчивости и натиска, от инициативы и быстроты исполнения», и далее: «Дознание производится негласно, не прибегает по общему правилу ни к каким принудительным мерам и исследует не столько виновность лиц, сколько действительность события преступления. Предварительное следствие, напротив, почти всегда направляется против определенной личности, которая ставится в положение обвиняемого; оно исследует степень участия данного лица в преступлении и опирается для успеха своих стремлений на весьма энергичные принудительные меры... Поэтому дознание может быть вверено полицейским органам, а предварительное следствие носит на себе характер судебной деятельности и вверяется органам судебным»[5, с. 373, 379, 387].

Органы дознания рассматривались как несудебные, органы предварительного следствия – как выступающие представителем судебного ведомства. Собственно деятельность по производству дознания определялась как непроцессуальная, и ее материалы выступали только основанием для производства предварительного следствия. По этому поводу И.Я. Фойницкий писал, что «акты дознания не составляют в процессуальной форме и не имеют доказательной силы»[5, с. 380]. Также С.И. Викторский указывал на то, что «дознание – это собирание нужных сведений, а не доказательств, полиция при этом должна меньше прибегать к письменной форме, мешающей быстроте его»[6, с. 351-352].

В современных зарубежных моделях досудебного производства также отдельно выделяется дознание, осуществляемое исключительно полицией. Так,

например, в уголовном процессе Франции дознание и предварительное следствие рассматриваются как автономные стадии уголовного судопроизводства, для которых нет родового понятия «предварительное расследование». Полицейское дознание может производиться только до стадии возбуждения уголовного преследования. При этом оно не является обязательной стадией и осуществляется в зависимости от того, нужна ли прокурору дополнительная информация для принятия решения о возбуждении публичного иска. Если прокурор располагает всеми необходимыми сведениями, он возбуждает уголовное преследование без проведения дознания [7, с. 325]. Следовательно, одной из целей дознания является собирание полицией сведений, необходимых прокурору для принятия решения о возбуждении уголовного преследования.

Также полицейское дознание позволяет быстро установить событие преступления, виновное лицо и закрепить доказательства, пока они не исчезли. В полицейском дознании Франции, в отличие от дореволюционного дознания, не существует четкой границы, отделяющей процессуальную и непроцессуальную сферы. Оно включает элементы как оперативно-розыскной, так и уголовно-процессуальной деятельности [8, с. 37].

Таким же образом построено дознание в Германии: дознание производится полицией в форме «свободного доказывания», то есть допускается не только осуществление следственных и процессуальных действий, но и применение оперативно-розыскных мероприятий, с той лишь разницей, что в Германии дознание может проводить и прокуратура, или, соответственно, полицейское дознание проводится под надзором прокуратуры [7, с. 437-441].

Исходя из вышеизложенного, дореволюционная и зарубежные теории уголовно-полицейской деятельности сводят основные функции полиции к осуществлению дознания в виде действий по осуществлению кратковременного задержания, собиранию материалов для принятия судебным следователем или прокурором решения о возбуждении уголовного преследования, соответственно, полиция не вправе принимать важных процессуальных решений о возбуждении или прекращении уголовного преследования, решать вопросы квалификации преступления.

В российском уголовном процессе дознание представляет собой одну из форм предварительного расследования, соответственно, уголовно-процессуальную деятельность, строго регламентированную законом. Должностные лица полиции вправе принимать важные процессуальные решения и решать вопросы квалификации преступления. Введение дознания как самостоятельной формы предварительного расследования было обусловлено не теоретической разработанностью необходимости его введения, а реалиями Советского государства: политическая борьба с «врагами» существующего режима, нехватка квалифицированных кадров для следственного аппарата, постановка перед милицией следующих задач: «борьба с преступностью» и «быстрое и полное

раскрытие преступлений».

Таким образом, в советское время была утеряна теория уголовно-полицейской деятельности, и на основании проведенного анализа следует констатировать, что теоретическая база реформы милиции-полиции недостаточно разработана. В целях эффективного проведения реформы полиции необходимо сначала усовершенствовать теорию уголовно-полицейской деятельности на основе имеющегося опыта, как отечественного, так и зарубежного.

Список литературы

1. Андреевский И.Е. Полицейское право. 2-е изд. [Текст] / СПб., 1874. Т. 1.;
2. «Собрание законодательства РФ», 14.02.2011, N 7, ст. 900.;
3. Гирько С.В. Уголовно-процессуальные функции милиции: теоретические, правовые и прикладные проблемы [Текст] / Дисс. канд.юрид.наук. М., 2004.;
4. Полиция и милиция России: страницы истории [Текст] / А.В. Борисов, А.Н. Дугин, А.Я. Малыгин и др. М.: Наука, 1995.;
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства [Текст]. – СПб.: Альфа, 1996. Т. 2.;
6. Викторский С.И. Русский уголовный процесс [Текст]: Учебное пособие. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997
7. Гуценко К.Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств [Текст] / Издательство «Зерцало-М», 2002;
8. Мичурин О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел [Текст]: монография. М.: МосУ МВД России, 2008.

УДК 393.985

П.Н. Сараев, аспирант Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

СВЕДЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются сведения о личности преступника, как средство повышения эффективности расследования экономических преступлений в сфере строительства. При этом обращается внимание на то, что система этих сведений включает в себя далеко не всю информацию о личности, а лишь ту, которая может быть полезной для расследования. Обращается внимание на то, что к такой информации относятся сведения об интеллекте и психологических качествах личности лица, совершившего преступление.

В расследовании экономических преступлений, совершённых в сфере строительства, значимо не только установление события преступления, но и

личности, совершившего его лица. То есть, по существу, личность виновного в совершении преступления лица имеет очень важное значение для достижения успеха в расследовании названных преступлений. Можно сказать, что исследование личности преступника – это источник бесценной информации, которая способна оптимизировать расследование, сделать его успешным. Такое исследование – это ключ к пониманию самого преступления, которое было совершено. Уже само по себе простое сопоставление того, что совершено и личности того, кто это совершил способно дать для расследования ценнейшую информацию. Можно установить – действительно ли конкретное лицо совершило рассматриваемое преступление. Так, достаточно частыми в последнее время стали случаи, когда ответственность за совершённое преступление пытаются взять лица, которые в силу ли своего образования, в силу ли особенностей характера такое преступление совершить просто не в состоянии. В частности, достаточно распространённым стала регистрация строительных организаций или организаций подрядчиков на лиц, которые не имеют никакого отношения к строительному бизнесу. Более того, часто эти лица даже не знают, что их данные были использованы для открытия этих организаций и что они являлись стороной какого-либо из заключённых договоров. Вполне понятно в связи с этим, что привлечение к уголовной ответственности только этих лиц не будет способствовать восстановлению социальной справедливости. Более того, если будут привлечены к уголовной ответственности только эти лица, то это может быть воспринято как проявление несправедливости.

Особенности личности лица, совершившего преступление, самым непосредственным образом связаны со способом и механизмом совершения преступления. В связи с этим, эти особенности необходимо рассматривать, как признак, указывающий на авторство в совершении конкретного преступления. Вполне очевидно, что организатором экономического преступления в сфере строительства не может быть лицо с низким интеллектуальным уровнем, не имеющее представления об экономических отношениях, складывающихся в сфере строительства. Однако, при этом, необходимо отметить, что далеко не все личные качества, присущие конкретному лицу, совершившему преступление, имеют значение для расследования. Только отдельные из этих качеств могут представлять интерес для следствия. Это, прежде всего, те из них, которые повлияли на избрание конкретным лицом способа и механизма совершения преступления. То есть, можно говорить, что это те качества, которые отразились в способе и механизме совершения преступления. Кроме этих качеств для следствия представляют интерес, также и те из них, которые идентифицируют конкретное лицо в совершённом преступлении. Имеются в виду такие качества, которые, отразившись благодаря совершённым действиям в окружающем мире, однозначно указывают на их носителя, то есть на лицо, совершившее конкретное преступление. Именно эти качества, а не вся совокупность всех

имеющихся у конкретного человека качеств, важны для расследования.

Необходимо отметить, что далеко не все признаки, определяющие индивидуальность конкретного, виновного в совершении преступления лица, имеют значение для расследования. Даже демографические особенности далеко не всегда значимы для успеха расследования и часто являются скорее второстепенной, чем основной информацией. Более того, следователи очень часто и не рассматривают данную информацию, как малополезную для расследования, считая, что она имеет гораздо большее значение не для нужд расследования, а для решения проблем более глобальных, связанных, к примеру, с предупреждением определённого вида преступности. Это справедливо и для расследования экономических преступлений в сфере строительства. Так, вполне естественными являются данные о возрасте, половой принадлежности лиц, совершающих эти преступления. Это, в основном мужчины (85 %) в возрасте от 25 до 45 лет (75 %). Однако если вдуматься, то ничего существенного для расследования в этой информации нет. Названный возраст лиц, совершивших преступление в сфере строительства, обусловлен, во-первых, тем, что это возраст трудовой активности всякого человека, в том числе и работающего в сфере строительства. Во-вторых, именно для данного возраста характерен определённый карьерный рост, в результате которого лицам, виновным в совершении преступления удаётся занять определённое, достаточно высокое для совершения названного преступления положение. Что касается гендерного состава лиц, совершивших экономические преступления в сфере строительства, то и здесь ничего удивительного и одновременно полезного для расследования нет. В строительстве традиционно заняты по преимуществу мужчины, а потому они, соответственно, в основном и совершают эти преступления. Именно из-за некоторой даже банальности этой демографической информации для следствия она не представляет какой-либо интерес.

Куда более интересной и значительной для расследования является совсем иная информация – информация о психологических особенностях лиц, совершающих экономические преступления в сфере строительства. Объясняется это тем, что именно психологические механизмы обыкновенно отображаются в механизме совершённого преступления. В связи с этим, для расследования представляет интерес такая совокупность психологических качеств, которую принято называть психологическим портретом. Именно эти качества обыкновенно отображаются в преступлении и индивидуализируют его, то есть делают непохожим на другие преступления. В этих индивидуальных чертах проявляются индивидуальные особенности конкретной личности лица, совершившего преступление. Благодаря этому появляется возможность у следователя идентифицировать каждое конкретное преступление, то есть определить лицо, совершившее преступление. Именно в связи с этим, возможно говорить о преступном почерке того или иного лица, виновного в совершении преступления.

Благодаря такой связи между психологическими особенностями личности и преступлением, которое она совершает, появляется возможность разрешить наиболее важные вопросы, стоящие перед расследованием. А именно: вопрос о событии преступления и лице, виновном в его совершении. В связи с этим для практики расследования важен вопрос о типологии личности преступника. Он важен в связи с тем, что типология самым непосредственным образом связана с видовыми особенностями конкретных преступлений. В частности, типология преступника, совершающего экономические преступления в сфере строительства, связана с особенностями способа и механизма совершения этих преступлений. Тем самым, для расследования представляют повышенный интерес именно типологические особенности личности преступника, то есть такие его особенности, которые позволяют судить о возможной причастности конкретного лица к совершённому преступлению.

Исходя из этого, при расследовании экономических преступлений в сфере строительства интерес представляют только отдельные качества личности преступника. Это те качества, которые позволяют с большой степенью вероятности утверждать, что конкретное лицо причастно к совершению конкретного преступления. К таким качествам следует отнести, прежде всего, уровень интеллекта. Он характеризует лицо, совершившее экономическое преступление в сфере строительства, как высоко интеллектуальное. Причём это не только впечатление, которое оставляют такие лица от общения с ними. Это действительно высокий интеллект, характеризующийся способностью разрешать достаточно сложные, нетривиальные задачи. Безусловно, излишне при этом превозносить и тем самым идеализировать интеллектуальные способности таких преступников. В частности, вряд ли стоит утверждать, что это исключительно лица с интеллектом выше среднего. Нет, это лица и со средним интеллектом, и с более высоким, чем средний, интеллектом. Здесь можно утверждать однозначно лишь то, что у этих лиц интеллект не может быть ниже среднего. Это обусловлено тем, что для совершения экономического преступления в строительстве, необходима интеллектуальная способность, для того, чтобы не только понять механизм экономических отношений в строительной сфере, но и спланировать, используя особенности этого механизма, преступление и совершить его.

Другой психологической особенностью лиц, совершивших преступление в сфере строительства, является их повышенная коммуникабельность. Механизм рассматриваемого вида преступлений основывается, как правило, на способности преступника находить «общий язык» с самыми различными людьми, с тем, чтобы вовлечь их в преступную деятельность. Необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что отдельные лица, вовлечённые в преступную деятельность, изначально могли иметь достаточно сильные нравственные табу, которые их удерживали не только от преступления, но даже от аморальных

действий. Не случайно анализ рассмотренных уголовных дел показывает, что среди осуждённых за преступления рассматриваемого вида немало лиц, практически не имеющих нравственных изъянов. Однако, высокая коммуникативная способность организатора экономического преступления в сфере строительства позволяет ему склонить к совершению преступлений и таких людей. Как правило, это происходит через увещания о том, что в планируемых следственных действиях на самом деле нет ни то, что чего-либо преступного, но и ничего, что не соответствовало бы моральным представлениям общества. Также может быть использован и иной метод убеждения, в необходимости принять участие в совершении преступления. Так, организатор может убедить в том, что такая деятельность это лишь необходимость, обусловленная социальной несправедливостью, состоящей в неравномерности материального распределения получаемого обществом от хозяйственной деятельности дохода. То есть, это своего рода мотив Робин Гуда. Вполне очевидно, что всё это требует от организатора очень высоких коммуникативных способностей, сочетающихся с высоким интеллектом.

Также для лиц, совершивших экономическое преступление в сфере строительства характерно то, что они вполне хорошо вписываются в своё социальное окружение, которое составляют правопослушные люди. Из-за этого, они мало, чем отличаются от всех других людей и не привлекают к себе внимания, чего собственно они и добиваются, поскольку это необходимо для того, чтобы и их преступная деятельность ненароком не привлекла к себе внимания и не была благодаря этому выявлена. Кроме того, они принимают и разделяют нормы морали и нравственности, принятые в обществе. В целом, они выглядят также как любой среднестатистический гражданин.

При всём этом, немаловажным является то, что названные лица обладают определёнными специальными познаниями в сфере строительства, а часто также и в области бухгалтерского учёта. По крайней мере, это относится к организаторам конкретной преступной деятельности в области строительства. Причём следует отметить, что названные познания у них не только, а порой не столько теоретические, но и практические, которые подкреплены порой небольшим опытом работы в сфере строительства. Названные знания как раз и являются основой, на которой и базируется план и последующая организация преступных действий.

Немаловажным качеством, которое способствует совершению экономических преступлений в сфере строительства, является склонность к риску, к тому, что принято называть авантюрой. Именно благодаря этому качеству и конструируется достаточно сложный, во многом основанный на риске, механизм преступления. Риск, как правило, предполагается изначально, поскольку организатор преступления всегда допускает возможность разоблачения на любой из стадий совершения преступления.

Все названные качества личности являются значимыми для расследования. Их знание – это та информационная система, которая является достаточно эффективным средством, которое способно повысить качество расследования экономических преступлений в сфере строительства.

УДК 343.985.7

А.В. Северилов, следователь-криминалист Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва

О НЕКОТОРЫХ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЯХ ПО ОПТИМИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Автором предложен ряд тактико-криминалистических рекомендаций по пресечению уклонения виновных лиц от уголовной ответственности за совершенные ятрогенные преступления путём оптимизации расследования..

7 декабря 2011 года в часть вторую статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации внесены изменения, определившие деяния, предусматривающие максимальное наказание до трёх лет лишения свободы, как преступления небольшой тяжести [1].

Поскольку, исходя из практического опыта, значительная часть ятрогенных преступлений (повлекших наступление смерти потерпевших) следствием и судами квалифицируется по части второй статьи 109 Уголовного кодекса Российской Федерации, срок давности таковых сократился с шести до двух лет.

Таким образом, законодатель фактически на три года ограничил возможный срок предварительного и судебного следствия до возникновения у виновного лица возможности уклонения от установленной законом уголовной ответственности.

При этом не вызывает никакого сомнения, что производство как предварительного, так и судебного следствия по уголовным делам данной категории представляет особую сложность.

В то же время, необходимость экспертного исследования значительного объема медицинской документации и материалов уголовного дела, в том числе с изучением всех обстоятельств оказания медицинской помощи, а также привлечения к участию в следственных и судебных действиях лиц, обладающих специальными познаниями, существенно ограничивают возможность заверше-

ния расследования или постановления приговора в период, исключаящий применение положений закона, закреплённых статьёй 78 Уголовного кодекса Российской Федерации.

При таких условиях неполнота, фрагментарность и бессистемность проводимого расследования, а также ориентирование следователя исключительно на личные познания, непременно повлекут освобождение виновных лиц от уголовной ответственности вследствие истечения сроков давности, а, следовательно – нарушение прав потерпевших на доступ к правосудию.

Для исключения данных обстоятельств следует руководствоваться специальными тактико-криминалистическими рекомендациями, основной задачей которых является максимально оптимизированное направление предварительного расследования, исключающее необходимость производства дополнительных или повторных экспертных исследований на последующих этапах из-за неполноты материалов, представленных при производстве первичных экспертных исследований.

Представляется, что в их рамках, для достижения обозначенных целей, надлежит рекомендовать следователю в течение кратчайшего периода:

1. Привлечь специалиста (врача) в области судебной медицины, а также в разделе медицины, непосредственно связанном с оказанием погибшему медицинской помощи для определения:

- точного перечня и объема медицинской документации, гистологического материала, а также иных объектов, подлежащих изъятию;
- минимального перечня и порядка формулирования вопросов для подготовки к допросу как лиц.

2. Инициировать проведение:

- служебной проверки – соответствующим органом управления здравоохранения субъекта Российской Федерации;
- вневедомственной экспертизы качества оказания медицинской помощи – территориальным фондом обязательного медицинского страхования;
- врачебной конференции по разбору рассматриваемого случая с рецензированием медицинской документации на базе данного или вышестоящего лечебно-профилактического учреждения.

Полученные заключения, рецензии, протоколы конференций подлежат обязательному приобщению к материалам уголовного дела и последующему предоставлению экспертной комиссии.

При истребовании выводов вневедомственной экспертизы качества оказанной медицинской помощи следует получить копии документов об образовании, подтверждающих профессиональный уровень рецензента.

3. При наличии возможности – принять личное участие в судебно-медицинском исследовании трупа, осуществляя фиксацию его хода и результа-

тов с помощью технических средств.

В случае предполагающегося патологоанатомического вскрытия трупа, согласно Положению «О порядке проведения патолого-анатомических вскрытий», утверждённого Приказом Минздравмедпрома России от 29 апреля 1994 года № 82 обеспечить производство по нему судебно-медицинского исследования [2].

Полученные материалы (заключение, равно как и полученный гистологический и лабораторный материал), предоставить впоследствии экспертной комиссии.

Ориентировать лиц, ответственных за составление акта судебно-медицинского исследования или протокола патолого-анатомического вскрытия трупа, на необходимость составления указанных документов в кратчайший срок.

4. Осуществить сбор характеризующего материала и сведений о профессиональном уровне, а также трудовой деятельности всех лиц, которые были задействованы в оказании медицинской помощи погибшему (в том числе копии документов о высшем образовании, специальной подготовке и переподготовке, повышении квалификации, привлечении к дисциплинарной ответственности, должностных инструкций, приказов о назначении на должность).

5. Осуществить осмотр изъятой по уголовному делу медицинской документации; при наличии в ней исправлений записей, до предоставления указанных материалов экспертной комиссии допросить по этим обстоятельствам лиц, вносивших данные коррективы.

6. Для исключения волокиты, предупреждая заинтересованность и оказание негативного воздействия на членов экспертной комиссии и необходимость последующего производства повторных экспертных исследований, представляется необходимым исключить назначение соответствующих первичных комплексных медицинских судебных экспертиз в регионе, где оказывалась соответствующая медицинская помощь погибшему.

Учитывая многомесячные очереди в экспертных учреждениях федерального уровня (Российский центр судебно-медицинских экспертиз Минздравсоцразвития России, 111 Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны России, Бюро Главной судебно-медицинской экспертизы ФМБА России), производство соответствующих экспертиз следователю надлежит поручать бюро судебно-медицинской экспертизы соседних, либо удалённых регионов.

При этом такое процессуальное решение должно быть надлежащим образом мотивировано в свете положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [3].

В состав экспертной комиссии рекомендуется включать наиболее подготовленных врачей – специалистов, как из числа сотрудников лечебно-

профилактических, так и образовательных учреждений системы Минздравсоцразвития России, имеющих соответствующий уровень образования и специальные познания, подтверждённые документально.

При выборе кандидатов следует учитывать наличие у лиц из числа медицинского персонала, действия которых оцениваются, учёных степеней и званий, первой и высшей квалификационной категории; при этом образовательный и профессиональный уровень соответствующего члена экспертной комиссии не может им уступать.

Во избежание отводов, а также необходимости производства дополнительных судебных экспертных исследований, с постановлениями об их назначении, как и с составом экспертной комиссии, следует заблаговременно знакомить и потерпевшего, и лиц, права и интересы которых впоследствии будут непременно затронуты выводами (даже при отсутствии у них на момент производства судебной экспертизы соответствующего процессуального статуса). Следует отметить, что предложенный перечень следственных и иных процессуальных действий не является исчерпывающим и фактически является оптимизированным планом первоначальных мероприятий, соблюдение которого будет способствовать, как было заявлено ранее, оптимизации проводимого расследования по уголовным делам указанной категории.

Список литературы

1. Ст. 1 Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
2. Российские вести. 1994. № 108.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

УДК 347.948.2

В.В. Седнев, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Донецкого национального университета, Украина

ПРИНЦИПЫ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Рассмотрены элементы теории судебной экспертизы. Проведен анализ базовых принципов: научной независимости, объективности и полноты. Даны дефиниции. Выделены и описаны противоречия.

В разрабатываемой концепции теории судебной экспертизы[1], выделено не менее двух относительно обособленных разделов – исследования законо-

мерностей формирования, функционирования и развития самой судебной экспертизы (общая теория судебной экспертизы) и методологии экспертной деятельности (частная теория или экспертология). Основами теории судебной экспертизы являются методологическое, процессуальное и социально-институциональное, каждое из которых несет свои объяснительную и прогностическую функции[2]. Другим немаловажным элементом теории является уровень методологических и нормативных принципов судебной экспертизы. Такой подход присущ современным неклассическим и постнеклассическим парадигмам научного знания, позволяя объективировать рассмотрение и оптимизировать понимание общих и частных теорий.

Первоначально целесообразно определить нормативно-методологический принцип как конкретный рабочий термин, позволяющий осуществить переход от теоретических изысканий к прикладной деятельности эксперта. В языке под основанием понимаются достаточно различные феномены, среди которых можно выделить: «1. Основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки... Руководящее положение, основное правило, установка для какой-либо деятельности»[3]. Философское осмысление в целом сходно: «нормативное общее высказывание, содержащее определенное требование к осуществлению познавательной, практической и духовной деятельности»[4]. Отсюда, для целей данного исследования, под принципами судебной экспертизы предлагается понимать те положения, которые содержат в себе методические и нормативные требования к судебно-экспертной деятельности.

Позицией исследования является эпистемологическая, дающая возможность научного анализа самих оснований судебной экспертизы для формулирования их в качестве аксиоматизированного знания. Представлен анализ не методов судебной экспертизы как деятельности либо как доказательства, а анализ допущений и положений на которых строится система экспертного знания и деятельности.

Законодательно принципы заданы в положениях, касающихся судебной экспертизы, а именно: законность, независимость, объективность исследования и вывода, полнота исследования и обоснованность заключения. Легитимность назначения и проведения экспертного исследования обусловлена требованиями законодательства, фактически являясь самостоятельным – процессуальным основанием судебной экспертизы. Остальные образуют методические принципы судебно-экспертной деятельности.

Независимость, постулируемая законодателем представляет собой два разные феномена: процессуальную и научную. Научная, как теоретическая непредубежденность, требует отдельного анализа. При этом она имплицитно включает такие концепты как объективность исследования и обоснованность вывода. Сегодняшний этап развития практически всех наук характеризуется состоянием теоретического и методологического плюрализма[5]. Теоретиче-

ский следует рассматривать позитивно, исходя из постулата К.Р. Поппера о невозможности наличия, удовлетворяющей всем фактам теории. Методологический, отражает «размытость» мышления исследователя и является негативным эквивалентом Д-тезиса Дюгема-Куайна. Если в области построения теорий Д-тезис отражает необходимость перехода к новой парадигмальной либо теоретической конструкции, то в области методологической, превращаясь в логический маневр, приводит к вульгаризации и упрощению ряда методологических принципов и к отказу от «неудобных» с точки зрения согласования с предлагаемыми теоретическими измышлениями как строгих принципов научности, так и самой реальности. В ситуации практической деятельности, два плюрализма - теоретический и методологический недопустимы и следует сократить один из них. Сохранение методологического плюрализма приводит к беспорядочному и бессистемному получению результатов, достоверность которых может быть легко поставлена под сомнение. Представляется более целесообразным сохранение теоретического плюрализма при условии однозначности методологического подхода. Это обеспечит возможность обойти недоопределённость теории данными[6]. Единый методологический подход в условиях теоретической полифонии приоритетнее для прикладной деятельности эксперта. Этот момент следует подчеркнуть особенно с учетом того, что основные методологические принципы науки[7], представляют собой более стабильную и независимую конструкцию, нежели теоретические построения. Отсюда независимость как принцип судебно-экспертной деятельности есть форма методологического монизма при теоретической полифонии. Иначе говоря, эксперт использует именно ту теоретическую конструкцию, которая, наиболее адекватна исследуемой ситуации, если и только если она в самой экономной своей формулировке удовлетворяет имеющимся фактам при обязательном выполнении общенаучных методологических принципов.

Объективность (независимость суждений, мнений, представлений и т.п. от субъекта, его взглядов, интересов, вкусов, предпочтений и т.п.) исследования и вывода, рассматривается как максимальное приближение их к реальности. Требуется отдельного анализа в отношении как исследования, так и вывода. Объективность исследования рассматривается как функция научного познания. Очевидная направленность познания на установление истины зачастую приводит к так называемой «теории корреспонденции», утверждающей, что объективность достигается соответствием знания действительности. Но в таком виде понятие объективности скорее относится к объективности вывода. Объективность исследования экспертом материальных и материализованных объектов для ответа на вопросы, поставленные органами следствия и суда, заключатся в процессе перехода действительности в знание. Перевод действительности в знание представлен в современной философии науки тремя подходами: классическим, неклассическим и постнеклассическим.

Классический предполагает наличие экспериментально установленного соответствия знания об объектах им самим благодаря строгому следованию методу познания и все более совершенным средствам изучения. При этом познающий субъект, а так же влияние средств и операций познания элиминируются. Объективность, в таком понимании, есть соответствие фактам, полученным с помощью единственно-верного научного метода, конгруэнтного изучаемому объекту. Мифология единственно верного метода и бесстрастного автомата-исследователя и сейчас сказывается на представлениях о судебной экспертизе. Однако имеет место противоречие между постулируемым законодателем классическим типом исследователя (эксперта) как отсутствующего субъекта познания в соответствии с корреспондентской теорией объективности и практической невозможностью (доказанной как неклассической, так и постнеклассической парадигмами истинности познания) выполнения экспертом такой роли.

Следующее противоречие заключается в природе предмета судебной экспертизы: факты и фактические данные[8] и обозначено нами как фактологическое. Принято отождествлять суждения о каких-либо элементах объективной реальности (предметах либо явлениях), именуемых фактами с истиной. Отсюда фактом это суждение становится лишь в случае его признания в качестве истины. Тождество факта и истины может быть установлено на групповом уровне (например, каждая смена общественно-политических формаций приводит к новому осмыслению исторических фактов и их содержательной интерпретации), либо на индивидуальном (ученым, судьей, следователем, экспертом). Факты и фактические данные, которые исследуется экспертом с целью установлении новых, не представляют собой однородную структуру. Можно выделить, по меньшей мере, три «слоя» информации, образующей исследуемый специалистом факт: существующий как объект реальности; как результат отражения в показаниях свидетелей, потерпевших, обвиняемых; как результат интерпретаций органа, назначившего экспертизу. При этом редукция до первоосновы, до факта как объективной реальности далеко не всегда возможна. Превращение представлений о фактах в реальность происходит на этапе предшествующем назначению экспертизы. Соответственно исследование проводится не с реальным объектом, а с чьим-то представлением о нем. Это не препятствует использованию научных методов, которые, однако, подбираются уже под этот онтологизированный абстрактный объект познания. Ценность полученных данных не страдает, т.к. отражает, с одной стороны, общенаучную проблематику ограниченности человеческого познания, а с другой - специфичность именно экспертного исследования. Из сказанного следует онтологическое противоречие между представлением об исследуемом факте и его действительным содержанием.

Полнота, отражая ещё один системный принцип экспертизы и, одновре-

менно, требование законодателя к экспертному исследованию и, соответственно, к заключению эксперта, представляет собой достаточно неоднородный феномен. Семантика понятия представлена толкованиями данного термина (и его производных) в основных словарях языка. В конечном итоге имеющиеся трактовки слова подчеркивают как количественный, так и качественный аспекты достижения предела (как предела насыщенности, наполнения, так и предела представления об объекте, его свойствах и отношениях). Общенаучная трактовка понятия отражает, прежде всего, достаточность неких тезисов, сведений etc для обоснования каких-то научных положений, к которым они приложены. В таком представлении об исследуемом понятии «полнота» представлена (в более или менее явном контексте) расширенная трактовка, сформулированного В.Лейбницем, принципа достаточного основания, который отражает доказательственность мышления и в логике формулируется в виде закона, как требование обоснованности знания. Очевидно, что указанное общенаучное осмысление полноты является не только встраиваемым в систему представлений о возможностях науки (и эксперта), но и конечным, достижимым в отличие от меры всеохватности, постулируемой обыденным языком. Обозначим это как словарно-содержательное (лингво-семантическое) противоречие.

Следовательно, полнота как принцип теории судебной экспертизы и, одновременно, как требование к экспертному исследованию отражает достаточность приводимых положений для юридически релевантных представлений об объекте исследования, его свойствах и отношениях. При этом она имеет многосложный, системный характер. Составляющими, более элементарными единицами, данного понятия будут: содержательно-гносеологическая полнота (представленность всей совокупности необходимых и достаточных для формирования заключения и вывода признаков); формально-исследовательская (исследование всей совокупности объектов, предоставленной эксперту); эмпирическая (всесторонне рассмотрение объекта, всех его возможных характеристик, граней, сторон, а, точнее – свойств и отношений); теоретическая (использование в совокупности максимально возможного множества теоретических подходов к исследуемому объекту); методическая (использование экспертом совокупности всех необходимых (а, возможно, и существующих) методов исследования объекта); объяснения (заключение должно являть собою наиболее исчерпывающее и достоверное из всех возможных объяснений объекта исследования); изложения (описание всех этапов исследования в расчете на понимание их неспециалистом).

Определяя в научном дискурсе полноту через понятия необходимости и достаточности объема признаков для построения экспертом, на основе специальных знаний обоснованного суждения, актуализируем задачу их анализа. В научной литературе данные понятия применительно к логике обозначают типы модальных связей между объектами и высказываниями[4, С. 173-174.]. Так же,

они соотносятся с некими условиями, которые регулируют «зависимость истинности какого-либо утверждения А от наличия условий, фиксируемых в другом утверждении В»[9]. При этом необходимые условия это те, без которых утверждение не может быть истинным, а достаточные, это те, при соблюдении которых утверждение верно[10]. Таким образом, необходимость постулирует некий минимальный набор утверждений/предпосылок etc обеспечивающих верность/истинность некоего высказывания, т.е. *conditio sine qua non*. В то же время достаточность фиксирует существенный минимум «запаса» характеристик, без которых невозможна истинность высказывания – *conditio suppetere*.

Приведенные трактовки вполне однозначны относительно содержания исследуемых понятий, но в меньшей степени соответствуют исследуемой ситуации – исследования необходимого и достаточного объема признаков для построения суждения, на основе которого (которых) будет формироваться вывод. Причем именно признаков, как характеристик объекта исследования – отдельных, релевантных для вывода эксперта, данных относительно предмета, его свойств и отношений. Е.К. Войшвилло и М.Г. Дегтярев (2001) включают в формулировку необходимых и достаточных условий признак, событие, явление[11], что дает основание для дальнейшей экстраполяции понятия, в частности на судебную экспертологию. Введение ограничения, задаваемого релевантностью для вывода эксперта исследуемых признаков существенно собственно с позиций научного смысла понятия «полнота». Необходимо сужение задачи, которая ставится органом, назначившим экспертизы, которое, в свою очередь, приведет к сужению объема исследования экспертом, именно до уровня исследования необходимого и достаточного для формирования вывода объема признаков. Понятия необходимости и достаточности фиксируют некий вид связи между исследуемыми объектами и выводами о них. Ввиду специфики вида этой связи в каждом конкретном случае, наиболее адекватно употребление понятия «корреспондировать» для общего описания этой связи. Т.е. совокупность необходимого и достаточного объема признаков корреспондирует с выводом об объекте исследования. Отсюда становится возможным рабочее определение понятий необходимости и достаточности применительно к экспертному исследованию, приводимые ниже.

Резюмируем анализ выделенных нормативно-методических принципов теории судебной экспертизы:

1. под нормативно-методическим принципом понимаются те положения, которые, которые содержат в себе нормативные и методические требования к судебно-экспертной деятельности. Выделены и описаны следующие:

- **независимость эксперта научная** - использование именно тех теоретических конструкций, которые, наиболее адекватны исследуемой ситуации, если и только если они в самой экономной своей формулировке удовлетворяет имеющимся фактам при обязательном выполнении общенаучных методологиче-

ских принципов (форма методологического монизма при теоретической полифонии). В противном случае формируется плюралистическое противоречие, обусловленное не только (и не сколько) многообразием возможных теоретических подходов, но и неоднозначностью (в большей мере) трактовки общенаучных методологических принципов познания.

- **объективность эксперта** - максимально возможно полное достижение соответствия между объективной реальностью и её представлением в заключении эксперта. Содержит в себе ряд противоречий: 1) парадигмальное между классической концепцией представления знания в требованиях законодателя и неклассическим (и постнеклассическим) пониманием невозможности элиминации познающего субъекта, орудий познания и влияний цивилизационной формации; 2) фактологическое заключающееся в ограниченности устанавливаемых экспертом фактов заданными ему исходными данными; 3) онтологическое между представлением об исследуемом факте и его действительным содержанием на этапах назначения, производства и оценки судебной экспертизы.

- **полнота** как принцип судебной экспертизы и, одновременно, как требование к экспертному исследованию и заключению через достаточность приводимых положений для юридически релевантных представлений об объекте исследования, его свойствах и отношениях. Содержит противоречие в смысловом наполнении между обыденным языком (всеохватность) и научным (достаточность).

2. на основании анализа системы понятия "полнота", содержащей: содержательно-гносеологический, формально-исследовательский, эмпирический, теоретический, методический компоненты, а так же компоненты полноты объяснения и изложения, возможно определение понятий необходимости и достаточности применительно к экспертному исследованию:

- **необходимый** означает, что данный признак (совокупность признаков) способны в своей минимальной представленности исчерпывающим образом, наиболее релевантно охарактеризовать/идентифицировать/диагностировать etc интересующий эксперта предмет либо явление, его свойства и отношения.

- **достаточный** означает, что при наличии данного признака (определенной совокупности признаков) возможна характеристика/идентификация/диагностика интересующего исследователя предмета либо явления, их свойств и отношений.

Список литературы

1. Седнев, В.В. Структура и функции общей теории судебной экспертизы / В.В.Седнев [Текст] // Криміналістика ХХІ століття. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. – Харків: «Право», 2010. – С. 737 – 741.
2. Седнев, В.В. Судебная экспертиза как социальный институт / В.В.Седнев [Текст] // Матлы 2-й международной научно-практической конференции «Теория и практика судеб-

- ной экспертизы в современных условиях (г.Москва, 24-25 июня 2009 г.). – М.: Проспект, 2009. – С. 346-349.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл.редактор С.А.Кузнецов [Текст]. – СПб.: Норинт, 1988. – С. 984.
 4. Лебедев, С.А. Философия науки: Словарь основных терминов [Текст]. — М.: Академический Проект, 2004. — С. 204 (Серия «Gaudeamus»).
 5. Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции [Текст]. Изд. 2-е – М.: ЭТС. — 2000. — 368 с.
 6. Куайн У. Онтологическая относительность [Текст] // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М.: Логос, 1996. – С. 18-40.
 7. Илларионов С.В. Теория познания и философия науки [Текст]. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 535 с.
 8. Назначение и производство судебных экспертиз (пособие для следователей, судей и экспертов) [Текст]. – М.: Юридическая литература, 1988. – 320 с.
 9. Краткий словарь по логике / Д.П.Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров; под.ред. Д.П.Горского [Текст]. – М.: Просвещение, 1991 . – С. 118-119.
 10. Цалін С.Д. Логічний словник-довідник: 4-те вид., випр. і доп. [Текст]. – Х.: Факт, 2006. – С. 210.
 11. Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика. [Текст] – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС.2001. – 528 с.

УДК: 343.9

Д.А. Сотников, аспирант Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

К ВОПРОСУ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕРШЕННЫХ НА ПОЧВЕ РАССОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ

В статье сделана попытка классифицировать жертв нападений молодёжными преступными группами на почве расовой и национальной ненависти. Автор подразделяет их на четыре группы, в зависимости от их гражданства и социального положения.

После распада Советского Союза наша страна столкнулась с ростом преступности на национальной почве. В начале 90 – х в Россию начали проникать идеи неонацизма, поначалу они не имели большой поддержки, но с ростом национальной напряженности России преступления на национальной почве приняли угрожающий масштаб. Практически во всех крупных городах существуют хорошо организованные молодёжными преступные группы главной целью которых является совершение преступлений на национальной почве. Жертвами нападений могут быть не только лица с неславянской внешностью. Подтвер-

ждением тому служат нападения на граждан Польши в апреле 2005 года. Эти нападения были организованы в ответ за нападения на граждан России в Польше и носили экстремистский характер.

В какие социальные группы входят пострадавшие? Всегда ли они добровольно сотрудничают с правоохранительными органами? В данной работе мы попробуем осветить данный вопрос и провести классификацию потерпевших преступлений совершаемых на почве

Жертвами данных преступлений обычно становятся лица не славянской внешности, но бывают и исключения. Жертв данных преступлений можно разделить на несколько групп:

Первая группа – это лица граждане России с неславянской внешностью. В районах страны, где вместе с русскими проживают другие национальности, происходят конфликты на национальной почве. Иногда национальная напряженность в таких районах существует на протяжении нескольких лет. В таких местах действуют устойчивые группы националистов. В за частую националисты лично знают потерпевших, и порой мотивом преступлений является не только межнациональная и расовая ненависть, но и личная неприязнь. Стоит отметить, что иногда сами потерпевшие провоцируют нападение своим вызывающим или преступным поведением.

Вторая группа - это так называемые гастарбайтеры. В связи с потребностью в дешевой рабочей силе в крупных городах России с середины 90 – х годов произошел приток рабочих в основном из стран бывшего СССР, а также Китая и Вьетнама и других стран, как официально зарегистрированные, так и (преимущественно) нелегальные.

Число работающих в России иностранцев разной квалификации лежит в диапазоне от 2,5 до 7 млн человек. По всей видимости, оно примерно равно 5–6 млн человек. Учитывая, что экономически активное население России – 75 млн человек, иностранцы в настоящий момент составляют примерно 6–7% рабочей силы[1].

К началу XXI века гастарбайтеры превратились в серьезный социально-экономический фактор России: с одной стороны они насыщают рынок низкоквалифицированной рабочей силой, с другой, по утверждению ряда СМИ, способствуют оттоку денег из России, создают криминогенную ситуацию[2] и межэтническую напряженность.

Гастарбайтеры зачастую не имеют разрешения на работу, иногда они находятся на территории России незаконно, они фактически бесправны. Гастарбайтеры редко обращаются в правоохранительные органы после нападений. Причин тому много. Но главная причина заключается в том, что они не верят в то, что органы правопорядка их защитят. Работая в различных отраслях народного хозяйства, они являются легкой целью для нападений. Нападения на них могут происходить как в дневное, так и ночное время. Так, в феврале 2008 года

пятеро обвиняемых, возраст которых составлял от 18 до 25 лет проводили акцию "Белый патруль", целью которой был "поиск лиц неславянской национальности и дальнейшее их ликвидирование, то есть избиение". С указанной целью осужденные по предварительному сговору и поодиночке в вечернее время выискивали на улицах граждан Республики Узбекистан, следовали за ними до безлюдных мест, где и нападали на потерпевших. Иностранцев избивали и причиняли им телесные повреждения с применением ножей, отверток и топоров. В итоге здоровью четверых выходцев из Средней Азии был причинен тяжкий вред, опасный для жизни, а двое отделались легкими ранениями[3].

Третьей группой являются иностранные студенты. Еще со времен существования Советского Союза отечественная система высшего образования очень популярна у ряда стран Азии и Африки. В основном эти страны были политическими союзниками СССР, и с распадом Советского Союза эти страны не перестали направлять своих студентов в нашу страну.

Россия занимает 8 место по численности обучающихся иностранных граждан. В настоящее время в вузах Российской Федерации обучается около 90 тысяч иностранных граждан, в том числе около 70 тысяч на контрактной основе и свыше 30 тысяч за счет федерального бюджета. Наибольшее количество обучающихся составляют граждане стран Азии, Африки и Латинской Америки (55%) и государств-участников СНГ (33%), далее следуют представители стран Европы и других стран[4].

В основном они проживают в общежитиях. Эти студенты хорошо организованы, общаются в основном внутри своей общины. Зачастую нападения на них совершаются по дороге от мест проживания до учебы и в местах общего пользования либо рядом с местами их проживания. Иногда студенты не обращаются в правоохранительные органы а решают проблемы с помощью своих общин, организуя так называемые «отряды самообороны».

Примером служит случай, происшедший вечером 2 ноября 2007 г в Волгограде на ул. Пархоменко группа одетых в черное молодых людей в возрасте от 15 до 18 лет напала на 22-летнего гражданина Индии, студента Волгоградской медицинской академии.

Нападавшие, выкрикивая "Россия для русских", избивали иностранного студента и ударили его ножом в грудь.

Четвертой группой жертв являются журналисты и правозащитники, которые публично выступают против националистов. Самым громким делом стало убийство известного адвоката Станислава Маркелова и внештатной журналистки «Новой газеты» Анастасии Бабуровой.

Убийство Станислава Маркелова и Анастасии Бабуровой произошло 19 января 2009 года в центре Москвы, у дома № 1 по улице Пречистенка. Жертвами убийства стали известный адвокат и внештатная журналистка «Новой газеты», активистка анархо-экологического движения. СКП РФ предъявил обви-

нение в убийстве двоим уроженцам Москвы 1980 и 1985 годов рождения - Никите Тихонову и его подруге Евгении Хаси, которые являлись активными членами националистической группы. 28 апреля 2011 года Тихонов и Хасис были признаны судом присяжных виновными в убийстве. Тихонов был приговорен к пожизненному заключению а Хасис к 18 годам лишения свободы. Причинами убийства считают антифашистскую деятельность Маркелова и Бабуровой.

Таким образом, исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что жертвами националистов становятся в основном лица неславянской внешности, но здесь могут быть исключения, приехавшие с целью работы или учебы, они и являются основной целью экстремистов.

Список литературы

1. Бессуднов А. Сколько гастарбайтеров в России? / Slon [Электронный ресурс].: http://krasgmu.net/publ/uchebnye_materialy/obuchajushhie_materialy/1/11-1
2. Новиков К. Как Россия трудоустроивала иностранцев / Коммерсант. – 2008. – 22 января.
3. NEWSru.com [Электронный ресурс]// Криминал и происшествия // 2010. – 4 марта.
4. По численности иностранных студентов Россия пока еще на восьмом месте в мире // Интернет: Сайт Федерального агентства по образованию. [Электронный ресурс] <http://www.ed.gov.ru/>

УДК 343.985.7

М.А. Трушкин, старший следователь второго отделения (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Мордовия, г. Саранск

МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье формулируется положение в соответствии, с которым успех расследования экономических преступлений в сфере аграрного производства основан на использовании следователем знаний о механизме совершения этих преступлений. При этом обращается внимание на разнообразие механизмов совершения названных преступлений. Также анализируется соотношение способа совершения преступления и его механизма.

Бесспорно, что для успешного раскрытия преступления необходимо знать механизм его совершения. Это справедливо по отношению к расследованию всякого преступления, исключением не являются и экономические преступления, совершенные в сфере аграрного производства. Более того, для расследования именно этих преступлений знание механизма их совершения – это

по существу гарантия того, что истина будет установлена. Обусловлено это тем, что именно экономические преступления, совершённые в сфере аграрного производства, характеризуются наибольшей технологичностью, на которую делают ставку преступники с целью удовлетворить свои корыстные устремления. При этом, сама высокая технологичность названных преступлений является, по существу, следствием высокой технологичности самих правоотношений, складывающихся в сфере аграрного производства. Более того, технология совершения такого преступления основана, как правило, на нарушении определённой технологии в производстве аграрной продукции или в технологии контроля за таким производством.

Следует отметить, что технологичность совершения того или иного преступления – это и есть не что иное, как механизм совершения этого преступления. Следовательно, технологическая сторона всякого преступления это и есть его механизм. Представляет он из себя определённую последовательность действий, которая и обеспечивает достижение преступного результата. Механизм предполагает помимо установления определённой последовательности в совершении действий, также и последовательность при применении определённых средств и методов, которые обеспечивают более высокую эффективность этих действий. В связи с этим, может возникнуть неверное представление о том, что механизм и способ совершения преступления это фактически одно и то же. Однако это не так. Хотя следует отметить, что на практике достаточно сложно разграничить способ от механизма совершения преступления. Ведь и способ предполагает использование определённых средств совершения преступления. К примеру, для отдельных экономических преступлений в сфере аграрного производства характерно использование отдельных особенностей ведения бухгалтерского учёта, что и является способом совершения конкретного преступления. Но это же могут назвать и механизмом совершения данного преступления, поскольку нарушение отдельных правил ведения бухгалтерского учёта, как было сказано выше, предполагает определённую последовательность действий, то есть определённую технологию, являющуюся сутью механизма данного преступления. Тем не менее, при более внимательном анализе разграничение между механизмом и способом совершения преступления вполне очевидно. Способ – это методологический аспект совершения преступления, предполагающий использование средств и методов, влияющих на качество исполняемых действий, не охватывающий, при этом, порядок их использования. То есть, выбор того или иного способа неизбежно влечёт за собой соответствующее этому способу качество выполненных действий. Под качеством в случае совершения преступления понимается быстрота и гарантированность в достижении ожидаемого преступного результата. Что касается механизма, то он предполагает последовательность не только в совершении конкретных действий, но и последовательность в использовании методов и средств. Поэтому

высокая эффективность, достигаемая уже только самим использованием определённых методов и средств, ещё более повышается, если эти методы и средства применяются в соответствии с определённой последовательностью. В связи с этим очевидным является тесная взаимосвязь, существующая между способом и механизмом совершения преступления. И то, и другое необходимо преступнику для достижения преступной цели.

Применительно к экономическим преступлениям, совершаемым в сфере аграрного производства, механизм предполагает последовательное выполнение действий, направленных на нарушение технологических требований производства сельскохозяйственной продукции, влекущее за собой возможность скрытого (по крайней мере, с точки зрения самих преступников) обращения в свою собственность денежных или материальных ценностей. При этом, в аграрном производстве наиболее распространено два вида механизмов совершения преступления. Первый из них, и наиболее распространённый – это механизм создания неучтённых избытков, которые обращаются в собственность лиц, организующих и совершающих конкретное экономическое преступление. В сельском хозяйстве этот механизм достаточно просто и даже естественно встраивается в саму технологию аграрного производства. Ведь достаточно просто не отображать весь объём собранного урожая, а только его часть. Причём преступники стремятся отобразить, в этом случае, такую часть урожая, которую бы окружающие, а в первую очередь надзорные и контролирурующие органы, могли бы воспринять за весь собранный урожай. Практически то же самое делается и в животноводстве. Здесь может не учитываться полученный приплод или животноводческая продукция (молоко, яйца и т.п.), которые также обращаются в пользу лиц, создавших эти неучтенные излишки. Данный механизм предполагает вполне определённую последовательность действий, встраиваемых в технологический производственный цикл, которые обеспечивают получение излишков, обращаемых преступниками в свою пользу. Сравнительно высокая распространённость данного механизма совершения преступления объясняется тем, что лицам, которые решили его использовать для личного обогащения, он представляется наиболее безопасным. И это в значительной мере справедливо, поскольку выявлять такие преступления достаточно сложно. Особенно сложно выявлять эти преступления, когда прошло определённое, иногда значительное время, поскольку следов и просто информации о данном преступлении не остаётся или остаётся слишком мало, да и то, такой, которая достаточно неоднозначна, а потому основывать на ней обвинение нецелесообразно. Тем более, что, учитывая названный механизм совершения данных преступлений, не составляет большого труда предпринять меры к сокрытию этих преступлений. Это также нетрудно, поскольку действия по созданию неучтённой продукции обычно так «прячут», что получается, что будто бы этих действий и вовсе не было. Особенностью этого, рассмотренного механизма является

то, что он не нарушает сложившуюся технологию аграрного производства, он направлен лишь на сокрытие реальных результатов, которые получают в результате использования названной технологии. Именно эти сокрытые результаты и обращаются в пользу преступников.

Вторая разновидность механизмов совершения экономических преступлений в сфере аграрного производства состоит в определённом изменении технологии аграрного производства. Именно результат такого изменения и становится источником незаконного обогащения преступников. Так, могут использоваться удобрения ненадлежащего качества или в ненадлежащем количестве, а средства, якобы, потраченные на закупку удобрений преступники обращают в свою собственность. Могут приобретаться, якобы, элитные семена по завышенным ценам с тем, чтобы часть этой завышенной цены обратить в пользу тех лиц, по инициативе которых делаются такие закупки. Достаточно распространённым является закупка значительных объёмов горюче-смазочных материалов, якобы, под посевную или под уборочную. С учетом того, что такие объёмы часто являются излишними, они перепродаются за наличный расчёт, либо просто не выбираются с АЗС (хотя по документам делается проводка, в соответствии с которой, якобы, всё было выбрано), что позволяет также значительный объём незаконного дохода лицам, организовавшим такой механизм преступной деятельности, присваивать себе. Как видно, для второй разновидности механизма совершения экономических преступлений в сфере аграрного производства характерно то, вносятся определённые изменения в сложившуюся технологию. Можно даже утверждать, что эта технология в определённой мере даже разрушается для встраивания механизма совершения преступления, что и позволяет получать незаконный доход. Но и в данном случае характерным является стремление организаторов и иных лиц, оказывающих им содействие в преступной деятельности, как можно лучше скрыть совершаемое преступление. Для этого изначально используются особенности правоотношений, а также технологические особенности аграрного производства.

Для второй разновидности механизма совершения экономических преступлений в сфере аграрного производства характерно создание, либо вовлечение в схему преступной деятельности всевозможных фирм-однодневок. Функцией этих фирм является извлечение финансовых и материальных средств из аграрного производства. Прежде всего, такие фирмы призваны аккумулировать материальные и финансовые средства, полученные в результате оплаты по завышенной цене, к примеру, за удобрения, корма и тому подобное. То есть, в этих фирмах скапливается разница между оплаченной завышенной ценой и действительной ценой, по которой и были приобретены необходимые для аграрного производства товары. Причём далеко не всегда на эти фирмы возлагается также функция по «отмыванию» денежных средств. Обусловлено это тем, что для отмывания, как правило, используются более длинные цепочки по-

средников с тем, чтобы было сложнее определить конечного получателя названных денежных средств. В связи с этим рассматриваемая разновидность механизма преступной деятельности в сфере аграрного производства представляет собой достаточно сложную технологическую цепочку, на которую возложено целый ряд задач лицами, её организовавшими. Это следующие задачи:

- изъятия денежных и материальных средств из конкретной технологической цепочки сельскохозяйственного производства;
- аккумуляция этих средств на счетах третьих фирм, в том числе фирм-однодневок;
- «отмывание» этих денежных средств с помощью целого ряда фирм;
- сокрытие следов совершённого хищения.

Необходимо отметить, что для решения всех этих задач обыкновенно используются достаточно сложные схемы, включающие значительное число юридических лиц, а иногда и физических. При этом могут использоваться подставные лица с тем, чтобы ещё больше усложнить возможное выявление совершённого преступления. Причём иногда помимо выше перечисленных задач могут решаться и другие не менее важные. К примеру, иногда создаются юридические лица для реализации незаконно созданных излишков сэкономленных товаров. В частности иногда на территории или невдалеке от агропромышленного предприятия создаются АЗС на которых сбываются сэкономленные горюче-смазочные материалы. Тем самым, механизм рассматриваемого преступления представляет собой достаточно сложную систему выполняемых в строгой последовательности действий, которыми обеспечивается решение выше названных задач и получение в результате незаконных доходов.

Необходимо отметить, что и рассмотренная выше первая разновидность механизма экономических преступлений в сфере аграрного производства предполагает создание схем, состоящих из не одного юридического лица. Но это обыкновенно зависит от объёма похищаемой продукции. Так, если объёмы сравнительно не велики, то расхитители обычно не создают подобные сложные цепочки предприятий, отмывающих денежные и материальные средства. В этих случаях излишки продукции чаще всего сбываются за наличные денежные средства, что позволяет не отражать этой операции в каких-либо документах. В то же случае, если это значительные суммы и расхитители предполагают длительное расхищение средств, то тогда создаются сложные схемы, включающие множество юридических лиц. Причём задачи, которые перед собой ставят расхитители те же самые, что и в рассмотренной второй разновидности механизма экономических преступлений в сфере аграрного производства. Однако, серьёзным отличием здесь является то, что механизм совершения названных преступлений, в данном случае, основан на сложностях, связанных с контролем производимой продукции.

Условно разделяя все виды механизмов совершения экономических пре-

ступлений в сфере аграрного производства, следует отметить их большое многообразие. Причём, все эти механизмы постоянно совершенствуются, появляются новые. Причиной тому, во многом, является технологическое усложнение аграрного производства. Наряду с повышением производительности, что является несомненным достоинством такого усложнения, появляется и возможность создания механизмов для скрытного хищения материальных и денежных средств. Тем более, что наблюдаются иногда и случаи, когда технология производства усложняется вовсе не для увеличения производительности, а именно для внедрения в эту технологию механизмов скрытого хищения.

Знание особенностей конкретного механизма совершения экономического преступления в сфере аграрного производства – это информационная основа, благодаря которой становится возможным успех расследования названных преступлений. Это объясняется тем, что расследование, как деятельность также предполагающая технологичность, строится на основании информации о технологической стороне совершённого преступления, которая выражается в механизме этого преступления.

УДК: 343.98:343.4

В.М. Фигурский, кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко, Украина

НАЧАЛО ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ НЕВЫПЛАТЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ, СТИПЕНДИИ, ПЕНСИИ ИЛИ ДРУГИХ УСТАНОВЛЕННЫХ ЗАКОНОМ ВЫПЛАТ ПО УПК УКРАИНЫ 1960 И 2012 г. г.

В статье проанализированы особенности начала досудебного расследования невыплаты заработной платы, стипендии, пенсии или других установленных законом выплат по новому УПК Украины 2012 г. Особенное внимание обращено на необходимости предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 175 КК Украины.

19 ноября 2012 года вступил в силу новый Уголовный процессуальный кодекс Украины. В соответствии с его положениями в уголовное процессуальное законодательство Украины вводится ряд новых институтов. В частности, вводится понятие «уголовные правонарушения» (которые будут подразделяться на преступления и уголовные проступки), ликвидируются стадия возбуждения уголовного дела и институт возвращения уголовного дела на дополнитель-

ное расследование; вводится новый субъект уголовного производства – «следственный судья» и тому подобное.

Хотелось бы остановиться на одном из институтов, который подвергся наиболее существенным изменениям, – начале досудебного расследования. Ведь учитывая постоянную тенденцию в стране к увеличению количества зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях (по данным Государственной службы статистики Украины в 2000 г. – 1,8335 млн.; в 2004 – 2,6296; в 2008 – 2,8743; в 2010 – 3,1124; в 2011 – 3,3465), вопрос надлежащего законодательного обеспечения начала досудебного следствия приобретает особое значение.

Поэтому в пределах статьи коротко проанализируем новеллы УПК Украины 2012 г. относительно начала досудебного расследования и сравним их с соответствующими положениями УПК Украины 1960 г. (на примере преступления, предусмотренного ст. 175 КК Украины – невыплата заработной платы, стипендии, пенсии или других установленных законом выплат).

В соответствии с УПК Украины 1960 г. досудебное расследование по делу начиналось после принятия решения о его возбуждении – вынесении соответствующего постановления. Возбуждение уголовного дела предусматривало обязательное существование достаточных поводов и законных оснований для принятия такого акта, которые законодатель четко и исчерпывающе выделял в ст. 94 УПК Украины.

УПК Украины 2012 г. по новому подошел к решению этого вопроса, четко не выделяя исчерпывающий перечень поводов для внесения сведений в Единый реестр досудебных расследований (далее – ЕРДР) и начала досудебного расследования. На них законодатель вскользь указывает в диспозиции ч. 1 ст. 214 УПК Украины, согласно которой «следователь или прокурор безотлагательно, но не позже 24 часов после получения заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления им из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, обязан внести соответствующие сведения в ЕРДР и начать расследование». Таким образом, следователь, прокурор не связаны предусмотренными в законодательстве поводами и могут получать информацию об уголовном правонарушении и из других источников, которые также будут считаться законными поводами.

Напомним, что согласно нормам УПК Украины 1960 г. по заявлению или сообщению о преступлении прокурор, следователь, орган дознания или судья обязывались не позже трехдневного срока принять одно из таких решений: 1) возбудить уголовное дело; 2) отказать в возбуждении уголовного дела; 3) направить заявление или сообщение за принадлежностью (ч. 1 ст. 97).

Новый же УПК Украины не предусматривает таких полномочий, а устанавливает единственную обязанность – безотлагательно, но не позже 24 часов

после получения заявления, сообщения о совершенном уголовном правонарушении или после самостоятельного выявления из любого источника обстоятельств, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения, внести сведения в ЕРДР и начать расследование. К тому же ч. 4 ст. 214 УПК Украины указывает, что следователь, прокурор, иное служебное лицо, уполномоченное на принятие и регистрацию заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях, обязаны принять и зарегистрировать такое заявление или сообщение. Отказ в принятии и регистрации заявления или сообщения об уголовном правонарушении не допускается.

Таким образом, в новом Законе отменена стадия возбуждения уголовного дела. Вместо этого, как видим, законодатель указывает, что досудебное расследование начинается с момента внесения сведений в ЕРДР (ч. 2 в. 214 УПК Украины). При этом постановление о возбуждении уголовного дела не выносится.

Серьезная проблема, которую, как представляется, порождает реализация этой нормы, заключается в том, что отсутствие формального начала уголовного производства делает невозможным отказ в возбуждении такого (в случае неподтверждения совершения уголовного правонарушения в результате предварительной проверки заявления или сообщения), обжалование факта его возбуждения, а также направление заявления или сообщения за принадлежностью (в случае обращения не по месту совершения преступления или обращения со сведениями о неподследственном конкретному органу уголовном правонарушении) и тому подобное. Таким образом, исходя из приведенных статистических данных и экстраполируя их на будущее, можно допустить, что с 20 ноября 2012 г. полномочные органы обязаны провести полное расследование свыше 3 млн. уголовных правонарушений. Значительная часть этих правонарушений не будет иметь судебной перспективы, а их расследование лишь повлечет ограничения прав и свобод граждан, деяния которых (возможно, фактически и не совершенные ими) станут предметом расследования.

Обратим внимание на еще одну интересную проблему. Напомним, что УПК Украины 1960 г. устанавливал правило, согласно которому в случае необходимости проверить заявление или сообщение о преступлении до возбуждения уголовного дела такая проверка производилась прокурором, следователем или органом дознания в срок не больше десяти дней путем отобрания объяснений от отдельных граждан или должностных лиц, истребования необходимых документов или проведения оперативно-розыскной деятельности (ч. 4, 5 ст. 97). То есть речь шла о так называемой предварительной проверке заявлений и сообщений о совершении преступления.

Исследуя этот вопрос на примере преступления, предусмотренного ст. 175 УК Украины, в рамках УПК Украины 1960 г., получаем вывод, что наряду с начальным этапом расследования целесообразно выделять этап предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях. Это предопределе-

но такими рассуждениями: 1) оба упомянутых этапа имеют собственные отличительные задачи; 2) обоим им свойственны специфические криминалистические средства разрешения этих задач; 3) поводы к возбуждению уголовного дела практически никогда не содержат достаточных сведений (то есть достаточного основания), которые указывают на наличие признаков анализируемого преступления; 4) и, в первую очередь, – результаты анкетирования, анализа следственной и судебной практики бесспорно подтверждают то, что большая часть доказательной информации собирается исключительно во время предварительной проверки сообщения о преступлениях и что именно от качества проведения этой проверки зависит в большей мере успех всего расследования по делу.

Однако, предусмотренный новым УПК Украины порядок начала досудебного расследования, фактически отменяет эту предварительную проверку. Следовательно сложилась ситуация, при которой следователи вынуждены расследовать самые абсурдные заявления и сообщения об уголовных правонарушениях, в то время как соответствующего следственного реагирования будет требовать уголовное производство в отношении тяжких или особо тяжких преступлений. Вряд ли это будет способствовать повышению качества досудебного расследования и эффективности защиты личности, общества и государства от уголовных правонарушений.

Однако, по моему глубокому убеждению, потребность в проведении соответствующей проверки с тем, чтобы начать досудебное расследование, как это предусмотрено в ст. 214 нового УПК Украины, не исчезла. Это подтверждает и анализ отдельных нормативно-правовых актов.

В первую очередь заметим, что следователь, прокурор обязаны внести сведения в ЕРДР лишь при условии, если они содержат обстоятельства, которые могут свидетельствовать о совершении уголовного правонарушения (ст. 214 УПК Украины). Конечно, такие обстоятельства в определенной мере могут указываться потерпевшим, заявителем (во время подачи заявления или сообщения) или частично могут быть выявлены самостоятельно следователем или прокурором из других источников. Однако, как свидетельствует практика, указанных сведений, как правило, не хватает, чтобы с уверенностью утверждать о том, что невыплата заработной платы, стипендии, пенсии или других установленных законом выплат имеет преступный характер. Ведь, как известно, Кодексом Украины об административных правонарушениях также установлена ответственность за нарушение установленных сроков выплаты заработной платы, стипендии, пенсии или выплату их не в полном объеме (ч. 1 ст. 41). Кроме того, лицо может заявить о невыплате ему вознаграждения, право на которое у него возникло в результате заключения гражданско-правовых договоров и тому подобное.

Представляется, что во всех этих случаях перед внесением сведений о

такой невыплате в ЕРДР и началом досудебного расследования необходимо убедиться в существовании достаточных оснований для этого, то есть – установить обстоятельства, которые могут свидетельствовать о совершении именно преступления, предусмотренного ст. 175 КК Украины. А это, так или иначе, часто будет требовать соответствующих проверочных действий, являющихся ничем иным, как предварительной проверкой заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях.

Заметим также, что законодатель, ликвидировав предварительную проверку, несколько непоследовательно в этой же статье указывает на возможность проведения в неотлагательных случаях до внесения сведений в ЕРДР осмотра места происшествия (ч. 3 ст. 214 нового УПК Украины). Целью этого процессуального действия при описанной ситуации, без сомнения, выступает обнаружение обстоятельств, которые могут свидетельствовать именно о совершении уголовного правонарушения. Из этого вытекает, что и сам законодатель, отменив стадию возбуждения уголовного дела, в то же время все же предусматривает возможность предварительной проверки заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях.

Однако «следователь, прокурор безотлагательно, но не позже 24 часов обязан внести соответствующие сведения в ЕРДР и начать досудебное расследование». То есть при необходимости, в распоряжении следователя (прокурора) есть лишь 24 часа для проведения этой предварительной проверки заявлений и сообщений об уголовных правонарушениях. Возникает вопрос: будет ли результативной эта проверка – без сомнения, нет. Кроме того законодатель не наделяет следователя (прокурора) соответствующими процессуальными средствами для осуществления такой проверки. Среди таких он выделяет лишь упомянутый осмотр места происшествия, в отличие от УПК Украины 1960 г. Обратим внимание, что в отмеченной категории уголовных производств, как показал анализ следственной и судебной практики, осмотр места происшествия, как правило, является лишним и, таким образом, практически не проводится.

Дискуссионным в этом аспекте является и «Положение о порядке ведения Единого реестра досудебных расследований», утвержденное приказом Генерального прокурора Украины № 69 от 17 августа 2012 г. В частности, согласно пункту 2. 2 раздела 2 этого положения, если в заявлении, сообщении, вопреки требованиям ч. 5 ст. 214 нового УПК Украины, не приведено достаточной информации о совершенном уголовном правонарушении, то для ее установления проводятся следующие действия: направление требования к учреждениям, предприятиям, организациям о предоставлении документов или определенных данных и тому подобное. Такие действия должны быть произведены в срок, который не превышает 7 дней. При неподтверждении во время проверки обстоятельств, которые свидетельствуют о совершении уголовного пра-

вонарушения, в соответствии с пунктами 1 или 2 ч. 1 ст. 284 УПК Украины принимается постановление о прекращении уголовного производства. При условии же установления обстоятельств, которые свидетельствуют о совершении уголовного правонарушения, проводится досудебное расследование в соответствии с требованиями ст. 214 УПК Украины. Создается впечатление, что Генеральный прокурор Украины пытается ликвидировать пробел нового УПК Украины касательно отсутствия предварительной проверки заявлений и сообщений о совершении уголовного правонарушения, предлагая заменить ее проверкой, которая в отдельных случаях может осуществляться, однако уже после внесения сведений в ЕРДР и начала расследования.

Однако заметим, что такая проверка и без того осуществляется в течение всего досудебного расследования. Поэтому стоит ли выделять ее в таком контексте? Как представляется – нет. Ведь следователь, прокурор в любом случае обязаны внести сведения о возможно совершенном уголовном правонарушении в ЕРДР и начать досудебное расследование (ч. 2 ст. 214 УПК Украины). А после начала досудебного расследования, как известно, следователь наделяется всем существующим арсеналом процессуальных средств для осуществления такого расследования, в том числе и возможностью проведения следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий. Тогда зачем ему ограничивать себя обозначенными в Положении о порядке ведения ЕРДР средствами проверки? К тому же по результатам такой проверки принимаются аналогичные решения, которые могут иметь место и на досудебном расследовании – продолжается досудебное расследование или принимается постановление о прекращении уголовного производства. Таким образом, как представляется, такая проверка ни чем не отличается от полноценного досудебного расследования. А потому кажется неоправданной и лишней.

О существовании предварительной проверки заявлений и сообщений Генеральный прокурор Украины упоминает и в приказе № 3гн от 7 ноября 2012 г. «Об организации прокурорского надзора за соблюдением и применением законов». Так, в п. 12 этого приказа зафиксировано, что «по результатам проведенных проверок в случае выявления нарушений закона необходимо... начинать досудебное расследование...». Из приведенного четко выплывает, что урегулированные этим приказом проверки могут осуществляться и до начала досудебного расследования.

Из короткого анализа отдельных положений приведенных нормативно-правовых актов делаем вывод о необходимости предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях, в том числе предусмотренных ст. 175 КК Украины. Однако на практике, согласно требованиям нового УПК Украины, ее невозможно реализовать. Это предопределено, в первую очередь, тем, что законодатель лишил следователя (прокурора) и имевшего место (по УПК Украины 1960 г.) минимального арсенала процессуальных средств проведения

таковой, и достаточного времени на ее проведение. Таким образом, этап предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 175 КК Украины, не сможет выполнять определенных задач, ему свойственных, и, следовательно, быть достаточно результативным. Что же касается проанализированных положений, то, как представляется, они должны быть приведены в соответствие с требованиями нового УПК Украины, или же законодатель должен пересмотреть позицию относительно необходимости существования предварительной проверки заявлений и сообщений о уголовных правонарушениях и отобразить ее в соответствующих нормах УПК Украины.

УДК 343.131

Ш.Н. Хазиев, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора проблем правосудия Института государства и права РАН, г. Москва

СУДЕБНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛЕВШЕСТВА НЕИЗВЕСТНОГО ПРЕСТУПНИКА ПО ЕГО СЛЕДАМ

Статья посвящена установлению левшества преступника по его следам на месте происшествия. Рассматриваются данные об отображении леворукости человека в следах рук, ног, орудий и инструментов, в особенностях выполнения ручных швов, вязания узлов и петель.

Достоверно установленная информация о признаках неизвестного преступника, необходимая для его успешного поиска, включает в себя данные об общефизических, анатомо-морфологических, функциональных, сопутствующих и иных свойствах искомого человека. В структуре этой поисковой информации немаловажное значение занимают данные о левшестве (правшестве) неизвестного преступника. Кроме того, факт установления левшества человека помимо розыскного может иметь и доказательственное значение.

В истории криминалистики неоднократно имели место случаи успешного раскрытия сложных неочевидных преступлений благодаря установлению факта левшества преступника. Предпосылками выводов о левшестве (леворукости) преступника, как правило, служили установленные в ходе осмотра места происшествия данные о выполнении им левой рукой различных операций (действий), обычно осуществляемых правой рукой. Эти данные устанавливались, главным образом, путем анализа обстановки места происшествия и следов рук на различных объектах. Нередко основанием для выводов о левшестве преступника служили результаты судебно-медицинского исследования поврежде-

ний тела убитого.

В литературе имеются данные о различной оценке соотношения левшей и правой среди населения. По одним оценкам левши составляют 9 -10 процентов взрослого населения, по другим - до 30%. Имеются данные о том, что левши расселены неравномерно: в Азии они составляют примерно 8 процентов, в США - 13 процентов населения. Европа занимает промежуточное положение, хотя по некоторым сообщениям в ФРГ левши составляют 20 процентов населения [1].

Считается, что число левшей в мире неуклонно растет и недалеко то время, когда до 40% людей будет писать левой рукой.

Установлено, что левшество часто передается по наследству. По данным статистики, почти половина детей в семьях, где родители левши, тоже левши. Рождение левшей нельзя объяснить только наследственностью. Так по меньшей мере 84 процента левшей рождаются от обычных родителей. Из 12 процентов близнецов один ребенок оказывается правой, а другой - левой.

Говоря о леворукости, необходимо иметь в виду, что она может быть не только врожденной, но и приобретенной (вынужденной). Приобретенная леворукость, как правило, обусловлена такими заболеваниями, как паралич правой половины тела, поражения суставов правой руки, травмы, ампутации.

Основаниями для выдвижения версии о левшестве или вынужденном леворучном характере действий неизвестного преступника или иного интересующего следствие лица могут стать результаты осмотра места происшествия и отдельных вещественных доказательств, показания очевидцев, результаты следственного эксперимента, заключения экспертов. Факт выполнения каких-либо действий левой рукой сам по себе еще не свидетельствует о левшестве субъекта. Наиболее достоверными признаками левшества орудовавшего на месте происшествия человека могут явиться:

а) наличие следов левой руки на предмете, предназначенном для манипулирования правой рукой;

б) наличие следов левой руки на объектах материальной обстановки места происшествия, к которым в данных условиях удобнее было прикасаться правой рукой;

в) наличие следов орудий и инструментов, признаки которых свидетельствуют о выполнении относительно сложных операций удержанием в левой руке;

г) характер износа предмета, заведомо принадлежащего проверяемому лицу.

Наиболее подробно трасологические возможности определения руки, оставившей следы, изучены и описаны в дактилоскопии. Определение руки, образовавшей след папиллярного узора или контуров кисти и пальцев, осуществляется на основании анализа двух больших групп признаков - биомеханиче-

ских и морфологических. К числу первых относятся:

- расположение следов рук на следовоспринимающем объекте;
- взаимное расположение следов пальцев одной руки;
- преимущественное отображение одной из половин папиллярных узоров в следах пальцев при захвате предмета;
- характер искажений узоров и их деталей в следах, направление мазков и участков сдвига.

Ко второй группе относятся следующие признаки:

- наклон осей симметрии в узорах;
- направление раскручивания спиралей в завитковых узорах;
- преимущественно ульнарная ориентация узоров;
- направления и степень изгиба потоков папиллярных линий;
- плотность распределения деталей и их сочетаний на одноименных участках папиллярного узора пальцев и ладоней обеих рук.

По мнению большинства исследователей [2;5] соотношения бимануальных различий в строении папиллярного узора и функциональной разносторонности рук еще недостаточно ясны и требуют дальнейших исследований.

При исследовании следов разреза, произведенного ножом, для диагностики леворучного характера действий имеет значение встречный угол, образуемый линией резания и линией лезвия. Встречный угол условно отсчитывается вправо от направления движения режущего инструмента [3;4]. Острый угол характерен для резания правой рукой, а тупой - левой. Отклонение образуемых на следовоспринимающем объекте трасс от продольной оси влево дает основание для вывода о том, что разрез произведен левой рукой, а при отклонении вправо - правой. При пользовании этой рекомендацией нужно учитывать, что острый угол встречи в следах резания правой рукой образуется лишь при резании предмета «от себя». Могут быть случаи (срезание высоко расположенных веток дерева или, наоборот, веток низких кустов), когда для удобства резание осуществляется «к себе» и при резании ножом левой рукой может образоваться острый встречный угол, а правой - тупой.

Весьма интересные данные получены нами в результате экспериментов по разрезанию листов бумаги ножницами правой и левой рукой. При разрезании стандартного листа пополам ножницами в правой руке на правой половине линия разреза является более выпуклой, нежели на левой половине (определяется совмещением начальных и конечных точек разреза). При резании ножницами, удерживаемыми левой рукой, наблюдается обратная картина.

Аналогичное явление в большинстве случаев наблюдается и при разрезании ножницами ткани.

Дугообразная форма линии разрезания ножницами, по нашему мнению, объясняется следующими причинами. При резании ножницами предмет удерживается свободной рукой и точка его удержания служит как бы центром, во-

круг которого незаметно для глаз по дуге несколько смещается линия резания. Кроме того, руки при движении от себя вперед описывают дугу, выпуклой стороной обращенную в противоположную сторону. Наложение этих двух тенденций и дает образование дугообразной линии разреза.

На трасологическое исследование нередко поступают вскрытые консервные банки и наряду с другими иногда ставится вопрос о том, какой - правой или левой рукой вскрыта банка. Консервные изделия открываются, как правило, консервными ножами или ножами, имеющими достаточно острый конец и прочный клинок, Инструмент при этом располагается в одной руке, а само изделие плотно прижимается к основе (столу, стойке и т.п.) или к телу открывающего. При орудовании консервным ножом рычажного типа, ножом в виде зубчатого колеса с клинком направление разреза ориентируется против хода часовой стрелки при открывании правой рукой, а при открывании левой рукой - по ходу часовой стрелки. В случае использования для открывания консервного изделия «обычным», неприспособленным для этого ножом, картина будет другой: направление разреза по краю крышки будет ориентировано против хода часовой стрелки при манипулировании левой рукой, П-образное отверстие, образуемое в момент первого прокола крышки тупым концом (краем) всегда вправо, а при открывании правой рукой - наоборот. При решении этого вопроса важнейшим условием является правильное определение типа и вида инструмента, которым пользовался человек для открывания банки. Направление движения клинковой части консервных ножей, как правило, трудностей не вызывает.

Трасологическое исследование оставленных преступником на месте происшествия и заведомо принадлежащих ему орудий и инструментов в отдельных случаях позволяет решить вопрос о левшестве их владельца. На инструментах ударного действия (молотках, бородках, колунах, обухе топора и т. д.) при длительном употреблении их левой рукой образуются специфические изменения: скошенность левой половины бьющей части, ее большая деформированность (износ); соскобы и углубления, имеющиеся на бьющей части более крутой стороной обращены влево. На инструментах рубящего действия большому износу подвергается противоположная действующей руке сторона полотна рабочей части; рукояти на участках обхвата кисти более отполированы со стороны действующей руки. У клинковых режущих и колюще-режущих объектов изгибы на некоторых участках кромки лезвия (как правило, ближе к острию) располагаются со стороны действующей руки; большой износ полотна клинка со стороны, противоположной действующей руке. Эти и другие признаки, выявляемые при исследовании орудий и инструментов, следует оценивать в совокупности со специальным назначением предмета, степенью износа в целом, характером действий, которые были осуществлены с его помощью на месте происшествия.

Для установления руки, которой выполнялись действия по разрезу, разрубку, перекусыванию шнуров и проводов, распилу, откупориванию бутылок, вывинчиванию винтов и шурупов и т.д., необходимо провести соответствующие эксперименты с учетом возможных ситуационных факторов.

Весьма высока степень достоверности выводов при установлении левшества человека, вязавшего узлы. В структуре большинства известных узловых соединений однозначно отражается левосторонняя или правосторонняя направленность движений при выполнении как отдельных простых элементов, так и узла в целом. Асимметрия узлов обусловлена распределением функций рук при удержании и манипулировании основной я ходовым концом. При оценке значимости левосторонней вязки узлов, особенно сложных, следует иметь в виду, что навык завязывания левого узла может быть обусловлен не только левшеством, но и тем, что лицо, обучавшее данному способу вязки узла проверяемого человека было левшой.

По степени достоверности и приемам исследования к левосторонним узлам близки ручные швы, выполняемые левшами.

Соединение деталей между собой нитками ручным способом производится при помощи стежков, строчек и швов. Все ручные стежки (кроме крестообразных) выполняются справа налево. Факт выполнения стежков слева направо может стать важным признаком левшества исполнителя.

Направление выполнения стежков в шве определяется путем анализа местоположения начала строчки (наличие узелка), наклона стежков, местоположения завершающих (закрепляющих) стежков и узелков. Наиболее информативными в рассматриваемом нами аспекте являются косые сметочные стежки, обметочные стежки, косые подшивочные стежки, вспушные стежки, петельные стежки.

Трасологическими методами может быть установлен факт левшества человека путем исследования его обуви, одежды, некоторых личных вещей. В случаях исследования таких объектов целесообразно проводить комплексную экспертизу с привлечением судебных медиков, врачей-ортопедов, технологов и специалистов других профилей.

К внешним проявлениям левшества, позволяющим проверить версию о леворукости подозреваемого лица следственным путем, можно отнести следующие наиболее броские внешние признаки, описанные в естественнонаучной литературе: величина ногтевого ложа больших пальцев рук больше на стороне ведущей руки; в «позе Наполеона» у правой кисти правой руки оказывается на левом предплечье, а левая кисть находится над правым предплечьем, у левшей - соотношения противоположные; у левшей на тыльной поверхности левой кисти венозная сеть богаче, чем на правой. Манипулирование левой рукой является признаком, который во многих случаях выражен слабо, так как многие врожденные левши в детстве подвергаются интенсивному «пере-

учиванию».

Включение данных о признаках, свидетельствующих о левшестве или вынужденных леворучных действиях, в банк экспертных знаний, составляющий основу методик многих подвидов трасологической экспертизы, а также методик ситуалогического анализа, является неотложной и насущной задачей криминалистической и судебно-экспертной науки.

Список литературы

1. Архипов А. Левши [Текст] // Советская торговля, 1989, 16 сентября.
2. Гладкова Т.Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека. [Текст] / – М.: Наука, 1966. – С. 74-76.
3. Грановский Г.Л. Основы трасологии. Общая часть [Текст] /. - М.: ВНИИ ООП МООП РСФСР, 1965.
4. Грановский Г.Л. Основы трасологии. Особенная часть [Текст]. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1974.
5. Leche S.M. Handedness and bimanual dermatoglyphic differences [Текст] // Amer. J. Anat., 1933, v. 53.

УДК 343.985.7

О.В. Цуканова, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск, старший следователь Следственного отделения Курского линейного отдела МВД России на транспорте

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

В статье раскрывается специфика совершения преступлений на объектах железнодорожного транспорта и особенности расследования преступлений данной категории, рассматриваются некоторые теоретические и практические проблемы расследования, анализируется оперативно-служебная деятельность УТ МВД России по ЦФО за 2012 год.

Железнодорожный транспорт составляет основу транспортной системы нашей страны. Перевозки пассажиров, багажа и грузобагажа имеют большое социально-экономическое значение, определяемое регулярностью и универсальностью перевозок независимо от времени года и климатических условий, разветвленностью сети железных дорог и их высокими провозными возможностями. Около 40 % пассажирских перевозок осуществляется железнодорожным транспортом. Особое внимание уделяется организационно-техническим мерам безопасности пассажиров, благодаря чему железнодорожный транспорт счита-

ется одним из самых безопасных видов транспорта.

С появлением железной дороги криминалистам пришлось столкнуться с особенностями преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта, а также с проблемами, возникшими при раскрытии преступлений данной категории.

Сотрудники транспортной полиции, на которых возложены основные обязанности по борьбе с преступностью на объектах железнодорожного транспорта, кроме правовых знаний должны обладать познаниями в области функционирования железнодорожного транспорта, начиная от структуры и работы железнодорожных организаций, порядка обслуживания пассажиров и перевозки грузов, правил ведения документации, системы транспортных путей и станций, до классификаций и частей вагонов.

Для эффективной организации процесса раскрытия преступлений на железнодорожном транспорте необходимо учитывать особенности функционирования этого вида транспорта, который, в ряде случаев, усложняет предупреждение и раскрытие преступлений, выявление лиц, их совершивших, установление свидетелей и очевидцев, где явно прослеживается специфика борьбы с преступностью органов внутренних дел на транспорте в отличие от территориальных органов внутренних дел.

Можно выделить следующие специфические особенности:

- большая протяженность обслуживаемых участков железной дороги,
- оборудование железнодорожного полотна средствами связи, сигнализации, блокировки, вывод из строя элементов которых непосредственно влияет на безопасность движения и возможность движения поездов
- сложная структура организации работы железнодорожных организаций, графиков движения поездов
- круглосуточный непрерывный режим работы объектов железнодорожного транспорта (вокзалы, станции, поезда)
- относительно свободный доступ к объектам железнодорожного транспорта (как к объектам станций, так и к подвижным составам)
- возможность использования подвижного состава, багажных отделений, контейнеров, технологических помещений и отверстий вагонов для транспортировки нелегальных, запрещенных предметов,
- скопление большого количества людей на станциях, вокзалах, залах ожидания,
- динамичность движения грузопассажирского потока во времени и в пространстве, как на станциях, так и в поездах,
- удаленность места жительства потенциальных участников уголовного судопроизводства от места совершения преступления,
- наличие большого количества профессиональных терминов и обозначений, и др.

Данные обстоятельства сказываются на состоянии криминогенной обстановки на территории обслуживания линейных подразделений полиции, и не могут не учитываться при организации процесса раскрытия и расследования преступлений. Такая ситуация провоцирует необходимость разработки тактических приемов и криминалистических методик расследования и раскрытия преступлений на объектах железнодорожного транспорта.

Наглядно можно рассмотреть ситуацию на примере УТ МВД России по ЦФО: «Оперативное обслуживание объектов УТ МВД России по ЦФО осуществляют 6 ЛУ МВД России, 22 ЛО МВД России. Им подчинены - 19 линейных отделов полиции, 35 линейных отделения полиции и 123 линейных пункта полиции.

Зона обслуживания УТ МВД России по ЦФО включает в себя около 15000 км железной дороги и объекты, расположенные на железной дороге. Московская железная дорога, Московское отделение Октябрьской железной дороги, Юго-Восточная железная дорога входят в состав ОАО «РЖД», учредителем и единственным акционером которого является Российская Федерация. ОАО «РЖД» было учреждено постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2003 г. № 585.

На участке оперативного обслуживания дислоцируются 90 вокзалов, 1092 станции и 3214 посадочных платформ. Имеется 104 грузовых и 14 сортировочных станций, 286 погрузочно-выгрузочных и 78 контейнерных площадок.

На объектах обслуживания УТ МВД России по ЦФО за 2012 год было зарегистрировано 10627 преступлений. Из них раскрыто 4558, выявлено 4271 лицо их совершившее, остаются нераскрытыми 5897 преступлений.

В структуре зарегистрированных преступлений преобладают кражи - 5038 (их удельный вес от зарегистрированных 47,4%), преступления экономической направленности - 853 (их удельный вес от зарегистрированных 8%), преступления в сфере незаконного оборота наркотиков - 1723 (их удельный вес от зарегистрированных 16,2%), преступления, связанные с незаконным оборотом оружия и боеприпасов - 217 (их удельный вес от зарегистрированных 2%). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, от общего числа зарегистрированных, составил 19%».

Обстоятельства, подлежащие установлению по конкретному виду преступлений, определяется соответствующей статьей Уголовного Кодекса, устанавливающей ответственность за преступление данного вида и некоторыми статьями Уголовно-процессуального кодекса. Расследование преступлений конкретного вида, будь то кража, убийство или любое другое преступление, при совершении на объектах железнодорожного транспорта всегда будет дополнено присутствием характерных особенностей, продиктованных спецификой работы железнодорожного транспорта.

Криминалистическая характеристика преступлений — это система (ком-

плекс) криминалистически значимой информации о преступлении, разрабатываемая и используемая для повышения эффективности выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Имеющиеся на сегодняшний день научные труды в области криминалистики не учитывают в полной мере специфику железнодорожного транспорта при расследовании преступлений. На практике при расследовании транспортных преступлений следователь сталкивается с конкретной ситуацией. При этом понять частную ситуацию можно только через познание «всеобщего», образованного на базе анализа нескольких частных ситуаций. Функцию всеобщего выполняет «криминалистическая характеристика», которая служит источником исходных сведений о преступлении для организации работы следователя.

Основными элементами характеристики преступления являются: предмет преступного посягательства, способ совершения и сокрытия преступления, личность преступника, типичные следы преступления, обстановка совершения преступления. С учетом особенностей функционирования железнодорожного транспорта образуется ряд особенностей совершения преступлений, характерных только для указанной категории:

- место совершения преступления – территория станций, вокзалов или подвижной состав,

- способы совершения преступления могут быть самыми разнообразными (при совершении хищений можно выделить хищения, совершенные путем свободного доступа к багажу или грузу, с проникновением в закрытое купе или грузовой контейнер, совершенные комбинированными способами),

- потерпевшим выступает физическое либо юридическое лицо, пользующееся услугами железнодорожного транспорта, причем, часто жертвами преступления становятся пассажиры, которые в момент совершения преступления спали, либо находились в состоянии опьянения, а также пассажиры, которые не следили за своими вещами, оставляя их в легкодоступных для преступника местах (например, на столике купе, или в тамбуре вагона, перенося вещи частями),

- преступник, как правило, физическое лицо, пользующееся услугами железнодорожного транспорта (пассажир), либо лицо, воспользовавшееся ситуацией, созданной особенностями железнодорожного транспорта (большое скопление людей на вокзале либо при посадке в поезд, дающее возможность незаметно совершить преступление, скрыться в толпе), часто – лицо, знающее структуру работы железнодорожного транспорта, либо работник железной дороги

- часто после совершения преступления преступник старается спрятать похищенное в поезде, либо покинуть место преступления, сойдя с поезда на ближайшей станции,

- в большинстве случаев преступник старается скрыть следы преступле-

ния, выбросив «лишнее» из поезда, либо в тамбур или мусорные ящики; иногда выбросив похищенное на обочину железнодорожного полотна с целью вернуться за ним,

- обстановка совершения преступления, где в первую очередь необходимо выделить место и время совершения преступления (на транспорте место совершения преступления в большинстве случаев не совпадает с местом обнаружения преступления, при этом часто ситуация сопровождается значительным временным разрывом, и изменением обстановки на месте преступления, что существенно влияет на эффективность расследования).

Перечисленные особенности и характеристики совершения преступлений провоцируют особенности расследования преступлений данной категории.

Расследование преступления – это комплекс мероприятий, направленный на раскрытие преступления и изобличение преступника. Расследование осуществляется следователем или дознавателем в тесном взаимодействии с оперативно-розыскными службами, экспертными подразделениями, кинологическими службами, территориальными отделами полиции, территориальными отделами транспортной полиции (как правило, следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по расследованию преступлений на транспорте редко производятся на территории одного отдела полиции). В особых условиях железнодорожного транспорта особое значение имеет оперативность, профессиональная грамотность и опыт, целенаправленность действий оперативного работника и следователя, которые в настоящее время приобретаются в большей степени на личном опыте сотрудников транспортной полиции. В связи с дефицитом времени и информации, изменением обстановки объектов, на которых совершено преступление; перемещением во времени и пространстве преступников, очевидцев преступления, и невозможности сохранения самого места преступления, наиболее важным и сложным является первоначальный этап расследования. На данном этапе очень важна организация и планирование расследования, грамотный подбор сотрудников при создании следственно-оперативных групп.

При изучении следственной деятельности выявляются, анализируются и обобщаются закономерности, связанные с возникновением и развитием следственных ситуаций на всех этапах процесса расследования, а также между характером принимаемых следователем решений о путях, методах и средствах расследования и криминалистическими особенностями отдельных видов преступлений. Систематизация следственных ситуаций позволила выработать типовые комплексы тактико-методических приемов, ведения следствия, учитывая особенности расследуемых преступлений, над чем работали многие криминалисты.

Е.П. Ищенко определяет криминалистическую методiku расследования – как систему научных положений и разрабатываемых на их основе практиче-

ских рекомендаций, базирующихся на изучении закономерностей криминальной и следственной деятельности, которые оптимизируют организацию и осуществление расследования отдельных видов преступлений.

С.А. Голунский считал, что «никаких шаблонных методов, которые можно было бы механически применить при расследовании различных дел, нет. Не только методика расследования отдельных категорий дел, но и методика расследования каждого конкретного дела отличается рядом индивидуальных особенностей».

Несомненно, каждое преступление уникально, и применять определенную методику расследования необходимо с учетом поставленных задач относительно конкретного преступления, профессионального опыта следователя и учетом критериев допустимости метода. Однако, наличие особенностей работы железнодорожного транспорта, как одной из важнейших сторон жизни общества на современном этапе развития, привело к появлению особой категории преступлений – на объектах железнодорожного транспорта, что в свою очередь, спровоцировало необходимость разработки и внедрения в практическую деятельность общих и частных методик расследования преступлений данной категории. Материалы судебной и следственной практики свидетельствуют о серьезных недостатках и упущениях, вызванных сложностью производства следственных действий при расследовании преступлений данной категории, особенно на первоначальном этапе расследования и недостаточной разработанностью методики расследования преступлений на объектах железнодорожного транспорта. Все это требует постоянной научной разработки и совершенствования имеющихся методов и приемов выявления и расследования, а также предупреждения преступлений данной категории.

Список литературы

1. Голунский С.А. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений [Текст]. – М., 1939.
2. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений [Текст]. - Минск, 2001.
3. Ищенко Е.П.. Криминалистика [Текст]. Учебник. 3-е издание переработанное и дополненное. - М., 2011.
4. Комплексный анализ и оценка оперативно-служебной деятельности УТ МВД России по ЦФО по итогам работы за 2012 год [Текст].
5. Тюнис И.О. Криминалистика [Текст]. Учебное пособие. - М., 2010.
6. Утевский А.Б. Предупреждение и раскрытие преступлений оперативными аппаратами органов внутренних дел на транспорте [Текст]. - М., 1986.
7. Криминалистика [Текст] Учебник для бакалавров под ред. Филипова А.Г.. 2-е издание переработанное и дополненное. - М., 2013.

УДК 343.147

М.В. Шайкова, кандидат психологических наук, доцент Курского государственного университета

СУДЕБНЫЙ ЭКСПЕРТ И ЕГО КОМПЕТЕНЦИЯ

В статье раскрываются компетенции судебного эксперта, профессиональные возможности государственных и негосударственных экспертов.

Профессиональная деятельность судебного эксперта существенно отличается от иных видов и родов исследовательской деятельности человека. Судебный эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями, назначенное судом в порядке, установленном процессуальным законодательством (ст. 79 ГПК РФ, 55 АПК РФ, 57 УПК РФ, 25.9 КоАП РФ) для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Экспертом может быть назначено любое лицо, обладающее необходимыми для дачи заключения знаниями. Закон не требует, чтобы судебная экспертиза в обязательном порядке выполнялась сотрудниками государственных экспертных учреждений. Судебные экспертизы проводятся экспертами государственных и негосударственных экспертных учреждений, сотрудниками неэкспертных учреждений, частными экспертами, либо иными специалистами.

Государственным судебным экспертом, производящим судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей, может быть только аттестованный сотрудник государственного судебно-экспертного учреждения (ст. 12 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»), а именно: судебно-экспертных учреждений Минюста России; экспертно-криминалистических подразделений МВД России; судебно-медицинских и судебно-психиатрических учреждений Министерства здравоохранения России; судебно-медицинских лабораторий Минобороны России; экспертных подразделений ФСБ, ФСНК, МЧС России и других государственных судебно-экспертных учреждений, создаваемых в порядке, определенном ФЗ ГСЭД, федеральными органами исполнительной власти или органами исполнительной власти субъектов.

Помимо государственных судебных экспертов судебные экспертизы, согласно ст.41 ФЗ ГСЭД, процессуальным кодексам и КоАП РФ, могут производить и иные лица, обладающие специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющиеся государственными судебными экспертами и вызванные для дачи заключения. Такими судебными экспертами могут являться:

- пенсионеры, в прошлом сотрудники государственных экспертных учреждений;

- частные эксперты-профессионалы, у которых эта деятельность является основной;
- эксперты-сотрудники негосударственных судебно-экспертных учреждений;
- сотрудники неэкспертных организаций, являющиеся специалистами в необходимой области знания.

Компетенция – круг полномочий, предоставленных законом или иным актом конкретному органу или должностному лицу; круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом.

Компетенция судебного эксперта – это круг полномочий, предоставленных эксперту законодательством о судебной экспертизе. Компетенция эксперта (от лат. *competere* – соответствовать, быть годным) может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, это круг полномочий, права и обязанности эксперта, которые определены процессуальными кодексами и КоАП РФ; во-вторых, это комплекс знаний в области теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода или вида.

Различают объективную компетенцию, то есть объем знаний, которыми должен владеть эксперт, и субъективную компетенцию – степень, в которой конкретный эксперт владеет этими знаниями. Субъективную компетенцию часто называют компетентностью эксперта. Она определяется его образовательным уровнем, специальной экспертной подготовкой, стажем экспертной работы, опытом в решении аналогичных экспертных задач индивидуальными способностями. Согласно ст.13 ФЗ ГСЭД компетентность государственного судебного эксперта проверяется и удостоверяется экспертно-квалификационными комиссиями.

Компетентность судебного эксперта оценивается в процессе выбора сведущего лица и решения вопроса о его назначении в качестве судебного эксперта.

Недостаточная компетентность или отсутствие таковой является основанием для отвода эксперта (п.3 ч.2 ст.70 УПК РФ). В других кодифицированных законах норма об отводе эксперта в случае, когда обнаружится его некомпетентность, отсутствует.

Ряд ученых-процессуалистов, например авторы комментария к АПК РФ 2007 года[1], полагают, что это обоснованно, поскольку лицо, которое не обладает специальными знаниями, если даже будет призвано в качестве эксперта, вряд ли сможет представить Арбитражному суду квалифицированное заключение. Кроме того, лица, участвующие в деле, вправе высказывать свои сомнения в выборе конкретного эксперта, а заключение эксперта как одно из доказательств подлежит оценке наряду с другими доказательствами и не будет принято судом при недостаточной обоснованности. В тех случаях, когда заключение эксперта вызывает сомнения в использованных методиках, в его компетен-

ции, закон предусматривает производство дополнительной или повторной экспертизы. Авторы упомянутого комментария уповают на то, что эксперт сам может отказаться от дачи заключения, если не обладает необходимыми знаниями.

Противоположной точки зрения придерживаются авторы комментариев к АПК РФ и ГПК РФ[2]. Вопрос о том, насколько квалифицировано составленное заключение, то есть вопрос об оценке заключения эксперта, весьма сложен, поскольку судьи не обладают специальными знаниями и им трудно, учитывая, что в современных условиях научно-технической революции экспертные методики все более усложняются, глубоко разобраться в экспертных технологиях. Судьи оценивают заключение эксперта в основном по формальным признакам. Что касается отказа эксперта от производства экспертизы, то он может добросовестно заблуждаться и не видеть своих ошибок. Поэтому представляется, что, если некомпетентность эксперта обнаружена еще на начальном этапе при назначении экспертизы, должна быть обеспечена возможность его отвода.

Таким образом, экспертная профессиональная деятельность должна сочетать субъективное и объективное в исследовании представленных на экспертизу объектов и оценке результатов этого исследования, в подходе к решению вопросов, поставленных перед экспертом, в выборе методик исследования, в полноте анализа и формулировке заключения, обеспечит творческий подход и инициативу, самоконтроль и требовательность к себе как в процессе производства экспертизы, так и на стадии формирования убеждения и его оценочной роли.

Список литературы

1. Постатейный комментарий к АПК РФ / под ред. П.В. Крашенникова [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 24.03.2013.
2. Комментарий к АПК РФ (постатейный) / отв.ред. М.С.Шакарян. С.54-55 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 24.03.2013.
3. Комментарий к ГПК РФ / под ред. В.М.Жуйкова и М.К. Треушникова [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 24.03.2013.

Т.Н. Шамонова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СЛЕДОВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются особенности судебно-биологической экспертизы тканей и выделений человека (в т.ч. запаховых следов): проведение предварительный исследований биологических объектов, а также учет их комплексного характера (сочетание многих следов); вопросы решаемые СБЭ в современных условиях.

При расследовании преступлений, в частности их насильственных видов, нередко изымают следы биологического происхождения, оставляемые людьми. Одной из особенностей подготовки при назначении биологической экспертизы объектов крови, иных тканей и выделений является их предварительное исследование (обычно кровь, сперма, волосы), осуществляемое на месте происшествия. Часто это обусловлено природой таких следов. В окружающей нефизиологической среде они могут быстро изменять свойства и признаки (цвет, физическое состояние, форма и др.). Если они в виде микроследов, их трудно отыскать; нередко их маскирует поверхность, где эти объекты находятся. Коричневые пятна крови, например, принимают порой за ржавчину; кровь может иметь и серый, и черный цвет, и даже зеленый (при загнивании).

Оттого подозрительные следы сначала подвергают исследованию: кровь определяют реагентом Гемофан (и пробой с перекисью водорода, люминолом и пр. реагентами). Биологи используют для этого специальные средства и методы. Это исследование нельзя производить, если имеется один-два следа или они малы, чтобы их не уничтожить. К тому же специфика крови, спермы, пота, иных объектов организма человека заключается в «недолговечности» их существования во времени: их биологическая активность снижается под воздействием температуры, влажности, солнца, и может быть даже утрачена.

Поэтому практическим работникам нужно об этом знать: данные факторы могут воспрепятствовать использованию этих следов в расследовании. Поэтому без промедления их надо изымать, обеспечив хранение до производства экспертизы. Все манипуляции с данными объектами подчиняются правилам, специально принятым для сохранности их свойств и признаков [1.С.4-5,91-103].

Учитывая также имеющуюся в этих объектах информацию о биологических свойствах индивидуума, их исследования могут служить установлению лиц, совершивших преступление, еще на стадии возбуждения уголовного дела. Обычно такой предварительный анализ проводит специалист-биолог эксперт-

ной службы органов внутренних дел (ОВД) для выявления групповых характеристик объектов (видовая и групповая принадлежность). Но даже морфологическое изучение волос под микроскопом позволяет установить их происхождение от человека или животного, признаки заболевания, например, бифуркацию и др. болезни, иные особенности: окрашивание, механические повреждения и т.д. Подобные экспресс-исследования дают возможность следствию использовать полученные данные для сужения круга лиц, среди которых нужно искать подозреваемых. Реже к исследованиям такого рода привлекают судмедэксперта или иного врача Минздрава. Однако на месте осмотра далеко не всегда у специалиста есть необходимая приборная база и реагенты либо ПКЛ (передвижная криминалистическая лаборатория), специально оборудованная для производства таких исследований [2.С.91-103]. Этими условиями и возможностями располагают биологические лаборатории в экспертных учреждениях Минздрава и МВД, и Министерства обороны России, в которых осуществляется производство судебно-биологических экспертиз.

Существенные изменения в уголовно-процессуальном законе в марте 2013г. (ст.144 УПК РФ) [3]: включение законодателем ряда следственных действий в содержание проверки заявлений и сообщений о преступлении, в том числе и производство судебной экспертизы, казалось бы, сделали ненужным на данной стадии предварительные исследования. Конечно, следователи будут всегда использовать возможность: назначать соответствующие экспертизы еще до возбуждения уголовного дела. Но не все так просто, а судя по внесенным дополнениям в указанную норму, проверка может осуществляться в пределах одного месяца (с учетом даже продления ее срока).

Вряд ли в такой период времени будет произведена судебно-биологическая экспертиза, полное исследование изъятых объектов, как правило, имеющих комплексный характер: совокупность различных следов биологической природы. Эти следы обычно содержат признаки и вероятного преступника: волосы с его головы, кровь, пот (в них возможны запаховые следы); частицы эпидермиса и слюна и пр., и жертвы (тоже в сочетании), и следов иной природы: волокна; различные вещества с орудий и места события (их нередко выявляют вместе с наложениями крови, пота и прочих объектов). Исследование множества указанных объектов требует более длительное время, нежели определил законодатель, в частности и комплексная экспертиза, и применение в ней различных методов комиссией экспертов. Однако экспертизы одного-двух объектов, конечно, в указанный срок могут быть исполнены.

Надлежащее оформление направляемых на экспертизу объектов (предметов и следов) важно для качества ее проведения. Однако многие факты неправильного их оформления происходят во время их изъятия с мест проведения следственных действий и до предоставления экспертам. Так, в протоколах осмотров мест происшествий и предметов, освидетельствования, обыска, провер-

ки показаний эти объекты часто отражают без индивидуальных признаков и мест их обнаружения и не фиксируют фото- (видео) съемкой (для биологических объектов следует указывать и время их выявления, а для запаховых следов еще и наличие посторонних (фоновых) запахов) Упаковка подобных объектов не всегда обеспечивает сохранность изъятого; тогда, как и она должна являться средством индивидуализации. Указанное расценивается как нарушение требований ч.3 ст.177 УПК об обязательном помещении в упаковку, опечатывании и удостоверении изымаемых предметов при осмотре. Сомнение в подлинности объектов, их относимости к расследуемому событию вызвано обычно игнорированием данных требований следствием [4. С.59-60].

Если обратиться к истории исследуемой проблемы, то в XIX в. эксперты определяли лишь характер биологических объектов с помощью микроскопа

(отличие человека от животных). Скрытые же свойства тканей и выделений человека стали выявлять только после открытия ученых К. Ландштейнера (1900-1901), Я. Янского (1907-1908) групповых антигенов АВО в крови. Тогда же кровь разделили на 4 группы: 0(1), А(11), В(111), АВ(1У). Эта первая генетически полиморфная система АВО позволяла определять групповую принадлежность исследуемых объектов[5]. Но кровь преступника очень редко находят на месте события: при саморанении или причинении ему повреждений. Волосы же остаются всегда, но их весьма трудно найти, особенно на местности. Поэтому, возможно, их редко изымают в ходе осмотра. Кроме названных объектов для определения групповой принадлежности лица можно направить на экспертизу выделения с оставленных на месте события орудиях, иных предметах (потожировое вещество рук, иных частей тела; слюна, сперма, моча).

По наличию в выделениях (сперма, пот, слюна, моча и др.) антигенов АВО медики условно поделили людей на «выделителей» (= 85%): антигены выявляли реакцией количественной абсорбции; и «невывделителей» (=15%), где антигены не находили (проявление их в выделениях было более слабым, чем в крови). Лицо относили к «выделителям», если в слюне антигены были активны. Иногда выявлялось различие антигенов в крови и выделениях отдельных лиц, могущее влиять на решение следствия о причастности их к преступлению. Но «выделительство» к 70-м гг. XX в. стало условным: эксперты применяли более чувствительные реакции, способствовавшие устранению различия антигенов.

Как бы несоответствие антигенов крови и выделений (выявление в последних не свойственного крови антигена) ученый G.Morganti (1958,1960) определил как «парадоксальное» выделительство, повлекшее дискуссию судебных медиков о возможном обнаружении «парадоксальных» антигенов в экспертизе. Однако вывод G.Morganti противоречил генетическим основам системы АВО, а проведенные исследования его опровергли[6. С.3-8, 40-42]. Известно, что организм человека, как сложная биологическая система, формируется

еще во внутриутробном периоде из единого источника, а в связи с законами наследования предопределяются и групповые факторы, генетические признаки эмбриона: свойства крови, иных тканей и выделений. У любого субъекта они имеют одну и ту же группу, одни и те же антигены АВО. Наличие в выделениях лиц лишь тех антигенов, что и в их крови – факт, основанный на генетике системы, установленный в течение десятилетий в разных странах, в т.ч. и экспертами нашей страны. В иммунологии нельзя судить о сущности серологических реакций и результатах, механизме взаимодействия антител с антигеном, иными веществами, основываясь лишь на одном их проявлении

Особо отмечаем: расхождение группы крови и выделений по системе АВО у отдельных индивидуумов связано не только с наличием в эритроцитах слабо выраженного группового антигена, но и с серьезными ошибками в серологических исследованиях. Подобное произошло в делах насильников-убийц Чикатило, Головкина и др. Но и через 20 лет в СМИ пишут о якобы «парадоксальных» выделителях. Сомнительные выводы, а не данные науки и экспертной практики, к сожалению, повторяют и юристы. На самом же деле «парадоксальное» выделительство не существует, а его «феномен» - следствие получения некачественных биологических образцов для исследования и ошибочных выводов и упущений экспертов [7.С.54-58]. Определение истоков специфичности серологических реакций в последние десятилетия вызвало разработку методов выявления группоспецифических антигенов в органах, тканях, выделениях – сложных субстратах. Они дали возможность достоверно судить о группе крови лица по слюне, сперме, ткани органов, чего не могло быть при наличии в них «дополнительных» относительно крови изоантигенов.

В связи с указанным необходимостью тщательной проверки и оценки следователем и судом заключений экспертов, исследовавших биологические объекты, должны быть обязательными в совокупности со всеми материалами дела. Но нередко на практике знакомятся с выводами эксперта, а не с самим заключением, попросту слепо доверяя сведущими лицам. Убеждены также, что субъектам расследования необходимы определенные знания относительно как особенностей изымаемых следов человека, так и специфики, и возможностей их экспертизы. В случае сомнений им нужно консультироваться у специалистов экспертных учреждений или назначать повторное исследование объектов, в т.ч. с применением не только серологических методов, но и таких как ДНК-анализ.

Практические работники значение подобных следов для установления преступников учитывают не всегда, считая недостаточным для этого групповых факторов крови, волос или выделений в следах. Однако это мнение считается ошибочным. Анализ данных осмотра места происшествия с учетом всех выявленных объектов требует от следователя, оперативного работника и специалиста не только навыков в их поиске, но и специальных знаний (в частности и биологии) для фиксации и хранения изъятого, их использования в экспертизе,

когда преступник неизвестен, а информация о нем незначительна.

Наряду с данными о внешности субъекта, известными от потерпевшего, его розыску должны служить и сведения, содержащиеся в следах, в т.ч. биологических. Эти данные и следы при сходстве указанных признаков могут стать ориентиром для выявления подозреваемых, причастных к преступлению. Из круга проверяемых исключают лиц с другой группой крови, выделений, чем установлена в следах (пот, волосы и др.), путем их экспертизы (и образцов проверяемых лиц) по известной системе АВО. Кроме того, биологическая экспертиза пятен крови с места преступления (при наличии сведений о ранении преступника) по другим изосерологическим, полиморфным, белковым и ферментным системам крови [8.С.84-86] позволит больше сузить этот круг лиц.

Помимо биологических исследований малого количества крови точечных капель и в ином случае эксперты могут выделить из этой крови запаховые следы оставившего ее субъекта (кровь - источник этих следов). Образцы запаховых веществ (кровь, пот) берут у подозреваемых для сравнения со следами крови. Экспертиза запаховых следов (ольфакторное исследование) позволяет сделать вывод о лице, чья кровь изъята с места события (чаще исследуют пот, также источник запаховых следов) [9]. Возможные их носители: пот следов рук, ног, иных частей тела, сохраняют в первую очередь. Уже не оспаривается доказательственное значение биологических веществ запаховых следов и достоверность их экспертизы (иногда в учебниках их называют неверно: «следы запаха» - это свойство организмов, а не вещества; указывают и приборы, которых в экспертизе нет). Поиск преступника по запаховым следам, специфическим веществам пота и крови (на них ориентируют служебную собаку) тоже надо использовать, как и предметы, где эти следы более вероятны, собрав с них пробы. Составляющие некую часть запахового вещества пробы получают контактом х/б ткани с их носителем или, изъяв предметы [10,128 с.].

Современные возможности экспертизы объектов биологической природы, благодаря достижениям в молекулярной биологии, ее новейшим методам, основанным на изучении генетической информации, закодированной в ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота). разработке соответствующих технических средств исследования позволяют сейчас с высокой степенью вероятности отождествлять конкретных лиц, оставивших свои следы на месте преступления. Применение в экспертизе методов генотипоскопии (ДНК-анализ) делает возможным определить каждого из соучастников деяния сексуального характера, если на месте выявлены следы смешения их спермы (и крови); решить вопрос и о беременности женщины от подозреваемого в изнасиловании (исследование плода при прерывании беременности). Наряду с методами генотипоскопии (ДНК-анализ) крови, спермы, иных выделений эксперты используют и методы: изофокусирование, электрофорез и пр., что дает возможность следствию установить определенных лиц. Используя эти методы, можно объединить дела о

деяниях, совершенных одним лицом [11. С.84-86].

В виду давности образования следов (несколько месяцев или лет) и неблагоприятном влиянии среды, когда ДНК уже деградирует, либо изъятии малого количества крови и выделений используют иные методы. Признаки ряда белков и ферментов могут сохраняться до 3-х недель - эритроцитарная кислая фосфотаза, до 1-2-х мес. - фосфоглюкомутаза, глюксолаза. Сохраняются дольше антигены системы Gm — до 1-2-х лет; ABO, MN — в течение 10 и более лет. Групповые факторы системы ABO могут быть установлены во всех тканях и выделениях независимо от размера следов. Поэтому ABO приобрела важное значение в информационно-поисковых системах (АИПС) [12. С.3].

На практике недостаточно используют в доказывании вины субъектов следы, остающиеся на теле, одежде потерпевших. Из их заявления и показаний известно, какие действия осуществлял преступник, какое насилие или орудие применял; была ли борьба, получил ли он повреждения тела и т.п. Эти сведения позволяют выдвинуть версии о следах на теле и одежде подозреваемого, проверяя их его освидетельствованием, чтобы предотвратить утрату следов. Эта процедура эффективна при наличии данных о борьбе, сопротивлении жертвы или ее избиении руками, ногами; связывании; иных действиях контакта преступника с телом, одеждой потерпевшего; с орудиями и местом события.

Вместе с тем биологи перегружены экспертизами по выявлению крови (ее группы) - вторичных следов на одежде раненых потерпевших. Следствие же должно искать их кровь на подозреваемом. Здесь эксперты лишь подтверждают очевидные факты - следы ранений на теле жертвы, вызвавших кровь. Оттого их заключения не становятся источниками доказательств [13. С.19-25].

Выявление комплекса объектов, так называемого креста следов [14, С.290] по данным освидетельствования позволяет назначить биологическую экспертизу для исследования всех следов и образцов проверяемых лиц. При этом следователь должен обеспечить полноту вопросов и правильно их сформулировать, а при затруднениях обратиться к экспертам. Обнаруживаемые на месте происшествия, на теле и одежде следы нередко представляют собой совокупность объектов биологического происхождения, сочетание с объектами иной природы. Это еще одна особенность следовой информации, исследуемой в биологической экспертизе. Так, подногтевое содержимое с рук потерпевшего не исключает микроколичества крови, волос, эпидермиса преступника, иных объектов с его тела, одежды. Известны случаи извлечения из-под ногтей более сотни микрообъектов различной и биологической природы.

Информация, заключенная в следах рук и ног, имеет комплекс признаков, зачастую полно не используемых в раскрытии преступлений. Непригодные для установления лиц следы (смазанные детали узора) могут стать объектом биологической экспертизы для определения групповой принадлежности потожирового вещества, а при наличии подозреваемого - о ее совпадении (либо

исключении) с группой его крови либо других лиц. Магнитные порошки для выявления следов не влияют на это исследование, но химические способы могут отрицательно сказаться на выводах. Кроме того, вещество следов рук и следов ног (если контакт обуви с поверхностью был длительным), как источник запаховых следов, позволяет идентифицировать лицо, оставившее эти следы. В следах находят частицы почвы, крови, иные микрообъекты, перемещенные субъектом. Потому стоит всегда предполагать, что эти следы могут стать объектами комплексной экспертизы, а не только дактилоскопической и трасологической (это относится и к редким следам губ и зубов).

Итак, из изложенного следует, что совокупность следов человека, как правило, содержит биологические объекты - продукты его жизнедеятельности. Даже известные предметы-носители следов одежда, обувь, головной убор представляют комплекс значимой информации (наслоения крови, слюны, пота, запаховых веществ, др. выделений, волосы, волокна, волоски меховых изделий, вещества с места события), позволяющей установить пол и групповую характеристику крови человека, его особенности, а в ряде случаев и запаховые следы индивидуума, иные признаки. Данный комплекс нередко дополняют повреждения одежды орудиями (ее детали) и другие следы.

Исходя из задач расследования в каждом конкретном случае, следователь должен принимать во внимание эту следовую информацию при назначении биологической экспертизы. Он вправе получить необходимую консультацию у биологов, криминалистов, др. сведущих лиц. Использование всей совокупности объектов, которыми образованы следы, выявленные в следственных действиях; исследование во взаимосвязи всех носителей следовой информации, с учетом других доказательств по делу, может гарантировать полноту и объективность расследования, доказанность вины лица, совершившего преступление.

Таким образом, научное обоснование методик биологической экспертизы (и судебно-медицинской, также исследующей биологические объекты), их достоверные выводы в решении идентификационных и диагностических задач имеют для расследования большое значение. Экспертиза следов человека как биологических субстанций, заключающаяся в извлечении закодированной в них информации об участниках расследуемого события, позволяет во многих случаях идентифицировать лиц, оставивших такие следы, что зачастую является решающим для их изобличения. Заключение экспертов судебно-биологической экспертизы могут служить источниками доказательств в уголовном деле наравне со всеми другими, названными в законе. Объекты биологического происхождения используют наряду с другими фактическими данными в доказывании вины лица, обвиняемого в конкретном преступлении.

Список литературы

1. Шамонова Т.Н. Следы человека на месте преступления, их роль в доказывании (биологический аспект). [Текст] // Т.Н. Шамонова. - М., 2010. - С.5,91-103.
2. Подробнее: указ. соч. С.91-103.
3. Федеральный закон ФЗ-№23 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Текст] / Оpubл. Росс. газета от 6.03.2013.
4. Исаенко В.Н. Роль прокурора в использовании технико-криминалистических средств, специальных знаний и возможностей судебных экспертиз и специальных знаний в уголовном судопроизводстве. [Текст] / В.Н Исаенко.- М.,2003.- С.59-60. 5.В России помимо буквенных указывают цифровые обозначения групп крови.
5. Прозоровский В.И., Туманов А.К., Потапов М.И. Судебно-медицинское значение одной дискуссии. [Текст] //Судебно-медицинская экспертиза. №4. /В.И. Прозоровский и др. - М.,1975. = С.3-8; Бронникова М.А., Свирский М.С., Стегнова Т.В. Диагностика групповой принадлежности выделений человека при «парадоксальном выделительстве»//Судебно-медицинская экспертиза. №3. /М.А. Бронникова и др. - М., 1984. - С.40-42.5
6. Шамонова Т.Н. Вновь к вопросу о «парадоксальном выделительстве» в судебно-биологической экспертизе [Текст] // Вестник криминалистики. Вып.2 (18). /Т.Н. Шамонова. - М., 2006. - С.54-58.
7. Лозинский Т.Ф., Ионесян Л.С., Стегнова Т.В. Методы установления полиморфных белков и ферментов в экспертной практике. [Текст] //Эксперт. практика. № 9. /Т.Ф Лозинский и др. - М., 1991. - С.84-86.
8. Наряду с термином лат. «odor» - запах, используется термин «ольфакторный» от лат. olfactus – обоняние, обозначение науки об обонянии.
9. Старовойтов В.И., Шамонова Т.Н. Запах и ольфакторные следы человека. [Текст] / В.И. Старовойтов, Т.Н. Шамонова.– М.: ЛексЭст, 2003. – 128 с. и др. работы.
10. Указ соч. Лозинский Т.Ф. и др. – С.84-86.
11. Стегнова Т.В., Перепечина И.О., Уалерианова Л.П. Исследование гнилостно измененных следов крови и выделений человека [Текст] / Т.В. Стегнова и др. – М.: ЭКЦ МВД России, 1992. - С.3.
12. Шамонова Т.Н. Освидетельствование. [Текст] //Гражданин и право.№5./Т.Н. Шамонова. – М., 2000. - С.19-25.
13. Поль К.Д. Естественно-научная криминалистика. [Текст] / К.Д. Поль. М.,1985.- С.290.

В.В. Шаповалова, студент юридического факультета Сумского государственного университета, Украина

ПРОВЕДЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАБОТЕ ВРЕМЕННЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ КОМИССИЙ ВЕРХОВНОЙ РАДЫ УКРАИНЫ НА ЭТАПЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается процедура привлечения в парламентское расследование общественно важных происшествий профильных экспертов и порядок их взаимодействия с временными следственными комиссиями Верховной Рады Украины.

Постановка проблемы. Согласно общей теории государства и права, кроме законодательной функции, полномочия парламента могут толковаться достаточно широко, выходя за пределы только принятия законодательных актов. Именно такая структура дает возможность определить парламент «первым среди равных» в системе деления государственной власти. Оптимальным решением проблемы пределов компетенции парламента является подход, согласно которому, например, компетенция Верховной Рады Украины достаточно широка, но в тоже время ограничивается Конституцией и не может быть безграничной.

В соответствии с частью третьей статьи 89 Конституции Украины Верховная Рада может образовывать временные следственные комиссии. Возможность формирования подобных структур является способом практической реализации контрольной функции Верховной Рады Украины (далее – ВРУ) как законодательного органа [1]. В тоже время достаточно много вопросов возникает при определении подробной процедуры реализации полномочий и заданий временной следственной комиссии в определенном, конкретно взятом деле для проверки, особенно при необходимости привлечения узкоспециализированных специалистов и проведения экспертных исследований. Поэтому рассмотрение работы временных следственных комиссий делает возможным усовершенствование механизма парламентского расследования.

Анализ последних исследований и определение научной новизны. Исследованием правового статуса временных следственных комиссий ВРУ занимались такие ученые как П. Кислый, В. Виноградов, Н. Кудерская, И. Словская, О. Ющик, Ю. Шемшученко, В. Журавский, О. Богачова, В. Гошовский, Ю. Градова, А. Колисниченко, К. Левченко, О. Бандурка и другие. Не смотря на заинтересованность специалистов в этом вопросе, научные разработки в этой сфере направлены в большей части на способ образования, состав комиссий, в то время когда сама процедура работы, механизм реализации поставленных заданий и обозначение используемых способов и инстру-

ментов остается не исследованной и не конкретизированной.

Поэтому **целью работы** является определение основных механизмов, способов, а также инструментов реализации задач в процессе деятельности временных следственных комиссий Верховной Рады Украины.

Изложение основного материала. Эффективность парламентского контроля, который совершается парламентскими следственными комиссиями Верховной Рады Украины, определяется несколькими факторами, в первую очередь – основами их формирования и качеством парламентского регулирования соответствующих контрольных структур. Именно поэтому институт парламентского расследования является действенным институтом, при помощи которого законодательная власть имеет возможность оценить эффективность действий исполнительной власти, выявить профессиональную некомпетентность должностных лиц или нарушение закона. Образование временных следственных комиссий Верховной Рады Украины возможно в случае необходимости расследования некоторых фактов и обстоятельств, причин неких происшествий в общественно важных отраслях и вопросах. На сегодняшний день правовой статус и порядок образования временных следственных комиссий регулируется главой 17 Регламента Верховной Рады Украины (далее – Регламент). Следует отметить, что данный нормативно-правовой акт нечто расплывчато и вообще устанавливает процедуру деятельности, ограничиваясь лишь порядком создания и заключением работы временной следственной комиссии Верховной Рады. В то время, когда достаточно мало уделено внимания регулированию именно процессу деятельности комиссии и достижения задач, поставленных перед определенной комиссией, созданной по конкретному вопросу. К сожалению, в нашей стране на сегодняшний момент не существует специального акта, который бы четко регулировал деятельность временных следственных комиссий. Поэтому целесообразным является рассмотрение действующего законодательства, регулирующего сферу правоотношений, которые возникают при создании следственных комиссий, а также законопроектов в этом направлении и нормативной базы других государств с использованием методов сравнительного правоведения.

Статья 88 Регламента предусматривает, что в предложениях следственной комиссии указывается, каким образом должны быть использованы заключения временной следственной комиссии в случае принятия Верховной Радой решения относительно их. Заключение и предложения, полученные в результате работы временной следственной комиссии, могут направляться в Генеральную прокуратуру Украины, соответствующему государственному органу, органу местного самоуправления либо должностному лицу [2].

Например, в Австралии королевской следственной комиссии и в Израиле временной следственной комиссии официально разрешено проводить расследование в других странах, сотрудничать с соответствующими комиссиями за

границей, что в некоторых случаях является весьма необходимым и продуктивным [7].

Однако, следует обратить внимание не столько на правовой статус и процедуру образования следственных комиссий, сколько на процессуальный порядок работы, организации деятельности и принятия решений по результатам расследования комиссии, а также определить перечень механизмов достижения поставленных перед ней заданий.

Анализируя особенности процедуры проведения парламентского расследования целесообразно выделить его стадии. Российский исследователь Д. Трошев выделяет четыре стадии: возбуждение парламентского расследования, подготовка к проведению расследования, сбор и анализ информации, обнародование заключительного отчета [6, с.7].

Согласно статьи 12 проекта Закона Украины «О временных следственных комиссиях, специальную следственную комиссию и временные специальные комиссии Верховной Рады Украины», который более детально определяет порядок работы следственных комиссий, предусматривается, что следственная комиссия имеет право принимать решения о привлечении специалистов для работы в следственной комиссии, а также назначать необходимые экспертизы и приглашать на заседания экспертов [5].

Действующее законодательство предусматривает, что по поручению правоохранительных, других государственных органов и учреждений выполняются экспертные исследования, которые требуют специальных знаний и использования методов криминалистики и судебной экспертизы. Но четкой процедуры привлечения экспертов к парламентскому расследованию не предусмотрено, поэтому процесс привлечения экспертов и проведения экспертиз по инициативе следственных комиссий Верховной Рады Украины регулируется уголовно-процессуальным законодательством и смежными подзаконными нормативно-правовыми актами.

Срок проведения экспертизы устанавливается в зависимости от сложности исследования в пределах от 10 до 60 дней, с исключительной возможностью проведения экспертизы более 60 дней при наличии большого количества объектов и сложных по характеру исследований [4].

В целом, деятельность следственной комиссии предусматривает её активное взаимодействие с правоохранительными органами и другими государственными и негосударственными институтами с целью получения информации, чаще всего в форме запросов и обращений, а в случае проведения экспертизы – в форме поручения.

Заключение эксперта является одним из источников доказательств, а в некоторых случаях – и единственным, поэтому оценка предоставленного заключения имеет огромное значение для установления возможности его использования как источника доказательств. Тактика оценки заключения эксперта

должна основываться на общепринятых правилах криминалистики, что будет гарантией непредвзятости проведенных экспертных исследований. Должны учитываться невозможность конкретного эксперта проводить исследование и давать объективное заключение по делу, при наличии обстоятельств для отвода эксперта, факт предупреждения эксперта об уголовной ответственности в случае заведомо ложных данных в заключении. Эксперт в парламентском расследовании не только предоставляет заключение, но и может участвовать в заседаниях следственной комиссии для детализации вопросов, которые ставились перед экспертом, а также для разъяснений и консультаций по вопросам парламентского расследования. В случае необходимости эксперт может привлекаться к деятельности рабочих групп непосредственно на месте происшествия для обработки данных, изъятия улик и сбора информации, необходимой для оценки обстоятельств и дачи целостного заключения.

Предлагаем рассмотреть механизм работы временной следственной комиссии на основании заключений работы Временной следственной комиссии Верховной Рады Украины для расследования причин смерти 17-летнего подростка в г.Краматорске Донецкой области и массовых осложнений после проведения вакцинации против кори и краснухи среди населения Донецкой области, а также для проверки правомерности использования вакцины, которой были проведены указанные прививки.

Согласно Постановлению Верховной Рады Украины о создании Временной следственной комиссии от 5.06.2008 г. № 328-VI задачей комиссии было проверить связь между смертью 17-летнего подростка в г.Краматорске Донецкой области, массовыми случаями ухудшения здоровья среди населения Донецкой области и проведением вакцинации против кори и краснухи в 2008 году; а также своевременность и адекватность предоставления медицинской помощи подростку, который умер, а также лицам, обратившимся за медицинской помощью в связи с ухудшением самочувствия после проведения вакцинации. Для выполнения поставленных перед комиссией задач Временной следственной комиссии необходим полный анализ и проверка правильности данных в медицинской и сопроводительной документации, получение результатов клинических, патологоанатомических, лабораторных исследований, а также обобщение полученных результатов. В результате патологоанатомического исследования сформулирован патологоанатомический диагноз – отёк головного мозга. Временная следственная комиссия для выяснения причин смерти и её связи с проведенной вакцинацией направила документы и материалы патологоанатомических исследований для проведения судебно-медицинской экспертизы [3].

На основании изученной Временной следственной комиссией документации, а также с учетом заключений ведущих специалистов-экспертов определено, что смерть подростка, а также массовые случаи ухудшения здоровья сре-

ди населения Донецкой области и проведением вакцинации могли быть непосредственно связаны с проведением профилактических прививок вакциной номер серии ЗА 26-Х, которой вакцинация проводилась согласно Распоряжению Кабинета Министров Украины от 27.02.2008 «О утверждении плана мероприятий по проведению дополнительной иммунизации против кори и краснухи населения на 2008 год» и Приказа Министерства здравоохранения Украины «О проведении дополнительной иммунизации населения против кори и краснухи в Украине» от 3.04.2008.

Заключение. Анализ действующей нормативно-правовой базы, использование методов сравнительного правоведения, а также рассмотрение тенденций научных исследований в этой отрасли дают возможность сформулировать выводы, позволяющие определить направления усовершенствования механизма реализации функций следственных комиссий в практическом аспекте.

Создание парламентских следственных комиссий является важным инструментом информационно-коррекционного контроля парламента при расследовании происшествий общественного значения.

К сожалению, в большинстве случаев, вопросы, которые являются задачей рассмотрения следственных комиссий, имеют некий политический характер либо связаны с некими политическими личностями. Следственные комиссии в своей деятельности обязаны придерживаться принципа беспристрастности, что в некоторых случаях достаточно проблематично, ведь членами комиссий являются представители парламента, мотивы деятельности которых определяют политические и индивидуальные интересы.

Но, несмотря на это, проведение независимых экспертиз, обработка документации, изучение мнений специалистов гарантирует возможность непредвзятого и беспристрастного рассмотрения обстоятельств происшествия, восстановления нарушенных прав и законных интересов граждан.

Список литературы

1. Конституция Украины от 28.06.1996 № 254к/96-ВР [Текст] // ВВР – 1996 - № 30 – ст.141.
2. Регламент Верховной Рады Украины от 10.02.2010 № 1861-VI [Текст] // ВВР – 2010 - № 14-15, № 16-17 – ст. 133.
3. О создании Временной следственной комиссии Верховной Рады Украины для расследования причин смерти 17-летнего подростка в г. Краматорске Донецкой области и массовых осложнений после проведения вакцинации против кори и краснухи среди населения Донецкой области, а также для проверки правомерности использования вакцины, которой были проведены указанные прививки: Постановление Верховной Рады Украины от 5.06.2008, № 328-VI [Текст] // ВВР - 2008 - № 33-34 - ст.274.
4. Об утверждении Инструкции о назначении и проведении судебных экспертиз и Научно-методических рекомендаций по вопросам подготовки и назначения судебных экспертиз и экспертных исследований: Приказ Министерства юстиции Украины от 8.10.1998

[Текст] // Официальный вестник – 1998 – № 46 – с. 172.

5. О временных следственных комиссиях, специальную следственную комиссию и временные специальные комиссии Верховной Рады Украины: проект Закона Украины от 12.12.2012 года № 0938 – [Электронный ресурс] – [Режим доступа]: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=45028
6. Трошев Д.Б. Парламентские расследования как форма контроля федерального собрания Российской Федерации за деятельностью федеральных органов государственной власти: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.02 / Д. Б. Трошев. – М., 2008. – 26 с.
7. Слідчі функції парламенту: національний і зарубіжний досвід та напрями удосконалення//Лабораторія законодавчих ініціатив – К. – 2007 - [Электронный ресурс] – [Режим доступа]: http://www.parlament.org.ua/docs/files/8/1200057026_ans.pdf

УДК 343.98

Т.В. Шутемова, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Института права Тольяттинского государственного университета

О МЕТОДИКЕ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О БАНДИТИЗМЕ

В статье рассматриваются вопросы содержания методики поддержания государственного обвинения, структуры такой методики и некоторые положения методики поддержания государственного обвинения по уголовным делам о бандитизме.

Криминалистика — это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений.[1, с.65] Общепринятым является деление криминалистики на разделы : общая теория криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика.

Возможности использования криминалистических знаний широки, о чем свидетельствует интенсивное развитие такого направления криминалистической тактики, как тактика судебного следствия, рассматриваются криминалистические аспекты судебного разбирательства в целом.[2]

Деятельность государственного обвинителя в судебном разбирательстве регламентирована уголовно-процессуальным законодательством, но эффективность этой деятельности напрямую зависит от качества его подготовленности к этой деятельности, включающей подготовку к судебному процессу, изучение материалов уголовного дела, планирование работы во время судебного следствия, умение работать с доказательствами, правильно составить обвини-

тельную речь и выступить с ней. Эти и связанные с ними вопросы — предмет методики поддержания государственного обвинения.

Методика поддержания государственного обвинения представляет собой систему научно обоснованных и успешно апробированных рекомендаций, предназначенных для оптимального выполнения прокурором комплекса действий по подготовке к участию в рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции и непосредственному осуществлению этой деятельности.[3, с. 249]

Проблемам методики поддержания государственного обвинения посвящены работы В.Н. Исаенко, Н.П. Кирилловой, О.Н. Коршуновой, Академией Генеральной прокуратуры Российской Федерации издан учебник «Криминалистика для государственных обвинителей», в IV разделе которого рассмотрены общие положения методики поддержания государственного обвинения, а также методики поддержания государственного обвинения по уголовным делам об убийствах, о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, о преступлениях против собственности, о преступлениях, связанных с невыплатой заработной платы, о незаконном получении банковского кредита, о мошенничестве, связанном с инвестированием в строительство многоквартирных домов, о легализации доходов, полученных преступным путем, об уклонении от уплаты налогов, о ложном банкротстве, о преступлениях эстремистского характера, об отдельных видах преступлений коррупционной направленности.[3, с. 270-474; 4] Структурно названные методики в указанном учебнике состоят, в основном, из следующих частей : изучение государственным обвинителем уголовного дела при подготовке к участию в судебном разбирательстве, участие государственного обвинителя в судебном следствии, речь государственного обвинителя в судебных прениях. В качестве элементов (компонентов) методики государственного обвинения (в обобщенном виде) В.Н. Исаенко называет такие действия прокурора, как :

-участие на этапе окончания предварительного расследования в оценке его полноты, всесторонности и объективности, а также (если он назначен обвинителем заблаговременно) внесение им предложений по восполнению субъектами расследования пробелов в установлении значимых для судебного разбирательства обстоятельств, а также в рассмотрении соответствующих ходатайств участников процесса;

-участие в проверке законности предъявленного обвинения, его обоснованности совокупностью собранных и проверенных на предварительном следствии доказательств, выяснение вопроса о правильной квалификации инкриминируемого обвиняемому(обвиняемым) преступления (преступлений);

-выяснение вопросов об обеспечении в досудебном производстве по уголовному делу процессуальных прав потерпевшего, обвиняемого, законных представителей, гражданского истца, гражданского ответчика и других участников процесса, о законном и обоснованном разрешении заявленных ими

ходатайств и об обеспечении соответствия их фактического положения требованиям УПК РФ, определяющим их процессуальный статус;

-дополнительное изучение уголовного дела после его поступления в суд и до начала судебного разбирательства (в том числе и до начала предварительного слушания);

-получение у следователя, прокурора, надзирающего за расследованием, эксперта, специалиста дополнительных разъяснений о содержании и значении отдельных доказательств, которыми подтверждаются имеющие значение для поддержания обвинения в суде факты;

-взаимодействие с потерпевшими, свидетелями обвинения при подготовке к началу судебного разбирательства;

-прогнозирование ситуаций, могущих складываться на данных этапах судебного процесса, а главным образом — в ходе судебного следствия;

-участие в проведении предварительного слушания;

-участие в судебном следствии;

-взаимодействие государственного обвинителя с сотрудниками оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов для предупреждения или нейтрализации воздействия на участников судебного разбирательства лиц, преследующих цель развала обвинения. [3, с.260-270]

По мнению Н.П.Кирилловой, структура методики поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел может выглядеть следующим образом :

1.Уголовно-правовая характеристика преступления;

2.Типичные доказательства, подтверждающие наличие различных элементов состава преступления;

3.типичные следственные ошибки, допускаемые при формировании доказательственной базы. Способы исправления следственных ошибок в ходе судебного разбирательства.

4.Типичные версии защиты. Типичные доказательства, представляемые стороной защиты. Способы противодействия государственному обвинению.

5.Подготовка к судебному разбирательству.

6.Участие государственного обвинителя в предварительном слушании.

7.Участие прокурора в подготовительной части судебного разбирательства.

8.Участие государственного обвинителя в судебном следствии.

9.Особенности подготовки и выступления в прениях.

10.Анализ приговора и особенности составления апелляционного и кассационного представления.[4, с. 47-54]

Сравнительный анализ предложенных В.Н. Исаенко и Н.П.Кирилловой подходов к структуре методики государственного обвинения показывает, что в них много общего, а различие, на наш взгляд, обусловлено приоритетным вы-

бором сущностного или деятельностного описания структурных элементов.

Сложность поддержания государственного обвинения, особенно по многоэпизодным делам, расследование которых продолжалось длительное время, усугубляется тем, что участники процесса со стороны защиты (подозреваемый- обвиняемый-подсудимый и их защитники), как правило, неизменны с начала расследования и до вынесения приговора, в отличие от стороны обвинения (следователь в судебном процессе не участвует, а надзирающий прокурор не часто является государственным обвинителем). И, если защитник, участвовавший в деле с момента возбуждения, сам принимал участие в следственных действиях, проводимых с его подзащитным, а затем тщательно изучил все материалы уголовного дела, сделал необходимые выписки и копии, то государственный обвинитель, готовясь к процессу, изучает только материалы дела. В этих условиях неопределимым является контактирование государственного обвинителя со следственными и оперативно-розыскными органами, а также предоставление государственному обвинителю следователем в электронном и печатном виде копий протоколов важнейших следственных действий документов (допросов обвиняемых, свидетелей, очных ставок, проверок показаний на месте, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительного заключения и др.).

Поддержание государственного обвинения по уголовным делам о бандитизме всегда сопряжено с большими трудностями, которые вызваны сложностями доказывания банды и ее деятельности, многоэпизодностью, количеством подсудимых, возможным противодействием с их стороны и со стороны лиц, находящихся в розыске, и т.д. Разработка методики поддержания государственного обвинения по таким делам важна еще и потому, что она может быть использована как основа для методики поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях, совершенных группами, преступными сообществами.

Уголовно-правовой составляющей методики выступает состав преступления, предусмотренный статьей 209 Уголовного кодекса РФ, а также содержание смежных составов преступлений, с которыми следует разграничивать бандитизм : разбой (ст. 162 УК РФ), вымогательство (ст.163 УК РФ), организация незаконного военного формирования (ст.208 УК РФ), организация преступного сообщества(ст.210 УК РФ). Дополнительно следует учитывать судебную практику в виде постановлений Пленумов Верховного Суда РФ, приговоров, определений судов по конкретным делам, а также положения приказа Генерального прокурора РФ № 465 от 25.12.2012 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

Уголовные дела о бандитизме большей частью многотомные и их изучение представляет известную трудность, поэтому, если следствием не представлен список содержания томов, то будущему государственному обвинителю ре-

комендуется по описи содержания томов составить свой список с указанием в каком томе какие материалы расположены. При изучении обвинительного заключения необходимо сразу составлять так называемые «лицевые» счета на каждого подсудимого и «шахматки» по их участию в совершении преступлений и доказательствам их участия. Затем нужно обратиться к заключениям проведенных по делу экспертиз, особенно, к психолого-психитрической, поскольку психологическая характеристика личностей подсудимых позволит глубже оценить показания каждого из соучастников преступлений, а также позволит выдвинуть версии о их поведении в ходе судебного разбирательства. От качества изучения материалов дела государственным обвинителем зависит качество его участия в судебном разбирательстве. Полагаем, что со следователем, проводившим расследование, следует встречаться после изучения материалов дела, чтобы получить от него разъяснения по спорным вопросам, особенно в части квалификации, иную информацию, а также копии материалов дела и обвинительного заключения (в электронном виде).

Особенностью квалификации бандитизма является то, что совершенные бандой преступления, требуют отдельной квалификации, а это означает, что в судебном заседании должны быть исследованы доказательства не только создания банды, но и доказательства ее деятельности, т.е. доказательства совершенных ею преступлений (разбоев, грабежей, убийств и т. д.)

Главной частью судебного разбирательства выступает судебное следствие, а основным судебным действием является допрос. По многоэпизодным делам не исключается проведение допроса одного подсудимого несколько дней, что требует от прокурора подготовки к каждому дню допроса с оценкой полученных данных с данными предварительного следствия. При подготовке рекомендуется использовать как печатные, так и электронные версии документов. Проведение допросов осложняется публичностью, присутствием других подсудимых, а также дефицитом времени. В этих условиях прокурору следует подготовить несколько вариантов вопросов, в зависимости от ответов, которые могут поступить от допрашиваемого. Прокурору необходимо решить, кого из членов банды и ее руководителей допрашивать первым и по каким эпизодам, какие доказательства и в какой последовательности предъявить в судебном заседании. Поскольку очередность представления доказательств определяет государственный обвинитель, то от него зависит будет ли судебное следствие рассматривать доказательства в том порядке, который был им предложен, или этот порядок будет им изменен. Свободное владение материалами дела позволяет прокурору «на ходу» менять способы представления доказательств, добиваясь их наибольшей эффективности.

В речи государственного обвинителя по делам о бандитизме отдельная часть должна быть посвящена доказыванию признаков банды (количество, цель создания, организованная, устойчивая вооруженная группа), а далее - дока-

зыванию совершенных бандой в целом и каждым членом банды преступлений.

Таким образом, приведенные положения могут быть использованы в методике государственного обвинения по уголовным делам о бандитизме, которая, на наш взгляд, должна включать в себя следующие рекомендации :

-по изучению материалов уголовного дела с учетом уголовно-правовой характеристики этого преступления;

-по подготовке к судебному разбирательству и отдельным судебным действиям; -по представлению и исследованию доказательств в судебном следствии с учетом возникающих ситуаций;

-по подготовке к судебным прениям и выступлению в них, участию с репликой.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики [Текст]: Учеб. пособие для вузов. -3-е изд., дополненное. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.
2. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. [Текст]. - М. : Юрид. лит., 1964; Гавло В. К., Ключко В. Е., Ким Д. В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты [Текст]. - Барнаул, 2006; Денисов Л. А. Судебное следствие как составная часть стадии судебного разбирательства [Текст]: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. - Владимир, 2007; Зинченко П. И. Тактика производства допроса государственным обвинителем [Текст]: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. - М., 2011; Зорин Г.А., Зорина М.Г., Зорин Р.Г. Возможности криминалистического анализа в процессах предварительного расследования, государственного обвинения и профессиональной защиты по уголовным делам [Текст]. Учебно-методическое пособие. - М.: Изд. «Юрлитинформ», 2001; Кисленко И.Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения [Текст]: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. - Саратов, 2010; Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики [Текст]: дис... канд.юр.наук. - Саратов, 2002; Конин В.В. Тактика профессиональной защиты подсудимого в суде первой инстанции [Текст]: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Калининград, 2003; Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия [Текст]. Научно-практическое пособие. 2 изд. АО «ЦентрЮрИнформ». - М., 2002; Кобылинская С.В. Криминалистические проблемы организации судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции [Текст]: дисс. ... канд. юр. наук. - Краснодар, 2009; Комаров О.Н. К вопросу о судебном разбирательстве как об объекте науки криминалистики [Текст] // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. - № 2(58); Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел [Текст]: автореф. дис. ... д. юр. наук. - Краснодар, 2008; Сычёва О.А. Тактика судебного следствия [Текст]: дисс. ... канд. юр. наук. - Казань, 2009 и др.;
3. Криминалистика для государственных обвинителей [Текст]: учебник / под ред. А.Ф. Козусева, В.Н. Исаенко, А.М. Кустова; Академия Генеральной прокуратуры РФ. -М.: Норма: ИНФРФ-М, 2012. – 480 с.
4. Исаенко В.Н. О методике государственного обвинения [Текст] // КриминалистЪ. – 2011. - № 1(8); Исаенко В.Н. Криминалистические аспекты деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве [Текст] // КриминалистЪ. – 2011. - № 2(9); Кириллова Н.П.

ISBN 978-5-6810870-0. Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика. Курск, 2013.

Структура частной методики поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел [Текст] // КриминалистЪ. – 2011. - № 2(9); Коршунова О.Н. Современные криминалистические проблемы поддержания государственного обвинения [Текст] // КриминалистЪ. - 2011. - № 2(9). - С. 41-47; Руководство для государственных обвинителей. Криминалистический аспект [Текст] / Под ред. О.Н. Коршуновой. - СПб, 2003.

Раздел III. Защита гражданских прав и свобод личности в уголовном процессе через призму молодежных инициатив: задачи, проекты, акции, движение

(в рамках молодежного проекта студенческих объединений Юго-Западного государственного университета «ИНДИГО»)

УДК 343.121

А.А. Алымов, Н.В. Морозова, Т.Г. Грицинина, студенты юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

МОЖЕТ ЛИ АДВОКАТ ВЫСТУПАТЬ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНИТЕЛЯ? ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

В статье излагаются ключевые направления и особенности обвинительной деятельности адвоката в уголовном процессе: в качестве представителя потерпевшего и частного обвинителя, при поддержании гражданского иска. Также исследуется нравственно-правовая проблема обвинительной деятельности адвоката-защитника по отношению к предполагаемым соучастникам его подзащитного.

Прежде, чем начать исследование, ответим на следующий вопрос теоретического характера: что же является институтом обвинения во всем многообразии его проявления?

Как отмечают Ф.Н. Фаткуллин, З.З. Зинатуллин и Я.С. Аврах: «Обвинение – одно из самых древних и наиболее значимых процессуальных явлений. Обвинение играло роль для развития уголовного судопроизводства, ибо последнее потребовалось для того, чтобы судить о вине определенного лица в запрещенном преступном деянии. Судопроизводство развивалось именно в ходе разрешения обвинений со стороны одних граждан в отношении других» [5, с. 28-29]. Современное российское уголовно-процессуальное право, как совокупность правовых норм, как раз выполняющих функцию регламентации, в том числе и процесса судопроизводства, предусматривает три вида уголовного преследования: публичное, частно-публичное, частное. Последнее представляет собой частное обвинение — форму уголовного преследования по делам, которые возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего (или его представителя) и подлежат прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым. Такое обвинение поддерживается самим потерпевшим «в частном порядке».

Согласно законодательству, роль представителя потерпевшего по уго-

ловным делам частного обвинения вправе выполнять адвокаты, используя всевозможные способы и средства для оказания юридической помощи потерпевшему или его законному представителю. К ним можно отнести:

а) предоставление консультации потерпевшему или его законному представителю о порядке привлечения лица к уголовной ответственности по уголовным делам частного обвинения;

б) оказание помощи потерпевшему в составлении заявления. Адвокат должен подсказать доверителю, что наиболее приемлемо в той или иной ситуации [1, с. 407];

в) отправление заявления в суд в виде заказного письма на адрес суда;

г) участие вместе с доверителем в судебном разбирательстве.

Именно в последнем случае, если адвокат представляет потерпевшего, он и выступает в качестве обвинителя, осуществляя, фактически, те же функции, что прокурор по делам частного-публичного и публичного обвинения (представляя обвинение в суде).

Помимо этого, главой 6 УПК РФ к участникам уголовного процесса к стороне обвинения отнесены гражданский истец и его представитель. Следует отметить, что последним может являться и лицо, не обладающее статусом адвоката, однако осуществление роли представителя гражданского истца целесообразней было бы законодательно предоставить именно адвокатам с целью обеспечения законности, полноты и всесторонности судопроизводства. Потому при дальнейшем изучении этого конкретного случая с определенной долей условности отождествим понятия «адвокат» и «представитель гражданского истца».

Следует отметить, что, согласно мнению ряда ученых-процессуалистов, гражданский истец и его представитель не являются полноценными участниками со стороны обвинения, так как не вправе высказываться по вопросам квалификации преступления. Существует также точка зрения, согласно которой представитель гражданского истца, как и представляемое им лицо, выполняют функцию поддержки гражданского иска, ибо его деятельность по отношению к обвинению носит опосредованный характер [2]. Однако, не исключая обоснованности данных позиций, необходимо пояснить, что при поддержке адвокатом гражданского иска могут быть выяснены обстоятельства, имеющее существенное правовое значение для стороны обвинения. Например, при определении конкретного размера ущерба может выясниться, что он является крупным или особо крупным, что повлечет за собой изменение квалификации деяния. Потому в данном случае мы имеем полное право говорить о еще одном случае осуществления адвокатом обвинительной функции.

Доказыванию адвокатом-обвинителем при подаче гражданского иска подлежит каждое обстоятельство, составляющее предмет гражданского иска: доказывание события преступления, виновности лица в совершении преступ-

ления, характера и размера вреда, причиненного преступлением [4, с. 242-251].

Деятельность адвоката-обвинителя при предварительном расследовании направлена на доказательство факта причинения имущественного или морального вреда именно данным преступлением и его фактического имущественного размера. Специальной предпосылкой права на предъявление гражданского иска в уголовном процессе является обращение искового требования к надлежащему ответчику [3, с. 245]. Минусом УПК является то, что он не признает в качестве доказательств ни показаний гражданского истца, ни показаний его представителей (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Считаю данное положение необоснованным и требующим пересмотра.

Участие адвоката, поддерживающего гражданский иск, в расследовании преступлений и судопроизводстве полезно не только с точки зрения оказания им юридической помощи доверителю, но и помощи, оказываемой следователю, который зачастую не в состоянии уделять достаточно внимания обоснованию гражданского иска и установлению его размеров. Важным нравственным вопросом является тот факт, что адвокат-представитель гражданского истца обязан хранить адвокатскую тайну и тайну следствия, несмотря на то, что он по закону имеет доступ только к части уголовного дела, касающегося гражданского иска.

Рассмотрение гражданского иска в суде зависит от того, когда был подан данный иск: на стадии предварительного расследования или после его окончания. Объем прав адвоката-обвинителя в судебном заседании ограничен рамками гражданского иска, но Закон не вводит никаких ограничений по предоставлению им иных доказательств, подтверждающих вину подсудимого.

Особенность деятельности адвоката, поддерживающего гражданский иск, в апелляционном, кассационном и надзорном производстве состоит в том, что он участвует в проверке законности, обоснованности и справедливости как не вступивших, так и вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам.

Таким образом, мы обозначили случаи, когда адвокат, осуществляя свою прямую функцию по защите интересов клиента в уголовном процессе, может применять некоторые действия, характерные для стороны обвинения. Следует отметить, что при этом адвокат и выступает изначально на стороне обвинения в том или ином качестве. В этом свете особой спецификой обладает случай, когда защитник осуществляет обвинительную деятельность, находясь на стороне защиты. Это возникает в так называемых «групповых» судебных процессах, то есть в отношении лиц, совершивших преступление в соучастии. При этом нормой УК РФ предусмотрено, что ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Данная норма явно «поощряет» конфронтацию интересов соучастников, что, в результате, может

привести к различным ситуациям возникновения между ними определенной борьбы. Именно в этих ситуациях и находит наиболее яркое проявление обвинительная деятельность адвоката. Ключевым моментом здесь является ее соответствие таким взаимообусловленным категориям, как профессиональный и нравственный долг. Однако, к сожалению, на практике встречаются случаи, когда адвокат, осуществляя защиту, действует не во имя долга, но во имя собственной выгоды, что существенно сказывается как на качестве уголовного процесса, так и на жизни общества в целом (вследствие утраты веры в правосудие, справедливость, нормы нравственности и морали).

Следует отметить, что закрепление правил, по которым должен действовать адвокат, в различного рода актах здесь не является панацеей, поскольку правовая норма несет в себе лишь минимум морали. Как писал Н. Бердяев, государство (создающее правовые нормы) призвано не для того, чтобы превратить жизнь в рай, но для того, чтобы не дать превратиться ей в сущий ад. Потому ключевым средством здесь будет выступать не столько правотворчество в данной сфере, сколько проведение грамотных мер по повышению правовой культуры, моральному «воспитанию» как населения в целом, так и адвокатов в частности. И следует заметить, что, несмотря на трудность и долговременность процесса формирования высокого уровня правовой культуры, именно он, вкупе с честью и моралью, является самым действенным средством обеспечения соответствия действий адвоката нравственному и моральному долгу.

Список литературы

2. Адвокатская деятельность [Текст]: Учебно-практическое пособие / Под общ.ред. канд. юр. наук В.Н. Буробина. - Изд. 2-е, перераб. и допол. - М.: «ИКФ «ЭКМОС», 2003. - 624 с.
3. Башкирева, Н.Н. Проблемы правового регулирования представительства гражданского истца в уголовном судопроизводстве России [Электронный ресурс] / Н.Н. Башкирева, И.О. Воскобойник // Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 10.04.2013.
4. Безлепкин, Б.Т. Уголовный процесс России [Текст] / Б.Т. Безлепкин. - М.: Юрист, 2004.
5. Рыжаков, А.П. Уголовный процесс [Текст] / А.П. Рыжаков. - М.: Экзамен, 2007.
6. Фаткуллин, Ф.Н. Обвинение и защита по уголовным делам [Текст] / Ф.Н. Фаткуллин, З.З. Зинатуллин, Я.С. Аврах. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976.

Е.С. Воронковская, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Статья посвящена проблеме исследования криминалистической характеристики мошенничества в глобальной сети Интернет. Современное общество уже не представляет жизни без Интернет-сетей, где огромное количество пользователей невольно становятся жертвами обмана со стороны компьютерных мошенников. Знания и хитрости, используемые Интернет-мошенниками, ставят перед криминалистикой сложные задачи по раскрытию и расследованию указанных преступлений.

Принятие Федерального закона от 29 ноября 2012 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» повлекло за собой появление в Уголовном кодексе нового состава, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

Появление нового вида мошенничества, имеющего непосредственное отношение к компьютерной сфере, не только часть национальной политики государства, которая направлена на борьбу с информационной преступностью, наносящей значительный материальный и моральный вред личности, обществу, государству, но и объективная необходимость, продиктованная построением информационного общества.

Глобализация, информатизация общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности, возникновение новых средств коммуникации, открытость информационных средств взаимодействия людей имеют двоякую роль: с одной стороны, упрощают процессы обмена информацией, повышают их эффективность, с другой – предоставляют новые возможности и расширяют пространство для лиц, использующих все эти продукты научно-технического прогресса в противоправных интересах, изменяют облик современной преступности.

Итак, ч. 1 ст. 159.6 УК РФ раскрывает сущность мошенничества в сфере компьютерной информации как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Проанализировав весь набор альтернативных действий, перечисленных в ч.1 ст. 159.6 УК РФ, становится очевидным тот факт, что, пожалуй, наиболее

благоприятной средой для их совершения выступают просторы глобальной сети Интернет. Данные, накопленные Интерполом, подтверждают тот факт, что за последние годы Интернет стал сферой самого активного роста преступности из всех существующих областей человеческой деятельности [4, С. 24].

Наибольшее распространение в сети Интернет получили преступные корыстные посягательства, носящие характер обманных манипуляций или действий, свойственных мошенничеству. Кроме того, высокая степень анонимности, обеспечиваемая Интернетом, может существенно облегчить обман предполагаемой жертвы и последующее завладение ее имуществом [2, С. 202].

Мошенничество в масштабах всемирной паутины обладает не только высокой степенью распространения, многообразием способов совершения, но и специфической методикой расследования этого противоправного деяния, в первую очередь, обусловленную именно средой распространения.

Среди всего многообразия видов мошенничества в сети Интернет наиболее распространенными являются следующие:

1) фишинг, основывающийся на выманивании и последующем завладении у доверчивых или невнимательных пользователей Интернета персональных данных о клиентах онлайн-аукционов, кредитно-денежных структур, налогоплательщиках, лицах, посещающих популярные социальные сети: В контакте, Одноклассники, Facebook. Так, в первом полугодии 2011 г. антифишинговая рабочая группа (Anti-Phishing Working Group, APWG) зарегистрировала свыше 112 тысяч фишинговых атак (для сравнения в 2010 г. было зарегистрировано около 70 тыс.) [3, С. 126];

2) мошенничество при торговле ценными бумагами. В письме ФК ЦБ от 20 января 2000 года №ЦБ-02/229 «О возможных мошеннических схемах при торговле ценными бумагами с использованием сети Интернет» упоминаются следующие виды его проявлений: схема финансовой пирамиды, схема «увеличить и сбросить», схема «надежного» вложения капитала и т.д.;

3) «волшебные аккаунты» («волшебные» кошельки), принцип действия которых выглядит примерно следующим образом: «через спам, сообщения на форуме, комментарии в блогах, гостевые книги, объявления или каким-либо другим способом человек узнает про существование так называемых «волшебных» кошельков, которые работают по принципу финансовой пирамиды» [3, С. 126]. К тому же стоит отметить, что пользователь теряет свои денежные средства, как правило, после их перевода на «волшебные» кошельки;

4) мошенничество, совершаемое при сборе средств на благотворительные цели: рассылка от имени нуждающихся в помощи лиц мнимых писем на электронную почту с просьбой помочь, использование набора специального программного обеспечения, создание сайта-клона. Мошенники копируют контент сайта, принадлежащего благотворительной организации, и указывают расчетные счета подставных фирм, через которые обналичивают деньги [1, С.

179].

5) фрилансинг, онлайн-инвестиционные схемы, схемы проведения аукционов и розничной торговли в режиме онлайн и т.д.

Конечно же, каждая из приведенных проявлений компьютерного мошенничества в сети Интернет обладает своей уникальной криминалистической схемой выявления, имеющей только ей присущие проблемы. Однако помимо проблемных аспектов конкретных видов сетевого мошенничества существует ряд общих, на которые следует обратить особое внимание, в силу того обстоятельства, что выработка возможных вариантов их решения позволит в конечном итоге скорректировать специфические и повысит общий уровень их расследования.

Пожалуй, в качестве проблем подобного типа, во-первых, выступает высокая степень латентности виртуального мошенничества, обусловленная тем обстоятельством, что жертвы интернет-мошенников, как правило, не обращаются в компетентные органы с заявлением.

Во-вторых, нехватка именно практической составляющей при расследовании интернет-мошенничества, объясняющаяся новизной самого противоправного деяния, которое получило колоссальные масштабы распространения в последнее десятилетие. Помимо этого, в настоящее время виртуальное мошенничество получило трансграничный оттенок. Так, преступный умысел у интернет-мошенника может зародиться в одном месте, а негативные последствия его реализации проявятся за сотни километров, в пределах другого государства.

В-третьих, недостаточно высокая квалификация лиц, занимающихся расследованием мошенничества в сети Интернет. Ведь для успешной деятельности по расследованию интернет-мошенничества и других преступлений в сфере высоких технологий необходимы не только хорошая юридическая подготовка, но и некоторые познания в области информационных технологий [2, С. 203].

В-четвертых, Р.С. Атаманов, указывает на слабую научную базу. Возможной причиной существования этой проблемы он называет отсутствие нужных познаний в области мошенничества в виртуальном пространстве, которое обусловлено нехваткой публикаций, посвященных этой проблематике. Все же с приведенной точкой зрения следует не согласиться в силу того, что существующая на сегодня научная база не только в области интернет-мошенничества, но и компьютерного мошенничества в целом располагает достаточным арсеналом знаний и точек зрения.

Наконец, малочисленный состав подразделений органов внутренних дел, в том числе Управления «К», которые занимаются расследованием преступлений в сфере компьютерной информации. В свою очередь, недостаточная обеспеченность кадровым составом этих подразделений прямым своим следствием

ведет не только к тому, что они не могут охватить масштабы всей страны и обеспечить безопасность законопослушных пользователей, но и снижает общий процент привлечения к ответственности виновных лиц.

По экспертным оценкам, к концу 2010 года количество активно действующих хакеров составило около 20 тысяч, а объем выручки в сфере киберкриминала достигло \$1 млрд. в год. При этом ответственность за свои действия в среднем несут только 5 – 7 преступников, что не составляет даже 0,1% от общего количества киберпреступлений (среди которых и мошенничество в Интернете) [5].

Таким образом, последние изменения в УК РФ, связанные с закреплением мошенничества в сфере компьютерной информации, вполне отражают потребность пользователей, обладателей такой информации, в обеспечении безопасности от неправомерных действий злоумышленников. Просторы же всемирной информационно-телекоммуникационной сети Интернет в настоящее время выступают средой, в которой не только процветает мошенничество, но и не обеспечивается на должном уровне защита от его прямых проявлений.

В первую очередь, эту защиту затрудняют существующие криминалистические проблемы, связанные с расследованием мошеннических схем в просторах всемирной паутины: нехватка практики расследования мошенничества в Интернете, недостаточная квалификация лиц, занимающихся расследованием, кадровый дефицит подразделений в этой области и т.д. Разработка же альтернативных вариантов их устранения, в числе которых вполне могут выступить совершенствование законодательства в сфере информационных технологий, обобщение практических методик расследования интернет-мошенничества, повышение квалификации лиц, занимающихся его расследованием, ликвидация кадровой нехватки специалистов, позволит снизить показатель мошенничества в глобальной сети Интернет.

Список литературы

1. Антонов, И.О. Особенности выявления случаев мошенничества, совершаемых при сборе средств на благотворительные цели в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Текст] / И.О. Антонов // Вестник Волжского университета им. Татищева. - 2012. - № 2. - С. 177-182.
2. Атаманов, Р.С. Некоторые вопросы расследования мошенничества в сети Интернет [Текст] / Р.С. Атаманов // Актуальные проблемы российского права. - 2010. - № 4. - С. 201-205.
3. Заплатаина, Е.А. Интернет-мошенничество. Старые и новые угрозы [Текст] / Е.А. Заплатаина, Ю.В. Калинина, Е.А. Еремина, Д.В. Лопатин // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. - 2012. - № 2. - С. 125-127.
4. Комаров, А.А. Мошенничество в глобальной сети Интернет как одна из основных угроз становления информационного общества в России [Текст] / А.А. Комаров // Право и безопасность. - 2008. - № 3. - С. 23-26.

5. Эффективное реагирование на инциденты и расследование компьютерных преступлений [Электронный ресурс]. URL: http://www.letagroup.ru/common/lib/Incident_investigation.pdf (дата обращения 02.02.2013 г.).

УДК 343.982.3

А.С. Залюбовская, К.В. Карагодина, студенты юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ДЕРМАТОГЛИФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается возможность и перспективы применения дерматоглифических исследований в криминалистике. Анализируются мнения сторонников и противников применения дерматоглифических знаний при расследовании преступлений.

Использование специальных медицинских знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений – это актуальное и перспективное направление развития криминалистики. Применение этих знаний в криминалистической деятельности позволяет получить информацию идентификационного и диагностического характера, способствует оптимизации деятельности по выдвижению криминалистически значимых версий, а также повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений.

Одним из новых и перспективных направлений использования специальных медицинских знаний в криминалистике является дерматоглифика, которая представляет собой раздел морфологии человека, изучающий кожный рельеф ладонных и подошвенных поверхностей, покрытых многочисленными гребешками (папиллярными узорами). Знание морфологических особенностей кожного покрова широко используется для диагностики болезней (сахарный диабет, рак, синдром Дауна, синдром Эдвардса, синдром Патау, синдром де Ланге и др.).

Впервые термин «криминалистическая дерматоглифика» был предложен профессором В.В. Яровенко [1]. Однако определение данного понятия вызвало массу дискуссий среди ученых-криминалистов.

На наш взгляд, наиболее приемлемой представляется точка зрения Г.Н. Мухина и О.Г. Исютина-Федоткова, которые определяют криминалистическую дерматоглифику как раздел трасологии, представляющий собой систему научных положений и разрабатываемых на их основе специальных средств и методов обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения и исследования дерматоглифических узоров, изображений в целях раскрытия, расследования и предупре-

ждения преступлений [2].

Дерматоглифика тесно связана с дактилоскопией. Объектом дактилоскопии и дерматоглифики являются папиллярные узоры – специфическое строение кожного покрова, обусловленное расположением дермальных бугорков «папилл», отличающихся неизменностью, восстанавливаемостью и индивидуальностью. При этом эти два направления имеют и существенные отличия.

Так, дактилоскопия призвана решать, во многом, задачи идентификационного или классификационного характера, в то время как дерматоглифика способствует решению не только идентификационных, но и диагностических задач путем выявления взаимосвязей морфологии или внешнего строения кожи человека с эндокринной, иммунной, нервной системами организма и национальными, расовыми, географическими и иными факторами.

Применение дерматоглифики в процессе раскрытия и расследования преступлений позволяет выдвинуть версии о психофизиологическом статусе преступника или жертвы, их характере, темпераменте, а также иных данных, которые могли детерминировать преступное событие.

Также посредством исследования папиллярных узоров, рубцов и шрамов можно сделать вывод о принадлежности личности к определенной расе, полу, возрастной группе, о наличии врожденных заболеваний, перенесенных операциях, травмах и т.д.

Н.Н. Богданов утверждает, что существует прямая связь между строением папиллярных узоров и структурой центральной нервной системы [3].

Именно эта связь позволяет и выдвинуть предположения о поведении человека, его характере, что способствует созданию его психологического портрета.

А.П. Божченко утверждает, что посредством дерматоглифического исследования рубцов на папиллярных линиях возможно выдвижение версий о половой принадлежности или возрастной группе неизвестного человека. [4]

Так, в результате исследования автор подтверждает гипотезу о том, что мужчины чаще женщин получают различные травмы, и, соответственно, следов таких травм у них больше, что обуславливает большую вероятность обнаружения рубцовых следов в отпечатках пальцев мужчин. Аналогично определяется принадлежность отпечатков пальцев человеку определенной возрастной категории (у пожилых людей травм больше, нежели у молодых) [4].

Е.В. Калянов, Е.С. Мазур выявили возможности дерматоглифики в описании человеческой внешности.

По их мнению, в зависимости от типа рисунка можно установить пропорции тела, внешнеопознавательные признаки, такие как цвет кожи, форма лица, форма скул, выраженность надбровий, форма бровей, цвет и форма волос, форма ушных раковин, характеристика губ, подбородка и носа [5].

К числу основных достоинств дерматоглифики можно отнести возмож-

ность формирования и выдвижения различных по объему и содержанию криминалистических версий о личности преступника или определения виктимологического статуса жертвы, а также решения сложных идентификационных и диагностических задач.

Что же касается недостатков дерматоглифики, то следует отметить, что данный вид исследования может применяться для решения ограниченного круга задач.

Мнения практиков о целесообразности использования дерматоглифических экспертиз разделены на «за» и «против».

Одни поддерживают точку зрения о том, что дерматоглифические исследования смогут помочь при опознании трупа, определении характера преступника, причин и условий, способствовавших совершению преступления и т.д.

Другие же считают, что дерматоглифика – наука сугубо медицинская, и в настоящее время не может использоваться в экспертной практике, поскольку не разработаны соответствующие экспертные методики.

Кроме того, эксперт должен не только обладать соответствующими знаниями, но и успешно применять их для решения сложных криминалистических задач. Подобные методики в криминалистической практике применяются крайне редко, да и связаны они в основном с определением половозрастных особенностей лица.

Противники дерматоглифической экспертизы утверждают, что ее результаты будут носить во многом вероятностный характер, что может быть полезно лишь при формировании перспективных криминалистических версий, вследствие чего соответствующее экспертное заключение не будет расцениваться судом как доказательство.

По мнению Т.С. Силюк, значение дерматоглифических исследований может быть представлено в аспектах проблемы выявления связей между признаками папиллярного узора, а также между этими признаками и характеристиками (морфологическими, биологическими, психологическими) личности, необходимых для решения криминалистических задач расследования преступления. Выявления связей имеет большое значение, как для повышения эффективности судебных экспертиз, так и для решения следственных и оперативных задач [6].

По нашему мнению, сегодня открыты широкие возможности для развития дерматоглифических экспертных исследований. Перспектива создания дерматоглифической экспертизы позволит более детально изучить обстоятельства преступного события, поведенческие характеристики преступника и жертвы, оказать содействие в решении сложных идентификационных задач, а соответствующее экспертное заключение вполне может быть использовано в качестве доказательства наряду с другими заключениями экспертов.

Список литературы

1. Яровенко, В.В. Проблемы применения дерматоглифических исследований в криминалистике [Текст]: Автореф. Дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Яровенко. - Екатеринбург, 1996.
2. Исютин-Федотков, Д.В. Теория криминалистической дерматоглифики [Текст] / Д.В. Исютин-Федотков // Эксперт-криминалист. - 2012. - № 1.
3. Богданов, Н.Н. Дерматоглифика пишущих левой рукой [Текст] / Н.Н. Богданов // Вопросы психологии. - 1997. - № 2.
4. Божченко, А.А. Следы рубцов в отпечатках папиллярных узоров пальцев рук как источник диагностической информации о половой принадлежности и возрастной группе неизвестного человека [Текст] / А.А. Божченко // Эксперт-криминалист. - 2007. - № 4.
5. Калянов, Е.В. Значение дерматоглифики в криминалистическом описании внешности человека [Текст] / Е.В. Калянов, Е.С. Мазур // Бюллетень сибирской медицины. - 2009. - № 3. - С. 127-132.
6. Силлюк, Т.С. Место дерматоглифики в криминалистике [Электронный ресурс] / Т.С. Силлюк // URL: <http://rudocs.exdat.com/> (дата обращения 28.03.2013).

УДК 343.137

М.В. Зеленина, Е.А. Махова, студенты юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматриваются проблемы становления институтов международного уголовного судопроизводства в контексте выработки принципиальных правовых категорий, закрепляющих преступность деяний против мира, безопасности и человечности. Анализируются правовые, политические и исторические основания формирования международной уголовной юстиции и тенденции ее дальнейшего развития.

Уголовный процесс развивался в каждом государстве мира по своему в связи с политическими настроениями населения, социально-культурными традициями и особым историческим опытом, однако с течением времени он стал приобретать международные стандарты. Все чаще мировые сообщества стран стали разрабатывать различные рычаги управления. Прежде всего, реформы и единый механизм судебной системы, поэтому уголовный процесс стал носить формальный, гласный и состязательный характер.

Международно-правовая система между государствами строилась на основе различных факторов, которые оказали колоссальное влияние на формирование международного уголовного процесса:

1) политические основы и международные последствия проведения Нюрнбергского и Токийского процессов, которые способствовали развитию

международного процесса и международного уголовного права в целом;

2) правовые основы, которые повлияли на международные отношения между странами мира, взаимообогащение историческим опытом с сфере уголовно-процессуального права.

Зарождение международной уголовной судебной системы впервые отражено в предложениях Президента Международного комитета Красного креста (МККК) Муанье (Moynier), который после окончания франко-прусской войны 1870–1871 гг. был инициатором создания международного суда для осуждения военных преступлений обеих сторон. Однако, предложения Муанье не нашли отклика на политическом уровне. Во времена “абсолютного суверенитета” национальных государств было невозможным реализовать данное предложение. Однако это стало началом долгой и упорной деятельности МККК, направленной на создание международного уголовного суда, а также и на значение неправительственных организаций для международного уголовного права.

Международный процесс, Первая мировая война, серьезные нарушения международного права войны, особенно норм, сформулированных в Гаагских Конвенциях о правилах ведения сухопутной войны в 1899 и 1907 годах, привели к возрождению идеи международного уголовного суда. Так, Версальский договор 1919 года признал правонарушения законов и обычаев войны наказуемыми, а содержащиеся в нем нормы составили правовое основание для привлечения к уголовной ответственности виновников Первой мировой войны. В этом смысле договор стал определенным этапом в развитии международного уголовно-процессуального права.

Следующим основным этапом развития международного уголовного процесса стала Вторая Мировая война 1939-1945 года. В военное время были заключены различные международные соглашения, пакты, предусматривающие строгое наказание фашистских преступников. Летом 1945 года вопрос о наказании нацистских военных преступников перешел в практику. В августе 1945 года в Лондоне было подписано соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции, на основании которого был учрежден Международный военный трибунал для суда над главными военными преступниками европейских стран. В качестве приложения к Соглашению был Устав, состоящий из семи разделов, который и определил порядок организации Трибунала и принципы его работы. Наиболее важной частью Устава явилась характеристика состава преступления против человечества. Преступления, направленные на подрыв мира, на провокацию агрессивных войн и сопровождающие военные преступления, образуют состав преступления против человечества, по статье 6 Устава Международного военного трибунала.

На дальнейшее развитие международного уголовно-процессуального

права оказали Нюрнбергский и Токийский процессы. Впервые за всю историю человечества преступники, совершившие чудовищные злодеяния против мира, законов и обычаев войны, против человечества, были по справедливости осуждены. Приговоры Нюрнбергского и Токийского трибуналов вошли в историю как серьезный удар по фашизму, как грозное предупреждение всем поджигателям войны и военным преступникам.

Кроме того, преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности как международные преступления повлекли за собой индивидуальную ответственность. Приговор Нюрнбергского трибунала получил широкое международное одобрение 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН на пленарном заседании приняла резолюцию, в которой подтвердились принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашли свое отражение в приговоре Трибунала. В свою очередь Уставы заложили основу важного института международного уголовного права. Кроме того, сыграл важную роль Устав Организации Объединенных Наций, утвердивший в современном международном праве принцип уважения основных прав и свобод человека и ставший основой для разработки и принятия всех последующих конвенций по пресечению преступных нарушений прав человека. Одна из первых – Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за нее, принятая 9 декабря 1948 г. В связи с этим развитие сотрудничества государств по борьбе с международными уголовными преступлениями возросло. Тому пример – знаменитая, принятая в 1973 году Организацией Объединенных Наций Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него.

Апартеид определяется документом как крайняя форма расовой дискриминации, когда целые группы населения страны в зависимости от расовой принадлежности ставятся в резко неравноправное положение по сравнению с другими группами населения. Конвенция устанавливает международную уголовную ответственность за апартеид независимо от мотивов его осуществления и места нахождения лиц членов организаций, учреждений и представителей государств, виновных в совершении этого преступления. Лица, виновные в совершении апартеида, могут быть преданы компетентному суду любого государства — участника Конвенции или Международному уголовному трибуналу, создаваемому соглашением государств в этих целях. Эти лица не могут пользоваться правом политического убежища в любом государстве и подлежат выдаче как уголовные преступники.

За прошедшие десятилетия после Второй Мировой войны была проделана значительная работа по кодификации составов преступлений международного характера и модернизации международного уголовного процесса в целом. В связи с тем, что в мировом сообществе участились случаи проведения актов международного терроризма и других противоправных деяний, посягающих на

международный правопорядок и представляющих общественную опасность для человечества, разработка проекта единого Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества продолжается и по сей день. Основное внимание Комиссии международного права сосредоточено на составлении перечня преступлений против мира и безопасности человечества с учетом тех изменений, которые произошли в международно-правовой практике. Важной задачей Комиссии является анализ принятых в последние годы международных документов по борьбе с международными правонарушениями.

В статуте Международного уголовного суда должны содержаться указания о применимом праве, как в отношении состава преступления, так и возможных мер наказания, поскольку действующие международные договоры по борьбе с преступностью не содержат указания на конкретные санкции. В свою очередь, статут суда должен восполнить этот пробел путем перечисления применимых наказаний, отсылки к национальному праву или принципам уголовного права, общих для всех государств. Генеральная Ассамблея ООН 25 ноября 1992 г. резолюцией № 47/33 поручила КМП в первоочередном порядке заняться разработкой проекта статута Международного уголовного суда. Вопрос о желательности и возможности создания Международного уголовного суда был затронут на второй Всемирной конференции по правам человека, состоявшейся в июне 1993 года в Вене. В итоговых документах Конференции — Венской декларации и Программе действий — содержится призыв к Комиссии международного права продолжать работу по скорейшему созданию Международного уголовного суда. В 1998 году на основе Римского статута был утверждён проект Международного уголовного суда. 1 июля 2002 г. официально начал свою работу Международный уголовный суд (сокращённо — МУС) — первый постоянный международный орган уголовной юстиции, в компетенцию которого входит преследование лиц, ответственных за геноцид, военные преступления, преступления против человечности и агрессию.

Таким образом, к компетенции международных уголовных судов традиционно относились преступления против мира, военные преступления, а также преступления против человечества, поскольку именно они ставят под угрозу международный мир и международную безопасность. Международный уголовный процесс — это сфера сотрудничества государств и международных организаций по созданию и функционированию международных уголовных судебных учреждений. В настоящее время международный уголовный процесс выделяется из международного уголовного права как специфическая отрасль международного права и охватывает не только судопроизводственные, но и судоустройственные процедуры.

Список литературы

1. Бекашев, К.А. Международное публичное право [Текст] / К.А. Бекашев. - М., 2001.

2. Мотовиловкер, Я. О. Проблемы охраны прав и законных интересов личности в социалистическом уголовном праве и процессе [Текст] / Я.О. Мотовиловкер. – Ярославль, 1998.

УДК 343.102

К.В. Карагодина, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Статья посвящена проблеме создания единого следственного комитета. В результате анализа автор вносит предложение о проведении внутриведомственной реформы.

Одной из наиболее важных проблем современности является преступность, ее постоянный рост. Это требует кардинальных изменений в работе правоохранительных органов, в первую очередь, в деятельности следователя. Возникает необходимость существенного усиления процессуального статуса следователя.

Достаточно негативная обстановка складывается с обеспечением процессуальной самостоятельности следователя. Ее рамки в действующем законодательстве значительно снижены, что отрицательно влияет на ход предварительного расследования, а соответственно и достижение задач уголовного судопроизводства.

Уже на протяжении многих лет в России обсуждается вопрос о создании единого следственного комитета. Еще в советское время предполагалось объединение следствия в единую структуру. В 1991 году была принята концепция судебной реформы, в которой также предполагалось совершенствование предварительного следствия. Благодаря данной концепции были приняты конституционный закон о судебной системе, новый Уголовный, Уголовно-процессуальный, Гражданский и административный кодексы, всего 20 кодексов, создан институт мировых судей и присяжных, но институт предварительного расследования в двух его формах - следствия и дознания - остался из советского прошлого.

К сожалению, еще в советское время существовал кризис юстиции, известно, что правоохранительные органы явно не справлялись с выпадающим на их долю фронтом работ. Нагрузка следователей органов внутренних дел составляла в среднем 5,3 дела в месяц, то есть каждый из них оканчивал или приостанавливал примерно по 60 уголовных дел в год.

Правоохранительные органы и суды, не справляясь с такой нагрузкой, постоянно нарушали процессуальные сроки рассмотрения дел. На протяжении 1990 и первых шести месяцев 1991 года удельный вес уголовных дел, законченных расследованием не вовремя, составлял в органах внутренних дел - 16,5%, к сожалению, эта проблема есть и в настоящее время.

В настоящее время дискуссия о создании единого следственного комитета опять стала актуальной. Подготовлен законопроект о создании единого следственного комитета, в котором определены задачи, принципы и организация деятельности СК, его система, порядок прохождения службы, правовое положение, материальное и социальное обеспечение работников, особенности организации военных следственных органов СК, а также их финансовое и материально - техническое обеспечение. Оговариваются принципы невмешательства в следственный процесс. Однако, на наш взгляд существуют серьезные возражения против законопроекта.

Можно согласиться с А. Аничиним, который в своем интервью говорит, что «предлагая создать единый следственный орган, нужно ответить на вопрос: для чего? С какой целью? Внятного ответа на эти вопросы не дается. Говоря о едином комитете, часто проводят аналог с ФБР. Но ФБР больше похож на наш МВД. Там компетенция делится между федеральными службами, правоохранительными службами штатов и муниципалитетов. И ФБР занимается всем – и расследованием, и розыском, по структуре это не следствие. Такого следствия, как у нас, больше нет нигде.». [1]

По нашему мнению, главным доводом против создания единого следственного комитета является ослабление взаимодействия между оперативным аппаратом и следственным. Радикальным решением этой извечно существующей для нас проблемы было бы слияние процессуальной и оперативно-розыскной деятельности и объединение органов, осуществляющих эти деятельности. Не единый следственный орган надо создавать, а проводить внутриведомственное слияние следственного и оперативного аппаратов, сопровождая это коренной реформой порядка досудебного производства. Возможно существование нескольких ведомств: МВД, ФСБ, ФСКН и пр., которые осуществляли бы «обвинительный розыск», «полицейское дознание», т.е. досудебное уголовное преследование любыми правовыми средствами, специализируясь на своей категории преступлений.

Создание единого вневедомственного следственного органа не решит проблем предварительного расследования. Надо коренным образом преобразовать форму досудебного производства.[2]

Также, немаловажным остается вопрос о процессуальном статусе следователя в едином следственном комитете, его процессуальной независимости и самостоятельности. Следует заметить, что освободить следователя от прокурора и руководителя следственного органа, создав единый следственный коми-

тет, вряд ли представляется возможным, так как даже в новой структуре ему придется им подчиняться. Принимая робкие попытки законодателя поставить следователя на более высокий, независимый, пьедестал, лишив его прокурорской опеки, нельзя принять совершенно не согласующуюся ни с принципом разделения властей, ни с принципом состязательности предложенную законодательную регламентацию правового положения следователя в уголовном процессе как субъекта обвинения.[3]

По нашему мнению, создание единого следственного комитета сейчас не представляется возможным и более эффективным будет создание единого внутриведомственного органа. Также, чтобы следует обеспечить следователю его процессуальную независимость и самостоятельность. На мой взгляд, сейчас создание единого следственного комитета может привести к «хаосу» в работе следствия, так как МВД недавно пережили переход из милиции в полицию, также МВД и ФСКН сопротивляются данной реформе.

Список литературы

1. Интервью А. Аничина Российской газете [Текст] // Рос. газ. - 2010. - 3 февраля.
2. Александров, А.С. К вопросу о создании единого Следственного комитета / Россия – родина слонов ? [Текст] / А.С. Александров // Вестник СГАП. - 2010. - № 6.
3. Рябина, Т.К. Следственный комитет или судебный следователь? [Электронный ресурс] Т.К. Рябина // URL: http://www.juristlib.ru/book_9716.html (дата обращения 10.04.2013).
4. Концепция судебной реформы в России от 24 октября 1991 года [Текст]. – М.: Республика, 1992.

УДК 347.965.31

А.И. Киреева, А.П. Овчинникова, студенты юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Статья посвящена сравнительному анализу профессиональной этики адвоката в Российской Федерации, с одной стороны, и международных стандартов и образцов зарубежного правового опыта, - с другой. Авторами высказываются конкретные предложения по совершенствованию положений отечественного Кодекса профессиональной этики адвоката.

Российская адвокатура по своей правовой природе всегда была призвана

ориентироваться на нравственные ценности общества. Правовые реформы последних лет имеют положительную направленность, в том числе в области совершенствования института адвокатуры. Одним из перспективных направлений последовательного совершенствования уголовно-процессуальной деятельности в современных условиях является усиление нравственных начал российского уголовного судопроизводства.

Основываясь на международных стандартах, профессиональная этика адвокатов в Российской Федерации прошла долгий путь становления и совершенствования под влиянием опыта зарубежных стран, достигших определенных успехов в развитии института адвокатуры. Однако специфика российской этики адвоката, обусловленная историческими и культурными предпосылками, предопределила появление проблематик, отличных от ряда зарубежных стран. Так, особый круг проблем требует выработки концептуальных положений с учетом специфики нашего государства и устранения пробелов законодательства в сфере урегулирования этих проблем.

Представляется целесообразным рассмотреть данный вопрос не только под призмой таких основополагающих аспектов в работе адвоката как: компетентность, независимость, адвокатская тайна, гонорар, дисциплинарная ответственность, но и выработать механизмы по совершенствованию нормативно-правовой базы в сфере этических аспектов деятельности адвокатов.

В настоящее время Конституция нашей страны гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ). В федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» раскрывается понятие квалифицированной юридической помощи. Однако, несмотря на то, что квалификационные требования, предъявляемые к адвокатам, концептуально закреплены, все же существуют пробелы в части определения критериев квалификационности. С учетом вышесказанного, считаем целесообразным внести изменения в статью 1 федерального закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в РФ», изложив ее следующей редакцией:

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее - доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. Квалифицированная юридическая помощь требует знаний адвокатом положений действующего законодательства, наличия у адвоката достаточных навыков, необходимых для применения этих знаний на практике, в том числе и при ведении дел, а также умение использовать их наиболее эффективно в интересах клиента.

Сегодня требуют доработки и наиболее деликатные и сложные в этиче-

ском плане положения Кодекса профессиональной этики адвокатов, связанные с определением гонорара за оказание юридической помощи. К сожалению, нередко случаи, когда адвокаты необъективно подходят к оценке своих возможностей и значительно завышают стоимость оказываемых ими услуг, при этом ставя в зависимость качество и результат рассмотрения дела от размера гонорара адвоката. Подобного рода ситуация опасна тем, что может вызвать негативное и не доверительное отношение к образу адвокатуры в целом. В связи с этим, целесообразно обратиться к зарубежному опыту, где вопросы, связанные с определением гонорара базируются на принципе «разумности».

Понятие «разумности» содержится во многих законодательствах зарубежных стран. Так, в Типовых правилах профессиональной этики американских адвокатов установлено, что «гонорар адвоката должен быть разумным. При этом определяются критерии «разумности» (п. 1.5 Типовых правил профессиональной этики американских адвокатов) [2].

С учетом существующих форм определения гонорара, представленных в виде соглашения, назначения адвоката, и бесплатная юридическая помощь, предоставляемая в соответствии с Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [1], и руководствуясь критерием разумности, считаем необходимым внести изменения в п. 2 ст.16 Кодекса профессиональной этики адвокатов, изложив ее в следующей редакции:

Гонорар определяется:

- 1. соглашением сторон;*
- 2. устанавливается в качестве дополнительного вознаграждения, для адвокатов, осуществляющих свою деятельность по назначению;*
- 3. выплачивается из бюджетных средств, в рамках реализации Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».*

Гонорар должен быть разумным. Факторы, которые должны приниматься во внимание при определении разумного размера гонорара, включают следующее: объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию, способности адвоката, оказывающего юридическую помощь, степень срочности выполнения работы, материальное положение доверителя, гонорар, обычно берущийся в данном регионе за подобные юридические услуги.

Как известно, адвокаты выполняют важные функции в ходе отправления правосудия, что предопределило урегулирование статуса адвокатов во внутригосударственном праве, а также выработку определенных стандартов на международном уровне [3, с. 37]. Одним из принципов адвокатской деятельности, который составляет существенно важную гарантию продвижения и защиты прав человека, а также является необходимым условием эффективного и адекватного доступа к юридическим услугам является принцип независимости. Не-

зависимость адвоката обуславливается тем, что задачи, выполняемые адвокатом в процессе профессиональной деятельности, требуют отсутствия какого-либо влияния на него, связанного, в первую очередь, с его личной заинтересованностью или с давлением извне. Надо сказать, что независимое положение адвоката во многом способствует укреплению в обществе доверия к процедурам правосудия в целом.

Пробелы в сфере независимости адвоката могут быть ликвидированы посредством принятия поправки в ст. 18 Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре, включения материальных гарантий. В этом случае речь идет о принятии положений нормы Кодекса правил для адвоката стран Европейского сообщества, в которых утверждена независимость как при рассмотрении имущественных споров, так и не связанных с материальной заинтересованностью дел. Целесообразно изложить отдельным пунктом ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» следующей редакции: *«Адвокату следует сохранять независимость при рассмотрении как имущественных споров, так и не связанных с материальной заинтересованностью дел. Совет, полученный клиентом от адвоката, теряет смысл, если последний дал его, руководствуясь соображениями собственной выгоды, из каких-либо других корыстных интересов или под воздействием давления извне».*

Одним из основополагающих принципов адвокатской деятельности является обязанность адвоката хранить профессиональную тайну. Выдающийся юрист А. Ф. Кони говорил об адвокатской тайне следующее: «Между защитником и тем, кто в тревоге и тоске от грозного надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою невиновность или объяснить свое падение и свой скрываемый от других позор, такими подробностями личной жизни и семейного быта, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и глухой» [4, с. 25-26].

Проблема действующего законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, прежде всего в отсутствие структурной стройности и наличием многочисленных пробелов и коллизий. Как правило, коллизии возникают между нормами Закона об адвокатской деятельности, направленными на защиту адвокатского иммунитета и обеспечение нерушимости адвокатской тайны, и нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ, не учитывающими специфику оказания квалифицированной юридической помощи, которая, согласно нормам международного права, заключается прежде всего в конфиденциальности взаимоотношений адвоката и доверителя. Так, предпочтительно включение в УПК РФ положений, реально обеспечивающих неприкосновенность адвокатской тайны, отдельной статьей. Такое совершенствование российского законодательства вполне реально и актуально на сегодняшний день, в связи с выявлением на практике устойчивой тенденции игнорирования норм специального

законодательства об адвокатской деятельности должностными лицами. Именно такой подход предполагается Кодексом поведения для юристов в Европейском сообществе (п. 2.3.1).

Как известно, в настоящее время единственным механизмом контроля за качеством оказываемой юридической помощи, является дисциплинарная ответственность адвокатов. К сожалению, сегодня актуальной является проблема отсутствия четких критериев по выбору меры дисциплинарной ответственности в отношении адвоката. В связи с этим, считаем необходимым внести изменения в ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», изложив ее в следующей редакции:

«За неисполнение либо ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем: в случае если он замечен в поведении, при котором имеют место такие элементы как непорядочность, мошенничество, обман или недолжное представление; если он совершает действия, которые отражаются на его репутации как честного, заслуживающего доверия адвоката, или ставят под сомнение его профессиональную пригодность, и в случае нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат в зависимости от наступивших последствий несет ответственность в виде: замечания; предупреждения; прекращения статуса адвоката.

Таким образом, этические аспекты в работе адвоката играют важную роль. Являясь вектором для всей системы адвокатской этики, они устанавливают грани недопустимого и должного, в работе каждого адвоката.

Список литературы

1. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс]: [федер. закон РФ от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ]. Режим доступа // <http://www.rg.ru/2011/11/23/yurpomosh-dok.html> (дата обращения: 09.04.2013).
2. Типовые правила профессиональной этики американских адвокатов (извлечения) [Текст] // Адвокат. - 1998. - № 4, 5.
3. Автономов, А.С. Международные стандарты в сфере отправления правосудия [Текст] / А.С. Автономов. - М.: Новый учеб., 2007.
4. Кони А.Ф. Общие черты судебной этики [Текст] / А.Ф. Кони. - СПб., 1895.

Н.И. Клейменова, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

РОЛЬ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Статья посвящена роли адвоката-защитника, как субъекта доказывания при производстве по уголовному делу.

В современной юридической литературе уже давно не отрицается тот факт, что адвокат-защитник является субъектом доказывания. Это связано с тем, что он наделен широкими правами по участию в доказывании [3].

Согласно ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ) понятие «доказывание» трактуется как собирание, проверка и оценка доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса, а именно:

- 1) события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновности лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого;
- 4) характера и размера вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание;
- 7) обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- 8) обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).
- 9) обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

В юридической литературе доказывание определяется как осуществляемая «в процессуальных формах деятельность органов расследования и суда, а также других наделенных по закону правами участников процесса по собиранию, закреплению, проверке и оценке фактических данных, необходимых для установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного судопроизводства».

Опираясь на понятие «доказывание», предложенное Н.А. Якубовичем, следует то, что адвокат является одним из основных участников уголовного процесса, основной задачей деятельности которого, с одной стороны, является установление истины, а с другой – исполнение возложенных на него обязанностей.

Особую роль адвоката-защитника в процессе доказывания можно обусловить тем, что он, как и дознаватель, следователь, прокурор является профессиональным участником процесса, который обладает специальными юридическими знаниями.

Для того чтобы наиболее полно понять роль адвоката-защитника в доказывании, необходимо рассмотреть данную тему в двух аспектах: с одной стороны – это статус, права и обязанности адвоката и их реализация; с другой – процесс собирания тех или иных доказательств по уголовному делу.

Стоит заметить, что статус защитника в процессе доказывания определен достаточно противоречиво.

Связано это с тем, что, несмотря на то, что в законодательстве закреплён довольно широкий круг профессиональных прав адвоката, все-таки в настоящее время данные положения отчасти носят декларативный характер.

Объясняется это тем, что с одной стороны, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, адвокат имеет право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи подзащитному. С другой стороны, раскрывая способы, с помощью которых защитник может собирать доказательства, закон не обозначает этим термином получаемую им информацию.[4]

Следует заметить, что процессуальный порядок производства действий адвоката, описанных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ по собиранию и представлению доказательств, законодателем не установлен.

ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не упоминает о праве адвоката собирать доказательства, отмечает лишь предметы, которые могут быть признаны таковыми, а значит, могут и не являться ими.

В своей статье «О праве адвоката на собирание предметов и документов, служащих основой для формирования доказательств в уголовном процессе» А.В. Рагулин приводит данные опроса адвокатов, в отношении предоставленных им законодательством прав на собирание доказательств. Согласно полученным результатам, далеко не во всех случаях предоставленные защитнику права удовлетворяются.

Как справедливо подчеркивается в юридической литературе, практика применения ст. 53 и ст. 86 УПК РФ, а также п. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» показывает, что адвокат фактически не имеет права собирать доказательства, но имеет на основании

этих норм возможность собирать информацию об источниках доказательств (доказательственную информацию), которые после их процессуальной проверки путем проведения следственных действий могут быть признаны доказательствами.

Впрочем, будет весьма преждевременно заявлять о том, что в уголовном процессе России предусмотрена возможность проведения параллельного адвокатского расследования. Это обусловливается тем, что в соответствии с ч. 1 ст. 49 УПК РФ компетенция адвоката-защитника ограничивается защитой, а компетенция адвоката-представителя – представлением интересов участников процесса в уже проводимом государственными органами производстве по делу. Другими словами, все то, что наработывается адвокатами в области доказывания, следователями и другими компетентными органами уголовного процесса игнорируется или перепроверяется. Решением данной проблемы может послужить включение результатов параллельного адвокатского расследования в перечень доказательств, которые подлежат оценки органами предварительного расследования, прокурором или судом.

Таким образом, для того, чтобы собранная адвокатом доказательственная информация в большинстве случаев вводилась в уголовный процесс в качестве доказательств, в соответствующем законодательстве следует указывать не на само право защитника собирать доказательства, а на право адвоката предоставлять доказательственные сведения и материалы, которые, по ходатайству защитника, могут быть переданы следователю и суду для проверки и дальнейшего процессуального закрепления.

Анализируя вопросы участия адвоката на предварительном следствии, В. Стрёмовский в свое время справедливо отмечал, что участие адвоката в доказывании — это его право. Однако адвокат должен проявлять максимум инициативы в доказывании невиновности обвиняемого или в поисках доказательств, смягчающих ответственность его подзащитного. Можно сказать, что право адвоката плавно переходит в его обязанности.

Е. Шеин признает за защитником право «собирать только справки, характеристики, выписки, копии и другие документы, получение которых не требует процессуального оформления, их доброкачественность может быть всегда проверена, а в случае необходимости они легко заменяются». Таким образом, можно сказать, что роль адвоката в области доказывания несколько принижается.

С учетом норм действующего уголовно-процессуального законодательства, анализируя вопросы участия адвоката-защитника в процессе доказывания, а именно собирание и предоставление сведений и иных доказательств, следует обратить внимание на основные права адвоката в ходе данной деятельности.

1. В соответствии с п. 1 ст. 86 УПК РФ адвокат вправе собирать до-

казательства путем получения предметов, документов и иных сведений. Полученные защитником от подзащитного или других лиц предметы, не могут считаться вещественными доказательствами по двум причинам:

- решение о приобщении их к делу принимает не защитник, а следователь;
- невозможно приобщить предмет к материалам дела без его исследования процессуальными средствами для того, чтобы выявить свойства, которыми должен обладать этот вид доказательств.

Под «иными сведениями» понимаются сведения о так называемых потенциальных доказательствах – свидетелях, предметах, которые адвокат может получить от подзащитного, его родственников, близких и других лиц.[3]

2. В соответствии с п. 2 ст. 86 УПК РФ адвокат вправе собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия. Проводя опрос граждан с их согласия, защитник получает определенную информацию, но она не формируется как доказательство по уголовному делу, прежде всего потому, что отсутствует законодательное закрепление порядка проведения и фиксации результатов данного опроса. Это связано с тем, что допрос – это обязанность, а опрос – право. В свою очередь, данные результаты опроса, многие отождествляют с «иными документами» (ст. 84 УПК РФ). Подобное действие является ошибочным, поскольку расширяет канал поступления в уголовный процесс непроцессуальной информации, перечень которой установлен в ст. 84 УПК РФ.

3. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем истребования справок, характеристик, иных документов от государственных органов, органов местного самоуправления и т.д., которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии. Данные доказательства могут соответствовать требованиям ст. 84 УПК РФ по своему содержанию и происхождению, но станут они «иными документами» только после того, как следователь удовлетворит ходатайство о приобщении их к материалам дела.

4. В соответствии с п.3 ч. 1 ст. 53 защитник вправе привлечь специалиста. Данное право предоставляется защитнику для претворения в жизнь принципа состязательности уголовного процесса, а также равноправия сторон. Выделяют следующие формы деятельности специалиста в уголовном судопроизводстве:

- помощь при проведении процессуальных действий;
- для постановки вопросов эксперту;
- разъяснение сторонам и суду вопросов, входящих в его компетенцию.

5. Адвокат вправе заявлять ходатайства, участвуя в доказывании в досудебной инстанции. Основными целями подачи заявления о ходатайстве являются:

- установление обстоятельств, которые имеют значение для рассматриваемого уголовного дела;
- в соответствии с ч. 1 ст. 119 УПК РФ обеспечение прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, или представляемого им лица.

Таким образом, следует отметить, что адвокат является субъектом доказывания, поскольку принимает на себя защиту и допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника. В своей деятельности адвокат должен принимать активное участие в процессе доказывания, поскольку пассивность защитника может повлечь неблагоприятные последствия для его доверителя. Защитник также должен руководствоваться в своей защите лишь на тех основаниях, которые он сможет доказать. Адвокат-защитник наделяется такими полномочиями, которые дают ему право отстаивать интересы клиента, защищать его во время всего уголовного процесса, начиная со стадии возбуждения уголовного дела и заканчивая защитой в ходе судебного разбирательства, в том числе во второй инстанции.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 26.03.2013.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 26.03.2013.
3. Адвокат в уголовном процессе [Текст] / под ред. Н. А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 375 с.
4. Михайловская, И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе [Текст] / И. Б. Михайловская. – М.: Изд-во: Проспект, 2008. – 192 с.
5. Рагулин, А.В. Адвокат в уголовном процессе [Текст]: учебно-практическое пособие / А. В. Рагулин. – М.: Феникс, 2007. – 480 с.
6. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования [Текст] / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2008. – 126 с.

УДК 343.131

К.Ю. Крупенникова, Ю.А. Подкопаева, студенты юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЕЙ И ИНЫХ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с практическим обеспечением безопасности свидетелей и потерпевших при производстве по уголовному делу.

Практическая реализация закрепленного в ст.11 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ) принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в стадии судебного разбирательства уголовного дела требует принятия мер безопасности в отношении практически всех участников уголовного судопроизводства при возникновении опасности для их жизни, здоровья, имущества в связи с их участием в судебном процессе [1].

Изучение правоприменительной практики показывает, что в последние годы количество незаконных воздействий на субъектов уголовного процесса существенно увеличилось. Так, ежегодно в России свыше 300 тыс. свидетелей получают угрозы о расправе, 5 тыс. обращаются к правоохранительным органам с просьбой о защите. К примеру, при расследовании нашумевшего дела о взрыве на Котляковском кладбище многочисленные свидетели любыми способами избегали контактов с оперативно-следственной бригадой. Из-за неявки свидетелей неоднократно переносились судебные заседания. Правоприменительной практике известны случаи, когда участников процесса похищали и подвергали жестоким избиениям и издевательствам только потому, что они содействовали судопроизводству.

По результатам некоторых исследований, в настоящее время в России более 90 % потерпевших и свидетелей по уголовным делам, обладающих ценной информацией о совершенном или готовящемся преступлении, готовы отказаться от показаний в случае угрозы их жизни и безопасности [2], несмотря на то, что на законодательном уровне созданы определенные гарантии обеспечения их безопасности при производстве по уголовному делу.

Так, согласно ч.9 ст. 166 УПК РФ при необходимости обеспечения безопасности защищаемых лиц и их родственников следователь вправе в протоколе любого следственного действия не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагаются причины принятого решения, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которую он в дальнейшем будет использовать при производстве следствен-

ных действий. Постановление помещается в конверт, который опечатывается и приобщается к уголовному делу.

Исходя из положений ч.ч. 2 и 8 ст. 193 УПК РФ, после предварительного допроса об обстоятельствах, при которых опознающий видел предъявленное ему для опознания лицо, в целях обеспечения безопасности предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

В соответствии с ч. 5 ст. 278 УПК РФ при необходимости обеспечения безопасности лица суд без оглашения полных данных о его личности вправе произвести допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение допрашиваемого другими участниками судебного разбирательства.

Согласно требованиям ст. 217 УПК РФ следователь обязан предъявить обвиняемому и защитнику прошитые и пронумерованные материалы уголовного дела, за исключением постановления, в котором содержатся данные о личности засекреченного лица. Для ознакомления предъявляются также вещественные доказательства, фотографии, материалы аудио-, видеозаписи, киносъемки, иные приложения к протоколам следственных действий. Обвиняемый и его защитник вправе неограниченное количество раз обращаться к любому из томов уголовного дела, выписывать из него любые сведения и в любом объеме, снимать копии с любого документа, в том числе и с применением технических средств.

Согласно ч. 3 ст. 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник не могут быть ограничены во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела. Такое ограничение возможно лишь в случае установления судом факта явного затягивания времени ознакомлением с делом.

Получив право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела, обвиняемый, изучая показания свидетеля о тех либо иных обстоятельствах исследуемого события, анализируя материалы дела в совокупности, в первую очередь по содержанию самих показаний может догадаться, кто свидетельствует против него. В идеале реальное сохранение данных о личности свидетеля в тайне возможно лишь в той ситуации, когда он явился, допустим, случайным очевидцем того или иного преступления и не попал в визуальный контакт с обвиняемым либо был с ним до этого не знаком.

Не секрет, что обозначенные проблемы характерны для многих уголовных дел об организованных преступных формированиях, а также по иным категориям дел, субъектами которых выступают их члены либо иные лица, обладающими возможностями по подкупу, шантажу, психологическому и физическому воздействию на участников уголовного судопроизводства. К примеру, это могут быть лица, хотя и не являющиеся членами преступных организаций, но обладающие определенными с ними связями и материальной базой, лица, занимающие высокое должностное положение, и др.

Серьезную проблему представляет собой противопоставление двух институтов «защиты» в уголовном процессе - института защиты прав обвиняемого и института защиты свидетелей обвинения и потерпевших. С одной стороны, предоставление материалов уголовного дела обвиняемому до начала судебного разбирательства обеспечивает его право на защиту. Ему предоставляется достаточное время для того, чтобы он с помощью защитника изучил все аргументы и на заключительном этапе предварительного следствия, а чаще всего в ходе судебного следствия, выдвинул свои контраргументы. С другой стороны, предоставляя материалы следствия с анкетными данными всех свидетелей и потерпевших членам организованных преступных формирований, наделенным криминальной властью и способным на любые действия, вплоть до физического устранения, мы подвергаем реальной угрозе жизнь и здоровье свидетелей и потерпевших [2].

По времени закон не ограничивает суд в вынесении решений по вопросам безопасности участников судебного разбирательства на любой стадии процесса. При этом суд, принимая решение о применении тех или иных мер безопасности, руководствуется рядом оснований, оцениваемых наряду с материалами уголовного дела. Такими основаниями являются:

а) наличие принятых мер безопасности в процессе досудебного производства (предварительного расследования), информация о которых должна быть своевременно и полностью доведена до суда (судьи) и быть реализована в виде соответствующих мероприятий в рамках судебного рассмотрения дела;

б) заявления в адрес суда участников процесса (свидетелей, потерпевшего и его представителей, подсудимых), их родственников и других близких лиц о необходимости принятия в отношении них мер безопасности;

в) ходатайства об обеспечении мер безопасности в отношении уголовного процесса, заявленные государственным обвинителем или защитником;

г) сведения об угрозе посягательства в отношении участников судебного уголовного дела и близких им лиц, представленные в официальном порядке в суд органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, либо другими правоохранительными органами, сотрудникам которых эти сведения стали известны при выполнении ими служебных обязанностей;

д) собственная инициатива суда (судьи), который по своему усмотрению вправе самостоятельно принять решение об обеспечении мер безопасности в отношении участников процесса и других лиц [3].

В ст. 11 УПК РФ также содержится перечень процессуальных мер защиты, которые принимаются в целях обеспечения личной безопасности свидетелей и иных лиц, содействующих уголовному судопроизводству.

Правозащитное значение, несомненно, имеет своевременное признание жертвы преступления потерпевшим. Однако много случаев, когда пострадавшее от преступления лицо признается потерпевшим на завершающей стадии

уголовного судопроизводства. Немало и фактов, когда уголовные дела своевременно не возбуждаются. Такая практика противоречит международно-правовым стандартам защиты жертв преступлений и их свободному доступу к механизмам осуществления уголовного правосудия, включающего уголовное преследование. Это наводит на мысль о необходимости наделения пострадавшего правом требовать возбуждения уголовного дела и признания его потерпевшим. Резонно также установить правило, согласно которому решение о признании потерпевшим орган предварительного расследования принимает при возбуждении уголовного дела. В случае, если в момент возбуждения уголовного дела основания для признания потерпевшим отсутствуют, указанное решение принимается немедленно по установлении таких оснований. Согласно же п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование касается и подозреваемого, так как оно означает процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого, обвиняемого в совершении преступления. А п. 47 ст. 5 УПК РФ включает потерпевшего, его законного представителя в число субъектов обвинения [4].

Нами затронуты далеко не все вопросы обеспечения безопасности граждан, содействующих уголовному судопроизводству. Ясно одно, нормативная база и практика применения этих мер нуждаются в оптимизации. Чем больше реальных гарантий, тем больше шансов на сотрудничество жертв преступлений с правоохранительными органами. Должна быть создана эффективная система правовой помощи для жертв преступлений, чтобы они могли иметь свободный доступ к органам уголовной юстиции в любых обстоятельствах [4].

Таким образом, содержание и тактика мероприятий и судебных действий, связанных с безопасностью участников уголовного судопроизводства, состоит не в механическом сокрытии персональных данных этих лиц и применении других мер защиты, а представляет собой достаточно сложную совокупность действий и приемов, проведение которых направлено на практическое обеспечение принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Суд, выполняя обязанности по обеспечению безопасности личности при проведении судебного следствия и на протяжении всего судебного процесса, обязан принимать надлежащие меры реальной защиты его участников от противоправных действий с одновременным получением достаточных и допустимых доказательств в целях вынесения законного и справедливого приговора [4].

Список литературы

1. Губин, С. Защита свидетелей и потерпевших [Текст] / С. Губин // Исследования, Poleмика, Предложения . – 2009. – № 5.
2. Дмитриева, Л. Обеспечение безопасности потерпевших как важное условие активности их участия в уголовном преследовании [Текст] / Л. Дмитриева // Российская юстиция. –

2008. – № 5.

3. Зайцев, О.А. Обеспечение безопасности свидетелей и иных, содействующих уголовному судопроизводству [Текст] / О.А. Зайцев // Юридическая практика. – 2007. – № 7.
4. Халиков, А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в стадии судебного разбирательства [Текст] / А. Халиков // Уголовный процесс. – 2008. – № 4(8).

УДК 343.1

И.С. Маслова, Ю.Ю. Вялых, студенты юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОРАЛИ В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассматривается вопрос нравственных критериев адвокатской деятельности, а также вопрос отличия понятия нравственности для различных социальных групп. Автор говорит о том, что при осуществлении своей профессиональной деятельности адвокат должен в первую очередь опираться не на нормы морали, присущие обществу в целом, а лишь на те нормы, которые присущи адвокату в связи с осуществлением им профессиональной деятельности. Также в статье затрагивается вопрос, касающийся самоговора подзащитного и в соответствии с этим избрание позиции адвоката, осуществляющего защиту по данному делу.

В процессе осуществления своей профессиональной деятельности адвокат сталкивается со многими трудностями. Одной из наиболее серьезных проблем является нахождение компромисса между частным интересом, правами и свободами отдельных лиц, с одной стороны и публичными интересами государства и общества с другой. Часто нахождение данных компромиссов, сопряжено с различными соблазнами, но безусловно требует от адвоката оставаться на почве права и нравственности [5, с.45].

В чем же заключаются нравственные критерии адвокатской деятельности?

Многие граждане нашей страны испытывают гнев к тому или иному преступнику, совершившему какое-либо жестокое преступление. И при ответе на вопрос заслуживает ли он наказания, без доли сомнения отвечают положительно. Негатив, испытываемый к преступнику, также распространяется и на адвоката, который в силу своих профессиональных обязанностей осуществляет защиту лица, обвиняемого в совершении преступления. И люди часто воспринимают такое поведение адвоката, как противоречащее нормам морали.

Нравственность представляет собой свод неписаных правил, определяю-

щих благонравное поведение человека. Опирается на нравы, т.е. на добровольное соглашение людей, которые пытаются соотнести свои чувства, стремления и действия с жизненными установками других людей, с интересами и достоинством всего общества [2 с. 15].

Право же в свою очередь – это система правил поведения людей, которая устанавливается или санкционируется государством [2, с. 16].

Закон говорит нам о том, что адвокат не вправе:

-занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя;

-делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее не отрицает;

-разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием последнему юридической помощи, без согласия доверителя;

-отказаться от принятой на себе защиты [1].

Согласно вышеизложенному назревает вопрос: не противоречит ли нормам морали то, что адвокат, руководствуясь волей доверителя, все же продолжает собирать доказательства его невиновности, если он убежден в обратном?

Не получается ли что государство снимает с себя и возлагает на адвоката аморальные обязанности?

Для того чтобы разобраться в поставленном вопросе представим, что адвокат занял позицию вопреки воле доверителя по той причине, что хочет помочь расследованию и следователю. Будет ли такой поступок считаться аморальным? С точки зрения адвоката данная позиция, конечно же, будет не только незаконной, но и аморальной. А вот с точки зрения обычного гражданина, конечно же, позиция, направленная на установление истины однозначно будет соответствовать нормам морали.

Здесь нельзя не согласиться с мнением Ю.С. Пилипенко, о том, что мораль различна для разных социальных групп. И в рассматриваемой нами ситуации нравственное поведение адвоката сводится к тому, что он должен качественно и добросовестно выполнять возложенные на него обязанности [3, с. 54].

Так, хирург, оперирующий серийного маньяка, ни на секунду не должен сомневаться в том, оказывать ли такому человеку помощь или нет.

Следовательно, нельзя считать, что государство возлагает на адвоката аморальные обязанности. Т.к. в силу своих должностных обязанностей не смотря ни на что, адвокат должен осуществлять защиту своего доверителя. А вот как раз отказ от подобной защиты будет считаться аморальным для адвоката.

Анализируя все вышесказанное нельзя не обратиться к вопросу, касающемуся самоговора подзащитного.

Несмотря на то, что адвокат-защитник является самостоятельным участ-

ником уголовного процесса, его самостоятельность ограничена лишь предметом защиты и ее пределами, следует иметь в виду, что избрание им правовой позиции прямо зависит от позиции его подзащитного. Исключение составляет лишь та ситуация, когда адвокат убежден в самооговоре подзащитного. При этом в адвокатской практике нередко возникают ситуации, когда при явном самооговоре подзащитный в доверительной беседе мотивирует адвоката избранный позицию (наличие угрозы со стороны третьих лиц, принятие вины на себя с целью ограждения близкого человека и т.п.) и просит адвоката не противиться его воле. В данной ситуации адвокат стоит перед выбором, придерживаться позиции подзащитного или отстаивать его невиновность в качестве самостоятельного участника процесса [4, с. 11].

Исследователями данного вопроса было проведено анкетирование, в котором был задан вопрос адвокатам, о том, какой позиции они будут придерживаться в случае добровольного обоснованного самооговора, данное анкетирование показало следующее [4, с. 12]:

-25% будут осуществлять защиту, придерживаясь позиции подзащитного;

-15% будут доказывать невиновность своего подзащитного вопреки его воле;

-35%-избрание защитительной позиции по делу будет зависеть от конкретных обстоятельств уголовного дела;

-50%затрудились ответить на этот вопрос.

На наш взгляд, в данной ситуации, согласно закону, действиями адвоката должно быть разъяснение всех последствий указанного признания своему подзащитному, а также совершение всех необходимых процессуальных действий, направленных на оправдание подзащитного или смягчение его ответственности.

Однако это именно тот случай, когда адвокат должен исходить не из этических норм закона, а из конкретных обстоятельств уголовного дела с учетом этических норм.

Список литературы

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [Принят Государственной Думой 26 апреля 2002 №63-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2002.
2. Осадчая, О.И. Моральные и нравственные аспекты адвокатской деятельности [Текст] / О.И. Осадчая // Адвокатская практика. – 2008. - №4. - С. 15-19.
3. Пилипенко Ю.С. Адвокатская тайна [Текст] / Ю.С. Пилипенко // Закон и право. – 2006. - № 1. – С.54-56.
4. Подольный, Н.А. Законодательные основы нравственной деятельности адвокатов [Текст] / Н.А. Подольный // Адвокатская практика. – 2005. - № 2. – С. 10-12.
5. Ходилина, М.В. Некоторые этические проблемы, возникающие при осуществлении ад-

УДК 343.13

Е.А. Махова, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ОБВИНЕНИЯ И ОТКАЗА ОТ ОБВИНЕНИЯ

В статье излагаются вопросы организации поддержания прокурором государственного обвинения в соответствии с российским уголовно-процессуальным законом, проблемы отказа и изменения прокурором обвинения, особенности процессуальной регламентации на законодательном и внутриведомственном уровнях указанных аспектов процессуальной деятельности прокурора.

Прокурор в судебном процессе по уголовному делу поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность, руководствуется общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а также приказами Генерального прокурора Российской Федерации.

При наличии установленных законом оснований изменение обвинения и отказ от обвинения в суде первой инстанции должны являться обязанностью прокурора.

Поддерживая государственное обвинение, прокурор должен не только доказывать виновность подсудимого, но и предупреждать необоснованное, при отсутствии достаточных доказательств, признание подсудимого виновным и его осуждение.

Статья 252 УПК РФ устанавливает пределы судебного разбирательства, определяет, что оно проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение государственным обвинителем обвинения означает, что пределы судебного разбирательства будут определяться новым обвинением, при этом изменение обвинения допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа (ч.7 ст.246 УПК РФ). Полный или частичный отказ

государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 ч.1 ст.24 и пунктами 1 и 2 ч.1 ст. 27 УПК РФ. Таким образом, если прокурор отказался от обвинения, суд обязан прекратить уголовное дело или уголовное преследование.

После отказа прокурора от обвинения суд вправе прекратить уголовное дело независимо от мнения потерпевшего, однако предполагается, что государственный обвинитель предварительно ставит в известность потерпевшего и других участников со стороны обвинения о сложившейся у него позиции. Это предусмотрено в п.14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 “О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном производстве”, что “суд вправе при наличии к тому оснований удовлетворить ходатайство государственного обвинителя в судебном заседании о предоставлении ему возможности согласовать свою позицию с потерпевшим, его законным представителем и представителями как участниками судопроизводства со стороны обвинения” [2].

В соответствии с ч. 5 ст. 236, ч.7 ст. 246 УПК государственный обвинитель вправе отказаться от обвинения как в предварительном слушании, так и в ходе судебного разбирательства. По мнению Н.А. Колоколова, такая ситуация в предварительном слушании возможна в тех случаях, когда по делу имеются бесспорные основания для изменения обвинения в сторону смягчения, частичного или полного отказа от него (например обвиняемый не достиг возраста, с которого возможна уголовная ответственность). Одним из условий реализации данного полномочия прокурора Н.А. Колоколов считает наличие таких обстоятельств, при которых не требуется исследования доказательств, а допущенная ошибка очевидна и может быть исправлена без вторжения в сферу доказывания. Он утверждает, что такая ситуация может возникнуть, например, и в результате признания некоторых доказательств обвинения недопустимыми [7, с. 182-184].

Вместе с тем можно согласиться с В.Ф. Крюковым в том, что на предварительном слушании, “где непосредственно доказательства не могут быть исследованы и нет процессуальной возможности определиться по существу с такими свойствами доказательств, как достоверность и достаточность их совокупности, отказ от обвинения не может быть полноценно обоснован”. При этом он обращает особое внимание на то, что “решение судьи об исключении доказательств, принятое на предварительном слушании, не является окончательным. Вопрос о допустимости доказательства может быть повторно рассмотрен в судебном заседании при разрешении дела по существу” [5, с. 23].

Прокурор должен тщательно подготовиться к участию в рассмотрении уголовного дела, наряду с этим, в соответствии с ч.3 ст.227 УПК РФ, он в не-

обходимых случаях вправе обратиться с просьбой к суду, который правомочен предоставить прокурору возможность дополнительного ознакомления с материалами дела, определив сроки для этого с учетом объема материалов дела, которые государственный обвинитель желает изучить. Если подобное ходатайство заявлено в ходе предварительного слушания, оно подлежит рассмотрению, и в случае его удовлетворения заседание суда откладывается на определенный срок. При этом суд должен соблюдать сроки, установленные ч. 3 ст.227 и ст. 233 УПК РФ [1].

В ситуации, когда стороной защиты оспаривается допустимость доказательств, а государственный обвинитель приходит к убеждению об обоснованности этих аргументов, то он обязан согласовать свою позицию с прокурором, поручившему поддерживать государственное обвинение. Это вытекает из п. 8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465 “Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства”, в соответствии с которым государственному обвинителю при существенном расхождении его позиции с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, предписано докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение, который в случае принципиального несогласия с позицией обвинителя, исходя из законности и обоснованности предъявленного обвинения должен своевременно решать вопрос о замене обвинителя либо самому поддерживать обвинение. Недопустимо любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами [3].

Вышеназванный приказ Генерального прокурора Российской Федерации предполагает наличие согласованной правовой позиции прокурора, поручившего поддерживать государственное обвинение и прокурора, участвующего в рассмотрении дела судом. Такой порядок представляется вполне логичным, так как он исключает поспешные шаги прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде. Дав подчиненному прокурору поручение о поддержании обвинения в суде, руководитель органа прокуратуры не утрачивает контроля за исполнением им обязанности обеспечить законность и обоснованность государственного обвинения (ч.4 ст. 246 УПК РФ).

Генеральный прокурор Российской Федерации в данном приказе обязал государственных обвинителей исходить из того, что решение об отказе от обвинения может быть принято только на основании объективной оценки имеющейся информации в ее совокупности. Заявление прокурора о полном или частичном отказе от обвинения или об изменении обвинения в сторону улучшения положения подсудимого может быть сделано лишь после окончания исследования материалов дела, т.е. судебного следствия. Отказ прокурора от обвинения, когда материалы дела исследованы не в полном объеме, является прежде-

временным. В юридической литературе правильно отмечается, что “прокурор может воспользоваться названным правом только тогда, когда имеются фактические и правовые основания для принятия такого процессуального решения, когда он приходит к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение”.

В предварительном слушании по результатам рассмотрения ходатайств об исключении отдельных доказательств чаще всего еще нельзя сформировать правильное мнение о необходимости отказа от обвинения. Убеждение государственного обвинителя в том, что предъявленное обвинение подсудимому не подтверждается имеющимися доказательствами, как правило, должно связываться с результатами судебного следствия.

Можно согласиться с мнением прокурорских работников, обеспечивающих государственное обвинение в суде по уголовным делам, о целесообразности включения в приказ Генерального прокурора Российской Федерации требование о недопустимости отказа от обвинения полностью или в части в связи с удовлетворением судом ходатайств об исключении отдельных доказательств обвинения или представления новых доказательств стороной защиты на стадии подготовки дела к судебному заседанию, поскольку по этим основаниям отказ государственного обвинителя от обвинения возможен только после рассмотрения уголовного дела по существу.

Необходимо особо обратить внимание на структуру выступления государственного обвинителя, принявшего решение об отказе от обвинения. Целесообразно начать свою речь с объявления сущности и значения п. 7 ст. 246 УПК РФ, раскрыть роль прокурора в судебном разбирательстве, его задачи. Затем следует перейти к краткому изложению обвинения и доказательств, которыми оно подтверждалось на предварительном следствии. После этого анализируются и оцениваются доказательства, исследованные в судебном заседании, и делается вывод о том, что они не подтвердили предъявленного обвинения” [4, с. 121].

Анализируя и оценивая доказательства, “государственный обвинитель обязательно должен указать те изменения, которые претерпели доказательства в ходе судебного следствия, и причины этих изменений. Если отказ от обвинения связан с появлением в суде новых доказательств, которые не исследовались на предварительном следствии, то прокурор обязан уделить внимание именно им. В заключительной части речи с отказом от обвинения предлагается указать правовые нормы, которыми прокурор руководствовался” [8, с. 441].

Согласно п. 7 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 № 465 отказ государственного обвинителя от обвинения должен быть мотивирован [3].

Во исполнение данного приказа после окончания прений сторон государственные обвинители обязаны в письменном виде представлять суду в порядке,

предусмотренном ст.292 УПК РФ, предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в ч.1 ст.299 УПК РФ.

В письменном виде должны представляться и детально изложенные мотивы отказа от обвинения – для приобщения к материалам уголовного дела. Важность и целесообразность предоставления суду прокурором своего решения в письменной форме обуславливаются также рядом причин. Отказ прокурора от обвинения в сравнении с другими ходатайствами имеет более существенное значение и последствия, так как влечет за собой прекращение уголовного дела. Преимущество же письменной формы в том, что она дает возможность суду четко изложить все мотивы и основания отказа, что облегчает сторонам, а также вышестоящему прокурору возможность ознакомления с ними, а суду – вынести обоснованное решение.

Требование письменной формы обусловлено также сложностью фиксации судом нюансов фактических обстоятельств, особенно по делам о совершении подсудимыми нескольких преступлений или по делам в отношении нескольких подсудимых. Судья обязан ознакомить потерпевшего и других участников процесса с мотивировкой отказа прокурора от обвинения. Имея изложенный письменный отказ государственного обвинителя от обвинения, потерпевший, сможет в полном объеме сформулировать свое отношение к нему, в том числе высказать обоснованное возражение против отказа.

В то же время следует иметь в виду, что позиция стороны защиты (например, несогласие адвоката с основаниями, на которые сослался государственный обвинитель) либо возражение потерпевшего против прекращения дела не препятствуют вынесению судом решения, обусловленного отказом прокурора от обвинения [6, с. 26 - 27].

Вопрос о возможности отказа прокурора от обвинения может возникнуть в тех случаях, когда один государственный обвинитель заменяет в деле другого, который не может принять дальнейшее участие в уголовном процессе по каким-то причинам. Такая замена регламентируется положениями ч. 4 ст. 246 УПК РФ, при этом важно отметить, что она не ставит государственного обвинителя, вступившего в процесс, в положение, зависимое от позиции государственного обвинителя, выбывшего из процесса.

Если в ходе судебного разбирательства будут установлены доказательства, опровергающие полностью или частично предъявленное подсудимому обвинение, то вступивший в дело прокурор не только вправе, но и обязан действовать в процессе по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом. Он вправе отказаться от обвинения.

Таким образом, убеждение прокурора в том, что предъявленное обвинение подсудимому не подтверждается имеющимися доказательствами, не может быть бесосновательным и должно связываться с подтверждением итогов по делу, с анализом и оценкой доказательств, которые позволили сформулировать

вывод о непричастности подсудимого к совершению преступления.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 “О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству” [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2010. - № 2.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 “О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном производстве” [Текст] // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. - № 9.
3. Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465 “Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства” [Электронный ресурс] // URL: <http://www.genproc.ru>. (Дата обращения: 06.04.2013).
4. Алексеев, Н.С. Ораторское искусство в суде [Текст] / Н.С. Алексеев, З.В. Макарова.. - Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989.
5. Крюков, В.Ф. Уголовное преследование на стадии рассмотрения уголовных дел в суде: процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора [Текст] / В.Ф. Крюков. - Курск, 2010.
6. Памятка государственному обвинителю [Текст] / Ж.К. Конярова, Н.Ю. Решетова; Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации. - М., 2010.
7. Практика применения УПК РФ [Текст] / отв. ред. В.П. Верин. - М., 2006.
8. Трунов, И.Л. Искусство речи в суде присяжных [Текст]: учеб.- практич. пособие / И.Л. Трунов. - М.: Высшее образование, 2009.

УДК 343.121.5

В.М. Мельничук, магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

**ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
В ПОСТАНОВЛЕНИИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ**

Статья посвящена вопросам судебного толкования норм уголовного законодательства. Анализируется принятое Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 1 февраля 2011 г. Постановление № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». Делаются выводы о достоинствах и недостатках данного постановления, предлагается авторское решение проблемных вопросов толкования и пути совершенствования законодательства в сфере предупреждения преступности несовершеннолетних.

1 февраля 2011 г. Пленумом Верховного Суда РФ принято Постановле-

ние № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее - Постановление). Хотя в документе даны ответы лишь на те вопросы, которые поставлены судами (в теоретических работах обсуждается существенно более широкий круг проблем), однако значение их для правоприменительной практики неодинаково. Представляется целесообразным остановиться на наиболее важных, с нашей точки зрения, положениях, содержащихся в Постановлении.

Без преувеличения данное Постановление можно считать долгожданным: за время действия предыдущего постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» существенно изменилось законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних (см., например, Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ, от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ) и, как следствие, преступность несовершеннолетних. В этой связи «заплатки», привнесенные Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 г. № 7 «Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г., подтвердили актуальность данной проблемы и вселили определенную надежду на последующие положительные изменения и дополнения в судебное толкование норм, регламентирующих особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

К числу очевидных плюсов нового постановления следует отнести: его больший по сравнению с предыдущим постановлением по данной проблеме объем (пунктов стало 47 против 24); большую подробность некоторых разъяснений, касающихся применения уголовно-процессуального законодательства в анализируемой сфере; указание на необходимость соблюдения при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних международных договоров и других официальных документов, регламентирующих вопросы правосудия и обращения с несовершеннолетними правонарушителями (п. 2 Постановления).

Полагаем, что новое Постановление не лишено недостатков. Остановимся на некоторых из них.

1. В Постановлении ничего не сказано о существующей проблеме, связанной с определением понятия «несовершеннолетний». Данное понятие раскрывается в ст. 87 УК РФ, согласно которому «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Отметим, что данное положение не в полной мере соответствует международно-правовым документам, на необходимость которых ориентирует п. 2 Постановления. В частности, в Конвенции ООН о правах ребенка (ст. 1) закреплено, что «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста». Важно, что

термины «несовершеннолетний» и «ребенок» в этом документе используются как синонимы. В ст. 11 (а) Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, «несовершеннолетним является любое лицо в возрасте до 18 лет». Более того, в российском семейном законодательстве несовершеннолетним признается лицо, не достигшее возраста 18 лет (ст. 54 Семейного кодекса РФ).

Учитывая сквозной характер любых категорий, используемых в одном нормативном акте, очевидным остается «недочет» законодателя, не устраняемый правоприменителем путем толкования. Полагаем, что при применении норм УК РФ, в том числе и при определении совершеннолетия лица, следует исходить из положений Конституции РФ и международно-правовых актов. В противном случае при буквальном (формальном) толковании признаков состава преступления - вовлечение лица, не достигшего 14 лет, в совершение преступления или антиобщественные действия - действия виновного не должны признаваться уголовно наказуемыми (п. 42 Постановления), так как потерпевший не является «несовершеннолетним» в смысле ст. 87 УК РФ.

2. Вызывает недоумение и то, что при всей очевидности в имеющемся противоречии законоположений, закрепленных в ст. 20 и 22 УК РФ, их соотношению в новом Постановлении не уделено должного внимания. Более того, предложенное Верховным Судом РФ толкование и ориентиры для правоприменителя в этом вопросе вряд ли можно признать способствующими корректировке законодательного «недоразумения» и единообразию практики применения в части соотношения указанных норм.

Речь идет о том, что в действующем уголовном законодательстве РФ установление «возрастной невменяемости» (ч. 3 ст. 20 УК РФ), при подтверждении которой несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, можно рассматривать как одну из мер, направленных на реализацию принципов, закрепленных в Пекинских правилах. Имеются в виду случаи, когда несовершеннолетний формально достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) и руководить ими. Указание в ч. 3 ст. 20 УК РФ на несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, дает основание предполагать наличие несовершеннолетних, не достигших этого возраста.

Следует сказать об имеющемся противоречии ч. 3 ст. 20 УК РФ и ст. 22 УК РФ, о котором в Постановлении вообще ничего не говорится. Это противоречие связано с несогласованностью положений, закрепленных в ч. 3 ст. 20 УК РФ, с положениями, закрепленными в ст. 22 УК РФ.

При сравнении экспертных заключений, основанных на ч. 3 ст. 20 УК РФ, с возможными заключениями, вытекающими из ст. 22 УК РФ, становятся

очевидными неравноценность и неэквивалентность правовых последствий применения данных норм.

Несовершеннолетний, который не страдает психическим расстройством, но обнаруживает отставание в психическом развитии вследствие социальной и педагогической запущенности, сенсорной депривации и т.п., в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ должен быть освобожден от уголовной ответственности.

В то время как несовершеннолетний больной, обнаруживший, например, признаки психофизического инфантилизма на органически неполноценной почве, других психических аномалий, страдающий олигофренией, а также находящийся в стадии глубокой ремиссии шизофренического процесса и др., признанный вменяемым по конкретному уголовному делу, не способный в полной мере понимать фактический характер и общественную опасность своих действий, не подпадает под действие ст. 20 УК РФ. А в соответствии со ст. 22 УК РФ такой несовершеннолетний подлежит уголовной ответственности.

Суть противоречия состоит в том, что лицо, не способное в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, не подлежит уголовной ответственности, а лицо, обнаружившее те же самые признаки (но на его беду), страдающее каким-либо психическим расстройством, подлежит уголовной ответственности.

И в ч. 3 ст. 20 УК РФ, и в ст. 22 УК РФ законодатель использует термин «фактический характер», не раскрывая его. Возникает вопрос: одинаковое ли по смыслу содержание вкладывается в данное понятие в разных статьях УК РФ? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть положительным.

Что же касается содержания данного понятия, то под ним мы имеем в виду способность несовершеннолетнего к правильному отражению в его сознании криминальных действий, основанному главным образом на его информированности о данном правонарушении.

Представляется, что указанное противоречие между ч. 3 ст. 20 УК РФ и ст. 22 УК РФ необходимо устранить путем изменения ст. 22 УК РФ, в которой следует предусмотреть возможность непривлечения несовершеннолетних, не в полной мере осознающих фактический характер и общественную опасность своих действий, к уголовной ответственности.

Непривлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности вовсе не означает, что государство не будет применять к нему меры воздействия. Это не так. Не будут применяться к несовершеннолетним меры уголовно-правового воздействия, но не воспитательные, медицинские меры, тем более что относительно несовершеннолетних, подпадающих под действие ч. 3 ст. 20 УК РФ, уже сегодня в действующем законодательстве предусмотрено применение соответствующих мер воздействия.

3. Важной новеллой УК РФ 1996 г. явилось появление ст. 96, закрепившей возможность применения положений гл. 14 УК РФ к лицам, совершившим преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. Не секрет, что её применение вызывает множество теоретических и практических вопросов.

Однако, несмотря на это, в Постановлении данной проблеме посвящены всего две строчки. В частности, Верховный Суд РФ разъясняет, что «применение ее (данной статьи) должно быть мотивировано наличием исключительных обстоятельств, характеризующих совершенное лицом деяние и его личность».

К сожалению, данное разъяснение является лишь воспроизведением текста самой ст. 96 УК РФ. А вот ответ на вопрос о том, что это за обстоятельства, которые должен учитывать суд, вслед за предыдущим постановлением Пленума Верховного Суда РФ по данной проблеме, новое постановление не дает. Такой подход вряд ли можно признать обоснованным.

4. Пункт 25 Постановления посвящен наказанию в виде ограничения свободы. Данный вид наказания введен в действие чуть более года назад и является новым для системы наказаний несовершеннолетних. По мнению разработчиков законопроекта о «модернизации» данного вида наказания, он должен стать реальной альтернативой наказаниям, связанным с лишением свободы. Для несовершеннолетних - это более чем актуально. Поэтому, учитывая новизну и очевидную конкуренцию между данным видом наказания и условным осуждением несовершеннолетних, напрашиваются как минимум самые общие разъяснения по поводу применения данного вида наказания к несовершеннолетним. И что мы обнаруживаем: эти разъяснения состоят всего из трех строк, даже не воспроизводящих полностью законодательные особенности применения данного вида наказания к несовершеннолетним.

Правомерно возникает вопрос о том, чем обусловлена немногословность разработчиков Постановления: очевидностью и беспроблемностью применения данного вида наказания или отсутствием за год применения данного вида наказания хоть какой-либо практики, которую можно было бы проанализировать? Ответ на поставленный вопрос очевиден: отсутствие практики. Так, за первое полугодие 2010 г. ограничение свободы было применено в РФ менее чем к 10 несовершеннолетним.

Аналогичным является толкование норм о применении к несовершеннолетнему наказания в виде обязательных работ. Данное толкование сведено к воспроизведению положений ч. 3 ст. 88 УК РФ.

5. Полагаем, что Постановление не отражает требований действующего законодательства в части выбора мер при обращении с несовершеннолетними правонарушителями. Так, несмотря на то, что в ст. 87 УК РФ были внесены принципиальные, на наш взгляд, изменения, закрепляющие приоритет в реагировании на совершенное несовершеннолетним преступление мерами, альтернативными уголовной ответственности - принудительными мерами воспита-

тельного воздействия.

Иными словами, первоочередность применения принудительных мер воспитательного воздействия (при прочих равных условиях) вслед за предыдущим Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. остается лишь благим пожеланием, несмотря на неоднократное упоминание в тексте анализируемого Постановления международных стандартов и указание на обязательный учет особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних, закрепленных в УК РФ. Одной из таких особенностей является возможность освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности, когда достижение цели исправления несовершеннолетнего возможно достигнуть путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

При таком подходе Верховного Суда РФ вряд ли можно вести речь об изменении правосознания рядового правоприменителя и карательной практики (уголовное наказание, условное осуждение) в вопросе применения норм об уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

Несмотря на то, что принудительные меры воспитательного воздействия не являются ни уголовным наказанием, ни иной формой реализации уголовной ответственности несовершеннолетних, данные меры являются их реальной альтернативой и приоритет их применения перед иными мерами уголовно-правового характера к несовершеннолетним, совершившим преступления, должен быть подчеркнут (ярко выражен) как в названии, так и в самом тексте постановлений Пленума Верховного Суда РФ, посвященному данной проблеме (в том числе посредством последовательности судебного толкования законоположений гл. 14 УК РФ).

6. Федеральным законом от 29.12.2010 г. № 427-ФЗ в УК РФ были внесены изменения и дополнения, затронувшие и нормы гл. 14 (изменения вступили в силу с 11.01.2011 г.). В частности, новеллы были внесены в ст. 92 УК РФ в части применения такой принудительной меры воспитательного воздействия, как «помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа». Следовательно, учитывая существенную новизну отмеченных законоположений, как нам представляется, они должны были быть «прокомментированы» правоприменителем хотя бы в минимальном объеме. Однако об этих изменениях в тексте нового Постановления не сказано ни слова, видимо, в силу их (изменений) незначительности либо очевидности.

7. В п. 38 Постановления Верховным судом РФ назван специализированный государственный орган, который ходатайствует об отмене принудительных мер воспитательного воздействия, - это Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее - КДН и ЗП).

Такое толкование вряд ли можно признать удовлетворительным как минимум по следующим обстоятельствам. Во-первых, КДН и ЗП - это не государственный орган (правовая природа его иная, как минимум смешанная, а как

максимум - не определена, отсутствует и специальный закон о КДН и ЗП). А, во-вторых, контроль за несовершеннолетним, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия осуществляют соответствующие подразделения полиции в соответствии с законом «О полиции».

8. В п. 42 Постановления разъясняется, что «...вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления считается оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления или покушения на него». В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» говорилось, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления либо антиобщественных действий независимо от того, совершил ли он какое-либо из указанных противоправных действий. Налицо принципиально иная, диаметрально противоположная оценка момента окончания данных преступлений. Такое смещение акцента в оценке общественной опасности действий вовлекающего представляется недопустимым, противоречащим общей теории уголовного права и задачам по охране интересов и прав несовершеннолетних.

9. Отметим, что общий анализ текста Постановления показывает: - по объему (и количеству) вопросам уголовного процесса в Постановлении уделено большее внимание, чем вопросам материального права; - многие положения предыдущего постановления Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» воспроизведены без изменения. В частности, пункты Постановления, касающиеся назначения наказания несовершеннолетним (например, п. 17). А ведь именно эти вопросы вынесены в название Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 г. - некоторые положения анализируемого Постановления дублируют положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

10. В завершение обратим внимание на содержание п. 47 Постановления. В нем закреплено положение, в соответствии с которым в связи с принятием настоящего Постановления Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 14.02.2000 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» признано утратившим силу.

Полагаем, что использование данного оборота (утратило силу) не совсем корректно применительно к актам судебного толкования (в отличие от нормативно-правовых актов, например закона, который отменяет ранее действовавший закон).

Иными словами, означает ли это, что в случае, если данное в новом постановлении толкование той или иной нормы противоречит или является диа-

метриально противоположным, что руководствоваться следует последними разъяснениями, в том числе и в ситуациях, когда такие разъяснения противоречат закону?

Таким примером противоположного толкования (как уже было отмечено выше) в сравниваемых постановлениях Пленума Верховного Суда РФ являются разъяснения по поводу момента окончания преступлений, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ. Очевидно, что в подобных ситуациях руководствоваться следует законом.

Таким образом, изложенное позволяет утверждать о необходимости внесения уже в ближайшее время изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

УДК: 343.955

С.В. Мерзликин, магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, г. Курск

«АСИММЕТРИЯ» ПРАВИЛ ОЦЕНКИ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В статье представлен анализ применения «асимметрии» правил оценки допустимости доказательств. Обсуждаются отдельные положения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющие допустимость-недопустимость доказательств.

Оценка доказательств в соответствии с так называемой «асимметрией» правил оценки их допустимости означает, что доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального закона, должны признаваться допустимыми, если об этом ходатайствует сторона защиты [1, с. 32, 36].

Сторонники данной точки зрения руководствуются гуманными соображениями. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, не должно страдать из-за того, что дознаватель, следователь, прокурор по тем или иным причинам допустили нарушения закона при получении доказательства, которое оправдывает либо улучшает положение этого лица.

Ларин А. полагает, что нельзя признавать, например, результаты опознания обвиняемого, в ходе которого он не опознан, недопустимым доказательством, если даже оно проведено с грубыми нарушениями уголовно-процессуального закона [2, с. 303].

Савицкий В., проанализировав требования ч. 3 ст. 69 и ст. 68 УПК

РСФСР, пришёл к выводу о том, что «вопрос о допустимости того или иного доказательства правомерно ставить только тогда, когда этим доказательством оперируют только для изобличения обвиняемого, для подтверждения его виновности и последующего осуждения. Если же доказательства, полученные с нарушением закона, используются для отстаивания невиновности или меньшей виновности обвиняемого, для смягчения его вины, то они обязательно должны приниматься во внимание следователем, прокурором и судом, ибо эти доказательства не доказывают ничего нового, кроме того, что само по себе не требует никаких доказательств – невиновности обвиняемого» [3, С. 184].

Приведённые этими учеными аргументы достаточно убедительны и, безусловно, должны учитываться при разрешении проблемы. Вместе с тем следует признать ошибочным такой подход, когда при решении этого сложного вопроса во внимание не принимаются другие доводы и обстоятельства. Очевидно, что-то подобное произошло при разработке и принятии УПК РФ, в котором проявилась не просто «асимметрия» правил о допустимости доказательств, а «асимметрия» правил оценки доказательств вообще. Предусмотрены не только указанные правила, но и требование, согласно которому недопустимыми должны признаваться отдельные доказательства, полученные и без нарушений уголовно-процессуального закона.

Закрепив в ч. 1 ст. 75 УПК РФ общее положение, в соответствии с которым недопустимыми являются такие доказательства, которые получены с нарушением требований уголовно-процессуального закона, законодатель в ч. 2 статьи предусмотрел, что к недопустимым доказательствам, кроме того, относятся: 1) показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде; 2) показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности.

Таким образом, к недопустимым доказательствам могут быть отнесены не только доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального закона, но и при определенных обстоятельствах показания перечисленных выше участников процесса, если даже при их получении никаких нарушений закона допущено не было. Однако это не что иное, как один из худших вариантов правил, именуемых «асимметрией» правил оценки доказательств.

Другой причиной применения на практике «асимметрии» правил оценки доказательств является то обстоятельство, что допустимость доказательств смешивается с их относимостью и достоверностью.

Некоторые учёные-процессуалисты придерживаются мнения о том, что допустимое доказательство должно отвечать (помимо иных) также требованиям достоверности и относимости. В частности, Б. Безлепкин, считая правиль-

ной судебную практику, которая признает недопустимыми доказательствами объекты, полученные в ходе негласной оперативно-розыскной деятельности, исходит из того, что они порождают неразрешимые сомнения в своей достоверности [4, с. 219-220].

Однако описанные правила распространяются только на обвинительные доказательства. Что касается оправдательных доказательств, то к ним применяется «асимметрия» правил оценки доказательств. Иначе говоря, они признаются допустимыми, если даже получены с грубым нарушением уголовно-процессуального закона и нередко без соответствующей проверки на предмет их достоверности и относимости.

Анализ норм, определяющих понятие доказательств и регулирующих процесс доказывания, дает основания для вывода о том, что обязанность по обеспечению требований, предъявляемых к доказательствам, целиком и полностью адресована лишь субъектам, на которых лежит бремя доказывания вины и других обстоятельств общественно опасного деяния. Напротив, для участников со стороны защиты законодатель посредством ряда исключений сформулировал несколько иную версию, допускающую использование в уголовном процессе сведений и их источников, по большому счёту не отвечающих требованиям допустимости. По сути, УПК РФ и здесь «узаконивает» «асимметрию» правил оценки допустимости доказательств.

Так, из требований ст. 86 УПК РФ усматривается, что порядок собирания доказательств и период, когда это дозволено делать, определен только для дознавателя, следователя, прокурора и суда. Что касается подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, гражданского истца и ответчика, которые также вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств, то ни порядок, ни период, в течение которого они это могут делать, не определены. Особо закон выделил защитника, предоставив ему право собирать доказательства несколькими путями: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии. Упомянутая норма позволяет сделать вполне определённые выводы.

Во-первых, вышеуказанные участники могут использовать любые способы и произвольный порядок собирания, закрепления и проверки доказательств.

Во-вторых, всё то, что будет представлять сторона защиты, особенно в судебном заседании, где возможности проверить, как, где, в каком порядке получены документы, предметы и т.д., ограничены, суд будет вынужден использовать их в качестве доказательств.

В-третьих, здесь созданы правовые условия "ввода" в уголовный процесс доказательств, достоверность которых проверить практически невозможно. Говоря другими словами, им создан режим наибольшего благоприятствования. А доказательствам, полученным органами расследования, ими проверенным, в том числе, с позиций достоверности, – исключительный [1, с. 32, 36]. Это есть не что иное, как официальный канал для проникновения в уголовный процесс не доказательствам, а псевдодоказательствам.

При таком положении закономерно возникает вопрос, почему сложилась и сохраняется такая ситуация. При первом приближении ответ достаточно прост: такой подход к оценке доказательств выгоден стороне защиты и, прежде всего, подсудимому, его представителям, так как реализовать «асимметрию» в основном можно лишь в судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Однако что судебная и прокурорско-следственная практика значительно сложнее, нежели может показаться при поверхностном подходе. Поэтому naïвно надеяться на то, что определенное правило, кажущееся на первый взгляд безупречным, будет срабатывать, причем с одинаковым результатом, во всех ситуациях. Такой вывод может быть адресован и рассматриваемой «асимметрии» правил оценки доказательств в уголовном судопроизводстве. Обращая внимание авторов, ратующих за безусловное применение указанных правил, следует подчеркнуть, что не всегда и не в отношении каждого подсудимого, осужденного она может способствовать их реабилитации. И, наконец, эти правила ни при каких обстоятельствах не могут быть распространены на оценку доказательств с точки зрения их относимости и достоверности. Ибо критерии оценки доказательств с указанных позиций, безусловно, иные, нежели при оценке их допустимости. Кроме того, правила «асимметрии» в этом случае вступят в противоречие с требованиями одной из составляющих принципа презумпции невиновности, согласно которым все сомнения в виновности обвиняемого, если они не могут быть устранены в установленном порядке, толкуются в его пользу.

Не исключена возможность выгоды указанных правил для организаторов преступлений, руководителей преступных сообществ, которые имеют возможности противодействовать органам уголовного преследования и суду посредством воздействия на исполнителей преступлений и свидетелей, фальсификации документов и вещественных доказательств, другими способами.

Было бы неправильным опустить и еще одну категорию лиц, которые могут использовать «асимметрию» правил оценки доказательств не только в своих личных, но и корыстных интересах. Это – недобросовестные представители органов уголовного преследования и суда. Умышленные нарушения уголовно-процессуального закона при получении доказательств могут привести к утрате большей части или всей доказательственной базы по делу и, как следствие, к освобождению виновного от уголовной ответственности. С этой точки

зрения закон также должен содержать определенные процессуальные гарантии, которые позволяли бы предупреждать подобные действия.

В то же время официальное признание судебной практикой анализируемых правил оценки допустимости доказательств, без их тщательной и всесторонней проработки, крайне невыгодно для уголовного судопроизводства в целом, как специфической государственной деятельности, которая должна служить образцом следования закону и справедливости. Применение этих правил будет подрывать престиж судебной власти до тех пор, пока не будет отрегулирован порядок получения и фиксации доказательств защитником, подозреваемым, обвиняемым, другими участниками процесса, и не будет предусмотрена ответственность за нарушения указанного порядка и, естественно, за их (доказательств) фальсификацию.

По этому поводу существует доктрина плодов отравленного дерева. Это старая доктрина, которая применяется в англо-саксонском процессе. Правило гласит, что в том случае, если некую выгоду органы уголовного преследования получили за счёт незаконного действия, то выгода уничтожается. Например, когда агент ФБР приходит в дом, чтобы пригласить свидетеля на суд, и видит, что в доме висят автоматические винтовки, выясняет по картотеке, имеет ли этот господин разрешение, и соответственно возбуждает против него дело. Это считается плодами отравленного дерева, потому что агент ФБР пришел в этот дом без ордера, для того, что позвать свидетеля в суд. И поэтому его полномочия ограничиваются вызовом свидетеля и больше ничем. Отравленное дерево дает (приносит) отравленные плоды.

Список литературы

1. Балакшин, В. «Ассиметрия» правил оценки допустимости доказательств [Текст] / В. Балакшин // Законность. – 2007. – № 3.
2. Стецовский, Ю.И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту [Текст] / Ю.И. Стецовский, А.М. Ларин. - М., 1988.
3. Савицкий, В.М. Последние изменения в УПК: продолжение демократизации судопроизводства (вступительная статья к УПК РСФСР) [Текст] / В.М. Савицкий // УК РСФСР. УПК РСФСР. – М., 1994.
4. Безлепкина, Б.Т. Проблемы уголовно-процессуального доказывания [Текст] / Б.Т. Безлепкина // Советское государство и право. – 1991. – № 8.

УДК 347.965.6

А.В. Миленина, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АДВОКАТА ЗА НАРУШЕНИЕ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ

В статье рассматриваются проблемы действующего законодательства, регулирующий институт ответственности адвоката за нарушение адвокатской тайны, а также дисциплинарная практика по этому вопросу.

Соблюдение адвокатской тайны является основополагающим условием возникновения доверительных отношений между адвокатом и доверителем, без которого невозможно оказание адвокатом квалифицированной юридической помощи. Закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» прямо закрепляет обязанность адвоката хранить тайну и безусловный приоритет соблюдения профессиональной тайны адвокатом. В соответствии со ст. 8 оказанного закона, адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. В случае невыполнения адвокатом возложенных на него обязанностей по сохранению адвокатской тайны, для него может наступить дисциплинарная или гражданско-правовая ответственность.

Ответственность адвоката наступает лишь за разглашение сведений, сообщённых ему доверителем, без согласия последнего (п.5. ч.4. ст.6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»). Таким образом, разглашение не всех сведений, составляющих адвокатскую тайну, может повлечь за собой ответственность согласно действующему законодательству. По логике, не влечёт ответственности разглашение сведений, полученных об обстоятельствах дела из иных источников, чем непосредственно от доверителя. Данный пробел восполняется положениями Кодекса профессиональной этики адвоката о нарушении законных интересов доверителя, руководстве соображениями собственной выгоды, занятии по делу позиции, противоположной позиции доверителя, которые и применяются при рассмотрении дисциплинарных дел. Несмотря на то, что это позволяет заполнить существенный пробел в законодательстве, вопрос такой значимости должен решаться на законодательном уровне [1, с. 14-15]. Гарантии обеспечения законодательно установленного режима адвокатской тайны обусловлены необходимостью реализации установленного Конституцией РФ права на оказание квалифицированной юридической помощи, и поэтому не является проблемой лишь адвокатов, и, как следствие, они также должны содержаться в законе, иначе эффективность таких предписаний не будет иметь должного уровня.

Кроме того, большим упущением со стороны законодателя является тот факт, что за нарушение адвокатской тайны самим адвокатом, он несёт дисциплинарную ответственность вплоть до лишения его статуса адвоката. Остальные же лица, в том числе и заинтересованные в разглашении этих сведений, никакой ответственности не несут, чем зачастую и пользуются. Так, В. Буробин, в одной из своих статей приводит данные статистического исследования, согласно которому на вопрос «бывали ли в вашей практике случаи нарушения тайны со стороны правоохранительных органов» ответили утвердительно подавляющее число опрошенных – 88%. Из них 50% - незаконные досмотры, 20% - допросы и 5% - обыски [2, с. 36]. Такая ситуация требует введения не только обязанности сохранения адвокатской тайны от адвокатов, но и третьих лиц, а также установления соответствующей ответственности.

В настоящее время Кодекс профессиональной этики адвоката содержит лишь одно исключение из обязанности адвоката хранить профессиональную тайну - без согласия доверителя вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который он считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу. При наличии данного условия дисциплинарная ответственность адвоката за разглашение адвокатской тайны исключается. Примером такого исключения является дело, рассмотренное дисциплинарной комиссией Адвокатской палаты г. Москвы. С жалобой на адвоката Д., который осуществлял защиту подсудимого Р. на стадии предварительного расследования, обратился адвокат К., осуществляющий защиту Р. в судебном заседании. В ходе судебного разбирательства все подсудимые и их законные представители дали показания о том, что сотрудники правоохранительных органов понуждали их к даче заведомо ложных показаний против себя. Подсудимый Р. в суде заявил, что адвокат по назначению Д. должным образом не исполнял свои обязанности: так, он подошел в конце допроса и, толком не читая показаний, подписал протокол, и что именно поэтому он отказался от этого адвоката. Суд по своей инициативе вызвал для допроса адвоката Д., который показал, что он осуществлял защиту Р. на предварительном следствии, до начала допросов он согласовал позицию защиты с законным представителем Р.: она заключалась в полном признании вины и чистосердечном признании, при этом о давлении со стороны следствия адвокату не сообщали, более того Р. до появления адвоката осуществил явку с повинной и написал чистосердечное признание. Он подписывал протоколы допроса, при допросах Р. он и законный представитель Е.В. присутствовал от начала до конца, показания редактировались, при допросах на Р. никакого давления не оказывалось. В результате показания Д. были положены в основу обвинительного приговора. Квалификационная комиссия посчитала, что доказательств нарушения адвокатом Д. своих профес-

сиональных обязанностей представлено не было, и презумпция добросовестности адвоката не опровергнута. Так, Р. и его законный представитель Е.В. в случае, если они не доверяли адвокату по назначению Д., имели достаточно времени для заключения соглашения с другим защитником, но этим правом не воспользовались; при этом никаких жалоб на действия данного защитника они не подавали. Во время допроса Д. адвокат К. задавал следующие вопросы Д.: просил ли он следователя, обеспечить его работой; сколько раз его приглашал следователь для участия в проведении следственных действий по другим делам, а также выяснял у него, не оказывалось ли на подсудимых в период предварительного следствия воздействие со стороны оперативных работников. В связи с этим благоразумно предположить, что подсудимый Р. и адвокат К. избрали в суде линию защиты, направленную на признание доказательств, полученных при допросе в присутствии защитника Р., недопустимыми в соответствии с п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ (т.к. показания были даны в ситуации фактического отсутствия защитника): адвокат Д. дал показания о своем участии в допросе Р. в ситуации, когда бывший доверитель Р. и его законный представитель Е.В. фактически обвинили адвоката в нарушении норм Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката. Таким образом, адвокат Д. по сути защищал свои права и охраняемые законом интересы, что в соответствии с п.4 ст.6 Кодекса профессиональной этики адвоката является допустимым [3].

Таким образом, адвокаты сталкиваются с институтом адвокатской тайны повседневно, постоянно встречая препятствия на пути её сохранения. Однако как бы не складывалась ситуация, адвокату всегда необходимо помнить о приоритете интересов доверителя, и соотносить с ним все свои действия. Мало просто иметь право на сохранение и защиту адвокатской тайны, нужно им ещё и умело пользоваться, в противном случае, они подлежат ответственности.

Список литературы

1. Пилипенко, Ю.С. Адвокатская тайна: комментарии к дисциплинарной практике [Текст] / Ю.С. Пилипенко. М.: «Информ-Право», 2009. – 336 с.
2. Буробин, В. Общие принципы регулирования адвокатской тайны в российском праве. Позиция Конституционного Суда РФ по вопросам адвокатской тайны [Текст] / В. Буробин // Адвокатская тайна: Сборник материалов / Составитель Н.М. Кипнис. – М.: Американская ассоциация юристов, 2011. – 528 с.
3. Дисциплинарная Практика Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы [Электронный ресурс] URL: <http://www.trunov.com/content.php?act=showcont&id=1174>. (Дата обращения: 04.04.2013).

А.А. Непочатых, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВА, ЗАМАСКИРОВАННОГО ИНСЦЕНИРОВКОЙ САМОУБИЙСТВА

В данной статье анализируются причины и условия инсценировки преступления, а так же методика и тактика осмотра места происшествия в условиях инсценировки самоубийства.

Расследование преступлений, при совершении которых преступник умышленно искажает картину происшедшего события, представляет собой многогранную деятельность, требующую от следователя высокой профессиональной подготовки и мастерства. Анализ следственной практики показал, что наиболее сложным является расследование убийств, замаскированных инсценировкой самоубийства.

Инсценировка представляет собой, одну из разновидностей противодействия правоохранительным органам, ведущим борьбу с преступностью, со стороны лиц, не заинтересованных в выявлении преступления, в установлении истины по уголовному делу, в принятии обоснованных и правильных криминалистических и правовых решений в уголовном процессе. [2, С. 11-16]

В ее основе всегда лежит искусственное создание материальных следов инсценируемого события. Так, оставляя ложные следы, внешне моделирующие обстановку самоубийства, преступник пытается оказать своеобразное психологическое воздействие на следователя, «заставив» его построить единственную версию о самоубийстве.

Большое значение для разоблачения инсценировок самоубийств имеют негативные обстоятельства, т. е. такие, которые свидетельствуют о несоответствии тех или иных установленных следствием фактических данных выдвинутой версии. Основным свойством негативных обстоятельств будет являться то, что один и тот же факт может оказаться негативным обстоятельством к одной версии, вместе с тем может подтверждать другую.

Например, обнаружение цепочки пятен крови на пути, ведущем к полотну железной дороги, где обнаружен труп человека, опровергает версию о транспортном наезде на погибшего и в то же время подтверждает предположение о том, что на полотно был принесен уже труп. Поэтому при осмотре следователь, с одной стороны, оценивает каждую мелочь, каждую черточку обстановки с позиций того, может ли она быть объяснена тем ходом событий, о котором рассказывают близкие погибшего (или который вытекает из обстановки на месте происшествия), а с другой – ставит перед собой вопрос: не могла ли та

же деталь появиться вследствие убийства или действий, направленных на его маскировку.

Наиболее распространенными негативными обстоятельствами, указывающими на инсценировку самоубийства, являются: 1) изменения в обстановке места преступления; 2) признаки борьбы, в частности следы самообороны на теле потерпевшего; 3) признаки перемещения трупа с места, где наступила смерть; 4) несоответствие положения трупных пятен позе трупа; 5) характер повреждений на трупе, не вытекающий из способа и обстоятельств лишения жизни, описанных в версии близких погибшего; 6) несоответствие времени смерти погибшего состоянию трупных явлений, обнаруженных при осмотре. [4, с. 15]

Наличие любого из указанных выше обстоятельств, либо наличие расхождений в показаниях заявителя и иных имеющихся сведений, должно являться основанием для возбуждения уголовного дела.

Неотложными следственными действиями в делах, связанных с инсценировкой самоубийства, являются осмотр места происшествия и трупа, допрос заявителя и лиц, близко знавших погибшего, освидетельствование подозреваемого, обыск и выемка, а так же проведение судебно-медицинской экспертизы в тех случаях, когда судебно-медицинское исследование трупа не проводилось до возбуждения уголовного дела. Если же таковое было проведено, назначение судебно-медицинской экспертизы наиболее эффективно после составления плана расследования, в котором намечены все вопросы, требующие решения судебного медика, подлежащие выяснению по всем версиям. [3, С. 11]

Основными задачами стоящими перед следователем при расследовании убийства, замаскированных инсценировкой самоубийства являются: 1) анализ соответствия данных по делу показаний и обстановки на месте происшествия; 2) установление признаков, указывающих на умышленное убийство, замаскированное той или иной инсценировкой; 3) обнаружение следов, которые остались незамеченными или не полностью были уничтожены преступником.

Существенное значение имеет установление времени и места наступления смерти погибшего, что иногда играет решающую роль при разоблачении инсценировки. Объясняется это тем, что по таким делам следователю часто преподносится готовое более или менее развернутое объяснение о причинах и обстоятельствах смерти погибшего. Естественно, что в объяснении обычно содержатся указания на то, когда он еще был жив. Еще точнее указывается место, где находился погибший в момент наступления смерти и где был обнаружен его труп.

Чтобы обеспечить судебно-медицинскому эксперту возможность более точно определить давность смерти, следователю при осмотре трупа вместе с судебным медиком надлежит самым подробным образом зафиксировать в протоколе осмотра все трупные явления. В частности определяется степень охла-

ждения различных частей трупа на ощупь и обязательно измеряется его температура в подмышечных впадинах и в прямой кишке. Необходимо также измерять и фиксировать в протоколе осмотра температуру окружающей труп среды. Далее определяется наличие или отсутствие окоченения и степень их выраженности в нижней части челюсти и верхних и нижних конечностях. Отмечаются расположение, степень выраженности и окраска трупных пятен, их побледнение и скорость восстановления окраски при давлении на кожу пальцем. Подробно описываются и признаки расположения: от зеленоватой окраски кожи до полного отсутствия мягких тканей, наличие жировоск и мумификации и т.п. Насекомые, обнаруженные на трупе, их яйца и личинки также описываются, собираются (в баночку, коробочку). При соблюдении всех перечисленных условий судебно-медицинский эксперт может с максимально возможной точностью определить время, прошедшее с момента смерти до осмотра. Освещая роль и возможности судебно-медицинской экспертизы в разоблачении инсценировки самоубийства, следует обратить внимание на известное положение о том, что нет таких ран, наносимых самоубийцей, какие не могли бы быть нанесены рукой убийцы, но есть целый ряд ран, наносимых убийцей, которые не могут быть нанесены рукой самоубийцы. Используя достижения судебной медицины в дифференциальной диагностике повреждений, характерных для убийства и самоубийства, стоит указать на ряд вопросов, подлежащих исследованию по каждому виду насильственной смерти с целью проверки версии об убийстве. Основное направление этих вопросов сводится к установлению того: а) мог ли пострадавший сам нанести себе повреждения, повлекшие за собой смерть; б) соответствуют ли объяснения лиц об обстоятельствах смерти характеру повреждений, обнаруженных на трупе.

На время смерти могут указывать и другие данные: состояние пятен крови, как на само трупе, так и на окружающей обстановке, показаниями свидетелей при их допросе и т.д. [3, С. 35]

Необходимо определить место наступления смерти погибшего, т. к. обычно преступник при инсценировке перемещает труп с места убийства на другое или хотя бы изменяет его положение и позу. О перемещении или изменении положения трупа можно судить: по следам волочения на самом трупе, надетой на нем одежде, на окружающей обстановке; по пятнам крови, стекавшей с трупа при перемещении, ее брызгам, указывающим место убийства, или отсутствием вокруг трупа значительных пятен крови, несмотря на ранение, которое должно было вызвать обильное кровотечение. Об изменении положения трупа свидетельствует и несоответствие расположения трупных пятен позе трупа, направлении потоков крови.

При расследовании указанной категории преступлений, следователь должен учитывать следующие специфические обстоятельства:

- Одним из главных факторов, влияющих на способ инсценировки, яв-

ляется дефицит времени, так как любая инсценировка преступления требует определенных временных затрат. Достоверность и своевременность инсценировки зависит от степени подготовки исполнителя инсценировки и его преступного опыта, развитого воображения, способности планировать и проводить многоуровневые комбинации.

- Преступники нередко используют психологический фактор, не отмеченный в криминалистической литературе, имеется ввиду особенности восприятия человека, вытекающие из взаимодействия между ожидаемым и действительным. Если человек видит то, что он ожидает увидеть в данной обстановке, его внимание к осматриваемым предметам понижается и он может не заметить отдельных несоответствий между следами. Поэтому преступник создает искусственные следы преступления, таким образом, чтобы они не выделялись из окружающей обстановки: убийство способом удушения маскируется инсценировкой самоповешения, при убийстве в лесу инсценируется смерть от выстрела из охотничьего ружья и т.п. Сказанным объясняется и искусственное создание следов с целью скрыть преступный след. Например, совершив убийство посредством нанесения резаной раны сердца, преступник наносит еще ряд менее глубоких и опасных ран, характерных для самоубийства. Расчет преступника заключается в том, что следователь, обнаружив обычные следы самоубийства, не выдвинет версию об убийстве.

- Важную информацию по делу можно получить в результате тщательного осмотра одежды трупа. Кроме пятен крови и следов волочения, на ней могут быть обнаружены мелкие частицы сыпучих или клейких веществ, краски, почвы, части растений, а также микрочастицы-отслоения с одежды преступника. Все карманы одежды должны быть детально осмотрены, а все обнаруженное в них изъято и приобщено к делу. Иногда в карманах могут оказаться вещи или документы, объясняющие причину и обстоятельства смерти погибшего. При исследовании следов от петли: данной ли петлей оставлен след; о направлении, в котором перемещалась петля; о расположении петли на данной опоре; о том характерны ли следы самоповешения или для подтягивания трупа. При экспертизе следов разреза или разруба выясняется: данным ли орудием произведен разрез, давность разреза, возможность вообще перерезать данную петлю представленным орудием. [5, С.184]

- Установление того факта, что произошло именно убийство, возможно с помощью правильно установленных обстоятельств. Например, при сообщении о самоповешении или самоубийстве с применением холодного или огнестрельного оружия, - мог ли погибший сам причинить себе повреждения, повлекшие за собой смерть; при сообщении о самоубийстве путем отравления – мог ли пострадавший достать и имел ли у себя яд, которым он отравился, или вообще какое-либо отравляющее вещество; в случаях, когда поступило сообщение о том, что самоубийца бросился под поезд – наступила ли смерть в ре-

зультате наезда поезда и мог ли машинист предотвратить наезд; при сообщении о самоубийстве путем падения с высоты – упал ли действительно человек с того места, о котором говорит заявитель или с которого предполагается его падение и было ли телу придано ускорение или он выпал сам; при утоплении – действительно ли смерть наступила от утопления или в воду был брошен труп.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: [от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2013)] // [Режим доступа]: справ.-прав. сист. «Консультант Плюс» интернет версия.
2. Исаева, Л.М. Осмотр места происшествия: понятие и проблемы [Текст] / Л.М. Исаева // Юридический консультант. – 2001. - № 10. - С. 11-16.
3. Мальцев, О.А. Осмотр места происшествия как источник получения исходных данных о личности преступника [Текст] / О.А. Мальцев. – Новосибирск: Изд-во НГАЭиУ, 2001. – 42 с.
4. Мамонов, В.С. Осмотр места происшествия группой следователей (процессуальные и организационно-тактические аспекты) [Текст] / В.С. Мамонов // Криминалистика. Экспертиза. Розыск. Сборник научных статей – Саратов: Изд-во СЮИ МВД России, 2008. – С.102-109.
5. Мамонов, В.С. Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения [Текст] / В.С.Мамонов. – М.: Юрлитинформ, 2010. - 184 с.
6. Феоктистов, А. Осмотр места происшествия: уголовно-процессуальные проблемы [Текст] / А. Феоктистов // Законность. – 2011. - № 2. - С. 29-31.

УДК 343.1

Д.Е. Никифорова, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье рассматривается проблема обеспечения защиты лиц, содействующих правосудию и иных участников уголовного судопроизводства. Анализируются правовые основы обеспечения безопасности участников уголовного процесса, а также меры по обеспечению их безопасности.

В России ежегодно около 10 миллионов человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям. Из них каждый пятый получает угрозы с целью изменения либо отказа от даваемых показаний. [2]

По данным ВНИИ МВД России, 60 % граждан ставших жертвами пре-

ступлений не обращаются в полицию, в том числе и по причинам боязни и недоверия. Не случайно 34, 8 % из 40 тыс. человек на вопрос о действиях в случае, если они станут свидетелями преступления ответили, что в правоохранительные органы о случившемся не сообщат. [4, с. 12]

На сегодняшний день, совершенно обычным явлением стала неявка по вызову к следователю или в суд. Вследствие этого, в судах всё чаще рассматриваются дела без свидетелей или других субъектов уголовного процесса, что может привести к принятию необоснованного решения или вынесению неправомерного приговора. [4, с.13]

Таким образом, это нередко приводит к нарушению порядка отправления правосудия, а также возникают проблемы в доказывании по уголовным делам.

Проблему безопасности и государственной защиты субъектов безопасности и участников уголовного судопроизводства (а также их близких) изучали отечественные учёные, исследовавшие положения свидетелей, потерпевших, обеспечение безопасности участников процесса.

Авторы по - разному формулируют само понятие безопасности. И это не удивительно, ведь термин «безопасность» весьма многозначен. Одни отождествляют его с понятием «защита», другие с тезисом «охрана». [4, с. 13]

В свою очередь, охрана состоит в применении правовых средств для обеспечения правом деятельности, означающей исполнение правовых средств по восстановлению нарушенного права. Защита же является деятельностью, осуществляемой при посягательстве на права, их ограничение или возникновение реальной угрозы из нарушения. [3]

На основании этого, можно сделать вывод о том, что безопасность это как охрана прав участника уголовного процесса, так и защита от посягательств на их права и свободы.

Хотелось бы отметить также, что в науке уголовно-процессуального права до сих пор нет единства мнений относительно круга и классификации участников уголовного процесса, что немало важно для вопроса, об обеспечении их безопасности при осуществлении судопроизводства.

Следует согласиться с Зайцевым О. А., который солидарен с мнением авторов, считающих субъектами уголовного процесса всех участвующих в деле лиц. Он объясняет это тем, что каждый, кто наделён хотя бы одной уголовно-процессуальной функцией или обязанностью, может вступать в уголовно-процессуальные отношения и включается в круг участников уголовного процесса.

В Федеральном законе от 20 августа 2004 года №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», в ст. 2 даётся перечень лиц, подлежащих государственной защите. А именно: потерпевший, свидетель, частный обвинитель, подозреваем-

мый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог; гражданский истец, гражданский ответчик; законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя. Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления. [4, с. 18]

Таким образом, в законе дан исчерпывающий перечень лиц, к которым применяются меры безопасности. Он, достаточно, шире, чем в УПК.

При оказании противоправного воздействия на субъектов уголовно-процессуальных отношений, как правило, преследуются самые различные цели. Характер требований, выдвигаемых преступными элементами и другими лицами, во многом зависит от категории лиц, участвующих в сфере уголовного судопроизводства.

Противоправное воздействие на судей традиционно выражается в требовании принять решение, которое зависит от лиц, ведущих производство по делу, то есть прекращение дела, оправдание или смягчение наказания; освобождение из-под стражи арестованного; переквалификация тяжких преступлений. От следователей и дознавателей часто требуют применение меры пресечения, не связанной с лишением свободы; внесение в официальные документы ложных сведений; предоставление информации о ходе расследования; отказ в возбуждении дела. Чаще всего противоправное воздействие оказывается на свидетелей, потерпевших и лиц, оказывающих содействие уголовному судопроизводству. Преступниками в этом случае преследуются следующие цели: изменение или дача ложных показаний; месть за участие в уголовном процессе; принуждение к избавлению от предметов, которые могут служить доказательствами вины и причастности к тому или иному уголовному делу. [4, с. 20]

Эти требования представляют собой настойчивые, повелительные просьбы, адресованные участникам уголовного процесса, при этом они подкреплены реальными угрозами совершения в отношении них насилия или иного запрещенного законом деяния. По своему содержанию угроза посягательства выражается в определённой форме (письменной, устной, завуалированной или через третьих лиц). В большинстве случаев они представляют собой активные действия, которые сами по себе могут образовывать состав преступления. Наличие реальной угрозы убийства или насилия над лицами участвующими в уголовном процессе или над субъектами, содействующими правосудию, влечёт основания применения мер безопасности.

На сегодняшний день нормы, содержащие в себе меры по обеспечению

безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, предусмотрены УПК РФ, и иными специальными законами. А именно: Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004, Федеральным законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20.04.1995. Необходимо отметить, что единого нормативного документа, регулирующего вопрос о безопасности участников уголовного процесса нет.

В ч. 3 ст. 11 УПК РФ предусмотрено, что при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц, следующие меры безопасности. По решению следователя данные об этих лицах могут не приводиться в протоколе следственного действия, проведенного с их участием. В этом случае следователь, с согласия руководителя следственного органа, выносит постановление, в котором излагают причины принятия такого решения, указывает псевдоним участника следственного действия и образец его подписи, используемые в протоколах следственных действий с его участием. Постановление хранится в опечатанном конверте, приобщенного к уголовному делу (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). При наличии угрозы насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении указанных лиц допустимы контроль и запись телефонных и иных переговоров – либо по их письменному заявлению, либо при отсутствии такого заявления на основании судебного решения (ч. 2 ст. 186 УПК РФ). Для обеспечения безопасности опознающего опознание может быть проведено таким образом, чтобы опознаваемый не мог видеть опознающего. Понятые присутствуют в месте нахождения опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Для обеспечения безопасности указанных лиц на основании определения или постановления суда допускается проведение закрытого судебного разбирательства – всего либо соответствующей его части (п. 4 ч. 2 и ч. 3 ст. 241 УПК РФ). Для обеспечения безопасности свидетеля, его родственников и близких лиц суд вправе не оглашать подлинных данных о свидетеле и провести его допрос таким образом, чтобы другие участники судебного разбирательства не могли видеть этого свидетеля (ч. 5 ст. 278 УПК РФ). Это правило распространяется также и на потерпевшего (ч. 1 ст. 277 УПК РФ). [3, с. 290]

На основании ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько, либо одна из следующих мер безопасности. А именно: личная охрана, охрана жилища и имущества; вы-

дача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое. При этом, такие меры как: переселение на другое место жительства, изменение документов, изменение внешности, изменение места работы (службы) или учёбы, применяются при производстве по тяжким и особо тяжким уголовным делам.

К мерам безопасности в судебных стадиях относятся: организация «безопасных комнат ожидания» для жертв и свидетелей преступлений; допрос отдельных свидетелей, потерпевших и иных лиц в отсутствие публики при открытом судебном разбирательстве; допрос защищаемого лица при нахождении его вне зала судебного заседания с использованием видеотехнических средств; допрос защищаемых лиц в отсутствие подсудимого; ограничение доступности сведений о защищаемом лице; взятие у частником судебного разбирательства и иных присутствующих подписи о неразглашении данных, ставших известными в ходе уголовного судопроизводства, и об их участии в судебном разбирательстве. участие в судебном разбирательстве защищаемых лиц под псевдонимом. [3, с. 310]

Подводя итог рассмотрения вопроса об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном процессе можно сделать следующие выводы. Применение мер безопасности должно быть связано с такими факторами как: наличие угрозы безопасности и реальность этой угрозы, важность информации, которой располагает защищаемое лицо, общественная опасность совершённого или готовящегося преступления, нравственность мер безопасности. При этом никому из тех, кто нуждается в государственной защите, не может быть отказано по каким бы то ни было основаниям.

Список литературы

1. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. №119-ФЗ // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «Гарант». Дата обновления: 03.04.2013.
2. Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009-2013 годы [Электронный ресурс]: государственная программа [утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 2 октября 2009 г. № 792: в ред. постановления Правительства Рос. Федерации от 24 мая 2012. № 508, от 4 сентября 2009 г. №882] // Режим доступа: Доступ из справ.- прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 03.04.2013.

3. Епихин, А.Ю. Обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве [Текст] / А.Ю. Епихин. - Спб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. - 331 с.
4. Зайцев, О.А. Государственная защита участников уголовного процесса [Текст] / О.А. Зайцев. - М.: Экзамен, 2001. - 512 с.

УДК 343.1

А.В. Островская, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА

В статье затрагиваются этические аспекты деятельности адвоката. Его нравственные качества и моральный облик.

Вся работа адвоката идет в области
человеческой природы. Люди — его
рабочий прибор, люди — та нива, над
которой он трудится. Измеряет ли он
силы противника, настроение присяжных,
оценивает ли умственные способности
и добросовестность свидетеля,
всё равно — ключ к успеху лежит
в знании человеческой природы
или человеческого характера.

Р. Гаррис [1].

Предметом же адвокатской этики становится поведение представителя этой профессии, члена соответствующей корпорации, преимущественно в обстоятельствах, где он действует именно как профессионал: либо представляет свою профессию, либо воспринимается окружающими именно как представитель корпорации адвокатов. Именно адвокатская этика велит ему защищать всех, кто прибегает к его помощи. Верно, выразился по этому поводу Erskine: "Адвокат, который отказывается от защиты по личным своим воззрениям на обвиняемого, становится в эту минуту судьей, осуждающим еще до приговора, и бросает на весы правосудия тяжесть своего осуждения, быть может, ошибочного, но очень веского в силу того, что оно исходит от адвоката.

Останавливать же свой выбор исключительно на благодарных защитах, брать лишь те дела, в успехе которых нет сомнения, - значит создавать себе ка-

кой-то рекорд непобедимости; это может быть истолковано как удовлетворение своего тщеславия и погоня за рекламой".

Адвокат, как член независимой организации, должен всемерно упрочивать честь и достоинство адвокатского корпуса, соблюдать правила адвокатской этики не только при исполнении адвокатских обязанностей, но и в быту, в общественной жизни, осознавать свои правовые и нравственные обязанности в отношении конкретного клиента и общества в целом. Он может придерживаться любого этического учения, но для него возможна одна система ценностей, один выбор стандартов поведения. Прежде всего, деятельность адвоката состоит в оказании квалифицированной юридической помощи гражданам и юридическим лицам. Профессиональная юридическая практика базируется на основных принципах адвокатской этики. Важнейшим элементом общественного служения адвоката является его обязанность перед корпорацией и обществом предотвращать случаи оказания некомпетентной юридической помощи лицам, обратившимся к услугам адвоката, а также пресекать иные факты недостойного и неправомерного поведения со стороны других адвокатов [2]. В нашей стране неоднократно предпринимались практические попытки разработать Кодекс профессиональной этики адвоката. Члены Гильдии российских адвокатов предложили свой вариант правил адвокатской этики. Однако, в связи с тем, что в этом проекте содержался ряд положений, не имеющих никакого отношения к профессиональной этике, в частности, понятие адвоката, коллегии адвокатов и ряд иных недостатков, он подвергся резкой критике на заседании научно-консультативного Совета Гильдии, где было принято решение о его доработке [3]. Но если бы нам представилась возможность составить такой кодекс, какие нравственные критерии, лежащие в основе адвокатской деятельности можно бы было выделить? Конечно же, это порядочность, деликатность, тактичность, добросовестность, честность, самостоятельность и независимость в своих решениях и действиях и многие другие не менее важные и высоконравственные черты.

Адвокаты должны производить профессиональную деятельность таким образом, чтобы добиться права на уважение со стороны общества. Своим поведением адвокат не имеет права подрывать авторитет адвокатуры в целом. Он обязан действовать под стать с её назначением и избегать поступков, способных умалить достоинство адвокатской профессии. В конечном счете, значение адвокатуры зависит от уровня уважения адвоката к профессии.

Надлежащее исполнение адвокатом этих правил поведения способно предотвратить и существенно снизить количество случаев оказания гражданам и организациям непрофессиональной юридической помощи [4].

Всекие нравственные качества, как особенности морального облика адвоката истинно реальны при условии, если они выявляются в самой практике поведения. Они представляют содержание индивидуального морального соз-

нения и нужны для преодоления состоявшихся в профессиональной деятельности сложных нравственных коллизий. Поэтому нравственные качества не только раскрывают моральный облик адвоката, но и благоприятствуют его нравственному развитию.

Список литературы

1. Скабелина, Л.А. Психологические аспекты адвокатской деятельности [Текст] / Л.А. Скабелина. - М., 2012.
2. Демидова, Л.А. Адвокатура в России [Текст] / Л.А. Демидова. – М., 2006.
3. Ревина, И.В. Нравственное содержание уголовно-процессуальной деятельности адвоката [Текст] / И.В. Ревина. – Курск, 2007.
4. Адвокатура в России [Текст]: учебник для вузов / Под общей ред. доктора юр. наук, профессора Сергеева В.И. - М., 2011.

УДК 343.131.7

Д.Ю. Подтуркина, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАЦИИ

В статье излагаются некоторые проблемы закрепления в российском законодательстве ключевого принципа уголовного процесса – презумпции невиновности, а также указывается на негативные особенности правоприменения данного принципа в российской следственной и судебной практике.

Несомненным достижением судебной реформы, постигнувшей нашу страну уже в конце XX века, явилось признание и законодательное закрепление знаменитого, если не сказать легендарного, принципа презумпции невиновности, провозглашенного в ряде международных документов и, в частности, в Римском статуте международного уголовного суда от 17.07.1998 г. Так вот, согласно данному документу в содержание презумпции невиновности входят 3 ключевых положения:

1. Каждый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в Суде в соответствии с применимым законом.
2. Бремя доказывания вины обвиняемого лежит на прокуроре.
3. Для осуждения обвиняемого Суд должен убедиться в том, что обвиняемый виновен и это не подлежит сомнению на разумных основаниях [1].

Однако, обратившись к отечественному законодательству, а именно к Конституции РФ и УПК РФ, мы неизбежно сталкиваемся с некоторыми допол-

нениями к уже имеющемуся у нас представлению о данном понятии.

Так, Конституция РФ не только возлагает на прокурора, а если быть точнее, на сторону обвинения, обязанность по доказыванию вины, но и корреспондирует ей соответствующее право – право обвиняемого на воздержание от доказывания своей невиновности (формулировка «не обязан», по нашему мнению, предоставляет выбор соответствующей линии поведения и не исключает возможности неиспользования данной законом возможности).

Кроме того, Основной закон включает в понятие презумпции невиновности чрезвычайно важное именно для нашей страны, с ее запоздалым поворотом к демократии, положение о толковании всех неустранимых сомнений в пользу обвиняемого. Отражение этого важнейшего положения в Конституции, а затем и в УПК говорит об искреннем желании законодателя материализовать его и внедрить в сознание российского судьи. Однако, к сожалению, даже такой серьезной законодательной регламентации может оказаться недостаточно. Так, К. Б. Калиновский указывает на ситуацию, когда «принцип срочности процесса, закрепленный в ст. 9 Пакта о гражданских и политических правах и ст. 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, может привести к невозможности устранения ситуации недоказанности. Недоказанность рассматривается как некоторое правовое состояние влекущее процессуальные последствия – толкование недоказанности (сомнений) в пользу признания установленным того или иного юридического факта» [4]. Данная норма является отчасти парадоксальной в условиях прочно укоренившейся не только в профессиональном, но и в обыденном правосознании презумпции виновности, предубеждении в отношении лица, привлекаемого к ответственности за совершенное якобы им преступление.

Наряду с данными правовыми положениями определенную пищу для размышлений предоставляет нам и действующий УПК РФ, закрепляющий четвертую норму-составляющую презумпции невиновности: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях». Нарушение данной нормы, по большому счету, есть неизбежное следствие толкования, а если быть точнее, игнорирования неустранимых сомнений, которые в свою очередь приводят суд к выводу о виновности обвиняемого. Суд, четко осознающий наличие объективных «несостыковок», пробелов в обосновании стороной обвинения своей позиции, априори «додумывает» определенные факты и тем самым основывает приговор на предположениях.

К сожалению, такая ситуация является отнюдь не редкостью в нашем правоприменении, если судить по количеству оправдательных приговоров, процент которых ничтожно мал, по сравнению с рядом стран Европы, которым удалось добиться вторичности государства по отношению к человеку и возможности безболезненного признания ошибок публичной стороны уголовного разбирательства. В нашем же государстве ошибки обвинения признавать пока

не принято, а если даже подобное и происходит, то очень неохотно и чрезвычайно редко.

Однако вернемся к одной из ключевых и самых спорных позиций принципа презумпции невиновности – позиции о распределении бремени доказывания. Согласно принципу презумпции невиновности «бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения». Кроме того, «подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность» [2].

В таком случае кто же обязан? Прокурор? Едва ли. В уголовном разбирательстве основной и, по сути, единственной функцией стороны обвинения выступает обоснование виновности, а не установление истины как таковой, и тем более не доказывание невиновности подозреваемого или обвиняемого.

Так что нам представляется справедливым согласиться с мнением И.Л. Петрухина: «На практике ... оправдательный приговор выносится лишь в случаях, когда защите удалось доказать непричастность подсудимого к совершенному преступлению. Тем самым бремя доказывания невиновности возлагается на защиту».

Однако этими составляющими принцип презумпции невиновности не может быть ограничен. Существуют и иные важные положения, вытекающие из принципа и закрепленные в УПК. Так, ст. 75 УПК РФ вводит понятие «недопустимые доказательства», а также их перечень, указывая на невозможность их использования для доказывания тех или иных обстоятельств дела. Данное положение призвано оградить обвиняемого, подсудимого от произвола со стороны органов уголовного судопроизводства и, на первый взгляд, должно способствовать установлению, в конечном счете, справедливости. Однако и здесь имеют место свои подводные камни. Несмотря на недопустимость нарушения норм УПК при получении доказательств, таких нарушений совершается более чем достаточно. Данная проблема и возможные варианты ее решения не раз обсуждались в научной литературе. Так, А.А. Васяев отмечает, что отсутствие ответственности за несоблюдение норм УПК «порождает безнаказанность следователей, дознавателей, прокуроров, судей» и что «по своей юридической силе нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ ничем не отличаются от норм Уголовного кодекса РФ», тем самым предлагая ужесточить последствия несоблюдения норм УПК для представителей публичной стороны [3].

Однако что же считать недопустимым? И всякое ли отступление от норм УПК есть прямое правонарушение? Думается, что и на первый, и на второй вопросы следует ответить законодателю, который пока предпочитает использовать при решении этой проблемы внутреннее убеждение судьи. Однако хотелось бы подчеркнуть необходимость достижения здесь «золотой середины», предполагающей отсутствие излишнего формализма и одновременно наличия определенной строгости при оценке законности доказательств.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что презумпция невиновности наряду с иными «атрибутами» демократии требует не просто законодательного закрепления, а реальной воли законодателя и правоприменителей на ее претворение в жизнь. Необходимость данного принципа была вполне убедительно обоснована историей, в том числе и нашего государства. Именно поэтому нам необходимо отыскать в этом вопросе определенный баланс между гуманностью и законностью, обеспечив справедливость при реализации уголовно-процессуальных норм.

Список литературы

1. Римский статут международного уголовного суда от 17.07.1998 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 03.04.2013.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ [Текст]: офиц. текст. - М: КНОРУС, 2013.
3. Васяев, А.А. Ошибки или нарушения уголовно-процессуального закона? [Текст] / А.А. Васяев // Адвокат. - 2010. - № 4. - С. 11-14.
4. Калиновский, К.Б. Бремя доказывания в уголовном процессе: взаимосвязь стандарта доказанности с презумпциями и правовое взаимодействие участников правоотношений [Текст] / К.Б. Калиновский // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII Международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург / под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. - СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. - С. 245-249.

УДК 343.1

В.А. Самсонов, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ГРАЖДАНСКИЙ ОТВЕТЧИК КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ

В статье рассматривается процессуальная фигура гражданского ответчика как участника уголовного судопроизводства, раскрываются отдельные моменты, касающиеся круга лиц, которые могут выступать гражданскими ответчиками в уголовном процессе.

Глава 7 УПК РФ посвящена участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты. Так, в соответствии с ее положениями к числу данной категории лиц могут быть отнесены подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, защитник, гражданский ответчик и его представитель.

Предъявление гражданского иска в уголовном процессе, как одной из самых распространенных форм защиты имущественных интересов лица, которому причинен вред непосредственно преступлением, обуславливает участие в уголовном судопроизводстве гражданского ответчика.

В соответствии с ч. 1 ст. 54 УПК РФ в качестве гражданского ответчика может быть привлечено физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с Гражданским кодексом РФ несет ответственность за вред, причиненный преступлением.

Необходимо отметить тот факт, что действующий УПК РФ изменил конструкцию нормы, относящейся к гражданскому ответчику, в сравнении с УПК РСФСР 1960 г., в котором ст. 55 определяла, что в качестве гражданских ответчиков могут быть привлечены родители, опекуны, попечители или другие лица, а также предприятия, учреждения и организации, которые в силу закона несут материальную ответственность за ущерб, причиненный действиями обвиняемого.

Появление в уголовном процессе гражданского ответчика базируется на наличии оснований двух видов: материального и процессуального. Первое сопряжено с подтверждением факта причинения имущественного вреда лицу непосредственно преступлением, а также возложения законом гражданско-правовой ответственности на физическое или юридическое лицо, как правило, не являющееся виновным в совершении преступления. Второе выражается в том, что появление фигуры гражданского ответчика в рамках уголовного судопроизводства должно иметь соответствующее процессуальное оформление, выраженное в вынесении дознавателем, следователем или судьей постановления, а судом – определения.

Привлечение лица к уголовной ответственности, соединенное с гражданским производством по привлечению лица к имущественной ответственности, реализуется в рамках единого уголовного дела, создает условия для повышения эффективности защиты (восстановления) уголовно-правовых и имущественных интересов потерпевшего как назначения уголовного судопроизводства [2, С. 10].

Разрешение гражданского иска совместно с уголовным делом реализуется лишь в случаях единства уголовной и имущественной ответственности, которое, прежде всего, и порождает для лица, причинившего преступлением материальный ущерб, наступление негативных последствий в виде ответственности уголовного и имущественного характера.

Как отмечают А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский, гражданским ответчиком может быть в первую очередь признан обвиняемый (осужденный), поскольку в соответствии с ГК РФ ответственность за вред, причиненный преступлением личности или имуществу гражданина, или имуществу юридического лица, несет лицо, причинившее такой вред.

По общему правилу, обвиняемый самостоятельно должен возмещать причиненный его деяниями вред, и к нему также может быть предъявлен гражданский иск. Однако, гражданским ответчиком может быть признано и третье лицо, которое, не являясь само причинителем вреда, обязано возместить вред от преступления.

В качестве гражданских ответчиков подобного рода, как правило, привлекаются родители, опекуны, попечители или другие лица, которые в силу закона несут материальную ответственность за причиненный преступными действиями обвиняемого имущественный и моральный вред [3, С. 148]

Кроме того, ряд положений гражданского законодательства РФ расширяет круг гражданских ответчиков, относя к ним:

– юридических лиц или граждан, если их работники причиняют вред при исполнении трудовых, служебных, должностных обязанностей;

– государственные органы или органы местного самоуправления за вред, причиненный незаконными действиями их должностных лиц в области административного управления (ст. 1069 ГК РФ);

– соответствующие органы за вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 1070 ГК РФ);

– граждане и организации, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, в случае причинения вреда источником повышенной опасности, если не докажут, что он выбыл из их обладания в результате противоправных действий других лиц (ст. 1079 ГК РФ).

В уголовном судопроизводстве ответственность владельца источника повышенной опасности ограничена рамками уголовного обвинения, в гражданском судопроизводстве таких ограничений нет [1, С.73].

Основываясь на изложенных выше положениях, особый акцент необходимо сделать на проблеме совместного причинения вреда. Наличие такого обстоятельства допускает возможность предъявления иска к нескольким лицам, которые будут нести ответственность в солидарном порядке.

При предъявлении иска в таком случае следует учитывать, что ответчиками могут быть только обвиняемые по одному делу, причинившие ущерб

совместными действиями, только в отношении тех эпизодов, в которых установлено их совместное участие; солидарная ответственность не может быть возложена на лиц, осужденных по одному делу, но за разные преступления, не связанные общим намерением, а также на лиц, когда одни из них осуждены за корыстные преступления, а другие — за халатность [1, С. 73].

Процессуальное положение гражданского ответчика в рамках уголовного судопроизводства обусловлено наличием у него весьма широкого круга прав и обязанностей, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 54 УПК РФ. Так, гражданский ответчик имеет право знать сущность исковых требований и обстоятельства, на которых они основаны, возражать против предъявленного гражданского иска, давать объяснения и показания по существу предъявленного иска и т.д. Важнейшей из обязанностей гражданского ответчика является обязанность явиться по вызовам дознавателя, следователя либо в суда. Также гражданский ответчик обязан не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден.

Свои права гражданский ответчик может реализовывать лично, через представителя либо совместно с ним. Представителями гражданского ответчика согласно ч. 1 ст. 55 УПК РФ могут быть адвокаты, а представителями гражданского ответчика, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы.

В качестве представителя гражданского ответчика могут быть также допущены один из близких родственников гражданского ответчика или иное лицо, о допуске которого ходатайствует гражданский ответчик.

Таким образом, появление гражданского ответчика в процессе уголовного судопроизводства является следствием подачи гражданского иска как формы защиты нарушенных прав гражданского ответчика, процессуальное положение гражданского ответчика обусловлено наличием у него прав и обязанностей, закрепленным УПК РФ. Кроме того, стоит особое внимание в контексте рассмотрения пробелы гражданского ответчика в уголовном процессе уделить моменту, непосредственно связанному с реализацией принципа презумпции невиновности применительно к гражданскому ответчику. Так, ст. 14 УПК РФ распространяет презумпцию невиновности однозначно на обвиняемого и подозреваемого как участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Процессуальное же положение гражданского ответчика в контексте данной нормы лишено законодательного закрепления действия принципа презумпции невиновности. В силу чего, представляется целесообразным для решения этого проблемного момента прибегнуть к правовому оформлению распространения принципа презумпции невиновности применительно к процессуальной фигуре гражданского ответчика.

Список литературы

1. Махов, В.Н. Гражданский ответчик в уголовном процессе [Текст] / В.Н. Махов, Д.Б. Разумовский // Журнал российского права. - 2007. - № 11. - С. 68-75.
2. Супрун, С.В. Средства следователя по обеспечению гражданского иска [Текст] / С.В. Супрун // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2011. - № 1 (40). - С. 10-14.
3. Уголовный процесс [Текст]: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2008. - 704 с.

УДК 343.13

Л.А. Секарева, Н.А. Клецова, студенты юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются проблемы охраны безопасности свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве; проанализированы меры государственной защиты, основания и порядок их применения, а также правовой статус защищаемых лиц.

Защита прав и законных интересов личности является очевидным приоритетом в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Особую актуальность в этой связи приобретает проблема создания надлежащих гарантий обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию.

К сожалению, как отмечают многие исследователи, охрана безопасности участников уголовного процесса, правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, носят декларативный характер и находятся на низком уровне.[5, с.15]

При обеспечении мер безопасности указанных лиц допущены серьезные пробелы, что является свидетельством не только сложности их нормативного урегулирования из-за новизны для отечественного законодателя, но и следствием того, что проблема посткриминального воздействия до сих пор остается на периферии его внимания при разработке законов, направленных на защиту свидетелей и потерпевших.[3, 4, 7, 8]

Механизм защиты свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве включает в себя ряд процессуальных аспектов, на первый взгляд позволяющих обеспечить им необходимую защиту.

Так, Федеральный Закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», предусматривает систему мер государственной защиты потер-

ISBN 978-5-6810870-0. Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика. Курск, 2013.

певших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, включающую меры безопасности и меры социальной защиты указанных лиц, а также определяет основания и порядок их применения.[1]

В ст. 6 указанного закона предусмотрен перечень мер безопасности, которые при наличии оснований могут применяться в отношении защищаемого лица. Это личная охрана; охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учебы; временное помещение в безопасное место; дополнительные меры безопасности в отношении лиц, находящихся под стражей или отбывающих наказание, в том числе их перевод из одного исправительного учреждения в другое и иные меры.

Согласно ст. 16 данного Закона основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, а также насилия над ним, уничтожение или повреждение его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Порядок применения перечисленных мер безопасности также детально расписан в этом законе.

Названные меры безопасности являются универсальными, то есть применяемые в ходе судопроизводства и вне его, не только к участникам судопроизводства, но и к иным лицам. Помимо универсальных мер существуют меры, применение которых возможно только в рамках уголовно-процессуальной деятельности и только к ее участникам.

К таким мерам относят:

- 1) удаление подсудимого из зала суда на время допроса свидетелей;
- 2) дачу показаний свидетелями в режиме видеоконференции;
- 3) отгораживание свидетеля во время допроса экраном, занавесом, иными преградами исключающими визуальное наблюдение;
- 4) использование заявления, сделанного свидетелем до суда, вместо показаний в суде;
- 5) удаление публики из зала суда (закрытое заседание);
- 6) допрос свидетеля в присутствии сопровождающего лица, осуществляющего психологическую поддержку свидетеля;
- 7) опознание в условиях, когда опознаваемый не видит опознающего (ч. 8 ст.193 УПК РФ);
- 8) контроль и запись переговоров (ч. 2 ст.186 УПК РФ) [6, с.8].

Заслуживают также внимания предложения ученых о включении в УПК РФ дополнительных мер безопасности, применяемых к участникам уголовного процесса, поскольку на практике комплекс существующих мер не всегда обеспечивает достаточную степень защищенности свидетелей и потерпевших. Более того, не всегда соблюдается основополагающий принцип защиты – сохра-

нения в тайне данных о личности свидетеля, потерпевшего.

Так, УПК РФ содержит положение, предусматривающее участие в уголовном процессе граждан под псевдонимом (ч. 9 ст. 166). Однако, применение данной меры безопасности имеет ряд проблем.

Во - первых, использование псевдонима представляется невозможным в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку согласно ч. 2 и 3 ст. 141 УПК РФ письменное заявление гражданина о преступлении должно быть подписано заявителем, а устное – заноситься в протокол, который должен содержать данные о заявителе и документах, удостоверяющих его личность.

Во – вторых, закон не дает ответа на вопрос о том, что делать в ситуации, когда человек допрошен под настоящей фамилией, в деле имеется соответствующий протокол, а угроза посткриминального воздействия возникла после допроса.

В – третьих, согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ постановление, в котором указаны подлинные данные лица, участвующего в процессе под псевдонимом, помещаются в конверт, который опечатывается и приобщается к уголовному делу.

Исходя из положений ч. 2 и 8 ст. 278 УПК РФ при необходимости обеспечения безопасности лица суд без оглашения полных данных о его личности вправе произвести допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдения допрашиваемого другими участниками судебного разбирательства.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 21.09.2012 г. № 953 (в совокупности с Постановлением Правительства РФ от 27.10.2006 N 630), свидетелям, потерпевшим и иным участникам уголовного судопроизводства, которым угрожает опасность, будет предоставляться другое жилое помещение по договору безвозмездного пользования либо договору найма.[2]

Защищаемому лицу будет оплачиваться переезд, в течение 12 месяцев - выплачиваться материальная помощь: первые три месяца - в размере 4-кратного прожиточного минимума, далее - в размере 2-кратного прожиточного минимума.

При переселении защищаемого лица на другое место жительства ранее занимаемое им жилое помещение государственного или муниципального жилого фонда будет сохраняться за ним в течение всего периода нахождения его под защитой, а оплата расходов по оплате занимаемого ранее жилого помещения (даже если оно принадлежит ему на праве собственности, а также коммунальных услуг возлагается на орган, осуществляющий меры безопасности, и осуществляется за счет средств государственного бюджета.

Также за защищаемым по данной программе лицом сохраняется должность на прежнем месте работы, а на новом месте - оказываться содействие в подборе аналогичной работы.

До применения меры безопасности в виде переселения на другое место

жительства может быть произведена замена документов, удостоверяющих личность, а также иных документов защищаемого лица с изменением сведений о нем.

Серьезную проблему в практическом плане представляет собой противопоставление двух институтов «защиты» в уголовном процессе - института защиты прав обвиняемого и института защиты свидетелей обвинения и потерпевших. К примеру, предоставление материалов уголовного дела обвиняемому до начала судебного разбирательства, безусловно, обеспечивает его право на защиту. Ему предоставляется достаточное время для того чтобы он с помощью защитника изучил все аргументы и на заключительном этапе предварительного следствия, а чаще всего – в ходе судебного следствия, выдвинул свои контраргументы.

В свете изложенного полагаем необходимым внести изменения в ст. 217 УПК РФ, делегировав следователю право в решении вопроса о предоставлении возможности обвиняемому и его защитнику ознакомления с материалами предварительного следствия, исходя из таких критериев, как интересы следствия, обеспечение безопасности свидетелей и потерпевших. После принятия решения следователь должен вынести постановление, которое может быть обжаловано в установленном порядке руководителю следственного органа, прокурору либо в суд.

Полагаем, что и изменения ч. 6 ст. 278 УПК РФ также способствовали бы укреплению института защиты свидетелей и потерпевших от преступлений. В частности, сделав возможным ознакомление с данными о личности защищаемых лиц в ходе судебного следствия лишь с согласия сторон, мы сохраняем целостность стороны обвинения и на самом первоначальном этапе можем гарантировать полную конфиденциальность допрашиваемого на всех стадиях уголовного процесса.

Список литературы

1. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 02.04.2013.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2012 г. N 953 г. «Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 02.04.2013.
3. Брусницын, Л.В. Проблемы формирования российского законодательства о защите лиц, содействующих уголовному правосудию [Текст] / Л. В. Брусницын // Государство и право. – 2004. – № 2.
4. Брусницын, Л.В. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и пер-

- спективы развития УПК [Текст] / Л.В. Брусницын // Российская юстиция. - 2003. - № 5.
5. Джелали, Т.И. Некоторые проблемы защиты участников уголовного судопроизводства [Текст] / Т. И. Джелали // Юристъ-Правоведъ. - 2004. - № 1(8).
 6. Малов, А.А. Состояние законности и проблемные аспекты применения мер государственной защиты к потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства [Текст] / А.А. Малов, А.А. Тимошенко. - М.: Генеральная Прокуратура РФ, 2008.
 7. Малько, А.В. Правовое государство (лекция) [Текст] / А.В. Малько // Правоведение. Известия вузов. - 1997. - № 3.
 8. Сальников, М.В. Право и закон в правовом государстве [Текст] // Правоохранительная деятельность и правовое государство / М. В. Сальников. - СПб., 1995.

УДК 343.13

Е. А. Струкова, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются понятие, сущность и некоторые особенности реализации процедуры официального предупреждения в зарубежных странах. Автор кратко указывает на преимущества использования данного института как альтернативного способа разрешения конфликтов в системе уголовного судопроизводства современной России.

В Концепции судебной реформы 24 октября 1991 г. и в Конституции РФ 1993, затем в УПК РФ 2001г. была отражена идея переустройства уголовного процесса на демократических и гуманистических началах. Упрочение принципа состязательности сторон судопроизводства, расширение диспозитивного метода правового регулирования обусловили вариативность путей и способов разрешения различных правовых конфликтов. В УПК РФ закреплена идея о разрешении уголовно-процессуальных конфликтов путем компромисса, прямым следствием которой является упрощение и ускорение судопроизводства. Это же стремление можно проследить и в недавних изменениях уголовно-процессуального законодательства от 4 марта 2013 года, касающихся введения дознания в сокращенной форме. Однако до сих пор многие вопросы, связанные с альтернативными способами разрешения конфликтов, в отечественной теории и практике уголовно-процессуальной деятельности являются предметом дискуссий, а некоторые еще недостаточно исследованы. К примеру, не секрет, что в современном российском правовом поле появился и активно развивается такой популярный в зарубежных странах способ разрешения конфликтов как

медиация. Современная отечественная наука уголовно-процессуального права подробно обсуждает возможности использования данной процедуры при разрешении уголовных дел [6, С. 127; 8, С. 135]. К сожалению, данный вопрос до сих пор представляет интерес преимущественно для теоретиков уголовно-процессуального права. Существующие в рамках отечественной системы уголовного судопроизводства процедуры особого порядка и досудебного соглашения о сотрудничестве, а также институт примирения сторон не всегда являются эффективными и достаточно гибкими способами разрешения конкретных конфликтов. Так, в 2011 году в областные и равные им суды по первой инстанции поступило 3,7 тыс. уголовных дел в отношении 6,5 тыс. лиц. Количество прекращенных производств по уголовным делам составило 1 % от общего числа оконченных производством уголовных дел. Что же касается применения особого порядка, то процедура, предусмотренная гл. 40 УПК РФ применялась при рассмотрении по существу 481 дела. Из них при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) рассмотрено 329 дел, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) – 152 дела. Несколько иная ситуация складывается при рассмотрении уголовных дел районными судами. С прекращением производства по делу рассмотрено 11, 9% от общего количества разрешенных уголовных дел. Особый порядок производства районными судами применялся в 58,8 % случаях. Из них при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) рассмотрено 99,6% уголовных дел; при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) – 0,4 % уголовных дел [3]. Таким образом, не сложно увидеть явную тенденцию значительного увеличения количества упрощенных способов разрешения уголовно-процессуальных конфликтов при снижении тяжести рассматриваемых уголовных дел. В связи с этим, возникает вопрос. Если более половины уголовных дел рассматриваются в особом порядке, а каждое десятое дело в районном суде прекращается - есть ли смысл в судебном разрешении подобных конфликтов? Возможно ли разрешить их альтернативными способами? Если да, то какой из них окажется наиболее эффективным?

Одной из самых распространенных форм альтернативного разрешения конфликтов в английском судопроизводстве является вынесение официального предупреждения. В силу прецедентной системы права, на законодательном уровне детально данный институт не урегулирован.

В 70-е годы институт официального предупреждения получил распространение исключительно как элемент системы ювенальной юстиции. Первоначально официальное предупреждение применялось в отношении несовершеннолетних. Так в 1995 году на территории Англии и Уэльса было вынесено 120.000 официальных предупреждений в отношении лиц до 18 лет. В настоящее время около 20% уголовных дел в отношении совершеннолетних разрешаются с применением данного альтернативного способа, минуя традицион-

ные уголовно-процессуальные процедуры [4, С. 61-62].

Сущность данного института заключается в том, что полиция, не желая оставлять преступление безнаказанным и не считая необходимым возбуждать уголовное преследование, официально предупреждает несовершеннолетнего под расписку родителей. Предупреждение заносится в полицейский архив. При совершении лицом нового преступления в пределах трех лет или достижения восемнадцатилетнего возраста уголовное преследование становится неизбежным, так как официальное предупреждение может применяться к одному и тому же лицу не более одного раза. Суд при назначении наказания рассматривает официальное предупреждение как предыдущую судимость [4, С. 60-61].

Обязательным условием для применения официального предупреждения является собственное признание соответствующим лицом своей вины. Официальное предупреждение может быть объектом судебного контроля. Если в результате проверки выявятся нарушения - предупреждение аннулируется. Существенный недостаток официального предупреждения - слабая защита прав потерпевшего, так как в качестве обязательного условия возмещения вреда не рассматривается; полиция не может использовать меры принуждения по этому поводу; и мнение потерпевшего по вопросу освобождения лица от уголовного преследования не является обязательным.

Потерпевший имеет право обжаловать решение полиции о применении официального предупреждения, т.е. официальное предупреждение может быть объектом судебного контроля.

В 1990г Министерство внутренних дел Великобритании издало Циркуляр, которым утвердило Национальные стандарты применения предупреждений. По данному законодательству полиция имела право применять официальное предупреждение и в отношении совершеннолетних [4, С.59].

Институт официального предупреждения имеет сходство с «неформальным предупреждением». Смысл последнего в том, что несовершеннолетний предупреждается о недопустимости подобных действий, не предпринимая при этом никаких правоохранительных мер, следовательно, не возникает реальной правовой альтернативы [5, С. 103-113].

Л.В. Головки поднимает проблему: « не является ли применение полицией предупреждения, которое при определенных обстоятельствах может рассматриваться в качестве квазисудимости, нарушением принципа презумпции невиновности» [4, С.62]. Национальный стандарт говорит о том, что предупреждаемое лицо с точки зрения презумпции невиновности остается невиновным.

Таким образом, официальное предупреждение предотвращает рост криминальных карьер, снижает загруженность судов и финансовые затраты. Возможно, введение данного института в нашей стране сыграло бы положительную роль в совершенствовании системы уголовного судопроизводства России.

Список литературы

1. Конституция РФ [Текст]: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года]. – М.: Элит, 2010. – 25 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (в ред. от 04.03.2013) [Текст]. – М.: Кодекс, 2013. – 258 с.
3. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2011 году [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80&item=1239> (дата обращения: 4.04.2013).
4. Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве [Текст] / Л.В. Головкин. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 544 с.
5. Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве [Текст] / Л.В. Головкин // Правоведение. - 1998. - № 3. - С. 103 - 113.
6. Кутюков, Д.В. Медиация как альтернативный способ разрешения конфликтных ситуаций [Текст] / Д.В. Кутюков // Государство и право: теория и практика: материалы междунар. заоч. науч. конф. - Челябинск: Изд. группа «Два комсомольца», 2011. - С. 127-129.
7. Попаденко, Е.В. Альтернативные средства разрешения уголовно-правовых конфликтов: Российский и Зарубежный опыт [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Попаденко Елена Викторовна. - Краснодар: ГОУ ВПО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», 2008. - 28 с.
8. Смирнова, И.Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве [Текст] / И.Г. Смирнова // Право. - 2011. - № 3 - С. 132-136.

УДК 343.131.5

Я.Ю. Тарасюк, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА ПО НАЗНАЧЕНИЮ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье на основе анализа действующего законодательства, правоприменительной практики и научных работ рассматриваются основные проблемные вопросы правовой регламентации профессиональной деятельности адвоката по назначению судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве и предлагаются пути их решения.

В рамках нашего исследования хотелось бы поговорить о таком субъекте уголовного процесса, как о защитнике. Защитник-лицо, осуществляющее в установленном УПК порядке защиту прав и интересов, подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (ч.1 ст.49 УПК). В Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях,

предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ст.48 Конституции РФ).

Закон предоставляет защитнику широкие возможности для реализации своих процессуальных прав в уголовном судопроизводстве. Однако более подробно остановимся на вопросах, касающихся правовой регламентации профессиональной деятельности адвоката по назначению судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве.

В целом, законодатель определил ряд признаков, характерных для проведения судебной экспертизы в уголовном процессе. Важно, во-первых, то, что судебная экспертиза назначается и проводится в тех случаях, когда необходимо получить ответы на вопросы, разрешение которых требует специальных знаний. И, во-вторых, то, что судебная экспертиза представляет собой исследование.

Предоставление стороне защиты широкого спектра прав при назначении и производстве экспертиз (ст. ст. 198, 206 и 207 УПК РФ) следует признать важной новеллой современного уголовно-процессуального законодательства, но, как показывает практика, само по себе наличие соответствующих профессиональных прав у адвоката-защитника далеко не всегда гарантирует их соблюдение.

Действительно действующий закон (ст.ст.53, 198 УПК РФ) предусматривает права подозреваемого (обвиняемого) и его защитника при назначении и производстве судебной экспертизы, в частности: знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, заявлять отвод эксперту, ходатайствовать о производстве экспертизы в другом учреждении, другим экспертом, о внесении в постановление, о назначении экспертизы дополнительных вопросов эксперту, с разрешения следователя присутствовать при производстве экспертизы, давать объяснения эксперту, знакомиться с заключением эксперта, а также с протоколом допроса эксперта и предъявления подозреваемому (обвиняемому) экспертного заключения.

Анализ материалов уголовных дел и результаты опросов показывают, что наиболее часто в правоприменительной практике встречаются нарушения права адвоката-защитника на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы при назначении и проведении экспертизы (п. 1 ч. 1 ст. 198 УПК РФ) [5].

Несвоевременное ознакомление защитника с постановлением следователя о назначении экспертизы в последнее время приобрело широкомасштабный характер. В такой ситуации защита не имеет возможности своевременно заявить ходатайства, поставить перед экспертом свои вопросы, присутствовать

при необходимости при экспертном исследовании и давать эксперту пояснения, необходимые для обеспечения объективности его выводов. Защитник лишается также возможности реализовать свое право на получение информации о ходе расследования, на заявление отвода экспертам или ходатайства о поручении производства экспертизы другому эксперту или в другом экспертном учреждении. Ходатайства защиты об исключении таких экспертиз из судебного разбирательства как полученных с нарушением требований уголовно-процессуального закона суды, как правило, отклоняют. Чаще всего они ссылаются на отсутствие самого нарушения или на отсутствие связи допущенных следователями нарушений закона с ущемлением прав стороны защиты.

Большинство адвокатов указывают, что неоднократно знакомились с постановлением о назначении судебной экспертизы одновременно с заключением эксперта, в связи, с чем права, предоставленные им ст. 198 УПК РФ, были нарушены. Представляется возможным то, что данное формальное несоответствие должно быть обязательно устранено законодателем.

Необходимо также отметить, что судебная экспертиза иногда назначается до появления при производстве по делу фигуры подозреваемого. Как правило, это экспертизы, направленные на установление причин смерти, степени тяжести причиненного вреда здоровью, а также экспертизы, направленные на раскрытие преступления (дактилоскопические, трасологические и т.п.). В силу этого обстоятельства подозреваемый и его защитник по объективным причинам не могут быть ознакомлены с постановлением о назначении соответствующих экспертиз до их проведения.

Тем не менее, представляется, что вышеприведенные объективные обстоятельства не могут служить основанием для ограничения адвоката-защитника и его подзащитного в реализации их прав, предусмотренными ст. 198 УПК РФ. Из смысла положений ст. ст. 11, 195 и 198 УПК РФ вытекает, что следователь обязан ознакомить представителей стороны защиты с постановлением о назначении экспертизы именно до ее проведения. Эта позиция подкрепляется как мнением большинства исследователей соответствующей проблематики [6], так и мнением Конституционного Суда РФ, изложенным в Определениях от 18 июня 2004 г. № 206-О [2] и от 15 ноября 2007 г. № 762-О-О [3].

В связи с вышесказанным хотелось бы отметить, что в тексте ст. 198 УПК РФ должен быть закреплен процессуальный механизм, позволяющий реализовывать соответствующие права в том случае, если подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший не были по различным причинам ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы до ее проведения. При этом необходимо также учесть то, что в силу наличия у стороны защиты права на постановку вопросов эксперту, которое уже невозможно реализовать, оно фактически трансформируется в право требовать проведения дополнительной или

повторной экспертизы. А, следовательно, в тексте закона должна найти свое отражение обязанность следователя проводить соответствующие экспертизы в подобных случаях.

Невыполнение следователем обязанности по ознакомлению стороны защиты с постановлением о назначении судебной экспертизы является прямым и грубым нарушением не только Уголовно-процессуального кодекса, но и Конституции РФ, т. е. нарушением принципа законности уголовного судопроизводства.

Важно подчеркнуть, что защитник должен следить за своевременностью сообщения подозреваемому о назначении экспертизы и за сообщением ему о результатах ее проведения. Следователь в свою очередь, не вправе скрывать факт назначения и проведения экспертизы, какими бы «тактическими соображениями» это не было вызвано. А также он должен быть убежден в компетентности эксперта, так как опытный защитник всегда разберется в этом вопросе и заявит отвод эксперту.

В адвокатской практике имели место случаи удовлетворения судом ходатайств о признании недопустимыми и исключении доказательств на том основании, что лицо, произведшее судебную экспертизу, не состояло в штате учреждения, которому было поручено ее производство.

Следует сказать, защитник и обвиняемый обладают не только правом знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, но и с теми материалами, которые на экспертизу предоставляются. Несмотря на то, что такое указание в УПК РФ отсутствует, правовой статус защитника и обвиняемого позволяет осуществлять защиту любыми не противоречащими закону способами, а значит, знакомиться с материалами, предоставляемыми эксперту на исследование. Вместе с тем отметим, что для закрепления в тексте УПК РФ надлежащего механизма реализации профессиональных прав адвоката-защитника необходимо закрепить в тексте п. 1 ч. 1 ст. 198 УПК РФ право адвоката-защитника на ознакомление с материалами, предоставляемыми в распоряжение эксперта.

Одним из важнейших профессиональных прав адвоката-защитника среди перечисленных в ст. 198 УПК РФ является право ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту. Важность данного права очевидна, т.к. его реализация способствует всестороннему установлению обстоятельств дела при проведении экспертизы. Тесно примыкает к вышеприведенному праву и право на заявление ходатайств о назначении повторной либо дополнительной экспертизы, предусмотренное ст. ст. 206 и 207 УПК РФ.

Результаты опросов показывают, что эти ходатайства, как правило, оставляют без удовлетворения. Адвокаты указывают на то, что неоднократно сталкивались с отказом следователя внести предлагаемые вопросы в постанов-

ление о назначении экспертизы либо с отказом назначить повторную или дополнительную экспертизу, несмотря на то что обстоятельства, об установлении которых они ходатайствовали, имели существенное значение для разрешения соответствующего уголовного дела. На сложности при реализации рассматриваемого профессионального права неоднократно указывалось в научных трудах [4].

Представляется, что в настоящее время адвокату-защитнику следует заявлять соответствующие ходатайства со ссылкой на положения ч. 2 ст. 159 УПК РФ, согласно которой ему не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действиях, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, имеют значение для данного уголовного дела.

Не менее проблемным представляется и вопрос о практической реализации профессионального права адвоката-защитника на ознакомление с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

В литературе неоднократно отмечалось, что право защитника знакомиться с определенными родами документов предполагает обязанность следователя (дознавателя и др.) после составления такового предоставить защитнику возможность по крайней мере один раз осмотреть и прочитать весь текст названного заключения. Вместе с этим, в УПК РФ прямо не предусматривается право адвоката-защитника на снятие копий с соответствующих документов, хотя в силу положений п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и п. 6 ч. 3 ст. 6 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" [1] (далее - Закон об адвокатуре) следует предполагать наличие у адвоката-защитника соответствующего права. Кроме того, в соответствии с п. 7 ч. 3 указанной статьи адвокат вправе совершать иные действия (помимо перечисленных в ч. 3 ст. 6), не противоречащие законодательству Российской Федерации.

Таким образом, следует прийти к выводу о том, что в положениях УПК РФ и Закона об адвокатуре имеются нормативные основания для снятия адвокатом-защитником копий с заключения эксперта, сообщения о невозможности дать заключение и протокола допроса эксперта. При этом адвокаты, как не раз уже отмечалось в ходе проводимых опросов, утверждают, что со стороны должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, им неоднократно отказывалось в предоставлении возможности снять копию с заключения эксперта и (или) протокола допроса эксперта. По этой причине ознакомление защитника с данными документами происходило только путем их прочтения, что существенным образом ограничивало сторону защиты в возможности выявлять недостатки и нарушения, допущенные при производстве судебной экспертизы.

В целях снятия проблемных вопросов, возникающих в правопримени-

тельной практике, и в целях обеспечения полноценной реализации профессионального права адвоката-защитника представляется необходимым закрепление в п. 6 ч. 1 ст. 198 УПК РФ права адвоката-защитника на копирование соответствующих документов, полученных следователем в результате проведения судебной экспертизы.

В виду этого, внесение в текст УПК РФ вышеназванных изменений и дополнений будет гарантировать представителям стороны защиты соблюдение их процессуальных прав, предусмотренных ст. ст. 198 и 206 - 207 УПК РФ.

По результатам исследования необходимо сказать о том, что особенно важным как для подзащитного, так и для объективности следствия в целом, является участие защитника при назначении, а иногда и проведении экспертизы. Поскольку, защитник может обнаружить, что производство экспертизы поручено лицу, принимавшему участие в осмотре места происшествия в качестве специалиста, что является основанием для его отвода (ч.2 ст.62 УПК РФ). Однако далеко не вся профессиональная деятельность адвоката-защитника реализуется на практике, к сожалению. Ответы на возникающие вопросы не всегда можно найти в уже имеющейся теории уголовного процесса. А это значит, что необходимо введение нового процессуального механизма, который позволил бы устранить имеющиеся пробелы в правовой регламентации профессиональной деятельности адвоката по назначению судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Текст]: [федер. закон от 31 мая 2002 г.] // Собр. законодательства РФ. – 2002. - № 63.
2. По жалобе гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав статьями 195, 198 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 206-О // Режим доступа: Доступ из Справ.-прав. сист. «Консультант Плюс». Дата обновления: 23.03.2013.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Донгака Шолбана Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 53, 86, 195 и 207 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 762-О-О // Режим доступа: Доступ из Справ.-прав. сист. «Консультант Плюс». Дата обновления: 23.03.2013.
4. Ильина, Е.Р. Оценка заключения судебно-медицинского эксперта по уголовным делам [Текст] / Е.Р. Ильина, В.В. Сергеев, А.А.Тарасов.- М.: Юрлитинформ, 2008.- 224 с.
5. Лазарева, В.А. Процессуальная регламентация обеспечения прав потерпевшего и обвиняемого при проведении судебной экспертизы нуждается в совершенствовании [Текст] / В.А. Лазарева. - М.: Проспект, 2009.
6. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение [Текст] / С.А. Шейфер. - М., 2004.

УДК 393.985

С.М. Толмачева, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МИКРООБЪЕКТОВ

В статье говорится о проблемных вопросах, технико-криминалистического исследования микрообъектов с точки зрения теоретического и практического подходов. Особо подчеркивается значимость алгоритмизации работы с микрообъектами, создания специализированных методик их предварительного исследования, а также возможности повышения квалификации работников следственных и экспертно-криминалистических подразделений в указанной сфере деятельности.

Проблема использования микрообъектов в качестве вещественных доказательств весьма актуальна на сегодняшний день. Однако лишь в последние десятилетия микрообъекты стали широко использоваться в следственной практике. Это связано, прежде всего, с современными достижениями науки и техники, а также совершенствованием на этой основе криминалистических средств и методов, направленных на качественное исследование микрообъектов и получение на их основе криминалистически значимой информации.

Микрообъекты - это материальные объекты, которые, так или иначе, связаны с событием преступления. Однако поиск, обнаружение, изъятие и исследование этих объектов ввиду малых размеров и массы затруднительны или невозможны невооруженным глазом. Эти действия могут быть осуществлены с помощью специальных технических средств, обеспечивающих возможность работы с малыми количествами вещества.

Микрообъекты, по нашему мнению, можно отнести к категории особого вида вещественных доказательств, исходя из их специфических свойств и качеств. Тем не менее, их исследование и использование в процессе доказывания вполне может осуществляться наряду с традиционными видами вещественных доказательств.

Использование микрообъектов в расследовании преступлений широко использовалось в конце 70-х., начале 80-х. гг XX в. С этого времени судебная экспертиза микрообъектов доказала свою необходимость и эффективность. Примерно в 63,9% случаев такие экспертизы сыграли решающую роль в установлении и изобличении преступников, в то время как результаты дактилоскопических экспертиз лишь в 23,2%, трасологических - в 33,3% случаев. [2, с. 15-1]

Начиная с 90-х годов XX в., и по настоящий период времени практические работники довольно редко прибегают к поиску и использованию микрообъектов в раскрытии и расследовании преступлений. Ученые вновь обращают внимание

на важность и перспективность исследования проблемы микрообъектов . [1, с. 128-130] Их утверждения абсолютно правомерны, потому что при расследовании преступлений сотрудникам правоохранительных органов часто приходится сталкиваться с отсутствием на месте происшествия традиционных следов, и далеко не всегда удается обнаружить явные вещественные доказательства. В данном случае обнаружение и изъятие микрообъектов приобретает особую важность. Использование этих объектов в качестве вещественных доказательств возможно только при четком соблюдении правил и соответствующих тактико-технических приемов или алгоритмов.

Обобщение следственной и экспертной практики в различных регионах Российской Федерации доказывает отсутствие должного внимания, к этому виду вещественных доказательств со стороны ученых и работников следственных и экспертных подразделений. Исследование показало, что по многим преступлениям при проведении осмотра места происшествия не были приняты меры по обнаружению микрообъектов, хотя из материалов уголовных дел такая необходимость усматривалась более чем в 60% случаев. Такая же картина и при производстве такого следственного действия как освидетельствование, где в 30% случаев была необходимость провести освидетельствование с целью установления на подозреваемом лице микрообъектов, имеющих отношение к событию преступления. [3, с. 5]

Учитывая прикладной характер науки криминалистики, можно сказать, что любое теоретическое положение должно быть направлено на совершенствование практической деятельности органов предварительного расследования, а любая научная разработка в этой области посвящена выработке практических рекомендаций, т.е. алгоритмов работы участников следственно-оперативной группы с микрообъектами с целью повышения розыскной и доказательственной значимости информации, заключенной в них.

Вместе с тем, несмотря на достаточно пристальное внимание со стороны ученых к вопросам использования микрообъектов, до сегодняшнего дня эта проблема во многом остается нерешенной как в теории, так и в практической деятельности следственных и экспертных подразделений.

В.Н. Косарев и И.В. Макогон, справедливо отмечают, что криминалистическая литература, посвященная микрообъектам, в большей степени ориентирована на разработку методов экспертного исследования. При этом не уделяется должного внимания комплексному изучению технологии использования микрообъектов в качестве доказательств и разработке тактических алгоритмов действий по их обнаружению и исследованию. Открытыми остаются вопросы предварительного исследования микрообъектов, порядка и процедуры их приобщения к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, использования результатов всех видов исследований, а не только экспертных. Не решены и классификационные основы отграничения микрообъектов от всех других следов преступления, что не может не

сказаться на качестве работы следователя, специалиста-криминалиста и эксперта в процессе раскрытия и расследования преступлений. [3, с. 6-7]

В настоящее время, в условиях постоянного роста преступности, нельзя не обойти стороной проблему алгоритмизации работы с микрообъектами. Решение данной проблемы нам видится в создании условий для обучения и повышения квалификации работников следственных и экспертно-криминалистических подразделений и практическом подкреплении полученных знаний на основе многократного выполнения последовательного комплекса действий, направленных на выявления, фиксацию и изъятие микрообъектов, а также их последующего экспертного исследования. К сожалению, на сегодняшний день основные навыки работы с микрообъектами следственный работник или эксперт развивает на рабочем месте, методом проб и ошибок. Тем не менее, планомерная и качественная подготовка специалистов в области исследования микрообъектов, позволит оказать благоприятное воздействие на развитие теоретических знаний в данной области, а также разработку соответствующих тактико-технических средств.

Список литературы

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня [Текст] / Р.С. Белкин. - М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА • М), 2001. - 240 с.
2. Бибииков, В.В. Микрообъекты в раскрытии и расследовании преступлений [Текст] / В.В. Бибииков. – М.: Юридическая литература, 1985. – 196 с.
3. Косарев, В.Н. Тактические алгоритмы работы с микрообъектами в процессе расследования преступлений [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Косарев, В.И. Макогон; ВолГУ, Урюпинский филиал. - Волгоград: Изд-во. ВолГУ, 2005. - 120 с.

УДК: 343.983

А.Л. Труфанова, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

СУБЪЕКТИВНЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛИГРАФА

Статья посвящена выявлению субъективных ошибок при проведении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа. Автор приводит примеры из практики. В статье предлагаются возможные способы решения выявленных субъективных ошибок при проведении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа.

Актуальность использования полиграфа при проведении психофизиологической экспертизы на сегодняшний день обусловлена довольно широкой

распространенностью применения соответствующего метода для получения криминалистически значимой информации. Данный метод давно апробирован и получил признание среди весьма широкого круга специалистов в соответствующей области.

Однако при проведении исследований с использованием полиграфа нередко возникают ошибки как объективного, так и субъективного характера.

Ошибки объективного характера во многом связаны с несовершенством законодательства, регулирующего рассматриваемую сферу деятельности, недостатками методического регулирования процедуры использования полиграфа при проведении психофизиологических исследований, проблемами организационно-тактического характера и т.д.

Также обращает на себя внимание и тот факт, что множество психофизиологических исследований проводится негосударственными экспертными учреждениями и частнопрактикующими специалистами-полиграфологами, имеющих зачастую довольно низкую квалификацию.

На наш взгляд, психофизиологические экспертизы с применением полиграфа должны проводиться только государственными судебно-экспертными учреждениями (Институт криминалистики Центра специальной техники ФСБ России, Экспертно-криминалистическое управление ФСКН России и т. п.).

Остановимся подробнее на субъективных ошибках, возникающих при проведении психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа.

По нашему мнению, их можно разделить на несколько категорий.

1. Ошибки, связанные с недостаточным знанием или непониманием норм действующего законодательства, регулирующего сферу применения полиграфа в экспертной деятельности.

При этом весьма распространены случаи, когда эксперты-полиграфологи выходят за пределы своей компетенции и дают собственную оценку обстоятельствам и фактам, входящим в предмет доказывания.

Так, при производстве судебной психофизиологической экспертизы по постановлению следователя военной прокуратуры Каспийской флотилии полиграфолог (сотрудник УСТМ УВД Астраханской области) приняла к своему разрешению вопрос: «Какие действия выполнял Ч. в ночь с 14 по 15 августа 2006 г.?», сделав по результатам проведенного исследования вывод, что «гр. Ч. выполнял действия, соответствующие процессу кражи денег» [1].

Как мы видим, эксперт-полиграфолог заострил внимание на выявлении обстоятельств, установление которых является прерогативой следователя и суда. Это совершенно недопустимо, поскольку основной задачей специалиста-полиграфолога является определение относительной значимости для индивида предъявляемых стимулов с последующим решением вопроса о конкретных причинах значимости для подэкспертного того или иного стимула, а никак ни проверка и оценка достоверности сообщаемой подэкспертным информации.

2. Ошибки познавательного характера.

Следует помнить, что хотя тесная взаимосвязь между психическими и физиологическими явлениями на сегодняшний день научно доказана и не вызывает сомнений, тем не менее в отличие от работ в точных науках, она во многом носит вероятностный характер. При этом почти всегда проверка на полиграфе сопровождается сильным волнением проверяемого, что, в свою очередь, может привести к неверной интерпретации результатов экспертизы.

Как отмечает М. Яфизов, необъяснимым образом почти каждый начинает волноваться, и именно те физиологические изменения, которые происходят в организме, и становятся предметом изучения полиграфолога [2].

В данном случае важнейшую роль играет квалификация специалиста, который помимо фиксации самих результатов, выдаваемых полиграфом, должен обращать пристальное внимание на состояние подэкспертного, а также на совокупность, воздействующих на него внешних факторов. Только при соблюдении указанных требований эксперт-полиграфолог с максимальной точностью может оценить результаты психофизиологической экспертизы.

3. Субъективные ошибки, вызванные незнанием либо недостаточным уяснением сущности специализированных методик.

Весьма очевидно, что тестирование на полиграфе должно проводиться в строгом соответствии со специализированными методиками. Однако наличие соответствующих методик не гарантирует их грамотного применения при производстве судебной психофизиологической экспертизы.

Так, взявшись за производство судебной психофизиологической экспертизы по уголовным делам, полиграфолог И.В.Н., указывая в своих заключениях, что используемые им «методика тестирования и исследования, как и аппаратные, и программные средства соответствуют наивысшему достигнутому в данной области специальных знаний уровню, общепризнанным фактическим стандартам, которые апробированы в криминалистической и судебной практике», ухитрился продемонстрировать полное непонимание этих самых стандартов и даже незнание современной литературы по полиграфологии, чему доказательством стали пять запросов на рецензирование составленных им заключений, поступивших от следователей и адвокатов в главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны России только за первое полугодие 2011 г. Более того, просмотр видеозаписи проведения И.В.Н. тестирования на полиграфе одного из подэкспертных к своему заключению способен шокировать любого здравомыслящего человека: на 5-й минуте беседы с подэкспертным полиграфолог начинает набирать текст смс-сообщения, параллельно отвечает на поступивший звонок и далее на протяжении всего тестирования многократно принимает и отправляет смс-сообщения, демонстрируя явное неуважение к подэкспертному, зевает, потягивается, закуривает, сплевывает, а во время тестирования подэкспертного на по-

лиграфу - еще и постоянно отвлекается, чтобы (деликатно выражаясь) прочистить носовые полости [1].

Данный пример показывает, что при производстве экспертных исследований с использованием полиграфа остро встает вопрос о возможности установлении контроля за деятельностью соответствующего эксперта. При этом наиболее целесообразным представляется ведение именно видеоконтроля, который позволит реально оценить действия конкретного эксперта-полиграфолога особенно в части применения им соответствующих научно-методических разработок.

Однако применение видеозаписи при проведении судебных экспертиз действующим законодательством не предусмотрено, что, безусловно, затрудняет возможность контролировать деятельность эксперта-полиграфолога в каждом конкретном случае.

4. Субъективные ошибки, возникающие вследствие недостаточного изучения личностных особенностей подэкспертного и решения вопроса о возможности его участия в данном экспертном исследовании.

Квалифицированный эксперт-полиграфолог обязан знать следующий перечень ситуаций, при которых производство судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа является недопустимым:

1. физическое или психологическое истощение исследуемого лица;
2. наличие у исследуемого лица психического расстройства или фазы обострения заболевания, связанного с нарушением деятельности сердечно-сосудистой либо дыхательной системы;
3. нахождение исследуемого лица в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;
4. регулярное употребление исследуемым лицом сильнодействующих лекарственных препаратов или психоактивных веществ;
5. наличие у исследуемого лица болевого синдрома, связанного с обострением какого-либо заболевания.
6. нахождение женщины во второй половине периода беременности.
7. если возраст исследуемого лица менее 14 - 18 лет [3].

Если выявление 3, 6 и 7 признаков для полиграфолога, не имеющего медицинского образования, не составит особого труда, то определение остальных признаков данным специалистом будет весьма затруднительным.

К счастью, данный вид субъективных ошибок встречается нечасто.

Таким образом, с целью недопущения субъективных ошибок при производстве психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа, считаем нужным внести ряд предложений:

во-первых, необходимым представляется установление постоянного государственного мониторинга за деятельностью и квалификацией экспертов-полиграфологов, производящих соответствующие экспертные исследования;

во-вторых, создать условия для возможности наиболее полной и адекватной оценки деятельности конкретного эксперта-полиграфолога за счет применения средств видеозаписи;

в-третьих, проведение судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа должно быть отнесено только к компетенции государственных судебно-экспертных учреждений.

Список литературы

1. Комиссарова, Я.В. О типичных ошибках при производстве судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа [Текст] / Я.В. Комиссарова // Эксперт-криминалист. - 2012. - № 1. - С. 19 - 23.
2. Яфизов, М. Детектор лжи при приеме на работу: эффективность или этичность? [Текст] / М. Яфизов // Консультант. - 2011. - № 19. - С. 79 - 82.
3. Иванов, Р.С. Общая оценка пригодности исследуемого лица к применению полиграфа [Текст] / Р.С. Иванов // Юридическая психология. - 2011. - № 2. - С. 22-24.

УДК 343.16

Д.О. Чистилина, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена проблеме обеспечения независимости суда. Автор исследует и анализирует степень самостоятельности судей при принятии решений.

Независимость суда является главным аспектом функционирования судебной системы. Всегда признавалось, что действительное обеспечение независимости суда способствует вынесению объективного, беспристрастного и справедливого приговора в уголовном процессе.

При этом создание независимого суда невозможно без наделения независимостью судей. Во-первых, судьям предоставляются определенные материальные и социальные гарантии, а также организационно-технические, которые выражаются в неприкосновенности судей, их несменяемости и особом порядке наделения полномочиями. Во-вторых, судьи свободны в принятии решения, которое не зависит от мнения окружающих. Любое давление на судью является незаконным.

Принцип независимости судебной власти базируется на нормах и принципах международного права, также он закреплен в Конституции РФ и феде-

ральном законодательстве. Гарантии независимости, содержащиеся в данных актах, способствуют осуществлению правосудия беспристрастно и профессионально. Об этом, например, свидетельствует то, что суды финансируются только за счет средств федерального бюджета. При этом органы судейского сообщества, которые принимают решения по поводу организации деятельности судей и суда в целом, финансируются исключительно Судебным департаментом при Верховном суде РФ.

Также в этом вопросе свою лепту внесла правовая система, сложившаяся в России. В нашей стране не признается судебный прецедент. Таким образом, судьи не связаны решениями друг друга по похожим делам. Данный факт предоставляет им возможность разрешать дело по собственному убеждению, но при этом не стоит забывать, что при принятии решения судья должен руководствоваться действующим законодательством.

Что касается хода уголовного процесса, то судья обязан придерживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса, уважительного отношения к ним. В его обязанности входит оценка фактических и правовых обстоятельств дела. Кроме того, судье следует проинформировать участников процесса о любых устных либо письменных обращениях непроцессуального характера, поступивших к нему в связи с рассмотрением конкретного дела, а также о наличии обстоятельств, могущих поставить его в ситуацию конфликта интересов [1].

Кроме того, любая критика в отношении действий (бездействий) судей, судебных органов и органов судейского сообщества, за исключением случаев нарушения закона, не могут быть предметом самостоятельного судебного разбирательства в порядке гражданского судопроизводства. Ведь в противном случае это означало бы незаконное вмешательство судьи в профессиональную деятельность своих коллег и нарушение принципа независимости судей [2].

Немаловажной гарантией обеспечения беспристрастности и объективности судей является тайна совещательной комнаты, которая исключает возможность постороннего воздействия на судей и гарантирует неразглашение сведений о позиции судьи при коллегиальном рассмотрении дела.

Решение, которое принял по уголовному делу судья, должно соответствовать установленной законом процессуальной форме и быть мотивированным. По этому поводу четко выразил свое мнение Европейский Суд по правам человека, указав, что «при некоторых обстоятельствах право на справедливое разбирательство налагает на суд обязательство мотивировать свое решение». В дальнейшем это окажет значительное влияние для осуществления права на обжалование [3].

Однако положение о соблюдении принципа независимости судей адресовано скорее к государственным органам и общественным организациям, должностным лицам и гражданам, поскольку им запрещается оказывать на судей

воздействие, навязывать им определенные решения. Судьи при этом сами должны осознавать свой особый статус и противостоять всем посторонним воздействиям, от кого бы они ни исходили [4]. Стоит отметить, что это не всегда возможно, поэтому зачастую возникают определенные проблемы соблюдения принципа независимости. Любой человек не в состоянии абсолютно отстраниться от окружающего мира. В данном случае все зависит от осознания судьей своего предназначения.

Не стоит отрицать, что самостоятельность системы предполагает осуществление внутри неё процессов управления. Управление судебной системой может быть внешним и внутренним. Внешнее управление выражается в принятии законодательной властью решений, порождающих правовые последствия для организации и функционирования судопроизводства. Больше всего это касается порядка назначения судей Президентом РФ по представлению председателя суда. С одной стороны, это является определенным фильтром при назначении, а с другой стороны, вмешательством Президента в дела судов. Однако механизм выборов судей тоже не совсем удачен, так как люди, многие из которых юристами не являются, будут основывать свой выбор на принятых судьей решениях без учета его квалификации и профпригодности. В итоге это превратится в простую формальность. Внутреннее управление заключается в воздействии судов вышестоящего уровня на нижестоящие, сюда же входят и управленческие отношения, субъектом которых являются руководители судебных органов всех уровней. Зачастую судьи опасаются отмены собственных приговоров вышестоящими судами, поэтому количество дел, возвращенных прокурору по ст. 237 УПК РФ растет. Жалобы прокуроров по этому вопросу в большинстве случаев не удовлетворяются. Причиной тому является сугубо формальный подход вышестоящих инстанций к пересмотру решений нижестоящих судов. Хотя в Постановлении Конституционного суда РФ от 08.12.2003 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ» подчеркнуто, что важной функцией уголовного правосудия должно быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего, а все прочие обнаруженные нарушения должны быть устранены судом самостоятельно. Таким образом, судьи, скорее, перестраховываются, что вызывает множество проблем у правоохранительных органов.

Безусловно, руководство любой системой, в том числе и судебной, необходимо, в противном случае это приведет к хаосу, однако осуществление его специально созданным органом нецелесообразно и будет являться незаконным вмешательством в дела судов. Сложившаяся система руководства, на наш взгляд, наиболее удачна. Основная проблема заключается не в механизме руководства, а в сознании судей, так как иногда им приходится действовать в угоду председателю суда для карьерного роста. Если деятельность судьи будет на-

правлена лишь на справедливое вершение правосудия, а это, в свою очередь, получит заслуженную оценку со стороны председателя суда, то такой процесс будет называться, скорее направлением, а не управлением [5].

Важной гарантией независимости является и то, что судья, рассматривающий дело, не может участвовать в ходе предварительного следствия. Данное положение рационально, так как будет способствовать объективному принятию решения. Здесь целесообразно введение фигуры следственного судьи, которая существовала у нас ранее, а сейчас введена в украинский уголовный процесс. Однако основная сложность заключается в кадровом обеспечении.

Таким образом, на современном этапе законодатель предоставил достаточное количество гарантий независимости судей, а, следовательно, и всей судебной системы. Однако на сегодняшний день нельзя полностью исключить постороннее влияние на убеждения судьи. Все же стоит признать, что судья должен быть зависим от закона и здравого смысла.

Список литературы

1. Кодекс судейской этики, утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012 [по состоянию на 27.12.2012] [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 21.12.2012 по делу N 11-28959 [Электронный ресурс] // Режим доступа: Доступ из справ.-прав. сист. «КонсультантПлюс». Дата обновления: 01.03.2013.
3. Моисеева, Т.В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции [Текст] / Т.В. Моисеева. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006.
4. Мосина, И.А. Независимость судебной власти как основополагающая гарантия статуса судьи [Текст] / И.А. Мосина // Администратор суда. - 2011. - № 4. - С. 26 - 29.
5. Михайловская, И.Б. Процессы управления в судебной системе [Текст]: учебное пособие / И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2012.

УДК 343.1

С.В. Щелкунов, студент юридического факультета Юго-Западного государственного университета, г. Курск

ЭВОЛЮЦИЯ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Данная статья посвящена эволюции уголовного процесса в России. В ней рассматриваются ее основные этапы, реформы и тенденция развития. Так же нашему вниманию предлагается проанализировать проблемы в данной области и указать пути решения этих вопросов, которые являются актуальными на сегодняшний день.

На современном этапе развития нашего государства ставится ряд задач, выполнение которых позволит создать правовое государство. Естественно, для этого должны выполняться все законы и нормативно правовые акты как гражданами, так и государством. И большую роль, можно даже сказать ключевую, выполняет уголовный процесс. Но и здесь имеется ряд проблем. Но как известно, чтобы понять результат сегодня, нужно обратиться к прошлому и исправить ошибки, допущенные ранее. А также нужно взять на вооружение все самое ценное и нужное нашей правовой системе.

Судебная власть, функционирующая в лице судебных органов, является одной из основных составляющих стабильности и правильного развития общества и государства. Ещё с древнейших времен наравне с традициями и обычаями начинает зарождаться судебный процесс, который основываясь на них, выносил решения по тем или иным делам. Постепенно начинают зарождаться и первые писанные нормативно правовые акты, государственные документы и кодексы. В них вносятся поправки, какие-то изменения ввиду развития государственного аппарата и его отдельных органов. Данное историческое явление не могло обойти и наше государство. Начиная, с Киевской Руси и по сей день происходит постоянное развитие судебного процесса

Первым известным нам законодательным источником русского права считается Русская Правда. Наиболее древний ее список датирован 916 г. Во времена Олега и Игоря кровная месть за убийство ничем не ограничивалась, наоборот - поощрялась как эффективное средство защиты. Наряду с кровной местью устанавливалось и самовольное возвращение похищенной вещи, коня или холопа с применением силы членами рода. Не исключалась и возможность уладить дело миром, путем переговоров старейшин общин или родов. Обоснование кровной мести состояло в том, что вред, причиненный члену рода, считается общим вредом, причиненным всему роду; последний за это и преследовал обидчика. Важным доказательством в судебном процессе являлись свидетельские показания, которые использовались и как очевидцы события, и как «пособники», которые подтверждали доброе имя истца (потерпевшего) или ответчика (обвиняемого). Суд прибегал и к таким доказательствам, как «ордалии» (испытание раскаленным железом - «огнем» или водой) и поле (судебный поединок). Исследуя результаты испытания, суд учитывал степень и распространенность ожога, последствия кратковременного погружения в воду или судебного поединка и с учетом других доказательств принимал решение.

В период объединения русских земель суд приобретает несколько новые черты. Суд и расследование, если характеризовать эти институты обобщенно, все больше становилась вотчинной юстицией. Местные феодалы стремились сосредоточить в своих руках как можно больше административной и судебной власти. Уголовный процесс проводился традиционно по правилам Русской Правды с добавлением собственного усмотрения и произвола судьи-феодала.

Образование централизованного Русского государства завершилось на рубеже XV и XVI вв. Требовалось усиление царской власти. Принятые Судебник 1497 г., Судебник 1550 г. служили указанной цели. Сопоставление текстов этих законодательных актов показывает, что организация суда и розыска имела много общих положений, унаследованных от прежних эпох. Но достаточно ярко проявилась начавшаяся еще ранее тенденция превращения состязательного уголовного процесса в розыскной.

Петр I свои реформы по преобразованию административной и судебной власти начал с введения губернского и уездного деления территории. В губерниях административную и судебную власть возглавляли губернаторы, а в уездах - обер-коменданты, которых назначали губернаторы «по своему разумению из годных и умных людей». В 1718 г. Петром была предпринята попытка по примеру Швеции отделить судебную власть от административной. В виде опыта первоначально это было сделано в Санкт-Петербургской губернии, а затем еще в нескольких губерниях.

В 1697г. Петром I был издан Указ «Об отмене в судных делах очных ставок, об бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», который вводил следственный процесс не только по уголовным, но и по некоторым гражданским делам. Розыском ведали сыщики. Его проводили по делам о душегубстве, обидах, бесчестии, увечьях, а также по делам о земельных тяжбах.

Но особое место в реформировании судебной системе занимает правление Александра II. Судебная реформа 1864 года – либерально преобразование царским правительством всей судебной системы и порядка гражданского и уголовного процессов в России. В числе других судебных уставов 20 ноября 1864 г. император Александр II утвердил Устав уголовного судопроизводства, а также Учреждение судебных установлений, и позднее - Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С принятием названных законодательных актов уголовный процесс в России приобрел новые качества, которые не уступали английскому или французскому уголовному процессу по возможностям, как тогда говорили, установления «материальной истины» по расследуемым и рассматриваемым уголовным делам. Следует отметить, что вместо розыскного уголовного процесса была введена смешанная форма, основанная на континентальной системе права, в которой подчеркивается подзаконность деятельности суда и отрицается возможность принятия решений судом на основе судебных прецедентов. Судопроизводство во всех судах, таким образом, строилось на единых началах с учетом места суда в судебной системе, его подсудности и компетенции при принятии решений. Вводился суд с участием присяжных заседателей.

В подведении итога, нужно сказать, что судебная власть в современном мире играет огромную роль и в построении правового государства. Российская

Федерация со своей многовековой историей имеет богатый опыт в данном аспекте, но всё же некоторые проблемы остаются нерешенными на данный период времени и ошибки не исправлены. И чем раньше мы их устраним, тем лучше для граждан и всего государства в целом.

Список литературы

1. Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права [Текст]. - СПб., 1859. - С. 1-15.
2. Верещагина, А.В. Становление и развитие уголовной юстиции в России: дореволюционный период [Текст]: монография / А.В. Верещагина. - Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009.
3. Уголовный процесс [Текст]: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. - М.: Спарк, 2002.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ПО
УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

*Материалы V-ой Международной научно-
практической конференции*

Редактор А.А. Козявин

Компьютерная верстка и макет А.М. Калущих

Подписано в печать 21.10.2013. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 26,5. Уч.-изд. л. 28,3.

Тираж 500 экз. Заказ 87.

Юго-Западный государственный университет
305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.

Отпечатано в типографии ПРИНТМАСТЕР.
305045, г. Курск, 3-й Промышленный пер., 4.